

Ю.М. БЕРЁЗКИН

**ОСНОВАНИЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТНОЙ МЕТОДОЛОГИИ**

Министерство образования и науки РФ
Байкальский государственный университет экономики и права

Ю.М. БЕРЁЗКИН

**ОСНОВАНИЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТНОЙ
МЕТОДОЛОГИИ**

Иркутск
Издательство БГУЭП
2012

УДК 161/162

ББК 1

Б48

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Байкальского государственного университета экономики и права

Рецензенты   участник методологического движения с 1978 г.
                         д-р ист. наук, проф. М.Г. Меерович
                         д-р филос. наук, проф. А.А. Атанов

Берёзкин Ю.М.

Б48 Основания деятельностной методологии / Ю.М. Берёзкин. –
Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2012. – 354 с.

ISBN 978-5-7253-2459-4

Текст книги представляет собой стенограммы семи лекций, прочитанных автором в рамках факультативного методологического семинара, организованного в Байкальском государственном университете экономики и права в 2010/11 учебном году.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов старших курсов и всех, кто интересуется проблемами мышления.

ББК 1

ISBN 978-5-7253-2459-4

© Берёзкин Ю.М., 2012

© Издательство БГУЭП, 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
1. ОТЛИЧИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО (ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО) ПОДХОДА ОТ НАУЧНОГО И ФИЛОСОФСКОГО	5
2. РАЗЛИЧИТЕЛЬНОСТЬ КАК ПЕРВАЯ ОПЕРАЦИЯ МЫШЛЕНИЯ ..	54
.....	
3. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ФОРМИРУЮЩЕГОСЯ МЫШЛЕНИЯ	105
4. РЕФЛЕКСИЯ: ФЕНОМЕНАЛЬНО-СМЫСЛОВОЕ ВВЕДЕНИЕ И ОБЗОР ИСТОРИЧЕСКИХ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ	161
5. МЕХАНИЗМЫ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ	201
6. ПОНИМАНИЕ КАК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА	255
7. КАТЕГОРИИ – ИСХОДНЫЕ ФОРМЫ МЫСЛИ	299
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	345

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данный текст представляет собой стенограммы семи лекций, прочитанных автором в рамках факультативного методологического семинара, организованного в Байкальском государственном университете экономики и права в 2010/11 учебном году. Это не первая попытка подобного рода. Одна из предыдущих была оформлена в текст книги «Семь прикосновений к методологии» (Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2010. – 257 с.). Замысел данного цикла занятий (в отличие от прошлых) состоял в том, чтобы дать слушателям семинара некоторый систематизированный набор исходных представлений, заложенных в основания деятельностной (и системо-деятельностной) методологии, разрабатываемой на протяжении полувека (с 1956 г.) очень многими людьми в Московском методологическом кружке (ММК), создателем и бессменным лидером которого (вплоть до своей кончины) был выдающийся мыслитель современности Георгий Петрович Щедровицкий (1929 – 1994 гг.).

Идея проведения такого «методологического ликбеза» для участников семинара (а это в основном были продвинутые студенты старших курсов, аспиранты и молодые преподаватели БГУЭП) у меня возникла после трёхлетних обсуждений с ними разных тематизмов с использованием методологического инструментария. Каждый раз я сталкивался с тем, что, несмотря на определённые собственные усилия участников семинара по освоению методологического наследия ММК, несмотря на мои усилия в направлении их методологического оспособления, всё время ощущался у них большой или меньший дефицит в понимании базовых оснований деятельностного (методологического) подхода, разработанного в ММК. При этом я отлично понимал, что, в отличие от обычных учебных предметов, методологический инструментарий нельзя передать вербально, через лекционную форму занятий. Для этого нужны совсем другого типа занятия: тренинги, игры, специально устроенные методологические школы и др. Это нам ещё предстоит. А до того всё-таки пришлось сосредоточиться на азах и прочитать небольшой цикл лекций.

Что из этого получилось, что не получилось – судить читателю.

Во время лекций в обсуждениях принимали участие: Денис Анатольевич Алексеев, Ксения Васильевна Глызина, Екатерина Олеговна Горбатенко, Юлия Федоровна Долгополова, Тимур Самбуевич Даржаев, Сергей Анатольевич Дубас, Владимир Геннадьевич Жилкин, Сергей Витасович Иванкин, Людмила Васильевна Каницкая, Наталья Сергеевна Каницкая, Евгений Александрович Перов, Руслан Равильевич Поляков, Татьяна Владимировна Сорокина, Ольга Борисовна Токарская, Дмитрий Александрович Харюткин, Дмитрий Сергеевич Хаустов, Ирина Геннадьевна Хомкалова и другие. Всем им хотелось бы выразить благодарность за терпение и неподдельный интерес к той непростой мета-материи, в которую они регулярно погружались на протяжении полугода.

Особая благодарность Кулешу Владимиру Ивановичу, без спонсорской помощи которого данный текст не скоро бы увидел своих читателей.

Ю.М. Берёзкин

1. ОТЛИЧИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО (ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО) ПОДХОДА ОТ НАУЧНОГО И ФИЛОСОФСКОГО

ЮБ – Сегодня 14 октября, и у нас лекция на тему: «Особенности деятельностной методологии (в сравнении с философией и наукой)».

Моя основная задача, как я её перед собой сейчас вижу (может быть, она изменится по ходу ваших вопросов), состоит в том, чтобы показать, чем отличаются эти три интеллектуальные ориентации, которые обозначены на рис. 1.1.

К человеческому миру имеет какое-то отношение философия, к миру, тому же самому, имеет отношение наука, причем в разных своих ипостасях, и к миру, соответственно, каким-то образом относится методология. Моя задача – показать вам основные отличия методологии (имеется в виду деятельностная методология, поскольку методологии тоже бывают разные) от тех отношений, которые имеются к миру у науки и у философии.

Но если по поводу философии у вас, я думаю, есть какие-то определённые представления, и они, наверное (я так предполагаю), мало отличаются у вас, здесь сидящих, то по поводу науки дела обстоят по-другому. И прежде чем что-то говорить об отличиях, я должен немножко сказать про науку, дать некий комментарий, что я буду иметь в виду, когда я буду говорить слово «наука».

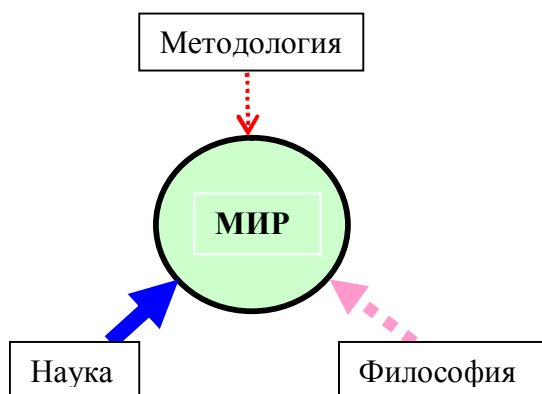

Рис. 1.1. Разные отношения науки, философии и методологии к миру

Это слово, во всяком случае, в нашем обществе, я не знаю, как там в других, но в нашем обществе оно имеет очень много разных смыслов, и далеко не всё то, что иногда люди подразумевают под словом «наука», я буду иметь в виду. Например, ребенок случайно обжётся о плиту, заплакал, мать говорит: «Вот тебе наука будет, больше не лезь к таким вещам». Подобные случаи я не буду иметь в виду. Таких случаев в быту у нас – миллион с хвостиком.

Я не буду так же подразумевать под наукой те случаи, когда, например, защищают диссертации. Вроде бы, это относится к науке, но в то же время, когда защищают диссертации, даже хорошие диссертации, это всего лишь оформление некоего результата, который получен в той или иной науке. Когда я буду употреблять слово «наука» и, соответственно, пытаться отличить ее от других интеллектуальных течений

ний, здесь обозначенных, я буду подразумевать под наукой социальный институт, сформировавшийся в Новое время. Это строго определённая вещь.

Наука существовала в том виде, в каком она существует в Новом времени, не всегда. Она ведёт свое летоисчисление, начиная с XVII века – с Декарта, Бэкона, Галилея. Они все в XVII веке работали, и они заложили основания наук Нового времени. Все остальные подобные слова, что, например, Аристотель наукой, якобы, занимался, что Леонардо да Винчи наукой занимался и так далее – это я не буду иметь в виду.

Иногда говорят, что и философы наукой занимаются. И уж, само собой, очень часто это на играх было, когда методологи пытались различить подобные вещи, участники вставали и хором или поодиночке начинали говорить: «Так вы же тоже наукой занимаетесь!»

Наука – это совершенно определённый социальный институт, который сформировался в начале XVII века. И он формировался на совершенно определённых основаниях. И когда я буду пытаться отличить деятельность методологию от науки, я буду иметь в виду именно те основания, которые были заложены классиками (я их назвал), из которых уже 400 лет наука достаточно бурно развивается.

При этом, когда я буду говорить про «общественные науки» (они тоже у нас называются науками), я их не буду иметь в виду. Вообще говоря, давно уже показано – это начало XX века, примерно, или даже, может быть, раньше, ещё в XIX веке (да, еще раньше, в XIX веке) – целым рядом крупных ученых типа Витгенштейна, Риккерта, Макса Вебера (это немцы), а также некоторыми другими, что то, что называется «общественными науками», или как у немцев это «науки о духе» (Geisteswissenschaft), науками в полном смысле слова не являются. Не являются по той простой причине, что объект или объекты изучения, с которыми имеют дело «общественные науки», радикальным образом отличаются от тех объектов, которые изначально были выделены в качестве объектов изучения естественными науками, такими, как физика, химия, биология, астрономия и так далее. Хотя мы до сих пор это называем «науками», и присуждают учёные степени специалистам в области так называемых «общественных наук», в полном смысле слова это науками не является.

Так вильнула история, и здесь особых причин не существует (я об этом еще буду говорить), так история распорядилась, что в XVIII веке Огюст Конт (был такой французский социолог-позитивист) впервые выделил так называемые «общественные объекты» изучения социологии, с которых, собственно говоря, началась эта эпопея, вот уже 300 лет длящаяся. На мой взгляд, совершенно тупиковая эпопея развития этой псевдонауки, причём в разных предметах – и экономической, и социальной, и психологической, и всех остальных, которые касаются человека и общества. Их псевдонаучность заключается в том, что их объект изучения взят по образцу естественных наук (и может рассматриваться как «псевдо-» только в том отношении).

Я сразу скажу, что в естественных науках, когда они формировались, и когда Бэкон писал свой так называемый «Новый Органон» ... У Аристотеля есть «Органон» – это то, как нужно заниматься изучением природы и мира, в частности, физики. А

Бэкон написал «Новый Органон», где заложил вот эти самые основания, на которых теперь уже построено всё гигантское здание современных естественных наук. В этих основаниях есть несколько принципиальных моментов, которые, собственно говоря, и отличают науки от ненаук.

Первое: настоящая, подлинная наука не занимается натуральным миром. Подлинные науки (я буду говорить «подлинные» – это значит, естественные науки) выделяют искусственные объекты, идеальные объекты. И выделяют они их относительно способа действия, который собираются совершать ученые, инженеры и так далее. То есть, если у нас есть некая объектная область, например, природная, то учёный в первую очередь не сюда смотрит, не в природную область. Настоящий учёный (и так это заложено в изначальных основаниях естественных наук) выделяет, как бы экстрагирует идеальные объекты (якобы отсюда, из природы, а на самом деле, формирует их за счёт мышления). И это выделение зависит от того, какой набор операций и процедур собирается совершать этот учёный по отношению к этим идеальным объектам.

Не знаю, насколько вы понимаете или не понимаете, что я имею в виду, когда говорю «идеальный объект» и, соответственно, способы работы с этими идеальными объектами, но это самое главное и самое принципиальное. «Атом», например, как идеальная конструкция, построенная Нильсом Бором и его товарищами в начале XX века, мог появиться в той форме и в том виде, в котором он сейчас во всех учебниках фигурирует, только относительно тех операций, которые собирались с этим атомом делать ученые: расщеплять его и так далее. Если бы этих операций они не собирались делать, тот же самый «атом» мог бы быть представлен совершенно в другом виде. Во всяком случае, и это уже как аксиома – всем, кто занимается философией науки, давно известно, что в природе никаких атомов и этих всех идеальных вещей нет.

Все остальные идеальные конструкции, которые существуют в химии (разного рода молекулы и так далее), тоже выделяются только относительно тех операций, которые химики с этими идеальными объектами осуществляют. Там, в химии, по сути дела, всего три базовые операции (о них мы потом еще будем говорить): разложение, наоборот, соединение, и замещение одних атомов в молекулах на другие.

Другим основанием или предположением, на котором была построена естественная наука, является то, что наука занимается инвариантами. И только! То есть неизменными объектами изучения. **Наука не предполагает изменчивости объектов.** Когда атом изучается физикой, предполагается, что он такой же сейчас, каким был и тысячу лет назад, и дальше через тысячу лет тоже с ним ничего не случится. Он неизменный. А если он меняется, то по известному закону, и эти законы тоже принимаются как неизменные.

И это принципиально важно! То есть, если какая-то интеллектуальная область деятельности сталкивается с объектами изучения, которые не соответствуют данному предположению, на которых построена и вся физика, и вся химия, и все остальные естественные науки, про которые я говорил – такая интеллектуальная деятельность относиться к науке в прямом смысле слова не может. Только как метафора. Мы в бытовой жизни можем так назвать, что угодно: если, к примеру, головой начинаешь ра-

ботать, иногда называют это тоже «наукой». Но в полном смысле слова это не является наукой.

Третьим основанием, которое было заложено в социальный институт наук Нового времени, является предположение о том, что объекты изучения не реагируют на факт нашего изучения. Неважно, какие – атомы, элементарные частицы, клетки в биологии или гены, хромосомы, все остальные, это всё – идеальные конструкции.

Но парадокс в том, что не только вся физика, вся химия, другие естественные науки, но и вся современная психология, вся современная экономика, другие «общественные науки», были построены в этих же самых предположениях... То есть, просто, кальку сняли с естественных наук.

Ну, про атом ещё можно предположить, что смотри на него – не смотри, действуй – не действуй на него, он на то, как мы его описываем, вроде бы, не реагирует. Что же касается более сложных объектов изучения, связанных с обществом, с человеком и так далее, то это с самого начала усомневали. С тех самых пор, когда Огюст Конт первый предположил подобное: выделил некие «слои в обществе», которые, якобы, «являются постоянными и неизменными». И так далее... Потом, правда, выяснилось, что он был просто психически ненормальным. На самом деле, в сумасшедшем доме кончил свою жизнь. Но факт остается фактом: это зерно было брошено. И потом учёные, которые работали и в экономике, и в социологии, и в психологии, и в других областях, связанных с обществом и с человеком, уже особенно и не задумывались, на каких основаниях это всё было изначально построено.

Есть ещё и другие основания, но вот эти три, они – самые принципиальные. И, ещё раз повторяю, если какая-то область интеллектуальной деятельности не соответствует, хотя бы одному из этих оснований, такая область деятельности не может считаться в полном смысле слова наукой.

На рис. 1.1, кроме науки, выделена ещё философия. Я два слова скажу и о ней, но не буду сильно углубляться в философию.

Основное отношение философии к миру – это проникновение в сущность мира. Философия разными своими яркими представителями пытается по-разному ухватить сущность мира. При этом философия, в отличие от науки, не занимается непосредственно получением знаний о мире. Философия пытается за счёт определённого набора категорий (а у разных философов он разный) выделить самое главное в мире, чтобы оно связывало как конкретные проявления мира, так и самые абстрактные.

Например, если бы вы взяли и внимательно почитали такого философа как Мартин Хайдеггер, который жил и работал в начале XX века, и который считается философом №1 XX века, он весь мир пытался ухватить своей центральной категорией, которой у него была категория «забота». Отношение человека к миру – это отношение заботы. И дальше он все через эту «заботу» просеивает – и время, и всё остальное.

Если вы возьмёте такого философа как Кант, у него другое, он с другой стороны смотрит на мир, но принцип тот же самый – он пытается проникнуть в суть того, как мир познаваем в принципе. Соответственно, он выделяет разум с его категориями

разума, который, в свою очередь, формирует понятия и категории рассудка. И показывает, за счёт каких механизмов рассудок ухватывает чувственные ощущения человека. Эти три конструкции – «разум», «рассудок» и «чувственные ощущения» – он увязывает за счёт так называемого «схематизма сознания». Это тоже попытка весь мир через такое небольшое количество мыслительных конструкций представить.

Если вы возьмёте такого философа, как Гегель, у него центральным звеном или центральной осью всей его философии является категория «развитие». Соответственно, о чем бы он ни говорил – о конкретных вещах или самых абстрактных – у него такое центральное звено.

Здесь надо сказать ещё одну принципиальную вещь: «философии вообще» не бывает. Например, «марксистско-ленинской философии» не бывает, и никогда не было. Хотя когда я учился, нас заставляли её учить и сдавать: это был некий набор цитат, который назывался «марксистско-ленинской философией». Философия всегда индивидуальна. Вот сколько в мире философов было, столько существует разных философий. То есть это – разные попытки ухватить мир за счёт небольшого количества самых принципиальных, самых фундаментальных понятий и категорий. Есть философия Канта, есть философия Декарта, есть философия Гегеля, есть философия Хайдеггера, равно, как и философии всех остальных известных философов. Они все отличны, но они называются «философиями» по той простой причине, что они направлены на проникновение в суть мира. Предполагается, что мир есть, уже существует, и только надо проникнуть в его суть, т.е. в то, как он по принципу устроен.

Что касается науки в том смысле, который я выше имел в виду, не обыденные разговоры вокруг всяких разных интеллектуальных вещей, а именно Науки как института Нового времени, то у Науки – так называемое гносеологическое отношение к миру. «Gnosis», если кто не знает, по-гречески, это – «знание». Основное принципиальное отличие, допустим, от философии – это получить непреходящее, не зависящее от времени знание о мире. И не зависящее от человека, что очень важно. При этом предполагается (я уже об этом чуть-чуть сказал, и еще раз напоминаю) в рамках этого гносеологического отношения выявить знаниевые инварианты, выявить законы, по которым разные части мира взаимодействуют. И всё это должно быть неизменным. И если, соответственно, научный закон, допустим, «Закон всемирного тяготения» выявлен или, там, «Закон Ома» в электротехнике, в электрофизике, то, соответственно, он и сегодня такой, и вчера был такой, и через тысячу лет будет таким. То есть это некие такие инвариантные, не зависящие ни от чего знания.

У деятельностной методологии совершенно другой заход. Методологию не интересует, как мир устроен сам по себе. Методологию это не интересует. Более того, она отрицает саму возможность существования раз и навсегда данного мира, который предполагает наука, выделяя идеальные объекты и оперируя с этими объектами.

Деятельностная методология начинается с вопроса: как вещь реагирует на факт её изучения? Первоначально у методологов Московского Методологического Кружка был заход со стороны науки. Но при этом изначально отрицался (не принимался) ряд оснований или посылок, на которых строилась естественная наука. С са-

мого начала было понятно, что общественная наука, копируя эти основания, просто «пролетает» мимо цели – на самом деле, не обществом занимается, а формирует мифы, которые застилают глаза людям и создают гигантские проблемы.

Георгий Петрович здесь даже разного рода метафоры, очень яркие, использовал. К примеру, он утверждал, что все люди, которые существуют вокруг – живут, ходят, работают, общаются друг с другом с надетыми на голову «вёдрами». И то, что они, якобы, видят – это просто написано на их «вёдрах» изнутри. То есть «внутреннюю стенку» видишь и думаешь, что это вот так на самом деле всё устроено. А действуюешь при этом совсем в другом мире.

Он говорил, что самое жуткое, что есть в нашем обществе, это то, что у людей нет смелости снять эти «вёдра», и взглянуть на тот реальный мир, который их окружает, и в котором они, на самом деле, живут и работают. Действуя, попросту, с закрытыми глазами, мы всё время натываемся на разного рода проблемы и неприятные обстоятельства, вместо того, чтобы снять и посмотреть, с чем же мы, вообще, имеем дело.

Вот эти «вёдра» на головы надела нам эта наша незабвенная «общественная наука» во всех её разнопредметностях. Своё дело сделала социология, своё дело сделала экономика, своё дело сделали финансы, своё дело сделала психология и целый ряд других, якобы, наук. И все они исходят из предположения, что есть неизменные идеальные объекты. **На вопрос: «Как вещь реагирует на факт ее изучения?» – наука (любая!) говорит: «Никак».** Это принципиальное основание. Существует предположение: мы изучаем объект, и этот объект от нашего изучения не меняется. В естественных науках, как я уже сказал, это было достаточно правдоподобно в XVII веке. Хотя сейчас физики уже начинают понимать, что это уже не совсем так.

Например, в экономике основным объектом является «человек экономический», homo economicus, и известны его характеристики, взятые из психологии. Якобы, это такой урод, который на всё реагирует однозначно: где бы подешевле и побольше ухватить. Больше, вообще, он ни на что не реагирует. Бежит туда, где дешево, пытается продать подороже. И больше у него никаких характеристик нет. Все эти «кривые спроса и предложения», которыми на первом курсе наших студентов оболванивают, они все исходят из этого предположения. При этом, когда мы этого «человека экономического», якобы, изучаем, то он тоже никак не реагирует, на наши знания. Так подспудно предполагается в экономической науке, поскольку это такая конструкция, на самом деле не человеческая, выдуманная, но относительно которой построены те или иные экономические теории.

То же самое с финансами. Когда мы говорим, что там какие-то денежные потоки куда-то движутся, и мы их выявляем, то мы предполагаем в наших теориях, что эти денежные потоки не изменяют своего направления. Вот как они двигались, так они и будут двигаться, если создать соответствующие условия. В жизни всё совсем не так. Когда люди-практики начинают с этим делом иметь какое-то отношение, то очень быстро выясняется, что все эти «человеки экономические» – полная выдумка, к жизни людей и общества не имеющая отношения.

«Человек психологический» – то же самое. Предполагается, что у индивидуального человека есть психика, что на психике человека или в психике человека есть то, что называется «мышлением», и это «мышление» построено по совершенно определенным законам и тем же самым (что у естественных наук) основаниям. Что те знания, которые психологи выявляют, например, характеристики человека – «холерик», «флегматик»... и так далее – это неизменно и непреходяще. И если ты не холерик, то ты, обязательно, либо флегматик, либо сангвиник, либо ещё кто-то там четвертый. Или, например, как у Фрейда: всё, что ни делает человек, всё от его либидо. То есть самое главное человеческое основание – это любовное основание, отсюда все остальное, что происходит с человеком.

Был такой американский философ-системщик Уэст Черчмен. Он – известный мастер афоризмов. Один из них любил повторять ГП, поскольку классно было сказано. Он сказал, что «когда мы в мышлении ошибаемся, это от естества, когда правильно мыслим – это от искусства. И поэтому психология, которая интересуется естеством мышления, изучает только ошибки» (цитата из лекций ГП в СоюзморНИИпроекте). То есть **психологи изучают ошибки мышления, а вовсе не само мышление**. Если человек ошибается в мысли, то это отражается у него на его «естественных проявлениях»: например, он начинает нервничать, суетиться.

Деятельностный подход и, соответственно, деятельностная методология, с этого и началась. Когда было понято, что не только вещи зависят от человека...

Понятно, что многое из того, что мы вокруг видим, это является теми или иными результатами деятельности людей: что-то напрямую сделано людьми, что-то людьми преобразовано, обыскуствлено и так далее. Даже такие, казалось бы, естественные объекты, как, например, горы – и то, они являются «горами» только потому, что человек определённым образом устроен, и у человека есть совершенно определённые возможности их выделить из окружающего ландшафта. То есть сначала он своим сознанием этот объект отделяет, например, от «низменности», и тем самым он его, фактически, уже обыскуствляет.

Но мало того, что вещи зависят от людей, начиная от простейших, типа столов, которые сделаны людьми, и кончая вот такими природными объектами как, допустим, какая-нибудь сверхновая звезда. Вот, вроде бы, она там, Бог знает, где, как далеко в космосе. На самом деле, если бы у человека не было определённой деятельности по вычленению из всего вот этого космического хаоса совершенно определённых (и в этом смысле – искусственных) объектов, то никаких бы «сверхновых» и прочих других вещей тоже не было бы. Люди бы не могли отличать среди этих звезд, где планета? Где, соответственно, очередное Солнце? Где, там, белый карлик? Где чёрный? Где дыра? И так далее.

Еще раз повторяю: принципиальность состоит в том, что то, что мы называем «природой», «искусственными» и «естественными» объектами – это уже просеяно через искусственную деятельность людей. У дикаря, когда он глядел на эти светящиеся точки на небе, были совсем, как вы, наверное, понимаете, другие представления. Никаких планет он там, в принципе, не мог выделить, поскольку не было соот-

ветствующей деятельности – искусственной, и именно человеческой деятельности. Для какого-нибудь муравья никакого космоса тоже нет и быть не может. Даже для какой-нибудь кошки, более организованной, чем муравей.

Но, самое удивительное, и самое парадоксальное, что было положено в качестве принципиального основания деятельностного подхода, является то, что вещи, когда мы к ним любым боком касаемся – они меняются сами (об этом я уже сказал), звездочка превращается, например, в планету благодаря деятельности человека. Но и **человек меняется от факта изучения звездочки или атома, или ещё чего-то другого**. Все, скорее всего, подсознательно понимают, что профессионал очень сильно отличается от непрофессионала. Спрашивается: чем? А вот тем, что у профессионала были получены знания о чем-то, и эти знания изменили самого человека. Они изменили объект, и объект, т.е. вещь, которую человек изучал, изменил его самого.

Даже физика это уже стала осознавать. В зависимости от того, как мы смотрим на ту или иную частицу, и каким способом мы её берём, именно деятельностным способом ухватываем в процессе изучения, она то «частицей» становится, то вдруг почему-то «волной», то ещё чем-то, то «дырой», например.

А общественные «науки» – это совершенно удивительная и парадоксальная вещь – мало того, что они с самого начала, в общем-то, являются «уродцем от рождения», т.е. неправильно построенной наукой. Но, казалось бы, давно пора от этого отказаться. Давно пора снять «вёдра» с голов, на которых написано, что есть «человеки экономические», «психологические» и прочие разные другие; что можно, якобы, до сих пор пользоваться экономической теорией, чёрте когда построенной Адамом Смитом или Давидом Рикардо (как известно, она до сих пор кафедрами экономической теории вдалбливается). Как будто, ничего не произошло в обществе и в экономике с тех пор.

Из зала – Вопрос можно?

ЮБ – Конечно. Кстати, если будут вопросы, вы задавайте сразу, не стесняйтесь.

Из зала – Вообще, по поводу всех общественных наук: я за всех не скажу, но по социологии в XX веке можно сказать, что Американская лига социологии к похожим вещам тоже пришла. То есть у них там есть такая интерпретативная парадигма, которая приходит к этим же выводам...

ЮБ – Американцы-то, конечно, пришли. Американцы пришли и в социологии, и в экономике. Эти все «экономиксы» они нам сплавляют для того, чтобы просто сделать нас...

Из зала – Оболванить?

ЮБ – ...оболванить, и из нашей страны сделать, вообще, раз и навсегда, страну третьего мира. Никаких других целей здесь просто в принципе нет! И финансовый менеджмент – то же самое. То, что они там делают, они делают совсем не то же самое, что в книгах по финансам и менеджменту написано. И так далее, и так далее.

Из зала – Они там этому, что ли, не учат?

ЮБ – Кого учат, а кого и не учат, я так скажу. В элитных школах не учат, это я достоверно знаю. А в школах, которые готовят исполнителей или просто болванчиков, электорат, так скажем, – учат. Для того, чтобы они вообще ни в чём и не разбирались.

Но с точки зрения деятельностного подхода принципиально важным является следующее: **изучая любые общественные объекты**, будь то человек, будь то группа людей, будь то общество в целом, будь то экономика, экономическая какая-то система или еще какая-то человеко-машинная, разного рода технические системы, типа энергетических систем – **мы сами включены в эти объекты**. То есть, изучая их, мы фактически раздваиваемся и сами находимся внутри. Как только получают люди какое-то знание о себе, они начинают меняться... Я об этом и на прошлых занятиях много раз говорил. Это – совершенно принципиальная вещь!

Точно так же, как женщина, поглядев в зеркало и увидев, что у неё там где-то морщинки появились или какие-то другие изъяны, мгновенно начинает себя менять. **И любые общественные организovanности тут же меняются, получив о себе то или иное знание.**

То есть вот это первое принципиальное основание, на котором построена естественная наука, что объект не изменяется при получении знаний о нём – оно просто не выдерживает никакой критики применительно к общественным объектам. Общество стало меняться не тогда, когда большевики революцию сделали в Советском Союзе, а тогда, когда «Капитал» Маркса впервые увидел свет, и его кто-то в обществе прочитал. Вот, как только его прочитали (а Маркс достаточно основательно, как в зеркале, отразил устройство того капиталистического общества XIX века, в котором он жил), это общество тут же начало искать возможности ухода от этой «картинки».

И все последующие крупные экономисты, финансисты и прочие, в том числе, социологи, стали крупными только благодаря тому, что они пытались найти альтернативные ходы и альтернативное устройство общества – описать и задать, то есть, как бы, подтолкнуть в другую сторону. Это сделал и Иосиф Шумпетер: когда он писал «Теорию экономического развития», он впрямую говорил о том, что его задача – написать такую теорию, которая была бы альтернативной марксистской.

Это же самое говорил и Макс Вебер, который, опять же, в пику Марксу, задал совершенно другие основания для устройства общества и его изменения: не развитие материальных производительных сил, как у Маркса, а культурное начало, культурную нормированность, показывая тем самым, что капитализм мог возникнуть только в совершенно определённом образом этически устроенном обществе. Сначала протестантские общины у себя внутри выработали определенный способ работы и жизни, а потом, соответственно, это распространилось на более широкие общественные организovanности – так, по Веберу, возникло то, что стало впоследствии называться «рыночной экономикой», или просто «капитализмом». В других странах, где не было подобных протестантских общин – и Макс Вебер это совершенно достоверно показал, за что он считается классиком – и производительные силы развивались еще похлеще, чем в Европе, и деньги были, и рынки были, и всё остальное было, а капитализма не

было. И до сих пор нет в каком-нибудь, там, Китае или ещё где-нибудь, в Индии, например.

Но люди очень сильно меняются после того, как получают о себе какие-то знания. В деятельностной методологии это принципиально!

Никакие научные теории эти вещи не умеют делать, хоть застрелись. До вас очень многие пытались вступать в соответствующие дискуссии: как и за счёт чего можно работать с такими объектами. С одной стороны – изучения, а с другой стороны – действия, которые, с одной стороны, меняют объект, когда узнают о нем что-то, а, с другой стороны, сами при этом меняются. Ни одна теория на это не способна.

И эта посылка была одним из первых шажочков, одним из первых оснований деятельностного подхода и, собственно, началом разработки такого интеллектуального аппарата, мыслительного аппарата, который мог бы работать вот с такого рода объектами – меняющимися и меняющими людей.

И ещё один пункт тоже очень важен. Наивные натуралисты, так скажем, думают (и это не врожденная, а приобретенная «вещь» в жизни вот этих натуралистов, коих много вокруг нас), что есть некий объективный мир, вот там за окнами, вне нас. И он какой-то такой, там, от Природы или от Бога созданный, главная задача – только выявить, как он устроен. Как говорил тот же самый Ньютон: «мир устроен как часы, и наша задача – узнать, как работает механизм этих часов». А «часы», вроде, как бы, от Бога, или от Природы, как теперь принято называть.

Но если внимательно посмотреть, миллион фактов можно привести, и миллион примеров на этот счёт – объекты таковы (объекты изучения и объекты действия), каковы наши знания о них. **Как только у нас знания меняются, объекты тоже меняются, и меняют нас, вдобавок.** Мы уже не такие, как были до этого нашего нового знания. Современные люди радикальным образом отличаются от каких-нибудь средневековых, а тем более, от древних людей только потому, что, с одной стороны, они много чего узнали о мире, и много чего сделали по отношению к этому миру (хорошего, плохого – это другой вопрос), и этот мир и эти знания изменили этих людей. И нынешний человек о двух руках и о двух ногах, и древний человек о двух руках и о двух ногах, но это – совершенно разные существа.

Георгий Петрович по этому поводу очень часто вступал в разные дискуссии с академиками и прочими крупными людьми. Он утверждал, что «просто человека» не существует, вообще. Вот, как любят политики говорить: «А как же человек у нас?» «А забота о человеке?» Правда, есть анекдот, в котором острые языки говорят: «Я даже знаю фамилию этого человека, о котором забота должна быть».

Но, вообще, «просто человека» не существует. Та совокупность особей, которые здесь сидят, и которые там, за окном ходят – вы все разные. И то, что у нас две руки, две ноги – это не главная характеристика человека. Это просто характеристика некоего биологического материала, на котором сидит «нечто человеческое». А это «человеческое» совсем разное у всех. И вот это шокирующее многих утверждение Георгия Петровича о том, что он вообще не понимает, «что такое человек?», когда ему говорили: «А как же человек? Ведь у него есть права». У него есть всякая другая

фигня. Но, на самом деле, если начать разбираться, права есть не у «человека», а у «гражданина». То есть у определённой искусственной конструкции, которая посажена на биологический материал, опять же (мы потом ещё специально будем говорить, каким образом это делается; но это давно делается, совершенно сознательно и искусственно делается). И права есть только у этой искусственной конструкции, называемой «гражданин». Так же, как и у этого стола, тоже искусственной конструкции, есть право стоять в этой аудитории, а, например, не на улице посреди дороги. У него там права стоять нет. Попробуйте вытащить туда, его тут же либо разломают, либо утащат куда-то в другое место.

Точно так же и с человеком: «просто человека» не существует. Чем больше мы будем пытаться узнать о человеке, тем больше будет меняться человек. Я дальше буду еще специально говорить об этом, но это совершенно фундаментальная вещь. Понятие «человек», наряду с целым рядом других понятий, таких как «общество», «мышление», «деятельность» – это не определяемые понятия. Определить, что это такое, нельзя. Он постоянно становящийся. Как Мартин Хайдеггер говорил и, на мой взгляд, очень правильно говорил, в этом методологи с ним солидарны, он говорил: «Человек обязан ежедневно подтверждать факт своего существования размышлениями. Если он не размышляет, хотя бы один день, он перестаёт быть человеком». А величина этой «человечности» зависит от того, насколько эти размышления, так скажем, фундаментальны. Есть, так, чуть-чуть, а есть крупнее. И это не зависит от того, какой рост у человека, какой вес, какой цвет волос и всего остального. Это всего лишь материальная субстанция, на которой это «человеческое» сидит.

Но науки, ни естественные науки, ни, тем более, общественные, в том виде, в каком они сформировались, начиная с XVIII века, эти вопросы просто вообще не ставят перед собой. Видимо, из-за того, что они слишком сложны. Гораздо проще представить, что человек – неизменное телесное существо, имеющее фамилию. Хотя даже это – очень сомнительный факт.

Из зала – Ну, сейчас женщины меняют.

ЮБ – Да, если бы только женщины.

Из зала – А это значит, что «операция изучения неприменима»? Или...

ЮБ – Нет, смотрите. Тот мыслительный аппарат, который применяется для изучения в естественных науках, он неприменим. Нужен другой. Конечно, нужно знать, в чём мы живём, что мы из себя представляем. Но тот набор мыслительных средств, таких как, например, «определения», которыми пользуется любая наука, он просто неприменим по отношению к этим объектам. Вообще, неприменим. То есть, как только мы его применяем, мы на себя «ведро» одеваем, и мы, на самом деле, не про человека уже говорим, а про эту выдуманную вещь, которая у нас на «внутренней стенке ведра», может быть, нами же и нарисована.

Из зала – Т.е. все наши учебники – ерунда?

ЮБ – Это не просто ерунда, это – макулатура, которую чем быстрее выбросят на помойку, тем будет лучше, поскольку мозги задуривают, особенно студентам, ну, совершенно невероятно!

Из зала – Я так понимаю, что речь идет о разнице между естественными и общественными науками. В естественных науках, если мы пытаемся расплавить кусок льда, то он этому сопротивляться не будет, и при одинаковом атмосферном давлении, температуре, влажности и так далее, при других каких-нибудь параметрах он...

ЮБ – Уверяю вас, эти так называемые «естественные объекты», они тоже влияют на вас.

Из зала – Я просто упрощаю ситуацию, чтобы понять. А если мы начинаем...

ЮБ – Более того, смотрите, Дмитрий. Вы же подразумеваете, я так думаю (если не так, то Вы скажите), что у этих «естественных объектов» есть какие-то «от природы заданные» свойства или характеристики.

Из зала – Да, подразумеваю...

ЮБ – Вот! А деятельностный подход подразумевает, что такого нет. Ну, просто, нет такого! Вот простейший пример. Все, вроде бы, знают, что уголь – горючее вещество. Но от природы он – негорючий. Это, может быть, сложно понять с ходу. Как бы считается, что это – его «естественное свойство». Но это не так. От природы уголь не горит. Он горит только в определённой деятельностной ситуации, когда дикарь первый раз сделал печку, и внутри этого способа работы и его искусственной деятельности он зажег уголь определённым образом. Точно так же мы можем спросить: металл горит или не горит? Вообще-то, не горит, но если мы построим домну, он загорится.

Из зала – Можно тогда вопрос?

ЮБ – Да.

Из зала – Почему тогда он не прозрачен?

ЮБ – Не придумали способа. Не придумали способа! У химиков всего три логические операции. Чуть попозже химики придумают ещё четвертую, пятую, шестую, и будут делать уголь прозрачным. Это для меня не представляет никаких сомнений. Все свойства всего на свете, что бы мы ни имели в виду, не от природы. Всё это, так или иначе, вставлено в тот или иной способ работы людей. Для дикаря уголь был, к примеру, метательным орудием. И он его выбирал среди других, например, среди песчаников выбирал кусок какого-нибудь антрацита, только потому, что он при попадании в голову не рассыпался. Значит, он был хорошим метательным орудием. Но «уголь – метательное орудие» только в этом способе работы. А, например, когда появились химики и стали выяснять, как с веществом можно работать и его менять, выяснилось, что уголь ещё к тому же и кладёз всяких разных химических соединений, из которых капроновые чулки можно делать и много чего ещё. То есть «уголь – химическое сырьё» не само по себе, а только в определённом способе работы. У этого угля ещё может быть миллион разных потенциальных свойств, но это выяснится только тогда, когда будут построены соответствующие способы работы с этим материалом.

А науки исходят из такого, совершенно тупого, предположения, что уголь сам по себе вот такой, какой он есть. Хотя для дикаря он не был горючим веществом, и тем более не был никаким «кладёзем химических элементов».

Из зала – Нет, ну, понятно, что «техника в руках дикаря – кусок железа». Та же самая ситуация.

ЮБ – Конечно.

Из зала – Но, грубо говоря, если дикаря обучить, то техника станет...

ЮБ – Дима, Вы же под «техникой» понимаете технический объект, техническую вещь.

Из зала – Да.

ЮБ – Например, Вы же подразумеваете под «техникой» то, что у меня лежит на столе и записывает. Вот это записывающее устройство. Или вот этот телефон. Или вот этот компьютер. «Техника» – это не этот предмет. И не все эти, которые я назвал. Если я этот предмет выбрасываю на помойку, он перестает быть «техникой». Если я его привожу куда-нибудь в Папуасию и отдаю какому-нибудь папуасу, он перестает быть техникой. Он становится куском железа, как Вы сами сказали. Смотрите: «техникой» является, во-первых, этот предмет, технический; во-вторых, я, имеющий способ работы с этим предметом; и, соответственно, третье – деятельность, куда я это всё помещаю. Если бы не было этой аудитории, где надо записывать, если бы не было меня, умеющего работать с этой техникой, это не было бы техникой. «Техника» – это вот это всё вместе.

Из зала – Ну, система.

ЮБ – А «система» – это другое совсем. Мы словами жонглируем, а за этими словами ничего нет. «Техника» – это техника, а «система» – это система. Это совсем разные понятия. «Система» – вообще, логическое понятие. Это способ работы – системный, а не какой-то предмет, который мы почему-то называем «системой». Об этом дальше ещё будет более подробный разговор.

Но это всё из той нашей родовой травмы, которую нам нанесла в своё время сначала естественная наука, которая теперь пытается выкарабкаться из своих же, предположений. И, в общем-то, не очень хорошо у неё получается – кое-где получается, а кое-где совсем не получается. Там придумывают разные «костыли», типа «принципа дополнительности» или «теории относительности». Вроде, он (объект исследования) от человека не зависит, но... Принцип дополнительности гласит: если мы на него (объект микромира) так будем смотреть, он будет таким; а если вот так измерять, то, почему-то, другим. И при этом одновременно то и другое невозможно, поскольку зависит от способа взятия. В теории относительности объекты тоже объявляются относительными: меняются в зависимости от того, как мы действуем с ними.

А с общественными объектами это всё, вообще, «шито белыми нитками».

Из зала – Что значит, «ошибки искусственного мышления фиксируются человеком как естественные проявления»?

ЮБ – Потому что мышление – искусственное. Просто, в принципе, искусственное, а психика – естественная. То, что на психике появляется – это всего лишь некая проекция и отражение искусственного мышления. В качестве метафоры это было сказано как «ошибка мышления». То есть психологи изучают то, как мышление не должно работать. И не могут изучать, как может работать, поскольку у них в качестве

объекта изучения является естественный объект – психика человека. Грубо говоря, в «сером веществе» никакого мышления никогда не было. Это тысячу раз уже в этой аудитории произносилось. И во многих разных других тоже.

Из зала – То есть это – метафора, что ошибки мышления фиксируются на психике?...

ЮБ – Нет. Это чтобы психологи не заблуждались насчёт того, что они мышлением занимаются. Разные казусы мышления, когда человек определённым образом меняется под влиянием мышления, это как-то закрепляется у него на генах или ещё где-то как-то проявляется: например, вспыльчивым человек становится или, наоборот, спокойным и уверенным в себе. Но к мышлению это не имеет отношения. Оно – поверх.

Из зала – Мы это будем рассматривать потом?

ЮБ – Это – потом. Сейчас нам нужно сначала разобраться, чем, вообще, принципиально, это всё отличается от того, чем занимаются в науке и в философии.

Вот, смотрите, мало того, что разные знания, которые люди получают, меняют нас. Существует гигантское количество понятий (их львиная доля), которые не имеют своего вещественного двойника, или, как говорят, референта. Я надеюсь, вы понимаете, о чем я говорю. Есть стол, и есть понятие стола. У этого понятия есть вещественный референт, вот он (показывает на стол) или ещё какой-нибудь. **На каждое понятие, имеющее вещественного референта, своего двойника вещественного, 400 не имеют таковых.** Это посчитали американцы в конце 1970-х годов, по-моему.

Например, самое очевидное. Есть понятие кентавра, мифического существа, но в природе кентавра нет. Есть у нас понятие нуля в арифметике, но вещественного референта нуля нет. То есть единица может иметь своего референта, двойка может иметь референта, а ноль – это «вещь» такая, одиозная, в арифметике, не имеет вещественного референта. Не имеет вещественного референта в математике символ бесконечности. Бесконечности не существует.

Это всё, как бы, самые очевидные вещи. Но и абсолютное большинство других понятий, которые касаются человека, общества и всего остального, связанного с людьми, соответствующих вещественных, материальных референтов не имеют. Например, «радость». Покажите мне пальцем на «радость», если кто сможет. «Демократия», «финансы», «жизнь»... Понятие жизни не построено до сих пор. Вот, врачи говорят: «Получил травму, не совместимую с жизнью». Все понимают, что это такое.

Из зала – Это травма.

ЮБ – Да, это про травму речь идет. Но вот непонятно, с чем она не совместима. Сколько ни пытались построить понятие «жизнь», ускользает это. Как только за него берёшься, оно исчезает. Сколько биологи ни пытались построить понятие живого существа, ничего не получилось. Всё сводится к каким-нибудь клеточкам, переточкам протоплазмы из одного места в другое, и не более того. Одни хромосомы делятся, другие соединяются, и это называется «жизнью». К жизни это не имеет, ровным счётом, никакого отношения. Это нечто такое, что вообще не ухватываемо и не имеет соответствующего референта. Нет соответствующего референта у «деятельности»,

нет у «мышления», нет у «сознания». То, что в нашей голове врачи пытаются какие-то биотоки найти, это к сознанию тоже не имеет никакого отношения. То есть – гигантское количество таких понятий...

Вот, «общество», например. Социологи оперируют всякими «общественными объектами» – группы малые, большие и так далее. Но общество – это не толпа людей. Сколько людей ни соединяй, общества не появится. Даже само слово «общество» связано с чем-то общим для всех, с каким-то общением, определённым образом устроенным. Вот в этих наших позитивных науках, к которым относится, в том числе, и социология, эти понятия до сих пор не построены.

Я привёл цифры соотношения, по американским оценкам (400:1). И, в общем, Георгий Петрович был согласен с этими оценками. Может быть, он даже склонен был считать, что это соотношение ещё больше в пользу безреферентных, невидимых и не осязаемых, неэмпирических понятий... Абсолютное большинство понятий, которые в наших головах, или рядом с нашими головами крутятся, и которые мы так или иначе понимаем и с ними имеем дело – они очень специфические. Не такие, как естественные объекты. Клетку хоть в микроскоп можно увидеть, как она свою протоплазму перепускает через какую-нибудь мембрану или ещё через что-то. А это не увидеть. Вот, мы рассуждаем про «экономику»: развивается экономика, не развивается, кризис в экономике, ещё что-то. Мы, вообще, на что смотрим, когда про такие вещи говорим?

Из зала – Переток денег.

ЮБ – Переток денег – это переток денег.

Из зала – На показатели...

ЮБ – И показатели – это показатели. А экономика-то где? Показатели – это внешние фиксации... Грубо говоря, можно сказать, что стол – это метр деревянной доски, да? Это определённый показатель, но это же не стол? Нет, конечно. А стол – это нечто другое. На стол хоть можно посмотреть, и можно, там, предположить, что у него какая-то функция есть, что он деревянный, что у него конструкция сборно-разборная. Можно его с разных сторон пощупать. А говоря про экономику, мы что имеем в виду? Это одно из тех многочисленных понятий, которое зависит от того, как мы это понятие положили, да еще это понятие, вдобавок, нас изменило. Это вообще-то нормальным учёным понять невозможно. Просто, невозможно!

Из зала – А политикам?

ЮБ – Политики-то точно никак в этом не разбираются, а главное, и не собираются разбираться. Для них самое главное, чтобы вы проголосовали, и они сели в тёплое местечко. Больше ничего их не волнует.

Из зала – Естественно. Поэтому зачем разбираться, если всё транслируется: сказали «кризис», и на всех это действует правильно...

ЮБ – Приезжаешь на Канары в разгар кризиса – ну, никакого кризиса нет!

Из зала – Да, Это как спрашивают губернатора какого-то американского штата: «Есть у вас в штате кризис? Ведь в Соединенных Штатах кризис». Он говорит: «Вы знаете, я не знаю насчёт других штатов, но у нас точно никакого кризиса нет».

ЮБ – Да. С кризисом – то же самое. Ни пощупать его, ни увидеть – ничего такого нет. И наука в принципе не может работать с такими объектами, поскольку они – не определяемы. Какие угодно определения строй – совершенно бесполезно. Не ухватывают они суть подобных понятий.

Особенно наши диссертанты грешат этим непониманием. Выходят и говорят: «Такие-то занимались этим, такие-то, такие-то... У этого такое определение, у этого такое определение, а общего определения так и не построили».

Вот, смотрите: и не может быть построено! Понимаете? В принципе! Всякое «определение» – даже само слово за себя говорит: «о», и дальше – «предел». «Задание предела», «о-**пределение**». Это всего лишь предел с какой-то одной стороны. С разных сторон будешь смотреть, будут разные определения одного и того же. Со ста сторон посмотришь, будет сто определений. Но ни одно из них целиком не говорит о том, что ты взял в качестве предмета изучения или объекта действия. Просто не говорит, и всё!

Для подобного рода объектов нужно строить совершенно другой инструментарий, который бы позволял не только понимать, с чем ты имеешь дело, ещё и, соответственно, говорить о том, как можно с такими вещами работать. С такими вещами работать так же, как, например, с естественными объектами (типа дерева, растущего на лужайке), нельзя.

Вот ещё три мудрёных слова: **все подобные понятия «гетерогенны», «гетерохронны», гетерархированы**». Они в деятельностном подходе – совершенно фундаментальны. То есть, если их не ухватить, не уловить, в чем суть дела, то ни про какой деятельностный подход вообще ничего не поймешь. Не поймешь, и всё тут!

Во-первых, они гетерогенны. «Гетеро-» означает «разно-». То есть «гетерогенный» – это разнородный. «Гетерохронный» – разновременный. «Гетерархированный» – имеющий разноуровневые структуры. Причём, неизвестно, какая из этих структур главная. Можно даже сказать: не бывает главных иерархий в любых общественных объектах.

При всём при этом, вы должны понимать, что современные науки всё это в принципе выбрасывают за борт. Даже если услышал учёный что-нибудь об этом, всё равно это в научных исследованиях никак не будет учитываться. А деятельностный подход, наоборот, именно из этого и исходит.

Вот, смотрите, что такое «гетерогенный»? Я преподаватель, и я с помощью этой вещи (показывает маркер) пишу на доске, чтобы вам что-то показать. Или с помощью вот этого инструмента (показывает на проектор) показываю вам слайды. Смотрите, я – преподаватель или лектор, я не сам по себе вот здесь, с фамилией и с определённым телесным устройством в оранжевой рубашонке, а я только вместе с этими инструментами, и только вот на этом месте, и только в такой аудитории могу называться «лектором». Убери у меня, допустим, вот этот инструмент, вот этот инструмент, или, вообще, выстави меня вон туда, за дверь – я перестану быть «преподавателем» и «лектором».

То есть объекты, которые задают понятия «преподаватель» или «лектор» – это вот всё это вместе взятое. С одной стороны, это аудитория, с другой стороны – стол, с третьей стороны – я, человек, с четвертой стороны – инструмент, который у меня в руках, и только это всё вместе называется «преподавателем», или «местом преподавателя», функциональным местом, деятельностным. Убери хоть что-нибудь отсюда, и это уже не будет полноценным функциональным местом.

Но все вот эти предметы, которые входят в понятие «функциональное место преподавателя» – этот, этот, этот – они все разнородны, не говоря уже обо мне. Они все – из разных мест произошли. Их нельзя рассматривать как один целостный однородный объект.

Между тем, все позитивные науки, какие бы мы ни брали, начиная с классической физики, и кончая классической психологией или экономикой, они все предполагают, что для каждой из них есть одно единственное (для соответствующей науки) начало, на которое всё потом наслаивается. Экономическая теория всё наслаивает на специфическое поведение «человека экономического». Соответственно, механика наслаивает всё на «силу», «скорость» и прочие вещи, связанные с «движением», и так далее.

А деятельностный подход изначально предполагает, или называет такую вещь «организованностью деятельности», и эта организованность деятельности (обязательно сборка всегда), она всегда разнородна, она – гетерогенна. Если этого не учитывать, в деятельностном подходе ничего понять нельзя.

Из зала – Это всё – определения или понятия, которые не имеют вещного референта? Да?

ЮБ – Это – те понятия, с которыми мы имеем дело, когда касаемся любых общественных реалий.

Из зала – А если мы берём просто сам маркер...

ЮБ – А маркер, сам по себе, не существует. Это (показывает) – всего лишь некий пластмассовый предмет, состоящий из определенного пластика, из материала. Сам по себе это ещё не «маркер». «Маркером» он становится только в руке человека, стоящего у белой доски. Это **не самой этой вещи принадлежит его «маркерность», а тому функциональному месту, в которое он попадает.** Если я его сейчас выброшу на помойку или туда за окно, просто, на улицу, он перестанет быть «маркером», хотя с ним физически ничего, может быть, не случится.

Из зала – Тем не менее, когда кто-нибудь найдёт его, он поймёт, что это маркер.

ЮБ – Не факт.

Из зала – А если...

ЮБ – Ребенок найдёт и будет в носу, вот так, ковырять.

Из зала – Но, конечно, вероятность больше, что его найдёт тот, кто поймёт, что этот предмет – маркер.

ЮБ – Ира, вероятность здесь вообще не применима. Вот, когда мы про категории будем говорить, я буду там эти все примеры приводить. «Вероятность» как ин-

теллектуальный инструмент (это же не природная вещь), он появляется только в совершенно определённой ситуации. По отношению к единичным объектам «вероятность» не работает.

Из зала – Но если, например, взять всё существование человека как такового. Он создал себе надстройку, в которой существует – города, всё то, в чём мы живём. То есть это такая искусственная среда, созданная для того, чтобы быть здесь, быть в ней, хотя бы хоть как-то быть. Потому что в природе он просто погибнет. Или будет уже какой-то другой формой, уже, по сути, другим существом. И всё, что человек для себя создал, включая все понятия, и этот «маркер», и «преподавателя», всё это как-то формализовано и доступно пониманию... Понятно, что животное увидит и не поймёт, что это такое. А человек...

ЮБ – Конечно. Кошка даже нюхать не будет.

Из зала – Кошка нюхать не будет, Бог с ней.

Из зала – Здесь же вопрос в чём? Есть культурно определённое понятие маркера, которое не от конкретного человека зависит, а от того, что человек делает...

ЮБ – Денис, Денис, Вам Ира говорит совсем другое. Она говорит, что «маркер» существует сам по себе. А я утверждаю нечто непонятное – противоположное. Правильно я сказал?

Из зала – Ну, да.

ЮБ – Так вот, смотрите. Это всё точно так же, как «человека самого по себе» не существует. Мы, вообще, все разные. И, как говорят, «чужая душа – потёмки». Все здесь сидящие друг про друга мало что знают, даже если они муж с женой. Я уж не говорю о посторонних или мало знакомых людях.

Из зала – Мы сами себя не знаем.

ЮБ – Во-во-во! Мы сами себя не знаем, потому что, как только узнаете себя, вы изменитесь. Вот, если до вас дойдёт, как бы, до печёнки дойдёт, что этот «маркер» существует не сам по себе, а только в определённой деятельностной ситуации и в определённом функциональном месте, а в других местах это – всё, что угодно может быть – это может быть метательное орудие или ещё что-то другое. Это может быть, я не знаю,... в музей может попасть при определённых обстоятельствах, и будут говорить: «Вот такой-то, там, великий, этой вещью чего-то делал». И это уже не «маркер» будет. Его даже в руки нельзя будет брать. И смотрите...

Из зала – То есть, получается, что сам предмет не существует?

Из зала – Материал.

ЮБ – Да.

Из зала – Существует вот эта вот материальная вещь, конструкция?

ЮБ – Да, сам по себе он существует только как материальная вещь...

Из зала – Он в какой-то системе координат есть, а понятие его идёт отдельно. То есть он может быть и метательным орудием, и...

ЮБ – Вот, таким образом я нарисую (рис. 1.2). Есть некая конструкция, так условно я нарисую. Это вещный материал, определённым образом состыкованный. Это

конструкция, поскольку я могу сделать так, а могу – иначе её сделать. А к ней прикреплено много разных смыслов: смысл 1, смысл 2, смысл 3...

И мы видим не вещи, мы реагируем на эти смыслы. Есть смысл его настоящей (подлинной, специфической) функции, то есть назначения, ради которого он, маркер, собственно, и был сделан. Он сделан не для того, чтобы в носу ковырять, а для того, чтобы на доске писать, причём – на белой. Есть неспецифические функции, и мы тоже можем в определённых ситуациях (опять же, деятельностных) этому же самому материальному предмету приписать, там, такой-то символический смысл или ещё какой-то.

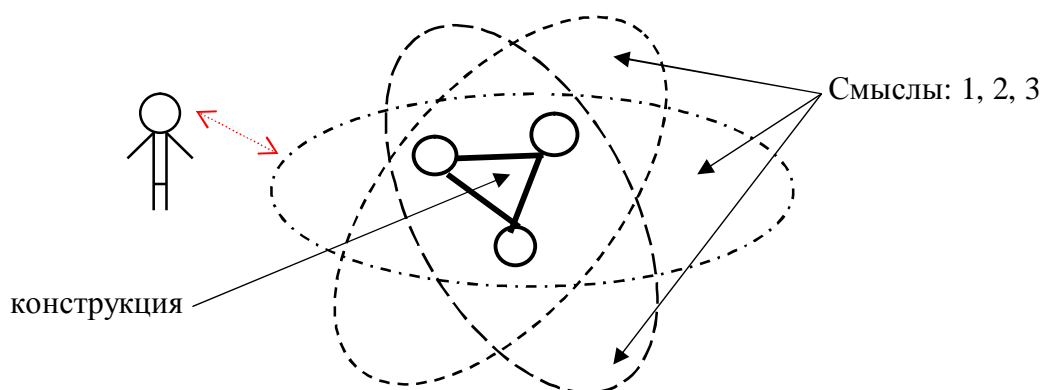

Рис. 1.2. Устройство вещи

Но мы реагируем не на вещи, поскольку «вещь» – это всего лишь материал. Причём, смотрите: не этот смысл под эту вещь делается, а всё с точностью до наоборот: нам нужно писать на белой доске (т.е. действовать определённым образом), и поэтому делается из пластмассы именно такая конструкция, а не какая-то другая. Через сто лет, если мы доживём, у преподавателей будут, наверняка, какие-то другие конструкции для той же самой работы.

Из зала – До меня дошло, как нужно было задать вопрос.

ЮБ – Да. Слушаю.

Из зала – Я хотела сказать, что изначально получается, что наличие вещного референта вообще ничего не значит. То есть...

ЮБ – Нет, Ира, значит. Значит!

Из зала – ...есть вещный референт или нет вещного референта, мы можем любое...

ЮБ – Ира, значит! Но нужно найти соответствующее место этому вещному референту. Смотрите. Это – материал-носитель...

Из зала – Мы же можем в этот материал-носитель, вообще, любой смысл вложить.

ЮБ – Нет, ну, что Вы? Когда Вы пирожное увидите, реакция будет определённая. Как говорил Курт Левин, знаменитый психолог и философ, «пирожное хочет, чтобы Вы его съели». Вот, смотрите: оно хочет, чтобы Вы его съели. И это, действительно, так. Если ребёнок увидит калитку (а калитка хочет, чтобы ребенок её открыл),

он подходит и открывает. А лужа хочет, чтобы ребёнок в неё залез. И он никогда не пройдёт мимо.

Из зала – Тем не менее, если у нас есть какое-то другое понятие, не имеющее вещного референта, «счастье», например, где гарантия, что «счастье» не хочет, чтобы его кто-то заполучил?

ЮБ – А вот со «счастьем», там, сложнее.

Из зала – Ну, сложнее, а принцип-то, мне кажется, один и тот же.

ЮБ – Принцип тот же, но что самое главное-то? Он – не в вещи. Самые фундаментальные понятия, с которыми имеют дело люди, они, вообще, к вещам не имеют отношения. «Счастье», «горе», там, «радость», «слава» – миллион разных понятий. «Гениальность», «власть»...

Вот, что такое «власть»? Есть король в короне. Что главнее? И есть ещё подданные. Что такое «власть»? Лиши короля короны, и он лишится власти. Лиши подданных, будет то же самое... Как говорят, «подданные играют короля». На самом деле! Если подданные его перестанут признавать, он перестанет быть королем. Он потеряет власть. И «власть» – вся вот эта конструкция. Она совершенно разнородная. А вовсе не президент или какой-то король, сам по себе, телесный.

Из зала – Просто, даже наличие этой короны, вещественное, как бы...

ЮБ – У нашего президента нет никакой короны, но суть от этого не меняется.

Из зала – Я о том и говорю, что этот признак – наличие вещного референта – он принципиальным для понятия «власть» не является.

ЮБ – Не является, это правильно. Но обратите внимание, все позитивные науки этого в принципе не признают. Они обнюхивают и измеряют именно вещные референты. Экономисты измеряют, сколько чего произведено. Финансисты считают, сколько бумажек из одного кармана переехало в другой карман, или с одного счёта перескочило на другой счёт.

Из зала – Бессмысленно всё это...

ЮБ – Я и говорю про это – бессмысленно! Это полное и всеобщее помешательство. Но все люди с серьёзным видом этими глупостями занимаются. Хотя, вроде бы, если так, со стороны, посмотреть – полная бессмыслица. А то, что, на самом деле, имеет значение для людей и для общества, оно не ухватываемо, поскольку людей не научили, как это можно делать. Ну, нигде не учат ни деятельностному подходу, ни методологии, ничему. У кого-то, там, собственной энергии и воли хватает что-то читать, или в компанию в какую-то попал, как вы, например, попали сейчас, как куры в ошип, может что-то осмысленное проклюнется... А вообще-то говоря, это – «ведро» на голове: щупаешь, действуешь одним образом, а глаза тебе говорят про другое. Во всех книжках написано другое. Все люди тебе говорят, в аудиториях тебе говорят другое: говорят, что есть какой-то «спрос и предложение»; говорят, что есть какая-то «эффективность экономики». Начинать спрашивать, что такое «экономика»? Никто сказать не сможет. Пощупать её нельзя.

Вот, говорят, город у нас то ли развивается, то ли, наоборот, загнивает. А что такое «город»? – вообще-то, совершенно непонятная вещь. Если посмотришь сверху,

это не город, это всего лишь, там, улицы, дома... А город-то где? «Город» – это очень многосложное и постоянно меняющееся понятие. И таких понятий, ещё раз повторяю – миллион.

Теперь давайте дальше шажочек сделаем. «Гетерохронны». Все эти предметы – там, или вот там, или где угодно, любую деятельностную ситуацию возьмём – помимо того, что они разнородны, они ещё разновременны. Все вот эти элементы любых деятельностных ситуаций живут в разных временах.

Мы привыкли к тому, что у нас одни часы тикают. Как бы, идёт линейное время. Хотя оно тоже не всегда у людей существовало. Совсем недавно, до XVII века, никакого линейного времени, вот этой непрерывной временной развёртки не было. А было циклическое время, заданное природой: солнце встало, солнце село. Весна сменяется летом, потом осенью, потом снова – циклами люди жили.

А в деятельностном подходе утверждается, что мы в своей жизни, в своей работе, в своей деятельности, на самом деле, оперируем с вещами и понятиями, которые живут вообще в разных временах.

Были когда-то два этнолингвиста: Уорф и Сепир. Один был аспирантом другого. Сепир был профессором, а Уорф – его аспирантом. Это было в 1930-е годы XX века. И существует у Уорфа (а Сепир там, видимо, приписался как начальник) знаменитая «Лингвистическая гипотеза». Уорф довольно длительное время жил и работал в одном южно-американском индейском племени. Племя называлось Хопи. Оно вымерло. Этих индейцев уничтожили конкистадоры. Не смогли они выжить в той цивилизации, которая на них в XX веке свалилась.

Он там пожил, выучил их язык. Есть его тексты, я даже могу желающим дать почитать. Довольно занятно читать то, что сам Уорф пишет. Он утверждает, что у этих индейцев Хопи было 16 разных времён. У них и язык для этого был приспособлен. Они их не только различали, для этого разные слова были. Они знали, что это вот нечто живёт в одном времени, это живёт совсем в другом времени, это – в третьем, четвёртом, и так далее – их всего было 16.

Но и мы, современные люди, хоть и не индейцы племени Хопи, и хотя у нас язык запрещает говорить о разных временах (у нас в языке одно время, которое часы показывают), на самом деле, не далеко от этих индейцев ушли. Если мы в отстранённой манере посмотрим на то, как мы живём, то поймём, что живём тоже в разных временах. То, с чем мы имеем дело, живёт во времени по-разному. Например, работа над диссертацией у вас идёт в одном временном режиме, любовь совсем в другом временном темпе, биологическое старение в третьем, что-то ещё в четвёртом, в пятом и так далее. И нормальные люди, как правило, довольно легко с этим справляются. Когда он в семье, он живёт в одном временном режиме; когда он на работе, он там, может быть, в совершенно сумасшедшем ритме живёт; когда на отдыхе, он, вообще, чуть ли, не в стоячем времени живёт, и так далее.

Деятельностный подход предполагает, что это – принципиально. Что одни деятельностные организovanности складываются из каких-то других организovanностей, которые мало того, что совершенно разнородны, то есть, порождены из разных мест,

но они ещё и живут в разных временах... Допустим, я, скорее всего, ещё сколько-то лет проживу, а вот этот фломастер, я думаю, уже на следующей неделе станет ничёмной пластмассовой безделушкой. Он просто живёт в другом режиме, хотя мы думаем, что он не живёт. И так далее. Вот этот университет, в котором я работаю, в третьем режиме живёт.

Из зала – Так получается, «режим» и «время», вы, как бы, отождествляете?...

ЮБ – Нет, я имею в виду «временной режим», то есть темп времени идёт по-разному. Вот смотрите.

Из зала – Абсолютного времени нет?

ЮБ – Нет, конечно. И «время» есть относительное понятие. Вот, скажите, чем знаменит Эйнштейн? Вы знаете? (пауза)... Кто может сказать, что самое главное сделал Эйнштейн, за что, в общем, его каждый, даже вот такой маленький ребенок теперь знает? Вы можете сказать, что он такого сделал? Премию ему Нобелевскую дали за фотоэффект. В общем, за полную ерунду, о которой мало кто, хоть что-нибудь знает. А знаменит он совсем другим. Знаете, из-за чего?

Из зала – Теория относительности.

ЮБ – Он отменил абсолютное время. Он сказал, что в зависимости от способа измерения будет разное время. Будем менять способ измерения времени, и оно будет течь по-разному. Этим знаменита теория относительности. И время – относительно. Вот, смотрите, время, в процессе которого вы занимаетесь любовью – это одно время, оно не такое, не то время, в которое вы диссертацию пишете. Просто, совсем не то.

Из зала – Тут имеется в виду, что время – это скорость изменения состояний. Мы-то привыкли время определять тем, что стрелка бежит. И это есть время.

ЮБ – Нет, когда стрелка бежит, это, вообще, внешнее проявление. И даже не времени. Ведь что сделали, когда изобрели вот эти часы со стрелками? Фактически, вот эта движущаяся стрелка к времени не имеет отношения. Ей просто задан определённый и неизменный темп. Кстати, ей могли бы задать совсем другой темп. Он в данном случае – непринципиален. Но установка часов на башне ратуши заставила нас самих измениться. Тем самым так устроили жизнь (это искусственная вещь, деятельность на 100%), что мы теперь подчиняем себя вот этой стрелке. Мы про время-то ничего не знаем и не думаем про него...

Из зала – Просто, можно же как-то в процессе своих каких-то действий определить время, как-то сопоставить себя с другими...

ЮБ – Ирочка, «время», так же, как и «пространство», относится к понятиям неопределяемым. Вы не сможете определить «время», как бы ни старались. Наша механическая цивилизация сказала: вот стрелка движется, это и есть время.

Из зала – Это абстракция, чтобы с ума не сойти...

Из зала – Понятие «время» Аристотель же ввёл, чтобы софизмы решать.

ЮБ – Нет. Для того, чтобы решать софизмы, Аристотель ввёл не понятие времени, а – скорости. До этого не было понятия «скорость», и поэтому тот же самый Ахиллес не мог догнать черепаху. Понятия скорости не было. А время для него было естественным, так же, как и все остальные натуральные вещи... У него же была ме-

тафизика. У него всё было задано постоянно и неизменно. Время задавалось вращением солнца и всеми остальными природными циклами.

А вообще-то говоря, даже в простейшем варианте, если вы начнёте читать серьёзных философов, допустим, того же самого Хайдеггера (у него есть на этот счёт знаменитая книга «Бытие и время»), время появляется тогда, когда вы замечаете, что один и тот же объект изменился, не изменяясь в пространстве. Если нечто меняется, не меняя расположения в пространстве – это есть проявление времени, а само «время» исчезает при этом.

Точно так же, психологи пользуются подобным приемом. Есть целая группа понятий – «горе», «радость», «несчастье» и прочие... Достаточно любое из них как-то определить, и оно как бы отслаивается. Оно исчезает, а человеку становится легче пережить, например, горе.

И время относится к этому же классу понятий. То есть абсолютного, как предполагал Аристотель, метафизического, природного времени не существует. А деятельность, поскольку она соткана из совершенно разных вещей, там и время течёт по-разному. Этот функциональный объект (показывает на маркер) меняется во времени (изнашивается) быстрее, чем я, человек.

А «пространство», к слову, вводится прямо наоборот. Если «время» функционально задаётся через «пространство», то «пространство», наоборот, через «время».

Вот, временная ось (рисует), на ней обозначаем «временные отрезки». То есть мы рисуем «пространство» (отрезки на прямой линии), а говорим, что это – «время» (приписываем отрезкам линии временные характеристики).

«Пространство», наоборот, через «время» задаётся (выявляется): если один и тот же объект не изменился во времени, но изменил своё положение (относительно чего-то другого или себя), это и есть проявление пространства. То есть там, где нечто неизменное может изменить свое положение, там появляется (проявляется) пространство.

Из зала – То есть, если изменений не происходит, времени нет?

ЮБ – Если изменений не происходит, времени нет.

Из зала – И пространства тоже?

ЮБ – А пространство появляется, если меняешься относительно себя же, неизменного. Вот, если Женя предположит, что с ним за 15 следующих минут ничего не случится, а он выйдет за дверь, то это будет проявлением того, что он изменился в пространстве, а не во времени.

Из зала – Это один способ измерения времени. А если бы другие нашли, то уже было бы другое время?

ЮБ – Нет, Юля. Ещё раз повторяю, «время», как и «радость», как и многие разные другие понятия, например, «жизнь», относятся к таким понятиям, которые, *во-первых*, не определяемы, а, *во-вторых*, как только измеришь, они ускользают... Вот, почему в том же мультике герой, которого сосчитали, обиделся?

Из зала – Навредили?

ЮБ – Да, да. Как только сосчитали, так, считай, что тебе вред причинили. Это – понятия такие: как только кто-то их попытается ухватить, они исчезают.

Из зала – Как тогда про скорость говорить? Про скорость, если говорить, что это темп изменения... Т.е. изменяется медленнее или быстрее. Это же скорости?

ЮБ – Да, и что?

Из зала – Физики же этим пользуются, и у них – всё в порядке.

ЮБ – Ну, в физику мы не будем ударяться. В физике, на самом деле, всё просто.

Из зала – Это понятно. «Время» – равномерно и линейно.

ЮБ – Да. Линейное. Но это нужно было для физики. Я же с самого начала, с чего начал говорить? Физики стали делать совершенно определённые вещи и теперь могут только их продолжать. Смотрите, не так, как наша «наука» экономика скачет – один экономист одно скажет про «эффективность», другой – другое, совершенно не связанное с первым, третий, вообще, третье придумает, или откуда-то за уши притянет. А классическая наука (например, физика), она же если достигла какого-то рубежа в знаниях, то следующий учёный обязательно должен уже от этого оттолкнуться и ещё один шагочек сделать.

И в естественных науках во всех так. Моя жена (поскольку она крупный химик) поначалу жутко удивлялась, как это так возможно, что один про одно и то же говорит одно, а другой, просто, прямо противоположное, никак не соотносясь с первым. У них в химии это в принципе невозможно. То есть, если уже получено определённое знание, то следующее может только отталкиваться от этого и, как бы, над ним надстраиваться. Поэтому физика не может принять на вооружение другие представления о времени, кроме уже принятых самой физикой.

Теперь третье слово (показывает на доску): «гетерархированы». Это ещё сложнее. Любая организованность деятельности гетерархирована в том смысле, что в ней можно выделить разные иерархии, принципиально разные иерархии, на разных основаниях построенные. И нельзя сказать, какая из этих иерархических структур главнее и правильнее. Если взять общество, то это хорошо видно. Например, Маркс выделил одну структуру. Он сказал, что самое главное – это производительные силы, а всё остальное из этих производительных сил вытекает. И дальше целую теорию построил. Затем появился Вебер, он сказал, что общество устроено совсем не так. И построил совершенно другую иерархию, где в основе лежит культурная нормировка, а вовсе никакие не производительные силы. С третьей стороны, на то же самое общество посмотрел Фрейд и построил третью иерархию. Теперь спрашивается, кто из них прав? Все правы и все неправы.

Вот, смотрите, «общество» – это нечто такое (это же относится и к «человеку», и к «технике», и к «экономике», и ко всем остальным общественным организациям), которое позволяет выделять внутри себя совершенно разные организации и разные иерархии. «Иерархии» в том смысле, что главнее, и что откуда вытекает.

Деятельностные объекты все гетерархированные. Это прямо противоречит тому, в чём живут классические науки. Всякая классическая наука предполагает, что

есть одно начало, которое, собственно, порождает предмет этой науки. Если выделяются цепочки «молекул» и, соответственно, находятся способы работы с ними (я уже говорил, что были выделены три типа операций с ними – соединение, разъединение и замещение элементов этих молекул), появляется химия. Соответственно, ничего другого химия просто не воспринимает и не делает. От всего остального, как они говорят (впрочем, и другие так же говорят), абстрагируются.

Но мир этим не исчерпывается. Можно посмотреть на то же самое совсем с другой стороны. Со стороны, например, социологии, где говорят, что есть «группы», и существует взаимодействие между этими группами. И дальше показываются типы этих взаимодействий.

Экономика, в свою очередь, говорит другое: есть «обмен» между товаропроизводителями, и выделяются инструменты этого обмена. Соответственно, строятся разные кривые и показывается, как рыночная метрика (которую мы «ценами» называем, а немцы когда-то называли «товарной маркой») меняется в зависимости от каких-то характеристик – «спроса», «предложения», ещё чего-то. Сорос, к примеру, утверждает, что от «ожиданий» рыночных игроков, кто-то, там – ещё от чего-то. Но смысл всё равно остаётся тот же.

А деятельностный подход предполагает, что любая деятельностная организованность – в принципе гетерархирована. То есть одновременно существует разное, и что из них главнее, сказать нельзя.

Отсюда вытекает очень **важный принцип: в деятельности причинность не работает.**

Вот я стрелку провёл (рис. 1.3) – от основания, которое кладётся учёным-предметником изначально, и дальше – к разворачиванию соответствующего научного предмета. У Фрейда, там, «либидо», у Маркса – это «производительные силы», у Вебера – «культурные нормы» определённого типа (этики). И дальше по причинно-следственным цепочкам это всё разворачивается.

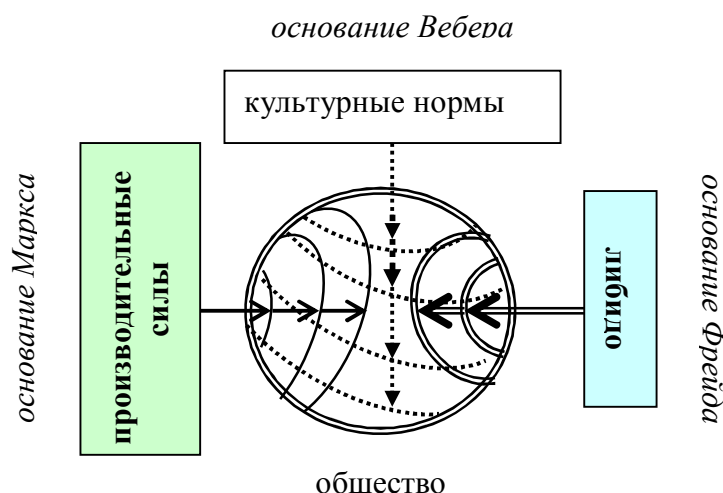

Рис. 1.3. Разнопредметные идеализации общества

А в деятельностном подходе причинность изначально отрицается. Никаких причин того, что мы, например, сидим здесь, в этой аудитории, а не ходим вон там, за окном, нет. Никаких причин того, что мы сидим именно на стульях, а не на полу, поджав ноги, как у некоторых народов принято, тоже нет. Никаких причин того, что вообще появился вот этот деятельностный подход, или, там, какая-нибудь таблица химических элементов Менделеева, или ещё что-нибудь, или система координат Декарта – тоже не существует. То есть деятельность разворачивается не причинным образом, не от какого-то начала (основания), и дальше по принципу домино: толкнул одно звено, и оно причинно-следственную цепочку выдало. В деятельности это не работает. Просто, не работает!

Из зала – А тогда почему мы сидим в этой аудитории, сидим на стульях, и так далее по списку?

ЮБ – Это не «почему». Почему вы ложкой едите, вы можете сказать? Потому что вас так научили.

Из зала – Потому что ложка для этого придумана.

ЮБ – А китайцы, например, едят палочками. А, например, люди из племени туарегов в Африке едят с локтя. Вот так вот (показывает), и считают, что это очень удобно. Нет причин того, что мы живём, и что мы, по своей глупости и ушибленности вот этими позитивными науками, думаем о мире определённым образом. Сколько угодно можно выдумывать «причины». Например, муж с женой решили развестись. Спрашивают, почему? Муж говорит: «Так, тёща во всём причина». А на самом деле, если начать разбираться, тёща-то ни при чём. У него просто была целевая установка, допустим, разменять квартиру и отселить тещу. Но не получилось. Это – не причина.

Из зала – Ну, а то, что «не получилось» – причина?

ЮБ – Нет, конечно. Сейчас я это буду пояснять. Всё это – очень важные и принципиально важные вещи. То есть до тех пор, пока мы будем считать, что то, что у нас в жизни и в нашем обществе происходит, это побуждено причинами, мы будем пытаться поймать нечто такое, чего вообще не существует. И наоборот, не видеть то, из-за чего и как это всё происходит.

Из зала – В естественных науках то, что мы, допустим, шарик отпустили, он упал, это причина?

ЮБ – Это причина. В естественных науках – да.

Из зала – А в общественных это не факт?

ЮБ – А в общественных это не факт.

Из зала – ...мы можем его отпустить, а он не полетит?

ЮБ – Или не отпустить. Или, например, не захотеть отпустить.

Из зала – Причина, на самом деле, есть.

ЮБ – Нет.

Из зала – То есть, вообще, их нет?

ЮБ – Да.

Из зала – То есть получается...

ЮБ – В том, в чём мы живем, это всё происходит не по причинам. Это всё зависит от целей того, что собираетесь делать, и от вашей воли, исключительно. Насколько ваша воля способна эту цель реализовать. И третье – от способа осуществления этой цели. А причин там нет.

Из зала – В физике есть причина – это, например, закон всемирного притяжения, да?

ЮБ – Да, есть притяжение к земле, он туда и падает. Если я стукнусь вот об этот стол коленкой, и у меня синяк возникнет, соответственно, этот удар будет причиной этого синяка. Но это только у этого материала, природного. А я могу это сделать специально, чтобы, например, вас отвлечь, и при этом там что-то произойдёт. И это будет, смотрите, не по причине, а я специально сделаю определённое действие, которое другие будут трактовать по-разному: кто-то меня пожалеет, что у меня коленка раздробилась, кто-то ещё чего-то. Но смотрите, мы всё время заблуждаемся, когда говорим про какие-то причины...

Вот, вся наша экономика построена на чём? Есть средства производства (технология), мы туда вставляем сырьё, оттуда вываливается продукция. И смотрите, вот этот причинный ряд (рис. 1.4): «сырьё», потом «технология» какая-нибудь и «продукция». И вот так, последовательно начинаем вычислять: 1) какое у нас есть сырьё? 2) где взять технологию? 3) получаем продукцию.

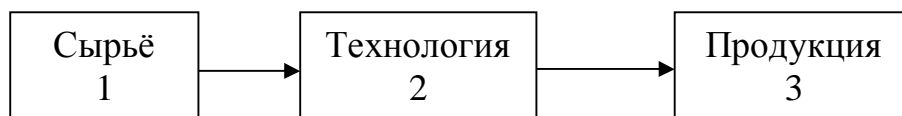

Рис. 1.4. Причинный ряд в производстве

Как только сырьё и технологию получили, мы потом ничего другого уже делать не можем.

Вот, обратите внимание: деятельностный подход предполагает прямо обратную последовательность (рис. 1.5): есть некая цель 1 у деятеля (фигурка человека на рис. 1.5). И эта цель определяется не тем, чем ты владеешь, а тем, **что́ требуется в той ситуации, где вот этот продукт будут использовать (употреблять)**. Т.е. совсем в другом деятельностном акте.

Смотрите, цель вытекает не из того, что ты можешь производить в своём акте деятельности, а из того, что нужно в другом месте для употребления. Точно так же целевые требования к сырью вытекают не из того места, где сырьё производится, а из того, где оно будет употреблено (цель3).

Из зала – Причина как объективное явление существует. Просто, другое дело, что мы неправильно их сопоставляем. Мы считаем, например...

ЮБ – Ирочка, нет «объективных явлений» в деятельности. Деятельность субъективна. Объективно существуют лишь некоторые возможности действий. Ты можешь действовать, а можешь не действовать. Ты можешь, конечно, сказать, что причина того, что ты развелась с мужем, такая-то. Или не сказать. От этого ничего не меняется.

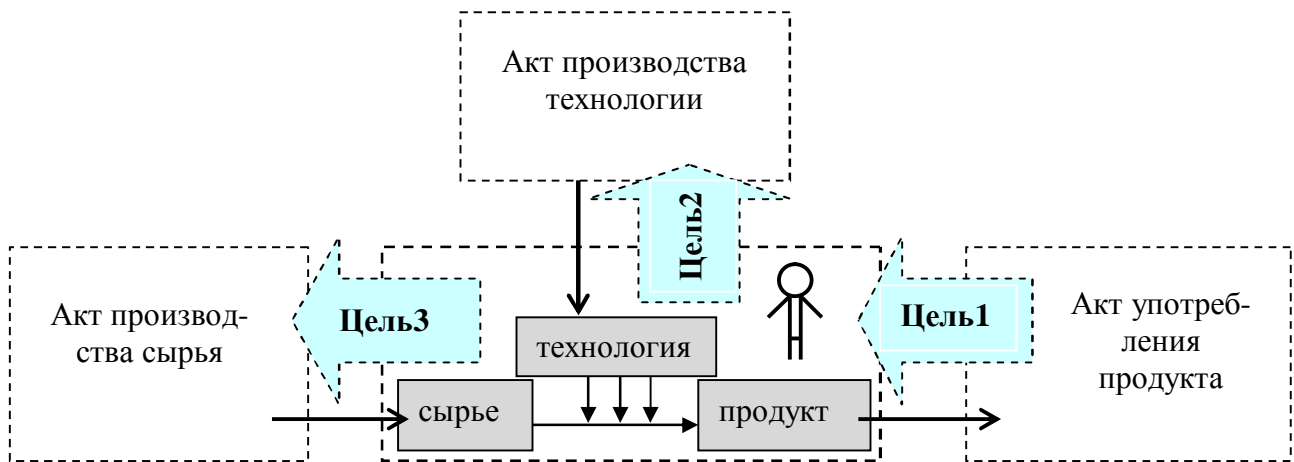

Рис. 1.5. Деятельностный акт производства продукта

Из зала – Если что-то является движущим фактором какого-то события, то это и есть причина этого события.

ЮБ – Нет, и нет!

Из зала – Да!

ЮБ – Это очень грубый аристотелизм, который выделял 4 типа причин, в том числе «целевые причины». Это древний атавизм.

Из зала – Хорошо. «Цель» – причина?

ЮБ – И «цель» – не есть причина.

Из зала – Может быть, просто у меня в понятиях что-то не так. Что вы называете «причиной»?

ЮБ – «Причина» – это когда в некоторой естественной области, которая от нас не зависит (есть же естественный материал, его же отрицать нельзя), возникает одно событие, называемое «причиной», которое автоматически влечёт за собой определённые «следствия». Категории «причины» без «следствия» не бывает. Это вот причинно-следственная связь. Она бывает только в очень узком классе явлений, относящихся к природным. Если ты вверху реки кораблик пустишь, внизу можешь поймать.

В общественной жизни никаких «причин» нет. Просто нет, вообще. Мы причинами называем другие вещи. Я вам говорю: у вас здесь (на внутренней стороне вашего «ведра» на голове) написано «причина», а вы действуете по-другому. Нет никакой причины, чтобы вам диссертацию писать. Нет! Более того, нет никакой причины, вообще, сидеть здесь, на этом месте. Нет, и всё! Наоборот, это вредно. В связи с вашим сидением здесь в вашем организме могут возникнуть причины другого характера. Но в общественной жизни всё осуществляется за счёт цели, воли и способа работы.

Из зала – Но всё равно... Я понимаю, конечно, на счёт общественной жизни...

ЮБ – Отлично. Поэтому вся экономика, вся экономическая теория должна быть перевернута с ног на голову. Точнее, с головы на ноги поставлена.

Из зала – По сути, получается, что причина даже в реальном мире – это какая-то абстракция...

ЮБ – Да, да. Поскольку когда-то люди заметили, что после некоторых событий автоматически наступают другие события. Аристотель так и назвал: предыдущее событие, вызвавшее последующее, называется «причиной», а последующее – называется «следствием».

Из зала – А если широко это обсудить, то «причины» и «следствия» в естественных науках просто очень распространены.

ЮБ – В общем, да. А в общественных дисциплинах это вообще не работает.

Из зала – А в общественных тогда, что вместо «причин»?

ЮБ – А в общественных дисциплинах вместо «причины» и «следствия» существует так называемый «качественный переход» (рис. 1.6). Это означает следующее. Есть некоторые предпосылки, которые в один прекрасный момент могут за счёт разных обстоятельств и за счёт разных действий людей каким-то образом соединиться и породить совершенно новое явление. Вот так возникает, вообще говоря, история. Есть некоторые исторические предпосылки, например, были деньги, были рынки, были товары, а потом при определённых условиях всё это определённым образом соединилось ещё за счёт какой-то предпосылки...

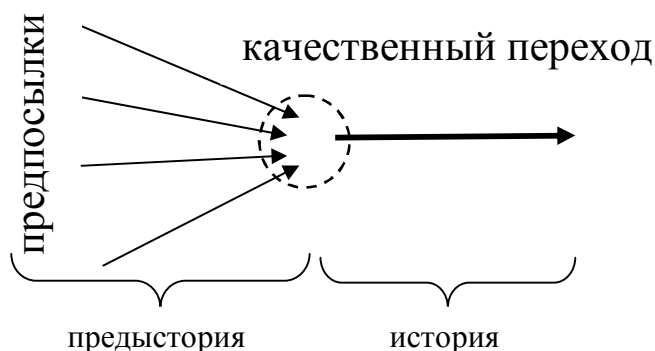

Рис. 1.6. Общественный аналог причинно-следственной связи

Макс Вебер, например, говорит, что появилась ещё одна предпосылка, особая культурная нормировка жизни в протестантских общинах, и возник капитализм. Никакой причины возникновения капитализма не было. Был качественный переход. И «качественный переход» – это всегда появление совершенно другого качества. Гегель это трактовал через категорию перехода количества в качество. То есть накапливается много разных количественных характеристик чего-либо, а потом, вдруг, бах! – и возникает совершенно другое качество. Но это не есть причинно-следственная связь.

То, что появился, например, человек, не значит, что сколько-то там животных много-много раз друг с другом скрещивались, и потом, вдруг, раз, и по этой причине появился человек. Это был качественный переход. Человек качественно отличается от обезьяны и любого другого животного. И сколько бы биологи ни искали так называемое «недостающее звено эволюции», которое покажет причину появления человека, всё бесполезно. Этого не произойдёт никогда! Ну, они же как считают?

Я тут, буквально вчера, вычитал в Интернете недавно придуманную новую «теорию эволюции». В ней сказано, что, якобы, была какая-то водоросль, она выполз-

ла на землю. Потом она стала причиной чего-то другого, потом третьего, потом четвертого, и, наконец, появился человек.

А Дарвин и последующие дарвинисты говорили, что есть вот здесь обезьяна, а здесь – недостающее звено. Вот, отсутствует! Не могут найти, как ни ищут. То, что являлось причиной появления человека.

Не было его, вот и не могут найти.

Из зала – Это шутка была у Дарвина.

ЮБ – Это не шутка была, они серьёзно. Вот сидит наш коллега, он биолог по специальности, он может даже подтвердить...

Из зала – Действительно, искали.

ЮБ – Серьёзно, они искали это недостающее звено. Но бесполезно. То есть искали там, где светло, а не там, где потеряли – так говорят. Сколько угодно можно искать там, где причинность, а найти невозможно. Качественный переход – это действительно качественный переход. И смотрите...

Из зала – А могло так и не произойти?

ЮБ – Могло и не произойти. У того, что у нас возникла именно вот такая «механическая цивилизация», техногенная, никаких причин не было. Просто, много обстоятельств сложилось определённым образом – и возник качественный переход. Появилась совершенно определённая история.

То же самое с «нациями», то же самое со всеми другими вещами, с которыми имеет дело человек.

Про некоторых людей, например, говорят: «гениальный». Ещё говорят: «гениальный от рождения». Полная чушь. Было много разных предысторических обстоятельств, которые определённым образом сложились, и появился, к примеру, Эйнштейн. Это качественный переход. Но никаких причин появления Эйнштейна в истории человечества нет и быть не могло. Так же, как нет причины того, что мы здесь с вами сидим и чего-то обсуждаем. Я-то надеюсь, что после наших обсуждений будет качественный переход, а вовсе не причинное воздействие.

Но одному человеку поперёк это всё встало, и он спокойно ушёл.

Из зала – Нет, он заранее говорил, что должен будет уйти...

ЮБ – Ну, ладно. Второй момент, тоже очень важный. Помимо качественного перехода, который здесь заменяет причинно-следственную цепочку событий, **во всех общественных и деятельностных вещах принципиальную роль играет культурная нормировка.** То есть это рисуется обычно таким образом (рис. 1.7). Люди живут в двух пространствах, имеется в виду человеческое общество. В одном пространстве существуют культурные нормы, которые транслируются по определённым каналам. Только, пожалуйста, не представляйте это натуралистически: что, будто бы, есть некие «трубы», через которые нормы движутся.

Имеется в виду, что всё то, что мы ложкой едим, на стульях сидим, в кровати спим, у нас должны быть квартиры, а не пеналы, в которых мы ночевать собираемся, и всё остальное, что нас окружает, так устроено... Я почему-то должен вот эту тряпку

каждый день надевать (показывает на свой галстук). Какая «причина» того, что я её ношу, а Ира, например, не носит подобной тряпки? И так далее.

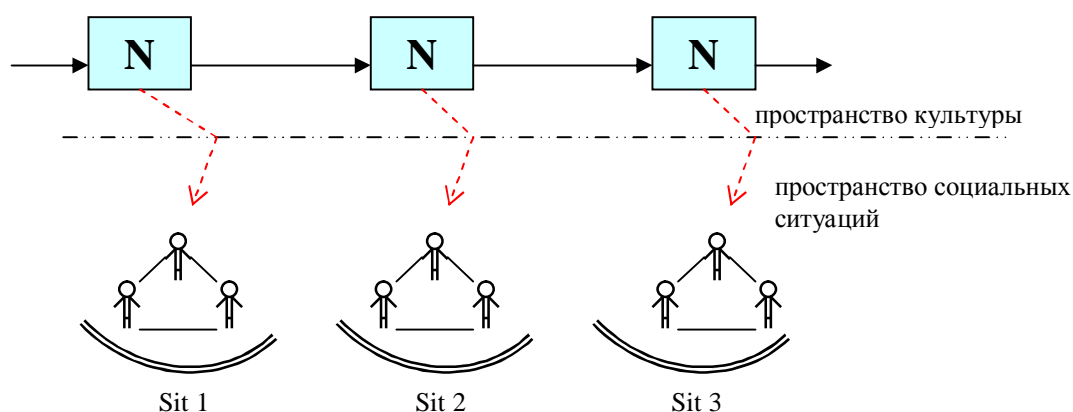

Рис. 1.7. Трансляция норм культуры и воспроизводство деятельности

Это связано с тем, что при определённых обстоятельствах сложились некие культурные нормы, они транслируются в определённых каналах, не зависящих от людей, а социальные ситуации – ситуация 1, ситуация 2 и т.д. – это в пространстве, где люди взаимодействуют между собой по определённым правилам. Но они не сами по себе, не произвольно взаимодействуют. Они взаимодействуют под регулирующим влиянием вот этих норм. Мы говорим на определённом языке, и это совершенно определённая культурная нормировка. И всё остальное, что я уже произносил. Это не по причинам. В других обществах это по-другому. В обществе, в котором жил тот же самый Аристотель, подобные мероприятия, как наше сегодняшнее, регулировалось совершенно другими нормами. Они не сидели за столами. Они, например, возлежали, попивали вино, разбавленное водой, и одновременно беседовали. А у Платона другая была норма.

Из зала – Гуляли.

ЮБ – Да, гуляли по саду, называемому Академией. И так далее. Если не разбираться, как эти нормы возникают, и как они реализуются в тех или иных социальных взаимодействиях людей, ни в обществе, ни в деятельности, вообще, понять ничего нельзя. И это не причинная вещь.

То, что возник в своё время капитализм, как показал Макс Вебер, обусловлено было совершенно определёнными культурными нормами жизни: они сначала сложились в первых протестантских общинах – нормы работы, экономии, бережливости, трудолюбия и всего остального, и только тогда появился капитализм. Там, где подобные нормы не складываются, никакого капиталистического общества не возникает. Это был очень узкий класс общественных отношений. И в Европе капитализм был лет 50 или 100, и только в некоторых государствах – в Англии, Голландии и ещё совсем в немногих.

Никакого капитализма сейчас нет. Нигде. Это полная чушь. Точно так же, как у нас нет никакой «рыночной экономики». Мы живём просто по другим нормам, не сегодня возникшим. А нас всё время заставляют называть это «нечто» другими слова-

ми. А поскольку это с трафаретами Запада, которые классики описали, не сходится, мы говорим, там, «дикий капитализм», ещё какие-то эпитеты придумываем. А на самом деле, это всё равно, что сказать, что у каких-нибудь муравьёв капиталистическая организация существует.

Из зала – Но если писать соответствующую диссертацию, то можно и доказать...

ЮБ – Диссертацию можно защитить, вообще, на чём угодно. Это – не вопрос.

Ну, и, наконец, есть ещё одна, третья, и тоже **очень важная вещь: «субъективно-деятельностное отношение» людей.** Объективно существуют лишь разные возможности.

Материальный мир, который господом Богом был создан, и мы считаем это естественным, этот материальный мир настолько хитро придуман и осуществлён, что он позволяет на себе как на материальном носителе реализовывать совершенно разные возможности. Человечество до сих пор использовало лишь очень незначительную часть тех возможностей, которые, в принципе, можно в этом мире реализовать. А всё остальное, помимо вот этого, естественного, природного материала, который в методологии деятельности трактуется как «материал, предназначенный для преобразования», это – «деятельностные организованности».

Мы, на самом деле, ни к чему не приспособливаемся. Например, понаблюдайте за животными: животные приспособливаются. Если бросишь одеяло как-нибудь комком на диван, кошка подойдёт и будет долго-долго приспособливаться, чтобы лечь. Но она ни за что не поправит, не расправит, чтобы удобнее было лежать на одеяле. У животных этого нет.

Человек же никогда не приспособливается. Он всегда меняет всё, с чем сталкивается. Меняет с помощью знаний, меняет с помощью действий. Меняет всё! И никогда не сядет на кол, который острый. Во всяком случае, по доброй воле, и, тем более, с определённой целью никогда не сядет. Он его всегда каким-то образом изменит.

И весь этот материальный мир в деятельность втягивается и переделывается под соответствующие требования, функции, нормы использования и всё остальное.

Но обратите внимание: **никакие теории – ни экономические, ни психологические, никакие другие – вообще этим не занимаются.**

Деятельность изначально трактуется именно как «субъективная деятельность». То есть нельзя думать, что деятельность, вообще, вне людей существует, как, вон, то небо. Когда я вот так рисую знак пространства деятельностных норм (показывает на рисунок 1.7), это всего лишь метафорическая картинка. Нельзя думать, что эти культурные нормы где-то над нами витают. Человек в своей мысли и в своих действиях начинает этим руководствоваться, и себя под них в своём сознании подводит. И это всегда субъективно! Без субъективной активности никакой деятельности не бывает. Активность всегда субъективна, объективны только возможности выбора.

А выбор зависит от того, что ты хочешь? Какие ты цели ставишь? Какие средства и методы у тебя есть? И насколько у тебя воли хватит? Поскольку все будут, естественно, противиться. Т.к. человек – такая «скотинка», нехорошая, помимо всего

прочего, о чём я уже сказал, она ещё и не любит меняться. А её без конца меняют все, кому не лень. На самом деле, людям это даётся жутко тяжело. Многие с трудом переносят, некоторые – легче.

Но, вообще-то, говоря, абсолютное большинство живущего сейчас человечества не ориентировано на изменения. Я уж не говорю про каких-нибудь папуасов. Даже если взять Китай, который скоро половину земного шара по численности населения будет составлять. Они, вообще, не ориентированы ни на какие изменения. На изменениях, называемых «развитием», помешана лишь маленькая кучка европейцев, в которых в своё время заронили это зерно развития и непрерывного изменения.

Итак, **выбор возможностей, которые объективны, зависят от этих трёх вещей – от воли, цели и способа взятия.** И ни от каких причин! Великими становятся только те люди, которые приобретают и осваивают (т.е. делают своими) эти три вещи.

Соответственно, вы должны понимать, что «воля» противостоит «желаниям». «Желания» естественны – желание покурить сигарету, желание выпить, желание, там, ещё чего-нибудь. А «воля» – это когда человек способен противостоять этим естественным желаниям. Если он неспособен противостоять естественным желаниям, он ничего не добьётся. Его будет нести в этом мире, как скорлупку в потоке.

Кроме того, если человек для себя целей не ставит, чего он собирается достичь, то, соответственно, тоже ничего не бывает. Но, даже если вы цели попытаетесь поставить, если у вас нет способа достижения цели, то это тоже – благие пожелания, а во все никакие не цели. Или иногда говорят: без «способа взятия», или «способа реализации», или «способа действия», без разницы.

Даже если мы возьмем вещный мир (мир вещей, которые нас окружают), мы различаем не сами эти вещи. Это нас наше сознание без конца обманывает. Если бы вам показали какой-нибудь неизвестный вам предмет, известно, что бы вы стали с ним делать. Вы бы так постучали – ага, деревянное или железное... То есть человек всегда расслаивает понятия, с которыми он сталкивается, и с разных сторон на эту вещь пытается поглядеть через разные «призмы». Например, если взять стол, то я постучу, даже если с закрытыми глазами – ага, «деревянное». Пощупаю – «конструкция» какая-то, можно собрать, разобрать. В то же время, даже если вслепую его ощупать, будет понятно, что это совершенно определённое «функциональное место». И оно отличается, например, от стула, от той тумбочки, от этой доски. Именно функционально отличается, т.е. по способу употребления. И мы, соответственно, говорим «стол» не потому, что мы увидели эту вещь, а потому что вот эти разные понятия, которые у нас в сознании есть, эту конфигурацию выстраивают. Мы говорим: конечно, деревянная конструкция, которая предназначена для того, чтобы за ней писать или есть, в русском языке называется «столом». В других языках то же самое по-другому называется.

И это касается всех вещей. Буквально, всех. То есть если вы не владеете понятийным аппаратом, вы вещи различать не сможете. Просто не сможете, и всё! И многие вещи у нас по жизни не различаются. Например, начини спрашивать, чем «демократия» от «автократии» отличается, редкая человеческая особь сможет хоть пять

нормальных слов сказать по этому поводу. Всё остальное будет бредом, в чистом виде. Поскольку на самом деле «демократия» от разных других форм правления отличается вовсе не тем, на что почти все обязательно смотрят. «Выборы» – чаще всего говорят. Выборы к демократии имеют 25-ое отношение.

Особенно это касается тех вещей или тех понятий, которые не имеют вещного референта, когда мы вынуждены слово «вещь» брать в кавычках. Там, соответственно, без понятийного ряда и умения оперировать понятиями, их расслаивать или, наоборот, наслаивать друг на друга, вообще невозможно двигаться.

Как работает естественная наука (любая)? Я вам уже об этом немного говорил. Естественная наука выделяет мыслительный, неизменный, раз и навсегда данный «идеальный объект», находит «способы оперирования» с этим объектом и, соответственно, изучает, где и при каких условиях это можно найти в природном мире. Те ищет «способы проверки» правильности построенных научных идеализаций. И всё это называется «научным исследованием». Если к идеальному объекту не прикреплены операции, процедуры и способы проверки, наука не возникает.

Деятельностный подход этот принцип тоже берёт на вооружение, но дополняет ещё целым рядом других вещей. Например, «категориальным анализом», это мы тоже будем разбирать. Или, например, «схематизацией».

Все объекты науки неизменны. Они неподвижны. Когда бросаешь камень, он летит по определённой траектории. Она была и при Аристотеле такой же, и сейчас точно такая же. С точки зрения науки, в мире ничего не меняется. Наука этим и сильна. Она выявляет инварианты, и за счёт этого у неё появляются гигантские возможности.

Итак, научное знание появляется только тогда, когда можешь выделить операции и процедуры для работы с идеальными конструкциями и находишь способы подтверждения их в материальной реальности. Если операции и процедуры не можешь выделить, то оно и не появляется.

А в деятельностном (методологическом) подходе всё это представляют в таком виде (рис. 1.8).

Представьте, что вот – человек, он находится в помещении, как мы здесь. Это – пол, это – одна стена, это – другая стена... Представим себе, что на нижней плоскости (условный «пол») изображаются объекты, с которыми имеет дело наука; на левой плоскости («стене») – операции и процедуры, которые применяет по отношению к объектам деятель (исследователь); на правой плоскости фиксируются знания об объектах исследования и применяемых к объекту операциях и процедурах.

Так вот, деятельностная методология, в отличие, например, от естественных наук, удерживает отдельно все три указанных пространства, и не смешивает, не подменяет одно другим. Естественные же науки тоже задействуют три указанных пространства, но публикуют лишь то, что представлено на нижнем и правом пространстве (знания 1 об объектах исследования). А про операции и процедуры (знания 2), которые были задействованы в процессе исследования, они, как бы, забывают. И стараются об этом вообще ничего не говорить и не обсуждать.

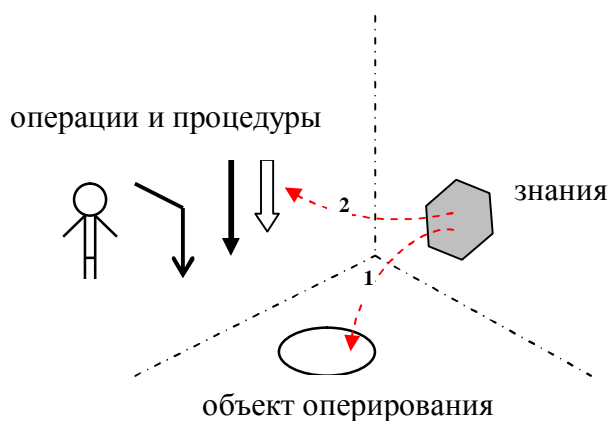

Рис. 1.8. Два типа знаний: научные и методологические

Между тем, «атом», к примеру, в его современном представлении появился только из-за того, что надо было атомную бомбу делать. Осуществлялась целая серия совершенно определённых операций. То есть пытались разломить этот атом, чтобы из него выделилась гигантская энергия. И он поэтому так и был сконструирован – только под эти операции и процедуры. Но представляется всё так, как будто это – «объективное описание природного мира».

Если бы физическая наука пошла не за Ньютоном, а пошла, например, за Декартом, который представлял, что все вещества состоят не из таких вот «атомов» (с ядром внутри и электронами, вращающимися вокруг ядра), а из «вихрей», там была бы совершенно другая физика, и техника. И, как говорят некоторые знающие люди (например, Геннадий Копылов много об этом писал: на моём сайте (berezkin.info) есть его тексты, можно почитать), мы бы сейчас не на автомобилях ездили, а летали бы на гравитопланах. Говорят, что это было бы существенно удобнее.

Деятельностная методология различает и удерживает все три пространства. Она видит здесь объекты, и это называется «объектная ориентация». А на этой «стене» различает операции и процедуры, отдельно: это – так называемая «оргдеятельностная ориентация». Ну, а на третьей «стене» различает знания. «Знания», с одной стороны, это всегда о каких-то объектах. А, с другой стороны, «знания» – о последовательности совершенно конкретных операций и процедур с этими объектами. Последние (**знания 2**) – это чисто методологические знания.

И когда деятельностный мир конструируется, например, какая-то деятельностная организованность, главным является вот это (показывает на оргдеятельностную плоскость), а всё остальное является сопутствующим. «Объекты» существуют не сами по себе, а как результаты вот этих действий. Стол не сам по себе существует, а вследствие определённых действий людей. Соответственно, где-то когда-то появился продукт деятельности, который сюда привезли и поставили, в это функциональное место.

Вот, простой пример. Вы здесь сидите, я на вас смотрю. В зависимости от того, через призму какого способа работы я на вас буду смотреть, вы для меня будете представляться совершенно по-разному. Просто, принципиально по-разному. Даже до

безобразия по-разному! Если бы я был парикмахером, я бы посмотрел так: одни волосатые, другие – лысые, с ними, вообще, делать нечего. Если бы я был ловеласом, я бы различал здесь людей только по полу.

Из зала – Ещё красивый или некрасивый.

ЮБ – Ну, и по красивости, да. А если я учитель, то вы бы были для меня, вообще-то, между прочим, бесполое существа. Более того, если я вдруг, не дай Бог, какую-нибудь девушку за определённое место возьму, будет большущий скандал. То есть этого в принципе делать нельзя. Вы для меня – преподавателя – не имеете пола.

А если я вдруг вздумаю вас сосчитать, вы вообще людьми перестанете быть, поскольку считают не людей. Людей соотносят с точками, не отличающимися друг от друга. То есть отличающимися лишь количеством. И пересчитывают эти условные точки: когда одному человеку ставится в соответствие одна точка, другому – другая, этому – третья, и все эти точки соотносятся с натуральным рядом чисел. Так процедура счёта осуществляется.

Если врач на вас посмотрит, он будет смотреть, кто из нас больной, кто не больной; у кого белки жёлтые, у кого суставы хрустят? И всё. И ничего другого его не интересует.

Что всё это означает? **В зависимости от деятельностной процедуры, которую я ставлю перед собой в качестве цели, сущности меняются...** Причины никакой нет вас не считать людьми или, например, считать волосатыми или неволосатыми. То есть один и тот же общественный объект в разных деятельностных ситуациях – предстаёт совершенно по-разному. Это обычно рисуется как множество разных проекций, снятых с одного объекта, и называется «принципом множественности знаний» (рис. 1.9).

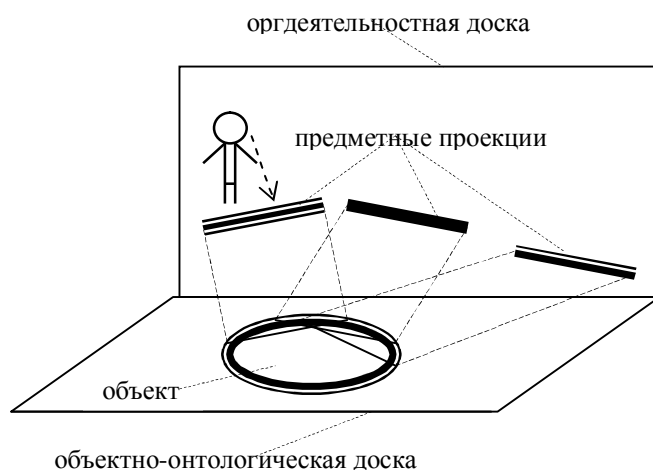

Рис. 1.9. Принцип множественности знаний

Один смотрит – видит только одну сторону объекта, другой смотрит – видит только другую сторону, третий смотрит – видит только третью, и так далее. И кто из них прав, сказать нельзя. Это зависит от того, что действующий и изучающий собирается делать. Знания всегда получаются относительно конкретного способа работы. Более того, схоласты утверждали (утверждали ещё в Средние века), что «**различительность – это функция интеллекта человека, а не функция объекта**».

Вот, вдумайтесь! **Различаются не объекты.** Различает тот, кто смотрит, изучает и действует. И всегда относительно того, что он собирается делать. А объект здесь ни при чём. Просто, ни при чём!

Из зала – И Кант тоже говорил, что время и пространство не сами по себе, а это, просто, способ человеческого состояния...

ЮБ – И Кант говорил, верно. На то он и великий человек.

Это в деятельностной методологии называется «принципом множественности знаний». Между тем, обратите внимание: ни одна позитивная наука – ни естественная наука, ни общественная «наука» – в принципе не допускает множественности знаний об одном и том же. Это называют «шарлатанством». Это называют разными другими нехорошими словами. Это называют «антинаукой». Разные слова придумывают, часто очень плохие, чтобы оправдать свой (научный) способ работы – на мой взгляд, совершенно никудышный, построенный на негодных исходных посылах.

Естественная наука, конечно, достойна сожаления. Но, в то же время, её как-то и оправдать немножко можно. Благодаря естественным наукам появился вот этот мир техники, который мы имеем – эти компьютеры, эти магнитофоны, телефоны, автомобили и всё остальное, что мы вокруг видим и чем пользуемся.

Но это уже заканчивается, вот эта эпоха технических изобретений и новшеств. До предела, просто, доведено практически всё, в том направлении, в котором двигалась 400 лет естественная наука. А потом неизбежно встанет вопрос: что делать дальше? И, соответственно, будет ещё один, очередной, кризис. Подобный тому, что был в физике, например, на рубеже XIX-XX веков. Дальше будет переосмысление. Это уже почти неизбежно.

А в общественных «науках» все эти основания давным-давно не работают. Все эти псевдознания, которые мы в своих диссертациях получаем, являются именно «псевдо-...», поскольку устаревают быстрее, чем мы их получаем, ибо общество меняется сразу, как только я или кто-то другой сказал что-то существенное.

Более того, если бы вы задумались, что цифры, которыми вы манипулируете, там, в своих табличках, и преподносите потом на какой-нибудь публичной защите диссертации как факты, зависят от какой-нибудь тупой девочки, которая одновременно по телефону «базарит», одновременно маникюр делает и записывает эти цифры в какие-нибудь статистические сборники. И при этом 20 раз всё перевирает. Вот это потом якобы «объективируется» и преподносится как нечто такое, на чём якобы можно построить какое-то «научное знание». Полный бред, на мой взгляд.

Сами понятия, с которыми люди имеют дело, и которые деятельностный подход пытается ухватывать, очень разные. Есть **три принципиально разных типа понятий.**

Первый – это так называемые **субстанциональные понятия**, а попросту говоря, имеющие природного референта. Аристотель такие понятия называл «сущностными понятиями». То есть сущность характеризовалась той субстанцией и материалом, с которым имел дело человек. Он описывал понятие «корова». Трава зелёная на лужайке, дерево растущее, цветы цветущие, и всё остальное – то, что мы называем

«данном нам от природы»... Солнышко сияющее, и так далее. Всё это – субстанциональные понятия.

В деятельностном подходе субстанциональные понятия используются, но достаточно редко и крайне ограниченно. Они там, в деятельности, нужны только как указания на тот природный материал, который люди затрагивают деятельностью. Но когда природный материал, некая природная материальная субстанция деятельностью захватывается и преобразуется, появляется *второй* тип понятий – **понятия функциональные**.

В деятельностном подходе они играют главную роль. Всё то, что мы вокруг себя видим; всё то, что на нас надето; всё то, что мы с собой носим; то, что мы дома имеем; на чём ездим и так далее – это всё относится к функциональным понятиям. Используя не очень правильный русский язык, можно было бы сказать: **это – «понятия пользователя»**, так скажем, **«юзерные понятия»**, если на английский манер сказать. То есть все вещи мы используем совершенно определённым образом: либо по своему прямому назначению, либо по не прямому назначению. Но они всегда вставлены внутрь определённого действующего функционального места и, соответственно, приобретают или не приобретают ту или иную функцию. Стул сделан так, чтобы на нём можно было сидеть, а не почему-то другому. Причины никакой нет. Была цель, чтобы, извините, заднему месту было удобно. И все остальные вещи, они – сугубо функциональны. И вообще, вся деятельность соткана из таких функциональных мест: сначала выстраивается конфигурация из функциональных мест, а материальные объекты туда привносятся и приобретают соответствующие функции. Эта пластмассовая вещь (показывает на фломастер), изготовленная на каком-нибудь китайском заводе, прошедшая через какой-нибудь, там, химический конвейер, попала сюда и превратилась во фломастер. Когда она лежала на прилавке, она была товаром, а вовсе не фломастером. Когда она на заводе была, это был продукт того производства, где это было изготовлено. А до этого это было химическим сырьём. Это всё – функциональные вещи. В отличие от субстанциональных вещей, они уже в какую-то деятельность вставлены. Например, дерево, растущее в тайге, имеет соответствующее субстанциональное понятие «дерево». А, вот, бревно в природе не бывает. «Бревно» относится к функциональным понятиям, деятельностным.

Наша экономическая наука совершенно не различает функциональности. Принципиальное отличие «функциональности» от «субстанциональности» состоит в следующем. **У природной субстанции сущность там, внутри**. Например, сущность дерева – внутри дерева.

А у функциональных понятий сущности не бывает. У них есть «функция» – это, как говорят, «бытие в другом». «Функция» привносится извне, из способа обращения с вещью. «Функция» этого фломастера привносится вот этой конфигурацией функциональных мест, где нахожусь я, вот это место, эта доска, эта аудитория и вы. И без всего этого (без этой деятельностной конфигурации) данный материальный предмет не является функциональной штучкой, называемой «фломастером». Если он попадает в детскую комнату, он превращается из фломастера во что-то другое. В другой

функциональной структуре приобретает другую функцию. Если он попадает к дикарю, тот его может, вообще, на шею повесить и как амулет носить. Там будет совершенно иная функция у той же самой материальной вещи.

Из зала – Есть такой показательный пример, что в открывшемся «Музее игрушки» в США самым главным экспонатом является обычная палочка. Функциональным предметом, используемым по-разному в зависимости от того, как мы с ней обращаемся...

ЮБ – Дети, вообще, всё на свете перефункционализируют. Палочки тоже ...

Из зала – ...как бы, функция привносится не из самой палочки, а из другого?...

ЮБ – Не из палочки, это точно. И, вообще, всё, что у вас на столах лежит, всё остальное – всё таким же свойством функциональности обладает. Выбросьте вот этот телефон на помойку, он перестанет быть телефоном. Если вы потеряете телефон, смотрите, телефон вас заставит побежать в магазин и купить новый. Это не причина. Это потерянный телефон (как функциональная вещь деятельности, без которой вы уже жить не можете) на вас воздействует, а вовсе не ваша какая-то там изобретательность или ещё что-то. И таких примеров – миллион с хвостиком.

Из зала – Деятельность воздействует?

ЮБ – Да, именно так. Да. Есть ещё и *третий* тип понятий. Я не смог подобрать более подходящего слова, поэтому назовём так – «**смыслообразующие**». Что я имею в виду? Есть целый класс понятий, или тип, так скажем, их можно перечислить в виде ряда. Например, «радость» или «горе», «эйфория» какая-нибудь, или ещё что-нибудь подобное. Например, «рыночная экономика» или «демократия», это всё в одном ряду находится. «Демократия» – это не функциональное понятие, и это не субстанциональное понятие. «Радость» – то же самое – это и не функциональное, и не субстанциональное понятие. **Эти понятия возникают тогда, когда у определённой группы взаимодействующих людей появляется совершенно определённый общий смысл того, что они делают.** И тогда достаточно в глаза взглянуть и всё сразу становится понятным...

Я недавно был на похоронах, умерла мама у моего коллеги. Там было много людей, и сам ритуал похорон задавал совершенно определённое состояние собравшихся людей. Об этом эффекте очень хорошо Мераб Константинович Мамардашвили пишет. Вы можете это сами почитать.

Из зала – Про плакальщиц?

ЮБ – Да-да-да. Он очень долго не мог понять, зачем эта ложь, которую он, будучи маленьким мальчиком, наблюдал на похоронах близких родственников? Вроде, такое событие – смерть! А тут – явное притворство взрослых.

Дело в том, что по грузинским обычаям, когда человек умирает, приглашают профессиональных плакальщиц. И они специально отработанными рыданиями всех вводят в определённое состояние, именно – горя.

То же самое – свадьба, когда всё начинает происходить с точностью до наоборот. И всякие другие ритуалы, например, церковные, осуществляют то же самое. Каждый раз возникает конкретное смыслообразование в процессе определённым обра-

зом организованного взаимодействия людей. Например, смысл «рыночной экономики» возникает тогда, когда вдруг большое количество людей начинает таскать баулы, заключать договоры, рассчитывать деньгами, и всё остальное делать, что мы можем наблюдать как «рыночную суету». И возникает у людей совершенно определённый смысл. Например, в Советском Союзе этого не было. А если и было, то подпольно.

Из зала – Юрий Михайлович, выделяют три пласта реальности. Как это называется? «Физическая реальность», «социальная реальность» и «политическая»...

ЮБ – Дима, это где ж Вы такие глупости прочитали?

Из зала – ...Я так понимаю, что субстанциональность – это «физическая реальность». Функциональная – это «социальная реальность». А смыслообразование – это «политическая».

ЮБ – Вот примерчик, как можно, вообще, проинтерпретировать всё, что угодно. И таких примеров много...

Из зала – Конечно, интерпретация ничего не доказывает...

ЮБ – Нет. Это всё, конечно, нормально, кроме одного. Никакие подобные интерпретации никуда не продвинут. Если Вы не хотите Нобелевскую премию получить, по-настоящему разобравшись в чём-то, можете сколько угодно интерпретировать. Но всё будет попусту.

Из зала – Надо методы и процедуры сначала выявить, с помощью которых реальность была получена в онтологии...

ЮБ – Да? Удивительно. И какая же «реальность» может быть в «онтологии»? – хотел бы я посмотреть. «Реальность», вообще, в другой стороне от онтологии лежит. К онтологии реальность не имеет никакого отношения. Вообще!

Из зала – А философия занимается реальностью, или как?

ЮБ – Философия? Я же вам сказал, чем философия занимается. А методология по-другому смотрит. Она не в сущность мира смотрит... Философы, видимо, думают, что, вот там (показывает за окно) «три реальности существуют в мире». И то, мне кажется, только некоторые так думают. Всего лишь.

Из зала – Ну, да, конечно.

ЮБ – А методологи, в отличие от ученых и философов, говорят: «как»? Смотрите, вам нужно просто нарубить дров. Философ посмотрит, и будет задавать вопросы: «А для чего дрова рубить?» «Ну, чтобы согреться». «А для чего согреться?» «А что такое дрова?» «А почему нельзя, например, выпить и согреться? Или побегать и согреться»...

То есть проникает всё глубже и глубже в эту ситуацию. А методолог будет по-другому. Он не будет спрашивать: зачем? Что такое дрова? Он будет говорить по-другому: «где взять колун или другой инструмент, например, топор? И как его использовать, чтобы нарубить дров? Как применить такой способ, чтобы эти дрова были порублены?»

Это просто совсем другой заход.

Из зала – Но ведь способ работы может предполагать, допустим, какую-то корреляцию с научным подходом... То есть, если не знаешь, что надо рубить, то и не нарубишь. Хотя бы что-то знать надо об объекте действия.

ЮБ – Да. Эта «корреляция», как Вы говорите, очень даже широко используется. Если, например, методолог знает, что кто-то там из здесь сидящих – «задвинутый научник», у него до сих пор мозги работают, а дальше – предел, это легко используется в разных схемах. Ну, и давай ему возможность двигаться до этого предела, а сам обходи его с другой стороны.

Поскольку в методологии основным средством являются методологические схемы, они очень широко используют естественные свойства материала. И человек представляется в качестве естественного материала с определёнными границами своей изменчивости. А дальше это легко используется. Политики это используют сплошь и рядом. Американцы весь мир уже давно переделывают: зная, на что способны арабы; зная, на что способны африканцы; зная, на что способны русские, европейцы и все остальные – они выстраивают такие «карусели», которые мы потом считаем то финансовым кризисом, то ещё каким-то кризисом, то ещё чем-то.

Но вернёмся к понятиям. Помимо этих трёх разных типов, **понятия ещё имеют очень важные характеристики.**

Есть понятия, которые заставляют людей действовать определённым образом. Это как раз то, что я уже неоднократно упоминал. Пирожное хочет, как говорил Курт Левин, чтобы его съели. Сигарета хочет, чтобы её выкурили. Бутылка водки хочет, чтобы её выпили. Потерянный телефон хочет, чтобы он был восстановлен. А если он не потерян, то, как у Дениса сейчас, он хочет, чтобы его понажимали на кнопки. А студенты, вообще, во время занятий пяти минут не могут вытерпеть: телефон их заставляет...

Из зала – Между прочим, у него есть функция.

ЮБ – Есть, есть, есть. Он для этого и создан. Смотрите, не телефон для человека, а человек для телефона.

И этих понятий очень много. В деятельном мире это очень широко используется. Люди без рефлексии, как только они поддаются на такого рода «воздействия» со стороны разных предметов и понятий, считайте, что этими людьми будут манипулировать, в лучшем виде – и маркетологи, и политики, и всякие разные другие. Просто «обувают», «обувают» и «обувают».

Неопределяемые в принципе понятия – это тоже целый класс понятий, про которые я уже говорил. Это и понятие «человек». Попробуйте определить человека. Ещё, не дай Бог, сделаете так, как было у Аристотеля...

Из зала – ...двуногое без перьев?

ЮБ – Да, двуногое существо без перьев. Как только такое «определение» было произнесено, тут же нашлись умники, поймали петуха, ощипали его и говорят: «Вот – человек».

Как только человека каким-то образом определишь, и он про это узнает, он тут же изменится. Неопределяемо!

То же самое – неопределяемо «общество». То же самое – нельзя определить «мышление». Что такое мышление? Задав такой вопрос, мы сразу попадаем в совершенно идиотский парадокс. Если ты пытаешься определить мышление, ты с помощью мышления это делаешь или не с помощью мышления? То есть ты какую-то часть мышления с помощью другой части мышления определяешь? Спрашивается: ты, вообще, про мышление говоришь или про что-то другое, про какой-то фрагмент его организованности?

То же самое – нельзя сказать, что такое «деятельность». Нельзя сказать, что такое «сознание». У всех есть сознание, но определить его нельзя. Сколько ни делалось попыток, они все такие, частные и фрагментарные.

Очень много понятий, которые меняют конкретных людей...

Из зала – Можно вопрос?

ЮБ – Да.

Из зала – Вот, смотрите, этот естественнонаучный залог, он всё равно подталакивает... Если вы говорите «нельзя определить», а что тогда можно сделать?

ЮБ – Что можно сделать? – это предмет следующей лекции.

Из зала – Или не нужно определять?

ЮБ – Не нужно определять. Как только вы попытаетесь определить этот класс общественных явлений, вы этим явлениям, *во-первых*, вред наносите. А *во-вторых*, эти явления будут на вас воздействовать, иногда очень неприятно.

Из зала – А «определять» и «различать» – это разные вещи?

ЮБ – Это разные вещи.

Из зала – Различать нужно, но определять нет?

ЮБ – Определять не нужно. Если я скажу, что «Денис – дурак», то не факт, что я по морде не получу в ответ. Это, конечно, грубый пример, но очень часто в ответ прилетает совсем с другого бока только из-за того, что вы такое неуклюжее действие, как определение, попытались сделать относительно чего-то общественного.

Есть много понятий, которые меняют людей. Например, как только вы научились ездить на автомобиле, вы изменились. И изменились очень существенно. Как только вы приобрели профессию, то есть вам вменили определённый цикл знаний и умений, способов работы, вы изменились.

Как сейчас говорят? «Компьютерные дети». То есть дети, «рожденные из компьютера». Это совсем не те дети, которые были 20 лет назад. У них и различительность совсем другая, и всё остальное другое. И реакция другая. Они, вообще, на мир совсем по-другому смотрят. В мире они считают главным совсем не то, что дети считали главным ещё несколько десятилетий назад.

Таких понятий становится всё больше и больше. Вот эти телефончики, что у вас на столах лежат, очень сильно влияют на людей. И не только тем, что они радиацией на щитовидку воздействуют, но и за счёт того, что этой игрушкой люди сильно злоупотребляют. Вот, Юлия Федоровна только что ушла. Если бы я соврал, она бы поправила меня. Она мне как-то говорит: «Я еду за рулём, мне скучно. Я достаю телефон и всю дорогу пишу SMS-ки. И одновременно еду».

На самом деле, у нас у многих такая «патология» уже выработалась. Потому что, как раньше говорили: «Если ты за рулём автомобиля и одновременно обнимаешь девушку, знай, что ты и то, и другое делаешь плохо». И с телефоном – то же самое. Если ты SMS-ки за рулём пишешь, то ты меняешься и становишься более плохим водителем.

Есть целый класс понятий, которые меняют целый род человеческий. Причём, меняют очень серьёзно. Вот этот предмет, который мы называем «часами», очень сильно изменил людей. Те люди, которые были до появления часов, впервые установленных на башне ратуши, что находилась на центральной площади какого-то города, они совсем не такие. То есть человек, который ложится спать, когда стемнеет, и встаёт, когда солнце взойдёт, это совсем не тот человек, который перестаёт замечать, когда – ночь, когда – день. Мы можем сидеть до глубокой ночи только из-за того, что есть энергетическая система, и она нам этот искусственный свет даёт. Мы не замечаем дня и ночи. От этого люди очень сильно меняются.

Всё современное человечество очень сильно изменилось за счёт таких предметов и объектов. Никакая наука этого не изучает. Но это очень существенно, особенно в каких-нибудь критических ситуациях, когда мы думаем, что человек будет действовать так, как в каких-нибудь глупых учебниках написано. А он уже совсем другой и начинает действовать совсем по-другому.

И, наконец, **есть понятия «и соответствующие им предметы», которые мало того, что воздействуют на людей, они ещё имеют отложенное действие.** В каратэ есть специальные приёмы: каратист ударит в определённое место, а человек умрёт только через 3 дня. Был такой знаменитый каратист, игравший в кино...

Из зала – Брюс Ли?

ЮБ – Да, Брюс Ли. Так вот, говорят, что его именно так убили: умер через несколько дней, когда след убийц успел простыть.

Но это необязательно только в каратэ. Очень многие вещи, которые мы сейчас делаем, например, реформы. Или как-то влияем на экологию. Мы сейчас, вроде, это делаем, не осознавая или не понимая последствий, а наши внуки будут подыхать.

Из зала – Бакалавриат вводим...

ЮБ – Да, бакалавриат вводим и превращаемся людей снова в обезьян. Обратное. Качественный переход, только в противоположную сторону.

Из зала – Смех.

ЮБ – Нет, смех-то смехом, но университеты-то превращаются в ПТУ, поскольку бакалавр – в ПТУ делается. Это тот человек, который должен руками работать. Университеты превратят в ПТУ. Это будет качественный переход в обратную сторону.

За всё существование человечества, по сути, оформились всего две цивилизации – первая, которая исповедует идеализм, и вторая, которая исповедует материализм. Они несовместимы. Идеализм всегда исходил из свободы воли и целеполагания. Идеализм никогда не предполагал, что человек чем-то повязан и чем-то предопределён. Даже христианская религия провозглашает свободу воли, вероисповедания

и всего остального. **Не predetermined должен быть человек. Иначе он перестаёт быть человеком.**

А «материализм» всегда исходит из predeterminedности. Как будто всё происходит по predeterminedным законам. Постоянным и неизменным. Маркс даже удосужился историю сделать закономерной: сначала «феодализм», потом «капитализм», потом «социализм», потом «коммунизм». Как в трамвае, или как в поезде: по predeterminedным станциям едешь. Это было одним из основных аргументов у критиков Маркса: что это такое? Как это история может быть закономерно устроенной? И та же самая история показала, что всё это, в общем, была такая туфта, идеологическая!

Но она и делалась Марксом как идеологическая туфта, чтобы воздействовать на людей и, соответственно, их изменить. Он их и изменил. По крайней мере, половину человечества.

Деятельностный подход – на стороне идеализма. Он предполагает, что **человек – существо нематериальное.**

«Тело», конечно, вещь важная и нужная, но только как условие для существования человека. Но – не сам человек. Условие и то, что этим условием обусловлено – это разные вещи. «Тело» – это всего лишь материальное условие, или материал-носитель. Он сложно устроен, конечно. Но всё равно – всего лишь материал-носитель. И это – преобразуемая субстанция. Вы знаете, что человек со своим телом всякие выкрутасы делает. Мужики себя накачивают, женщины, наоборот, превращаются в щепку. Но это к человечности не имеет никакого отношения.

Деятельностный подход исходит из того, что идеальное – это главное. Если кто из здесь присутствующих – закоренелый материалист, он никогда не сможет овладеть никакими деятельностными средствами, поскольку материализм – это всегда predeterminedности.

Надо сказать, что «predeterminedность» – вещь очень удобная. Ты знаешь, какие «остановки» тебя ждут впереди. Сиди и жди.

Из зала – ...пока не отнесут на кладбище?

ЮБ – Дима, Вы же говорите прямо наоборот, по сравнению с тем, что я говорю.

Из зала – Нет, вот, я и говорю...

ЮБ – Кладбище... На кладбище относят износившееся тело, а не человека. Вы не знаете, где методологи находятся, например, ГП... И тело Аристотеля 2,5 тысячи лет назад на кладбище унесли. А он, между прочим, до сих пор живой, поскольку с ним беседуют. Его мысль жива. Мы же опять, как кондовые материалисты, думаем, что то, что под рубашкой, это и есть человек.

Из зала – По поводу Аристотеля. Ещё не факт, что то, что известно сейчас, это тексты самого Аристотеля. Те же самые схоласты, которые открыли работы Аристотеля, переврали всё, что могли, по дороге...

ЮБ – Факт или не факт, неизвестно. Вы же не специалист в области Аристотеля. Если бы Вы поговорили с Розиным Вадимом Марковичем, известным методологом, который 10 лет жизни положил на то, чтобы раскладывать на карточках разные

суждения Аристотеля и других греков с тем, чтобы выстроить эти мыслительные цепочки. 10 лет он этим занимался. Зато он теперь имеет мышление (как говорят некоторые другие методологи), в отличие, например, от здесь сидящих. Представьте себя или кого-нибудь из здесь сидящих, кто будет 10 лет переписывать фрагменты мыслей в карточки, чтобы ответить на вопрос, переврали Аристотеля или не переврали...

Но двинемся дальше. Вот важный тезис, особенно для людей, которые ушиблены материализмом и объективизмом. **Свойства вещей – не от природы.** Свойства вещей задают люди. Сами их создают, своими действиями. Я про уголь уже говорил, и подобных примеров, сколько угодно.

Законы физики сначала Галилеем, потом Ньютоном были сделаны таким образом, как было нужно, а не так, как, будто бы, они есть «сами по себе».

Например, как формулируется первый закон Ньютона, насколько я его помню: «если на тело не воздействовать никакой силой, оно будет двигаться равномерно и прямолинейно». Проверить этого нельзя. Такого не бывает в реальности, поскольку вы не можете сделать (или найти) такую ситуацию, чтобы тело двигалось, без каких бы то ни было воздействий на него.

И все остальные «законы» такие же. Всё из этого вытекает. Всё остальное на этом фундаменте лежит. Все полученные впоследствии физические знания, как я уже сказал, наслаиваются на то, что вначале было подложено под них. В отличие, допустим, от нашей псевдонауки. Мы можем и так, и эдак. Ну, никакая это не наука. А там изначально всё строится на таких предположениях, которые нужны были. И Галилею нужно было, чтобы ускорение было одинаковым у всех тел, независимо ни от чего. На этом потом было построено гигантское количество техники. И атом нужно было сделать таким, каким «сделал» его Нильс Бор. А, например, его предшественники (в Древней Греции) считали, что там, в теле, есть некие такие «сгустки», которые «крючками» держатся за другие. Вот, смотрите, не электроны вокруг вот этого ядра летают. Электроны – совсем в других местах находятся, и «крючками», вот так, держатся. И, смотрите: проверить это нельзя. Это – исходные посылки.

То есть применяется определённая процедура, допустимая при определённых посылках, и тогда появляется идеальный объект с конкретными свойствами. И это именно от человека зависит. А как там этот «природный мир» устроен «на самом деле», одному господу Богу известно. Он от нас закрыт. Как Кант говорил, «вещь в себе».

Из зала – Но те же химики говорят, что электроны именно вращаются вокруг ядра атома.

ЮБ – Они это предполагают, чтобы три операции осуществлять.

Из зала – Я, просто, к тому, что сейчас построили такие средства, которые эти внутренние связи, наконец-то, могут, якобы, увидеть и представить...

ЮБ – Вы с моей женой поговорите, с доктором химических наук. Она подробно вам объяснит, что связи ни один химик не видел и видеть не может. «Связь» – это не палочка, которую мы рисуем, когда «бутлерово кольцо» представляем на бумаге. А «связь» – это совсем другое. Это когда электрон «бежит» и там, и там: и вокруг одно-

го ядра, и вокруг другого. Якобы, бегают. А, может, и не бегают. Но они предполагают так, определённым образом. И свойства вещей (я это уже только что прокомментировал) люди делают такими, какие нужны, а не какие случаются.

Это только в нашей стране химическая лаборатория академического института говорит: «Ну, нет работы, нет финансирования». Спрашивают: «А что вы умеете делать?» «А мы умеем только вот это и вот это».

И всё! И не будет никогда никакого финансирования. Эту «науку» угробят. Её уже сейчас уничтожают. А в ближайшее время уничтожат совсем. Пётр Щедровицкий в одном из своих выступлений на очередной игре (он игры регулярно проводит со своими ребятами, которые вокруг него крутятся) говорил такую вещь про то, как он был директором научно-проектного института госкорпорации «Росатом», который все эти разработки Росатома проектировал (атомные реакторы и прочее): «Ко мне приходят специалисты одной лаборатории и говорят: «Нам для такой-то конструкции к такому-то реактору нужно такое-то приспособление. Есть в нашей «епархии» (а «епархия» очень большая) родственный проектный институт, который такие вещи делает?» Пётр вызвал своего зама, тот пришёл и говорит: «Есть». Позвонили. Приехал человек, начальник этого профильного института, где делают то, что нужно для этих. Этот его спрашивает (того, кто приехал): «Вы вот такую вещь можете сделать?» И рисует на доске. Он посмотрел, подумал, и сказал: «Нет, не можем». «А что можете?» «Ну, надо подумать». «Сколько можете думать?» «Неделю». Пётр говорит: «Через два дня придёте, скажете». Тот уехал. Через два дня приходит. «Я, – говорит Пётр, – его внимательно слушаю, что он умеет делать. Он рисует конструкцию: «Вот, такую мы можем сделать». Пётр спрашивает этого: «Вам это подойдёт?» Он говорит: «Нет, это не подойдёт».

Вот, вы представляете ситуацию? Это – в самой продвинутой отрасли нашей страны. У нас более продвинутой, просто, нет. В принципе! А как должно быть? Если кому-то что-то понадобилось, этот профильный институт должен тут же принять соответствующую целевую установку от заказчика, настроить нужную технологию, и выдать то, что требуется. Как это во всём остальном мире давно и делается.

То есть цель возникает, отнюдь, не там, где ты нечто делаешь, а там, где то, что ты делаешь, будет употребляться. У нас всё с точностью до наоборот!

Из зала – Т.е. цели нашей работы должны задавать те, кто будет использовать подготовленных нами специалистов?

ЮБ – Да, да.

Из зала – Не то, что можем делать, а то, что требуется?

ЮБ – Конечно.

А законы, которые в науке существуют, нужны не для того, чтобы их выполнять, а для того, чтобы их обходить.

Из зала – Как и юридические...

ЮБ – Как и юридические, совершенно верно. И только совсем тупые люди до сих пор думают иначе. «Всё прогрессивное человечество», как говорили раньше, уже давно это поняло. В физике и в технике это делается, просто, сплошь и рядом. Вы

можете по телефону говорить за тысячу вёрст, и тут же сразу слышать. Между тем, звук летит с известной скоростью, не с такой скоростью, с которой вы слышите его по телефону. Вообще, придумано уже...

Из зала – Обходят законы природы?

ЮБ – Обходят. Закон – это ограничение. И оно людям нужно, чтобы придумать способ его обхода. Всё обходится! Все законы нужны только для того, чтобы их обойти. В этом творчество и состоит. Только нам до сих пор вдалбливают, что мы должны подчиняться юридическим законам. Но и их уже давно обходят все, кому не лень. Все, кто хоть чуть-чуть соображает.

Всё, коллеги! Я проговорил уже ровно три часа. Какие вопросы?

Из зала – У меня вопрос: Вы говорили, что есть понятия, которые людей заставляют... Ещё раз поясните.

ЮБ – Извините, пожалуйста, Дима, почему Вы рубашку надеваете утром?

Из зала – Потому что есть определённые социальные нормы, которые мы выполняем...

ЮБ – Вот эта рубашка Вас заставляет не ноги ей вытирать, а на себя надевать. А вы думаете, что это Вы так хотите?

Из зала – А разве это не так?

ЮБ – Эта нормативная форма, про которую Вы только что сказали, «сидит» в самой рубашке. И рубашка Ваша – это материализованная норма, что она должна на Вашем торсе быть, а не на Вашей заднице, извините, или в виде портянки на ногах...

Из зала – Ну, хорошо. А если кто-то мою рубашку видит первый раз, он ни разу не видел рубашки, и не знает, что это такое. Ну, предположим...

ЮБ – Нет «рубашки самой по себе». «Рубашка» – это функциональное понятие. И это функциональное понятие – двухслойно: рубашка из материи, а к ней прикреплена функция. Или, говоря метафорой, на ней «сидит» вот та функция. И всё вместе – это норма для действий совершенно определённых. Она вас заставляет. Очки заставляют вас, чтобы вы их на нос одели, а часы на руку...

Из зала – Всё понятно.

ЮБ – Вы удерживаете смыслы и соответствующим образом ведёте себя...

Из зала – Функция очков заставляет нас материальное воплощение этих «очков» одевать?...

ЮБ – Да, да.

Из зала – ...а не сами «очки»?

ЮБ – Да. Функция очков заставляет нас с этим предметом обращаться определённым образом, подчиняться ему.

Из зала – Ясно.

ЮБ – А, например, такая система как энергетическая, она нас меняет. Мы вообще перестаём ощущать день и ночь. А такая система как, допустим, современный самолет, точнее – авиация в целом, делает людей соразмерными земному шару. Сел и чёрте куда улетел отдыхать, за 30 тысяч верст.

Ещё какие вопросы? Нет вопросов.

А теперь смотрите: я пока вам ничего не рассказал. Всё то, что я пытался сейчас делать на протяжении трёх часов – единственное: я пытался растоптать одну идеологию и показать, что, в принципе, возможна другая. Но всего лишь – возможна.

Но мы ещё пока ни до чего даже не дотрагивались. Я пытался просто размежевать разное и показать, что мы живём в таком обществе и в таком мире, который не схватывается теми мыслительными средствами (научными), которые мы до сих пор считали светочем во всём («наука – превыше всего!»).

Наука, на самом деле, совершенно убогое средство мышления. Например, в средневековой схоластике было существенно более развито мышление людей. А наука сильно упростила мышление. Но зато появилась вот эта техника, благодаря которой мы можем на самолёте на тот край земного шара улететь, услышать, увидеть, находясь далеко – это да! Это – заслуга науки.

А общественная «наука» даже этого не сделала, поскольку она изначально была построена на принципах, которые игнорировали очень многие общественные реалии. Поэтому **общественные «предметы»** вообще научными предметами не могут быть. Они **должны быть устроены как дисциплины**. То есть должны показывать людям, «как нужно действовать». А об этом ни экономика, ни финансы, ни психология ничего не говорят. Они из внешней (наблюдательной) позиции описывают свои «предметы». Говорят, как они, якобы, «объективно» устроены, а не как людям действовать в разных ситуациях.

На следующей лекции в четверг предполагается затеять разговор о так называемой «различительности». И я буду говорить, за счёт чего и как, вообще, в принципе, мы с вами в обыденной жизни отличаем одно от другого, и как это вообще делать нужно, более или менее рафинированным, культурным способом.

Из зала – Различать?

ЮБ – Различать.

Из зала – Что?

ЮБ – Ну, Вы как-то корову от собаки отличаете? Можете себе ответить на вопрос, как вы это делаете?

Из зала – Это просто...

ЮБ – А «экономику» от «производства» отличаете? А «власть» от «управления» можете отличить?

Из зала – То есть в понятиях?

ЮБ – Во-во-во, вот об этом и будет речь. Здесь я только упомянул, что они бывают разные. Как «говорил» Чехов: понятия, как и женщины, бывают разные.

Из зала – Можно ещё вопрос?

ЮБ – Да.

Из зала – А зачем нужно что-то различать?

ЮБ – Различать нужно, чтобы не быть слепым. Вот Вы пойдёте на улицу, Вы должны будете дверь отличить от стены. Да? Вот так и везде: куда бы Вы ни шагнули, нужно одно отличать от другого. Есть дерьмо, куда можно наступить. А есть, во-

обще говоря, золото, куда трудно попасть. Одно от другого нужно отличать. И, вообще, культурный человек это должен уметь делать...

Схоласты вопрошали: с чего начинается первая функция интеллекта? Они очень долго это обсуждали. Это те годы, когда жил Фома Аквинский и другие мыслители средневековья – XII-XIII века. Они вопрошали друг у друга: «С чего начинается мышление? Какая операция самая первая, которую можно отнести к мышлению?»

Вот мы сидим, разговариваем, это одно. Это мышление или не мышление? Мы сидим и чего-то понимаем. Это мышление или не мышление? Когда начинается мышление? И утверждалось, после продолжительных дискуссий (причем, столетних дискуссий, когда много-много разных людей умирало, рождались новые, становились философами, обсуждали, умирали и так далее. Сто лет обсуждали) пришли к выводу, что **первая функция интеллекта – различительность**. Если человек не может отличить разные вещи друг от друга (вещи в прямом смысле или «вещи» в кавычках), значит, дальше никакого мышления не будет.

Если хотите, это – «калитка» в мышление, не само мышление, а «калитка» туда. Так, чтобы голову просунуть и посмотреть. Вот этому будет посвящена следующая лекция. Если кому это не надо, то – ради Бога. Никто за рукав не тянет.

Спасибо.

2. РАЗЛИЧИТЕЛЬНОСТЬ КАК ПЕРВАЯ ОПЕРАЦИЯ МЫШЛЕНИЯ

ЮБ – Сегодня у нас 21 октября и вторая лекция из того цикла, который был объявлен ранее. Тема сегодняшней лекции: «Различительность как первая операция мышления». Я в прошлый раз говорил, что сам этот тезис был сформирован в позднем Средневековье схоластами, которые долго мучились, обсуждая вопрос, с чего начинается мышление: до какого момента мышление отсутствует? А с какого момента начинаются его первые проблески? И, соответственно, после длительных обсуждений пришли к тезису, что до тех пор, пока человек или люди не различают, не владеют этой способностью к различительности разных вещей, о мышлении можно не говорить. Там разное другое. То есть всё, что угодно может быть, кроме мышления.

То, что я сегодня хочу обсудить с вами на лекции, будет заключаться не в том, что мы с вами различаем? Что отличаем друг от друга? И, наоборот, чего не отличаем? **Вопрос я буду пытаться ставить в методологическом ключе: как и за счёт чего то или иное, что вокруг нас, что мы воспринимаем, что мы думаем, что обсуждаем, отделяем друг от друга?**

Вообще, надо сказать, что человек (это вы, наверное, знаете, это не слишком большой секрет), когда рождается, у него вообще никакой различительности нет. И постепенно он начинает отличать маму от папы, стол от горшка и так далее. И я думаю, что все здесь сидящие обладают разной способностью к различительности. Что-то в самых простейших, бытовых случаях, может быть, мы одинаково различаем. А чуть глубже копнуть или чуть сложнее какие-то вопросы поставить на различение одного от другого, здесь, я думаю, что мы все выстроимся в очень широкий спектр. И будем очень сильно отличаться друг от друга по этому признаку.

И основная проблема заключается в том, что нас, к сожалению, нигде – ни в семье, ни в школе, ни в вузе – нигде этой способности не учат. У каждого оно как складывается, так и складывается. Кому свезёт больше, соответственно, у него бóльшая способность на расслоение разных вещей друг от друга. У кого меньше, то, соответственно, тому не повезло.

Даже самые простейшие примеры об этом говорят. Может мне кто-нибудь сказать, к примеру, чем куст от кустарника отличается? И как, вообще, отличить, где куст, а где кустарник?

Из зала – «Кустарник» – это тот, кто кустарное производство ведёт.

ЮБ – Юмор, конечно, хорошая вещь, но не в данном случае...

Из зала – Куст больше похож на такое маленькое короткое дерево, а кустарник – это просто торчащие из ствола ветки и кусты. Они менее систематизированные.

ЮБ – Да? Если одна роза растёт – это куст, а если из того же самого корня несколько роз растёт...

Из зала – ...то это кустарник.

ЮБ – Кустарник... Вот биолог у нас, он может сказать, чем отличается куст от кустарника?

Из зала – «Кустарник» – это понятие ботаническое, а «куст» – понятие единичное.

ЮБ – Ботаническое и единичное?!

Из зала – Да. То есть «кустарник» – это термин, которым пользуются ботаники.

ЮБ – А что, у ботаников нет понятия «куста»?

Из зала – Как единичного, есть.

ЮБ – Нет, но вы же...

Из зала – Как единичное понятие. Куст – какого-то растения. А кустарник, это просто, мы привыкли...

ЮБ – Но Вы вводите очень странную, на мой взгляд, типологию. Знаете, как говорят? Есть обувь мужская, женская и резиновая.

Из зала – А здесь так и получается. «Кустарник» – это понятие ботаническое...

ЮБ – А «куст» что, зоологическое?

Из зала – Нет, а «куст» – это, просто, единичное.

ЮБ – Не понятно, что такое «единичное».

Из зала – Обывательское.

ЮБ – Обывательское, да.

Из зала – По принципу единое/многое и различаем. Куст – один. Правильно? А совокупность – кустарник.

Из зала – Это не совокупность.

ЮБ – Это не совокупность, да, но...

Из зала – Когда мы учились, было следующее определение, дословно: «куст – совокупность веток и листьев, торчащих из одного места».

Из зала – Смех...

ЮБ – Сразу воображение разыгрывается, из какого места это должно торчать.

То же самое, скажите мне, пожалуйста, чем холм от горы отличается? Очень часто применяют такой простой приём для различения этих явлений: вводят шкалу по метрам высоты – до такого-то метра это будет «холм», а выше такого-то – будет «гора».

Вот, смотрите, ни первый вариант, который здесь обсуждался, ни второй, вообще, ровным счётом, к мышлению не имеют никакого отношения. Это – такие обходные трюки, которые, в общем, бытовое сознание выдумало. Руслан Равильевич здесь нам прямо сказал, что это возникает на уровне бытовых различений. При таких способах расслоения разных вещей мышление в принципе не участвует. Как мышление может участвовать, я чуть позже скажу, или попытаюсь объяснить.

Если же мы возьмём общественные явления, то там ещё сложнее. И вы, наверное, уже о таких трудностях слышали. Мы даже в этой аудитории некоторые из таких проблемных моментов обсуждали. Два года назад... Нет, три года назад пытались нечто подобное обсуждать по поводу «жилья» и «жилища». Пытались разделить эти два понятия. Потратили на это достаточно много времени, но так, в общем, до конца и не

довели этот вопрос. На самом деле, всё не так просто. И вы, наверное, сами можете на досуге попытаться подобные вещи различить.

Есть такой немец, это современный социальный философ, Никлос Луман, у него несколько книг написано. Одна из самых известных его книг называется «Власть», в которой он вводит так называемый «принцип легитимной номинации». Он утверждает, что в современную эпоху, которая очень сильно отличается даже от эпохи двухсотлетней давности, выработался (причём, не только в нашей стране, но и в Европе) этот принцип. Смысл дела состоит в том, что некоторые номенклатурные должности, в основном, высшего эшелона власти, приобрели, или оставили, за собой полномочия «называть вещи». Или осуществлять так называемую «легитимную номинацию». То есть, когда возникает то или иное новое явление, определённый класс номенклатурных людей, типа президентов, используют этот самый принцип. Большой начальник называет это какими-то словами, и после этого начинается довольно странная свистопляска. Учёные пытаются обосновать введённый неологизм. Аспиранты соответствующую тематику вокруг него получают, и начинают, якобы, исследовать.

Допустим, американцы для того, чтобы расчленивать Югославию (это, в общем, известная вещь), придумали такого «кентавра» – «гуманитарная катастрофа». Специально так сконструировали это словосочетание, чтобы нигде, ни в каком кодексе, ни в каком законодательстве это понятие вообще не присутствовало. И после этого появилась возможность манипулировать людьми.

То же самое сейчас происходит с так называемым «международным терроризмом». То ли он есть этот «международный терроризм», то ли его нет? То ли он всегда был, то ли он только сейчас возник? Но, тем не менее, под это дело выделяются гигантские суммы денег. Под это дело расчленивают целые страны, устраивают десятилетние войны и так далее.

«Суверенная демократия» – это уже наше «изобретение», совсем недавнее. Сурков, заместитель главы администрации нынешнего президента, вот такое выдал, что у нас, якобы, не обычная демократия, как во всех других странах, а «суверенная демократия». Что это такое? – совершенно непонятно. Нигде соответствующее понятие не вводится, но вот такая номинация была сделана, и она начинает жить своей жизнью со всеми вытекающими отсюда последствиями.

То же самое можно говорить по поводу двадцатилетней, примерно, давности «кентавра», которого ввели американцы для того, чтобы манипулировать странами третьего мира. Это так называемое «устойчивое развитие». Совершенно несовместимые слова. «Развитие» в принципе предполагает нарушение устойчивости, какой бы то ни было. «Развитие» в принципе не может быть устойчивым. Если начинать разбирать это понятие классическими, мыслительными способами, то нельзя даже помыслить, что развитие может быть непрерывным, стабильным и равномерным. «Развитие» – это всегда скачки такие.

А здесь, соответственно, соединили две несоединимые вещи, и за счёт этого защищаются диссертации. Я знаю человека, который у Шуплецова на кафедре рабо-

тает, фамилия – Черников Александр Павлович, защитил докторскую диссертацию на эту тему. И он не единственный. Я думаю, что десятка два, как минимум, докторских диссертаций только в нашей стране защитили по теме «Устойчивое развитие...».

Вот, все эти вещи и все подобные псевдоразличения, или псевдоотделения одних вещей от других к мышлению, ровным счётом, никакого отношения не имеют. Но люди, тем не менее, этим пользуются и в этом живут.

Ещё сложнее дела обстоят, если мы начнем разбирать и отделять друг от разные мыслительные инструменты. Дело в том, что только наивные натуралисты могут предполагать, что человек на что-то посмотрел, и только за счёт чистого восприятия одно отделил от другого. Такого в принципе не бывает, никогда не было, ни с кем. Никогда!

Даже если человек этого не понимает, как он одно отделяет от другого, «куст» от «кустарника» или «власть» от «управления», всё равно его сознание использует тот или иной инструментарий.

Ну, и сами инструменты мысли, тоже, в общем, не столь очевидны, как могут показаться на первый взгляд. Достаточно, хотя бы, вот такой небольшой набор взять.

мнение – знание
объект – предмет
метод – способ
понятие – категория
сущность – характеристика
субстанция – функция
вещь – система
типология – классификация

Всё это – инструменты мысли, которые при написании диссертаций чрезвычайно широко используются, но используются, в подавляющем большинстве случаев, в 99%, абсолютно бессмысленно, не по делу, совершенно случайным образом, и кто во что горазд. Если попытаться эти вещи нам здесь сейчас с вами начать обсуждать, то я думаю, что мы застрянем на самой верхней строчке этого перечня, и нам даже трёх часов не хватит, чтобы с этим делом разобраться.

Опять же, этим вещам: как различать? Как отделять один инструмент от другого? Чем один инструмент отличается от другого? – в общем, тоже никто нигде не учит, к великому сожалению. И этот же набор, чрезвычайно широко используемый в науке как научный инструментарий, в общем, так и остаётся... за семью печатями, так скажем. В этом отношении в нашей стране уже случилась абсолютно полная утрата всякой культуры. Хотя ещё в поздние Средние века это изучали. Даже обычных школьников кое-где этому учили. Без обучения применению этих инструментов ни о каком мышлении, вообще, в принципе, говорить нельзя. Даже близко!

Но самый тяжелый вопрос возникает тогда, когда затрагивается такое слово, как «мышление». Если вы посмотрите словари, особенно те, которые в нашей стране издаются... В какой-нибудь Британской энциклопедии, там хоть хитрые люди подобные издания делают так, что, в общем, не сразу поймешь, где там, на самом деле,

правда, а где – выдумка. Но в наших словарях, в наших энциклопедиях – полное безумие. Особенно, если взять советские, которые до сих пор стоят на полках. Они никуда не делись, до сих пор ими люди пользуются. И, соответственно, когда заходит вопрос о мышлении, там мышление представляется очень интересно, по-ленински: «мышление – это продукт высокоорганизованной материи, называемой мозгом». Как из тюбика с зубной пастой: надавил (т.е. напряг извилины) – и из мозга «мышление» вылезло червячком. Эта метафора мне очень нравится, поскольку она весьма показательна.

Даже в стенах этого университета, не самого плохого университета в стране, наши профессора эти вещи не отличают друг от друга. Где сознание? Где мы просто думаем? А где, соответственно, люди мыслят? Этому не только не учат в школах или университетах. Даже с профессорами, если начать с ними обсуждать, конфуза не оберётся.

Чаще всего этот вопрос вообще не затрагивается, как будто «мышление» – это какая-то такая потусторонняя материя, с которой лучше вообще не иметь дела. Хотя любому здравомыслящему человеку понятно: всё, что мы вокруг имеем, и то, чем мы пользуемся, то, в чём живём – всё получено за счёт мышления. А не за счёт какого-то сомнительного думанья, или каких-то эффектов сознания. Именно за счёт мышления.

И, тем не менее, это понятие, в особенности в последнее столетие, стараются вообще не затрагивать. Во всяком случае, я так склонен думать, и не только я. Очень многие из методологов об этом пишут и говорят. Очень много про это Сергей Валентинович Попов на разных лекциях говорит. Об этом же многократно говорил и Георгий Петрович, и его ученик Вадим Маркович Розин, и Пётр Георгиевич Щедровицкий, и многие другие.

Причем, всё то, что происходит с этой функцией различительности и с мышлением – это не является каким-то признаком нашей страны. В Европе дела очень часто обстоят даже хуже, чем у нас. Мы хоть здесь на таких семинарах можем подобные вещи затрагивать и обсуждать. У американцев это ещё есть в каких-то элитных школах, а в Европе даже этих вещей уже нет. Просто, вообще, нет.

«Постмодернизм» – это тоже не наша выдумка. Это понятие ввели послевоенные философы, Карл Ясперс и другие. Так они квалифицировали ту эпоху, которая стала складываться в XX веке. Они её назвали «постмодернизмом». Причём, когда называют «пост-» чего-то – «постмодернизм», «постиндустриальное общество» и так далее – придумывается термин, который, в общем, чаще всего не наполнен никаким определённым содержанием. Разные люди вкладывают в подобные слова, зачастую, очень разные смыслы. Для меня же важно до вас донести, что мы теперь живём в такую эпоху, когда стало обычным делом, что всё можно назвать, чем угодно. Как говорят: «хоть горшком назови». Полная потеря понятийной различительности. Словами манипулируют и жонглируют, как мячиками.

Ни в школах, ни в вузах ничему приличному давно не учат. И я думаю, что не учат совершенно не случайным образом. Причём, не учат – не в предметном смысле. Предметные знания дают в очень больших объемах. Зачастую, даже гораздо больше,

чем это, вообще, требуется для жизни. А для того, чтобы можно было активно действовать в нашей современной жизни, чтобы быть не просто пассивным исполнителем чьей-то воли – не учат никак. Не учат, например, логике. В 1960 году логику отменили в школах. Раньше хоть в школах чуть-чуть учили. А без логики никакого мышления в принципе быть не может.

Не учат риторике. Риторика в Средние века была одним из самых главных предметов, который позволял человеку становиться Человеком. Если в американских школах, в более или менее приличных, даже в младших классах детей учат построению простейших суждений, чтобы хотя бы из нескольких моментов выстраивалась какая-то логическая цепь, то в нашей школе, в нашем вузе этого вообще нет: ни в стандартах, ни в программах. Вообще, нигде.

Латынь, наравне с греческим языком, во всех гимназиях XIX века (в России и не только в России) в обязательном порядке изучали. Изучали по той простой причине, что и латынь, и греческий язык были так называемыми «категориальными языками». Это давно известно. Соответственно, если человек, помимо своего родного языка, осваивал эти два категориальных языка, латынь и древнегреческий, у него в сознании складывался определенный инструментарий, с одной стороны, для различительности, а, с другой стороны, для формального мышления.

Когда в нашей стране большевики отменили эти языки за ненужность (ну, там своеобразная история, довольно длительная была, очень долго обсуждалось, какое образование нужно советской стране), фактически, был на корню подрублен «куст» мышления (или, может быть, «кустарник» мышления), который мог бы вырасти в нашем обществе.

Я уж не говорю про такую экзотику, как «рефлексия» или «понимание»...

Из зала – А чем латынь отличается от других языков?

ЮБ – Когда мне студенты такие вопросы задают, я говорю так, для краткости. Например, на живом языке можно сказать так, как пел когда-то с эстрады певец Александр Буйнов: «Мои финансы поют романсы...». Слышали?... Не слышали?... Не слышали. Но, тем не менее. И, кстати, все понимают, о чём идёт речь. Да? Все понимают, что финансы, поскольку это не певец, никаких романсов петь не могут, с одной стороны. А, с другой стороны, все понимают, о чём речь идёт. Просто, у человека денег нет, и он говорит: «мои финансы поют романсы».

Вот, смотрите, на латыни так сказать нельзя. Просто, в принципе, нельзя. Язык запрещает такие вещи. Там каждому слову строго в соответствие ставится денотат, который это слово обозначает, и которому соответствует. И такие вольности, когда говорят «берёза белая, как невеста» или «невеста белая, как берёза», на латыни сказать тоже нельзя.

Поэтому, когда человек осваивал латынь или древнегреческий язык, у него этот словесный ряд, этот словесный набор строго увязывался с соответствующим категориальным рядом, который выделяет объекты, на самом деле существующие, а не мнимые.

Вот, «невеста белая, как береза» не существует. Не может быть такого человека, как береза. И, тем не менее, такие метафоры в нашем и в любом другом живом языке – вообще, сплошь и рядом. Именно по этой причине до сих пор в некоторых областях используется латынь, например, в медицине. Фармацевты до сих пор, как вы знаете, наверное, или слышали, рецепты выписывают на латыни, чтобы, не дай тебе, Господи, если напишут там не то слово, тебе насыплют в лекарство не того порошочка, и ты после этого скончаешься, будут большие неприятности. Поэтому пишут на латыни, слова которой строго соответствуют ингредиентам (денотатам).

Этому перестали учить. Просто перестали учить, вообще! Ну, а наш русский язык, который такой «великий и могучий» именно благодаря тому, что он, в отличие, допустим, от европейских языков, типа немецкого, обладает таким хорошим качеством (допустим, для поэта), что способен порождать гигантское многообразие смыслов, здесь, вообще, впереди планеты всей. Что же касается деятельности, или что касается науки и научных текстов, русский язык – чрезвычайно плох. Просто, плох! Он недоразвит. Он молодой язык. Он только формирующийся язык. И в этом смысле это – вещь плохая.

Не знаю, ответил ли я на ваш вопрос.

Двинемся дальше. Вот на слайде написано – «понятийная катастрофа». Об этом методологи тоже много пишут. Мы теперь живём в условиях понятийной катастрофы, когда все понятия просто перемешаны, когда людей не учат выделять понятия, когда не учат отделять одни понятия от других.

Все понятия, в лучшем случае, заменены так называемыми «определениями». Об этом мы ещё будем специально говорить. Но «определения» – это совершенно некультурная вещь. «Определения» применимы только для очень узкого класса природных вещей. Для общественных явлений «определения» в принципе не годный инструмент, поскольку известно, как, для чего и откуда взялся этот инструмент мысли. Причём, древней мысли, так скажем. От Аристотеля это идёт. Он придумал способ построения определений. Но он-то этот способ строил применительно к тому миру, который **он** описывал, – к древнегреческому натуральному миру, к вещному миру.

«Определения» строятся по известному принципу, когда под род подводится какой-то вид, и у этой видовой вещи, выделяется какой-то существенный признак. Причём, выделяется таким образом, чтобы можно было осуществлять оборачиваемость определения без потери смысла. Например, классическое аристотелевское определение человека: «Человек – это живое существо, которое обладает разумом». И, соответственно, наоборот, «живое существо, обладающее разумом – человек».

А если, например, в качестве существенного признака выделить такой одиозный признак, как «двуногий», то есть «живое существо, обладающее двумя ногами», не может быть определением человеком. Потому что, например, курица – тоже живое существо, обладающее двумя ногами. И, соответственно, то живое существо, которое двумя ногами обладает, не обязательно человек. То есть к человеку, с одной стороны, применимо, а, с другой стороны (при оборачивании), не применимо.

Все определения, которые пишут наши диссертанты, построены таким же одиозным способом. Просто, все! Сколько ни пытаешься говорить или какие-то замечания делать, это настолько глубоко вбито в позвоночник, что выбить совершенно невозможно.

А что касается понятий, то они, однозначно, привязывают нашими «учёными» к определениям. То есть, когда говорят «определение», подразумевают, что – речь о соответствующем «понятии». Пишут в диссертации: «Дополнил понятие» При этом вводит новую формулировку по принципу построения определения.

«Понятие» – это не «определение»! Ни при каком раскладе. «Понятие» – это совершенно специфический инструмент, необходимый, в том числе, для различения разных вещей и разных сущностей.

Словосочетание «понятийная катастрофа», насколько мне известно, было введено Сергеем Валентиновичем Поповым, прежде всего, применительно к нашей стране. В СССР и в России, на мой взгляд, совершенно специально делается всё для того, чтобы все понятия полностью смешались друг с другом, и чтобы у людей вообще никакой различительности не существовало. Человек без различительности и без соответствующих понятий – это такая марионетка, которой можно чрезвычайно легко и просто манипулировать.

Из зала – Вопрос. Значит, получается, что родовидовое определение некорректно?

ЮБ – Оно корректно только для очень узкого класса вещей. Если вы почитаете, например, Эрнста Кассирера, немецкого философа начала XX века, многое поймёте. Он стал знаменит, прежде всего, тем, что написал толстенный том, который называется «Понятие о субстанции и понятие о функции». Там он показывает, что Аристотель представляется как классный философ там, где он касается биологических определений и построения биологических родовидовых классификационных структур, когда курица – теплокровное, когда корова – это млекопитающее и так далее. Как только он выходит за пределы биологической родовидовой классификации, у него сначала краснота исчезает, а потом он вообще теряется и бросает эту тему на полпути.

Не работает! Работает только в очень узком классе естественных вещей, прежде всего, в биологии. Хотя и там Линней, когда выстраивал свою родовидовую классификацию животных, насколько мне известно, тоже такую путаницу нагородил! Например, отнёс бегемота к классу грызунов. Биологи потом лет 200 разгребали. И до конца все эти веточки так и не выстроили.

А в нашем современном российском обществе понятийная катастрофа просто специально, на мой взгляд, устраивается. Вплоть до того, что даже от очень высокопоставленных, очень влиятельных людей по телевидению на всю страну можно услышать, что понятиями пользуются только в зоне за колючей проволокой, где разговаривают «по понятиям». Но это полный бред, потому что всё человечество на протяжении многих тысячелетий жило только за счёт того, что выстраивало, прочищало и использовало те или иные понятийные ряды, те или иные понятия.

В результате мы имеем полную потерю ценности разума. Опять же, просто до безобразия доходит. Сложнейшие проблемы начинают выяснять, различать и пытаться решать за счёт согласования мнений. А ещё со времен древних греков известно, ещё до Платона было известно, чем «мнение» отличается от «знания». «Мнение», в общем, никакого значения не имеет, поскольку не имеет соответствующих денотатов. То есть не привязано к каким бы то ни было сущностным вещам. Оно, вообще, случайно.

Когда мы согласуем случайные мнения, никаких проблем решить нельзя. Вы посмотрите, как делается, как пытаются решать те или иные сложные проблемы? Собираются в круг человек 100, предположим, какая-нибудь Общественная палата, и начинают выяснять, у кого какое мнение по какому-нибудь сложному ключевому вопросу нашей жизни. Один сказал одно, другой сказал другое, и на основании этого принимается какое-то решение. С какой такой стати и на каком основании? – совершенно непонятно. И это полное безумие мы называем «демократией». А то, что к демократии, на самом деле, это не имеет никакого отношения – даже не понимают. Мы же чаще всего «демократию» сводим к тому, что выясняем решение вопросов голосованием. Большинством. Но, когда ещё большевики этот вопрос поднимали, когда ещё всего этого безобразия не было, связанного, там, с «развитым социализмом» и так далее, когда ещё здравомыслящие люди были у власти, многие грамотные люди говорили, что «демократия» – это, вообще, тупиковое направление власти. Особенно в современном мире – она ведёт в никуда. В частности, Крупская об этом выступала на съездах, за что её потом Сталин чуть к ногтю не прижал. Она говорила, что большинство не всегда право, а чаще всего, как раз, неправо. Что, если рассматривать сложные вещи, то нужно не мнения выяснять и количество голосов подсчитывать, а, соответственно, по существу вопроса разбираться.

Но у нас теперь – всё наоборот. Чем сложнее вещи затрагиваем, тем, соответственно, чаще мы прибегаем к этой немислительной процедуре, которая называется «голосованием», начиная с выборов президента и т.д. В результате, совершенно случайные люди попадают на самые высшие посты, и потом проявляется неизвестно что, и неизвестно какие отрывки.

Из зала – Вы про нынешнего президента?

ЮБ – Доцент юридического факультета с пятилетним стажем вдруг становится президентом страны. Ну, что он может? Карикатура на президента.

Даже у американцев, которых мы любим по-всякому «поливать», иногда по делу, иногда без дела, но ведь у них для того, чтобы стать президентом, нужно пройти минимум 25-тилетний путь в разных властных структурах, пройдя по всем ступенькам, начиная от самого низкого, кончая, там, губернатором, конгрессменом и т.п. Если ты это не проходишь, тебе в президенты хода нет, и, в принципе, быть не может. Ты должен соответствующую элитную школу закончить и так далее.

А про то, как Путин попал на это место, сейчас в Интернете очень много пишут. ФСБ осуществило операцию по внедрению агента Путина в правительственные структуры, а он уже там воспользовался моментом недееспособности Ельцина, и, об-

ладая определёнными способностями и поддержкой силовых структур, стал президентом.

Не может такого быть в принципе в нормальной демократической стране. И эти вопросы не голосованием должны решаться. В принципе – не голосованием! Это всё равно, что мы вот сейчас возьмём здесь, проголосуем и скажем, что этого ректора долой, вот, мы проголосовали за другого.

Это всё, между прочим, к вопросу о различительности. Мы пользуемся совершенно невероятными процедурами, к мышлению не имеющими, равным счётом, никакого отношения. То, что мы думаем, что мы, глядя на мир, который нас окружает, в нём выделяем и как-то отличаем одно от другого, на самом деле, это всё – случайные фантомы сознания. Ни больше и ни меньше! А когда такие немислительные процедуры используются, то там вообще неизвестно, к чему это может впоследствии привести.

Я много раз слышал от методологов и, в общем, сам склонен так же думать, что всё это свидетельствует вовсе не о том, что конкретные придурки, получив власть, принимают такие решения, что мы попадаем в неприятные условия. Это, конечно, есть. Но проблема существенно сложнее. Она заключается в том, что весь **XX век**, который недавно, закончился, так скажем, знаменит, прежде всего, тем, что **это – переходный век между двумя совершенно разными эпохами мышления людей**: одно – то, которое существовало до XX века, а второе – то, что в XX веке только начало складываться, а в XXI веке уже чрезвычайно бурными темпами развивается. Причём, **эти два типа мышления – абсолютно не совместимы друг с другом**. И в этих двух разных типах мышления используются совершенно разные способы различения разных вещей, разных сущностей и всего остального.

Мышление первого типа, фактически, кончилось с началом XX века. Симптомы болезни этого типа мышления наблюдались ещё в XIX веке, но в XX веке произошёл полный его развал. И все признаки, которые я перед этим перечислял, как раз об этом и свидетельствуют.

То мышление, которое на наших глазах терпит крах, и которое стало формироваться, начиная с древних греков, но особенно бурное развитие получило с XVII века, **основывалось на определённых гипотезах и посылах**.

Одну из самых красивых гипотез на этот счёт можно найти у Михаила Константиновича Петрова. Это – советский и российский философ и культуролог. Он уже ушёл из жизни где-то в конце 1980-х годов, то есть совсем недавно. Жил он в Ростове-на-Дону (после ссылки из Москвы), был профессором Ростовского государственного университета. У него довольно много книг. Они до сих пор в книжных магазинах встречаются, в основном, по культурологии. Но одна из работ, которая вышла из-под пера Петрова называется таким странным образом: «Пентеконтера: в первом классе европейской школы мысли». Эта статья опубликована в журнале «История естествознания», № 3 за 1987 год, если мне память не изменяет. Его, я думаю, тоже можно найти. Если кому-то интересно, у меня есть эта статья, всегда можно почитать.

Он там, основываясь на «Илиаде» Гомера и других древнегреческих источниках, сформулировал гипотезу, которая, с точки зрения методологов, считается одной из наиболее правдоподобных, и которая лучше, чем другие, объясняет, как зародилось явление, получившее название «европейское мышление». Это как раз тот тип мышления, который в XX веке фактически развалился.

Здесь можно очень долго на эту тему говорить, но если в нескольких словах, фабула той истории, которую описывает Петров, состояла в следующем.

Это было, примерно, 10 тысяч лет назад. Это было в Эгейском море, в Греции, тогдашней Элладе. В те времена в Эгейском море было много пиратов, выходцев с острова Крит. Это были «лишние люди», которых критские власти вытолкнули. Примерно, такие же пассионарные люди, которых Советский Союз очень удачно утилизировал на разного рода комсомольских стройках, а египтяне – на строительстве пирамид. А критяне выталкивали их из своих полисов, из своих поселений, и они вынуждены были зарабатывать на хлеб пиратством. У этих древнегреческих пиратов были быстроходные суда (их им власти полиса давали, чтобы они убегали с Крита искать счастье в других местах). Они назывались «пентеконтеры», т.е. пятидесятивёсельные суда. Каждое такое судно вмещало до 150 бойцов. Это были самые быстроходные суда того времени. Догнать их было практически невозможно, если не было судна подобного же класса.

И суть дела состояла в том, что они научились (в течение довольно длительного времени это все происходило, не мгновенно), выработали у себя способ, как можно «зарабатывать» на жизнь, нападая на прибрежные города. Когда, допустим, одна пентеконтера, 150 человек, нападала на город, мирно живущий на побережье древней Эллады, в котором жило от двух до пяти тысяч жителей, грабила его и исчезала практически без потерь. Вот, смотрите: с одной стороны 5 тысяч жителей, а с другой – всего 100-150 человек. Соответственно, если на них попытаешься напасть «не глядя», то эту кучку пиратов жители города просто сомнут массой. И пришлось придумать такой способ, когда нападаешь, грабишь, всё вытаскиваешь и исчезаешь. И, как говорят сейчас: «и тебе за это ничего нет».

Так вот, Петров утверждает, что это был самый первый класс европейской школы мысли. То есть самые первые, простейшие приёмы мышления зародились именно вот у этих пиратов. У таких злых, вредных, жадных. Ну, впрочем, таких же, как те, что в нынешнем российском бизнесе действуют. Попов их сравнивает с современными российскими бизнесменами, которые научились уже некоторым современным приёмам мышления и построения разного рода финансовых схем, «пирамид» и так далее. У нынешних – те же самые характеристики, что у тех греческих пиратов, в чистом виде. Но именно на них (жадных и зловредных) формируется сейчас новый тип мышления, о котором мы будем чуть позже говорить, и который сейчас только складывается.

А тогда подобное же происходило на древнегреческих пиратах. Смысл дела заключался в следующем: пираты выработали такой способ мыслительной организации своих действий, к которому были не готовы все остальные. Предводитель пиратов

раскладывал на условной карте, кто, где, как должен двигаться, независимо от того, что каждый сам по себе, там, имел какие-то желания, вожеления и так далее. Выработывался план, этот план демонстрировался пиратам на искусственных внешних объектах, как должен был действовать каждый из них, строго в соответствии с планом.

Подобное же можно наблюдать и в современном мире, когда берётся военный плацдарм и, допустим, маршал Жуков показывает: эта армия двигается сюда, эта сюда, эта туда, и по такому-то сигналу происходит вот то-то.

Так вот, первые зачатки этого были придуманы ещё 10 тысяч лет назад пиратами Эгейского моря.

Утверждается, что **мышление появилось именно тогда, когда люди стали себя подчинять не своему желанию, а определённым правилам движения внешних объектов**, которые к конкретным людям не имели никакого отношения.

На какого-нибудь пирата командир показывал и говорил: «Ты будешь вот этой галькой, а галька движется вот так. Она сначала сюда пробирается, потом, когда вот там начнётся какое-то побоище, она передвигается вот сюда. А по такому-то сигналу все дружно исчезают. Все гальки собираются вот в этом месте, где корабль стоит».

Утверждается, что именно тогда появились первые признаки мышления. А в последующем европейское общество двигалось уже в развитии тех первых способов мышления. Если тогда, у пиратов был «первый класс европейской школы мысли», как Петров утверждал, то сейчас современные люди – уже в 12 или 14 классе, как оценивал ГП. Современное общество, как бы, на 12-14 этажей поднялось над ними.

Это был удачный вариант становления мышления в том смысле, что то мышление, которое зародилось 10 тысяч лет назад, потом получило очень мощный толчок 2,5 тысячи лет назад, во времена Платона и Аристотеля. А потом – ещё более мощный толчок в Средневековье, затем ещё последний значительный толчок в XVII веке, который, собственно говоря, и привёл в итоге к его краху в XX веке. Т.е. было несколько всплесков этого типа мышления. И это всё имеет реальные результаты: вся техническая цивилизация, в которой мы сейчас живём, существует исключительно благодаря этому типу мышления.

Смотрите, утверждается такая простая вещь: **мышление не в голове человека. Наоборот, само мышление подчиняет человека определённым правилам.** Движение мыслительных сущностей всегда происходит вне головы человека. Георгий Петрович говорил по-простому: «мышление существует на доске, в схемах и за счёт движения рук, а вовсе не за счёт серого вещества».

В литературе описаны и другие случаи возникновения мышления. Один из них можно встретить у Рассела.

Бертран Рассел, знаменитый английский философ, Нобелевский лауреат, правда, по литературе, доживший до 90 с лишним лет, все последние эпохи пережил, вообще, уникальный человек. Вот такую толстенную (показывает) Историю западноевропейской философии написал. У него есть, наряду со многими другими работами, книга «Человеческое познание». И в этой книге он тоже описывает случай, который

просто напрямую показывает, как даже на таких, казалось бы, неразвитых в общественном отношении людях, как полудикое африканское племя, находящееся на очень низкой ступени развития, тем не менее, зачатки мышления могут начать складываться. А фабула там описывается такая.

Один африканский царёк решил расширить свои владения, послал войска, они захватили целый ряд близлежащих деревень, которые другим племенам принадлежали. И вот этот рывок по захвату деревень других племён был такой, что через некоторое время вождь племени захватчиков потерял управляемость своими войсками. То есть он перестал удерживать в голове, в каких поселениях его войска находятся, в каких нет. Он не успевал распоряжаться своей интендантской службой, чтобы вовремя подвозили рис войскам. И в войсках его племени начались бунты. Всё дело шло к краху его затеи по расширению царства.

И тогда европейские консультанты, которые очень быстро здесь подвернулись под руку, ему посоветовали такую вещь. Они предложили устроить посреди его деревни большую хижину. Внутри этой хижины организовали, как сказали бы на военном языке, плацдарм, но не в натуральную, конечно, величину, где обозначили и эту деревню, в которой их племя жило, и все те близлежащие деревни, которые предполагалось захватить. И, соответственно, ему подсказали такую вещь: ты, мол, дай указание, чтобы тебе настрогали из подручного материала маленьких солдатиков, и изготовили маленькие условные мешочки с зерном. И, соответственно, ему показали, что если ты хочешь управлять своими войсками, ты сначала на этом макете придумай комбинацию. Если ты сначала сюда посылаешь войска, значит, не забудь после этого туда фураж привезти, воду и всё остальное, что необходимо – дополнительные копья, оружие и т.д. Потом, когда войска передвинутся туда, соответственно, ты должен всё это, с одной стороны, передвинуть у себя на плацдарме, с другой стороны, запланировать, как это будет в дальнейшем соотноситься с реальными событиями военных действий.

Вот, точно так же, как у пиратов было: движение внешних объектов на карте для командира должно было строго соотноситься с реальными передвижениями пиратов в захваченном городе, с изменением той реальности, относительно которой он выстраивал модельные конструкции на условном плане города.

И утверждается такая вещь: **если такого двухстороннего соответствия между движением на внешней, идеальной модельной конструкции (доске, карте, плане, планшете и т.п.) и в реальности не устанавливается, то мышления не возникает.** Если вот это движение на идеальных конструкциях перестаёт соответствовать реальному движению, мышление тоже исчезает.

То есть, смотрите, **две очень важных характеристики у мышления:**

1) мышление – это деятельность, которая возникает за счёт оперирования по строго определённым правилам искусственными объектами или знаковыми формами, их замещающими (это может быть камешек, это может быть деревянный солдатик, как у этого вождя, это может быть какая-то знаковая конструкция на доске);

2) если оперирование искусственными объектами (знаковыми формами) не соотносится с изменениями (прежде всего, организационными изменениями) реальных вещей и объектов, мышления нет.

Можно сказать, что то, что описывает Рассел, это неудачный вариант возникновения мышления. Там всё дело пошло, фактически, вразнос. Этому вождю очень понравилось играть в солдатиков на макете. Сначала он передвигал их и ждал, когда его помощники дадут указания войскам и интендантским службам, а те в точности повторили бы это дело с реальными солдатами, с реальными войсками, с реальными продуктами.

А потом этот вождёк заигрался, стал всё делать очень быстро, его нукёры взмолились, что они не успевают передвигать войска и продовольствие. А он им сказал: «А мне это и не нужно. Мне, вообще, интересно вот здесь играть».

И всё на этом кончилось! Мышление, фактически, развалилось.

Обратите внимание: наша Академия наук и наши многие правительственные органы очень похожи на этого африканского вождя. Они там чего-то у себя «передвигают», но это никак не соотносится с реальными процессами, которые в жизни нашего общества происходят... Что, Денис, вопрос?

Из зала – Но эта же гипотеза должна ещё предполагать, откуда эти европейцы узнали о том, что надо так действовать?

ЮБ – Европейцы-то жили уже в XX веке, Денис.

Из зала – А... так это было уже современное?...

ЮБ – Конечно, Рассел же описывает то, что уже в наше время в Африке были попытки зарождения мышления, буквально с нуля... Смотрите, этот вождь дошёл своим умом даже до того, что нужно было исчисление ввести. То есть у них не было даже чисел. Поскольку надо было считать, где, чего и сколько? А потом эти слои (мыслительный и деятельностный) оторвались друг от друга. На этом всё и кончилось. И утверждается, что это – неудачная попытка возникновения мышления. Уже в наше время.

Из зала – Если бы вождь сам додумался до этой палатки с солдатиками, это было бы зарождением. А тут ему просто предложили...

ЮБ – Ну, ему подсказали, а дальше он сам, конечно, двигал.

Из зала – Но он же не сам до этого дошел.

ЮБ – Но, с другой стороны, тоже неизвестно, этим пиратам кто-нибудь подсказал или они всё сами выдумали.

Из зала – Тоже верно.

ЮБ – История об этом умалчивает.

Из зала – Ну, можно допустить предположение, что кто-то первый всё равно выдумал, да?

ЮБ – Допустить-то, конечно, можно. Но когда мы подобные вещи допускаем без соответствующих процедур проверки, то появляются, опять же, казусы. Я вам, наверное, рассказывал, или, может быть, кто-то слышал в другом месте, а кто-то, наверное, не слышал забавную байку, которая часто в подобных случаях приводится.

Однажды знаменитый математик Чебышев в Париже согласился прочитать лекцию для модниц, как кроить модные платья с помощью математики. Он вышел перед полным залом парижанок и говорит: «Предположим, что женское тело – шар». Поднялся дикий шум. И на этом всё и кончилось! Парижанки не смогли вынести такого предположения, дружно покинув зал.

Предположения – вещь опасная, потому что можно предположить вообще всё, что угодно. Только последствия могут оказаться неожиданными.

Из зала – Я думаю, раз уж что-то возникло, значит, кто-то был первым, кто всё придумал...

ЮБ – Да, это как-то случилось. Но, как случилось, непонятно.

Из зала – Но есть же случаи того, что, допустим, китайцы не понимают какого-то значения. Когда им показываешь какие-то, вот, там...

ЮБ – Не понимают. У них совершенно другая культура. Например, они умеют считать, но у них нет понятия числа. Так же, как, например, у детей. Может быть, из детства вы помните разного рода считалочки. «На золотом крыльце сидели: царь, царевич, король, королевич»... Да? Вот, смотрите, счёт идёт, а число не применяется.

И, как известно, китайцы умеют деньги считать, но понятия числа у них нет. Они тоже по этому принципу считают «на золотом крыльце сидели...»

Из зала – Пока не дойдут?

ЮБ – Да, пока не дойдут до нужного...

Из зала – Такие слова заменяют числа?

ЮБ – Да-да-да. Ну, у китайцев жизнь сложная.

Так вот, смотрите, мышление – это не думанье в голове. И мышление – это не поток случайного сознания. Это – не фантомы сознания. И нельзя думать, что у здесь сидящих, или у тех, кто там, по улице ходит, в голове есть какое-то мышление.

Мышление вообще не в голове. Оно на внешних носителях. В обязательном порядке! Оно либо на доске, либо на планшете, когда речь заходит о разного рода военных операциях, и там все мыслительные конструкции, в чистом виде, наглядны. Когда Жуков или кто-то ещё из военных начальников планировал операцию, он жёстко это соотносил с будущим передвижением войск. Одно дело на планшете, на искусственных объектах, и другое – необходимость переноса туда, в реальность. Если получалось вот это вот соотношение, значит, акт мышления срабатывал. Если не получалось, то, соответственно, не срабатывал.

То же самое и современные мыслители, может быть, в кавычках «мыслители», которые строят разного рода мыслительные схемы, и которые очень удачно реализуются. Все современные крупные состояния получены за счёт построения и реализации тех или иных мыслительных конструкций. Я не буду их перечислять, все их и так знают... Все состояния наших олигархов, все состояния не наших новоявленных (в XX в.) миллиардеров – на том же самом принципе построены. И все, в обязательном порядке, это правило выполняли: сначала всё просчитывается на каких-то искусственных конструкциях, а потом находятся способы перенесения этих расчётов на реальные объекты.

В отличие от всего этого, все наши диссертации, во всяком случае, те, которые мне приходилось видеть, немислительным образом построены. Даже если выстраивается какая-то удачная мыслительная конструкция на внешних знаковых структурах и так далее, способы перенесения этого на реальную жизнь абсолютно отсутствуют. Просто, оторваны, как у того царька из африканских джунглей.

Из зала – Эту функцию должна выполнять наука?

ЮБ – Она же в науке обязательно требуется ...

Из зала – Да, требуется, и все справки о внедрении представляют.

ЮБ – У нас эти требования формальны: требуется справка, которую сам человек пишет, находит способ, где подписать, и всё. А дальше получается, как у того царька.

Из зала – Все знают, как это делается.

ЮБ – И это и говорит о том, что к мышлению наши диссертанты, если и относятся, то очень косвенно.

Из зала – Ну, это, если взять только идеальную диссертацию, и в её структуре отрабатывать.

ЮБ – Нет, конечно. Знаете, когда Гагарин полетел на ракете, и когда уже стало ясно, что он вышел на орбиту, живой и ещё пока здоровый, и Королев поехал докладывать Хрущеву об успешном запуске человека в космос, ему позвонили в машину и сказали: «Назови два десятка людей, которых нужно соответствующим образом отметить». Он назвал своих основных соратников, которым сразу же (они не успели ещё до Кремля доехать) присвоили звания докторов и академиков.

Вот, смотрите, они сделали мыслительную работу, которая тут же нашла реализацию. Не «справки о внедрении» предоставили, и не какая-то там была фиктивная «публичная защита», которая якобы показывает что-то. А просто, в чистом виде, как у тех пиратов: построили в мысли и реализовали в действии.

Из зала – То есть результат какой-то получился?

ЮБ – Результат должен соответствовать той мыслительной конструкции, которую придумали. Реальный результат должен соответствовать той мыслительной конструкции на внешних носителях, которая, допустим, на доске или где-то ещё была построена.

Из зала – То есть «результат» – это критерий. Есть результат – есть мышление?

ЮБ – Да. Смотрите, мышление, в этом смысле, должно быть результативным. Если мышление не результативно – это фантомы сознания.

Из зала – ...мечты?

ЮБ – Это мечты, это всё, что угодно... Массу слов можно здесь подобрать. Но к мышлению это не имеет никакого отношения.

Мышление – это **определённый тип деятельности**. Ты делаешь что-то не руками, а за счёт того, что передвигаешь либо палочки, либо что-то другое, и соотношишь идеальные построения с реальными действиями...

Всё это так же можно проиллюстрировать на известном примере о том, как в Европе зародился счёт? Как появилось число? Об этом тоже написано большое количество книг разными авторами, и почти всегда – одними и теми же словами.

Речь шла о стадах овец (может быть, слышали?). Овцы паслись в горах. Весной их выпускали на пастбища, а осенью загоняли. После этого хозяин овец должен был знать, что произошло с его овцами. Их стало больше или меньше? И, вообще, что с ними произошло, с его богатством?

Чтобы отвечать на все подобные вопросы, придумали такой способ. Делали два загона. Отару овец загоняли в один загон, а потом по одной овце переводили в другой, и при этом клали камешек. Операцию с реальным объектом ставили в соответствие с движением идеальной конструкции – камешка. Потом камешки заменили, поскольку их тяжело таскать, заменили на дощечку, на которой стали насечки делать – точки или палочки ставить. Когда всю отару овец весной переставляли из одного загона в другой, образовывался мешочек с камешками. Этот мешочек клали в соответствующее место и ждали осени. А осенью делали обратную процедуру: из одного загона овец переставляли в другой, и камешки, соответственно, вынимали из мешочка по одному. И если камешки оставались, значит, с овцами что-то произошло: либо их съели пастухи, либо волки задрали, либо ещё что-то случилось.

Так появилось число: реальному объекту ставилась в соответствие определённая идеальная конструкция, точка, например, которая не обладает никакими характеристиками, кроме количественной определённости. Потом точки ставились в соответствие с натуральным рядом чисел, в результате величина соотносилась с мерой движения в числовом ряду. Появилось исчисление. Но и здесь тот же самый принцип: если искусственные объекты (точки, палочки) нельзя отнести назад к реальным объектам, мышление разваливается. И все системы исчислений на этом построены.

А если делаешь правильно, то возникают новые эффекты. Например, реальных овец нельзя возвести в квадрат, а вот числа, которые получаются на соотношении точек с натуральным рядом чисел, можно. С числами уже можно оперировать совсем другими способами и гораздо быстрее вычислять. Например, две отары овец соединили, спрашивается: что, заново нужно пересчитывать? Нет, конечно. Мы просто соединяем два мешочка и смотрим, сколько всего.

Соответственно, из отары овец нельзя квадратный корень извлекать. Да? А из чисел можно.

Из зала – Исчисление – это мышление?

ЮБ – Конечно. Безусловно. Точно так же. А вот построение определений не является мыслительной процедурой, хоть застрелись. Если у Аристотеля это ещё как-то было связано с натуральными вещами... У него же родовидовая структура была включена во всю картину греческого мира, которую Аристотель описывал в своей «Физике» и потом в «Метафизике». А у нас метафизику отвергли (я про неё ещё буду говорить), а определениями, которые уже давным-давно устарели, до сих пор пользуются.

Мне в прошлый раз было сделано замечание. Поскольку я человек поддающийся коррекции, поэтому давайте сделаем перерыв. Говорят, что непрерывно сидеть три часа – тяжело и вредно. Поэтому перерыв 10 минут. Мы уже час двадцать сидим.

Продолжение лекции.

ЮБ – Про характеристики мышления я уже сказал и ещё раз повторяю. Важнейшими характеристиками мышления являются две вещи. Оно обязательно должно осуществляться на внешних носителях. То есть, если не рисуешь графики, если не рисуешь схемы, показывающие, как, что, куда должно двигаться в понятиях, в других каких-то сущностях, и если потом не соотносишь всё это с реальностью, либо не надстраиваешь следующий «этаж» знаний (об этом будет идти речь), не соотносишь всё это с предыдущим и не соотносишь с самой первичной операцией, которая являлась базовой, основной – тем фундаментом, на котором это всё выстраивалось, то мышления никакого быть не может. В естественных науках – химии, в физике – это до сих пор очень жёстко. Хотя и физики с химиками часто забывают о том, какая была самая первичная операция в самом начале пути их науки. Но то, что каждое новое знание должно базироваться на предыдущем шаге – это в обязательном порядке.

Почему я в те, прошлые годы, на семинарах постоянно говорил, что человек не соразмерен мышлению? Человек с его слабеньким сознанием не может удерживать это всё один. Для этого и нужны большие компании типа мерсеновского («невидимого») колледжа, как у Декарта было, или как, допустим, ММК, когда только на многих людях одновременно могло удерживаться мышление. У отдельного человека могут быть только маленькие всплески мысли, не более того. Потому что удержать всю эту многоэтажную конструкцию, постоянно меняющуюся, да ещё это всё должно друг с другом увязываться, на самом деле, чрезвычайно сложно.

Академия наук, придуманная Лейбницем, замышлялась как «мыслительная машина» из очень многих выдающихся учёных, на которых должно было сидеть то, что называлось «мышлением». Но наша академия наук выродилась совершенно невероятно. Это теперь такой уродец! Каждому академику платят 50 тысяч рублей в месяц (теперь, наверное, уже больше; эта сумма несколько лет назад была установлена) только за то, что он просто академик, независимо от того, что делает. Точнее – не делает...

Классическое мышление, про которое я до сих пор говорил, которое зародилось тогда, ещё у древних греков, которое особенно было активизировано с XVII века и, фактически, закончилось XX веком, оно **было ориентировано на построение знаний**. Имеется в виду всё мышление всего человечества. Не какого-то конкретного академика, Ландау или ещё кого-то. Оно было ориентировано исключительно на получение знаний. Эти знания вырабатывались строго по определённым правилам. И всегда, я подчеркиваю, всегда вот это требование многоплоскостного устройства (сейчас я об этом буду специально говорить) и, соответственно, оперирования с внешними идеальными конструкциями – это, в обязательном порядке, должно было быть.

Вот, смотрите, мы все, вроде, работаем в науке. И все занимаемся тем, что получаем или пытаемся получить какие-то знания. Особенно те, кто пишут диссертации: от них это просто впрямую требуется. При этом (совершенно невероятная вещь!) нигде не учат: ни что такое «знание»? Ни как оно устроено? Ни как, вообще, устроен сам процесс получения знаний? Здесь я сейчас вам попытаюсь это дело продемонстрировать, а потом приведу примеры.

Всё начинается с этой левой нижней части (рис. 2.1), там, где объект включён в деятельность. Символически обозначено овальной областью, где фигурка человека действует (горизонтальная стрелка с дельточкой вверх) на объект (кружок).

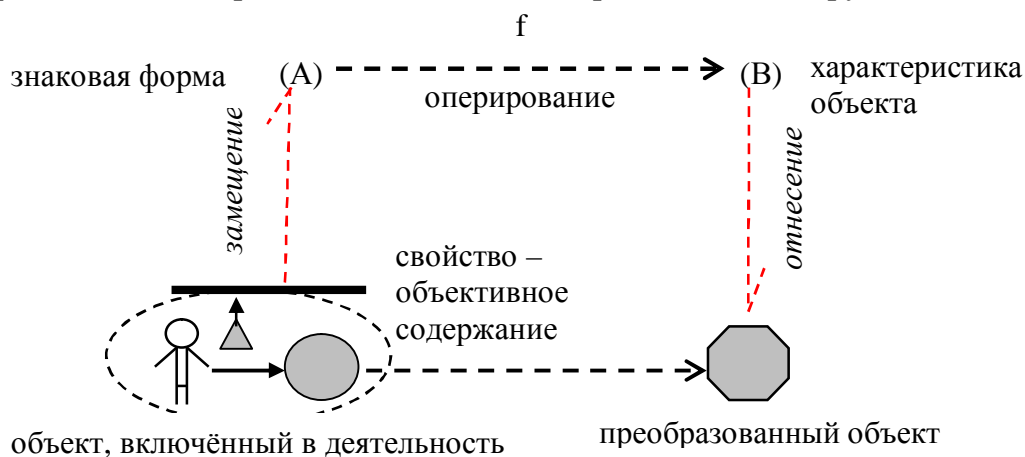

Рис. 2.1. Процесс получения знаний

Если человек не осуществляет какую-то деятельностную процедуру или операцию по отношению к объекту, никакого знания получить нельзя. **Знание получается не относительно объекта, а относительно того свойства, которое выявляется с помощью действия.** Того или иного. Выявленное посредством действия (или более сложной деятельностной процедуры) свойство и является «объективным содержанием» полученного знания (на рис. 2.1 символически обозначено отрезком жирной линии, к которой направлена вертикальная стрелка от дельточки-действия).

Я вам в прошлый раз примеры приводил. Если совершишь действие с чёрным камнем, бросив его, например, в печь, и он загорится, выявляется свойство горючести. Если его возьмёшь в руку, метнёшь в качестве метательного орудия и какую-то голову прошибёшь, то у него выявляется другое свойство. И так далее. А если применишь к нему какие-то химические процедуры, то там выявляется третье свойство, четвертое, пятое, десятое и так далее. Всякое знание получается относительно свойств, которые можно выделить за счёт включения объектов в ту или иную деятельностную структуру. Если не включаешь в деятельность, можно забыть о всяких знаниях. К сожалению, большинство наших диссертантов об этом даже не подозревают. Они думают, что можно просто так взять, подумать, чего-то написать и это называть «знанием».

Первое, что делается – делается какая-то деятельностная операция или процедура, или просто действие. В результате появляется вот эта чёрточка сверху, это – условное обозначение «свойства – содержания знания». В зависимости от того, какие

мы осуществляем действия, этих свойств может быть много разных. Затем этому свойству ставится в соответствие некая знаковая форма. Вот она там, на рис. 2.1 сверху, обозначена буквой (А). Например, «уголь – горюч». И, соответственно, мы пишем либо слово, либо формулу, либо ещё что-то, какие-то другие способы обозначения.

Из зала – «Уголь» – это объект, а «горючесть» – это знаковая форма? Или «уголь горюч»?

ЮБ – Смотрите, ещё раз повторяю: знание получается не относительно натурального объекта, каким бы он ни был – будь то уголь, будь то общественная структура, будь то инвестиционная система или ещё что-то. **«Знаковая форма» – это обозначение некоего свойства**, которое выделяется за счёт действия или деятельностной процедуры, за счёт включения объекта в какую-то деятельность.

Из зала – То есть вот это свойство, само понятие горючести, тоже является знаковой формой, да?

ЮБ – Слово «горюч» – это и есть знаковая форма. Мы пишем данное слово по отношению к свойству горючести, которое выявляется при бросании куска угля в печь.

Из зала – В зависимости от того, что мы делаем с этим непонятным объектом, да? И мы не знаем, вообще, что это и как?

ЮБ – Ещё раз: горюч не уголь. «Горюч» – это слово (более широко – языковая конструкция), которое относится к свойству (при определённых условиях кусок чёрного камня загорелся), выделенному в процессе действия с этим натуральным объектом.

Из зала – Тут мы видим, например, что у нас какой-то объект, потом изменили условия, он стал зелёным светиться, мы не знаем, как это назвать, мы придумываем слово...

ЮБ – Вы придумаете название.

Из зала – Наверное, так, «обознотивно», как бы, да?

ЮБ – Когда-то греки нечто называли «атомом». Что это значит? Попытались расщепить, он не расщепляется – называли «неделимый», или «атом», по-гречески «неделимый». В результате попытки осуществления вот этой процедуры его расщепления. Потом, кстати, в XX веке выяснилось, что он вовсе даже делимый. Но это слово осталось как такой атавизм.

Из зала – Таких примеров много можно вспомнить.

ЮБ – Да. Таких слов очень много используется. А дальше, смотрите, если мы выделили знаковую форму (например, выделили числовой ряд), заместили ей объект (на рисунке – полустрелка вверх символизирует логическую операцию «замещения»). А дальше уже с этими знаковыми формами можем оперировать совсем по другим правилам – не по таким, как с объектами реальности.

Барана мы передвигаем с одного места на другое, ставим в соответствие чёрточку, чёрточку соотносим с числовым рядом, и с числами начинаем оперировать – это то, что вверху (на рисунке) написано «оперирование» и обозначено буквой f. В результате операций со знаками мы получаем некую характеристику (В). И это уже –

«характеристика объекта оперирования», выраженная в знаках. После этого следует логическая операция «отнесение»: полученную характеристику относим к преобразованному объекту. Там внизу (на рисунке – многогранник) – это символ уже преобразованного объекта (в примере с баранами – уже переставленные и посчитанные бараны или овцы). Они все переставлены и, соответственно, им приписывается характеристика, что их «25 штук».

Всякое научное знание построено исключительно на этом наборе деятельностных процедур и логических операций. Все финансы строго на этом построены. Деньги замещаются их заменителями, например, какими-то финансовыми инструментами, с финансовыми инструментами одни операции происходят, а с деньгами – другие, а потом, соответственно, это соотносится – например, вексель гасится.

Из зала – Но они должны после этих преобразований всё равно соотнести с этим?

ЮБ – Да. На рис. 2.1 полустрелка вниз – «отнесение»: ту характеристику, которую получишь на оперировании со знаками, ты обязательно должен отнести к реальному объекту (приписать ему) – это то, что я в предыдущем тезисе говорил.

Мышление появляется только тогда, когда оно, во-первых, расслаивается, а во-вторых, происходит оперирование там и там, но совершенно разными способами (это называется «принцип антипараллелизма формы и содержания»), а потом одно соотносится с другим.

В финансовых схемах последнее носит название «замыканием схемы», а здесь называется «отнесением». Сначала «замещение» результата действия с объектом знаковой формой (полустрелка вверх), а потом «отнесение» полученной характеристики к преобразованному объекту (полустрелка вниз). Ну, и, соответственно, вся экономика, весь рынок на этом же построены. Когда в одном слое «продукты» производятся, потом они становятся «товарами» и к ним прикрепляется «товарная марка» – то, что называется «ценой». С этими ценовыми характеристиками начинают манипулировать, а потом относят опять вниз...

И везде, где строится научное знание, оно всё построено по этому принципу.

Из зала – Из кружочка восьмигранник получили?

ЮБ – Это просто символ пересчитанных баранов.

Из зала – Как бы это не оказалось козой в результате, а не бараном после всех этих преобразований.

Из зала – Вопрос можно?

ЮБ – Да-да.

Из зала – Качество объекта каким-то образом на оперирование влияет?

ЮБ – Смотрите, ещё раз повторяю: знание – не относительно объектов и их качеств. **Знание – относительно свойства, выделяемого за счёт действия.** Грубо говоря, я Вас ткну в заднее место иголкой, Вы подпрыгнете. А я там напишу: «чувствительный». Понимаете? У Вас там, может быть, с одной стороны, из заднего места кровь потекла, а у меня здесь просто «чувствительный». Я в следующий раз буду к

Вам относиться иначе, то есть не кнопку подкладывать, а что-то другое – мягкую подушку, к примеру.

А «качество» у объекта проявляется не при воздействии на него, а при использовании (употреблении) объекта. Будешь в разных способах использовать – будут разные качества. Ну, а «знания» выделяется относительно свойств объекта. Операции со знаковыми формами приводят к появлению «характеристик», и эти характеристики относятся к объекту, показывая, что этот объект уже не тот, который был до применения процедуры получения знаковой формы. Вопрос? Да-да.

Из зала – Получается, тогда ответственность за все наши действия, просто, сумасшедшая. То есть нужно 10 раз подумать перед тем, как ткнуть человека иголкой. То есть...

ЮБ – Ирочка, конечно. И современное общество всячески от этой ответственности увиливает. Нам, говорят, знание не нужно. Извините, говорят, мы сами с усами.

Из зала – То есть у знания такой побочный эффект может быть, что...

ЮБ – Смотрите, все общественные «науки» просто впрямую уходят от ответственности относительно того, что они делают. А диссертанты – на переднем крае этого общего движения «прогрессивного человечества».

Из зала – Если из-за меня, там, крупное предприятие порушится, я как потом это буду выводить и объяснять?

ЮБ – Соответственно, Вы должны такие операции и процедуры проделать, чтобы выявилось некое свойство, относительно которого можно что-то там сделать и получить новые характеристики этого объекта, не порушив его. Не фантом сознания, а характеристику объекта, что он вот такой, а не сякой. И это впрямую относится ко всем научным работникам. Просто – ко всем!

Из зала – А операцию к тому, что уже было, к уже полученному знанию, можно применять?

ЮБ – Это да, это не просто можно. Сейчас поясню.

Следующий рис. 2.2 – «классическая схема знания» – это то же самое, что на рис. 2.1, только представлено так, как это принято зарисовывать в методологии (без «художественных излишеств»).

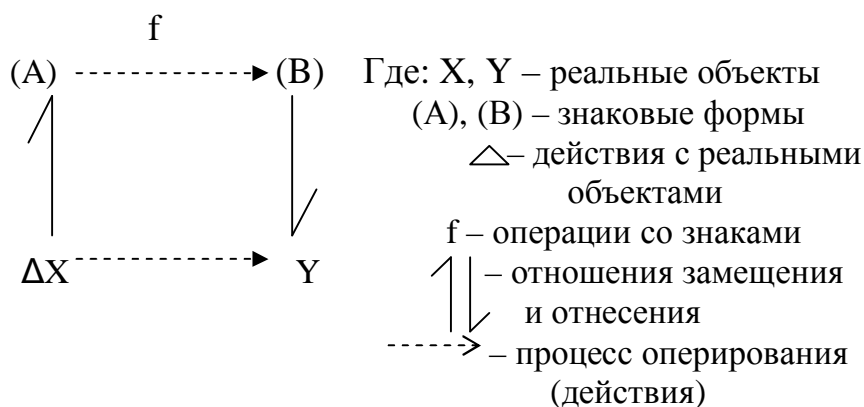

Рис. 2.2. Классическая схема знания

То есть вот эта «дельточка» – это операция (действие с объектом реальности), «X» – это реальный объект. Действие с ним замещается знаковой формой, потом оперирование в верхнем слое. То есть это всегда, минимум, двухслойная конструкция. Оперирование со знаками, а потом отнесение результата оперирования к реальному объекту, по отношению к которому тоже уже совершено действие.

Ну, а дальше (рис. 2.3) – это то, что Вы спрашиваете.

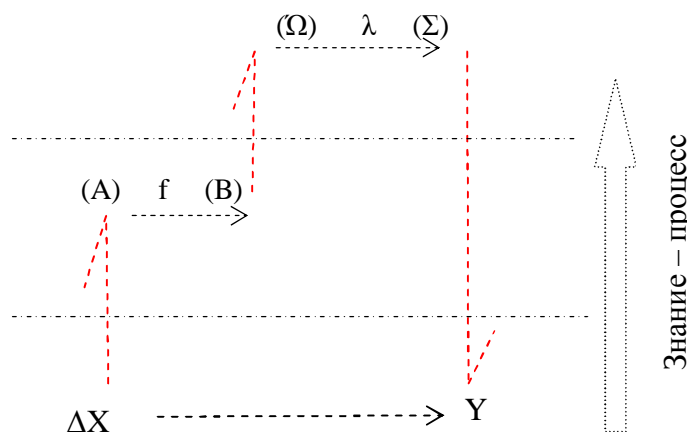

Рис. 2.3. Нарращивание «этажей» знания

Если Вы получили один этаж таких знаковых форм с определёнными характеристиками, это может стать фундаментом для построения знания более высокого уровня. Соответственно, уже по отношению к ним выстраивается новая знаковая конструкция. И всё – то же самое. Но в конце не нужно забывать про самую первичную операцию. Если ты оторвёшься, то будет как у того африканского царька, или как у нашей академии наук.

Из зала – По идее, если возвращаться к нашим «баранам», получается, что литобзор, который мы делаем, он предполагает, что мы должны знать, где другие остановились?

ЮБ – Да, он предполагает, что вы должны «вскарabкаться на плечи гигантов», как говорил Ньютон. Да.

Из зала – Да. Но, как их вычленить-то, гигантов, и таких же, как мы, которые могут и безответственно ко всему отнестись, и не сопоставить?

ЮБ – Вот я про это же самое и говорю.

Из зала – Не может же каждый аспирант взять и пойти в поля, рушить корпорации...

ЮБ – В поля – не нужно, тем более – рушить...

Из зала – А как без эмпирии исследовать?

ЮБ – Карл Маркс, как известно, не был ни на одном предприятии и, тем не менее, стал классиком, описал общее устройство капиталистической экономики...

Из зала – Но он же тоже на что-то опирался?

ЮБ – На мысль опирался.

Из зала – На абстракцию?

ЮБ – Вы же не просто литобзор должны сделать. Вы должны показать, что уже здесь сделано? Где фронт научных продвижений? И где в этом фронте «дырка», над которой нужно надстроить ещё один маленький «этажочек»? Если этого не делается, грош цена этой научной работе. И, соответственно, никакого знания не получается.

Смотрите, **все уверены, что знание – некий результат научной работы. А знание – это процесс.** Это процесс, который непрерывно надстраивается и непрерывно движется. И вся наука на протяжении уже 400 лет, вот эта, Новая наука, там, где действительно наука есть – это непрерывный процесс настраивания этих «этажей».

Из зала – А результат как получается?

ЮБ – А результат уже в рефлексии, когда ты высказываешь «над» и вытаскиваешь его (результат) из этого непрерывного процесса. Ты можешь поглядеть как бы со стороны – ага, это структура. Да? Вот таким образом устроенная вещь структурного характера – это тоже знание, но уже вторичным, рефлексивным образом полученное. Но когда ты включаешься туда, это должен быть процесс. То есть не у каждого учёного – собственное дрыганье, а вот так – надстраивая знания друг над другом. И постоянно одним глазом вон туда, где была первая базовая операция.

Я здесь забегаю вперед. На следующей лекции я буду специально только об этом говорить.

Почему наука рухнула? Потому что до XX века мышление в принципе не могло себе помыслить и даже представить ситуацию, что можно усомниться вот эту первичную, исходную базовую операцию, над которой вот это гигантское знаниевое «здание» надстроено. А современные люди это сплошь и рядом начинают усомневаться. И всё начинает рушиться. Но это отдельный разговор.

Из зала – Кстати, это в противоречие входит с тем, что Вы на прошлой лекции говорили по поводу того, что мы вообще наукой не занимаемся, и к общественным дисциплинам наука неприменима.

ЮБ – Мы вообще и не занимаемся.

Из зала – А в наших диссертациях?...

ЮБ – В наших диссертациях и в наших «науках» всего этого вообще нет.

Из зала – Его нет и его, видимо, и не должно быть. Имеется в виду, мы же не наукой занимаемся.

ЮБ – Смотрите, Вы, во-первых, говорите, что получаете «знание». Вы рассматриваете «объект исследования», Вы рассматриваете «предмет исследования». Вы всё вот это, в конце концов, обязаны написать. Обязаны сказать, в чём состоит «научная новизна», а это, следовательно, «крупница знания». Все атрибуты того, что, допустим, в химии существует как в классической естественной науке, в общественные науки перенесено, кроме самого главного – вот этой базовой операции, нижней.

Из зала – Если учитывать, что была базовая операция, то как раз и будет проблема. Она в том, что как только мы какими-то действиями получили новые знания, у нас уже этот наш объект свои свойства поменял. Вы об этом говорили в прошлый раз. И, соответственно, у нас реально будет другой объект...

ЮБ – Да-да-да.

Из зала – И что мы будем сопоставлять?...

ЮБ – Я про это же и говорю, что **теперь диссертации писать нужно по-другому**. Как только по-другому напишешь, сразу – как нож в масло, проходишь. А если вот этим атавизмом продолжаешь пользоваться – *во-первых*, весь измучаешься на протяжении всего срока аспирантуры, а *во-вторых*, получишь какую-нибудь такую фитюльку, которую потом стыдно защищать. А потом, когда защитишь, стараешься как можно быстрее забыть о ней, чтобы никто не знал: Боже упаси, чтобы там, где-нибудь, опубликовали. Посмотрите на наших защищенных аспирантов – год, три, пять лет назад...

Из зала – Смех (все смотрят на Дениса).

ЮБ – Я Дениса не имею в виду, он, наоборот, старается как можно быстрее опубликовать свою диссертацию в виде монографии.

Из зала – Главное, чтобы формально было всё правильно...

ЮБ – Конечно. А остальные просто прячут в ящик. И, вообще, Боже упаси, чтобы кому-то показать. Даже есть такая поговорка: полтора часа позора – и зарплата на всю жизнь.

Из зала – А чем «объект» от «предмета» отличается?

ЮБ – **Для получения научного знания чрезвычайно важное значение имеет различие между «объектом» и «предметом»**. Когда начинаешь смотреть, что пишут наши аспиранты, ну, просто, волосы шевелятся. *Во-первых*, что попало, что в голову взбредёт, называют «объектом», что в голову взбредёт, называют «предметом». *Во-вторых*, «предмет» и «объект», как правило, вообще никак не соотносятся между собой. Просто, никак! Два разных каких-то словосочетания, названные «объектом» и «предметом».

Между тем, есть классика. Соответственно, **Кант назвал «объектом» то, с чем ты сталкиваешься во время действия**. Объектов вы не видите. Вы о них «лбом бьётесь», когда куда-то начинаете двигаться. Вот, во что ударился лбом. Для физических, химических, биологических и прочих наук это может быть в прямом смысле слова. А для общественных – когда ты, вдруг, сталкиваешься с такой ситуацией, через которую пройти не можешь. Это и есть «объект». То есть то действие, которое совершаешь по отношению к объекту, и высекает при этом какие-то «искры», указывают на то, что столкнулся с объектом. **Ты** с этим столкнулся!

Вот, когда столкнулся, ты имеешь возможность вычленить свойства этого объекта, и там дальше это свойство обозначить знаковыми формами, и начать оперировать с этими знаковыми формами, или «кирпичиками» какими-то на схеме, или ещё с чем-то. Но, в любом случае, это какая-то такая следующего уровня плоскость будет.

А «предмет» – это то, что ты захватываешь в этом объекте за счёт своего действия и вычлененного знания. Предмет обязательно должен быть связан с объектом. Это та часть, или та грань объекта, или та сторона объекта, которая ухватывается этим действием, которое выделяет свойства, которые, в свою очередь, потом мы можем обозначать, превращать в характеристики и относить к объекту.

Из зала – Другими словами, нельзя одновременно сжечь и кинуть камень.

ЮБ – Нельзя. Но можно получить разносторонние знания об этом объекте, что это – и метательное орудие, и – что-то другое...

Дальше я про это ещё буду говорить: **понятия предполагают разносторонность вещей (в зависимости от контекстов употребления), чего не предполагают определения.** Определение устроено так – «это есть то».

Из зала – То есть предмет всегда будет вбирать разные стороны этого объекта, по отношению к которому разные действия осуществляются?...

ЮБ – Да, да. Но это **объектный план предмета. А с другой стороны, есть ещё и оргдеятельностное представление предмета.** У того же Георгия Петровича есть тексты, где детально рассмотрены обе стороны различия «объекта» и «предмета». Во втором плане «предмет» превращается в «научную машину», когда там есть и объект, там есть и способ работы или метод мышления, есть знаковые формы, есть соответствующая онтология, есть эмпирия – вот это всё завязывается в одну логику и позволяет постоянно вырабатывать знания. Получается предмет «физика». У него там специфический объект, специфический метод, специфическая эмпирика и всё остальное.

Из зала – Откуда берётся предмет исследования?

ЮБ – Вот из этой первичной вещи (показывает на рис. 2.1). А у нас как говорят? Берём какую-нибудь диссертацию, например, по медицинскому страхованию. Смотрим: «Объектом является учреждение медицинского страхования. Предметом являются отношения по поводу медицинского страхования». Попробуйте это совместить друг с другом. Или бывает наоборот: «объектом являются отношения, а предметом – методы, осуществляемые в медицинском страховании». Полный бред, на мой взгляд. Переубедить там, во время защиты – это всё равно, что человека вот туда свалить, под трибуну, в обморок.

Из зала – Нет, переубеждать-то нужно до защиты. Во время защиты – что толку?

ЮБ – А как переубеждать, если человек об этом никогда раньше не слышал, и он, вообще, про это ничего не знает?

Теперь насчёт «знаковой конструкции». Что такое «знаковая форма»? Вот там (на рис. 2.1) она обозначена была буквочкой (А). Так, лаконично. **«Объект» – это то, обо что ты «бьёшься», когда совершаешь действие, с чем сталкиваешься.** А если мы посмотрим с другой стороны, со стороны вот этой знаковой формы на объект, то эта знаковая форма имеет вот такие две интенции, вот такие две полустрелочки там (на рис. 2.4) нарисованы. Вот знаковая форма – **слово «стол».** Когда мы говорим «стол», мы, между прочим, не на эту вещь указываем. Мы, прежде всего, **этим словом выражаем действие** по выделению некоего свойства. А свойство у этой натуральной вещи – это «возможность сидеть за ним», в данном случае. У него ещё много других свойств может быть, но это одно из самых главных, собственно, ради чего столы и стали делать. Слово «стол», прежде всего, выражает действие. И русский

язык в этом смысле очень плохой. Вот, немецкий, он на порядок более процессуальный и деятельностный, чем русский. Немецкий язык сразу указывает на действие.

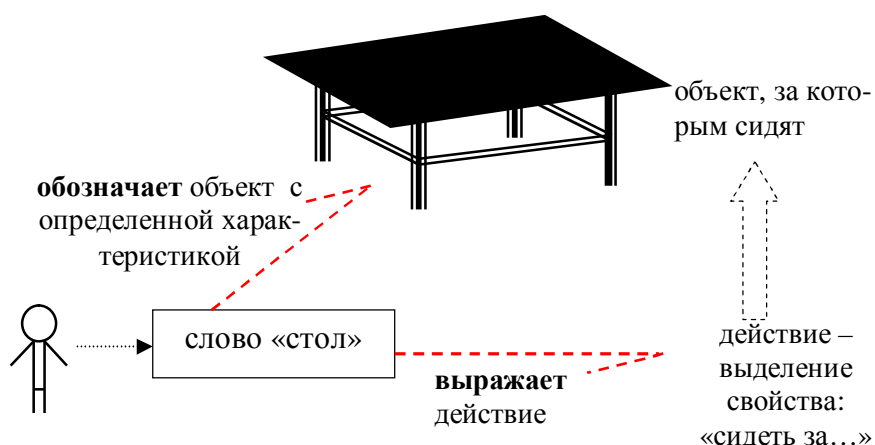

Рис. 2.4. Двойная интенция знаковой формы «стол»

Например, если взять написанную на русском языке любую инструкцию по сборке какого-нибудь, там, холодильника, не знаю, как вы, а я совсем не могу подобное читать. Я, вообще, ничего не понимаю, как пишут наши инструкции, поскольку русский язык для этого малопригоден. А вот, говорят, если на немецком написать, то вообще никаких проблем по сборке этого холодильника не будет. Он просто показывает действие за действием.

Из зала – Я с английского переводила, там – то же самое.

ЮБ – Да, и в английском лучше, чем в русском. Там есть инверсия: существительное может выполнять функцию глагола. А вот, французский, говорят, тоже очень плохой в этом смысле.

Так, вот, **одно и то же слово «стол», с одной стороны, выражает действие, а с другой стороны, обозначает объект.** То есть, с одной стороны, это – бирочка, которую мы, как бы, в качестве обозначения к этому объекту прикрепляем. Обозначаем (маркируем, помечаем) мы вот этот натуральный объект, а слово-то выражает действие: как с этим объектом возможно культурным способом обращаться.

Например, если хотите в лесу пикник устроить, вы начинаете искать место. Кто-нибудь говорит: «Вот пень – подходящий стол». Смотрите, вы указываете на натуральный объект, а, на самом деле, вы выражаете будущее действие, что...

Из зала – ...мы сейчас за него сядем?

ЮБ – Да, вы сейчас за него сядете и будете, там, напитки пить и ещё что-нибудь употреблять. Столоваться, одним словом.

Точно так же, когда говорят: «Вон – автобус», не на натуральный объект показывают. Показывают на действие, что на нём можно куда-то уехать. И так – по любому поводу. Если я показываю на эту вещь и говорю: «Это – магнитофон», я указываю этим словом «магнитофон» (и сознание любого человека это чётко фиксирует) на то, что эта штучка может записывать то, что говорят рядом находящиеся люди. И так – по любому поводу.

Самая большая **проблема у наших людей, особенно у научных работников – мы за словами не видим структуры действий.** Мы за словами видим натуральные объекты. Так нас, я не знаю, кто приучил, но практически все этим страдают. В отличие, кстати, от китайцев, например, или от арабов.

Мы ещё до категорий дойдём. Но специалисты в категориальном анализе утверждают, что у нас, у европейцев, категории устроены объектным образом (мы про это ещё будем говорить), а, например, у арабов категории деятельностные, действительные – они видят действия, а не объекты.

Объекты – всегда следствия действий. Мы же, наоборот, сразу упираемся взглядом в эту натуру и думаем, что «эта деревяшка и есть стол».

Из зала – Я знакома немного с китайским языком. Так вот, в китайском языке, к примеру, нет слова «морковь». Там соответствующий иероглиф переводится как «овощ, помогающий для того-то...» И сказано, для чего. То есть у них изначально какое-то действие предусматривается за объектом...

ЮБ – Да. Они видят действие этого овоща.

Из зала – А у нас получается, что язык не даёт этого видения?...

ЮБ – А у нас, не даёт. И у них так – по любому поводу. Устройство их иероглифов (я не специалист, конечно, меня вот Дима может поправить) везде, насколько я слышал, указывает на структуру действий. Они задают вот эту самую действительную ситуацию. А у нас, особенно, в русском языке, все слова указывают на объекты. В английском или в немецком есть хотя бы артикли: там для абстрактных объектов неопределённый, для конкретных – определённый артикль. А у нас же в русском определённый артикль – «вот эта вещь». Вот так, указанием на вещь. Вот этот стол. Просто сказать «стол» – это абстрактный стол. А сказать «вот этот стол» – это конкретный стол, «**the** стол».

Из зала – И это проистекает как раз из самой ситуации получения знаковой формы, да? То есть знаковая форма должна удерживаться ещё каким-нибудь действием?...

ЮБ – Конечно, конечно. Если ухватить вот эту самую главную идею и чуть-чуть потренироваться, то, на мой взгляд, можно относительно легко научиться видеть за этими вещами действия, структуру действий.

Кстати, когда мы перейдём к тренингам (это моя голубая мечта), они почти что все будут на это ориентированы. Поскольку мы будем стараться их сделать методологическими, а методология изначально предполагает самый главный залог: как работать, как действовать? Там нужно видеть, кто, что делает? И как делает? А не каких-то конкретных людей с фамилиями или вещи в натуре.

Вещи и люди – это, просто, «пустые места», которые определённые действия могут делать. И если научиться это видеть, тогда из этих действий можно что-то конструировать. Тогда могут получаться и схемы, и большие состояния, иногда даже бешеные, если правильно сконструировать структуру действий.

А «понятие» – совершенно другой инструмент. «Понятие» в классическом мышлении играет очень важную роль. Но нужно, опять же, ухватить, в чём здесь принципиальное отличие от «знаний».

«Знание» – это получение знаковых характеристик неких свойств, образуемых за счёт действий людей. И на этом, кстати, вся техника построена, вся современная цивилизация. Как только вычленишь некое действие, ты на этом можешь построить либо машину, либо магнитофон, либо компьютер, либо ещё что-то.

А «понятие» – просто, совершенно другой инструмент мышления, другой инструмент мысли.

И вот это **различение между «знанием» и «понятием» – одно из самых принципиальных** в классическом мышлении.

Если то мышление, которое сейчас формируется, фактически разрушает структуру знаний, которая была до сих пор, то понятие там, наоборот, – на одном из первых мест. Там более «главные» вещи ещё есть, более важные, чем понятие. Но понятие там на один из первых планов выходит.

Так вот, **«понятие» – это, прежде всего, инструмент понимания.** Вдумайтесь в слово «понимание», в русское слово «понимать». Слово «имать» – корень. Отсюда же «поймать» или «схватить». Старорусское слово «имать» и современное «поймать» и «понимать» – из одного корня растут.

Кстати, в немецком то же самое, «begreifen» – хватать, схватывать, а «Begriff» – понятие. То есть «понятие» – это то, что ты мгновенно схватываешь. Тебе не нужно этой знаниевой процессуальности, очень длительного получения чего-то в качестве результата, называемого «знанием». **«Понятие» – это то, что человек сразу ухватывает.** Вы посмотрели, даже в тёмное время суток, глянули только одним глазом, мельком, и вы сразу отличаете человека, допустим, от животного, от чего-то другого. Просто, мгновенно!

Корову от лошади любой человек отличает мгновенно. Это связано с тем, что у людей есть соответствующие понятия. И понятия всегда вот эти две главные вещи осуществляют (рис. 2.5).

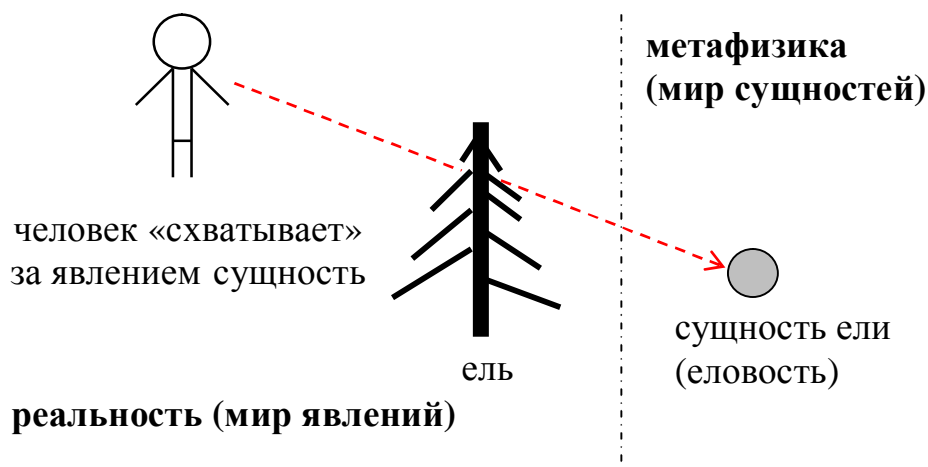

Рис. 2.5. Принцип работы субстанциональных понятий

Во-первых, они указывают либо на «сущность» (это для субстанциональных понятий, я про это в прошлый раз говорил), либо на «функцию». Вот, «стол» – это функциональное понятие. А, например, «корова» – это субстанциональное понятие. Все биологические, естественные вещи – это субстанциональные понятия. «Дерево» – субстанциональное понятие, а «бревно» – функциональное, поскольку в природе брёвен не бывает. Бревно – это результат деятельности человека и предмет специального употребления в деятельности.

Во-вторых, – это указание на то, как можно культурным способом обращаться с соответствующей сущностью или осуществлять ту или иную функцию. Можно, конечно, предположить, что корову можно по морде ударить. Но это – некультурный способ обращения с животным, поскольку это можно сделать с кем угодно.

Культурный же способ всем известен: корову можно доить и получать молоко. Корову можно ещё как-то использовать. Корову можно есть, в конце концов. Некоторые и так могут думать.

Из зала – Юрий Михайлович, можно уточняющий вопрос?

ЮБ – Да.

Из зала – Смотрите, по этим двум признакам понятие очень сильно похоже на знаковую форму.

ЮБ – Нет.

Из зала – Вот, смотрите, с одной стороны, знаковая форма указывает на объекты, а тут – на сущность. И, с другой стороны, на действие, которое можно осуществлять.

ЮБ – Смотрите, в знаковой форме указание не на объект, а на свойство, выделенное за счёт действия. А здесь действия никакого не предполагается.

Из зала – Можно ли говорить, что, допустим, понятие указывает на возможность действия с тем или иным сущностным?...

ЮБ – Нет, как обращаться можно. Как обращаться можно с этим столом.

Из зала – Ну, возможность...

ЮБ – Почему возможность? Есть в культуре закреплённый способ обращения с этой вещью. Смотрите, с этой вещью (показывает на стол), которая имеет определённую функцию. И функцию этой вещи придаёт не дерево.

Из зала – А способ обращения.

ЮБ – А то, чем мы сейчас занимаемся, соответственно, придаёт ей функцию. Эта деревяшка вставлена в определённое функциональное место деятельности и приобретает соответствующую функцию. И есть культурные способы...

Из зала – Для того, чтобы свойства проявились, нужно какое-то действие произвести с этим столом. Возможно, оно будет не культурным даже...

ЮБ – Если вы хотите получить знание, например, я постучал по столу, и у меня есть ощущение, что он твёрдый. Соответственно, я могу сопоставить с неким, как говорил Георгий Петрович, принятым эталоном твёрдости и сказать, что, да, он твёрдый в такой-то мере.

Из зала – То есть в таком случае понятие вот тем вторым пунктом будет включать в себя знания какие-то?

ЮБ – Нет, нет.

Из зала – ...но мы же сначала с помощью знаний выделили то, что этот стол твёрдый?

ЮБ – Нет, **понимается то, что люди не знают**. Мы чаще всего «понимание» заменяем «узнаванием». Вот, у нас есть некие знания или псевдознания, представления какие-то, о чём-то. И мы подменяем понимание узнаванием – то, чем Вы сейчас занимаетесь. Вместо того, чтобы задавать вопросы на понимание (чего Вам здесь ещё непонятно?) вы пытаетесь выдавать версии того, что вы уже и так знаете про что-то. И, соответственно, понимание у вас подменяется. Понимается всегда то, чего люди не знают.

Из зала – Я про возможности обращения с предметом. Если у нас не будет вот этого процесса узнавания, точнее, не у нас, лично, а у кого-то, кто эту корову придумал доить, чтобы пить молоко...

ЮБ – Нет, Ира. Дальше я буду говорить о том, что **понятия не в головах**. В головах – некое отражение, оно там фиксируется в памяти. А понятия живут в культуре человечества. Есть для этого культурные способы, закреплённые культурными носителями.

Из зала – Но и знания закрепляются культурой.

Из зала – Вы говорите, положим, про корову. Мы, допустим, знаем, что такое понятие «корова». Реальная сущность, которая за этой коровой, с ней нужно обращаться, например, доить. Но не для того, чтобы...

ЮБ – Да. А вам вздумается, например, на ней скачки устраивать.

Из зала – Нет-нет. Можно я продолжу?

ЮБ – Да.

Из зала – Для того, чтобы нам в понятие коровы вот это возможное действие добавить, вы же сначала тоже какое-то действие над ней должны произвести. То есть, как бы, мы узнали, что корова...

Из зала – Мы её подёргали за соски, молоко полилось...

ЮБ – Смотрите, с субстанциональными понятиями давно уже человечество разобралось. Нужно, соответственно, изучать культурные носители, становиться культурными людьми, и знать, что корова существует не для того, чтобы её по морде бить, а для другого. Да?

Из зала – Это понятно, что сейчас имеется, когда уже тысячелетиями коров изучают...

ЮБ – Для этого образование нужно получить и больше ничего.

Из зала – Нет, но изначально-то, изначально? Когда первый раз человек встретил корову, у него не было никакого понятия, что это такое. Дай, подергаю её, молоко потекло – ага, можно доить. Он, получается, произвёл действие.

ЮБ – Нет, Ира, нет. Уже много раз здесь говорилось: отдельный человек – вообще не человек. Вы как-то это...

Из зала – Ну, грубо.

ЮБ – Да не грубо. Если Вы просто Робинзон, отдельный человек, и про себя так думаете, Вы очень скоро перестанете быть человеком.

Из зала – Речь не об этом. Речь идёт о том, что исторически, допустим, понятие же может в себя какие-то новые смыслы вбирать...

Из зала – «Знания» и «культура» связаны же?

ЮБ – Подождите, «знания»... «Понятия» вводятся не за счёт получения знаний. «Понятия» вводятся не за счёт определений. «Понятия» вводятся за счёт длиннющего-длиннющего рассуждения, например, о «сущности» чего-то, к примеру, о «коровости», или о «деревянности», или о «человечности», или ещё о чём-то. Вы почитайте классиков, того же Аристотеля, как он вводит понятие «корова»: на нескольких страницах длинное, монотонное, нудное рассуждение, что это и вот этот смысл имеет, и этот, и этот, и этот, и ещё этот. И у Вас формируется определённая смысловая структура о том, что такое корова. Обратите внимание: не знаковая форма, которую, как бирочку, прилепить можно, а определённая структура смыслов, как можно с этой сущностью обращаться.

Из зала – Но ведь сейчас уже можно не рассуждать, поскольку известно...

ЮБ – Можно.

Из зала – А если кто-то по-новому начнёт...

ЮБ – Нет.

Из зала – ...не имея понятия коровы?...

ЮБ – У Вас вопрос? Пожалуйста...

Из зала – Есть же какой-то культурный набор того, как можно эту корову использовать, что с ней можно делать, что с ней нельзя делать?

ЮБ – Да, да.

Из зала – ...и кто-то этого не знает...

ЮБ – Вот, в Индии, например, культурным (в европейском смысле) способом её вообще не используют. Там это – священное животное. Его вообще трогать нельзя.

Из зала – Конечно.

ЮБ – Нельзя её согнать с улицы, если она ляжет посреди дороги, а вам нужно проезжать. Нельзя! Вы приезжаете в Индию и эту корову прутиком сгоняете с дороги, Вас в тюрьму садят.

Из зала – Это понятно. Просто есть менее радикальное отношение к коровам.

ЮБ – Так. И что?

Из зала – Если в этой культуре, в которой можно производить над коровой любые действия...

ЮБ – Любые нельзя...

Из зала – Можно я скажу?

ЮБ – Можно. Только слово «любые» сразу вызывает отторжение. Не любые.

Из зала – Не любые. Но кто-то производит над ней такие действия, которые культурными нормами не закреплены – то, что никто никогда с коровой делать не догадывался...

ЮБ – И что?

Из зала – ...и оказывается, что эти функции коровы...

Из зала – ...становятся культурной нормой...

ЮБ – Дима, подожди, я сейчас объясню. Пусть Ира договорит.

Из зала (Ира) – Если эти функции, которые вновь выявлены у коровы, оказываются очень полезными, всем нравятся и все решат: действительно, а давайте будем ещё корову вот так использовать. Молоко – это хорошо. Но, допустим, она ещё марки может языком лизать, и мы будем их приклеивать на конверты. Это очень здорово, очень удобно. И у нас со временем в культуру входит, что мы её доим и ещё она у нас марки на конверты помогает наклеивать

ЮБ – Вас просто назовут маргиналом и некультурным человеком. И всё!

Из зала – Нет. Я понимаю. А если это приживётся?

ЮБ – Марки будут клеить другим способом.

Из зала – А если это в культуре приживется? Культура – это же всё равно накопительное понятие, которое формируется. У нас же были в своё время...

ЮБ – Ира...

Из зала – Экономисты всегда так усложняют?

ЮБ – Ира, Ира, культура несоразмерна отдельным людям...

Из зала – Ну, я фантазирую...

ЮБ – Ирочка, нельзя здесь фантазировать попусту. Культура несоразмерна жизни отдельного человека. Вот, как бы мы здесь ни дрыгались, что бы мы ни изобретали, в культуру войдет только то, что когда-нибудь, через 200 лет, выяснится. Когда нас уже не будет.

Из зала – Я не говорю, что это произойдёт прямо сейчас. Но изначально это будет получено за счёт действия, за счёт получения знаний.

ЮБ – Нет, не за счёт получения знаний.

Из зала – Давайте упростим пока.

Из зала – А за счёт чего тогда получается? А откуда берётся это понятие? Если мы смотрим на корову, я ничего с ней не делаю и знаний никаких о ней не получаю, и откуда, с чего я возьму, что её можно подоить и молоко взять?

Из зала – Если рассматривать первого человека, который это понятие коровы когда-то начал строить...

ЮБ – Ну, и что? Он что, знания получал?

Из зала – Имеется в виду, что появляется знание...

ЮБ – Он просто её доил...

Из зала – Давайте возьмём не корову...

ЮБ – ...и за счёт неё жил. И что? Где здесь знание? Вот этот способ употребления этой сущности вошёл в культуру. К знанию не имеет отношения. Просто, не имеет отношения. Вообще!

Из зала – Потому что на внешних носителях никто этого не фиксировал?

ЮБ – Все эти процедуры, которые я до сих пор обсуждал: «многоплоскостная вещь», «отнесение», «обозначение», «выражение действия» – нет этого ничего. Изви-

ните, нет! Он – дикарь, он подоил, попил молоко и поставил в стойло, и, ещё покормил её.

Из зала – А наскальная живопись?...

ЮБ – И что?

Из зала – ...нарисовал, допустим.

ЮБ – Он что, нарисовал знание, что ли? Вы что?

Из зала – Он меня назвал «корова».

Из зала – Смех.

ЮБ – Ну, и что?

Из зала – ...если он назвал её, это не является знаковой формой?

ЮБ – Всякое понятие имеет своё слово.

Из зала – Показывая на эту корову, он сюда (вверх – на схеме знания, рис. 2.1) поставил слово.

ЮБ – Да. И что? Это к знанию не имеет отношения. Знание строится по-другому, за счёт совершенно жёстких, давным-давно отработанных процедур. Этих процедур здесь не предполагается. Мы, будучи культурными людьми, имеем соответствующее понятие, и наше сознание сразу схватывает это и понимает, что это не лошадь и это не собака, а это корова.

Из зала – А почему тогда в разных культурах разное отношение к одной и той же вещи?

ЮБ – Потому что разные культуры. Я вам про это и говорю.

Из зала – То есть получается, что одни над ними производили одни действия, а другие – другие действия?

Из зала – Правильно ли я понимаю, что, например, если мы с помощью, там, генетики изучим гены коровы, например, и научимся с ними ещё что-то делать, например, скрещивать корову со свиньей, получается знание?

ЮБ – Да. В этом случае получишь знание.

Из зала – Вот это будет знанием?

ЮБ – Это будет знанием...

Из зала – А понятие – это-то что?

ЮБ – ...но к понятию коровы это не будет иметь никакого отношения. Просто, не будет, и всё! Когда Вы с генами работаете, у Вас объектом будет не корова, а будет ген, идеальный объект «ген», который имеет соответствующую материальную субстанцию гена. Вы по отношению к этому натуральному гену какое-то действие совершите, найдёте способ обозначения выделенной идеальной конструкции, найдёте способ оперирования с этой знаковой формой. Если соответствующие операции подберёте (построите) и отнесёте назад, к этому натуральному гену, получите знание. Но к корове и к понятию «корова» это не будет иметь никакого отношения.

Из зала – Понятно.

Из зала – Это знание не будет иметь соответствующего понятия?

ЮБ – Это выяснится через много лет. Многие знания, которые получают в науке, не имеют соответствующих понятий. **Наука с понятиями не работает.**

Из зала – Смотрите, Юрий Михайлович, когда мы такие операции произведём, через много сотен лет, допустим, в понятие коровы может войти, что, вот, мы корову можем скрестить со свиньей и получить там что-то, допустим, «свинрову». То есть некое знаковое действие...

ЮБ – Да.

Из зала – ...может это в понятие войти?

ЮБ – Но не в понятие коровы. Вы что, ребята?

Из зала – Ну, как не в понятие коровы? Оно будет, понятие коровы будет...

ЮБ – Но не для нас! Не для нас с вами.

Из зала – ...вот мы посмотрим на нее...

ЮБ – Нет, нет.

Из зала – ...в её сущность: это – корова, с ней вы можете делать то-то и то-то.

ЮБ – Смотрите, у нас лекция называется «различительность». А у вас – всё время «соединительность». Вы пытаетесь всё опять в одну кучу свалить. Я пытаюсь это растащить, а вы говорите: «А давайте, опять вот так соединим».

Из зала – Вот мы и задаём вопросы как раз о том, где грань? Как это вообще разъединяется-то?

ЮБ – Разъединяется – вот так, как я вам показал. Вот схема получения знания (рис. 2.1). К понятию она, ровным счётом, никакого отношения не имеет. Здесь нет никаких смыслов. Вы поймите, нет здесь структур смыслов. Есть операции, есть знаки, есть соответствующие логические операции «замещение» и «отнесение», и характеристики. Всё! Например, «камень – горюч».

Из зала – А понятие камня откуда взялось?

Из зала – То есть получается, «понятие» и «знание» вообще не связаны?

ЮБ – Нет здесь понятий. Наука с понятиями не работает.

Из зала – Нашли материал, у которого выделили какие-то свойства за счёт действия... Например, мы пнули корову, она нас забодала. Мы выяснили: корова бодлива, назвали «А» – «бодливость».

ЮБ – И что? Это некультурный способ обращения с коровой.

Из зала – Это, может, у нас некультурный.

Из зала – Да, а если есть какая-то культура, в которой это принято...

ЮБ – Это вы выделили...

Из зала – ...где они их специально дразнят, чтобы они на них потом набрасывались и бодались.

ЮБ – Да, да, да.

Из зала – Есть культура, в которой культурным считается заколоть зверя в течение часа...

ЮБ – К знаниям всё это не имеет отношения. Знание получается по-другому. Ещё раз повторяю, по-другому! Не нужно всё в одну кучу сваливать. Там, **в понятиях, вы схватываете смыслы, а в знании никаких смыслов нет. В знаниях есть только значения.**

Из зала – Грубо говоря, нам, вообще-то говоря, этот объект не важен?

ЮБ – Объект не важен. Там, где наука и там, где получают знания, натуральные объекты с их метафизическими сущностями не имеют никакого значения. Не важен...

Из зала – То есть просто мы в нечто ткнулись, сделали действие, а вот нам важно свойство, которое...

ЮБ – Свойство, да. «Бодливость» – может быть, на этом Вы что-то там потом постройте. Вы, может, выделите систему знаний. Но к сущности коровы это не имеет отношения. Это ваши действия и характеристики, которые для вашей деятельности важны, а не к способу употребления коров в жизни людей.

Из зала – То есть, грубо говоря, понятие на этой схемке (показывает на схему знания, рис. 2.1), если образно говорить, понятие будет там...

ЮБ – Нет, не будет здесь понятий. Здесь (на схеме знания) нет, вообще, понятий. Понятие устроено по-другому.

Из зала – Оно просто, видимо, для других целей.

ЮБ – Понятие устроено вот так (рис. 2.6). **«Понятие» – это некая структура смыслов.**

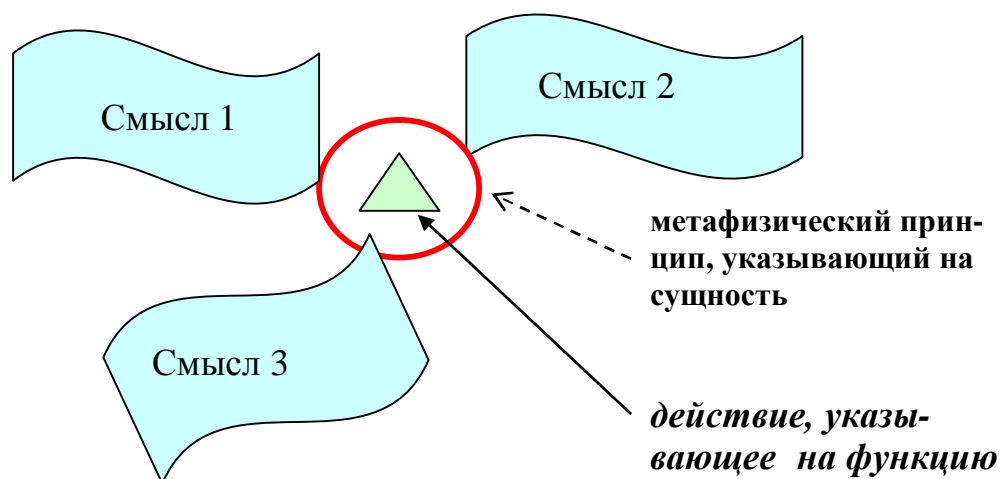

Рис. 2.6. Устройство понятия

Она может быть очень многообразна. Здесь я нарисовал всего три «флажка» (символизирующих смыслы), а их может быть много. Например, ёлку можно на Новый год ставить и вокруг неё плясать. Ёлку можно порубить на дрова и, соответственно, истопить печь. Из ёлки можно вытопить смолу и сделать аромомасло, и потом с удовольствием париться в бане.

Это всё – культурные способы употребления вот этой сущности, которая называется «еловость». К знаниям это не имеет, равным счётом, никакого отношения. Вообще! И, соответственно, смотрите: эти **смыслы прикрепляются либо к метафизическому принципу, указывающему на некую «сущность», либо к действию, указывающему на функцию.** Вот там (на рис. 2.6) эта «дельточка» – символизирует действие. А «кружок» – метафизический (мыслительный) принцип, ухватывающий сущность. Это для разных понятий. Есть функциональные, есть субстанциональные,

или сущностные понятия. Но всё равно – одна и та же структура. И если вы хотите понятие ввести, не важно, какое – будь то «корова» или более сложные вещи типа «поглощения и слияния компаний» – вы должны долго-долго объяснять, что это такое, с разных сторон, и какие смыслы за этим кроются. Подчёркиваю: если вы хотите понятие ввести.

Но если вы выделили эти смыслы, у вас сразу очерчивается круг того, что вы можете делать, а чего вы не можете делать. Никакое определение не даёт такой возможности. У вас выясняется круг действий, и здесь появляется возможность, там, чуть-чуть и науке выделить плацдарм для работы. У вас может быть заказ на получение какого-то конкретного знания по отношению к какому-то конкретному действию. Но «понятие» – это более широкая вещь, и оно без знаний возникает. На этой базе потом могут быть какие-то знания построены специально. Но это – всегда вторично.

К примеру, вам нужно прокладывать БАМ, вы заказываете научное исследование или разработку какому-то проектно-изыскательскому институту. И этот институт или его специалисты измеряют, там, например, прочность грунтов, по которым пройдёт БАМ. Но это – всегда разовое и точечное знание, а не такое, какое наука, вообще, осуществляет... «Наука – это такой «комбайн», – как говорит Сергей Валентинович Попов, – по выработке «какашек», называемых знанием». По аналогии с тем, как козы прыгают по горам, и там эти козьи шарики везде валяются.

Вот наука так и движется. Неважно, для чего? Неважно, зачем? И всё время вот эти этажи надстраиваются. И всё новые и новые «какашки» выскакивают, которые мы почему-то называем «знаниями».

Из зала – Романтично.

ЮБ – Да.

Из зала – Порождает пренебрежение к знанию как таковому.

ЮБ – Вот, я и хочу, чтобы у вас выработалось пренебрежение к знаниям. **«Знание»** – это устаревший инструмент мысли. Даже в естественных науках. Вот то, чем наш коллега-биолог занимается (как он в прошлый раз сам сказал: попытками улучшить зрение, прежде всего, у детей, и не только у детей) – это не получение научного знания в области биологии. Это – типичная биологическая инженерия. То есть, есть некая задача, которую нужно решить. Не всё подряд вот так ощупывать и исследовать – это никому теперь давно не интересно.

А наука предполагала именно ощупывание разных свойств без разбора и безотносительно к практическим задачам. Почитайте, чем занимались знаменитые учёные-классики в XVIII-XIX веках: Ом, Фарадей и другие. Потрогал – ага, такое свойство, потрогал – ещё такое... И это описал, и это описал, ещё потрогал, ещё описал...

Вот чем занималась 400 лет наука.

Из зала (биолог) – Но мы же на основе научных данных это делаем.

ЮБ – Это – если Вам понадобится. Если Вам понадобится, например (я фантазирую сейчас), определить, там, прочность зрачка при прикосновении к нему, или ещё какую-нибудь характеристику, которая вам нужна, чтобы практическое действие осуществить, Вы можете заказать соответствующее исследование какому-то, там,

«глазоисследовательскому институту», грубо говоря. Он может что-то там измерить и сказать: «Прочность вот такая. Если вы сильнее надавите, там порвётся». И это Вы используете в своей дальнейшей инженерной работе. Но то, что Вы сами делаете – это не научное исследование, и не получение знаний.

Из зала – То есть знание – бесцельно?

ЮБ – Знание бесцельно. Знание – когда надстроил этаж, ага, появляется возможность ещё надстроить. Надстроил – ещё возможность надстроить. А дальше появляются ответвления: один туда пошёл, другой туда пошёл. Возникают разные ступеньки. И это всё – такой, гигантский «Монблан», 400 лет строился. И 99% ненужных «вещей» (т.е. знаний) производит. Просто, ненужных!

Из зала – Юрий Михайлович...

ЮБ – Да.

Из зала – Можно вернуться к понятиям? Вы сказали, что понятие и действие не связаны. А вот только что, получается либо сущность, либо действие...

ЮБ – Где? Вот здесь (показывает на схему знания)?

Из зала – Нет. Там только что схемка с «флажками» была.

ЮБ – Вот здесь?

Из зала – Вернёмся чуть назад (рис. 2.6). Здесь же понятие связано с действием?

ЮБ – Нет. Смотрите, смысл: «елку можно использовать как дрова». Где здесь действие?

Из зала – Использовать.

ЮБ – Смысл того, что можно организовать такую работу, где это будет использоваться чисто функционально. Смотрите, кто-то когда-то совершил действие – бросил в костер, она загорелась. Выработался культурный смысл, что это можно делать и это, в общем, нормально.

Из зала – Ну, вот, то есть всё равно, «понятие» в «знаниях» выражается...

ЮБ – Нет, в «понятии» нет «знаний». По поводу того, как формируются понятия, у нас будет специальная лекция. Она будет называться «Понимание». Там будет разговор, в том числе, о том, как строятся понятия.

Из зала – То есть, если что-то стало понятием, знание уже отходит?

ЮБ – Это два разных пути. Это, просто, два разных мыслительных пути!

Из зала – Но понятие-то использует знание?...

ЮБ – На этом пути иногда используются знания. Но в принципе – это разные вещи.

Из зала – Кинули ёлку в костер, она загорелась. Получили знание, что она горит. Вошло в культуру, вошло в понятие. Но понятие-то всё равно изначально построилось: где-то там, на знании, где-то...

ЮБ – Катя...

Из зала – Я об этом говорила перед тем, полчаса назад...

ЮБ – Катя, нет.

Из зала – Я просто пытаюсь понять, чем «знание» тогда отличается от «понятия»?

Из зала – Погодите. Что-то мы забыли про то, что знание-то – это процесс.

ЮБ – Да, Денис, «знание» – это процесс непрерывного настраивания вот этих знаковых конструкций.

Из зала – А мы их потом вот так «обрубаем»...

Из зала – То есть «елка горячая» – это не знание? «Елка горячая» – это же не знание, получается, да?

ЮБ – Почему не знание? Когда-то, кем-то так же, как и «уголь – горячий», когда-то кем-то это было получено как знание.

Из зала – Это результат. А знание – это же процесс.

Из зала – Нет. Знание построено на действии...

ЮБ – «Процесс» и «результат» – это всего лишь разные модусы мысли: либо ты включён, либо ты рефлексивно смотришь. И всё. Не более того.

Из зала – То есть кинул елку, был процесс?

ЮБ – Смотрите, когда получаешь «знание», людей нет. Найдите здесь людей (показывает на схему знания, рис. 2.2).

Из зала – А когда формируется «понятие», люди есть, да?

ЮБ – А «понятие» – это про людей.

Из зала – Я, кажется, начала соображать.

ЮБ – Это – не про елку, это не про корову, это про культурное общество и способы культурной жизни.

Из зала – То есть понятие тут построено для жизни?

ЮБ – На основе понятий формируется культурное общество. Само слово «общество» предполагает нечто «общее у множества людей». Одними из этих «нечто общих» вещей есть культурные понятия, они должны быть у вас у всех, чтобы вас можно было называть культурными.

Из зала – А понятия все культурные, да?

ЮБ – Если понятия, то да.

Из зала – Можно Вам пример, Юрий Михайлович? Смотрите, если, допустим, учёный произвёл действие с этим объектом: кинул в костер – сгорело, и в стол там себе всё поместил. То есть не вошло в культуру знание, полученное им. Понятия не получится? Но если он, допустим, всем сказал, что вот есть...

ЮБ – Денис, остановись.

Из зала – Нет-нет, я уже через это пробовала, не получается.

ЮБ – Да, Ира, не получается. Вы говорите: «В стол положил». Прошло два часа, как я в стол положил. Или пять лет. Без разницы...

Понятия **исторически** формируются. Ныне живущие люди, в т.ч. и здесь сидящие, вообще, ныне живущие на Земле 6 миллиардов людей никаких понятий построить не могут.

Из зала – До меня доходит...

ЮБ – Вообще, не могут. Если они что-то сделают, это в следующем столетии либо войдёт, либо не войдёт в культуру. Может войти, если будет вычленено. А, кроме того, есть ещё специальная культурология, есть специальные культурмейкеры, которые нечто умеют вводить в культуру. Если это войдёт в учебники, если этому начнут учить...

Из зала – Подождите. А слово «космонавт» – это что такое?

ЮБ – Это слово.

Из зала – Это – не понятие?

Из зала – Это будет просто слово, в Индии или у древних его не было...

Из зала – Это обозначение, наверное.

Из зала – ...да, а у нас это будет понятие, потому что все знают, кто это такой.

Из зала – Наименование.

ЮБ – Это – слово.

Из зала – А это не понятие?

Из зала – А для нас понятия «космонавт» нет?

ЮБ – Не знаю, есть ли у вас или нет?

Из зала – У кого-то есть?

Из зала – Но оно в культуру-то уже вошло.

ЮБ – Нет, смотрите, это понятие, наверное, начало формироваться. Но, *во-первых*, не сформировалось полностью. *Во-вторых*, наш «космонавт» и американский «астронавт» – это одно и то же? Зачем по-разному называют? И вопросов здесь много. Не сформированное нечто. Да, есть заходы, есть зачатки. На оргдеятельностных играх, там за 9 дней игры делались попытки какое-то понятие построить. Но это были всегда так называемые «рабочие понятия». Катя, это – всегда рабочие понятия. Нужно отличать «понятия», которые в культуре, и так называемые «рабочие понятия».

У нас будут тренинги, мы будем пытаться строить какое-нибудь рабочее понятие. Как говорит Попов, это некий «фрагмент понятия» или «слепок». Выхватили из этой вещи пару смыслов, а там еще 120 разных смыслов. А нам больше двух не нужно для того, чтобы, там, допустим, построить финансовую схему какую-нибудь.

Из зала – То есть понятие – это такой набор вот этих смыслов?...

ЮБ – Да.

Из зала – ...которыми можно и нужно пользоваться в данной ситуации? Вот ты находишься в этой культуре, и ты должен знать, как пользоваться?

ЮБ – Да. И общество будет признавать тебя культурным человеком, не опасным для других...

Из зала – Либо это попадает в другую культуру?...

ЮБ – Если некультурный – опасный человек. А если культурный, с тобой можно иметь дело... Почему в культуру-то вводится?

Из зала – ...тогда это – другой набор смыслов? То есть знаний об этом объекте может быть масса.

ЮБ – Да, но только смыслов, а не знаний.

Из зала – Но они могут не использоваться для данного конкретного случая?

ЮБ – 99% знаний не используется. Да, да.

Из зала – А смыслы?

ЮБ – А смыслы всегда нужны, смыслы нужны для жизни.

Из зала – Наконец, понятно стало. То есть это – такое ограничение: кусочек мира такой «вырезан» нам, чтобы можно было здесь и сейчас функционировать...

ЮБ – Ну, если Вас такая метафора устраивает, считайте, что это «кусочек мира».

Из зала – Примерно...

ЮБ – То, что я так долго-долго пытался вдалбливать, очень важно, чтобы дошло, наконец.

Некоторые думают, что у нас у всех – разные понятия: о корове, о столе, о чём угодно. Не бывает разных понятий! Понятие коровы одно на всё человечество. Понятие стола – то же самое, одно на всё человечество (рис. 2.7). Но разные люди, разные народы могут пользоваться разными фрагментами или разными частичными смыслами того или иного понятия.

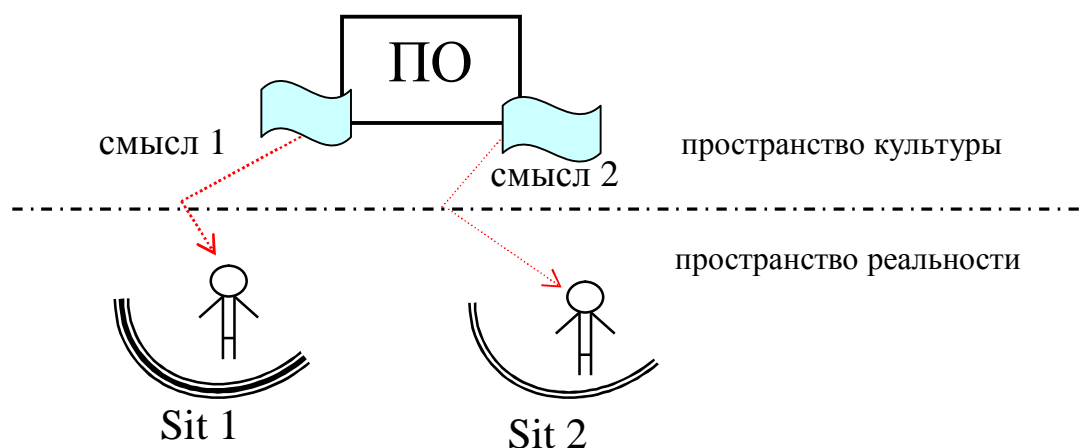

Рис. 2.7. Место и роль понятий

При этом мы можем сколько угодно думать, что у меня одно понятие, там, про космонавта, а у Руслана Равильевича – совсем другое. На самом деле, если оно формируется, если оно в культуру введено, то оно одно. Как и все остальные. И это – вещь принципиальная!

Это в зелёной книжке (имеется в виду «Семь прикосновений к методологии») тоже нашло отражение, в тех текстах, которые опубликованы. Здесь среди нас сейчас этого человека нет. Был у нас такой участник семинара – Алексей Гриднев. Он утверждал, что у него своё понятие, а вот у меня или у других – своё. Если считать, что у людей у всех разные понятия, мы сразу попадаем в жуткий парадокс и проблему.

Из зала – Понятия для того и нужны, чтобы язык людей привести к чему-то одному, чтобы друг друга понимать?

ЮБ – Да. Чтобы понимать друг друга. Это инструменты понимания. Если мы говорим, что, там, дверь для того, чтобы входить–выходить, то, соответственно, все это понимают однозначно. Если я говорю: «Ира, пойдите, принесите воды, вот, чело-

веку плохо», – Вы точно понимаете, что такое «вода», что значит «пойти», что такое «принести» и так далее. Это – для понимания.

Теперь я дальше буду двигаться немножко побыстрее, потому что уже у нас довольно много времени ушло.

Вот как работало то классическое мышление, которое теперь кончилось (см. рис. 2.8–2.14). А потом, когда я все эти картинки прокомментирую, вы можете сопоставить с тем, чем вы занимаетесь. И, вообще, вы к этому мышлению имели какое-нибудь отношение?

Дальше можно ему уже не учиться, потому что оно всё равно развалилось. В этом смысле вы более свободны, поскольку не обременены. А, допустим, моей жене, которая химик, и которая, на самом деле, на «гребне» той науки работает – её, там, в мире знают, она публикуется только в серьёзных журналах, и каждый раз по крупице прибавляет к полученным ранее знаниям – ей очень тяжело от всего этого освободиться. Вам проще, поскольку этих «гирь» нет.

Итак, исходная единица мышления (рис. 2.8), это мы с вами уже обсудили. Вот это – первичная ячейка, первичная структура или первичный процесс, в зависимости от того, как смотреть: либо со стороны – тогда структура, либо процесс – если ты в него вставляешься. Это получение знаний за счёт действий, выделения свойства, обозначения и так далее.

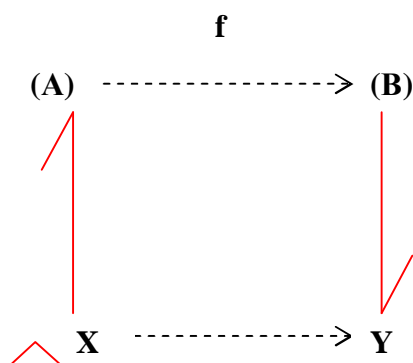

Рис. 2.8. Схема знания

Теперь смотрите, мы называем нечто «столом» и думаем в бытовом своём сознании, что мы столом называем эту конструкцию, за которой я сижу. Ничего подобного. Знаковую форму можно выделить только по отношению к свойству, зависящему от действия. А «свойство» чьё? Натурального объекта?

Из зала – Сущности?

ЮБ – Да. Только по отношению к «сущности» можно говорить о каком-либо «свойстве». С одной стороны, действие (вот эта дельточка) выделяет свойство, и это свойство обозначается. Но результат действия, это свойство, оно же не у натурального предмета – оно у того, что со времен Аристотеля стало называться «сущностью» (рис. 2.9). И эта сущность там обозначена.

Причём, сущность напрямую зависит от того, какие действия производятся. Там (на рисунке) несколько примеров приведено. Если вы собираетесь считать людей, то

сущностью этих людей будут точки. Или коров, или баранов – неважно, что вы будете считать, всё равно сущностью этих предметов будет обыкновенная точка, ничего не значащая, кроме того, что это – количественная определённость.

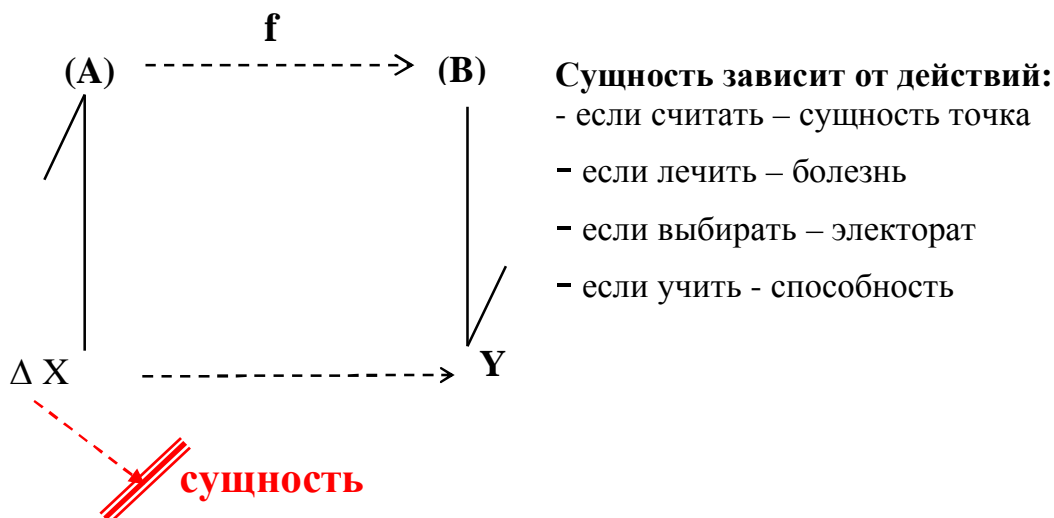

Рис. 2.9. Действие указывает на сущность

Из зала – Многие обижаются, когда людей «штуками» считают.

ЮБ – Да-да, один мультгерой тоже обиделся, когда его посчитали. Но все эти обиды возникают тогда, когда ты свою натуру не можешь отделить от своей сущности. Она срослась с тобой, наглухо.

А если собираешься лечить, то сущностью человека будет болезнь. Если врач будет смотреть, то только с этой точки зрения. Если собираешься учить, то сущность опять меняется. Вот вы же (те, кто занимается преподаванием) не с людьми имеете дело, а с так называемыми «способностями» учеников. Вы имеете дело с определёнными «способностями» (у каждого они разные). Они бесполое, и без всяких разных других вредных человеческих привычек. Либо способности есть, и их, соответственно, нужно отточить, а если нет, то их нужно, хотя бы минимально, развить – это есть сущностная характеристика. И так далее. В зависимости от того, какое действие вы осуществляете, будут разные сущности задействоваться.

Теперь, смотрите (рис. 2.10): выделяемые «сущности» фиксировались в «понятиях», и этим длительное-длительное время мышление занималось.

С одной стороны, действие. Действие, соответственно, указывает на сущность – в одну сторону. В другую сторону – на свойство, и там путь на знаковую форму, а в третью – сущность фиксируется как центральное звено какого-то понятия. Это пути – совершенно в разные стороны. «Знание» – это по тому кругу, а «понятие» – в другую сторону.

Из зала – Вот мы с Ирой как раз об этом и говорили, что действие как раз отразится в понятии, что нужно с этим как-то разбираться.

ЮБ – Но только «действие», а вовсе не «знание».

Из зала – Просто, действие, которое в знании осуществляется, как бы так его ухватить...

ЮБ – Опять стягиваете. Даже нарисовано по-разному: в разные места уходит мысль.

Из зала – Мы как бы это и пытались...

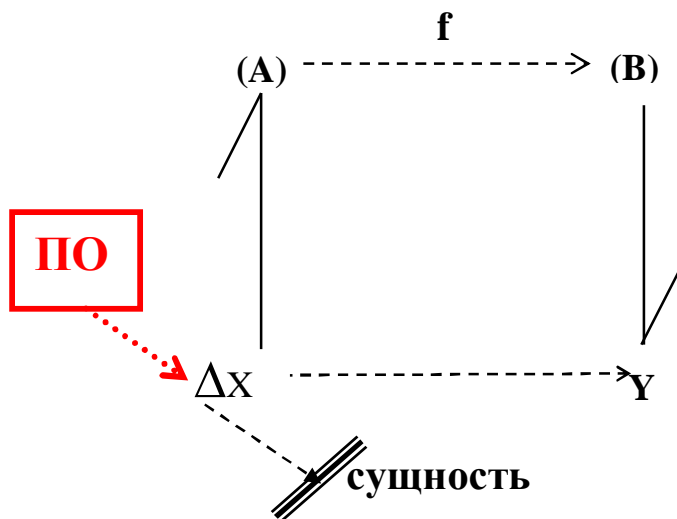

Рис. 2.10. Понятие, указывающее на сущность

ЮБ – Вы на картинке-то смотрите. Клиповое сознание, что ли, у вас? Я ничего не могу понять. Я вас пытаюсь заставить двигаться. Либо вы двигаетесь вот туда, либо вы двигаетесь вот туда. Это что, одно и то же, что ли? Это разные, совершенно, пути.

Теперь смотрите (рис. 2.11): понятия по одиночке не живут.

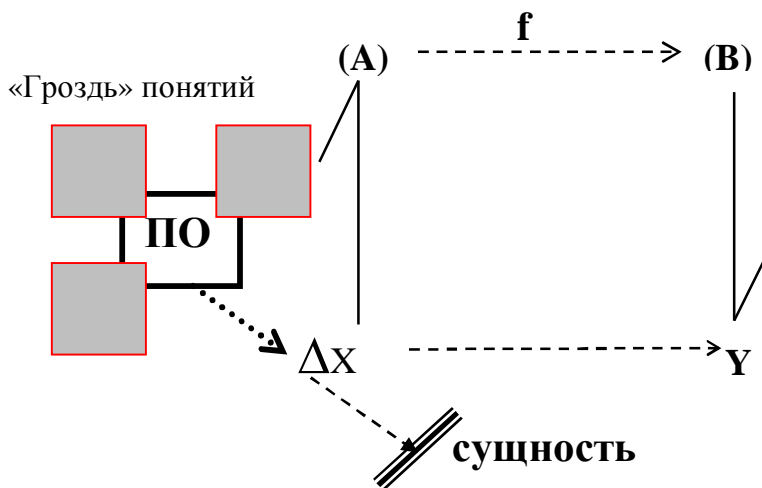

Рис. 2.11. «Гроздь понятий»

Если вы выделили какую-то сущность («еловость», «коровость» или «человечность» – неважно) и начинаете обсуждать это понятие, формировать эти смыслы, или вникать в эти смыслы, которые давным-давно сформированы, то если вы будете говорить про «еловость», вы вынуждены будете говорить, с одной стороны, про понятие леса, с другой стороны, про понятие бани, с третьей стороны, про комфорт жилища, про многие разные другие вещи, которые оказываются сопряженными и притянутыми к этому понятию.

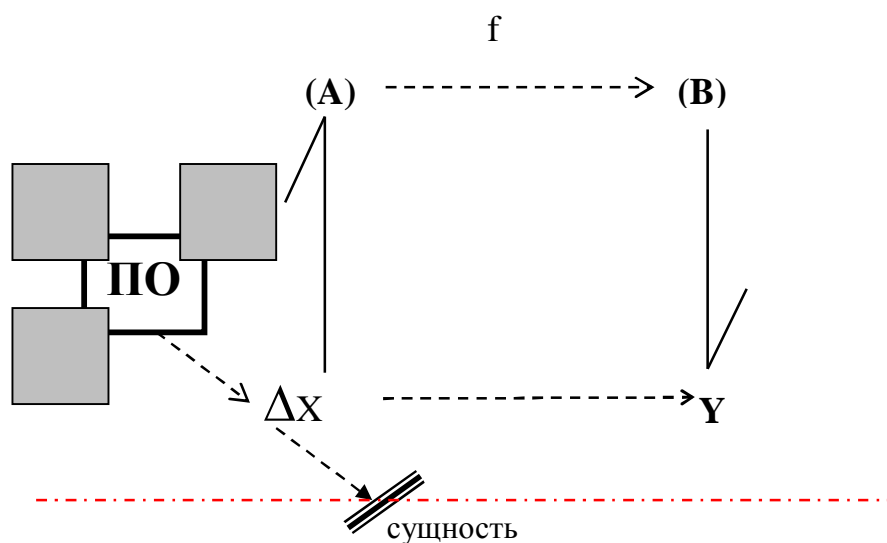
Если вы говорите про человека и про «человечность» как сущностный принцип, вы не обойдетесь без понятия «общество», без понятия «культура», без понятия «государство» и без других понятий. И как говорил Гегель, «понятия живут гроздьями», то есть некими такими блоками, кластерами, которые как только затрагиваешь одно – сразу захватываешь массу других. И без этого никак нельзя обойтись.

А теперь опять вернёмся к тому, что действие указывает на сущность. Спрашивается: а где эта сущность живёт? Она где существует? Этот вопрос первый себе задал Аристотель и ответил на него так: сущности живут в так называемой «онтологической картине» (у него она называлась «метафизика») То есть то, что стоит «за физикой» (рис. 2.12).

Есть корова как физический объект, а есть то, что, как бы, «за ней». Или я тут до этого показывал: есть ель как некий натуральный объект, а метафизика – это то, что за ней, где находится эта сущность. И человек, глядя на ель, видит то, что за этой елью и ухватывает этот принцип, который за ней находится.

Из зала – Он каждый раз может быть разный, да?

ЮБ – И он каждый раз может быть разный. Но все сущности – там. Штрихпунктирная линия (на рис. 2.12) – это то, что потом стало называться «трансцендентальной границей». То есть «сущность» – в трансценденции, она в том, потустороннем мире, куда грязными руками, грубо говоря, лучше не лезть.

Онтологическая картина (метафизика)

Рис. 2.12. Место онтологической картины

А «онтологии» («онтос» по латыни – это «сущее», или «сущность»), в отличие от метафизики, появились уже в Новые времена. Считается, что этот термин впервые ввёл Лейбниц (хотя некоторые считают, это сделал несколько раньше Гоклениус), и он, в отличие от метафизики, появился тогда, когда стало понятно, что в разных науках разные «метафизики» – в физике одна, в химии – другая, в общественных дисциплинах – третья, четвёртая и т.д. Каждая наука вводит свою собственную «метафизику», которые стали называться «онтологиями». То есть «онтологическая картина» – это то, что человек себе представляет без напряжения, не задумываясь о том, как уст-

роен мир по принципу. Если начинаешь спрашивать людей, одни говорят: «Да всё от Бога. Всё Богом создано. Сначала было слово...», там, пятое, десятое». И это, сколько угодно оспаривай, никак их не переубедишь. А другой твёрдо уверен: «Да, какой бог? Вы что? Мы живем в Природе».

Из зала – Большой взрыв...

ЮБ – Да. «Большой взрыв, расширяющаяся Вселенная». Всё это болталось-болталось, в конце концов, вот, выболталось в нас, таких сложно организованных. И в этом такие люди тоже абсолютно твёрдо уверены. Что все вещи состоят из атомов. Хотя, если начать разбираться, выяснится, что там (показывает на столешницу) никаких атомов, на самом деле, нет. «Атомы» – это идеальные конструкции, которые замещают некое свойство, которое образовалось благодаря действию с этим натуральным объектом. «Атомы» существуют исключительно с точностью до соответствующих инструментов, называемых «синхрофазотронами», «электронными микроскопами» или ещё чего-то. То есть с точностью до определённой структуры деятельности и её средств. В другой структуре действий и с другими инструментами – это будет совсем другим.

И таких онтологических картин не так много. Мы как-то однажды даже на семинаре здесь перебирали – их то ли пять, то ли шесть придумало человечество (причём, половина из них – производные от других онтологий).

Методологи того направления, которое сформировалось в ММК, утверждают, что **современная онтологическая картина, которая сейчас только складывается, и это новое мышление её формирует, это – «онтология деятельности»**. То есть мы живём в деятельности, всё связано с организованными действиями, всё от действий и их инструментов. И вот даже я сейчас здесь это всё пытаюсь интерпретировать через действия.

А дальше возникает вопрос: а как это увязывается друг с другом? Как можно оперировать вот этими знаковыми формами, которые там (на рисунке) вверху? Как можно оперировать этими понятиями, которые слева нарисованы? Как можно оперировать этими сущностями, которые внизу обозначены?

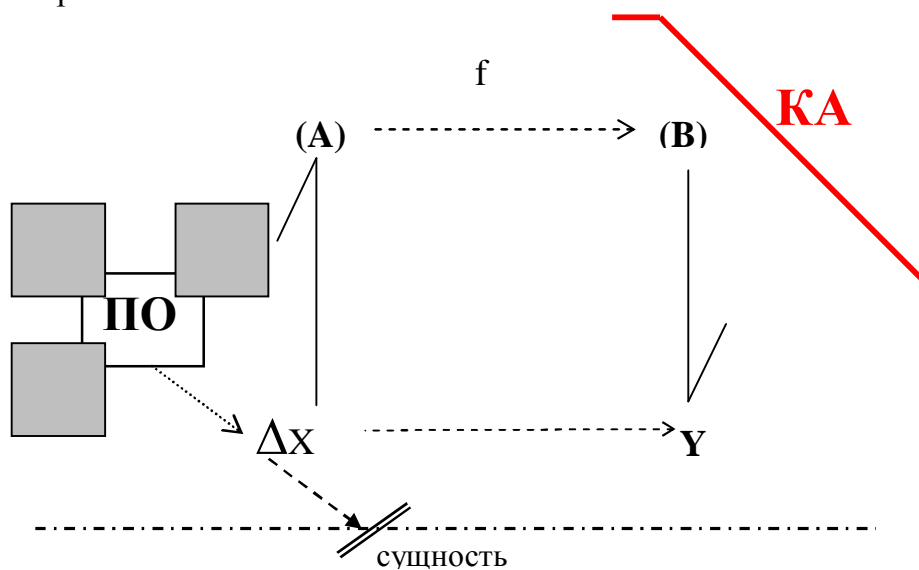
Чтобы ответить на все эти вопросы, для этого в своё время был придуман особый мыслительный инструмент – «категория» – это вот эта рамочка (КА на рис. 2.13).

«Рамочка» – это некий способ оперирования или базовые правила соотнесения знаковых форм, понятий и сущностей. Когда у нас в диссертациях пишут, что «финансы – это категория», так и хочется по башке стукнуть. Потому что, если про понятия можно сказать, что вон – корова и есть понятие «корова», **на категорию пальцем указать нельзя: это правило совмещения**. Вот, я электрическую вилку беру и совмещаю с электророзеткой. И есть определённое правило совмещения. Вот это правило и есть, грубо говоря, «категория».

Из зала – А можно пример категории?

ЮБ – Можно. Например, парная категория «род – вид». Главная категория, которая была у Аристотеля (а, фактически, ещё до него). И существует правило: «вид

можно под род подводить, а род под вид нельзя». И это жёсткое правило – суть работы данной категории.

Онтологическая картина (метафизика)

Рис. 2.13. Место и роль категорий

У нас будет специальная тема «Категориальный анализ», где я буду более подробно об этом говорить. Но сейчас, хотя бы так, чтобы было понятно, в общих чертах.

«Категории» – это такие правила, которые самые абстрактные вещи соединяют с самыми конкретными. Вот так, берут и стягивают. Никакое понятие этого не делает. Никакие «финансы» не могут быть категорией, потому что само понятие «финансы» не связывает самые абстрактные и самые конкретные представления о финансах.

Из зала – Юрий Михайлович, как это?...

ЮБ – Денис, минуточку. И когда мы говорим «всё – едино», т.е. применяем категорию «единое – многое»... Вот смотрите, **всё (!)**, начиная от самых абстрактных вещей и вплоть до моего грязного ногтя – вот это всё можно помыслить как нечто «единое». Или антипод «единого» – категория «многое». «Единое – многое». Можно представить себе, что есть много людей, живущих на земле. Так помыслить можно и по отношению к конкретной совокупности людей, и к самому абстрактному понятию «человечество». Вот, в человечестве много людей, и в том числе, в самом конкретном случае – в этой аудитории – тоже много людей.

И так по отношению к любой категории. Их (категорий), на самом деле, немного. У Аристотеля – 10 категорий, у Канта – 12 категорий. У Платона было 3 категории или чуть больше. У Георгия Петровича их, там, 4 системных категории. Их немного. Это самые предельные формы мыслимости, которые позволяют всё друг с другом увязывать. Самые предельные правила.

Из зала – По сути, категорий мы в своих диссертациях вообще не касаемся?

ЮБ – Категории не изъясняемы.

Из зала – Категории нами руководят?

ЮБ – Категории нами руководят. Вот смотрите, категории, *с одной стороны*, позволяют одно с другим соединять. Например, одни понятия соединять с одними знаковыми формами, с действиями, ещё с чем-то. А, *с другой стороны*, категории позволяют принципиально разделять, язык будет запрещать смешивать. Например, если я Иру спрошу, сколько килограммов синего вот здесь (показывает на синий маркер), вы скажете: «Некорректно задан вопрос». Почему?

Из зала – Это количество...

ЮБ – Потому что есть парная категория «количество – качество». «Качество» связывает предельно «всё на свете» и, в том числе, эту конкретную синюю вещь конкретного качества. И если мы говорим про «качество», про синий цвет, в отличие от красного, допустим, мы не можем по отношению к нему количественные характеристики применять, это запрещено категориями, встроенными в наш язык.

Категории впечатаны в язык, в наши действия, в наше понимание. И поэтому, Боже упаси, если вы в диссертациях будете писать, что, там, категория есть такая, сякая, пятая, десятая.

Из зала – Нам-то понятно, откуда это всё произошло.

ЮБ – От Маркса это всё, давно известно.

Из зала – Он сказал, что «категория – это предельное понятие», которое всё в себя включает. Вот оттуда финансы категорией и стали называть. Другой заход, но то же самое слово.

ЮБ – Маркс-то знал, чего он делал, вводя такую путаницу.

Из зала – Просто, понятие категории у нас такое.

ЮБ – Нет.

Из зала – А, кстати, может быть понятие категории?

ЮБ – Вот вы и подумайте над этим вопросом. У меня сегодня другая тема.

Из зала – А давайте сейчас это разберём.

ЮБ – У меня сегодня другая тема.

Ну, и, наконец, последнее (рис. 2.14).

Помимо всего прочего, помимо процесса получения знания, некой структурной единицы, помимо сущности, на которую указывает действие, и эта сущность выражается в понятиях, помимо категорий – т.е. правил, которые увязывают это всё между собой в общих рамках, есть ещё метод, понятие метода.

«Метод» – «путь мысли». Это слово так и переводится: «мета одос» с греческого, где «мета» – то, что стоит «за...», а «одос» – «путь». Имеется в виду «путь мысли». «Метод» руководит движением мысли в понятийных рассуждениях? Частным случаем «метода» является «логика». Вот она там (на рис. 2.14) так и обозначена: регулирует действия. И, соответственно, метод либо задает путь рассуждений, когда мы про понятия говорим, либо – логику наших действий.

Что сначала нужно, между прочим, вырыть канаву и проложить трубы для водоснабжения или отопления, а потом асфальт класть, а вовсе не наоборот, как наши некоторые «работнички» делают, поскольку логикой не пользуются. Не пользуются, потому что ей не учат нигде.

ми камнями, а камни должны двигаться вот так. И показывал, как. И если вы увидите там красивую бабу, не вздумайте на неё там хотя бы даже посмотреть».

Человек был полностью подчинен тому мышлению. И если человека обучали, как брать интеграл или как квадратный корень вычислять, он, независимо от того, африканец, русский, американец, мужчина или женщина, без разницы – он должен делать это одинаково, подчинить себя этим правилам. Если тебя научили, как работать на компьютере, у тебя отсебятины никакой не должно быть. Не компьютер для тебя, а ты для компьютера. Ты к нему приставлен, и ты действуешь по его правилам, а вовсе не наоборот, как некоторые наши люди думают. Но это я в прошлый раз обсуждал, что телефончики здесь лежат: не они при вас, а вы при них.

В ныне формируемом мышлении человеческая субъективная активность находится на первом месте.

Второе. Независимость от времени. Прежнее мышление предполагало, что какие бы сущности ни выделялись, они от времени не зависят. Они фиксируются в понятиях, они там... и всё остальное, что на предыдущих рисунках было. Какой атом сегодня, такой же он был и при Аристотеле. Такое предположение закладывалось изначально. «Знания» – я в прошлый раз об этом говорил – это выделение неких инвариантов, то есть независимых от времени вещей.

Ныне формируемое мышление предполагает совершенно другое. Просто, другое! Всё, что связано с обществом, должно быть на других основаниях, в том числе, по отношению ко времени.

Третье. (На самом деле их больше, этих оснований, но я сейчас скажу только самое главное. На большее времени сейчас нет). **Прежнее мышление предполагало, что если ты какую-то «бирочку», знаковую форму, выделил, то её можно приклеить к соответствующему объекту.** И она – навсегда. Ты скажешь «это – стол», и он навсегда стол. И он не может превратиться в бабочку или, например, в пулю.

А вот то мышление, которое сейчас формируется, оно предполагает другое: «бирочки» приклеивать можно, но очень осторожно. А иногда и вообще нельзя. Эти знания теперь – очень кратковременно живущие, и это нужно учитывать. А прежнее мышление этого не учитывало. Просто, не учитывало, как факт.

Все классические науки формировались на сформулированных выше предположениях. Что бы мы, там, ни думали с сегодняшней точки зрения! На самом деле, когда мы начинаем выдумывать что-то другое, независимое от этих трёх моментов, мы, вообще-то, говорим про что-то другое, не про то классическое мышление и связанные с ним научные знания. То есть, то мышление мы, как бы, отвергаем, а про новое – даже вообще и не слышали никогда. Такая парадоксальная вещь!

Это финал сегодняшней лекции.

Из зала – Закончили за упокой.

ЮБ – Продолжение «кино» через неделю.

А теперь вы сами можете соотнести всё сказанное с тем, чем вы занимаетесь. Вообще, вы какое-то отношение к мышлению имеете или нет? Или ваши диссертации? И – к вопросу о различительности?

Из зала – Речь идёт о том, что есть же ещё и другой тип мышления.

ЮБ – Да.

Из зала – Может быть, мы в нём движемся?

ЮБ – Да? Может быть, кто-нибудь мне сейчас расскажет, на чём он строится?

Нет желающих? Тогда всё, мы уже работаем довольно долго. Три часа. Спасибо всем.

3. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ФОРМИРУЮЩЕГОСЯ МЫШЛЕНИЯ

ЮБ – Сегодня 28 октября и третья лекция. Тема лекции «Методологический инструментарий формирующегося мышления».

Я напомним, что мы в прошлый раз пытались обсуждать вопрос, связанный с различительностью совершенно разных вещей из разных областей. И я пытался показать, что в современных условиях со всем тем, что было за много столетий и тысячелетий наработано в области «преддверья мышления», как говорили схоласты, называемого «различительностью» – различительностью вещей, различительностью понятий, категорий, других инструментов мысли и всего остального, дела обстоят, мягко говоря, плохо. И я в прошлый раз это с разных сторон показывал.

Наряду с тем, что традиционное мышление, которое складывалось тысячелетиями, в XX веке терпит колоссальную катастрофу, параллельно (это уже достаточно давно идёт, не менее полувека, а в некоторых направлениях даже более полувека) и очень мощно формируется совершенно другой тип мышления, которое достаточно сильно отличается от того, традиционного европейского. Очень сильно отличается!

У вновь формирующегося мышления, о котором я сегодня буду говорить, совершенно другие заходы на все те вопросы, которые мы в прошлый раз рассматривали. Сначала я чуть-чуть повторюсь, чтобы была какая-то стыковка для дальнейшего движения.

Я уже только что сказал, что это всё возникло давным-давно, у древних греков, на следующих посылках. Самое принципиальное, что сделали греки, и с чего, собственно говоря, началось европейское мышление (я в прошлый раз об этом говорил, но говорил немножко «завуалировано», поскольку там больше на примерах речь шла), они, во-первых, разделили так называемый «логос» на два мира: на «мир идей» и «мир вещей» (Рис. 3.1).

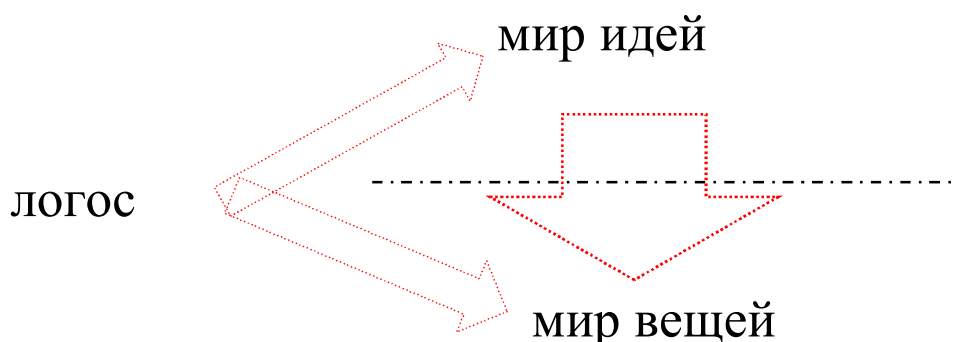

Рис. 3.1. Первичное разделение Логоса

Это – платоновская терминология. У Аристотеля в названиях было немножко по-другому, но суть всё равно одна и та же. У Аристотеля деление было на «физику» и «метафизику», то есть на физический мир (или «видимый мир») и метафизику, то есть то, что стоит за физикой и, следовательно, «невидимый мир».

И вторая посылка, на которой всё в дальнейшем строилось – мир вещей был подчинен миру идей. Видимый мир был поставлен в зависимость от невидимого мира, или мира мыслительного (на рис. 3.1 – это условно показано большой стрелкой, направленной сверху вниз).

В дальнейшем, особенно с XVII века, сформировались две процедуры, которые я буду дальше обсуждать (рис. 3.2).

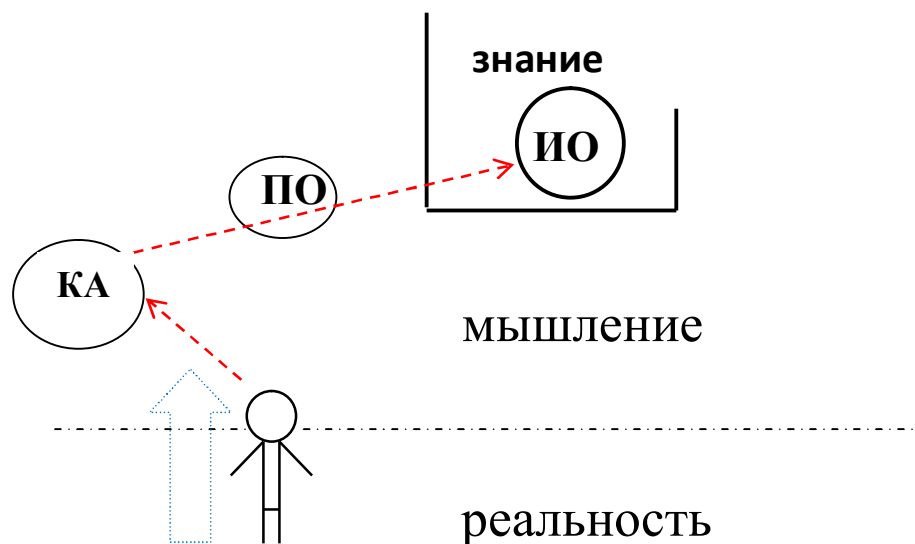

Рис. 3.2. Первая процедура научного мышления

Я, опять же, об этом уже говорил, но там была немного другая графика. А здесь в таком, более сжатом виде, фактически, то же самое. *Первое*, что должно произойти – мыслитель (это человек, который здесь нарисован) должен каким-то образом попасть в пространство мышления – это то, что поверх реальности, или над реальностью, или вне реальности. То есть попасть туда, где никаких реальных объектов не существует. И, соответственно, в традиционном мышлении мыслитель, во-первых, опирался на категории как предельные формы мыслимости (КА), во-вторых, на понятия, которые указывали на сущность (ПО), и, в-третьих, вырабатывалось знание на основе так называемых идеальных объектов (ИО). Термин «идеальный объект» – это научное название тех сущностей, которые «живут» в метафизике, или в онтологии. Это первый ход.

В прошлый раз, если вы помните, я говорил немножко по-другому: надо было выделить свойство, надо было произвести замещение на знаковые формы, и там дальше оперировать уже со знаковыми формами.

И *вторая*, прямо противоположная процедура. Она совершенно обязательна в традиционном мышлении – нужно было найти способ (и это во всех науках так было) соотнесения тех идеальных объектов, которые люди строили в пространстве мышления, с реальностью. «Реальность» – опять же, это то, что нарисовано под штрихпунктирной чертой (рис. 3.3).

Здесь, на этой условной картинке, как раз вот это и нарисовано. Идеальный объект (ИО) в реальности может существовать не сам по себе. Поскольку это идеаль-

ная, мыслительная конструкция, она в реальности – ни в физической, ни в какой другой форме – вообще жить не может. Для этого должны быть созданы специальные условия.

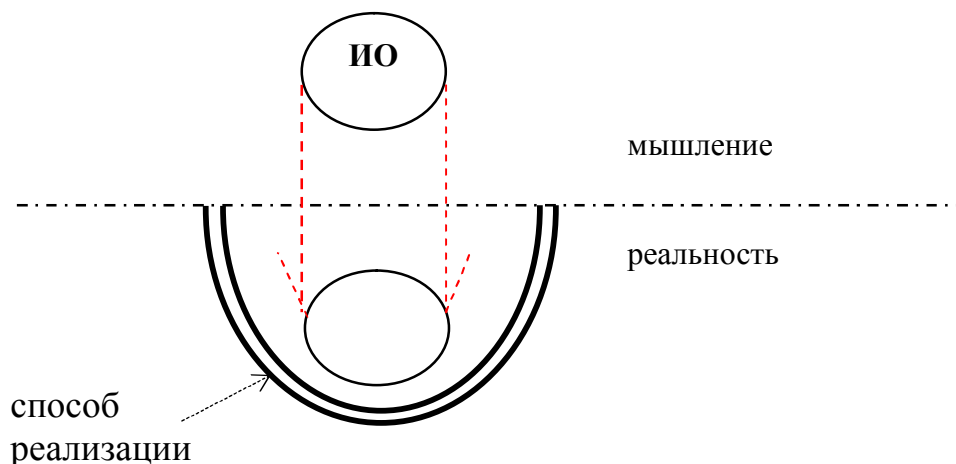

Рис. 3.3. Вторая процедура научного мышления

На рис. 3.3 «необходимые условия» изображены в виде двойной дуги вокруг этой идеальной конструкции – это специальный способ, за счёт которого может быть реализован тот или иной идеальный объект, та или иная идеальная конструкция в реальности.

Соответственно, **были найдены два разных способа реализации идеальных построений (объектов). Один – для естественных наук, другой – для общественных дисциплин, общественных «наук».** В естественных науках (это уже тоже давным-давно известно, и никто из тех, кто занимается естественными науками, не оспаривает) все эти «атомы», все эти «элементарные частицы», «молекулы», «гены» и прочие другие идеальные конструкции существуют только с точностью до тех экспериментальных приборов, машин, установок, которые специально для их обнаружения и были построены. Уничтожьте все синхрофазотроны, и у физиков никаких элементарных частиц не будет, поскольку это – продукт мысли, не более того. За счёт создания таких экспериментальных установок эти идеальные конструкции начинают существовать в реальности.

Ну, а для общественных «наук», которые появились несколько позже, в XVIII веке, очень быстро выяснилось, что такими условиями существования идеальных конструкций, которые вырабатываются в рамках общественных «наук», являются так называемые «социальные институты». Техническая инженерия, которая бурно стала развиваться с XVII века, оказалась очень эффективной. Очень быстро поняли, что машины, которые создаются на основе идеальных построений, существенно облегчают жизнь, улучшают условия жизни, гигиену, создают комфорт и так далее. И на фоне этого прогрессивного представления о возможностях естественных наук и связанной с ними инженерии, в рамках которой идеальные построения только и могут существовать, возник некий паразитический вопрос. «Паразитический» в том смысле, что, *во-первых*, он был тогда совершенно беспредметным; *во-вторых*, он был ритори-

ческим; *в-третьих*, он был абсолютно бесполезным в то время. Он возник у некоторых мыслителей, прежде всего, французских, у так называемых «просветителей»: «Нельзя ли и общество искусственно улучшить за счёт общественной науки?»

Этот вопрос некоторое время «висел в воздухе», его каким-то образом обсуждали. Потом появилось то, что стало называться «утопиями». Само слово «утопия» (вы, наверное, знаете): «у» означает «без» или «отсутствие», а «топ» означает «место». Это то, для чего не существовало места на земле – «у-топия».

Появилась «Утопия» Томаса Мора (у него так назывался остров, которого, на самом деле, не было на Земле), появились «утопии» Кампанеллы, Оуэна и ещё некоторых. Они по-разному строили фантазии о том, какое же общество, в принципе, может быть построено, чтобы оно было лучше того, которое сейчас существует, или, точнее, тогда существовало.

Эти утопии поначалу никакого отношения к науке не имели. Просто, обсуждались как досужие выдумки, не более того. Но, в конце концов, это привело к двум вещам. На мой взгляд, это уже с самого начала были катастрофичные вещи. **В научном плане появилась серия так называемых «общественных наук»** – появилась социология, появилась экономика, появилась психология, педагогика и целый ряд других «наук», связанных с обществом, с человеком.

А в практическом плане это очень быстро привело (буквально, уже с конца XVIII века, с Французской революции) **к целой серии социальных катаклизмов**, которые стали называться «социальными революциями». Назначение этих «социальных революций» состояло в том, чтобы полностью изменить то общественное устройство, которое исторически, в течение многих тысяч лет, складывалось как в Европе, так и на других континентах.

Вот, в Китае разного рода бунты, которые время от времени возникали, или в той же самой Японии, вообще, на Востоке, не приводили к революциям, поскольку не предполагалось качественного изменения общественного устройства. То есть, просто, на место того или иного свергнутого китайского мандарина ставили своего человека из тех же бунтарей. Он очень быстро становился похожим на прежнего. И всё, в общем, повторялось до нового бунта.

А в условиях Французской революции встал вопрос о том, чтобы сословие аристократии было уничтожено, чтобы королевская власть была заменена на другую, представительскую власть. То есть качественно изменить общественное устройство.

При этом очень быстро выяснилось, что и то, что происходило с естественными науками, которые породили техническую цивилизацию, и то, что происходило в связи с общественными «науками», привело к целому ряду побочных эффектов.

Первое – это последствия естественных наук. Мы об этом, наверняка, все знаем, но вот так, стыдливо, молчим, поскольку никому не хочется назад в пещеры, в те условия, которые были, например, в Средневековье. Мы привыкли к транспорту, привыкли к комфорту...

Из зала – Привыкли жить с удовольствием...

ЮБ – Да, привыкли. Но при этом, **первое, что произошло – полностью «изнасиловали» природу.** В прямом смысле. Хотя там и кавычки стоят, но это – просто натурально. И теперь, несмотря на то, что, может быть, кто-то из вас думает, что время от времени он бывает на природе, на самом деле, никакой «естественной природы» в том виде, в каком она изначально возникла, давно не существует.

Откуда берётся само слово «при-рода». Это то, что возникло от Бога, «**при родах**» мира. Так вот, того, что возникло при рождении мира, давно не существует. Даже с Эвереста ежегодно несколько центнеров мусора спускают на специальных устройствах, не говоря уже о разных других, более доступных местах.

Мы теперь живём, как известно, во «второй природе», что соответствует тому, что, *во-первых*, мы живём в техногенной цивилизации, мы все снабжены разными техническими устройствами для облегчения жизни; а, *во-вторых*, живём в условиях перманентного экологического кризиса, который непрерывно углубляется. И мы ждём то ли потепления? То ли похолодания? То ли нас, вообще, смочет? То ли – сожжёт?...

Из зала – Конец света...

ЮБ – ...то ли захлебнемся от грязи? То ли ещё что-нибудь подобное случится. Но это теперь – наша реальность. И это – **прямое следствие, или «отрыжка», того, что произошло вследствие возникновения естественных наук**, которые стали перемалывать природный материал, создавая техногенную среду обитания людей.

А для создания «научно-обоснованного общества» (как ещё совсем недавно говорили) пришлось пролить море крови. И вы про это тоже хорошо знаете: все эти революции и войны... И Россия здесь на одном из самых первых мест оказалась. Говорят, Дмитрий Иванович Менделеева, в своё время, помимо химии, довольно квалифицированно интересовался ещё разного рода экономическими и социальными вопросами. Так вот, по его прогнозам, которые он делал в середине XIX века, у нас сейчас, в начале XXI века, должно жить, минимум, 700-800 миллионов человек. А живёт, как известно, 140. Все остальные 600 – это прямое следствие возникновения «общественных наук» и того, что за этим последовало.

Ещё раз хочу подчеркнуть: все эти общественные разрушения – прямое следствие возникновения «общественных наук» и этой глупой идеи искусственного улучшения общества и людей. Не технических условий, а именно самих людей... Поскольку после утопистов возникло дикое и совершенно невероятное представление о том, что в принципе может быть некий «идеал общественной жизни». И, как известно, огнём и мечом, силой пытались из того общества, которое формировалось тысячелетиями, сделать «идеальную» конструкцию общества, «идеальную» форму жизни. А для этого пришлось разрушить многие социальные институты. Институты, которые исторически складывались, и которые, собственно говоря, и задавали стабильность жизни общества.

Для справки. Я думаю, что это давно известно, но всё-таки. Я должен здесь проговорить некоторые вещи, которые, может быть, кому-то не кажутся очевидными. Во всяком случае, чтобы в этом направлении тоже шли размышления.

Древние греки (это я с самого начала показал, это была их исходная посылка) отделили мышление от бытия. То есть жизнь людей, её реальность, её овеществлённость – это в одном месте, а мышление – в другом. Не там, где предметы, не там, где люди, не там, где они живут, а где-то совсем в другом месте.

Их вторая посылка заключалась в том, что нужно найти способы реализации этого мышления, которое изначально было отделено от бытия и жизни. Так вот, оно реалистично, пока существуют специальные системы. Это относительно поздно поняли. Не тогда, когда возникли науки, не в XVII веке и даже не в XVIII веке, когда возникли общественные дисциплины, но всё-таки поняли, что **всякое научное мышление существует только при условии, что есть специальные системы или специальные устройства, которые подтверждают то, что придумывают учёные.**

Грубо говоря, специально создаётся гигантская масса профессионалов, которые, *во-первых*, друг друга убеждают, что так оно и есть «на самом деле». А, *во-вторых*, убеждают всех остальных, что существуют «атомы», что существуют, там, ещё какие-то «гены», ещё какие-то штуки. Я уж не говорю о том, что существуют способы подтверждения, и так далее. Если нет таких систем, специально создаваемых для постоянного поддержания тех иллюзий, которые вырабатываются в тех или иных науках, наука долго не может существовать. И, соответственно, научное мышление очень быстро разваливается.

Я уже говорил, что в физике, особенно в современной, все их достижения базируются на гигантских технических устройствах. Одно из последних – европейский коллайдер, который ещё какую-нибудь одну «частицу» позволит выделить. И всех будут убеждать, что она есть. Но если она и будет, то исключительно с точностью до существования этого коллайдера.

Равно, как и все медицинские знания существуют только с точностью до современной медицинской аппаратуры. Как известно, того, что выделяют наши врачи и придумывают названия болезней, всяких синдромов и прочего, например, в тибетской медицине просто нет. Там, вообще, человек совсем из другого состоит: из энергетических центров, из инь и янь, тонкого и толстого тела, ауры и так далее. Я не большой специалист в этом, но для меня очевидно, что идеальные конструкции, которые наша медицина (европейская, я имею в виду, не российская, конечно) выделяет, они существуют только с точностью до соответствующей медицинской аппаратуры. Не будь соответствующих аппаратов, никаких бы ни «генов», ни «хромосом» тоже не было бы. Они существуют, опять же, для подтверждения тех идеальных объектов, которые изобрели учёные. И они специально создавались именно таким образом, чтобы подтверждать идеальные построения учёных-медиков, биологов и других.

А в обществе, соответственно, эту роль выполняют социальные институты. Институты «церкви», «права» и все остальные, которые известны. Они нам каждодневно говорят о том, что «право» – существует. Но «право» существует только с точностью до соответствующих институтов права. Как только институты права уничтожаешь, право тоже исчезает... И это мы в Советском Союзе тоже проходили: например, когда

вместо суда начинали кого-то судить революционные тройки, начиналось полное бесправие. То есть эта идеальная конструкция переставала существовать.

То же самое в экономике. Как только мы соответствующие экономические институты рушим, экономика перестаёт существовать. На этот счёт есть очень много исследований. Исследований, которые теперь являются классическими. Это не моя выдумка, вы сами можете почитать. Есть много работ у Мишеля Фуко по сексуальности, по преступности, по археологии знаний. У него гигантское количество работ – и они все направлены в одну точку. Он показывает: как только институт складывается, так некие явления начинают существовать. Институт кончается, или его разрушают – это явление перестаёт существовать, и о нём очень быстро забывают.

Никакие идеальные конструкции (кто бы и как бы их ни строил, как в естественных науках, так в общественных) сами по себе в реальности жить не могут. И люди, соответственно, их не могут воспроизводить, руководствуясь только своей памятью. Специальные «общественные машины» постоянно нас вынуждают думать, что так оно и есть.

У Йохана Хейзинги (это голландский культуролог и философ) есть совершенно замечательная книга, которая называется «Осень Средневековья». Очень интересная книжка. Она, вообще, сама по себе хорошо написана, а, кроме того, там Хейзинга приводит массу фактов о том, что, например, тот институт брака, который сейчас у нас существует, и те представления, допустим, об ухаживании за девушкой перед тем, как её замуж позвать, не всегда существовали. Это появилось относительно недавно. Сложился определённый институт под влиянием, как он там пишет, так называемых «французских куртуазных романов». А до того, до XVIII – начала XIX века, отношения между полами строились просто совершенно по-другому. Ничего похожего на то, что есть сейчас, особенно когда смотришь на эти совершенно невероятные по пышности свадьбы, которые по улицам ездят, ничего такого в принципе не было.

Есть масса работ у Вадима Марковича Розина. Это наш философ, культуролог и ученик Георгия Петровича. У него тоже много работ, направленных именно на подтверждение той мысли, которую я только что, до этого, пытался сформулировать.

Так вот, было, в конце концов, понято (это к середине XIX века понималось уже как такая «истина в последней инстанции»): **если хочешь изменить общество, уничтожь институты, на которых оно строится.** «Институты» – это своеобразные устойчивые общественные «сгустки», так скажем («сгустки», конечно, не в материальном смысле), которые сами себя воспроизводят, и которые задают устойчивость правил жизни людей. Как только уничтожаешь институты, общество начинает меняться. Если создаёшь другого типа институты, общество, соответственно, трансформируется и меняется.

И большевики были достаточно грамотными людьми, когда взялись за переустройство российского общества. Они прекрасно понимали, что если будут сохраняться институт церкви, институт права, институт брака, институт сословий, экономические институты, целый ряд других социальных институтов, общество нельзя будет изменить. Оно будет постоянно возвращаться в те же условия, восстанавливаться

в прежних мыслительных конструкциях. Отсюда пришлось истребить (вместе с институтами) и их наиболее рьяных носителей, которых оказалось достаточно много, как известно. То есть там было море крови, измеряемое десятками миллионов человек.

Таким же образом исчезли в своё время ведьмы, которые, например, в Средние века существовали. Ведьмы были тогда стопроцентной реальностью. Никто в этом не сомневался. Это обуславливалось тем, что для поддержания этой реальности работала целая система специальных институтов. Существовали институты по нахождению ведьм, по их истреблению. Существовала специальная судебная инстанция, или, точнее, псевдосудебный институт инквизиции, который был призван изгонять нечистую силу из смертных душ. Но, как только институты, на которых это все базировалось, в начале Эпохи Возрождения были уничтожены, ведьмы исчезли. Теперь, как известно, их нет.

Точно так же исчезла схоластика. Она поддерживалась тоже целым рядом очень мощных институтов – диспуты, университеты, монастыри, которые специально создавались для того, чтобы делать жизнь неизменной. Мирская жизнь постоянно менялась. И в зависимости от того, какие набеги, каких врагов на то или иное сообщество людей осуществлялись, жизнь могла очень сильно меняться, вплоть до поголовного уничтожения. А монастыри были как раз такими институтами, которые были отделены от мирской жизни. И они были призваны восстанавливать то, что могло быть уничтожено насильственными способами. В том числе, там культивировался совершенно определённый тип мышления, который получил название «схоластика». Это, кстати, от слова «schola». Слово «schola» и наше слово «школа» – это, по сути, одно и то же, от одного корня происходят.

Был социализм в некоторых странах. Он тоже исчез по этой же самой причине. Как только нашлись способы уничтожения соответствующих институтов, его поддерживающих, так он исчез, как будто его и не было.

Точно так же уничтожили веру в Бога, начиная с XVII века, как только естественные науки стали набирать обороты. Один из таких принципиальных, показательных, «наглядных» (по тем временам) примеров, «доказывающих» отсутствие Бога, был такой: брали мёртвую лягушку, отрезали ей ногу и подводили к ноге электрический ток. И мышцы начинали сокращаться. Какая душа, какой бог? Дохлая лягушка вдруг начинала дрыгаться.

Таковыми экспериментами, такими демонстрациями очень быстро людей приучили к тому, что, на самом деле, есть якобы какая-то «природа», которая, будто бы, живёт сама по себе, законосообразно и так далее.

И обратные примеры: появилась идея психологии, стали готовить психологов в университетах, появились соответствующие учреждения, где психологи начали работать с людьми, появились определённые приёмы, появилась наука психология, чего не было ещё, например, 200 лет назад. В результате стали «выявлять» разные типы психики, появилось «подсознание», появилось «либидо» и всё остальное, что можно почитать у известных психологов, начиная от Юнга и кончая Фрейдом.

То же самое с «рынком». Как только появляются определённые рыночные институты, так возникает рынок. Как только они уничтожаются, как, например, это было сделано большевиками, так никакого рынка нет.

То же самое с «демократией». Не будь соответствующих институтов (и есть достаточно большое число стран, где таких институтов нет) демократией просто даже и не пахнет.

Из зала – Юрий Михайлович, сейчас речь идет обо всём этом как о некой части реальности? Или о том, что понятия, как бы, исчезали и появлялись?

ЮБ – Почему? Это механизмы. Это механизмы, которые поддерживают соответствующие идеи.

Из зала – А-а-а. Ну, вот я как раз это и спрашивал.

ЮБ – Вот, смотрите. Началось с того, что разделили на мир идей и мир вещей (просто, Вас, Денис, ещё не было, когда я про это говорил), а потом сформировались эти процедуры. Первая процедура – нужно попасть в это идеальное пространство и сформировать те или иные идеальные конструкции. А потом – вторая процедура – найти возможность «спуска» их в реальность. То есть найти способ реализации для этих идеальных, чисто мыслительных построений. Соответственно, для естественных наук это – всякого рода экспериментальные машины и установки, внутри которых и поддерживается существование той или иной идеальной конструкции. А для общественных дисциплин, общественных так называемых «наук», такими механизмами реализации являются институты. Ни одна идеализация общественных «наук» не могла бы существовать в обществе, не будь вот этих социальных институтов. И, собственно, об этом речь сейчас и идёт.

Вопрос? Да.

Из зала – А «книга» может быть социальным институтом?

ЮБ – Конечно.

Из зала – Это удержание мысли именно на уровне реальности?

ЮБ – Конечно, конечно. Не будь книгопечатания, не было бы, например, педагогики. Это институт – книгопечатание.

Да, вопрос?

Из зала – Юрий Михайлович, с социальными дисциплинами, с социальной реальностью более или менее понятно, что для того, чтобы что-то стало реальностью, бóльшая часть должна в это верить, например, в институт денег...

ЮБ – Ну, это не просто верить. Тебя же каждый день заставляют это считать реальным. Зарплату выдают бумажками. Ты приходишь в магазин, у тебя берут эти бумажки и говорят: «О, как хорошо, что у тебя есть эти бумажки».

Из зала – Да-да-да...

ЮБ – А когда у тебя много таких бумажек, вокруг тебя начинают крутиться и завидовать тебе. И всё время подтверждают, что эта фикция, на самом деле, реальна. И что?

Из зала – Да. С социальными науками понятно. А, например, в той же медицине?

ЮБ – Да. И что?

Из зала – Не знали люди, например, что такое рак. И что, люди от рака не умирали, что ли, пока не узнали?

ЮБ – Кстати, и сейчас не знают, что такое рак.

Из зала – Понятно, и сейчас не знают, что такое рак. Но люди же всё равно умирали от рака. То есть это такая, объективная вещь. Объясните тогда... Я не очень, как бы, понимаю. Люди не знали, что такое Закон всемирного тяготения...

ЮБ – Люди умирали всегда – это раз.

Из зала – Умирали всегда, да.

ЮБ – Раньше, как говорили? Бог дал, Бог взял.

Из зала – Ну, да.

ЮБ – Или там, вселился демон в душу и, соответственно, твою душу съел. И ты дальше уже жить не можешь. Но появились те, кого стали называть «учёными-естественниками», «биологами» и «врачами», которые придумали разного рода другие вещи...

Из зала – Получается, что тогда тоже объясняли, но со своей позиции.

ЮБ – Конечно, конечно. А, между прочим, бóльшая часть мира (бóльшая, по крайней мере, по сравнению с европейским человечеством; в европейском человечестве живёт примерно 1 миллиард, а во всём остальном – 5 миллиардов человек), они до сих пор живут совершенно в других медицинских реалиях; у них другие объяснения того, отчего люди умирают. Ни про какой рак они там не знают, и знать не хотят.

Из зала – Ну да, в китайской медицине – там всё своё.

ЮБ – Конечно. И, кстати, не зря всё больше и больше всякие китайские и прочие восточные вещи сюда проникают – и травки, и разные приёмчики. В общем, на самом деле, неизвестно, так ли устроен человек, как трактует это европейская медицина.

Из зала – А как же тогда увеличение продолжительности жизни? Это не может быть объективным критерием того, что европейцы чуть более правы, чем, там, шаманы какие-нибудь?

Из зала – Нет, но... Понятно, что много существует идеализаций, и что такое, там, «болезнь»...

ЮБ – Дима, Дима... Отчего, собственно говоря, исторически впервые очень сильно (насколько я знаю, может быть, я и не прав, может быть, кто-то меня поправит) смертность резко упала по сравнению с рождаемостью? Хотя рождаемость тоже сокращалась в связи с этой цивилизованностью жизни. Но смертность резко сократилась тогда, когда появилась гигиена. Просто, элементарная гигиена. И всё. Это к достижениям науки вообще не относится. Руки просто стали мыть, и всё. Но руки моют и в Китае.

Из зала – А пенициллин?

ЮБ – Пенициллин – неизвестно, то ли он помог, то ли он кого-то покалечил. Пенициллин – вещь сложная и сомнительная...

Из зала – Такая, двоякая?

ЮБ – Да-да.

Из зала – Кому как...

Из зала – Когда человек умирает, он не думает о том, что с ним...

ЮБ – Я ещё раз повторяю, медицина здесь ничем не отличается от любой физики или любой химии. Например, идеальной конструкции, называемой «желудок», в человеке, на самом деле, нет. Есть соответствующее функциональное место с таким названием. А когда желудок, допустим, вырезают хирурги, он почему-то снова появляется, но из других тканей.

Из зала – Это – правда?

ЮБ – Правда, конечно. Полно людей, у которых был рак желудка на какой-то определённой стадии, не очень запущенной. Вырезают две третьих желудка, и он постепенно восстанавливается. То есть другие кишечные ткани начинают выполнять функции желудка.

Кстати, неизвестно, где заканчивается печень и где она начинается. И так по любому поводу. Это идеальные конструкции, и не более того. А морфология ткани меняется в зависимости от того, в какое функциональное место эти ткани попадают. И наоборот, когда та или функция исчезает (например, с возрастом), соответствующий орган, как известно, атрофируется.

Из зала – И придумывают механизмы подтверждения?

ЮБ – Да. И, соответственно, специально создаются приборы типа рентгена, типа тонометра и всяких прочих других вещей, которые выявляют и подтверждают определённые симптомы, соответствующие тем идеализациям, которые до этого придумываются. Идеализации, с одной стороны, а эти подтверждающие механизмы, с другой стороны. И возникает замкнутая такая система, сама себя порождающая и подтверждающая своё существование.

Из зала – То есть понятно, что приборы подтверждают теорию, а теория подтверждает показания приборов...

ЮБ – Да, да. Вот, никогда вы не задумывались, почему довольно часто говорят о том, что видят, наблюдают «летающие тарелки» и прочие разные «неопознанные летающие объекты» (НЛО)? Которые иногда садятся, там бывает трава примята, и какой-то запах появляется, ещё что-то. А физические приборы на это никак не реагируют.

Из зала – Значит, нет ещё таких приборов.

ЮБ – Да. Потому что идеализации соответствующие не построены. Они, может быть, должны быть построены на совершенно других онтологических предположениях. И под них должны быть созданы совершенно другие приборы, потому что эти приборы для этих онтологических предположений и для этих идеализаций создавались. И они могут выявлять только то, что соответствующая теория говорит. И не более того.

А физическая теория, как известно, отрицает наличие всяких разных пришельцев и прочих разных подобных вещей. И сколько они ни будут искать этими приборами, ничего не найдут.

Из зала – То есть получается, что чтобы построить, грубо говоря, машину времени, нужно отказаться от предположения, что во времени нельзя перемещаться?

ЮБ – Да. Вот, то «время», которое существует в современной физике (идеальная конструкция времени), должно быть заменено на совершенно другую конструкцию времени, построенную на других посылах.

Из зала – На другую структуру времени?

ЮБ – Да.

Из зала – И тогда можно будет когда-нибудь построить машину времени?

ЮБ – Вполне возможно, не исключено.

Из зала – Взять какой-нибудь фантастический аппарат, летающий за счёт энергии фотонов. Он должен конкретно под цель строиться, этот гравитон, или как?...

ЮБ – Сначала теория фотонов (или ещё каких-то движущих сил) должна быть построена, а потом – средства.

Из зала – А может быть такое, что случайно с помощью созданного средства ещё какую-нибудь идеализацию найти?

ЮБ – Случайно – нет. Прибор строится уже под готовую идеализацию. Прибор случайно не делается, не бывает такого. Если ты не знаешь, как устроен тепловой двигатель, ты машину с двигателем внутреннего сгорания случайно построить не сможешь. Не сможешь, и всё! Тепловой двигатель не сможешь сделать, если у тебя нет конструкции «идеального газа» и всего остального, что с этим связано – соответствующие представления о давлении идеального газа, и всё то, что изучает наука теплофизика.

Из зала – Супруги Кюри́, по-моему, вообще, случайно радиоактивность изобрели.

ЮБ – Нет. Это, по-моему, не Кюри́, а Ферми́. Он проводил эксперименты с ураном и постоянно регистрировал в журнале наблюдений, что происходит. На протяжении месяцев, как потом выяснилось, он всё это записывал и регистрировал. Реакция деления атомов урана шла, а он её не видел, поскольку не было соответствующих теоретических разработок. Потом, когда их сделали, когда задним числом посмотрели, выяснилось, что тот же самый Ферми́ месяцами облучался, поскольку он не понимал, что происходит, хотя он тщательно записывал, что происходило, но самого процесса ядерного распада не видел.

И построить атомный реактор нельзя, если ты не видишь и не понимаешь, что за процессы идут при определённых условиях.

Из зала – А если случайно повезёт...

ЮБ – Ну, как случайно?

Из зала – Она же всё равно существует...

Из зала – Радиоактивность-то не ощущается органами чувств.

ЮБ – Случайность может подтолкнуть к разработке той или иной идеализации. Потом, соответственно, строится какая-то теоретическая конструкция, а потом задним ходом ты можешь через неё объяснять.

Из зала – Необъяснимое явление?

ЮБ – В физике масса необъяснимых явлений. Всё, что не укладывается в соответствующие теории, объясняется очень просто: «этого не существует, это миф». Так уничтожили «душу», так уничтожили ещё много разных других вещей. Так не замечают гигантского количества того, что происходит вокруг, потому что «этого нет». И всё! Допустим, «телепатии» нет, потому что нет соответствующей физической теории по передаче мыслей, и нет соответствующих приборов, которые это улавливают и подтверждают. Хотя есть масса случаев, когда эти эффекты просто демонстрируются.

Из зала – Канал ТНТ.

ЮБ – Так вот, мы привыкли ругать Россию, но она бывает и на «передовых» позициях. Весь мир уже давно от этого отказался или почти весь. Но Россия до сих пор находится на «передовом научном фронте».

Из зала – Естественных наук?

ЮБ – Всех наук. На Западе уже давным-давно крупные учёные себя учёными не считают. Они давно уже инженерами являются. Они давно – преобразователи. Они давно под определённую цель что-то делают. Только в наших институтах (в Институте химии, в других институтах, которые я здесь знаю, в Иркутске) они исследуют только то, что могут исследовать. И всё! Никто уже давно такими вещами не занимается. Исследуют то, что нужно. Если нужно повысить быстродействие компьютеров, что нужно делать? Нужно исследовать кремний под соответствующую целевую установку, чтобы построить вот этот, более быстрый микрочип. Всё! И под это дело, соответственно, всё делается.

Большевики силой создавали новые институты под конкретную научную теорию. Это всем известно: огнём и мечом загоняли туда всех. Остальных, кто был не согласен, к стенке ставили.

Но и нынешние реформаторы делают абсолютно то же самое, по принципу. Только под другую теорию, под прямо противоположную. Но тоже силой загоняют всех. Просто, всех силой загоняют в рынок. Тому, кто не хочет жить в новых «демократических» институтах, выкручивают руки: либо разоряют, либо сажают на очередные 14 лет. Хотя давно известна тупиковость этого хода.

Из зала – Почему тупиковость?

ЮБ – Как, почему? Потому что **совершенно бессмысленно создавать институты под какую бы то ни было теорию**. Потому что это ничем не отличается от того, что вы создадите институты, чтобы ловить ведьм. Ничем не отличается. Просто, ничем! А почему у вас такой вопрос, Юля?

Из зала – Но тогда, какой ход должен быть?

ЮБ – А ход должен быть совсем другой.

Из зала – Он должен быть естественным?

ЮБ – Ход должен быть просто другой. И сейчас я об этом ходе буду говорить. Но вот эта связка – «научная идеализация и способы её подтверждения» – это ничем не отличается ни от мифов, ни от религии, ни от всего остального, что было на протяжении тысячелетий.

Из зала – То есть получается, здесь особо истина и не живёт.

ЮБ – «Истины» вообще не существует. И она почти никогда и не существовала. Она существовала очень короткий промежуток времени, когда были схоласты, и когда они знали, что есть «истинное писание, данное Богом» апостолам. И мышление должно соответствовать этой «божественной истине».

Всё остальное, что потом делалось, к истине уже не имело отношения. Сначала сформулировали тезис о том, что «истина относительна», как известно. А потом, особенно в XX веке, а сейчас это, вообще, общее место, вообще отменили. И сейчас истины уже никакой не существует. Есть совершенно другие критерии: практичности, реализуемости и эффективности. Никакой истины! И глупость, и тупость думать, что наука работает на истину.

Если ты придумаешь какую-то фитюльку и найдешь способ, когда все будут говорить, что «это есть правда», эта «правда» будет жить. А психологи успешные эксперименты проводили на эту тему. Они описаны, эти эксперименты. Можно прочитать. К примеру, садили человека, допустим, в какой-то большой зал с экраном. На экране показывают какую-нибудь фигуру, например, треугольник. Соответственно, со всеми другими в зале заранее договаривались, что их будут по очереди спрашивать, и они должны говорить, что это – квадрат. А один или несколько были подопытными. Человек приходит, смотрит. А людей из зала по очереди спрашивают, что на экране? Тот говорит: «Квадрат». Вошедший видит треугольник – какой квадрат? Другой говорит: «Квадрат», третий: «Квадрат»,... сотый говорит: «Квадрат». И этот, вошедший, подопытный, тоже говорит: «Квадрат».

Из зала – Бедный человек.

ЮБ – Бедный человек, да.

Из зала – Но он же находился под каким-то социальным влиянием...

ЮБ – И мы из социальных убеждений друг друга убеждаем, что есть «денежные потоки», знания про которые почему-то нужно внушать студентам. Нет никаких денежных потоков. Это чистая выдумка. Нигде вы не видели, чтобы какие-то деньги куда-то струились. Какой поток? Но это – факт налицо. Гигантские армии преподавателей, которые на каждом шагу говорят «cash flow», «cash flow», «денежный поток». Всё! Студент начинает в это твёрдо верить, особенно если он ориентирован на высокие оценки. Хорошо, если он ориентирован на совершенно другие вещи: бумажку (диплом) получить, а жить совсем другим способом.

Из зала – Таких большинство, 85%.

ЮБ – Так в том-то и дело, что большинство молодых людей – такие. Вот, почему 85%? Когда я учился в университете, там были, конечно, двоечники, но их было, ну, 5%, ну, 7, ну, 10%, максимум. А сейчас...

Из зала – 30% не успевает.

ЮБ – Да, нет, что Вы? Сейчас 70% не успевает.

Из зала – Почему?

ЮБ – Современные люди каким-то чувством понимают, что это всё блеф – то, что называется «наукой». И все те штуки, про которые в учебниках пишут.

Из зала – Это не нужно?

ЮБ – Это не нужно для практической жизни. Это – совершенно не нужно. И они это чувствуют. Раз заставляют, ну, ладно! Переломил себя, там, любыми правдами и неправдами списал, или через какие-то другие действия (к примеру, через знакомых преподавателей) получил оценку. И всё! Чтобы отстали.

Но ведь, смотрите, в начале XX века это даже помыслить было нельзя. Свято верили в «научную истину». «Научная истина», вообще-то, доживает последние, я не знаю, десятилетия, может быть. Ну, лет на 50 ещё хватит. Потому что это всё сейчас очень быстро кончается. Тот «маховик» мышления другого типа, про который я чуть позже начну говорить, он раскручивается гигантскими шагами. Тот, кто не видит этого – просто слепой. И тот, кто держится за эти все атавизмы, называемые «научными идеализациями», «научными теориями» и всем остальным – это всё равно, что держаться за «Сказку о царе Горохе» или «О золотой рыбке».

Из зала – Как? За культуру же эти люди держатся, да?

ЮБ – Ну, да.

Из зала – Те, кто в бога не верят, считают, что есть какие-то общие формальные правила...

ЮБ – Ну, да, особенно если ты – президент. Ещё совсем недавно партийный билет носил в кармане, а сейчас в церковь ходит. Да, да...

Из зала – Или не можешь развестись с женой, потому что проблемы будут...

Из зала – Последствия...

ЮБ – Последствия для мышления, что ли?

Двинемся дальше. Когда возникло множество разных наук, они заявили, что «у каждой науки своя собственная онтология». Это всё привело к тому, что возникло гигантское количество комбинаций разных онтологий. Я совершенно искренне верю, что если бы Кант сейчас увидел это всё, он просто тут же бы и помер снова.

Из зала – Если бы воскрес?

ЮБ – Да. Если бы он воскрес, как только увидел, что сейчас в науке происходит, так сразу бы и умер. Он не смог бы себе представить, что может быть больше одной онтологии. Это невысказано!

Между тем сейчас огромное количество объектов общественного толка (и вы сами их можете назвать), которые представляют собой ту или иную комбинацию из осколков разных онтологических представлений. Например, город. «Город» – это же не совокупность домов. Это такое сложное общественное, техническое и всякое другое устройство. К тому же, всё время становящееся. Или, например, государство. Если начать разбираться, там столько всего перемешано! Совершенно, невероятно. Для мышления это, просто, непроходимый лес.

Мышление в таких вещах не живёт. Вообще, не живёт! Традиционное мышление могло работать, только если онтология одна. Ни одна наука с другой наукой не могла «скрещиваться», поскольку там два разных онтологических представления «наезжали» друг на друга и разрушали все идеализации. Как только на стыках наук что-то возникало, то возникало новое онтологическое предположение типа, там, я не знаю, физической химии или...

Из зала – Биофизики.

ЮБ – ...биофизики, да.

Далее. Разрушились создаваемые тысячелетиями системы знаний. Ещё в XVIII веке небезызвестный Этьен Бонно де Кондильяк, который, собственно, ввёл в оборот понятие системы, говорил: «Знания существуют как система». То есть разные фрагменты знания являются элементами системы, и все элементы системы знаний друг с другом взаимосвязаны. Меняешь один фрагмент системы знаний – вынужден, обязан (мышление вынуждает к этому) пересмотреть все остальные. Изменить соответствующим образом.

Сейчас этого ничего не нужно. Мы все своими диссертациями способствуем, причем, очень интенсивно способствуем, тому, чтобы вдребезги разбить все созданные ранее системы знаний. У нас ни одно диссертационное исследование не соответствует другому диссертационному исследованию. Вообще! Никак друг с другом не соотносятся. И, вообще, просто про разное.

Из зала – Политэкономика...

ЮБ – Язык без костей, да? Мы можем всё, что угодно сказать.

Из зала – А экономика знаний?

ЮБ – Экономика знаний? На самом деле, это не экономика знаний. Это некие попытки разработать теорию, «объективно показывающую», как этим современным учёным платить больше. К знаниям, а тем более, к «экономике знаний», это вообще не имеет никакого отношения. То есть просто некоторые пытаются научиться измерять продукцию учёных в экономических эквивалентах – это и называется «экономикой знаний». А учёные уже давно перестали плодить знания. Знания не являются результатом исследования «научных учёных». Они делают просто другое что-то.

Я в прошлый раз говорил и ещё раз повторяю: понимание свелось к узнаванию. Классические понятия, классические инструменты мысли, которые столетиями прочищались и выстраивались в понятийные ряды, которые позволяли действительно рационально работать с разными вещами, сущностями и так далее – всё это просто исчезло. Вообще забылось! Всё заменили «определениями», а ещё хуже того – «мнениями». Как пишут наши диссертанты? «Разные учёные высказывают разные мнения по поводу того-то... Но одного определения так и не дали. А я введу новое определение, и это будет дополнением или развитием такого-то понятия» – первый пункт научной новизны. Так вот, слушаешь, и уши вянут. Я поначалу на защитах таких диссертаций «возникал», а сейчас уже перестал на это дело реагировать. Потому что это всё – неисправимо.

Из зала – Наука же уже вошла в культуру.

ЮБ – Да-да-да, в культуру. Особенно наша, общественная. Это вошло точно так же в культуру, как, например, мат, который мы регулярно слышим в коридорах. Как только за дверь выйдешь, так слышишь мат (иногда из таких девичьих губок, очень нежных), такой, площадный, натуральный, трехэтажный. Точно такая же «культура».

Из зала – Как сделать научную новизну? Если делать правильно.

ЮБ – Научная новизна предполагает построение знания. Если бы Вы были на прошлых лекциях, я там говорил, как знания в науке раньше строились. Сейчас они так не строятся. Поэтому защита диссертаций – это «ритуальный танец шаманов», в результате которого выдают пропуск к кассе с относительно высокой зарплатой. И всё.

Из зала – А Библия? А Аристотель? Как было раньше, в Средние века? Ну, написал ты комментарий к Библии, или к Аристотелю, или к Платону, получилась диссертация, и человек – доктор философии.

ЮБ – Кстати, там, если ты не говорил, на каком основании ты вот этот пункт или тезис сформулировал (который защищаешь), там же с тобой не церемонились.

Из зала – Там шла система отсылок?

ЮБ – Нет, там с тобой церемонились, брали шпагу и просто закалывали. И всё! Чтобы такой «учёный» не существовал. Поэтому тогда это были реальные результаты научных диспутов. Если ты выходил и говорил какой-то тезис, тебе задавали вопрос, а ты не мог назвать мыслительные основания своего тезиса (то есть откуда всё пошло? На каких предположениях ты это строишь? Какие логические цепочки и выводы привели тебя к такому тезису?) – всё! Ты дальше не жилец. Это считалось совершенно нормальной вещью.

Из зала – Болели за дело, наверное.

ЮБ – Да, все болели за дело и «истина превыше всего!», как раньше говорили. А теперь не убивают. Теперь «истина» – вещь незначимая. Я об этом только что, чуть-чуть раньше сказал. Теперь гораздо важнее человек, который «звучит гордо».

В сторону разрушения мышления действует и тот непреложный факт нашей жизни, что про категории забыли. Даже философы. Мы это даже в прошлый раз достаточно хорошо почувствовали по вашим недоуменным взглядам и вопросам, когда речь зашла о категориях. Про категории, вообще, забыли. Напрочь! «Категориями» теперь можно назвать всё, что угодно. Как Денис говорит, «яйцо третьей категории». Или социальная категория «бомж».

Из зала – «Категория качества».

ЮБ – «Категория качества»...

Из зала – А цена может быть категорией?

ЮБ – Цена?

Из зала – Цена. Я просто недавно читала докторскую диссертацию и там написано: категория «цена»...

ЮБ – Да, ну, что вы?

Из зала – ...да, там было написано: категория «цена».

ЮБ – Во-во-во! Я об этом же и говорю: забыли, что такое «категория».

Из зала – Сейчас, как говорят? «Категория» – это некое предельное понятие, которое в себя всё вбирает.

ЮБ – Нет, «понятие» – это понятие. «Понятие» – это то, как помыслить можно нечто. Попов приводит такую метафору, когда его домогаются такими вопросами, поскольку, на самом деле, все забыли про это, что это за «зверь» такой, «категория»? Он

говорит: вот представьте себе «скафандр мыслителя», у «скафандра» вырезана щель определённой конфигурации. Это та щель, через которую твоя мысль смотрит. Это не то, что она видит, а **через что смотрит. Это и есть «категория»**. А теперь ответьте на свой вопрос: вы через цену на что-то смотрите?

Из зала – Наверное, нет.

ЮБ – Вот и ответ на Ваш вопрос.

Категории бывают разные. Если ты через одну категорию смотришь, ты видишь только качественные характеристики. Через другую категорию смотришь на тот же самый объект, видишь только количественные. Через третью смотришь, ты видишь какую-то сущность.

Из зала – Приведите пример.

ЮБ – Чего?

Из зала – «Количества», «качества». Вообще, категорий.

ЮБ – У Аристотеля их 10, у Канта их 12.

Из зала – Огласите весь список.

ЮБ – Ну, смотрите первоисточники. У Платона, насколько мне помнится, их всего три. Примерно 10 или чуть больше у Гегеля. Их, на самом деле, очень мало. Это – предельные формы мысли. И «категории», они такие, как вот, если зеркала поставишь, когда отражение друг на друга будет направлено, вот так, мысль внутри этих категорий и «бегает». Мышление Канта или мышление Аристотеля так было построено. Это такая замкнутая структура мышления. И категории, соответственно, друг на друга показывают и движут мысль. Это – не предметы, которые обозначаются с помощью категорий. Это, наоборот, мы предметы видим через эти «щелки». Либо видим, либо не видим. Даже философы про это забыли. Все изучали философию в университете, да? Наверняка, вам говорили про категории.

Из зала – Предельные понятия.

ЮБ – В принципе, правильно. То есть категории возникали из понятий. Сначала было слово «качество», потом появилось понятие качества, а потом, соответственно, тот же самый Аристотель довёл это понятие до состояния категории.

У нас будет ещё соответствующая тема. Я, почему здесь сейчас специально в этот «аппендикс» стараюсь не заходить слишком далеко? У нас будут по отдельности рассматриваться эти техники. В том числе, и категориальный анализ, где мы попробуем посмотреть, вообще, как устроена любая категория? Для чего она нужна? И как она, вообще, работает? Равно, как и понятия.

Ну, вот. На этом я повтор прошлого материала прекращу. Теперь начинается нечто новенькое. И дальше, наверное, я что-нибудь новое скажу. Всё то, что до сих пор было, это, в общем, немножко по-другому, другими словами, но, фактически, я это всё проговаривал в прошлый раз.

Развитие наук, инженерии и всего остального, о чем сейчас шла речь (разрушение институтов и так далее), привело к тому, что мышление просто стало рушиться. **Людям мышление перестало быть нужным**. Хейзинга пишет про позднее Средневековье, что в те времена всякое безобразие было. Чего только не было! И смерто-

убийства, и безбожие, и грехи такие, что нам, вообще, и не снились. Но когда прижимало, общество и каждый человек в отдельности точно знали, что где-то разум есть, и, соответственно, нужно на него опираться.

Сейчас это всё привело к тому, что мышление и разум вообще никому не стали нужны. Всегда можно договориться и без этих «глупостей».

Когда мышление стало разрушаться, это привело к тому, что в своих лучших представителях, на которых это мышление сидело, **оно стало дико сопротивляться этому разрушению**. «Дико» в том смысле, что сильно стало сопротивляться. И это **сопротивление пошло** (там много разных течений было, но если взять в укрупненном виде) **в двух направлениях**.

Во-первых, возникла мощная попытка **комплексировать разнородные знания**. То есть появилось много-много разных знаний, которые строились на разных онтологических предположениях, они были несовместимы друг с другом. Мышление в таких условиях жить не может. Поэтому возникла мощная попытка найти мыслительный, рациональный способ их совмещения, или, как стали называть, «комплексирования». **Это всё вылилось в мощное движение, которое стало называться «системным подходом»**.

Это – середина XX века. Причём обратите внимание, это возникло не только в нашей стране. То же самое возникло, прежде всего, на Западе. Причём, там это было совершенно изолированно от того, что делалось в Советском Союзе. В Советском Союзе ММК и другие философы, которые работали параллельно с ММК, не имели доступа к тем литературным источникам и к тем результатам, которые на Западе получались. Вы знаете, существовал «железный занавес» и, соответственно, вся так называемая «буржуазная литература» фильтровалась и сюда не пропусклась. И, тем не менее, системный подход возник и на Западе, и в России. Причем, совершенно изолированно и в совершенно разных версиях.

Людвиг фон Бергаланфи, который считается родоначальником западной ветви системного анализа и системного подхода, собственно, так и утверждал, что «системный подход нужен для того, чтобы компенсировать ограниченность частных наук». У частных наук всегда частный взгляд, а мир един, и разные науки смотрят на него, как бы, из разных «дырочек». Системный подход был попыткой преодолеть эту ограниченность предметности научных знаний, разнопредметности знаний.

И в нашей стране те представления о так называемом «системном подходе–2» (если тот, западный, считать номер 1, а этот, который возник в рамках ММК, номер 2), они тоже в этом направлении работали. Это тоже было попыткой преодолеть научную ограниченность.

И *второе* усилие мышления, сопротивляющегося разрушению: **разработка онтологии и теории деятельности**. Это уже 1970-е годы. Опять же, это происходило и на Западе, и в нашей стране. Вы можете взять одну из известных работ экономиста австрийской школы Людвиг фон Мизеса. Я сейчас забыл точное название его книги, но она у меня есть на сайте, это можно посмотреть.

Из зала – Трактат о деятельности.

ЮБ – Да. «Человеческая деятельность: трактат по экономической теории». Как-то так. Деятельностный заход на экономическую теорию. И то же самое, опять же, в ММК. Там просто впрямую – создание теории деятельности и попытка вычлени- нить самые принципиальные онтологические предположения так называемой «дея- тельностной онтологии».

Всё это было, *во-первых*, мощным сопротивлением разрушению науки и науч- ного мышления. А, *во-вторых* – **рефлексивным заходом относительно самой нау- ки**. Про «рефлексию» у нас ещё будет следующая, видимо, лекция: «Рефлексия как одна из важнейших техник мышления».

Итак, кроме системного подхода как способа преодоления ограниченности час- тичных предметных научных знаний, развитие получила философская рефлексия са- мой науки. Это, опять же, в середине XX века шло параллельно и на Западе, и в Со- ветском Союзе в рамках ММК. Причём, ещё раз повторяю, совершенно изолирован- но. Они абсолютно никак не были связаны друг с другом. Это – такая **своеобразная мистика: когда человеческое мышление сопротивляется своему разрушению, и оно совершенно в разных местах вынуждает людей думать и размышлять об од- ном и том же**.

На Западе в этом направлении работали, прежде всего, Карл Поппер и Имре Лакатос. У Карла Поппера знаменитая его книга «Логика и рост научного знания». У Имре Лакатоса это «История науки и ее рациональные реконструкции». Опять же, эти книги висят на моём сайте и сайте «Методология в России». Кстати, этот сайт дли- тельное время не работал. Он теперь заработал, можно туда ходить, называется «Ме- тодология в России», адрес circleplus.ru.

Из зала – Недавно нечаянно на него зашла.

ЮБ – Да. На этом сайте нажимаете на «Библиотеку», и там эти книги.

Опять же, это такое рефлексивное изучение того, как наука устроена. Кроме то- го, Томас Кун – это тоже знаменитый американец. У него есть книга про научные ре- волюции. Как она называется, Денис, не помните?

Из зала – Попробую вспомнить.

ЮБ – Там какое-то ещё одно слово есть, но про научные революции. И Поль Фейрабанд. Он немец, но жил и живёт (не знаю, сейчас живёт или уже не живёт), ещё совсем недавно жил во Франции. У него есть книга про культурный анархизм.

Это – наиболее яркие представители, которые с разных сторон показали то, что я сейчас в нескольких словах сформулировал. И там просто впрямую было показано, что наука и её разработки ничем не отличается от мифов, от религии и от всего ос- тального, подобного. То есть это такой замкнутый институт, который сам себя вос- производит и сам себя же и подтверждает. Не более того.

И то же самое было в рамках ММК в СССР, автономно от Запада. Есть огром- ные циклы работ, есть в архивах ММК обсуждения, причём, многолетние обсужде- ния, которые записывались на магнитофон. Таких (показывает на тот, что на столе) магнитофонов тогда не было. Это были большие магнитофоны, такие, двадцатикило- граммовые, на бобинах. На них все дискуссии записывались, а потом это всё перепе-

чатывалось. Это был гигантский труд машинисток, которых нанимали за собственные деньги и они всё это перепечатывали. И сейчас на сайте fondgp.ru есть архивные материалы этих обсуждений. Но они, к сожалению, не оцифрованные, а в виде фотографий (постранично), причем, иногда не очень хорошего качества. Но текстов очень много, по любому поводу. Даже если открыть компьютер и почитать одни названия, в общем, там это будет надолго

А результат был и на Западе, и в СССР, фактически, один и тот же – то, чего в принципе не учитывает ни одна общественная «наука» из тех, которые я перечислял, и из тех, которые не перечислял, включая и психологию, и всё остальное. **Общественные дисциплины вынужденно сталкиваются с активными объектами**, обладающими собственной активностью. Ни в одной общественной «науке» – ни в экономике с её «человеком экономическим», ни в психологии с её естественной психикой и «дрыганьем», как ножка у лягушки – собственная человеческая активность вообще нигде не присутствует. В социальной науке тоже всё разложено, классифицировано, умерщвлено, в чистом виде, и расписано, что есть такие группы, есть такие, есть у них конфликты, есть у них взаимодействие, пятое, десятое – всё из внешней позиции.

Общественные объекты рефлексивны. Все «общественные науки» это напроочь отрицают. Что значит, рефлексивны? Это значит простую вещь. Если человеку сказал начальник что-то сделать, он пять раз подумает, прежде чем сделать, а потом сделает наоборот. Но, при этом, сделает вид, что сделал, как сказали. Другими словами, общественные объекты способны оценивать ситуацию, в которую они попадают, или в которую их затягивают и, соответственно, делать собственные выводы из той ситуации, в которой они оказались. А те, кто ведёт себя так, как написано в учебниках, вот этими «рефлексивными объектами» запросто обыгрываются. То есть если человек знает, что при падении спроса кто-то будет реагировать таким-то образом, как написано в «Экономиксе», его обыграть – делать нечего. Экономические, социальные, психологические и прочие другие «науки» этого абсолютно никак не принимают во внимание.

Ну, в психологии когда-то была такая техника, которая называлась «интроспекцией». Я не знаю, современные психологи знают, что это такое? Оля, Вас учат технике интроспекции?

Из зала – Нет, у нас нет.

ЮБ – Во-во-во.

Из зала – Это когда внутрь себя заглядываешь?

ЮБ – Это когда ты сам смотришь на себя, на то, что ты думаешь. И понимаешь, откуда, вообще, твоё думанье берётся? И как оно у тебя осуществляется?

Даже есть такая знаменитая байка, миллион раз повторенная в разных текстах и книжках у методологов. Когда набрали первый набор в «Институт красной профессуры» (был такой в своё время) на психологический факультет, и два бывших конника, два молодых человека, Петя и Вася, едут в трамвае и читают учебник Освальда Кюльпе. А это был знаменитый психолог, немец, классик тогдашний. Все психологи в то время учились по его учебникам. Один читает: «У человека есть интроспекция».

«Петя, у тебя есть интроспекция?» «Нет у меня никакой интроспекции». «Я так и думал: всё врут буржуазные профессора».

Из зала – Смех.

ЮБ – А «интроспекция» – это, в общем, такой, психологический вариант рефлексии. Сейчас рефлексии вообще нигде не учат. Хотя раньше рефлексия была основной техникой философа. И, вообще, любая философская концепция – это, фактически, рефлексия размышлений философа над той или иной сущностью мира. Сейчас, если спросить наших философов об этом, ну, разве что только слово ещё помнят. А как это делается? И с чем его едят? – редко, кто умеет... А на практике, в жизни люди все рефлексивны, даже если не знают про это. Даже дети.

Из зала – Если «застукать» за чем-то нехорошим?

ЮБ – Во-во-во. Он будет рефлексивно думать, как в следующий раз не попасться тебе. И это – чисто рефлексивная реакция. То, что мы часто видим, когда говорят одно, подразумевают другое, а делают третье – это чисто рефлексивные вещи. Но ни одна теория – ни экономическая, ни психологическая, ни социальная – вообще, с этим не работает. Как будто, этого не существует. **А это, между прочим, фундаментальная и самая существенная характеристика всех общественных явлений и объектов.**

И, наконец, *третье, то, что называется «целенаправленностью»*. Мы все воспитаны в Советском Союзе или в духе того, что было в Советском Союзе, до сих пор. Мы все думаем или хотели бы думать, что вот там, где-то у нас наверху, одну правильную цель сделают для всех для нас, и мы все строим туда, соответственно, пойдём. Сказали: «цель – рынок и демократия», все развернулись и строим туда. Как будто, не было пролито столько крови за то, чтобы, наоборот, оттуда убежать.

А вообще-то, на самом деле, люди так не живут. Люди живут просто совсем по-другому. Один ли человек, семья ли, группа, коллектив или ещё кто-то, или, там, бизнес-структура, они сами выстраивают цели, сами находят нужные средства достижения этих целей, сами преодолевают те обстоятельства, которые им постоянно мешают этих целей добиваться. Но ни одна экономическая, социальная, психологическая и другие науки вообще этот вопрос даже не рассматривают. Как несущественный и не существующий.

Ну, это точно так же, как в физике. Если соответствующих приборов нет, которые бы подтверждали соответствующую теорию, значит, этого явления тоже нет. В общественных науках нет идеализации и нет соответствующих институтов, подтверждающих эти вещи. Их, как бы, и не существует.

Из зала – А теория деятельности – это наука?

ЮБ – «Теория деятельности» по недоразумению называется «теорией». На самом деле, это методологическая дисциплина. Любая теория описывает объекты. То, что называется «теорией деятельности», описывает средства и методы, а не объекты. То есть описывает деятельностные средства, с помощью которых какие-то объекты ухватываются. Они там, в этой «теории», называются «организованностями деятельности», которые являются следствием того или иного способа работы.

Из зала – На Западе это просто называется «философией». Популяризацией всех этих вещей, например, Сорос занимается.

ЮБ – Нет. Конечно, фигура Сороса известна многим, и мне тоже известна. Действительно, он пишет о так называемых «рефлексивных структурах», но он немножко по-другому эти вещи понимает. Он под «рефлексией» понимает ожидания. Ожидания игроков рынка. Это он взял от Карла Поппера и Фридриха Хайека, поскольку являлся учеником этих двух классиков.

Из зала – Хайек?

ЮБ – Да, Хайек и Поппер. У них такие были заходы в их теоретических работах. А Сорос это очень хорошо практически использует. Сначала он в своих книгах «насаживает» на мозги игроков финансовых рынков, что от их ожиданий рынок меняется. Потом он эти ожидания специальными приёмами формирует, а потом подставляет в нужное место руку. И, соответственно, туда всё и вываливается. Все эти «гранты Сороса» в том же самом направлении работают. Он специально платит бешеные деньги, например, миллиард долларов может запросто заплатить в год, чтобы обучить много-много специальных болванчиков, которые будут строго по определённым правилам ждать вот эти самые «рыночные ожидания». А потом, соответственно, с них снять потом миллиардов 15 или 20. И он на протяжении своей жизни это делал многократно, из-за чего его ни американский, ни английский истеблишмент, вообще, на пушечный выстрел не подпускают к себе.

Из зала – Англичане, понятно, почему не принимают.

ЮБ – И американцы тоже его не принимают, хоть он и считается американским гражданином венгерского происхождения. Но он не вхож в светские круги.

Из зала – Юрий Михайлович, а мы не будем прерываться сегодня?

ЮБ – Будем. Я уже заговорился, 1 час 26 минут.

Из зала – Я вспомнил, у Куна книга называлась: «Структура научных революций».

ЮБ – Да, «Структура научных революций», точно.

Перерыв 15 минут.

Продолжение лекции.

ЮБ – Так, двинемся дальше.

Следствием двух названных выше попыток сопротивления мышления против очень мощных попыток разрушить его обществом XX века явились две вещи. На Западе появились так называемые «гуманитарные дисциплины», которые были совершенно ненаучного толка: антропология, феноменология, эпистемология... Я назвал всего три, а их – десятка три. Если начать разбираться с ними, то выяснится, что они очень такие «фрагментизированные», то есть очень узкие, но они построены не как науки. То есть там не выделяется идеальный объект и там не проводится исследование относительно проверки эмпирическим материалом реальности или реализуемости этого идеального объекта.

Из зала – Как же они тогда развиваются?

ЮБ – «Антропология» – это не наука. Так же, как «феноменология». Вы когда-нибудь читали Эдмунда Гуссерля? У него первая часть его «Феноменологии» показывает всю бредовость этой позитивной науки, с которой он всю жизнь боролся. А потом дальше строит то, что стало называться «феноменологией». И вот, если наша СМД-методология ещё неизвестно, когда станет признанной в мире, то в мире существует несколько миллионов феноменологов, гигантские международные конгрессы феноменологов ежегодно проводятся.

Из зала – А как же без идеальных объектов?

ЮБ – Подождите. Многие не строят идеальных объектов. Допустим, в искусстве не строятся идеальные объекты. Математика не строит идеальных объектов, поскольку это тоже не наука. Вообще, пиетет перед наукой – это только в нашей стране. И, видимо, это – последний излёт.

Из зала – А как работает феноменология?

ЮБ – Я пересказать феноменологию не могу. Это достаточно сложная и очень строго логизированная дисциплина. Когда показывается, что у вас (у людей), соответственно, кроме «ноуменов» (названий), существуют ещё «феномены» в работе вашего сознания. И вы эти феномены, *во-первых*, мало того, что различаете, поскольку ориентируетесь в мире, а, *во-вторых*, вы их ещё интендируете (т.е. выносите во вне). Это (показывает) – феномен тумбочки, это – стола, это ещё чего-то. И это достаточно строгая логическая дисциплина.

«Дисциплина», в отличие от «предмета» – это то, что строится как дисциплина (например, как дисциплина в школе, когда оценивается правильность поведения, когда ты должен определённым образом себя вести). А **«мыслительная дисциплина», когда ты выстраиваешь правильно мысль, рассуждение или ещё что-то.**

И в феноменологии, и в антропологии (как рассуждении о человеке) не строятся идеальных объектов, и не строятся соответствующие институты, которые бы доказывали, что тот или иной объект существует. Просто, по-другому работают. Немного про антропологию дальше ещё будем говорить. Но это уже большая дисциплина.

Тогда же, собственно говоря, вот этот разлом и произошел, когда, с одной стороны, продолжали существовать «предметы» (а наука всегда предметна, у неё всегда есть предмет). А, с другой стороны, появились «дисциплины». «Дисциплина» – это, опять же, по принципу, дисциплина ума или дисциплина чего-то другого.

В этом же русле в СССР появилось то, что стало называться «системо-мыследеятельностной методологией» или «СМД-методологией». Это детище ММК и Георгия Петровича, в частности, поскольку он там основной вклад внёс. **СМД-методология – это попытка построения логического аппарата для конструктивной работы.** Смотрите: логического аппарата для работы. Не для описания объектов, а для того, **как можно работать с так называемыми массовидными, или популярными, объектами, включенными в нормативно заданные культурой деятельностные процессы.** Очень длинно, очень нудно, но здесь слова все значимы.

Это то, что мы здесь на перерыве обсуждали, что у отдельного человека деятельности никакой быть не может. СМД-методология принципиально исходит из то-

го, что деятельность имеет собственную субстанцию. Она вне людей, а людей она только использует, втягивает и, соответственно, либо заставляет что-то делать, либо перемалывает, либо ещё что-то. Много разных процессов в деятельности существует. Но все эти процессы популятивны. Что значит популятивны? Это как популяция в биологии – когда много особей, они, вроде, все каждый сам по себе, но, в то же время, они живут похожим образом...

Из зала – Как стада?

ЮБ – Да-да-да, живут похожим образом, популяцией. Деятельность устроена популятивным образом. Есть популяция экономистов, есть популяция...

Из зала – Социологов.

ЮБ – ...социологов и так далее. Эмпирия таких объектов достаточно очевидна. Если бы вы взяли и в ночное время где-нибудь на крыше установили телекамеру, которая снимала бы автомобильное движение по улице, а потом взяли бы и в ускоренном режиме прокрутили то, что там запишется. Это было бы так: т-т-т-т, раз – остановились, т-т-т-т, раз – остановились, т-т-т-т, раз – остановились...

И так оно на самом деле и происходит, если посмотреть. Светофор включает зелёный, все машины поехали одинаково. Светофор красный – все остановились. Отдельные придурки есть, но это – придурки.

Из зала – Человеческий фактор.

ЮБ – Да-да-да. Которые выламываются из общего строя, и с которыми гаишники борются. Они (гаишники) всех загоняют в эту популятивную составляющую, когда отдельного водителя и отдельного человека нет. А есть некий деятельностный процесс.

То же самое – посмотрите, как вы себя ведёте, допустим, в университете или на любой другой работе. В нужное время все толпой приходят. В нужное время все толпой уходят. Когда перерыв, все уходят в соответствующее место. И так далее. Прозвенел звонок – все пошли, расселись, преподаватель за тумбочку, эти – за столами... Звонок прозвенел – все вышли, по коридорам потолкались и опять разошлись по аудиториям.

Это происходит повсеместно. И там отдельных людей нет, там вот эта – популятивная, культурно организованная процессуальность. Она людей захватывает, и, соответственно, их тащит.

Из зала – Человеческий фактор.

ЮБ – Ещё раз повторяю: те, кто не выполняют правил – придурки. Татьяна Ивановна Заславская в 1970-х годах придумала для этих придурков термин «человеческий фактор». Когда, допустим, лётчик срabатывает плохо и самолёт разбивается, говорят: «Причина – человеческий фактор». То есть придурком оказался, не по правилам действовал.

В аэропортах, в учреждениях, везде люди себя ведут соответствующим образом. Созданы гигантские человеко-машинные системы типа Интернета, типа транспортных, энергетических и других подобных систем.

Из зала – Если брать, например, студентов, это образовательное учреждение...

ЮБ – Да.

Из зала – ...сейчас очень много таких, которые ведут себя просто не по правилам и несообразно своему месту.

ЮБ – И обратите внимание, правила всё время ослабляются.

Из зала – То есть это из-за того, что эта система уже не поддерживает дисциплинарное?

ЮБ – Нет. Здесь другие приоритеты начинают играть роль. Если в 1960-х – 1970-х годах, когда я учился, там одну двойку получил – тебя просто раз, и уволили из университета. Выгнали, и всё. Вот, у нас был такой профессор Лейфман (никогда его не забуду), он у нас вёл линейную алгебру (это было на первом курсе). Меньше 15 двоек в группе у него не бывало. Как только ты двойку получил по линейной алгебре, считай, что всё: ты на втором курсе учиться уже не будешь. То есть в принципе не могло быть так, как у нас сейчас: 20 задолженностей и некоторые тянутся на пятом курсе аж ещё со второго курса. Почему? Причина-то простая. Университет большой, ему нужно строить, ему нужно пятое, десятое, ... профессоров кормить. И, соответственно, из совершенно других соображений их не выгоняют. Отсюда вынуждены правила корректировать. Вызывает нас соответствующий проректор и говорит: «Нельзя».

Из зала – «Нельзя» не потому, что они получают двойки, их не увольняют...

Из зала – Я помню, например, у меня на паре сидит девушка, она в какой-то момент достает губку и начинает чистить свою обувь. Или, что чаще, конечно, красится. То есть они, что ли, не осознают, где находятся?...

ЮБ – Ира, сами они, дети, вообще ничего не осознают.

Из зала – У меня четвертый курс.

ЮБ – Это всё равно дети. Это просто большие дети. Детей, начиная с младенческого возраста, всё время нужно заставлять: заставлять есть, заставлять говорить, заставлять ходить. Сами они ничего делать не умеют и не хотят.

Из зала – Но, просто, раньше, даже в каком-то 2000-м, этого не было. Это безобразии прогрессирует.

ЮБ – Виноваты не дети, виноваты вы, преподаватели. Потому что у меня даже телефонов нет на столах, я уж не говорю про губку. Я просто в начале наших занятий всем объявляю свои организационные требования. Я говорю: «Вы, пожалуйста, что угодно делайте. Но: телефон увижу на столе, один балл штрафа из итоговой 100-балльной оценки. Заговорил – одно предупреждение. Второй раз – балл штрафа». Пару раз получит человек публичные штрафы, глядишь – всё: телефонов нет, никаких губок тоже нет.

Организационные вещи сильнее любых убеждений. Этот механизм – «машина», которая тебя вынуждает определённые вещи делать. Студент сюда вставляется, и если эту организационную машину выстраиваешь правильно, он будет делать то, что нужно. И, кстати, всегда люди (даже, если не о студентах речь) выполняют норму только тогда, когда есть специальные механизмы, заставляющие их эту норму выполнять. И по-другому не бывает.

Из зала – А в институте семьи? Там же этого нет.

ЮБ – В каком институте? В институте семьи? Как же, нет? Ещё как! Там только не за поведением смотрят, а за тем, в какую постель лёг, и с кем. Но смотрят очень круто. Просто, на другое смотрят, но очень жёстко.

Из зала – Что касается тех же самых «придурков». Если бы не было «придурков», не было бы определённых прогрессоров, в том числе тех, кто инновационные вещи делает...

ЮБ – Нет, я говорю про другое...

Из зала – Братъ, хотя бы, пример с изобретателем первого автомобиля. Он же, когда первый раз выехал на своей машине, он просто «прикалывался». А кто-то говорит, что на него, как на придурка смотрели. А он, в то же время, – личность. Значит, личность – это придурок?

Из зала – Это «придурки» в рамках каких-то существующих правил. Меняются правила...

ЮБ – Денис, пусть он договорит.

Из зала – Я всё сказал и задал вопрос.

ЮБ – Ответ-то известен.

Из зала – Я просто вижу это по-другому...

ЮБ – Значит, Вы знаете что-нибудь про институт личности? Что такое «личность»?

Из зала – Что Вы имеете в виду?

ЮБ – Вот, в нашем сегодняшнем понимании говорят: нашли ночью бомжа, валяющегося в канаве, и милиционер говорит: «Нужно установить личность». Это означает, что нужно установить фамилию и адрес, где тот живёт.

А «институт личности», когда он формировался в эпоху Просвещения, предполагал совсем другое. В понятии «личность» существенны три момента: должна быть «личина», должно быть «лицо» и должен быть «лик». В смысле, божий лик, как бы, божественное освещение.

Соответственно, «личина» – это телесное. То, что у нас сейчас «личностью» называют, означает теперь простую вещь – установить, чьё тело нашли в канаве. К личности, по понятию, это не имеет прямого отношения, поскольку тела есть у всех.

А «личность» формировалась в Новое время как такой «сверхчеловек». Смотрите, когда кто-то, с одной стороны, осваивал все правила общежития, и тогда у него появлялась возможность «выпендриться», то есть выйти за границы этих правил. Про такого говорили: «Личность! Этому можно».

Так вот, Вы же про прогресс. «Прогресс» осуществлялся за счёт таких личностей, которые, в первую очередь, заботились не столько о своей личине, сколько о своем лице, чтобы, не дай Бог, его не замарать, это лицо. Тем более, в канаве.

А когда я говорю «придурки», это – не личности.

Из зала – Это те, кто просто выбивается из ряда?

ЮБ – Да, либо гайшники плохо работают, и он просто выпил, поехал, и выламывается из ряда. Вместо того, чтобы тормозить, он наоборот газ давит.

Из зала – То есть те, кто этих норм не знает.

ЮБ – Да. Кто не знает, игнорирует, кто, вообще, опустившийся. В общем...

Из зала – Маргинал.

ЮБ – ...маргинал, да. «Человеческий фактор». Заславская была не права. Не правильно называть таких – «человеческим фактором». Их нужно называть «биологическим фактором». Он, как биоид, поскольку на него человеческое не село и не закрепились. Он биоид, и поэтому его, в общем, болтает.

Из зала – Вы говорите так, что обидно для биолога.

ЮБ – Нет, а что обидного-то? Биологи же изучают биологические объекты. А у человека есть биологическая сущность (телесная). В этом смысле, он – биоид. А есть ещё то, что человеческое. То, что на нём (на теле) «сидит». То, что может, например, вырасти в личность. Но чаще всего не вырастает.

А деятельность в том виде, в каком она строилась в ММК, она, вообще, и придурков, и таких «личностей», за счёт которых происходит прогресс, не приветствует. Хотя сам Георгий Петрович всегда, всю жизнь выламывался из всех правил...

Из зала – Методологи – личности?

ЮБ – Да. Но он знаете, как говорил? Был такой случай в Новосибирске. Он читал лекцию, в Новосибирском университете собралась большая толпа. Он читает лекцию, закончил, вопросы, там, были. Его, как правило, всегда окружала толпа и ещё вопросы задавала. Один подходит и говорит: «Я – аспирант (называет фамилию академика, своего научного руководителя), я так проникся вашей лекцией, что я тоже решил стать методологом». ГП говорит: «Нельзя». Аспирант: «Почему, нельзя? Я приложу все усилия». ГП говорит: «Да нет, нельзя». Аспирант: «Да почему, нельзя-то?» Он говорит: «Потому что методолог уже есть, двух не надо, двух не бывает». Остальным нужно правилам подчиняться.

Но некоторые не соглашаются с ГП. Например, Попов Сергей Валентинович не согласился с тем, что методолог может быть один. И, смотрите, какой вывод из этого следует? А из этого следует совершенно прямой вывод: нужно проблематизировать то, что сделал Георгий Петрович, то есть «растоптать», попросту говоря. Показать, где это не работает, или вообще не работает, и встать на его место.

Из зала – Он так и сделал?

ЮБ – Он так и сделал.

Из зала – Вы же сказали, что методолог должен быть один.

ЮБ – Да. Всё равно один, но уже другой.

Из зала – Методология – это то же самое, наука.

ЮБ – Нет, конечно. Вы всё время бежите вперед. Другое они делают, и я сейчас буду про это говорить. Другое!

Аппарат СМД-методологии позволяет все такие популятивные системы, которые культурно нормированные и деятельностные, проектировать, практически реализовывать и развивать. Причём, без использования предположений науки. Этот аппарат строится на других основаниях – не на тех, про которые я уже который день говорю (тот весь день про это говорил, в прошлый четверг, а в этот четверг в самом начале). Нет этого здесь, совсем другие основания. Нет идеальных объектов. Ведь наука

всегда предполагает, что идеальные объекты существуют сами по себе. Например, психологи предполагают, что объект их исследования – психика – существует сам по себе, независимо ни от чего. Как и любая другая наука – как физика, как биология, как любая другая.

А у системно-мыследеятельностной методологии нет такого предположения. Там прямо противоположное предположение: **все объекты являются следствием деятельности или действий людей.** Объект (любой) – это всегда следствие деятельности, её организованность, а не исходная посылка.

Смотрите, обычно, как говорят? Если есть две пары башмаков, одна советская, другая итальянская, бессмысленно их сравнивать, поскольку это *уже результат* соответствующих деятельностных процессов. Нужно сравнивать, как был устроен деятельностный процесс в Советском Союзе по производству обуви? И как у итальянцев? Или бессмысленно сравнивать советский телевизор и японский. Это уже поздно сравнивать, и бессмысленно исследовать. Нужно, соответственно, отступить на шаг назад и посмотреть: а как это всё делается? А делается по-разному. Точно так же, как Мерседес на соответствующем заводе, и наши Жигули на «ВАЗе».

Из зала – Наука эти вещи и не исследует.

ЮБ – Как же? Наука только этим и занимается. А деятельностная методология занимается другими вещами. Она, вообще, не пялится в этот объект. Она смотрит: как делают? Как устроено то, с помощью чего делают? Как это организовано? А башмаки сами вывалятся, или Мерседес сам съедет, если ты будешь правильно делать – в этом основной заход. Поэтому нельзя говорить, что они делают одно и то же. Они делают просто принципиально разные вещи. Онтологическая картинка или онтологические предположения, на которых строится СМД-методология, обычно у методологов рисовались в виде такой структурной схемы (рис. 3.4). Эта схема называется «схемой мыследеятельности».

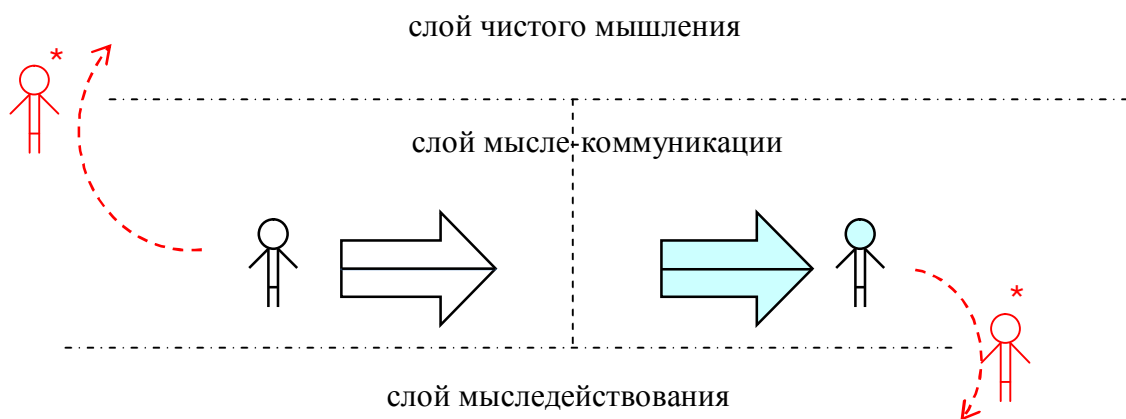

Рис. 3.4. Фрагмент схемы мыследеятельности

Центральным слоем, как «шампуром», на который всё «насажено», является слой, который называется «мысле-коммуникация». Смысл дела здесь состоит в том, что два человека (у них даже разными цветами покрашены головки) они разные.

Смотрите, экономическая наука предполагает, что все экономические субъекты, или все «человеки экономические», одинаковые. Они все одинаковые придурки, которые гоняются только за дешёвым товаром и стараются продать как можно дороже. У них только одни эти предпочтения, и никаких других. Они все одинаковые.

СМД-методология исходит из того, что деятели – разные. Они просто, по принципу, разные. И то, что говорит один (обозначено стрелкой)... Кстати, там три черточки на стрелке, включая центральную – это, как раз, такое, нормативное обозначение «текста», который, с одной стороны, должен транслировать то, что в слое «мышления» делается, а, с другой стороны, учитывать то, что в нижнем слое делается – в слое, как они это называют, «мыследействования». И говорится одно, а понимается другое. Поэтому там стрелочка, которая идёт к другому, она другого цвета.

И проблема в любой мыследеятельностной структуре состоит в том, чтобы согласовать понимание... Тот, кто понимает (тот, что справа), он должен реконструировать позицию вот этого, который слева. И, соответственно, скорректировать свои структуры действий. Иначе кооперативной деятельности не будет.

Ну, помните, я рассказывал историю Петра Щедровицкого, когда он был директором института в «Росатоме». Когда один обязан делать вещи для другого, а то, что делается, и то, требуется, на самом деле, – никак не стыкуемо. Они вообще друг друга не понимают, и то, что они делают, никак не соотносится друг с другом. Когда у одного делаются или выстраиваются целевые установки, они никак не соотносятся с теми, куда эта продукция «вывалится», и где она будет использована.

Я недавно читал совершенно потрясшую меня вещь. Оказывается, корпорацию «Sony» (не знаю, знаете вы эту историю или нет?) возглавляет специалист по детскому воспитанию. Как это ни парадоксально. То есть начинал он с того, что в детских садах работал, потом в младших школах работал, а потом стал президентом корпорации «Sony». И он придумал такую вещь, из-за чего эта корпорация «Sony» до сих пор на гребне находится, как известно.

У них, в головной компании, которая располагается в Токио есть отдел проектирования, состоящий из 30 человек, которые работают непрерывно. При этом непосредственно проектированием занимаются лишь 3 человек из 30. Знаете, чем занимаются другие 27?

Из зала – Проектируют, наверное.

ЮБ – Нет, нет. Они вообще появляются в этом своем офисе крайне редко. И, в основном, занимаются тем, что без конца ходят по школам, по детским садам, по вузам, по другим учреждениям, и просто смотрят, где ещё может возникнуть потребность в их продукции? И какая?

Смотрите, цель деятельности корпорации «Sony» вырабатывается не в самой корпорации, а в тех местах, куда эта «Sony» потом попадёт. И как только они ухватывают, что там, у младших школьников, например, как-то наушники не так работают,

ушки болят после этого, тут же делается сигнал, и они это дело перепроектируют и быстро выпускают в новом варианте.

Поэтому эта картинка (рис. 3.4), она, в общем, про это. Деятельность всегда кооперативна, и она всегда связана через мысле-коммуникацию. Мыслекоммуникация предполагает организацию, с одной стороны, деятельности, с другой стороны, мышления через передачу соответствующих текстов. И эти тексты должны пониматься. Смотрите, не узнаваться, а пониматься. Мы ещё будем говорить про понимание. Но понимание, в отличие от узнавания, предполагает мыслительную реконструкцию позиции (т.е. способа работы) другого, который находится в кооперации.

Наши системы деятельности вообще никак сюда не укладываются. Они просто все разваленные. Особенно сейчас, в рынке. Там каждый сам по себе, и каждый – кто во что горазд. Нигде в мире этого уже нет давным-давно. Нет никакого вот этого «дикого» капитализма, на котором сейчас всё строится у нас.

Каковы основные послышки, на которых всё построено? **Основа – это «деятельностная позиция».** Не надо путать с человеком. Хотя я здесь фигурки человека рисую, но это всего лишь такое условное обозначение обустроенного места, куда человек может войти. Рисуете так называемая «позиция».

Позиция предполагает человеческую активность, вооруженную соответствующими средствами или инструментами деятельности.

В деятельности в прямом смысле слова – «людей нет». Точно так же, когда гаишник смотрит за потоком автомобилей. Он же там не видит отдельных людей. Он потом к отдельному водителю подходит и говорит: «Ваши документы». А вообще-то, когда поток идёт, там людей нет. Когда работает завод или университет, там людей нет. Когда я студентам говорю: «Вы же не люди», они смеются: «Как это не люди?» Но, вообще-то, не люди. Вообще-то, они сюда пришли и всё человеческое, кроме способности учиться, должно быть там оставлено – либо дома, либо за дверью. Когда, Ира, они там себе башмачки чистят, они вываливаются из позиции студента и становятся, в общем...

Из зала – Человеческим фактором.

ЮБ – ...человеческим фактором, да.

Из зала – А сам по себе водитель кто?

ЮБ – Смотрите, водитель без автомобиля, без дороги, без светофора...

Из зала – Не водитель.

ЮБ – ...не водитель.

Из зала – А автомобиль – объект?

ЮБ – Это есть средство. Так же, как средством является дорога, по которой это всё едет. Так же средством регулирования являются знаки, светофоры, разлиновка, бордюры, о которые стукаться нельзя, и всё остальное. Это всё вместе и составляет то, что называется «позицией».

Вот, вспомните, когда мы говорили про космонавта. «Космонавт» – это не человек, который туда полетел, по фамилии Гагарин, или ещё кто-то. Это некое человеко-машинное устройство, от которого известно, что ждать. И не более того. Поэтому

кого попало туда не посылают. И «космонавт» появляется только тогда, когда есть вот этот шезлонг, в который он ложится, когда есть соответствующий корабль, который взлетает, когда есть система управления этим кораблем – это всё вместе называется «позицией космонавта».

Нам психологи задурили голову, так же, как, впрочем, и социологи здесь сыграли значительную роль. Мы различаем этих отдельных биологических индивидов и слишком большое значение им придаём. Но есть замечательная работа, автор – французский философ Анри Бергсон, называется «Творческая эволюция». Он пытался построить философию жизни. На мой взгляд, он, конечно, не справился с этой философией, но там есть совершенно замечательные проходы.

Например, он утверждает такую вещь. Вот, вдумайтесь. Это, по аналогии, и на людей можно перенести. Он утверждает такую вещь: все биологи нам задурили голову, что растущее дерево – это отдельный биологический экземпляр. Есть корни, есть ствол, есть листья, есть крона и так далее. Обыкновенное дерево, и считается, что это один биологический организм, который когда-то посадили, когда-то он начал расти, достиг зрелости, потом умирает. А он говорит, что на это же самое можно взглянуть совершенно с другой стороны, и построить совершенно другую биологическую теорию. Что само дерево, сам ствол – это всего лишь своеобразный «гумус», на котором живёт много-много разных организмов, которые весной рождаются, распускаются, потом летом у них наступает зрелость, а осенью увядание и умирание. И можно себе представить, что на одном дереве живёт миллион биологических организмов. Это просто совсем другая картинка.

Из зала – Популяция?

ЮБ – Да, да.

Из зала – Тогда получается, что на голове человека уши – это «палочки», вставленные в «гумус» головы?

ЮБ – Во-во-во, я про это и говорю. Кто сказал, что этот биологический человек о двух руках и о двух ногах, это – некая единица? Когда каждый корешок волоса или каждый ноготок сам по себе живёт на этом гумусе телесном...

Из зала – И наоборот.

ЮБ – И наоборот, тоже. Более того, на всех этих волосках и всем прочем сидит ещё что-то другое, и оно тоже неоднородное.

Из зала – Перхоть.

ЮБ – Перхоть? Тоже может быть, но я имел в виду нечто нематериальное. Все эти примеры показывают, что, на самом деле, все эти теоретические конструкции, вообще-то, высосаны из пальца. И мы в них верим только потому, что мы их знаем, потому что нам в соответствующих институтах без конца внушают, что так оно и есть. Посадил кустик, значит, ты посадил некую единицу.

Из зала – Одно дерево, второе дерево, так считать удобно.

ЮБ – Удобно, конечно. А если считать миллионами кубометров, ещё удобнее.

Теперь дальше. Ещё одной посылкой, ещё одним из условий построения СМД-методологии являлся **принцип трансценденции**, то есть отчуждение. Методологиче-

ское мышление так же отделено от жизни (реальности), как и научное мышление. Это на предыдущей схеме хорошо видно (рис. 3.4). Верхний слой «чистого мышления» отделён от того слоя, где люди коммуницируют, и от того, где действуют. В этом смысле, это – частично научный заход. Наука точно так же предполагает, что их идеальные конструкции находятся по другую сторону, в другом мире, не в том, где мы все сами находимся и живём.

«Мышление» и «деятельность» в СМД-методологии отделены принципиально. «Деятельность» – это не мышление, а «мышление» – это не деятельность. **Деятельность без деятеля невозможна, а мышление без мыслящего индивида возможно.** Георгий Петрович утверждает такую вещь: «мышление – это некая субстанция, которая садится на людей». И утверждается такая вещь, что «то, что оно здесь на людях живёт, это – случайность. В другом мире оно может быть на пингвинах», как он говорит. А в третьем, например, на сложно устроенном сайте интернетовском.

Из зала – А мышление без людей может быть?

ЮБ – Конечно.

Из зала – А чем это подтверждается?

Из зала – Как обосновать?

ЮБ – А всё тем же самым. Как только ухватываешь основные характеристики мышления, соответственно, можешь попытаться обнаружить это в других местах.

Вот, психологи думают, что мышление (как это написано в нашей советской энциклопедии) – это «продукт высокоорганизованной материи, называемой мозгом». И я говорил, что вот так на тубик нажал сюда, раз – мысль и вылезла червячком. Но мышления в сером веществе нет. Сколько там ни роются психологи, ну, нет его там.

Из зала – Психологи не роются.

ЮБ – Ну, как? Роются, ещё как роются. Если не психологи, то врачи.

Теперь дальше: ещё одно **обязательное условие СМД-методологии – требование одной онтологии.**

Сама СМД-методология возникла, как я уже сказал, на мощной попытке комплексировать разные онтологические предположения и построить общую онтологию, которая называется «онтологией деятельности». Георгий Петрович так и говорил, что **ни в какой природе люди не живут.** Это всё блеф, миф и, в общем, ничем не отличается от религиозной веры. **Люди живут в деятельности.** Всё, что нас окружает – даже вид горы, солнышко и всё остальное – это всё равно уже результат работы соответствующего сознания и мышления. Например, для какого-нибудь муравья никакого солнышка и никакого Сириуса на небе не существует, поскольку у него нет соответствующих сознания и мышления.

Все эти три исходных посылки говорят о двояких вещах. С одной стороны, здесь очень многое от науки. Но заход как бы совсем на другое, то есть не на объект и его исследование, а на то, что порождает эти объекты. И в этом смысле, как утверждает и Попов, и некоторые другие методологи, например, Копылов, они много говорили о том, что **СМД-методология была мощным шагом вперед по сравнению с наукой, но половинчатым шагом.** Он не был доведён до конца. И Георгий Петрович

перед смертью (он умер от инсульта в 1994 году) уже понимал это. У него была попытка осуществить ещё один заход, когда он пытался построить, я даже не знаю, как это сформулировать... заход на понимание как такой «бульон», в котором мышление может существовать. Но этого ему уже не удалось сделать. Не успел.

После ГП-шной СМД-методологии остались нерешёнными масса вопросов. Я не буду говорить про тех, кто до сих пор свято верит в СМД-методологию и старается её как-то культивировать. А, главным образом, пытается «воткнуть» в культуру, чтобы её признало западное сообщество – философы и методологи, которые живут во Франции, Америке, в других местах. Это, прежде всего, сын Георгия Петровича, Пётр Георгиевич. Он главным образом этим и занимается – продвижением. Соответственно, старается любыми способами «застолбить» за СМД-методологией то, что она реально сделала.

А каких-то новых движений здесь, в этой группе бывших учеников Георгия Петровича, в общем, не замечено. Об этом говорю не только я. Об этом говорят и те методологи, которые считаются первыми или самыми ранними учениками, типа Генисаретского, Дубровского, Розина, Сазонова и других. То есть методологи первой волны.

Вопросы после ГП-шной методологии остались. Например, как работать с принципиально разными культурами и не взаимодействующими мирами? Появление разных наук, раздробление общей метафизики на гигантское количество осколков, которые стали называться «предметными онтологиями», и их комбинаций в разных общественных объектах, больших и малых, привело к тому, что мышление перестало служить инструментом для выживания. Когда возникала в Средние века какая-то сложная проблема, как я говорил, и Хейзинга об этом убедительно пишет, всегда обращались к соответствующим мыслителям для того, чтобы распутать тот или иной проблемный клубок. Теперь про это просто забыли. И правители, и философы, все, в общем, даже те, которые по штату должны были считаться мыслителями, давно уже про это забыли. Отсюда, поскольку надо выживать, все человечество раздробилось на много-много разных «оукленных мирков». И это просто невооруженным взглядом видно. Талибы живут совсем другим способом, чем, например, европейцы в Германии. Просто, вообще, не так. Те, которые там в какой-нибудь секте «Ум Синрике»... Или как она называлась?...

Из зала – «Аум Синрике».

ЮБ – ...«Аум Синрике», да. Они живут совсем по-другому, чем, например «Белое братство» какое-нибудь. А Академия наук, которая оуклилась и, вообще, ни с кем не может взаимодействовать, живёт третьим способом. Какие-то научные профессиональные сообщества, которые могут делать только определённое, и вообще, им главное, выжить, чтобы зарплата была, и больше ничего их не волнует – они живут четвертым способом.

И вот таких «мирков» очень много – профессиональных, социальных, религиозных, национальных. И если раньше, например, Китай не отделялся в какой-то обособленный мир, поскольку не возникало этой проблемы, сейчас такие крупные на-

циональные державы, и даже не крупные, они стараются отделиться и жить каким-то своим мирком.

Все эти разные культуры, как утверждает Поль Фейрабенд (и утверждает не без оснований), несовместимы. Они не могут взаимодействовать.

Раньше они не взаимодействовали, поскольку не было технических возможностей. Афганистан жил своей жизнью, испокон века. Люди там были те же самые, что и сейчас. Теперь их называют «талибами». И они считаются террористами мирового масштаба.

Они теперь могут летать на одних и тех же самолетах, что и европейцы. Но от этого они взаимодействовать с европейцами не могут. Может ли, вообще, в принципе, европейское мышление работать с подобными общественными структурами? – неизвестно. Прежние формы мышления не могли с такими вещами работать. Прежнее мышление даже вопрос такой не могло поставить. Просто, не было оснований для этого.

Из зала – А может быть, можно найти варианты какие-то, понятия какие-то? Не знаю, какое слово правильно подобрать...

ЮБ – Да нет, они же не понимают европейцев, они живут по-другому...

Из зала – Это я понимаю. Европейцы, как и талибы...

ЮБ – Да.

Из зала – ...предположим, они понимают такое понятие, как «иерархия», у европейцев же есть иерархия. И у талибов она должна быть. И вот уже какое-то основание же есть для общения. И ещё что-то...

Из зала – Шум... все говорят одновременно.

ЮБ – Сейчас, минуточку, я попытаюсь ответить на этот вопрос. Смотрите, ведь варвары для европейцев были всегда. И всегда считалось, что европейская культура находится наверху, а все остальные народы – на более низком уровне... Была иерархия культур: менее развитые, ещё менее развитые, совсем неразвитые. И европейцы, испокон века, начиная с Александра Македонского, а точнее с Аристотеля, который был воспитателем этого Македонского, и ему заложил идею, что всех «варваров нужно обращать в греки». То есть включать в ойкумену (обжитое пространство) и превращать их в культурных людей. И они испокон века, 2,5 тысячи лет этим занимались. Все эти крестовые походы – это «обращение варваров в греки». Почему христианский мир расплылся так широко? Это – результат «обращения варваров в греки», соответственно, в христиан.

А теперь смотрите: с некоторых пор это стало невозможно. Вот, когда эти «общественные науки» сыграли свою роль, и когда всё это раздробилось, и когда появился институт, который стал называться «демократией», европейцы сказали: «Вы должны быть демократическими сообществами». А те говорят: «...Раз демократическими, извините, тогда мы – на равных. Кто это вам сказал, что у нас культура более низкая, чем у европейцев?»

Из зала – Никто не сказал.

ЮБ – Никто не сказал. И это, между прочим, с XVIII века очень бурными шагами продвигается. А в XX веке – в особенности.

Смотрите, когда эти, которые ранее считались, что они – на нижних этажах культуры, вдруг оказались на равных – всё перевернулось. Фейрабенда почитайте, его известные работы о культурном анархизме. Он утверждает, что нет недоразвитых культур. Все культуры равноправны, они все работают по одному принципу. И то, что у европейцев в качестве норм одно, а у талибов другое, нет никаких оснований считать, что у тех менее развитая культура, чем у этих. Она просто – другая.

А если она другая, извините, а как жить-то? Либо мы взаимодействуем с этими другими культурами на каких-то рациональных основаниях, либо они нас всех «замочат в сортире», – как говорил Путин. Или ещё где-нибудь.

Из зала – Нет, но можно же найти что-то общее.

ЮБ – И общего найти нельзя.

Из зала – Можно другой вопрос?

ЮБ – Да.

Из зала – Допустим, представили: если от Европы был Христос, а в Восточном мире был Будда...

ЮБ – Всё равно не смогут договориться. У одних – деятельностная культура, и им нужно всегда что-то делать и переделывать. А другие говорят: «Извините, нафиг, у нас самое главное – нирвана, вообще, уйти от всего». И как будешь договариваться? Давно пытаются договариваться, но бесполезно.

Из зала – Нет, вот, именно лидеры, лидеры...

ЮБ – А лидеры только на формальных переходах и работают: чтобы друг друга не убивали. И всё! Больше ни на чём.

Из зала – Но политики же давно это делают?

ЮБ – Да, это давно идёт. Это давно идёт, но политика не есть рациональное мышление. Политика – это не мыслительные механизмы. Это социальное договаривание между собой.

Из зала – Вот, вы говорите, что студенты – функциональные места...

ЮБ – Функциональные места, да.

Из зала – Функциональные места – все одинаковые...

ЮБ – Нет. Оля, это ваша выдумка. Функциональные места, но с разными способностями и возможностями.

Из зала – Ну, ладно, материал методологи задают?

ЮБ – Нет, это у психологов задаётся материал.

Из зала – Я сказала,... то есть Вы сказали, что всегда было, что сущность ученика – способности...

ЮБ – Да, если я хочу учить, то сущностью человека (ученика) являются способности, которые я должен развить.

Из зала – В деятельности обучающей?

ЮБ – Да.

Из зала – А если Щедровицкий поставил такие вопросы, как...

ЮБ – Нет, это не Щедровицкий, это после Щедровицкого.

Из зала – Получается, что всё – деятельность. Деятельность всё поглотит?

ЮБ – Вот, не получается. Щедровицкий предполагал, что рано или поздно будет построена одна онтология, онтология Деятельности. Ну, так же, как онтология Природы или онтология Бога.

Из зала – Но это значит, что должно быть нечто общечеловеческое у всех людей.

ЮБ – Георгий Петрович полагал, что должно. Что деятельность – это как раз и есть «общечеловеческое». А после его смерти выясняется, что общего нет.

Из зала – Это – то же самое, что Вы сказали, что слово «человек» нельзя определять.

ЮБ – Нельзя определить.

Из зала – Так это же то же самое.

ЮБ – Что, то же самое?

Из зала – ...найти общечеловеческое основание...

ЮБ – Я и говорю, что нельзя найти. И отсюда вопрос: как жить (имеется в виду – рационально), когда мыследеятельностная онтология не сформировалась? Вот в этих обломках и осколках? Либо мы просто на уровне мнений и договоренностей, которые всегда кто-то будет пытаться ломать (а талибы специально говорят: «Ах, раз так, значит, мы, вообще, будем всех вас уничтожать»), либо методология должна дать какой-то мыслительный ответ.

Из зала – Подождите, ну, а как тогда предположение о том, что вот этот субъект?... Он же ведь тоже является рефлексивным и целенаправленным?

ЮБ – Конечно, и у всех разная рефлексия.

Из зала – Но...

ЮБ – Смотрите, и у всех разная рефлексия! У кого-то, допустим, у учёного Академии наук, рефлексия теоретическая. Он всё видит через теоретическую «призму». У какого-нибудь буддиста рефлексия, там, буддистская, и он знает про уровни посвящения и всё остальное, он на это ориентирован. С точки зрения его рефлексии всё то, что вы говорите, этого, вообще, не существует.

И нет вот этого «общего»: утверждается, люди живут по-разному. Вот тогда, когда мы все по дорогам ездим, талибы, или европейцы, или американцы, или русские на самолетах, на одних и тех же Боингах летают, нет проблем. Деятельностный подход работает. Все должны пройти через эти «просветительные» рамки безопасности, все должны садиться в кресла, все должны пристёгиваться – и талиб, и американский бизнесмен. Они все работают и живут одинаково в этих деятельностных структурах.

Из зала – А в Китае же, допустим, нет этой деятельности, дорожной. Они ездят там, как попало. У кого сигнал громче, тот и едет.

ЮБ – Но это не только в Китае – это и в Египте, и в Турции, и во многих других местах.

Из зала – Это я просто на примере.

Из зала – У них, с одной стороны, есть своя система. А, с другой стороны, когда едут, то этими сигналами обозначается ситуация, в которой все умеют ориентироваться.

ЮБ – Денис, когда они садятся в Боинг и летят в Нью-Йорк, всё! Там деятельностная машина, и там это всё работает, как СМД-методология прописала.

Из зала – Я к тому, что у них же там она не работает и, соответственно, как...

ЮБ – Я утверждаю другое. **Помимо вот этих массовидных популятивных деятельностных процессов, культурно нормированных и для талибов, и для американцев, есть ещё некие области жизни, которые по-другому устроены.** С одной стороны, Ольга говорит про то же самое: подвести общее основание нельзя. Договориться нельзя, как выясняется. Более того, чем больше договариваешься, тем, соответственно, хуже становится. Раньше, когда не контактировали с этим Афганистаном – есть он там, для американцев, нет его там, для американцев или для нас – вообще, без разницы было. А теперь оказывается, не без разницы, поскольку, что бы мы ни делали, у них одно на уме: наркотрафик, и всё! И всё через нашу страну в Америку. Всё! Договориться нельзя, поскольку они живут только на этом.

Из зала – Не только в Америку...

ЮБ – Нет. Конечно, бо́льшая часть по дороге остаётся.

Из зала – Вообще, с точки зрения психологии, нужно говорить об утрате ценностей у многих народов. Переориентация ценностей может поменять направление мышления.

ЮБ – Вы знаете, был такой Карл Мангейм, у него есть знаменитая книга, если мне память не отшибает, называется «Идеология и утопия». Мангейм – это очень известный немец. Он в XX веке жил, не знаю, сейчас живёт или нет, но перед войной написал эту книгу. Он написал эту книгу, и вся германская философская элита, даже социальная, очень сильно на него обиделась. Он в этой книге прописал такую вещь, что немыслимо было для немцев до того. В ней он утверждает, что в каждом социуме вырабатываются свои ценности, и под эти ценности формируется свое мышление.

То есть смотрите, в действительности, всё прямо наоборот. Если раньше считалось, что есть культура, и культура – всегда отделена от социальной жизни. Любой социум всегда находится под «прессом» культуры. А культура независима от социальности.

Мангейм это дело перевернул. И, в общем, обиделись они на него не зря. Он способствовал дальше тому, что мышление стало разваливаться и уничтожаться. **Как только культура попадает под пресс социальности, культура превращается в свою противоположность.** Как в нашей стране... Вы знаете, что такое в нашей стране «культура»? Это театры, библиотеки, и ещё Министерство культуры, т.е. начальники над этими театрами и библиотеками. То есть это всё оказалось полностью внутри социальных взаимодействий. И, следовательно, вообще, вся культура (т.е. образцовые, культурно нормированные способы работы в любых областях и отраслях деятельности) просто разламывается и уничтожается.

Уничтожается культура, уничтожается профессионализм, уничтожается всё остальное. Кстати, и ценности уничтожаются. Поскольку ценности сами по себе, без культуры, тоже либо не существуют, либо разваливаются.

Поэтому, если у Вас, Оля, «психология ценностей» является причиной чего-то, то это зря. Вот, если бы Вы придумали, как к психологии «пристегнуть» культурные нормы, которые были бы отделены от психики. Вот это было бы классно.

Из зала – Психология с методологией несовместимы.

ЮБ – А вот, и неправда это. Есть Виталий Яковлевич Дубровский, он уже довольно преклонного возраста. Он всю жизнь занимается инженерной психологией. И он это всё строит на основаниях СМД-методологии. До сих пор. Почитайте его тексты. Они есть и на сайте. Он недавно в Москве лекции читал, публичные. У него есть много работ про те же самые нормы. Что такое норма? Везде он работает как инженерный психолог.

Но двинемся дальше. Вопрос: **может ли мышление ассимилировать вот эту сложившуюся ситуацию? – он, в общем, не решен был СМД-методологией.** Поскольку СМД-методология выбрала, как и наука, хоть и не предметную направленность, но, в общем, тоже такой, достаточно узкий, слой жизни: когда мы все едем куда-то, когда мы все строим какие-то человеко-машинные структуры, когда мы работаем на компьютере... Я же не могу по-своему работать на компьютере. Он мне задаёт правила. Точно так же, когда я сажусь за руль автомобиля, автомобиль мне задаёт правила, как ехать по дороге. И если я не прав, то есть человек с палочкой, который тут же меня подправляет. А здесь (в компьютере), в случае моей «самодеятельности», есть другое: он просто либо вырубается, либо там другие механизмы срабатывают.

Отвечая на эти вопросы, мышление стало менять себя. И этот процесс начался очень интенсивно. Он начался еще в 1960-х годах, но в последние 20 лет превратился в очень интенсивный процесс. И изменения идут, по крайней мере, по трём направлениям:

- *во-первых*, мышление резко поменяло свою точку зрения относительно того, кто или что может мыслить, что может быть «мыслительной инстанцией»?

- *во-вторых*, поменяло отношение к инструментарию мышления или мысли;

- *в-третьих*, изменило способы использования понятий и категорий.

Сначала о том, что я назвал «мыслительной инстанцией». Утверждается такая вещь. Если СМД-методология предполагала, что мышление возможно лишь на достаточно замкнутых коллективах мыслящих людей. Как когда-то утверждалось? ММК – это такая группа людей, которая достаточно изолирована от всех остальных, как бы, на «Олимпе» находится, или там, где-то, в «башне из слоновой кости». Но, во всяком случае, не около станка, и не в студенческих аудиториях. И эта группа за счёт достаточно интенсивной, критической работы друг с другом, в ожесточенных дискуссиях вырабатывает вот эти крупинки мысли.

И утверждалось, что по-другому мышление, вообще, не может работать. Для этого куча обоснований приводилось. И я вам даже некоторые называл: что это было и у Декарта («невидимый колледж»), это было и у Аристотеля (он тоже не сам по себе

всё это придумал – для этого и существовал Ликей), и у всех остальных было нечто подобное, там, Венский кружок, и так далее. Это можно назвать псевдообоснованиями.

Соответственно, и в науке было то же самое. Учёный (это впрямую, и тоже не сегодня сказано) – это всегда тот, кто в «башне из слоновой кости», тот, кто никогда с грязными руками не ходит. Это – рафинированный интеллигент, основная задача которого – выработка знаний. Он отделён от практики. Так наша наука была построена, так вся Академия наук была построена...

Утверждается такая вещь: то мышление, которое сейчас складывается последние десятилетия, ещё раз повторяю, не только в нашей стране (в нашей стране само собой: весь бизнес и ещё много чего на этом построено), но и вся активная Америка и вся активная Европа движутся в этой же «струе». Они все в этом русле сейчас живут. Не так, как в учебниках написано.

«Организатор» – главная фигура этого типа мышления, одновременно является и тем, кто размышляет, и тем, кто действует (рис. 3.5).

И если, например, «учёный» вырабатывает знания, которые он обязательно должен каким-то способом передать «практику» (он так там, на рисунке и нарисован). Это обязательное разделение – «учёного» и «практика».

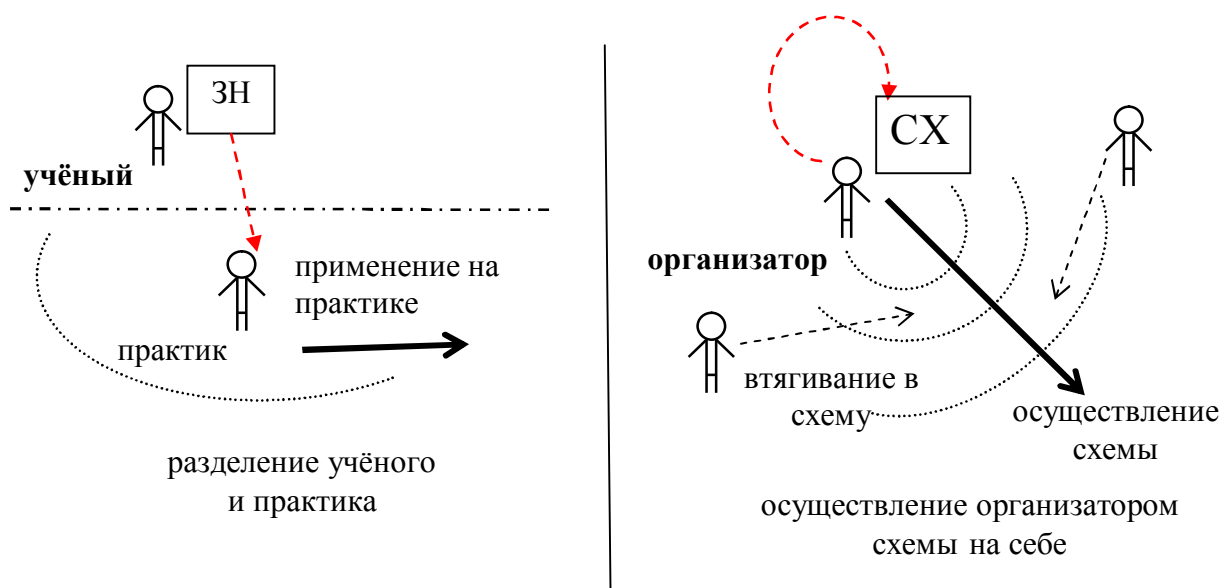

Рис. 3.5. Два типа работы мыслителей

И даже СМД-методология с её заходом на деятельность, всё равно была построена по этому же принципу. Приезжала команда методологов, отдельно от всех остальных. Собиралось 300 человек участников ОД-игры. И методологи искали способы, как передать те или иные мыслительные конструкции по устройству той или иной деятельности, или решения той или иной проблемы, этим самым практикам, которые собирались на игру. По тому же самому научному принципу и по принципу разделения это всё строилось.

То мышление, которое пришло на смену и научному, и этому СМД-шному, на котором сейчас и бизнес, и политика, и мошенничество, и многое-многое дру-

гое устроено, и все шоу-бизнесы, и весь бандитский организованный мир, и всё остальное – всё работает просто на другом принципе. Тот, кто мыслит и за счёт мысли вырабатывает определённую схему, эта схема – не для других, а для себя. Он сам «входит» в эту схему, собой же или своей группой построенную, и начинает её разворачивать, втягивая в её структуры, в её функциональные места и в её ход иногда очень большие массы людей. В некоторые схемы попадают даже целые страны и континенты.

И это делается, ещё раз повторяю, совсем на другом принципе. Ты начинаешь нечто организовывать и переорганизовывать, и туда попадают, как в капкан, люди, которые потом из него выбраться не могут. Но если ты ошибся (ты, который начал такое организационное движение), тебе мало не покажется. Примеров миллион.

Из зала – Сетевой маркетинг?

ЮБ – И сетевой маркетинг, и многое другое.

Вместо «научного знания» основным инструментом мышления становится «схема». Утверждается такая вещь (для этого специальные работы были проведены), что «схема» – это более фундаментальная вещь мысли, чем «знание», «категория», «понятие» и всё остальное.

«Схема» – это способ организации мыслительной инстанции. То есть схемой ты сам себя организуешь, и все, кто попадает в эту «орбиту», они, соответственно, туда же включаются. То есть организатор, применяющий для своей самоорганизации схему, использует разнородные сущности и творит новую реальность.

Смотрите, **если знание нужно передать, а реальность изнасиловать, чтобы вот эта идеальная конструкция там стала жить, то здесь всё совсем по-другому.** Совершенно другой заход. Ты начинаешь разворачивать новые формы организации, туда втягивается разнородный материал, люди, группы, государства и всё остальное, в зависимости от того, насколько мощна схема. И реальность меняется: люди начинают жить по-другому. Их не нужно перемалывать, не нужно огнём и мечом загонять в какие-то коммуны или, наоборот, в рынок. Они, просто, переорганизуются. И жизнь начинает быть устроенной по-другому.

Из зала – Как-то более природосообразно?

ЮБ – Нет, только не природосообразно.

Из зала – Где же он (организатор) работает?

ЮБ – Просто, схема задаёт новый порядок жизни.

Из зала – А люди что делают?

ЮБ – А люди вынуждены подчиняться этому порядку. Они просто попадают туда под разными предлогами – кто вынужденно, а кто – по собственной воле. Это мы будем специально обсуждать, у нас будет тема «Схематизация», а потом ещё тренинги. Мы это будем обрабатывать. Сейчас нет возможности в этот «аппендикс» уходить. Потому что вопросов много, и по любому поводу аналогичные вещи возникнут.

С «понятиями» и «категориями» то же самое. **Если раньше, в том числе, в рамках СМД-методологии, считалось, что понятия и категории складываются**

исторически, и люди не могут их делать, как делают вещи, то теперь и здесь всё меняется.

Вот ваш вопрос, помните? Вы говорили: «А понятие космонавта?» Да? Которое ещё, в общем, «без года неделю» существует. Оно исторически не сформировалось. Но в рамках этого мышления, которое сейчас очень бурно развёртывается, это совершенно запросто.

Во-первых, они (понятия) переосмыслены в том плане, что в них выделены соответствующие базовые схематизмы. То есть в каждом понятии, будь то «корова», будь то «космонавт», будь то, там, любое другое, которое исторически сформировалось – «демократия», «государство» и т.п. – внутрь обязательно вставлена какая-то базовая схема, как такой каркас, который, соответственно, это понятие заставляет определённым образом работать.

То же самое с категориями. Была выделена схема категории, и мы её тоже будем рассматривать.

Во-вторых, раньше считалось, что понятие не может быть таким, половинчатым. Если ты философ, ты должен любое понятие со всех сторон «обсосать» и рассмотреть. А в рамках этого типа мышления понятия целиком никогда не используются, вообще. Они используются частично, как такие «слепки». Ровно настолько, насколько нужно для реализации той или иной схемы. То есть, если нужно понятие демократии, то из него берётся ровно столько, сколько нужно для того, чтобы эту схему запустить и, соответственно, что-то переорганизовать.

Из зала – Например, выборы, да?

ЮБ – Да, например, выборы. А всё остальное просто выбрасывается за борт.

В-третьих, появилась возможность их строить технически. В рамках этого складывающегося типа мышления используются не общие понятия, а так называемые «рабочие понятия». Понятие «космонавт» достаточно легко построить, здесь нет особых проблем, но оно будет как «рабочее». Если, соответственно, оно нужно...

Из зала – Например, для определённой ситуации для определенных целей?

ЮБ – Да, для определённых целей, для того, чтобы определённую организацию осуществить...

Из зала – Типа показателей или индикаторов, да?

ЮБ – Нет, почему «индикаторов»? Точно так же, вот, смотрите, когда я говорю: вы вот здесь сидите, вы – не человек, Дима. От вашей человечности какая-то маленькая частица меня здесь интересует...

Из зала – Функциональная роль, да?

ЮБ – ...а остальное в моей схеме взаимодействия с вами вообще не играет никакой роли: женаты вы, не женаты? Есть у вас дети, нет? Плохой у вас характер, хороший? – вообще, без разницы. Какая у вас зарплата? Кто у вас, там, за границей живет, не живет? – меня это вообще не интересует. А интересует совершенно определённый срез, который здесь, на семинаре, нужен.

И так – во всём. Если мы строим схему, и в этой схеме в качестве материала задействованы столы, то мы от столов ждём совершенно определённой функциональности. Не всё, что с ними может быть связано, а совершенно определённой.

Например, если я строю схему ограбления банка, то для меня столы могут быть какой-то помехой, если придётся ноги уносить или ещё что-то делать. И я, соответственно, их буду встраивать в эту схему с совершенно определённой стороны. Остальное – какой цвет у них? Из какого они материала сделаны? – меня вообще не будет волновать. Вот, в этом смысле, как бы, частичность.

Из зала – А можно сказать, что вы «вырезаете» его как-то из реальности? Или нет?

ЮБ – Нет. Я беру часть функций, которые мне нужны. У него много функций может быть. Он может быть в одном месте товаром, это меня вообще не волнует. А если бы я придумал или использовал какой-то инструмент, который бы мне позволял летать над столами, когда мне надо будет смываться (как Джеймс Бонд, нажал на кнопку, раз! – и автомобиль превратился в летательный аппарат, или крылышки выросли, как у мухи), тогда меня эти столы вообще не будут волновать. Я их вообще не буду замечать как тот материал, который является значимым для реализации моей схемы.

Из зала – Юрий Михайлович, а чем построение «рабочего понятия» отличается от «идеального объекта» или «предмета»?

ЮБ – Мы на прошлом занятии обсуждали, что «предмет» – это всегда какая-то часть объекта, с которой ты сталкиваешься во время действия.

Из зала – Нет. А я не сталкиваюсь.

ЮБ – Сталкиваетесь.

Из зала – Я не сталкиваюсь, я не собираюсь с ними сталкиваться. Наоборот, меня они будут интересовать именно для того, чтобы я с ними не столкнулся.

ЮБ – Ну, вот, давайте, когда мы до схем дойдем, когда мы непосредственно их будем разбирать, там выяснится, что это – немножко другое. Там вместо этих столов будут пустые места с их функциями. Не будет там этого предмета, о который я ногой могу удариться.

Точно так же, когда я строю любую схему ухода от налогов или, там, схему «долларизации мира», которую американцы сделали и 50 лет прокручивали... Нет, даже 65 лет. Они же это строили не из предмета. И этим, соответственно, схема отличается от многих разных вещей.

Впервые схему выделил Иммануил Кант. Тогда он называл это «схематизмом сознания». Но, в принципе, это – то же самое, что и современная схема. Он схему выделил как «условие чувственности чистого понятия». Открываете «Критику чистого разума», там об этом буквально на первых страницах. Даже не надо слишком долго читать, поскольку читать, на самом деле, тяжело.

Из зала – Тяжёлый язык.

ЮБ – Да, тяжёлый, жутко тяжёлый язык. В чём смысл дела? Кант, когда поставил перед собой вопрос: «Как возможно научное познание?», он выделил, с одной

стороны, «чувственное восприятие» объектов, с другой стороны, он выделил так называемый «рассудок», который оперирует по определённым правилам с определёнными понятиями. Например, если ты считаешь что-то, используешь понятие числа, применяешь правила арифметики (сложил, умножил, подытожил), это работа рассудка. И, соответственно, был выделен третий слой – это «разум». Разум, который формирует вот эти самые понятия для рассудка, применяющего их к тому, что мы чувствуем.

При этом он столкнулся с тем удивительным фактом, что как ни анализируй, как ни вникай в эту самую интроспекцию работы своего сознания, понятия отделены от того, что мы чувствуем. Понятие стола – в одном месте, а то, обо что, как Дима говорит, можно как о предмет стукнуться – это совсем в другом месте находится. И между ними, вообще говоря, пропасть, «мембрана» такая стоит. Поскольку сознание отделено от «серого вещества» и, соответственно, понятия – в сознании, а в «сером веществе» ощущение того, обо что стукнуться можно. Спрашивается, это **как, сказав «стол» и, соответственно, представив себе стол, мы это совмещаем с этой деревяшкой?**

Кант утверждает: это совмещение осуществляется за счёт схематизма сознания, когда вот этот автоматизм происходит – ты сказал про понятие, и автоматически это «склеивается» с тем, что ты можешь ощутить.

То есть **схема есть условие того, что мы за счёт понятия можем ощутить то, что мы ощущаем чувствами**. И вот здесь (на рис. 3.6) это, как раз, нарисовано: схема – это условная такая «стрелочка»: от понятия, которое в одном слое, к слою чувственных ощущений, который в другом слое. «Схема» – это то, что соединяет их. Как молния стягивает одно с другим. Соединяет то, что у человека принципиально разделено.

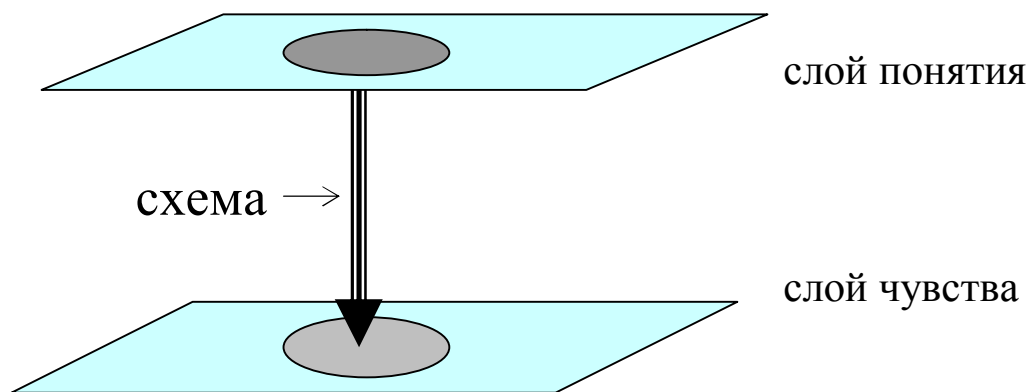

Рис. 3.6. Место схемы по Канту

Из зала – Он писал, что это врожденное свойство.

ЮБ – Да. Для него «схемы» – это были врожденными вещами. Сейчас, если бы Канту сказали, что, вообще-то, схемы строят, как автомобили, или как вот эти столы, в массовом порядке и в гигантских количествах, он бы, наверное, тоже не выжил. Потому что для него это было совершенно немыслимо.

Из зала – В отличие от нас.

ЮБ – Да, в отличие от нас. У нас теперь много чего другого.

Во всякой схеме можно выделить три таких слоя, как бы, одну и ту же схему расслоить на три плашечки (рис. 3.7).

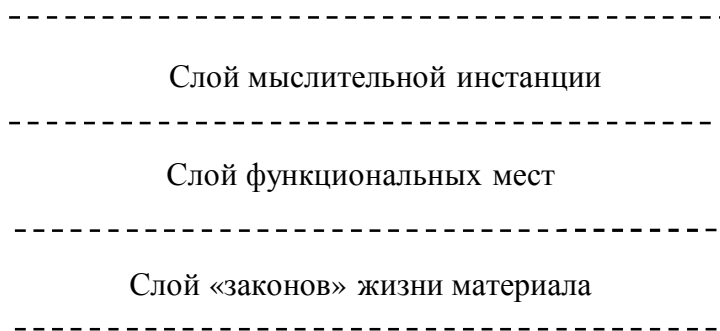

Рис. 3.7. Трёхслойная структура схемы

В одном слое в обязательном порядке это то, что мы фиксируем как «законы» жизни материала, причём, «материала» в самом широком смысле. Как институты живут или работают?

Из зала – Как социальный материал?

ЮБ – Да, социальный материал, физический материал, какой-то другой материал, без разницы понятия «материал». То есть любой материал, который не зависит от нас, и который мы должны учитывать как «естественно живущий». То есть «естественно живущий» – это живущий отдельно от того, кто эту схему строит и собирается по ней что-то переорганизовывать.

Из зала – Это рамки, ограничения?

ЮБ – Это – некое ограничение. То есть, если я строю схему ограбления банка, к примеру, то я должен учитывать, что охрана меняется с такой-то периодичностью. Это от меня, вообще, не зависит. У нее, там, определённый график, она что-то может, а чего-то она не может. И я, соответственно, выясняю возможности жизни этого материала в моей схеме. Например, если я собираюсь пробивать стены, то, соответственно, у меня должны быть представления, насколько это, вообще, возможно, и мой инструмент это позволяет делать. То есть здесь имеется в виду всё, что связано с жизнью любого материала, с которым я столкнусь.

Второй слой – это обязательно слой «функциональных мест». Вот, примерно, таким образом это, обычно, рисуется: масса кружешков, которые связаны друг с другом определёнными связями. И если, например, речь заходит о том, чем мы здесь занимаемся, и это функционализировать, то здесь тоже можно выделить несколько кружочков, в которых находится материал в виде вас, телесных, с соответствующими способностями и возможностями. А вот – отношения между этими местами, обозначается, обычно, чёрточками, соединяющими места.

Смотрите, ведь отношения – не между мной и Вами, или Вами и Денисом, а отношения между этим местом, которое я занимаю, и теми местами, которые вы занимаете. И это отношения – совершенно определённые. Я надеюсь, Вы это понимаете.

те, да? То есть то, что делается в этом функциональном месте, задаётся вот этими связями и отношениями, а вовсе не желанием того материала, который туда попадает.

И третий слой – это слой вот этой самой «мыслительной инстанции» – того, кто организует, или той группы, которая на себе собирает это всё переорганизовывать (в т.ч. этот материал) за счёт создания и обеспечения, или перестройки тех или иных функциональных мест.

Кстати, «маркетинг» – это в чистом виде схема. Сетевой маркетинг я имею в виду, про который вы спрашивали.

Из зала – Юрий Михайлович, я про системное представление думаю. На самом деле, я там то же самое могу сказать. Там очень много похожего. Система, которая тоже имеет похожие слои...

ЮБ – Ну, почему – «то же самое»?

Из зала – Есть же функциональные места, есть материал и есть процессуальные вещи. Или это просто кажется?...

ЮБ – Нет, это у Вас, знаете, Денис... Как это в психологии называется, когда у человека навязчивая идея? Всё через своё.

Из зала – Паранойя.

ЮБ – У него в диссертации была схема использована тоже из трех слоёв.

Дело в том, что эти слои... это же ведь как? Тут по-другому можно нарисовать: как вложенные друг в друга «матрёшки». Вот «материал» – это среда внутренняя. «Функциональная структура» – это то, что втягивает в себя материал и заставляет его определённым образом работать. А третье – это то, что функциональные места контролирует. Это контролирует функциональные структуры, а функциональные структуры контролируют материал... То есть это, как матрёшки, вложенные друг в друга. Когда такие этажи рисуют методологи, это всё равно, что вот такая «матрёшка».

Из зала – То есть получается, что функциональные места влияют на материал?

ЮБ – Нет. Они материал переделывают. Он на то и материал.

Из зала – А что такое «материал»?

ЮБ – «Материал» – это то, что инертно. Живёт по своим законам и, в лучшем случае, сопротивляется.

Из зала – Вы говорите, что, в нашем случае, «материал» – это наши способности или знания.

ЮБ – Да. Со способностями людей делают всё, что угодно. Даже круче обходятся, чем, например, с глиной, из которой керамические горшки делают. Из глины просто лепят. А здесь же вообще переделывают. Способности переделывают, начиная с такого возраста ребенка. И пока он дойдёт до кандидатской степени, у него столько раз переделают эти способности!... Если бы у Вас была поставлена рефлексия или интроспекция, Вы бы сами могли даже этапы выделить: где, когда у Вас какие были переломы и изгибы в способностях. Иногда просто с точностью до наоборот всё переделывается.

Из зала – То есть на практике меняют то, что учили в институте?

ЮБ – Да-да-да, и это тоже бывает.

Теперь несколько слов **о характеристиках понятия «схема»**. Мы будем ещё специально, наверное, целую лекцию про это говорить. Кое-что написано в зелёной книжке («Семь прикосновений к методологии»), у многих она есть. Там последний разделчик схемам посвящён.

Из зала – Седьмое прикосновение?

ЮБ – Да. Седьмое. Но, смотрите, «схема» – это не рисунок. Рисунок – это не схема, это «следы» некоего рассуждения, которое определённой схемой регулируется. Рисунок – всегда «следы» и остатки. А некоторые рисунки, вообще, к схемам не имеют никакого отношения.

«Схема» – это не проект. «Проект» – это то, что когда ты некий объект уже представляешь как законченную картинку, и «выбрасываешь» в будущее. Само слово «про» означает бросок вперед, в будущее, а «иект» – это положить. «Про-иект» – положить, бросить вперед. Так вот, «схема» – это не проект. Схема ничего в будущее не забрасывает, в принципе.

«Схема» – это не знание. «Знание» – это всегда о чём-то, что существует, а «схема» всегда пуста. Её, конечно, можно превратить в знание. Допустим, заставлять студентов выучивать схему, как устроено то же самое «знание». А потом спрашивать с них: где там дельта, обозначающая действие? Где натуральный объект? Где замещение? Где отнесение? – это будет, соответственно, такое, знаниевое, объектное представление. Но «схема» – это то, что порождает все эти объекты, в том числе, и порождает ту схему, которую мы с вами обсуждали.

«Схема» – это не знак. «Знак» всегда имеет денотат, то есть то, что обозначается этим знаком. Например, я написал знак «А» и, соответственно, у этого знака есть денотат, вот, этот звук, который я произношу: а-а-а. И это обозначает вот этот звук. У «схемы» никакого денотата нет, она ни к чему не привязывается. Она, просто, пуста.

«Схема» – не символ. «Символ» – это всегда натуральный объект, к которому привязывается определённый смысл. Например, государственный флаг. Вот, древко с тряпкой. И говорят, что это имеет большой государственный смысл, поскольку, когда президент приезжает в то или иное место, эта тряпка вывешивается, когда он уезжает, её снимают. Если военный идёт, он должен честь отдать этой тряпке. Когда его ставят рядом с этой тряпкой, он должен стоять смирно и даже не моргать.

То есть масса смыслов привязывается к любому символу. «Схема» не символична. Она, вообще, этих смыслов не несёт на себе. В отличие, допустим, от «слов» и «знаков», которые можно выстраивать в цепочки речи.

«Схема» ни с чем, вообще, не складывается. Это такая монада, говоря словами Готфрида Лейбница. Если кто не знает, почитайте: есть у него такая классическая работа, называется «Монадология». «Схема» – это некий такой, целостный организм, монада мышления и деятельности, позволяющая работать с разнородным материалом и его организующая определённым образом.

Из зала – «Разнородный материал», что значит?

ЮБ – Это означает, что в схему могут втягиваться люди, вещи, знаки, понятия – всё, что угодно, что порождается из разных мест.

Вот, смотрите: **наука может работать только с однородными вещами**. Они всегда плоские, однопредметные и однородно сделанные. Если в науку привносишь из другого предмета какую-то вещь, там либо наука рассыпается, либо она выталкивает эту вещь, либо она находит способ превращения её в свою вещь.

«Схемы» ничего не переделывают. Они втягивают только то, что нужно, и это могут быть совершенно разные вещи. Начиная с самой одной из первых схем, которую придумал Платон, разделив пространство горизонтальной чертой, и сказав, что здесь (сверху) мышление (эйдосы), а здесь (снизу) вещи. И между ними черта. Смотрите, «идеи» – это не вещи, и «вещи» – это не идеи, а схема одновременно удерживает и разделяет то и другое.

Весь европейский мир 2,5 тысячи лет бегает то туда, то сюда, то туда, то сюда. То вместе, то по раздельности, то это – идеализм, то это – материализм. Когда сверху переходы выстраиваются, это называется «идеалистической конструкцией», Когда наоборот – материалистической. Но в любой схеме всегда вещи разнородны. Если они не разнородны, то это превращается в предметные конструкции.

Рефлексия схем показала такую, совершенно удивительную вещь: **схемы и раньше лежали в основе всех (абсолютно всех!) общественных явлений**. Только наука со схемами не работает. Их никогда не видела. И точно так же, как физика не видит многих вещей, относительно которых не построены соответствующие идеальные конструкции, в наших науках схемы не видны.

Хотя выясняется, совершенно парадоксальное (с точки зрения науки)... Некоторые, например, думают, что «гражданин» – это человек с фамилией. До XVIII века никаких граждан не было. Была построена специальная схема, она была «посажена» на сознание людей, и люди, действующие по этой схеме, становились гражданами, у которых появлялись права, у которых появлялись обязанности и всё остальное, что с гражданством связано. Ты – гражданин одной страны, а другой страны – не гражданин, и так далее.

«Юридическое лицо» – это тоже определённая схема, но только такая, которая «сидит» на целой организации. И эта организация работает по данной схеме: она что-то может, чего-то не может.

Любой «коммерческий договор», даже самый простейший – это когда-то бывшая схема, которая материализовалась в этом договоре.

Любой «банк», любой «вуз», любое «государство», «суд»... Всё, что угодно, всё, с чем мы имеем дело – это всё содержит в себе совершенно определённые схемы, по которым вот эти структуры работают.

Из зала – А чем от «понятия» отличается?

ЮБ – Всем отличается. Поскольку любое «понятие» тоже содержит внутри себя вот этот схемный каркас, каркас – логический.

Из зала – А чем от «системы» отличается?

ЮБ – И «система» – тоже по определённой схеме построена. Внутри любой системы есть соответствующий схематизм. Денис Анатольевич на этом диссертацию

защитил, взяв готовый схематизм, и приложив к соответствующему предметному материалу, наполнил «мясом» этот каркас.

Вот, смотрите, всё то, что перечислено, и что не перечислено, что сами вы можете придумать тут же в любом количестве, поскольку всё вокруг, что касается общественных вещей, всё содержит в себе соответствующий мыслительный и действительный схематизм.

Кстати, наш университет за 20 лет превратился в то, во что он превратился, за счёт совершенно определённой схемы. И её достаточно легко вычленить. Хотя, может быть, ректорат про это и не знает. Но они действовали совершенно определённым образом.

Из зала – Они не рефлектируют? Не всегда рефлектируют?

ЮБ – Не всегда, да. Поскольку они внутри схемы сидят. Иногда эта схема может случайно складываться или постепенно, исторически. Так, как бы, выкристаллизовываться. Но те, кто её создал, и кто в ней движется, даже – успешно движется, далеко не всегда могут отрефлектировать это.

Из зала – То есть схема необязательно порождается организатором?

ЮБ – Нет, она может за счёт движения, шаг за шагом разворачиваться.

Из зала – В смысле, он не знает, что там дальше?...

ЮБ – Нет. Схема задаёт определённый порядок работы. И он либо становится успешным, либо неуспешным. Вот у этого университета он оказался успешным. И я ещё раз утверждаю: можно вычленить эту схему и, допустим, какому-нибудь проректору или ректорату в целом её показать. И они очень удивятся. А может быть, и не удивятся.

Из зала – А «успешность» как определяется?

ЮБ – Ну, смотрите. Здесь было 1,5 тысячи студентов, сейчас 30. Было 1,5 тысячи студентов и вуз на ладан дышал...

Из зала – Такой маленький был?

ЮБ – Да, был всего один корпус, а сейчас 60. И так далее по любому поводу. Одни погибают, а этот всё время растёт.

Вот это всё – материализация и легализация бывших когда-то чьих-то схем, или «следы» схем. Чаще всего это даже, в общем, как-то и не выделяют.

Более того, сам человек и то «человеческое», что на биоиде «сидит», это тоже совокупность (у разных людей разная совокупность) до семи разноуровневых схем. Есть некий биологический материал, вот так я нарисую, «скелет» человека, а на нём «сидит» до семи уровней разных схем. Первая – это «родовая», самая первая, которая «садится» на младенца. А самая последняя – это «мировая», если человек начинает себя считать принадлежащим к какому-то миру, как талибы, например. И ещё там целый ряд между ними.

Утверждается также, что если нижележащая схема противоречит вышележащей, то возникают разного рода расстройства, в том числе, и психические. Все идиотизмы, все прочие другие психические отклонения – это отсюда. Это к «серому веществу» не имеет никакого отношения, к психике. Психика – это вещь биологическая и,

в общем, психика – это такая «антенна», которая удерживает вот это всё небиологическое. А вся «человечность» вот там, над. А не сам биоид. И были эксперименты, когда начинали снимать, сдирать одну за другой эти схемы, т.е. разрушать их у человека. Получались очень печальные последствия. Человек переставал быть человеком.

Из зала – Каким образом это делалось?

ЮБ – Ну, есть техники. Я ими не владею, но Попов утверждает, что такое делалось... В том числе, на играх это делалось, и в том числе, увозили в сумасшедший дом людей.

Из зала – И в концлагерях, я думаю, тоже это делалось.

ЮБ – И в концлагерях, наверное, делали.

Из зала – Ну, и зачем это делали?

ЮБ – Исследовательский запал! Он же ведь неистребим в людях. Взять и посмотреть, а что будет?

Из зала – Проводились такие, своего рода, эксперименты?

ЮБ – Да-да.

Из зала – «Схема» – это же некая идеализация.

ЮБ – Нет. Вот, смотрите, Попов говорит, что если одна из схем начинает противоречить другой, то, например, одни какие-то способности, хоть ты тресни, всё равно не будут развиваться. Например, иногда говорят, что у такого-то человека нет музыкального слуха, «медведь на ухо наступил». Это всего лишь означает, что какая-то из схем «села» не та, которая должна была для того, чтобы, соответственно, музыкальные способности проявились. Или, например, хоть застрели, у человека с математикой, вообще, ни в какие ворота не лезет. Всё – то же самое.

Из зала – Тогда ничего врожденного нет?

ЮБ – Врожденного нет. Человек рождается кусочком мяса. Но...

Из зала – Чистый лист?

ЮБ – Нет, нет. Насчёт «чистого листа»... Такие предположения тоже делались, например, Джоном Локком. Но, смотрите, ведь есть же ещё генетическая память. И это мы тоже знаем. Если на протяжении нескольких поколений людей повторялись одни и те же события или вещи, это откладывалось в генетической памяти. Но в нашей быстротекущей жизни генетическая память всё меньшую и меньшую роль играет. Поскольку раньше у нас столетиями ничего не менялось, и это, соответственно, всё закреплялось биологически.

А современный человек теперь уже не тот, что был раньше. Он лишился инстинктов, он лишился рефлексов, он лишился эволюционных изменений, он многого чего другого лишился, что есть, например, у животных. А вот эти вещи (показывает на схемы), они очень серьёзные в жизни людей.

«Схема» – самый мощный на сегодняшний день инструмент мысли и действия. Схема – это такая штука, которая не чувствительна для социальных институтов по той простой причине, что институт сам внутри определённых схем находится. Любой институт. Будь то институт суда или любой другой институт. А поэтому современные социальные институты, например, юридические институты, они, вообще,

не могут реагировать, например, на мошеннические схемы. Стоит только неадекватно начать действовать, не по правилам института, институт этого не чувствует и не видит. А если чувствует, то задним числом: когда там что-то уже пропало, тогда в законодательство вносят поправки, которые блокируют в будущем соответствующую лазейку. Но только задним числом, когда уже поздно.

Поэтому этим инструментом мышления, в первую очередь, воспользовались, естественно, мошенники самых разных пошибов, начиная от банального ухода от налогов, и кончая, в общем, гораздо более серьёзными вещами.

Можно привести примеры известных схем, начиная от простейшей «схемы обратной связи», которую Норберт Винер построил, разрабатывая систему автоматического наведения орудия на летящий самолет. Он специально схему не строил, он потом её рефлексивно выделил. Когда он выделил схему обратной связи, вот этот принцип, на котором работал автомат по наведению зениток, потом эту схему взяли, наложили на социальный материал и «обнаружили» в обществе обратные связи. Наложили на психику (как Оля нам тут говорила, что «рефлексия – это обратная связь»), вдруг она стала на психике видна, и так далее.

Никаких «обратных связей» в реальности не существует. Это некий способ организации разнородного материала – так, как это сделал Винер с совершенно разнородным материалом. «Орудие», «сигнал», там, «система коррекции» входящего сигнала – он эти вещи определённым образом соединил, появился автомат, то есть самоуправляющаяся, самонаводящаяся машина.

«Схема акта деятельности» – это простейшая схема деятельности. Её изображение, наверняка, вы видели. Она в зелёной книжке есть.

«Схема воспроизводства деятельности и трансляции культуры», это аббревиатурой написано (ВДиТК).

«Схема знания», мы с вами её разбирали. Совершенно разнородные вещи в себя включает. С одной стороны, объекты, с другой стороны, действия, с третьей стороны, интенции – соотнесение, замещение, с четвертой стороны, знаковые формы и операции с ними.

«Схема Ротшильда» – одна из первых схем, которая была специально построена и реализована практически. Знаете, как она была построена? Нет? Знаете, да, Сергей?

Из зала – С банком что-то связано?

ЮБ – Нет, что Вы? Нет, конечно. Это – 1815 год. Это было перед битвой под Ватерлоо, когда Наполеон готовился дать последний бой. А у Натана Ротшильда было такое увлечение: он занимался почтовыми голубями, разводил их долго. Вообще, был известен этим. А с третьей стороны, была лондонская биржа, на которой он купил немножко государственных облигаций. А там был очень большой государственный заём выпущен для войны с Наполеоном. И он решил эти вещи совместить и на этом разбогатеть. Он распустил слух, что он самый первый узнает о том...

Из зала – Кто выиграл, кто проиграл?

ЮБ – Да, кто выиграл или проиграл. Поскольку местечко Ватерлоо в Бельгии, а он жил в Лондоне, он прекрасно знал, что его голубь долетит до Лондона гораздо быстрее, чем доедет почтовая карета. Никаких телефонов, как известно, тогда не было. Для этого он отправил своего человека с голубями к месту предстоящей битвы. Соответственно, как только финал стал известен, голубя выпустили, и голубь прилетел в Лондон на 6 часов раньше, чем приехала почтовая карета. Соответственно, Ротшильд узнал об исходе битвы задолго до других.

Узнав о победе союзных войск, он пошёл на биржу. Но поскольку он точно знал, что все за ним следят, и от того, что он будет делать, они (биржевые игроки) на это среагируют определённым образом. То есть, если он начнёт сбрасывать эти бумаги, значит, Англия проиграла, Наполеон выиграл. Если он начнёт скупать, значит, Англия выиграла, Наполеон проиграл. Потому что, если Англия проиграет, государственные бумаги английского двора ничего не будут стоить. Если Англия выиграет, бумаги взлетят в цене на бирже.

А он пошёл и стал действовать прямо наоборот. Вместо того, чтобы, соответственно, скупать, он стал сбрасывать, причём – по бросовым ценам. Он стал делать вид, что Наполеон выиграл, и все тоже стали сбрасывать. А через подставных людей он это всё скупал. Когда через 6 часов карета приехала и все узнали, что Наполеон вдребезги разбит и, соответственно, цены этих бумаг взлетели, они все были уже у Ротшильда, за копейки купленные.

Можно нарисовать эту схему, но это будет «след» его мыслей и его действий. А то, как он замыслил и как он действовал, это и есть схема. И, смотрите, он втянул совершенно разнородные вещи и так их скомпоновал, что получил то, что нужно.

Из зала – Гениально!

ЮБ – Абсолютно гениальная вещь.

Из зала – А он мог нарисовать эту схему до того, как это сделал?

ЮБ – Нет, пожалуйста. Он мог, конечно, нарисовать. Но вряд ли он её рисовал, но он всё продумал. Кстати, он ничем не рисковал, даже если бы Наполеон выиграл. То есть он просто пришел бы на биржу и стал бы делать наоборот: вместо того, чтобы сбрасывать, он начал бы скупать.

Следующий известный пример «Схема Билла Гейтса», на которой он стал одним из самых богатых, а может быть, и самым богатым человеком мира, тоже проста как лапоть. Если кто не знает, я написал книжечку, которая называется «Занимательные финансы», можете про это прочитать. Просто, времени мне жалко, давно уже сидим.

Все схемы ухода от налогов. Схема «долларизации» мира. Если кто не знает, есть на моём сайте моя же статья, где эта схема детально расписана: что сделали американцы со всем миром. «Обули» всех нас со страшной силой, и заработали на этом просто невиданные богатства. Просто, несопоставимые ни с чем! Тоже схема относительно проста, но оказалось, что в неё втянуто полмира. И до сих пор не могут освободиться, вырваться. Эти «зелёные бумажки» уже давно ничего не стоят, но все, как сумасшедшие, за ними гоняются. Да ещё и курс всё время растёт.

Наука схемами не пользуется по одной простой причине: она сама внутри определённой схемы находится. Поскольку рефлексия у учёных не развита, не учили, они не могут отразить, как наука работает, на каких принципах. Но она работает по совершенно определённой схеме.

Зато весь современный бизнес и политика (и у нас, и на Западе) – все, стопроцентно, построены сейчас на схемах. Если ты схему не строишь, ты ничего не получаешь. Или тебя вставляют в какую-то другую схему, если ты пассивен.

Вот, когда поняли, что наука вместе со знанием построена на определённых схемах, новые науки перестали создавать. Новые теории перестали строить давно, лет 20 уже нигде в мире не строят. Это совершенно устаревшая вещь и совершенно ничтожная. Пока вы пишете диссертацию с какой-нибудь научной теорией, всё это устаревает. Меняются и все объекты, относительно которых вы пишете. Может быть, кто-то, разве что биолог, может какую-нибудь построить конструкцию. Хотя и это уже вытеснено биологической инженерией. И вы сами (обращаясь к биологу Руслану Равильевичу) об этом говорили. Все учёные работают по заказу соответствующих инженеров – либо технических инженеров, либо биологических, либо психологических, либо каких-то других.

Стала бурно развиваться общественная инженерия, причём в самых разных её проявлениях. Просто совершенно невиданными темпами это развивается: социальная, финансовая, политическая, педагогическая, психологическая... Вот «психологическую» я назвал, но на самом деле её надо было назвать «инженерной психологией». Не «психологической инженерией», а «инженерной психологией».

Кто всего этого не видит и не понимает, тот страдает: либо мучается с диссертациями и не знает, что с ними делать, как дописать; либо, вообще, напрямую страдает, поскольку обязательно втягивается в какую-нибудь схему и начинает другими определённым образом использоваться. Всё, что вокруг сейчас делается активными людьми, это всё делается на схемах... Начиная от элементарных выборов. Употребляют там такое нейтральное словцо, которое мало о чём говорит – «выборные технологии». Но в действительности, строят определённые схемы, их прокручивают, и получают тот результат, который нужно, а не тот, который случайный. А если начинают «почестному» играть, то получают совершенно не тот результат, на который рассчитывали. В нашей области это несколько раз делали. Решили по-честному сыграть или, вообще, совершенно по-дурному, «перегнули палку».

А кто понимает, тот, соответственно, пользуется открывающимися возможностями. Возможности, на самом деле, невиданные. Если овладеть этим инструментарием, то...

Но здесь, как говорила Ира, появляется очень большая ответственность, которую прочувствуешь на своей шкуре.

Из зала – Почему раньше тогда активно не пользовались построением схем?

ЮБ – А не нужно было. До тех пор, пока это всё не привело к тому, что мышление просто начало рушиться... А человечество не может жить без мышления, особенно европейское человечество. **Мышление, сопротивляясь своему разрушению,**

в рефлексии вынуждено было выделить свои более базовые основания, чем были до того. И ими оказались схемы.

Из зала – А Ротшильд?

ЮБ – Нет. Идеи задним числом можно нащёлкать сколько угодно. Я очень сильно подозреваю, что даже когда Ротшильд строил свою конструкцию, он её не рефлектировал как схему. Он просто построил трюк.

Из зала – Продумал.

ЮБ – Да. Придумал и построил трюк, как обмануть толпу биржевиков. А задним числом это отрефлектировали и оказалось, что она в чистом виде под все формальные критерии устройства схемы подходит.

То же самое с Джоном Ло было в 1716 году. Это тот человек, который в Париже выпустил первые бумажные деньги. Они 4 года ходили, эти бумажные ассигнации, а затем всё развалилось. Вот, теперь задним числом можно отрефлектировать, что это тоже была схема, но только не до конца хорошо продуманная. Но принцип тот же самый. Он придумал такой трюк: выпустить бумажки, обменять эти бумажки на золотые монеты, которые ходили в качестве денег в Париже и в его окрестностях, золотые деньги вложить в создание флота, который он хотел пустить в трансатлантические переходы туда-сюда для торговли с французскими штатами Северной Америки – Луизианой и прочими. Соответственно, туда возить французские товары, а оттуда – индейское золото. Ну, и думал, что когда оттуда привезёт много золота, он потом эти бумажки выкупит. Но этого не случилось, всё развалилось по ходу. Но замышлялось как схема, такая, первая предпринимательская схема.

Из зала – То есть он хотел по-честному, а получилось так, как получилось.

ЮБ – Ну, да, там пустили слух, что, на самом деле, у него золота нет... Он же ведь построил первую «финансовую пирамиду». После него ещё миллион их построили. А он был первым: каждую неделю на один луидор повышал курс своих бумажек. Сначала продал один к одному: 10-луидоровую бумажку за 10 золотых луидоров. Но пообещал через неделю выкупить уже за 11 золотых каждую десятилуидоровую бумажку. Когда неделя прошла, он говорит: «Давайте, я выкуплю, но одновременно я выпускаю новый транш, а через неделю его уже за 12 выкуплю. Вместо того, чтобы пойти и сдать бумажки, люди выстроились в очередь. И так 4 года курс рос, рос, рос и в 40 раз вырос по сравнению с тем, что было до того. А поскольку деньги были пущены в строительство флота, у него, на самом деле, золота к тому времени уже не было. Он блефовал, он просто играл на жадности людей. Но кто-то, видимо, решил ему ножку подставить, пустил слух, что у него золота нет, и что он блефует. Ну, они все как кинулись с этими бумажками в банк, который выпускал ассигнации... Говорят, там море народу передавило. Они сами передавили друг друга.

Из зала – Мавроди делал то же самое.

ЮБ – То же самое Мавроди делал, но уже в наши времена, в 1992-ом. А таких «МММ» было, говорят, больше тысячи только в России в 1990-х.

Так, у меня всё. Это как бы такая канва. Дальше у нас в следующий четверг лекции не будет, потому что будет праздник. Видимо, будет через 2 недели. Через две

недели последний лекционный блок, и там будет много разных отдельных техник. Начнём с рефлексии. Потом будет и про понимание, и про схематизацию, и про проблематизацию, и про другие техники. И я попытаюсь обсуждать уже концентрировано то, что в ММК-шной методологии было сделано. В значительной мере это уже последние веяния.

Я пока не знаю, сколько лекций ещё будет. Может быть, три. Может, четыре.

А потом я надеюсь, что мы дойдем до попыток какой-то практической работы. Сначала, может быть, на каких-то практических упражнениях. Во всяком случае, всё то, что я проговаривал, и ещё буду проговаривать – это на слух, я с самого начала предупреждал, почти не передаётся. Это не грипп, и схватить «воздушно-капельным путём» это вряд ли удастся. Поэтому нужно пробовать, и как бы на кончиках пальцев осваивать...

Может быть, мы (я надеюсь, что всё-таки это случится) придумаем какие-нибудь тренажеры, тренинги, игровые ситуации, где, в общем, попытаемся в действии попробовать те или иные фрагменты лекционного материала. В общем, вот так, такие планы. Какие есть вопросы?

Из зала – Юрий Михайлович, а вот ГП писал, что схемы формируются исторически.

ЮБ – А у ГП и, вообще, в этой длинной, пятидесятилетней эпопее ММК, у них схемы формировались в очень мучительной работе, десятилетиями. Вот какая-нибудь схема акта деятельности складывалась лет 30. Он утверждал, что схемы, как и категории, формируются исторически за счёт работы очень многих людей. Если плотно работать, то – за десятилетия, а вообще-то говоря, за многие столетия.

Из зала – Но они-то рефлексировать пытались то, что уже есть, да?

ЮБ – У них всего пять схем. Вся СМД-методология на пяти схемах построена.

Из зала – Схема акта деятельности, схема...

ЮБ – ...воспроизводства деятельности и трансляции культуры, схема знания, схема предмета, и ещё какая-то.

Из зала – Системы, наверное?

ЮБ – Нет, не системы.

Из зала – Схема управления?

ЮБ – Да, оргтехнического отношения, или – управления. Вот и всё. И больше никаких.

Из зала – И никаких использований?

ЮБ – Нет, любая схема там – это схема-принцип. Это – схема, задающая принцип работы. Эти принципы работают везде, где есть практическая деятельность. А сейчас же научились, просто, по поводу и без повода, ситуативно строить схемы.

Из зала – Как рабочие схемы?

ЮБ – Да, как рабочие. Тебе нужно пройти ситуацию, ты строишь схему и её проходишь, после этого она разваливается. Как у того же Ротшильда. Её повторить часто бывает невозможно, в принципе. Она – одноразовая, как шприц.

Из зала – То есть, как бы, проект получается.

ЮБ – Нет, «проект» – это когда ты точно знаешь, что должно получиться. Что такое «проект дома»? Ты его рисуешь, а потом находишь условия, как его в натуре получить – то, что ты заранее знал. А здесь (в схемах) нет этого.

Вот, допустим, схема, которую прокрутили американцы в Югославии, расчленив её на части. Они не знали, чем кончится, не было проекта. Но они добились своей цели: там установился новый порядок.

Из зала – Схема сама исчезла, а новый порядок остался?...

ЮБ – Схема сама исчезла, а результат вот тот, который есть. Да.

Из зала – Тогда получается, что схема – это некий аналог плана?

ЮБ – Нет.

Из зала – А в чём тогда заключается отличие?

ЮБ – А «план» при других условиях делается. «План» возможен, когда есть разные участки работ, когда эти участки работ закреплены за исполнителями, и когда это всё накладывается на соответствующие ресурсы и на временной ряд. И каждый знает, когда, что, с помощью чего делать. Тогда получается план. Все советские планы так были построены. Как только рассыпается общая конструкция (распределение работ между всеми, и увязка их друг с другом), планирование становится невозможным.

А «прогнозирование» возможно в третьей ситуации, когда есть законосообразные процессы, и когда ты можешь экстраполировать или ещё что-то просчитывать по определённому закону, и в будущее заглянуть. Например, можно прогнозировать погоду. Но нельзя прогнозировать действия бизнесмена, он незаконосообразен. Он тебе сделает вид, что будет действовать так, а сделает наоборот, как Ротшильд. Вот его прогнозировать нельзя было.

Из зала – Ротшильд знал, какой результат получится? В принципе.

ЮБ – Он-то мог прогнозировать, поскольку все на бирже играли по известным правилам.

Из зала – Нет, он же не знал, насколько это ему удастся.

ЮБ – Но, в принципе, схема результат не предсказывает. Результат неизвестен. Но определённый порядок и определённую организацию она всегда задаёт.

Из зала – А как получить нужный результат?

ЮБ – Ну, вы, как наши милиционеры. Помните, я вам байку про каратиста, рассказывал? На результат не смотрите. Не нужно на результат смотреть. Принципиально не нужно смотреть на результат. Нужно смотреть на структуру действий.

Из зала – Да, но всем нужен результат.

ЮБ – Результат сам вывалится.

Из зала – Понятно. Но он же предполагал это. Не просто же он так...

ЮБ – Я вам про Фому, а вы про Ерему.

Из зала – Ну, давайте разберёмся.

ЮБ – Мы разберёмся, когда дело дойдёт до схем. Не волнуйтесь.

Так, всё. Всем спасибо.

4. РЕФЛЕКСИЯ: ФЕНОМЕНАЛЬНО-СМЫСЛОВОЕ ВВЕДЕНИЕ И ОБЗОР ИСТОРИЧЕСКИХ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ

ЮБ – Сегодня 11 ноября и у нас шестой семинар и четвёртая лекция. Первые три пункта нашего плана мы худо-бедно за три лекции прошли. Я не знаю, что у вас осталось в головах от этого дела, но дальше у нас начинается основной блок, который называется «Основные методологические техники». Первым пунктом в этом блоке стоит нечто под таким, достаточно странным названием – «Рефлексия».

«Рефлексия» – одна из основополагающих и, наверное, важнейших техник, которые используются в методологическом мышлении. В этой лекции у нас будет три подраздельчика, первые два из которых – «Феноменально-смысловое введение» и «Обзор исторических точек зрения на рефлексию» я намерен обсудить с вами сегодня. А оставшуюся, третью часть – «Механизмы методологической рефлексии» (это, может быть, будет самое сложное и для вас, и для меня) мы оставим на следующую неделю. Сегодня я до неё, по всей видимости, не дойду. А если дойду, то вы просто все умрёте, потому что это будет тяжело.

Ну, и вы на время поглядывайте, как только понадобится перерыв, или через час двадцать, где-то в районе 17 часов, мы сделаем перерыв.

Первое, что я назвал «феноменально-смысловым», то есть это то, с чем вы (я просто уверен) регулярно сталкиваетесь, к этому относитесь достаточно осмысленно. Но поскольку у нас рефлексии нигде не учат, то, может быть, не понимаете, с чем имеете дело... А не учат уже давно. В нашей стране, по крайней мере, лет сто, в других странах, может быть, поменьше, но тоже...

«Рефлексия» имела достаточно необычную историю. Как техника мышления она появилась ещё у древних греков. Во всяком случае, у древних греков это точно было зафиксировано. Но как самостоятельная организованность мышления, как то, что можно выделить, каким-то образом описать, как-то обсудить, рефлексия была оформлена как самостоятельное «нечто» в мышлении достаточно недавно. Это связывается с именем Джона Локка. То есть XVII век.

Начиная с XVII века, рефлексия очень бурно развивалась, причём с самых разных сторон. А потом, где-то в конце XVIII – начале XIX века про рефлексию просто все забыли. Напрочь, забыли, в т.ч. и в Европе. Это связано было с тем, что современная предметная наука в разных своих предметностях рефлексию избегала и всячески её изживала, вплоть до середины XX века. А в XX в. этот вопрос вдруг встал в повестке дня опять, и в Европе, и в Советском Союзе.

Наука таким образом себя построила, что рефлексия ей была не нужна. «Рефлексия», с точки зрения науки, – это вещь разрушающая. Наука изобрела другой способ жизни, позволяющий обойтись без рефлексии. Хотя, в общем, эта вещь, как вы скоро заметите, не просто важная, а во многих случаях, вообще, определяющая. Без которой мысль вообще не может существовать. Наука научилась «выстреливать» людей под свой предмет. Так построено предметное обучение в школе, потом в ВУЗе, потом непосредственно в практической деятельности научного исследования. Не че-

ловек там активное существо, а, наоборот, тот предмет, под который человека, как Буратино, «выстругивают» и вставляют, как ключ. в «замочную скважину».

Вот Вы (обращается к Руслану Равильевичу) нам только что, сейчас, перед началом семинара говорили, что Вы никак не можете понять: почему в вашей научной области и ваша теория работает, и другая, альтернативная теория тоже работает? – это означает только одну вещь. У Вас как у научного работника истребили рефлексию, и вы видите только свою теорию. И удивляетесь, почему другая теория не хуже работает. А те, в свою очередь, то же самое: удивляются относительно Вашей теории.

А рефлексия предполагала бы (если бы в биологии и в других науках эту вещь ставили как технику мышления) необходимость выхода к основаниям теорий. И тогда бы Вы увидели, что ваша теория построена на одних предположениях, а другая теория построена на других предположениях. Те и другие – не противоречат друг другу и относятся к одному и тому же объекту, только, как бы, с разных сторон.

Но наука это делать запрещает. Причем, не только ваша, биологическая наука. Это и экономическая наука рефлексию полностью уничтожает, и в современной психологии, как нам Ольга говорила в прошлый раз, считается ругательным словом и так далее.

И тем не менее, с 1960-х годов XX века рефлексия стала резко популярной, но только, так скажем, в «узкой среде» философов и методологов. Наука до сих пор эту вещь игнорирует. И не просто не придаёт ей значения, а вообще, старается от этого избавляться любыми способами.

Сначала, чтобы вы могли почувствовать, насколько разнообразно можно про рефлексию думать, говорить, мыслить, я представлю шесть разных точек зрения (это далеко не все, я выбрал только некоторые), которые задают феноменальность самому этому явлению, называемому «рефлексией».

Всё началось с Джона Локка. И Джон Локк считал рефлексию базовым механизмом сознания. Про него мы ещё будем говорить, равно, как и про суть этого базового механизма.

В отличие от него, вся немецкая философская традиция, начиная с Лейбница, потом Кант, потом Гегель, потом Гумбольдт, Шеллинг и все другие (за исключением Ницше, Шопенгауэра и некоторых других, уже почти современных), была направлена на борьбу с тем, что ввёл в качестве «рефлексии» Джон Локк. И основное зерно этой борьбы с представлением рефлексии как механизма сознания состояло в том, что **Джон Локк представлял рефлексию как отражение**. Он, кстати, и сам термин выбрал совершенно неслучайно.

Этимология слова «рефлексия» идёт из древнелатинского языка. «Reflexio» – это «повёрнутый назад» или «отраженный»; «reflexus» – это была просто внутренняя часть залива, которая построена вот по такому принципу (рисует береговую линию в виде дуги)... Вот внутренняя часть залива, здесь где-то море, а это берег. Этот залив отражал волны совершенно определённым образом. Это у них называлось «reflexus». Отсюда потом появился «рефлектор» – отражатель любого осветительного прибора, который тоже по этому же принципу построен: он собирает лучи в фокус.

И Джон Локк это слово взял на вооружение, хотя оно, как вы видите, никакого отношения к сознанию изначально не имело. Через много-много столетий он выкопал это слово из латинского языка и придал ему совсем другой смысл – смысл того, что сознание отражает деятельностный опыт человека, и за счёт этого вырабатывает идеи в его сознании. То есть сознание было таким, пассивным отражателем того, что в опыте любого человека существует.

Начиная с Лейбница, который был категорически не согласен с такой трактовкой того, что было названо Локком «рефлексия», смысл стал меняться. И основное отличие в немецкой философии заключалось в том, что Лейбниц и все остальные философы-немцы исходили из того, что **рефлексия – это активный механизм сознания (или мышления)**. Это никакая не пассивная отражательная способность, а активная функция, которая очень много чего может делать, за счёт чего многое в мышлении и в деятельности осуществляется. Об этом мы чуть позже поговорим.

Вильгельм Гумбольдт, вообще, считал, что **рефлексия – это сущностная характеристика мышления**. По Гумбольдту, рефлексия – и есть мышление.

У Гегеля самое такое, наиболее общее определение из всех. Он говорил, что **рефлексия всегда возникает там, где возникает какое бы то ни было опосредование**, с чем бы то ни было. Между «разумом» и «сущностями» не непосредственное взаимодействие, а опосредованное через что-то (неважно, через что). И это всегда осуществляется благодаря механизму, который называется «рефлексией».

Ещё один смысл рефлексии придали в ММК: **рефлексия – это мыслительные «перескоки» между пустыми функциональными местами деятельностных позиций**. Это – метафора, которую Георгий Петрович любил повторять. Мы это будем ещё специально обсуждать на следующей лекции.

Ещё один смысл «рефлексии» задал Никита Глебович Алексеев, коллега и соратник Георгия Петровича. Это один из первых методологов, который в ММК вместе со Щедровицким работал. Он, кстати, больше всего сделал именно по разработке механизма рефлексии, докторскую защитил, доктора психологических наук именно по деятельностной рефлексии. Он считал, что **самое существенное качество рефлексии появляется тогда, когда устанавливаются содержательные отношения между разными сущностями**. Если уже известны отношения между вещами, там рефлексия не нужна. Там автоматизм, как в любой предметной области любой науки. Там же как? Если метод выделен и выделены предмет и объект, там только правильно применяй метод. Там, в общем, никакая рефлексия не нужна. Там, просто, нужно у человека поставить определённую способность, чтобы он мог применять метод в соответствии с предметом. И всё! И дальше уже – как мастерица вяжет платок или какую-нибудь другую вещь изготавливает, даже не задумываясь, – рефлексия не требуется. Вот, в науке точно так же.

А там, где возникает необходимость установления отношений между неизвестными вещами, и неизвестно заранее, какие отношения должны быть, там, в обязательном порядке, необходима рефлексия.

Ну, и последнее – это то, как трактует рефлексию Сергей Валентинович Попов. В его методологической ориентации (которая не является СМД-методологией, а направлена на организацию разного рода общественных изменений) там **рефлексия трактуется как сущностная функция человеческой активности, заключающаяся в рефлексивном сопротивлении любым попыткам общественных изменений.**

Все общественные организованности, начиная с отдельного человека, они всегда рефлексивны. Они способны понимать, в какую ситуацию они попадают и способны сопротивляться изменениям.

Это всё – с разных сторон про одно и то же явление разными классиками сказано.

Для чего нужна рефлексия? *Первое* – для различения и удержания разного. **Рефлексия отвечает за существование.**

Вот здесь нужно немножко прокомментировать, поскольку есть достаточно много людей, у которых сознание устроено таким, натуралистическим образом. И эти натуралисты (от природы, или от воспитания) твёрдо убеждены, что весь окружающий мир, который мы имеем вокруг, «существует сам по себе», независимо от людей. Он дан то ли природой, то ли господом Богом. Он вот такой, какой есть, и его только нужно правильно понять и познать. А существует он уже сам по себе оттого, что его, предположим, Бог сотворил таким образом.

Вот эта натуралистическая точка зрения давным-давно с самых разных сторон раскритикована. Она не выдерживает никакой, даже простейшей критики. **Никакого мира вокруг нас без людей и без их усилия (мыслительного или сознательного) вообще не может существовать. И этот, своего рода, «поддон существования» под материал (природный и общественный), который вокруг нас присутствует, привносит именно эта интеллектуальная способность, называемая «рефлексией».**

Рефлексия, подставляя разные «поддоны» под один и тот же материал или под разные материалы, неважно, она задаёт разные способы существования – материальных или идеальных конструкций (без разницы).

За счёт рефлексии расслаивается разное – разные сущности, разные понятия. Удерживается то, что мы различаем как разное, исключительно за счёт того, что в нас как в современных людей (хотим мы этого или не хотим) вставлен этот механизм рефлексии – расслаивающий, разделяющий, удерживающий.

Вот, всё то, что я на протяжении первых лекций говорил (и по поводу науки, и по поводу сути деятельностного подхода, и особенно в лекциях, которые были посвящены различительным способностям людей) – это всё существует исключительно за счёт одного – за счёт рефлексии.

Вся беда состоит не в том, что у вас или у кого-то другого нет рефлексии. Беда состоит в том, что она у вас существует как некое ваше личное, персональное искусство. Кому-то больше повезло, кому-то меньше повезло. Беда состоит в том (и это является проблемой), что данной способности не учат технически. То есть её не ставят

как технику. Как, например, ставят голос певца в консерватории. У того, у кого эта техника поставлена основательно...

Из зала – Можно вопрос?

ЮБ – Да.

Из зала – А кому её нужно ставить? И вообще, для каких профессий она нужна?

ЮБ – Чуть позже мы про это ещё будем говорить.

Из зала – Просто, петь, я думаю, не каждый хочет и может...

ЮБ – Нет, пение-то здесь упомянуто для сравнения, что это тоже искусство, и оно ставится технически. И это – такая же, точнее, подобная вещь, но, конечно, совершенно другого типа. Я-то думаю, что для всех нормальных, грамотных людей, или которые хотят считать себя грамотными, цивилизованными, рефлексия нужна. Причём, знаете даже, как говорят? **Рефлексия нужна так же, как чистка зубов – для гигиены (только умственной)**: чтобы быть умственно здоровым, чтобы можно было различать разное. Чтобы можно было оперировать с разным.

А сейчас, в отсутствии специального обучения рефлексии, кому-то больше повезло, у него иногда получается это делать. Но чаще всего – не получается: если чуть-чуть более сложных вещей касаемся – всё плывёт, ничего не различается, всё размыто. Поэтому, на мой взгляд, рефлексия нужна не для того, чтобы какую-то профессию иметь, а для того, чтобы просто жить в этом мире, удерживать целостность мира, различать в мире разное.

Из зала – Получается, что если у человека рефлексия не развита, то он многого не заметит. Но у него всё будет нормально.

ЮБ – Ну, обычно, нормально. Он просто некоторые вещи видеть не будет, а некоторые вещи будет считать, что это одно и то же. Поэтому, на мой взгляд, это чрезвычайно важная вещь. И для людей, которые хотели бы стать личностями, это совершенно необходимая вещь. Умственного здоровья без хорошо поставленной рефлексии не бывает. Бывают такие умственные уродцы, в большей или меньшей степени.

Теперь *второе* – **рефлексия нужна для поддержания актуальности мира**. Вот, мы в своих диссертациях очень любим писать про актуальность (ну, это нас вынуждают, есть такой трафарет, возведённый в требование ВАК). Тема обязательно должна быть актуальной. И там начинаешь писать какие-то дежурные слова, что «и эти работали, и эти работали, но вот чего-то, там, не доработали и поэтому мне нужно это доработать, поэтому это – актуально».

На самом деле, если начинать разбираться, «актуальность» и «активность» – это однопорядковые вещи. «Актуальный мир» – это тот мир, который движется, который осуществляется, который живёт, и который постоянно меняется. Вот, в меняющемся мире актуальность может поддерживаться только за счёт хорошо поставленной рефлексии. В течение многих столетий рефлексия была неактуальной, как я уже сказал, то есть она не была нужна. Она не воспринималась, хотя люди ей пользо-

вались, но она не выделялась как самостоятельная техника мышления по той простой причине, что мир менялся очень медленно.

В XX веке это стало очень важным, опять же, по той же самой причине: разные деятельности и сам мир стали очень быстро меняться. На протяжении жизни одного человека приходится раз по 5 менять свои взгляды, свою профессиональную компетентность и ещё много чего. Без рефлексии это делать невозможно.

То есть, например, нельзя удерживать некоторые вещи, как я, например, говорю студентам: «Вы, пожалуйста, то, что *у нас* про финансы пишут, на одну «полочку» сознания кладите. А то, что *там, на Западе*, пишут – вы, пожалуйста, на другую «полочку». Они на меня смотрят, как на дурачка, и не понимают вообще, что это такое я говорю. У них нет никаких таких «полочек» в сознании. Там, как на помойке – всё в одной куче. А это **раскладывание по разным «полочкам» – это и есть рефлексивная способность расслоить и удерживать вещи как разные**, которые, к тому же, ещё и меняются.

Поэтому актуализированный мир – это не тот мир, который «не доделанный» кем-то, а потом – описанный в мёртвых формах. Наука всегда всё в мёртвых формах описывает, поскольку наука не занимается меняющимся актуализированным, движущимся миром. Она всегда схватывает в фиксированных формах и описывает эти фиксированные формы. «Теория» – это как раз описание извне постоянного объекта. «Гробик для мысли», как говорил ГП.

Трудно себе представить, чтобы физики начали писать теорию, которая описывала бы атомы, которые в древности были одними, потом в средние века стали другими, сейчас третьими, а завтра будут четвёртыми. Это, совершенно, невозможно. Теория всегда представляет объект неизменным. И, следовательно, неактуализированным. И, следовательно, неактуальным. А рефлексия эту актуальность распаковывает. Это – вещь совершенно важная и ...

Из зала – А можно как-нибудь про «распаковывает» поподробней, чтобы представить, как это происходит? И за счёт чего?

ЮБ – За счёт рефлексии.

Из зала – Это понятно, что за счёт рефлексии.

ЮБ – Смотрите, Ира. Я сейчас пытаюсь вводить такие феноменальные смыслы для того, чтобы вы поняли, что, вообще, рефлексия ухватывает или удерживает на себе очень много всего разного. А потом мы на тренингах или в других формах будем пытаться как-то что-то схематизировать или хоть как-то пытаться двигать мысль (не фиксировать её, не упаковывать в теоретические формы, а именно двигать), это я имею в виду, употребляя термин «актуализация».

Из зала – Такое подозрение закрадывается, что есть какое-то разногласие между нашим интуитивным понятием «рефлексия» и тем, что говорится. Мы только одно понятие уже полчаса разбираем.

ЮБ – Да, да. Так и есть.

Из зала – Складывается такое ощущение, что наше представление о рефлексии не совсем...

ЮБ – Да, конечно, не совсем... И я сейчас, наверняка, вам сломаю ваши интуитивные представления о рефлексии.

Из зала – Есть ощущение, что это не совсем то, и пока непонятно, что.

ЮБ – Да, пока непонятно. Пока я только набираю такие смысловые «сгустки», что рефлексия, *во-первых*, для разного нужна, и, *во-вторых*, это многое чего, а не то, что вы подразумеваете, как, может быть, отдельный какой-то фрагментик.

Из зала – Просто, то, что нам известно, из различных источников... Вообще, у нас есть понятие «рефлексии», но пока не очень всё это связывается...

ЮБ – Я пока ещё ничего и не сказал.

Третье – это то, что я уже в двух словах произнес, когда Дима вопрос задавал, для чего это нужно? Для обеспечения умственного здоровья, чтобы не быть идиотом, грубо говоря. **«Идиотизм» – это полное отсутствие рефлексии.** Это не нарушение психики. Хотя такое тоже может быть, но это уже клиническая форма. А вот неклиническая форма идиотизма – это то, что описывал Достоевский у князя Мышкина, который непосредственно всё воспринимал. Если ему говорят так, то он именно так и воспринимает, хотя люди, может быть, подразумевали, что нужно совсем по-другому понимать. Вот эта непосредственность восприятия, когда то, что говорится, так это непосредственно и понимается, то, что делается – так же воспринимается... Непосредственность рефлексией – это и есть идиотизм, или...

Из зала – Наивность?

ЮБ – «Наивность» – это меньшая степень идиотизма, я так понимаю. То есть там шкала. Но и другая крайность возможна: при хорошо поставленной рефлексии человек оказывается очень вредным для окружающих.

Из зала – Это же плохо.

ЮБ – Ну, где-то, да. В социальной жизни это плохо, таких людей, как правило, выталкивают.

Из зала – Всегда плохо.

ЮБ – Ну, не всегда, Ира.

Из зала – Я читал у ГП, что надо поддерживать баланс, потому что излишняя рефлексия, как он пишет, тоже вредна, потому что всё разрушает.

ЮБ – Вредна. Излишняя рефлексия вредна. Согласен.

Из зала – Если ты постоянно задумываешься над тем, что ты делаешь, ты, вообще, тогда ничего не будешь делать.

ЮБ – Нет, но рефлексии бывают разные, я про это ещё скажу. Гегель, как раз, вот это вот и различал. **Формальная, самоедская рефлексия**, когда начинаешь в себе бесконечно копать. И **содержательная рефлексия**, которая нужна для решения тех или иных задач или вопросов. Понятно, что нельзя включать механизм атомной бомбы, когда муху нужно убивать. Нужно соображать, где можно мухобойкой, а где нужно и бомбой...

Ну, и ещё одна характеристика «рефлексии», это чрезвычайно важно – **развития без рефлексии не бывает.** Просто, не бывает! То есть, если не поставлена рефлексия, развитие такому человеку или таким людям не грозит. Просто, не грозит, и

всё! В лучшем случае, он по сопричастности к чему-то может немножко сдвигаться, так скажем, в лучшую сторону. Но так, чтобы технически развитие осуществлять, как это делают, например, лично на себе методологи (это тот же ГП демонстрировал, тот же Попов и другие), без рефлексии невозможно. Рефлексия здесь – основной механизм. Поскольку, с одной стороны, рефлексия должна выделить то, от чего человек должен отказаться, что он считает уже неприемлемым, несущественным или недостойным. И, наоборот, построить то, что снимает (по Гегелю) предыдущее состояние.

Ещё немного **про этимологию слова «рефлексия»**. Здесь можно заметить только одно, чтобы вы тоже понимали. Джон Локк был фигурой такой, одиозной, и нехорошей во многих отношениях. Его помнят только за то, что он был просто первым с точки зрения рефлексии и ещё в некоторых вещах. Поэтому он в истории и остался. Но многие вещи, которые привнёс Джон Локк, вынудили потом разных философов лет по 100-200 ломать копья, и свою жизнь класть, чтобы дезавуировать или расправиться с тем, что привнёс Джон Локк. Но слово «рефлексия», которое ввёл именно этот человек, осталось, хотя оно сегодня уже не соответствует своему содержанию. То, что сегодня философы и методологи называют «рефлексией» (причём, разные философы, не только методологи московской школы), разные философы всё равно вкладывают содержание не то, что этимология слова несёт.

Слово «рефлексия» означает «отражение». Даже русское слово «восклонение», которое до XVIII века в русском языке присутствовало, лучше отражало суть рефлексии. И только благодаря таким западникам, как Белинский и Герцен, которые очень сильно повлияли на русский язык, было привнесено западничество и в этом отношении. И старорусское слово «восклонение» не прижилось в русском языке. Хотя по смыслу это точнее выражало суть дела: **«во-склонение», в смысле «восхождения» над тем, что было, и «склонение», рассматривание того, что произошло с целью его изменения**. Но, это не прижилось и теперь уже назад не вернётся.

В разных областях существует много похожих терминов. Так, ещё в физике XIX века официально присутствовал термин «рефлексия света», он был, в частности, в учебниках. Но это ещё понять можно: это впрямую «отражение света». А вот, когда говорят о способности сознания или способности мышления, называемой «рефлексия» – это не отражение. Это надо было теперь называть каким-то другим словом. Но вот исторически так осталось. Просто, вас сам термин не должен вводить в заблуждение. В это слово теперь привносится совсем другое содержание.

Есть ещё так называемый «рефлекс Павлова» – то, что он ввёл в научный оборот в 1932 году, работая с собачками. Он назвал это «рефлексом», или «сигналом сигналов». Это, в каком-то смысле, действительно, «отражение».

«Рефлексивный герой», которого ввёл Белинский в литературную критику, типа Печорина, который самообразованием занимался, это тоже можно назвать...

Из зала – Рефлексирующий, такой?

ЮБ – Да, рефлексирующий. Здесь ещё можно применять этот термин. А вот то, что в методологии, в особенности, и в философии тоже, здесь это уже – такое атавистическое название, от которого теперь трудно избавиться.

Теперь поговорим о смысловых оттенках разных форм «рефлексии». Здесь я набрал много разных смысловых вещей, которые вам, наверняка, так или иначе, известны. Просто, вы не задумывались, может быть, о том, что это всё – проявления рефлексии.

Например, раньше так говорили: «Жил-жил Иван, вдруг задумался, и ушёл в монастырь». Спрашивается – что же произошло? И за счёт чего такое с ним случилось? В данном случае здесь действует рефлексия совершенно определённого класса, или типа, так называемая «опосредующая рефлексия», когда за счёт этого «задумывания» – думал-думал над своей жизнью и решил, что эта жизнь, вообще, никчемная – нужно уйти совсем в другой мир. Вот это отделение одного от другого происходит за счёт способности, которая называется «рефлексией».

Или, например, в восточных единоборствах, карате или в любом другом, без разницы, как только два бойца обменяются ударами, сразу становится ясно, из каких школ вышли бойцы. На Востоке специально отрабатывалась соответствующая способность сознания, мгновенно выделять школу противника по техникам, по ударам, по другим каким-то проявлениям борьбы. Ударил, сразу определяется школа, отделяется одна школа от другой. Он два раза рукой махнул – уже понятно, какой школе он принадлежит, и что от него можно ожидать, а чего нельзя ожидать. Это – исключительно, рефлексивная способность. Если у бойца такая рефлексивная способность вырабатывается (а у них она специально ставится технически) – он становится более классным бойцом, поскольку мгновенно может определить средства борьбы, которые можно ожидать, и, соответственно, находить «противоядия» и противодействия. То есть просто не попадается на те приемы, которые с теми средствами применяются. **Это – рефлексия деятельностных средств.**

Есть такой Андрей Парибок – это санкт-петербургский философ. Причём, он такой, серьёзный философ, известный в философской среде. И он, к тому же, ещё является буддистом. Не просто любителем этой религии, а у него есть какие-то там, очень высокие степени посвящения. Он способен ходить зимой в морозы босиком по снегу, и много всяких других буддистских трюков может делать. Он долгое время жил в Тибете, там полностью погружался в те вещи. Попов его часто приглашал на разного рода курсы, которые он раньше для игротехников вёл. Потом в Высшей школе экономики Попов целый цикл лекций организовывал, в том числе приглашал не методологов, а людей, которые могли бы с той или иной стороны квалифицированно что-то выделить, оттенить. Вот, одним из таких людей является Парибок.

Так вот, Парибок говорит (это просто выдержка из его лекции о методологии буддизма): «В буддизме сознание раскладывают на несколько позиций, а потом по определённой схеме собирают в новую структуру (следующего уровня посвящения)».

Т.е он утверждает, что в буддизме технически поставлено разоформление и переоформление сознания. Когда ставится вопрос о переходе на другой уровень посвящения, они технически у соответствующего адепта раскладывают его сознание на составляющие, а потом по определённой схеме, совершенно по-другому, собирают. И

он переходит на другой уровень. Это – «**конструктивная рефлексия**» сознания, то есть, как из кубиков складывают. При этом психика совершенно не затрагивается.

Иными словами, буддисты практически показывают, что «сознание» – не в психике человека, как нам психологи часто любят говорить. «Сознание» – не «где?», оно – «как?». Это – совершенно разные вещи. Нельзя указать у человека место, где у него душа находится. То же самое нельзя указать место, где у него сознание находится. **Сознание – это «как?» происходит, а не «где?» находится.** Это – не конкретное место, наполненное чем-то.

Так вот, это «как» конструктивно переорганизуется. И буддисты это делают совершенно спокойно. Ну, я не знаю – спокойно или не спокойно? – но, во всяком случае, квалифицированные люди на этот счёт говорят, что это регулярно происходит.

Из зала – Это пример конкретной рефлексии?

ЮБ – Да. Это совершенно определённая рефлексия, конструктивная. А в предыдущем случае – это рефлексия деятельностных средств, то есть за счёт рефлексии мгновенно определяются средства.

Из зала – Средства?

ЮБ – А ещё перед этим, в примере с уходом в монастырь, рефлексия была связана совсем с другим. Когда ты от одного мира отказываешься и себя перетаскиваешь в другой мир.

Из зала – Здесь рефлексия проявляется в этом разделении: от этого мира уходишь к другому?

ЮБ – Да-да. И себя технически перетаскиваешь туда. А деятельностная рефлексия – это когда рамка деятельности одна, но средства работы – разные, и ты их должен отличать. Вроде, те и другие машут руками, но машут по-разному, в разных школах принципиально по-разному. И это мгновенно различается.

Из зала – Как махать руками и палками?

Из зала – У учёных нет рефлексии. И это проявляется в следующем. Когда у них спрашиваешь о понятиях, т.е. о средствах их работы, они, научники, новые определения формулируют...

ЮБ – Ну, да, если рефлексия поставлена, то сразу должны понимать, вообще, из какой рамки задаётся вопрос? И чего он ожидает от вас услышать? И нужно ему дать то, чего он желает.

Из зала – Такую рамку и подать?

ЮБ – Да, такую рамку и подать. Потому что, если попадёшь мимо, то там дальше начнутся всякие разные коллизии.

Вот, пример. Когда Юлия Федоровна проводила свою диссертацию через разные советы, было такое: она говорит одно, а ей вопрос задают совершенно из другой рамки. Она отвечает, а они, вообще, её не понимают и не слышат. Иногда это бывает с очень печальными последствиями.

Но возвращаемся. Итак, мы остановились на конструктивной рефлексии. Это связано с переорганизацией сознания, переделкой сознания.

Теперь другой тип рефлексии, про который ГП говорил: представьте себе, строится большой многоэтажный дом, большая площадка, много строителей, причём, разных: одни – каменщики, другие – плотники, третьи ещё кто-то. Куча разного материала, все как-то суетятся. Спрашивается, по какому закону растёт дом? Сначала один этаж, потом другой этаж, третий... И что делает там архитектор?

Это специально обсуждалось, когда Георгий Петрович с группой известных теперь людей – там были и Розин, и Раппапорт, и Генисаретский, и Дубровский – работали в Институте технической эстетики (ВНИИТЭ). Есть тексты, где описывается мышление, которое строится, как они тогда говорили, «на верстаке». В качестве метафоры использовали строительную площадку как верстак. То есть дом растёт по закону проекта. Но этот дом не будет расти по закону проекта, если архитектор не квалифицированный, если он не может проимитировать работу каменщика, плотника, бетонщика, всяких других занятых на этой площадке. И его задача – в мыслительной имитации «перескакивать» с одной рабочей позиции на другую, с неё на третью и т.д. То есть каменная кладка должна быть раньше, например, чем штукатурка и так далее. Если он этого не знает и не понимает, как работает та или иная деятельностная позиция, и не умеет делать мыслительные имитации (перескакивать с одной позиции на другие по мере роста этого объекта), он просто непрофессиональный архитектор. Дом развалится.

Георгий Петрович утверждает, что при любом проектировании и организации деятельности соответствующий организатор должен двигаться вот таким образом – за счёт перескоков по разным деятельностным позициям. Это мы ещё будем на следующей лекции специально обсуждать. Я буду пытаться показывать, как это можно схематически изобразить. И на примерах как-то мы будем тоже это пытаться делать.

Ну, к примеру, мы возьмем наш университет: есть ректорат, и есть проректоры, которые отвечают за определённые сектора работы. Если тот или иной проректор не способен проимитировать у себя в голове разные профессиональные позиции вот здесь, в этом университете, который он курирует, он плохой проректор.

И наоборот. Если он, прежде чем предъявлять претензии и ругать или, наоборот, награждать, если он это сам не проимитирует, как одно за другое зацепляется, и не способен погружаться в ту или иную профессиональную позицию – университет развалится.

Утверждается, что **эта рефлексия – фундаментальная способность мышления деятельностного типа**. Есть чистое мышление (мы его не касаемся), а есть мышление, которое ориентировано на деятельность. Когда деятельность разворачивается и, тем более, развивается, то мышление «прыгает» вот так, с «кочки на кочку».

На жаргоне методологов, с легкой руки Генисаретского, этот метод рефлексивного мышления стал называться «молевым сплавом». Это, конечно, метафора. Утверждается так, по легенде, что, когда он был студентом, ездил сплавливать лес по рекам. Тогда ещё молевой сплав был разрешен. Ну, вы знаете, что такое «молевой сплав»?

Из зала – Это когда брёвна не в плотях...

ЮБ – Да, это когда бревна, «толпой», не в плотках, а самоходом. Их просто бросают в воду и они самоходом движутся... А чтобы на реке не было заторов, чтобы эти бревна не упирались в берега и тем самым не перегораживали ход всем остальным, сплавщики (так их специально тренировали в своё время, и были очень классные сплавщики, как говорил Генисаретский) прыгали с бревна на бревно. На одно бревно прыгнет, багром подтянет, бревно начинает тонуть – он прыгает на другое, ещё, там, подправляет и т.д. И вот таким образом вся эта толпа брёвен спускается через реку.

«Молевой сплав». Считается, что это очень хорошая метафора, которая достаточно точно отражает смысл рефлексии данного типа. Профессиональный мыслитель должен уметь имитировать разные профессиональные позиции, то есть работать в разных способах, «перепрыгивая» с одного на другой. Если он этого не может сделать, соответствующей рефлексии у него нет.

Из зала – Начал тонуть и пока не потонул, подправил бревно и перепрыгнул на другое?...

ЮБ – Да-да-да.

Ещё одна разновидность рефлексии называется «топическая» (от греческого слова «топ» – «место»). Иллюстрацией здесь может быть следующее. Это я читал у кого-то из приятелей Солженицына, который писал вовсе не по поводу рефлексии. Но мне показалось, что эта вещь очень показательна именно с точки зрения рефлексии.

У Солженицына, когда он жил в Соединенных Штатах, было несколько домов, расположенных относительно близко друг от друга («строений», так скажем, не фундаментальных домов), в которых он писал свои книги. Он любил писать одновременно по несколько книг – по две, по три книги писал одновременно. При этом книги писал в разных домах, в разных помещениях. В каждом помещении стояло по несколько столов, и на этих столах в определённом порядке были разложены бумаги. С внешней точки зрения, это выглядело как полный бардак и беспорядок, но он хорошо ориентировался в этом «бардаке». Заходя в один дом, в одно помещение, он точно знал, в каком порядке все бумаги лежат – в соответствии с тем, как у него выстраивается сюжет конкретной книги, садился и работал. Говорят, строжайшим образом никто не имел права даже прикоснуться к этим бумагам – ни уборщики, ни родственники, никто.

Это – совершенно определённая рефлексия – «организующая рефлексия» или, как иногда говорят, «топическая» рефлексия. Разные топы специально организованы, и за счёт этого удерживается всё поле, которое выстраивается в мысли.

Ещё одну разновидность рефлексии можно проиллюстрировать на примере известной притчи про строительство Кёльнского собора. Когда троих людей, которые на стройплощадке таскали камни, спросили: «Что делаете?» Один сказал: «Таскаю камни», впрямую – это непосредственный идиот. Второй сказал, что он зарабатывает на хлеб своей семье. А третий сказал, что он строит собор.

Смотрите, объект один и тот же, способ работы один и тот же, но этот способ работы мыслительно помещается в разные деятельностные рамки. И для строительства собора камни нужно таскать, и для того, чтобы семью прокормить... Это – совсем

другое, другой способ жизни и работы, к собору не имеющий никакого отношения. Если бы не собор, чтобы кормить семью, он бы таскал камни где-нибудь в другом месте.

Эта притча показывает то, что на одно и то же можно рефлексивно смотреть совершенно из разных деятельностных рамок. Кстати, обратите внимание, вот эта рефлексия зеркально противоположна той рефлексии, где про бойцов говорилось. Там (у бойцов) было одно пространство деятельности, но разные средства. А здесь, наоборот, **средства одни и те же, а пространства деятельности разные**. То есть рефлексия всегда связывает, с одной стороны, объектную область, а с другой – пространственную (рамочную), когда ты мыслью тому же самому придаёшь, вообще, другое.

Ещё одна разновидность рефлексии – это такая рефлексия, которой пользуется Попов, в частности, когда работает с так называемыми «общественными образованиями». Пример известен: скажи ребенку, что он дурак и негодяй – тут же получишь в ответ. Либо прямое хамство получишь, либо в следующий раз он будет хитрить, но делать будет всё то же самое. **Это – чисто рефлексивная реакция, но реакция такого сознания, которое сопротивляется...**

Из зала – Причём, проявляется у детей всех возрастов.

ЮБ – Всех возрастов, да. Кстати, у взрослых это тоже проявляется, если он ребёнком так и остался. То есть ему не поставили нормальной профессиональной и прочей другой культурной рефлексии, он так и будет ребёнком до конца жизни. Пойдите на рынок, посмотрите: там, среди взрослых, таких «детей» полно – чуть толкнёшь кого-то, и сразу рефлексивная реакция...

Из зала – Ну, это же рефлексия как отражение?

ЮБ – Да, это как отражение. Попов так и говорит, что это совершенно особый тип рефлексии. Это **рефлексия как сопротивление материала**, по отношению к которому действие осуществляется. Поэтому у общественных образований постоянно работающей рефлексии не бывает, как, например, у мыслителя или у деятеля. Это всегда реакция на воздействие.

Из зала – Как рефлекс, да?

ЮБ – Да. Только он не биологический, он такой, общественный.

Ещё одной разновидностью рефлексии является так называемая **проблематизирующая рефлексия**. Когда мы будем проблематизацию рассматривать, там в обязательном порядке должна специально ставиться **рефлексия на разрушение**. На разрушение того, что должно быть проблематизировано с тем, чтобы разрушенное потом заместить более развитым или просто другим. Пример – давно известен: сороконожку спросили, как она переставляет свои сорок ног? Она задумалась – и с тех пор больше не ходит. То, что само собой осуществляется, не нужно подвергать рефлексии. Попробуй только... И с людьми художественного склада, необязательно с художником, там, с кем угодно, у которого эмоционально-художественная жизнь – всегда так. Художественная жизнь, как говорят, всегда «от пуза». То есть её нельзя технически организовывать. Но как только вызовешь у такого художника реффлексию по

отношению к тому, что он делает, это может печально кончиться для его художественных способностей. Он может после этого стать художественным критиком или ещё кем-то таким, но картины писать перестанет, поскольку картины пишутся по вдохновению, не иначе. От божьего дара какого-то, а не оттого, что ты знаешь, как мазки накладывать.

Из зала – Но пытаются же все эти действия тоже как-то осмысливать?

ЮБ – Это художественная критика, это совсем другая специальность.

Из зала – А что они делают?

Из зала – Ну, как говорят: «Надо рисовать так».

ЮБ – Критика – не в смысле «критика людей», не в социальном смысле, а критика – в смысле «теоретическое описание». Когда, допустим, Маркс писал «Критику политэкономии» или Кант писал «Критику чистого разума», они же там осуществляли не критику в социальном смысле, не людей критиковали, как мы сейчас понимаем слово «критика». «Критика» есть теоретизирование. И как только человек по поводу искусства начинает теоретизировать, он сразу вылетает в другую позицию. Он вылетает в позицию, которая называется или «критик в области изобразительного искусства», или «критик в области музыки», или «критик в области архитектуры», и т.п.

Например, Александр Гербертович Раппапорт, архитектор по образованию и один из ранних учеников ГП, благодаря такого типа рефлексии, «вылетел» и из архитектуры, и из методологии, на много лет «въехав» именно в эту профессиональную позицию. Присоединился к группе молодых «бумажных архитекторов». Они (архитекторы) ездили по миру и показывали свои шедевры так называемой «бумажной архитектуры», а он ездил вместе с ними и занимался критикой. То есть, с одной стороны, их представлял, а, с другой – детально описывал, что здесь принципиально нового, что не нового и так далее. Но сам архитектором перестал быть.

Из зала – То есть вы хотите сказать, что Рафаэля не учили писать картины?

ЮБ – Нет-нет-нет. Там у Рафаэля, в частности, и во всей этой школе Возрождения обучение было по принципу «обучения ремеслу» – «смотри, как делает мастер и старайся сделать собственный шедевр». Никто не учил, как мазки накладывать на холст. Более того, я даже в этом цикле семинаров говорил, что существовали очень жёсткие границы: ученик должен быть 14 лет подмастерьем у мастера. То есть бегать мастеру «за пивом», краски размешивать, другие поручения выполнять, а заодно смотреть, как это делается. А потом, через 14 лет, ему разрешали сделать свой шедевр. То есть устраивали экзамен «на шедевральность».

Смотрите, не повторить, а наоборот, сделать по-другому, не так, как делал мастер – его учитель. Но ты не сможешь по-другому сделать, если ты не знаешь, как это делалось раньше, до тебя. Но никто никаким мазкам не обучал. Более того, в искусстве это же, вообще, считается дурным тоном... Если один раз кто-то уже так делал, то повторять бессмысленно. Предположим, Монé. У него есть определённая техника, если кто-то повторит, то это уже...

Из зала – Плагиат.

ЮБ – ...это уже плагиат. Это уже было сделано раньше.

Из зала – А массовое искусство?

ЮБ – Ну, это же не искусство. Потому так и называется – «массовое искусство». Это же не шедевры. Картинки массового искусства, они же не будут в Эрмитаже висеть.

Из зала – Нет, ну, почему в Эрмитаже? У нас же есть какие-то художники, которые очень близки по стилю. Они не делают шедевров, но им никто и не говорит, что они друг у друга что-то заимствуют.

ЮБ – Но никто не обсуждал, никакой рафаэль ни с каким леонардо да винчи не обсуждали, как они мазки накладывали, и какие у них техники. Никто не обсуждал! Более того, это давно известная вещь: как только начнёшь это обсуждать – всё! Ты сразу вылетаешь во внешнюю рефлексивную позицию и с твоим творчеством всё будет кончено.

Из зала – То есть рефлексия против творчества?

ЮБ – Она против того «творчества», которое оттуда, от вдохновения, от Бога.

Из зала – Если взять творчество Сальери и Моцарта, в этом случае Сальери осуществил рефлексию в жизни?

ЮБ – Я думаю, что он действовал не с позиции рефлексии, а просто завидовал Моцарту.

Из зала – Он всё время задумывался, он же был человеком образованным...

ЮБ – Ну, у него не получалось так, как у Моцарта, а очень хотелось.

Из зала – Но он создал математику музыки, тот же самый Сальери.

ЮБ – Поэтому он и не стал этим самым Моцартом.

Из зала – Да, до сих пор у нас он считается убийцей.

ЮБ – Ну, это потому, что Пушкин такую версию сформулировал...Привнёс. На самом деле, говорят, он его не убивал.

Из зала – Он его отравил.

ЮБ – Ну, это, опять же, версия.

Из зала – Рефлексия вредна?

ЮБ – Рефлексия – вещь обоюдоострая. Она много полезного делает, то есть удерживает, расслаивает, конструктивные способности вырабатывает. Но она и разрушительная вещь. Если ты её начнешь применять только в качестве механизма самокопания или вот там, куда её не нужно применять, то это будет вещь опасная.

Из зала – Инструкцию, как пользоваться рефлексией, ещё нам давайте.

ЮБ – Надо использовать механизм рефлексии там, когда это нужно. Но в творчестве не нужно. Скажем так, **рефлексию нужно использовать рефлексивно.**

Из зала – А как же творчество?

ЮБ – Вот, смотрите, методологи, коих я уважаю, и которые в Московском методологическом кружке длительное время работали, и ГП, в частности, и Попов ещё в большей степени, чрезвычайно не любили слово «творчество». Считали, что это, вообще, на самом деле, вещь плохая, вредная. Жутко вредная! Особенно во всяких разных профессиональных областях. Если будет «творческим», например, хирург, то

трупов не оберёшься. Если будут «творческими» архитекторы, дома будут рушиться. Если появятся «творцы» в области летательных аппаратов, мы будем падать с неба.

«Творчество» – вещь очень важная в жизни людей, но только для эмоциональной стороны жизни. А там, где речь идёт о деятельности и мышлении, то есть о технических вещах, там творчество всегда – либо самозаблуждение, либо введение кого-то в заблуждение.

Вот, в науке творчества, я думаю, не может быть. Так же, как и в методологии. Это вещь плохая и рефлексия её разрушает.

Из зала – А развитие?

ЮБ – А «развитие» – это не есть творчество. Понятия развиваются технически, тут – никакого не творчество. А «творчество» – это когда говорят, что это «оттуда» (показывает на небо). Свезло – стал Рафаэлем! Или ещё кем-то.

Из зала – Свезло?

ЮБ – Конечно, свезло. Родился таким. «Рафаэлю» же нельзя научиться. Нельзя научиться «Пушкину», Пушкин он и есть Пушкин. «Сукин сын» – он сам так про себя и говорил: «Ай, да, Пушкин!».

Вот пример ещё одной разновидности рефлексии. «Тогда я попробую решить эту задачу по-другому» – это у нас в аудиториях бывает сплошь и рядом. Если что-то не получается, или сам подскажешь, подойдёшь: «Попробуй по-другому». У человека – раз! Он куда-то выскакивает, другой способ берёт и делает. Это делается исключительно за счёт рефлексии – **рефлексии способов работы**.

Из зала – Про наших студентов?

ЮБ – Да-да.

Вот, пример ещё одной разновидности рефлексии. Ещё до того, как у нас в университете евроремонт сделали, вот там, в переходе, были большие деревянные ворота. И кто-то белой краской, большими буквами на них нарисовал: «Я даже не знаю – знаю я, или не знаю». Вот это – **рефлексия второго уровня**.

На самом деле, рефлексия бывает и второго, и третьего, и четвертого уровней. Первый уровень – это когда ты осознаешь, что ты делаешь, второй – когда осознаешь основания того знания, которое на первом уровне получено, и так далее. Это – **рефлексивное знание по поводу знания**.

Или, то же самое, у Николая Кузанского, его знаменитое «знание о незнании». Проблема как знание о незнании. То есть ты сначала осознаешь, чего ты знаешь. А потом, на втором уровне рефлексии, осознаешь, что ты именно знаешь? И что именно не знаешь? «Знание о незнании» как выделение проблем. Это – **рефлексия рефлексии**.

Ещё может быть «рефлексия рефлексии рефлексии», и так далее. У методологов даже были своеобразные игры во время семинаров, когда кто-нибудь произносил сложный текст, а другие заранее договаривались, кто больше уровней рефлексии удержит по отношению к произносимому тексту. А потом предъявляли, кто смог выделить больше уровней рефлексии в тексте.

Ещё одну чисто рефлексивную способность можно найти в литературе, когда ты не по отношению к тому, что делалось, а по отношению к собственной рефлексии надстраиваешь рефлексю. Например, Обломов Гончарова рассуждал, лёжа на диване: «Встать или не вставать? А зачем вставать? Ведь потом снова ложиться...»

Вот, такое самоедство, самокопание – это то, что **называется «рефлексивная возгонка»**. Или «рефлексивная свеча». Так можно до бесконечности пролежать на диване, и так и не подняться.

Или, например, то, что мы как-то обсуждали – «Нужно нарубить дров». «А зачем рубить дрова?» «Для того, чтобы согреться». «А зачем греться?» Потому что замёрзнешь и помрешь». «А может быть, по-другому можно согреться, например, выпить или побежаться?» И так далее, до бесконечности можно. «Рефлексивная возгонка» – это такая, формальная рефлексия. Как говорил Гегель, она не захватывает содержания. Пустая.

Ещё один тип рефлексии очень часто встречается, и не только у водителей. Но с водителями – это классика: если ты видишь, что тебя гаишник останавливает, и ты понимаешь, что он может заподозрить, что ты выпил, у тебя сразу мелькнёт вот это: «Ну, блин, попался». **Это – ситуативная рефлексия**. То есть совершенно определённым образом организуется рефлексия для выделения ситуации. «Ситуация» – это, как раз, именно то, во что «вляпываешься» с соответствующими последствиями.

Смысл ещё одной разновидности рефлексии задаёт достаточно сложная метафора, которую можно прочитать у Александра Евгеньевича Левинтова (на его сайте): без рефлексии **«того, что было – не было; то, что есть – не существует; а то, что должно быть в будущем – не состоится»**. Она очень о многом говорит: если нет рефлексии, то, фактически, люди и не живут. Они, как некоторые говорят, «существуют». Хотя я даже думаю, что и не существуют. «Мы не живём, мы существуем» – так любят говорить люди из определённого социального слоя бедных, страдающих людей. Я думаю, что они даже и не существуют, потому что без рефлексии «то, что было – не было». Именно рефлексия выделяет из потока повседневности то, что было, т.е. важные (в каком-то смысле) события. Разные рефлексии могут из одного и того же прошлого выделить разное. Поэтому для одних прошлое «светлое», для других – «тёмное», для третьих – «розовое» или «коричневое».

«То, что есть – не существует», если нет рефлексии. Ты не сможешь ориентироваться в том, в чём сейчас живёшь. Именно рефлексия обеспечивает этот «поддон существования». Потому что, ещё раз повторяю, только наивные натуралисты думают, что то, что мы видим, то само по себе и существует. На самом деле, мы подставляем туда пространство, в котором это «нечто» определённым образом различается. Так же, как эти таскальщики камней при разных мыслительных «поддонах» – те же самые камни по-разному квалифицируются.

А «то, что должно быть – не появится». Будущее само по себе не существует. Ещё Толстой говорил, что «будущего нет, поскольку мы его делаем, и оно будет таким, каким мы его сделаем». То есть опять же – какой «поддон подсунем» под буду-

щее, таким будущее и будет. А за эти «поддоны» отвечает рефлексия. Если её нет, то нет ни прошлого, ни будущего, ни настоящего.

Есть **«рефлексия по Лефевру»**. Это Владимир Александрович Лефевр. Я уже про него как-то говорил. Это ученик Георгия Петровича. Его «рефлексивные человечки» сейчас широко используются. Я ещё буду рисовать схемки, которые различают разные виды рефлексии. У него рефлексия возникает при совершенно определённом классе событий – в конфликтующих играх, начиная от шахмат и кончая военными. Когда вычисляешь то, что думает противник и, соответственно, вычисляешь, что он думает про тебя. Это и шахматисты делают и все остальные игроки. **«Я думаю, что он думает, что я думаю»** – это самая короткая взаимно-рефлексивная оценка.

Была даже песня такая: «Я оглянулся посмотреть, не оглянулась ли она, чтоб посмотреть, не оглянулся ли я».

Ну, и шахматист, когда играет, продумывает разные варианты разной глубины. Он тоже не только думает о том, что он сам будет делать, но и оценивает, какая будет реакция со стороны противника в том или ином случае. **Это – взаимный рефлексивный расчёт конфликтующих структур**. Все игры построены на этом. У кого рефлексия быстрее, кто быстрее просчитывает противника – тот лучший игрок.

Из зала – Как в стратегическом мышлении?

ЮБ – Катя, я боюсь Вас разочаровать, но думаю, что не бывает «стратегического мышления».

Из зала – Но оно же так называется.

ЮБ – Называется... Знаете, как? Красивое словцо. Вот оно и прицепилось. «Стратегический менеджмент», «стратегическое мышление»... «Стратег» же появился не сегодня, а в Древнем Риме. Это тот, кто обеспечивал условия для решения военной задачи, в основном – по защите суверенитета. И всё.

Из зала – Интендант.

ЮБ – Да-да-да, в каком-то смысле.

Из зала – Это мы теоретически сможем...

ЮБ – Поэтому «стратегия» – это необязательно на длительный период.

Из зала – Стратегия может быть здесь и сейчас, сию минуту?

ЮБ – Да, конечно. Как отвечает Пётр Георгиевич, на вопрос, когда нужна стратегия? Он говорит так: «Стратегия нужна для того, чтобы идя в город по лесу, и увидев впереди горящий торфяник вспомнить, что ты должен идти не прямо, а в город, и обойти его» (см. лекции по философии управления, они есть на сайте).

Но возвращаюсь к данной разновидности рефлексии. Эта рефлексия во всех играх используется. В зелёной книжке про это написано, я ещё тогда приводил такой пример, три года назад. Георгия Петровича приглашали в Спорткомитет Советского Союза, чтобы он тренировал олимпийцев перед Олимпиадой 1980 года. Он полтора года проработал с нашими олимпийцами. Потом он сам рассказывал: «Я там только одну задачу решал – я пытался поставить у наших лучших спортсменов рефлексию». Вот, рефлексия именно этого типа – просчитывающую, что будет делать противник. Он ещё говорил: «Я после работы с нашими олимпийцами твёрдо убедился, что они

по физическим кондициям нисколько не хуже, и по волевым кондициям не хуже, чем лучшие спортсмены мира. Но очень часто, в большинстве случаев, когда они проигрывают, они проигрывают именно в способности к рефлексии. Западные спортсмены лучше просчитывают, что будет делать противник, то есть у них лучше рефлексия поставлена».

Из зала – «Обрефлексируют».

ЮБ – «Обрефлексируют», да. Не обыграли, а «обрефлексируют».

Из зала – Какой-нибудь игрок должен над собой задуматься, чтобы победить?

ЮБ – Он не только над собой, он ещё должен просчитывать, что собирается делать противник... Смотрите, они бегут или гоняют мяч, а рефлексия поверх этого всего идёт. Вóвремя, там, подставить подножку, чтобы при этом судья не заметил, или ещё что-то такое же. То есть настоящая игра-то идёт всегда поверх, и она рефлексивная, а вовсе не просто – тупое гоняние мяча. И даже когда они бегут, если удаётся незаметно на пятку наступить – это результат классной рефлексии. Чтобы противник упал перед самым финишем.

Из зала – А тренер, он как специальная функция, вообще, для того, чтобы рефлексировать?...

ЮБ – Да, а тренер только тем и занимается, что рефлексировать. «Разбор полётов» после игры – это чисто рефлексивный расклад того, что надо было делать? И чего не делал? По какой причине не делал? И тот тренер лучше, который этой способностью больше обладает.

Из зала – С Запада привлекают тренеров поэтому?

ЮБ – Да, конечно.

Есть «рефлексия по ГП, или методологическая рефлексия». Это, конечно, красивая метафора, но очень точно подобрана эта метафора, чтобы выразить всё «иезуитство» методологической рефлексии. Представьте себе ситуацию, когда мясорубка выдаёт фарш, и этот фарш становится частью мясорубки.

Из зала – То есть мясорубка себя перемалывать начинает, или что?

ЮБ – Нет. Она не себя перемалывает, «фарш» становится частью «мясорубки», которая потом снова будет чего-то перемалывать в новый «фарш».

Эта разновидность рефлексии описана в зелёной книжке, в самом первом нашем занятии, которое там описано – это переброска и перефункционализация, когда будущее средство сначала формируется как некий объект, а потом превращается в средство получения новых объектов (точнее – организованностей).

Из зала – Там, где переброска с одной «доски» на другую?

ЮБ – Да.

Из зала – Шизофрения какая-то...

ЮБ – Шизофрения бывает, когда чего-то хочешь, а не можешь. Вот тогда может быть шизофрения.

Из зала – А можно нарисовать методологическую рефлексия?

ЮБ – Я нарисую. Это, правда, не я придумал. Как нарисовать, придумал Дубровский (см. его московские лекции «Введение в СМД-методологию»). Но это есть. Он таким образом рисует.

Рис. 4.1. Рефлексия мышления о мире

Если вот это «мир», а это – «мышление о мире», или «самомыслящее мышление». Потом «мышление о мире» помещается в «мир».

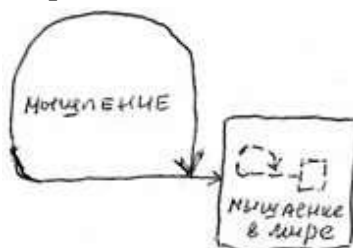

Рис. 4.2. Рефлексивное помещение мышления в мир

А потом, наоборот, «мыслимый мир» рефлексивно помещается в «мышление».

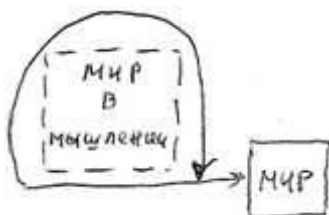

Рис. 4.3. Рефлексивное замыкание «мира» «мышлением о мире»

И, наконец, происходит взаимное рефлексивное замыкание «мышления» и «мыслимого мира» друг на друга. Вот тут как-то так, хитро, изощренно. У него там две стрелки таких идут. Вот так вот.

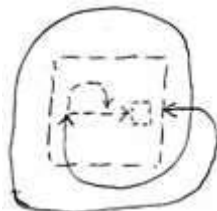

Рис. 4.4. Взаимное рефлексивное замыкание «мира» и «мышления о мире»

ЮБ – Ну, почитайте у Дубровского, на сайте есть его московские лекции «Введение в СМД-методологию». Он это последовательно описывает, как одно на другое замыкается. «Мышление» замыкается на «мир», а «мир» замыкается на «мышление».

Теперь – **про условия появления рефлексии**. Когда она, вообще, возникает как такая спонтанная способность? Даже если она не поставлена, она всё равно у человека вызывается как некое родовое свойство людей.

Во-первых, когда нужно установить какие-то отношения между разнородными сущностями. Я об этом уже говорил. Если отношения уже установлены, там рефлексия не нужна, там просто работает схематизм. А вот, при самой схематизации она необходима. В зелёной книжке об этом самый последний разделчик. Мы на прошлой лекции специально это обсуждали. Любая методологическая схема связывает разное, причём, принципиально разнородное. Если однородное, как в любой предметной науке, там схематизация не нужна, рефлексия там тоже не нужна. Там нужно владеть методом, и метод просто по трафарету применять. А вот если возникает ситуация, когда принципиально разное нужно каким-то образом сцепить или поставить в какие-то отношения (функциональные или какие-то другие отношения, без разницы) – здесь обязательно нужна рефлексия. И она обязательно возникает. Как только начинаешь над этим размышлять, возникает хуже или лучше поставленная, но вот именно эта способность – начинает работать рефлексия.

Второе – это в деятельностной методологии совершенно принципиальная вещь. **Рефлексия всегда возникает тогда, когда ты двигался-двигался, всё работало, «машина» деятельности работала, потом вдруг – раз, и по какой-то причине застопорилась, остановилась.** Дальше, грубо говоря, «упираешься лбом» в какое-то препятствие, и всё останавливается. Как только деятельность останавливается, первое, что возникает – «А почему? И что нужно сделать, чтобы это препятствие преодолеть и запустить деятельность дальше?»

То есть, если ты не движешься, у тебя рефлексии не возникает. Но любое препятствие – и у тебя тут же это сработает. Даже в таком простейшем случае, когда шёл-шёл, поскользнулся, упал – спрашивается (ты можешь себя спросить, а можешь просто подумать, у тебя мелькнёт там, в сознании) – то ли потому, что гололёд, то ли потому, что у тебя костыля нет, то ли ещё по какой-то другой причине. Например, сухожилия на лодыжках слабые, не держат и ноги подкосились.

И смотрите – как только ты в рефлексии выделил причину, становится понятно, что делать дальше: если нет костыля, значит, будешь искать костыль с тем, чтобы в подобной ситуации не поскользнуться. Если ты выделил в качестве причины остановки (падения, в частности) гололёд, тогда нужно другое средство, например, песок подсыпать или, вообще, обойти стороной подобное место. Ну, а если лодыжки подворачиваются, потому что суставы слабые, значит, надо суставы укреплять.

Третье. Рефлексия возникает и в том случае, **когда задают разного рода рефлексивные вопросы.** Например, тарабанит-тарабанит-тарабанит человек текст, а его возьми, останови и спроси: «А это ты почему так думаешь?» И тут же будет ступор. Он тут же – раз, «выскакивает» из процесса говорения и начинается либо рефлексивная реакция (чтобы ты дальше не мешал), либо рефлексия будет направлена на то, почему, на самом деле, именно это понятие таким образом он трактует, а не каким-то

другим. То есть **вопросы «как?» и «за счёт чего?» выбрасывают человека в рефлексивную позицию.**

Ну, и, наконец, *четвёртое*: когда что-то хочешь понять и сделать. **Рефлексия – это механизм перевода понимаемого в делаемое.** Другого способа просто не существует. Если ты что-то понял, восстановил какую-то позицию того, кто говорит, и хочешь что-то сделать, **механизм переброса – это рефлексивный механизм.**

Из зала – А ещё вопрос можно? Вопрос «как?» – это первого уровня рефлексия, а вопрос «для чего?» – это второго, да?

ЮБ – Да нет, это может быть и...

Из зала – Первого?

ЮБ – Нет. Рефлексия второго уровня (если она направлена на неработающее средство) позволит узнать, при каких предположениях это средство создавалось. И, вообще, оно здесь пригодно или непригодно? То есть ты будешь думать об основаниях этого средства. А рефлексия третьего уровня – это, какие типы мышления могут выделять те или иные основания. Ну, а четвертого – там уже про онтологические миры.

Давайте перерыв сделаем.

Продолжение.

ЮБ – **«Признаки рефлексии»** – это вот то, что Никита Глебович Алексеев выделил. Независимо от того, идёт ли речь о рефлексии сознания или мыслительной рефлексии – три очень важных вещи. *Во-первых, рефлексия всегда «поступает извне и неким субстратом отражается».*

Из зала – Рефлексия отражается? То, что поступает извне, отражается субстратом рефлексии?

ЮБ – Да-да. Вот в деятельностной рефлексии этим субстратом является «мыслимая структура деятельности». Если речь будет идти о рефлексии, которую Локк имел в виду, то этим субстратом является «образ». Ну, и так далее. Если речь будет идти о рефлекторе, то, соответственно, субстратом является берег или стекло, которое отражает.

Второе: рефлексия всегда возвращается преобразованной. То есть это значит, что возвращается другое... Даже, когда вы в зеркало смотрите, это же тоже определённый тип рефлексии, да? Ваше изображение в зеркале – это не вы сами, это уже преобразованное. И точно так же, когда рефлексия что-то выделяет из деятельности... Мы ещё будем обсуждать вторую составляющую – «погружение опять в деятельность». Возвращение должно быть не тем же самым, которое было выделено, а преобразованным.

Ну, и *третье* – **рефлексия направлена на «уже бывшее».** То есть над пустотой рефлексии не бывает, нельзя рефлексировать пустоту. Это принципиальная вещь, потому что иногда просто начинают о чем-то думать и говорят: «Ну, вот, значит, и меня рефлексия коснулась». Какие-то фантазии. Содержательная рефлексия всегда над чем-то осуществляется.

Из зала – Ну, не то, что было, а то, что есть?

ЮБ – Нет, смотрите, когда к вам поступило, это уже бывшее.

Из зала – Ну, да.

ЮБ – Теперь вторая часть лекции: «Обзор исторических точек зрения на рефлексию».

На рефлексию можно смотреть по-разному, и разные мыслители выделяли её разные стороны. Осталось очень много имён в истории философии и методологии, которые оставили след именно работами по поводу рефлексии.

«Рефлексия», если в самом общем виде говорить, – это оборачивание назад, рассматривание того, что было (рис. 4.5).

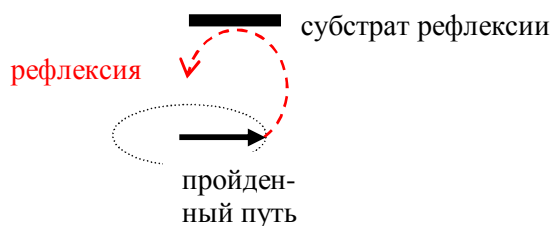

Рис. 4.5. Рефлексия пройденного пути

Некоторые думают, что человек сам на себя смотрит, так вот, чисто натуралистически. На самом деле, – «что смотрит? Куда смотрит? Как? И для чего смотрит?» – в истории решалось по-разному. Даже когда сознание смотрит, это не сам человек. Есть тексты, я могу дать почитать. Это и Попов много раз в разных местах говорит, и у Розина можно найти, и у Дубровского, и у разных других авторов: сознание находится «при» человеке, а вовсе не «в нём» и тем более не в мозге, как биологи и психологи считают. Так вот, даже, если сознание смотрит – это не натуральный человек смотрит. Тот же самый Попов утверждает (и у него, видимо, есть для этого основания; просто лучшего специалиста я не знаю в этой области; он, на самом деле, крупный человек в этом отношении), что **человек стал человеком и выделился из животных не потому, что эволюция произошла, а потому что была трансплантация**. На человека посадили нечто, что потом люди стали называть «сознанием». Это есть приходящая, внешняя вещь, и рефлексия существует у человека (в отличие от животного) именно благодаря тому, что рядом с этим человеком и рядом с его памятью, мозгом и всем остальным, существует нечто, что может отражать либо внутреннее состояние, либо, наоборот, внешнее. Как только человек теряет то, что называется «сознанием», он, как известно, перестаёт быть человеком. И животное никогда не приобретёт никаких мыслительных способностей по той простой причине, что вот это нечто (что при нём находится) у него отсутствует...

Богом это трансплантировано (посажено, привнесено на человека) или инопланетянами? – никому не известно, во всяком случае, пока. Но то, что это качественный переход, а не эволюционное изменение – специалисты в этой области считают практически доказанным.

Поэтому «что» смотрит (не «кто» смотрит, а «что» смотрит), «куда» смотрит, и «как», то есть под каким углом зрения, или «для чего» – в истории решалось по-разному.

Рефлексию не надо путать с банальной памятью. Мы все помним, что было вчера, что было, может быть, 10 лет назад, что было 5 минут назад. Причём все помнят, между прочим, по-разному. Память – вещь важная при рефлексии, но память не выдаёт содержание рефлексии. **Память является низовой рамкой рефлексии.** То есть можно эту рамку сдвинуть и рефлексия потеряется, но память в рефлексии – служебный момент. То есть нельзя думать, что если ты просто начинаешь вспоминать, что было вчера – это ты рефлексируешь. **Рефлексия – не есть воспоминание.** Более того, утверждается, что сама память зависит от рефлексии: у кого рефлексия поставлена плохо, у того и память будет плохая. И наоборот, хорошая рефлексивная способность вырабатывает и хорошую память.

Из зала – То есть можно рефлексировать только о том, что помнишь?

ЮБ – Вот, в том-то и дело, что нет. Для этого технику и надо ставить. То есть ты должен помнить, что действительно это что-то было, а вот «что было?» – это за счёт механизма рефлексии должно вычленяться. Потому что, когда вспоминают, как, например, Пуническая война проходила (так первый историк Геродот описывал ситуацию возникновения «Истории»), одних свидетелей спрашивают – они говорят: «Битва была на левом берегу» (там речка какая-то была). Других спрашивают – они говорят: «Битва была на правом берегу». А Геродот говорит: «Я как историк, кому должен верить? Тем или другим?»

И историческая рефлексия (собственно, то, что называется «Историей») – это реконструкция самого события, а вовсе не фиксация того, что зацепилось в памяти. Память – вещь преходящая и проходящая. Это функция того, чем человек занимается и интересуется в настоящее время. Если я сегодня занимаюсь одним, у меня по отношению к тому, что является важным в этой области деятельности, развивается специфическая память. Перестану я этим заниматься, начну заниматься другим – у меня просто всё стирается, как и у любого другого. Вы сами можете заметить, как только вы чем-то перестали интересоваться, всё! – и фамилии забываются, и события, и, вообще, всё остальное просто вычёркивается. И, наоборот, если, допустим, мы начнём интенсивно этими вещами заниматься, у вас вся эта терминология (которая сейчас может казаться такой жуткой, что, как говорит Юля: «Хочется убежать отсюда») станет совершенно нормальной, и память будет это держать. Но память это – не есть рефлексия.

Из зала – Есть какие-нибудь свидетельства о людях, у которых долговременной памяти нет, а только краткосрочная? Такие могут рефлексией овладеть?

ЮБ – Ещё раз повторяю, у рефлексии есть специальная логическая техника. Почитайте Платона, он просто это демонстрирует. У Платона была такая «навязчивая идея», что все люди вообще всё знают, они просто забыли об этом. Это называется амнезия. И как только начинаешь вопросы задавать, люди вспоминают. Там просто классические диалоги. Он какого-то грека спрашивает: «Ты знаешь, что такое тре-

угольник?». Он говорит: «Не знаю». «Да нет, ты знаешь! Я сейчас докажу». И начинает ему наводящие вопросы задавать. Один, второй, третий, десятый, двадцатый... И выясняется, что тот теоремы может доказывать про треугольник, ещё чего-то. Он говорит: «Вот видишь, ты же всё вспомнил». То есть за счёт рефлексии это всё начинается «выкручиваться» оттуда, вытаскиваться.

Из зала – Да, он просто у него мышление включил.

ЮБ – Ну, да, он его просто потащил за своей рефлексией.

Из зала – Это он образование ему дал, потому что Сократ занимался образованием людей.

ЮБ – Нет, «образование» – это другое. «Образование» – это образование. Не будем сдвигать рамки, а то мы сейчас уйдём в другую сторону.

Вот, смотрите, у Аристотеля, вообще говоря, слова «рефлексия» не было. То есть он этот термин не употреблял. Но то, что у него была хорошо поставленная техника рефлексии, сейчас никто из современных культурологов (кто занимается Аристотелем, в частности) не сомневается. То есть, фактически, считается, что **мышление – это родовое свойство всего человечества**. И мышление развивается за счёт выделения новых и новых своих организованностей. То, как оно устроено у нас, и то, как оно было устроено у греков, – различается. Но оно было всегда. Просто, у нас сейчас отрефлектировано больше, чем это было в то время.

Аристотель не построил бы своей системы, не имея рефлексии как техники. Но у него была совершенно специфическая рефлексия. **То, что можно назвать «рефлексией» у Аристотеля – им самим трактовалось так: «Бог как самомыслящее мышление»**. То есть, смотрите, ему понадобилась такая мета-метафизическая трактовка. У него была физика, за физикой стояла метафизика, которая задавала правила для физики, а за метафизикой стоял Бог, который сам себя мыслил, задавал основания для этой метафизики. И это ему нужно было для того, чтобы оправдать основания метафизики, поскольку он везде писал, что это – божественное дело. Ни в коем случае нельзя было написать так, что всё это выдумал сам Аристотель – никто бы в это не поверил, никому бы это было не нужно.

А вот у Локка была уже другая трактовка: **«рефлексия» – это осознание человеком собственного эмпирического опыта**. В современных терминах можно было сказать, что это **рефлексия эмпирического психологизма**. С этого начинается история рефлексии, собственно говоря. И сам термин впервые появился тогда, я уже говорил об этом.

Лейбниц был очень в жёстком мыслительном конфликте с Локком. Они очень жёстко дискутировали друг с другом, полемика была очень серьёзная. И у Лейбница под **«рефлексией» понималось осознание человеком способов работы сознания по построению понятий**.

Смотрите: и тот, и другой представляли, что «рефлексия» – это работа сознания. То есть сознание смотрит на «что-то», но вот на что оно смотрит – там и там решалось по-разному. У Локка сознание смотрело на опыт и отражало этот опыт. А у Лейбница сознание контролировало в этом же сознании способ построения понятий.

То есть у Лейбница рефлексия была над логикой построения понятий. Сознание надстраивалось над собой для контроля этой активной составляющей сознания. Лейбниц задал активность рефлексии. **Это – логический психологизм.** «Психологизм», потому что это всё привязывается именно к сознанию.

Кант – это следующая фигура, очень важная в этой исторической шкале развития техники рефлексии. Смысл того, что привнёс Кант: он разделил способность познания на два типа. Способность двигаться от понятий к конкретным вещам он называл способностью...как бы, «установления». Движение от понятия стола к конкретному столу – это называлось как?

Из зала – Узнавание?

ЮБ – Нет, не узнавание... Термин вылетел... Ну, неважно. А вот «рефлексия» – это обратное движение. Если появлялась какая-то новая конкретная вещь – для того, чтобы найти для неё понятие, для этой частной вещи, требовалась рефлексивная операция. То есть нужно было иметь творческое воображение, чтобы найти условия для построения понятия для этой конкретной эмпирической вещи.

Иммануил Кант, во-первых, попытался связать несвязываемые вещи, которые были у Локка и у Лейбница. Он, фактически, **попытался связать за счёт рефлексии логику построения понятий и эмпирический опыт.**

И *второе* – в отличие от первых двух мыслителей – он **поместил рефлексию в так называемое «трансцендентное место»,** то есть за трансцендентальную границу. Опыт – по одну сторону, а понятия и рефлексия – по другую сторону (в другом, в мыслительном мире). И поскольку Кант занимался условиями возможности познания, выделял те, другие, третьи способности и условия познания, он **впервые придал методологическую направленность рефлексии.** Ни у Локка, ни у Лейбница методологической составляющей (то есть нахождения способов, средств и условий для чего-то, для какой-то работы) не было.

Иоганн Фихте – это следующий, кто развил, или немножко по-другому посмотрел на технику рефлексии. Фихте **решал один очень важный вопрос,** и за счёт этого он и остался в истории. Он поставил такой, казалось бы, простой вопрос, но, на самом деле, чрезвычайно важный. Дело в том, что у людей, которые не обременены рефлексией и мышлением, мысли как бы «прилеплены» к человеку, человек не может отвязаться от того, в чём он крутится в мыслительном и сознательном смысле. Он поставил такой вопрос – **«Можно ли освободиться от собственной мысли?»**

Это – к вопросу о Вашей теории (обращается к Руслану Равильевичу). Может быть, это даже Вам поможет. Если Вы всё время в одной теории живёте, Вы считаете её правильной. А другие считают другие теории правильными. Но, на самом деле, квалификация человека зависит не столько от того, насколько он способен двигаться в одной мысли, а от того, насколько он, наоборот, способен отделять свои мысли от себя, и использовать разные мыслительные конструкции и инструментариум.

Вот, к примеру, нужен мне гаечный ключ – я его беру и использую. Гаечный ключ ко мне не прирос. Это мой инструмент, я его могу отложить, взять отвертку, когда мне нужно что-то другое делать. У людей с их мыслями всё – с точностью до на-

оборот. Чаще всего люди с гордостью говорят: «Вот, я так считаю». И это последний аргумент. Его – личное, неотъемлемое. Между прочим, освободиться от «своих» мыслей для многих людей бывает просто невозможно.

Так вот, Фихте поставил такой вопрос: «Можно ли освободиться от своей мысли?» И **механизм освобождения от мысли он назвал «рефлексией».**

Для того, чтобы освободиться, нужно мысль объективировать, «положить» её на доску. И вот этот механизм выкладывания на доску того, как ты мыслишь – это и есть механизм рефлексии по Фихте. Фихте считал, что всякая мысль – это процесс или, как он называл, «филиация идей». То есть, когда одни идеи вытекают из других и развиваются. Рефлексия по Фихте отвечает не за процесс рассматривания того, что у тебя в сознании (как это у Локка и у Лейбница), и не за процесс связывания того, что в эмпирии и в понятиях (как это у Канта – стяжка). У Канта стяжка известных понятий и известной эмпирии существует за счёт схематизма. Но если какая-то новая вещь появляется, новый объект реальности – для того, чтобы выработать понятие, нужна рефлексия, и, как он называл, ещё «творческое воображение». «Творческое», или «продуктивное» воображение.

А Фихте совершенно в другую сторону повернул, в отличие от предыдущих трёх философов. У Фихте впервые возникает деятельностная трактовка – трактовка активной позиции рефлексии. Рефлексия у него становится активной силой. Рефлексия как бы отделяет человека от того, что он способен мыслить, за счёт выкладывания на объективный носитель, например, на доску.

ГП, в частности, считал себя последователем Фихте. И он считал, что человек мыслит не головой, а руками на доске. Когда я на доске беру и пишу « $2+2=4$ » – это объективирование мысли. И не голова здесь работает, а руки и этот инструмент (показывает маркер).

После Фихте был Гегель. **Георг Гегель** – это очень известная фигура в области мышления. У Гегеля тоже есть несколько заслуг. *Во-первых*, он воспринял фихтеанскую активную позицию рефлексии и дальше развил это дело. Развитие было в следующем отношении – **по Гегелю, рефлексия отвечает за саморазвитие идеи.** Саморазвитие абсолютной идеи – это раз.

Во-вторых, Фихте не сказал, за счёт чего и как можно отделить свою мысль и положить, объективировать её. А Гегель сказал, и это тоже ему в актив зачисляется: **«Всякая рефлексия – это опосредование».** То есть для того, чтобы что-то выложить, нужно через посредство чего-то выложить эту мысль. То есть либо понятие, либо категорию какую-то использовать, либо ещё что-то, но **нужен специальный мыслительный инструмент для того, чтобы мысль с одного носителя, например, из сознания, перекочевало на доску.** То есть, по Гегелю, так: «абстрактное – рефлексия – конкретное». То есть рефлексия всегда опосредует что-то, это раз.

И второе, что приписывается как заслуга Гегелю – **Гегель рефлексии связал с решением практических задач.** То есть, если у Фихте просто филиация знаний, то Гегель обратил эту рефлексии на решение тех или иных практических задач. И он разделил «формальную рефлексии» с «содержательной рефлексией». «Формальная

рефлексия» – это самокопание. Это пустая рефлексия, она ни к чему не ведёт. Как, например, у Обломова. И сколько угодно других примеров можно привести. А «содержательная рефлексия» всегда ориентирована на решение той или иной деятельностной задачи. То есть, **если бы не было Гегеля, не было бы Маркса, не было бы ГП и не было бы всех остальных деятелей.**

То есть «абсолютное мышление» Гегеля – это мышление, которое направлено на решение практических задач. Ну, а Маркс, в известной мере, перевернул то отношение, которое задавалось Гегелем.

Да, ещё один момент, очень важный – Гегель впервые **начал разрабатывать философию развития.** С него, собственно говоря, философия развития и началась. Европа до сих пор не может остановиться, не может не развиваться. Он же в качестве одного очень важного свойства рефлексии **придал рефлексии разрушительный характер, то есть негативный характер.** Для того, чтобы высвободиться из старого и перейти в новое состояние, более развитое, нужно старое разрушить. Поэтому критическая рефлексия направлена на разрушение оснований старого: то есть выделение их, рассмотрение и отказ от них.

Вот это очень важно, потому что до этого считалось, что рефлексия – вещь всегда полезная и нужная. **«Негативная рефлексия» тоже нужна, но она нужна не везде, а только тогда, когда речь заходит о развитии** – то есть для отказа от старого неразвитого и перехода в новое, более развитое состояние.

Ну, а **Маркс привязал рефлексии к истории, к исторически разворачивающемуся бытию.** Это известно, за что он и критиковался. Он представил историю как закономерный процесс, как движение развития производительных сил «от остановки к остановке». И вся его рефлексия всех остальных деятельностных и мыслительных вещей привязывалась к тому, на какой «остановке» производительные силы остановились в данный момент.

Это, с одной стороны, позволило Марксу выработать совершенно нетривиальный способ деятельностного отношения к миру по его переделыванию, чего Гегель не доделал. То есть у Гегеля была направленность на решение задач. Но как абсолютная идея может переделать мир, он не показал и не рассказал. А этот показал, как можно мир переделать, но за счёт таких предположений, которые делали его концепцию очень уязвимой.

Из зала – Если Маркс считал, что есть закономерно развивающаяся история, как он мог считать, что можно что-то переделывать?

ЮБ – Что? Не понял...

Из зала – Если история закономерно меняется... Как можно что-то менять, если всё предопределено?

ЮБ – Ну, так ему и говорили: «Зачем революцию делать? Сиди на печи и жди, когда разовьются производительные силы и наступит коммунизм».

Из зала – Он сам себе противоречил?

ЮБ – Нет, почему?

Из зала – А зачем ему это было нужно?

ЮБ – На это у него были свои основания, а вся его остальная направленность-то была деятельностной.

Из зала – То есть, если ты активность не проявляешь, ничего и не случится?

ЮБ – Ну, да. А, с другой стороны, история у него закономерна.

Из зала – Получается противоречие.

ЮБ – Ну, это же можно сказать и про Аристотеля: «Бог самообосновал метафизику». То ли обосновал, то ли не обосновал. С основаниями же всегда так...

Или, например, если ГП говорит, что «существует только деятельность, а всё остальное – проявления деятельности». То ли только деятельность существует, то ли не только... Основания всегда принимаются без всяких доказательств, а поэтому они всегда уязвимы с какой-то другой точки зрения.

Кстати, это ещё Карл Поппер показал в середине XX века. Он ввёл в философию «принцип научности», или по-другому он называется «принцип фальсификации». То есть, **если какую-то концепцию можно фальсифицировать, то есть опровергнуть, показав, при каких условиях её основания не работают, тогда это – научная концепция.** И она становится частичной, потому что всякая наука – частная вещь (предметная, частная, узкая). А **если нельзя основания подвергнуть фальсификации, то это – идеология, это не наука.** Когда, к примеру, Ленин говорил, что «теория Маркса всесильна, потому что она верна» – это опровергнуть нельзя. Верна она, и всё! Это типично идеологический, а не научный тезис.

Есть и другие **формы предметной рефлексии.** Я здесь не большой специалист, я не буду в эту область влезать. Я просто вам покажу, что есть и такое.

Например, **в психологии рефлексией называется «самопознание индивидом внутренних психологических актов и состояний».** Это – все психологи так считают, начиная от Юнга, Фрейда и заканчивая всеми остальными, более современными.

Социальная психология – это «как на меня посмотрит другой, или другие?» «То ли он меня уважает, то ли не уважает?» Это – процесс такого, зеркального, взаимного отражения. Но при этом не отрицается, что «зеркало» может быть кривым. То есть я могу думать, что ко мне относятся хорошо, а, на самом деле, «зеркало» – кривое.

Ну, а **в научной теории «рефлексия» – это замыкание на объект.** Причём, в любой научной теории. Фактически, замыкание на объект – это разрушение рефлексии, это – просто привязка. Как ключ в замочную скважину, учёного «вставляют», и он там крутится строго по определённым правилам.

Теперь **о современных методологических трактовках рефлексии.** Первое – это **Лефевр.** Это такая фигура, не назвать которую, точно, было бы ущербно, потому что он задал совершенно определённый кластер ситуаций для совершенно определённого типа рефлексии.

Вот то, чем занимался ГП со своими методологами, и то, как он вводил и использовал мыследеятельностные формы рефлексии, совершенно не годится для тех ситуаций, которые описывал Лефевр, в пику ГП. Они же лет 10, просто, как кошка с собакой «грызлись» на семинарах. А потом вместе шли в ближайшую пивную пить

пиво. Но на семинарах были абсолютно непримиримыми. И за счёт этого высекалось, выкристаллизовывалось у каждого своё содержание.

У Лефевра – это взаимный рефлексивный расчёт конфликтующих сознаний. То есть это – рефлексия психологии взаимодействий субъектов. Все игровые и все конфликтные ситуации способствуют тому, что вырабатывается именно такой тип рефлексии.

Ну, и я уже, наверное, говорил, что Лефевр был тем человеком, который ввёл в современную методологию этих самых «человечков». Но то, как он трактовал этих «человечков», и то, как стала потом трактоваться так называемая «деятельностная позиция» (которая на жаргоне называлась «морковкой», и рисовалась в виде таких «человечков», похожих на морковки) – это, совершенно, разное, по-разному теперь понимается.

У Георгия Петровича Щедровицкого «рефлексия» – это рефлексия дефицента деятельности, то есть недостаточности средств развития (функционирования) деятельности. То есть, если следующий шаг разворачивания деятельности должен быть сделан, то должна быть рефлексия, которая конструктивно сможет создать все недостающие средства, способы работы с тем, чтобы можно было продолжить деятельность или перевести на другой уровень её развития...

Из зала – Получается, что рефлексия у него на средства была направлена?

ЮБ – Да, рефлексия относительно прошлых средств. Выделение проблемных лакун (пустот): каких средств ещё не хватает для того, чтобы было новое разворачивание деятельности?

У Попова совершенно другая трактовка рефлексии, которая, например, сегодняшними адептами Георгия Петровича (типа Петра Георгиевича), в принципе, не воспринимается. **У Попова «рефлексия» – это механизм взаимодействия замкнутых миров.** То есть – социальных миров, профессиональных миров и других. Как можно с ними взаимодействовать? И какие там рефлексии возникают? У того, кто действует на общественный мир, механизм рефлексии совершенно определённый, организационно-мыслительный. Мы будем говорить об этом на следующей лекции. А тот, кто внутри, который является «страдающей стороной», который «попадает» в те или иные ситуации внешнего воздействия – там рефлексия уже другого типа. **Это – рефлексия, построенная по принципу рефлексивной реакции,** или сопротивления этим воздействиям. И если ты (общественный преобразователь, общественный инженер) хочешь взаимодействовать с общественными образованиями (замкнутыми мирами), ты должен чувствовать ту грань, за которую переходить нельзя, где дальше будет отторжение и всё остальное.

К примеру, если чувствуешь, что тебе задают вопросы на защите диссертации (или в другом месте) из замкнутого мира, то не нужно пытаться разрушать этот замкнутый мир (кстати, это и бесполезно, ты не разрушишь его никакими вопросами), здесь нужно использовать другие приёмы. Это мы попытаемся на каких-то упражнениях или тренингах потом пощупать.

Из зала – А по поводу Попова. У него – не деятельностная рефлексия?

ЮБ – Нет, почему? Он нормально освоил и эту всю деятельностную методологию. У него и игры оргдеятельностные были совершенно классно построены. Но, когда он понял, что там уже всё «истоптано» и ничего нового не выделишь (Георгий Петрович практически всё закончил), дальше встал вопрос – либо ты становишься вечным учеником и адептом Георгия Петровича, и, следовательно, ты уже заведомо не останешься в истории. Либо ты найдёшь такие места, где тот тип рефлексии, который был у ГП, не работает.

И он, на мой взгляд, нашёл. Есть гигантский слой недеятельностных, в т.ч. творческих вещей. Как с ними работать? – неизвестно. Деятельностная рефлексия там не работает. Она всё подобное разрушает. После оргдеятельностных игр это было видно невооружённым взглядом. К примеру, там, на игре, было 200 или 300 человек. После окончания игры они распались примерно на две половины. Одни говорили: «Как здорово, как классно! И я тоже в эту сторону пойду». А другая половина начала плевать, ругаться, материться, и Георгия Петровича ненавидеть до конца жизни, поскольку становились «профессиональными уродами»: по-старому уже жить не могли, а по-новому – тем более.

Из зала – Там замкнутый мир?

ЮБ – Конечно, безусловно. И смотрите, деятельностная рефлексия его начинает разрушать. Как рефлексия пианиста, который живёт в своём мире и по-другому жить не может.

Можно выделить **типы и классификационные признаки рефлексии**. То, что я перечислю, это – не избыточный набор. То есть можно здесь целую диссертацию написать. Ещё кучу всяких классификационных признаков привести. Я только некоторые назову, чтобы вы понимали, что к этому можно по-разному подходить.

На мой взгляд, в истории были выработаны три типа рефлексии. *Первый* – **«рефлексия сознания»** по поводу эмпирических проявлений деятельности – это Локк, Лейбниц и Фихте. Опять же, сознание смотрит на деятельность, но «деятельность» у этих троих – в разных местах.

Второе – **«рефлексия мышления»** по поводу средств деятельности. Это уже – не сознание. «Сознание» – всего лишь, инструмент мышления, не более того. А само мышление – на доске, или на внешних носителях осуществляется. Это – Аристотель, Кант, Гегель, Маркс, ну, и Георгий Петрович.

И третий тип – **«рефлексия мышления по поводу взаимодействий с сознаниями»**. Это – Лефевр и Попов.

Они (типы рефлексии) все – совершенно по-разному устроены. Разное смотрит на разное, и везде по-разному.

Из зала – А у китайцев третий тип?

ЮБ – Ну, нет, наверное. Скорее всего, там – что-то четвёртое, не знаю. Во всяком случае, мышления у них точно нет, такого, объективированного, на доску положенного. Ну, а взаимодействие у них на первом плане. Я о китайском варианте мало что могу сказать, поскольку – не китаец и не китаевед (как, например, Владимир Малавин, который является профессором одного из университетов Тайваня).

По **функциональной интенции** можно различить, *во-первых*, **«выделяющую рефлексию»**. Вот, простенький примерчик. Чего не хватает в ряду: 1, 2, 4, 5, 7?

Из зала – 8.

ЮБ – 8. Ещё чего не хватает?

Из зала – 3, 6.

ЮБ – Спрашивается, почему? 1, 2, потом перепрыгиваешь, 4, 5, потом снова перепрыгиваешь, 7, 8. Ну, а чего не хватает?

Из зала – 3 и 6 не хватает.

ЮБ – А как вы узнали?

Из зала – Ряд есть.

ЮБ – Вот.

Из зала – Ну, как? Вычислил закономерность этого ряда.

ЮБ – Нет, не закономерность. У вас есть, где-то там, в каком-то месте вашего рассудка, вот этот целостный, натуральный ряд чисел. Вы его в рефлексии накладываете сюда, и возникают пустые места. И сразу определяется, что вы относительно того ряда, который у вас в сознании удерживается (он в другом месте находится), вы его соотносите с этими, и сразу определяете, чего не хватает. То есть рефлексия выделяет эти места. Поэтому она такая, «выделяющая». Можно массу других примеров приводить, когда работает именно такого рода рефлексия.

Во-вторых, по своей функции **рефлексия бывает «расслаивающая»**. Вот простой пример. Опять же, платоновский. Когда Сократ одного грека «пытает» и говорит: «Вот, возьмём галеру, в этой галере заменим одну доску. Это – та же галера или не та же?» Он говорит: «Та же». «Заменим ещё одну доску, это – та же галера или не та же?» «Та же». «Та же». И так далее, пока все доски не заменил, и спрашивает: «Это – та же галера или не та же?» И тут у этого грека начинает «ехать крыша». Вроде, та же, а, вроде, и не та же.

Спрашивается, это какая рефлексия ставит его в тупик? И что делал Сократ? Если рефлексия правильно поставлена, и вы правильно отвечаете на этот вопрос: «та же это галера или не та же» – как быть?

Из зала – По форме та же, по материалу – нет.

ЮБ – Да, Денис, правильно. Или, когда кровь у человека в течение 5 лет полностью заменяется, человек – тем же остаётся? Или уже не тем, другим становится?

Из зала – Тем же.

ЮБ – Тем же? А почему?

Из зала – Галера-то та же, а материал – другой.

ЮБ – Вот! Галера та же, поскольку галера вещь функциональная, а не материальная.

Из зала – Да.

ЮБ – Это расслоение «материала» и «функции». Рефлексия здесь, как скальпель, берёт и отделяет одно от другого, функциональную вещь от материальной. И ГП на этот счёт говорил, что если бы Гегель додумался до разделения функциональности и материальности, нам бы делать было уже нечего. **У Гегеля философия (и**

рефлексия) оказалась бесплодной, потому что у него была склеена функциональность и материальность идеи.

В отличие от Гегеля, конструктивность методологии ГП состоит в том, что он мыслит пустыми местами, а понимание привносит туда содержимое (материальное), в эти функциональные места. И за это дело отвечает рефлексия совершенно специфической направленности.

В-третьих – **«конструктивная рефлексия»**. Я уже про это говорил: поскользнулся, упал – в чём причина падения? В зависимости от ответа, далее, следующим шагом вашего движения будет конструирование разных средств, предотвращающих падение. Я привёл только три примера, можно ещё десяток привести. Если это падение было, потому что вы костыль дома забыли, значит, нужно не забывать пользоваться им на скользкой дороге. Если падение произошло потому, что скользкая дорога была, просто, гололёд – надевай шиповки, падать не будешь после этого.

Из зала – Кошки.

ЮБ – Кошки, да. Ну, а если суставы слабые, то тогда укрепляй голеностоп. Это – «конструктивная рефлексия» для продолжения движения. Она конструктивно направлена на развитие деятельности.

В-четвертых – **«самоопределяющая рефлексия»**. Здесь я даже не знаю, как понятнее сказать по поводу профессионального самоопределения. Далек не всегда человек способен отделять свою профессиональность от себя как биологического человека или социального. **«Профессиональность» – это его способ работы**. Если человек способен в рефлексии отделить эту профессиональность (профессиональную способность) от себя, то есть показать на доске, в чём принцип твоей работы – это будет работать самоопределяющая рефлексия.

Или, например, мы будем обсуждать такие вещи: как построить какую-нибудь схему? И как может деятельностная позиция войти в эту схему с тем, чтобы действовать в ней? Вот, обычный, такой, телесный человек в схему войти не может, поскольку на нём всегда много, чего «навешано» (на этом биологическом материале много, чего лишнего). Поэтому в схему входит не телесный человек. Причём, в любую схему, даже в бандитскую. Когда грабит банк квалифицированный бандит, он себя определённым образом настраивает, то есть в себе выделяет способ собственной работы и запускает в эту схему способ работы, а не себя биологического. Себя – лишь по сопричастности, просто, как материал-носитель, не более того.

Из зала – То есть позиция всегда со способом?

ЮБ – **«Позиция» – это и есть способ работы**. То есть ты себя как-то «обстругиваешь» для того, чтобы можно было в этом месте работать. Вот для того, чтобы мне попасть в Ваш (обращается к Руслану Равильевичу) медицинский центр, чтобы тренировать детей, чтобы у них зрение было лучше, я с помощью Вас или с помощью кого-то другого должен быть совершенно определённым образом «обтёсан». То есть меня сегодняшнего туда допускать нельзя, поскольку я профессионально непригоден. «Профессиональная пригодность» – это «обстругивание» человека.

Из зала – Можно пример привести, способ показать?

ЮБ – Ну, известно, что такое «способ работы преподавателя», да? Есть «преподаватель», есть «знания», есть «ученик» и есть разные (от дидактических до разных других) «способы передачи» этого знания и «контроля за компетенциями», за способностями, за разными другими вещами. То есть ты (или кто-то до тебя) этот способ схематизируешь и осваиваешь... А дальше, если ты работаешь так (в соответствии со схемой-способом), значит, тебя можно называть «преподавателем».

У «исследователя» совершенно другой способ работы: ты должен выделить «идеальный объект», ты должен выделить «метод», ты должен уметь «метод применить к идеальному объекту» и «апробировать его на эмпирии». Это тоже схематизируется. Если ты так действуешь, ты – «научный учёный».

У методолога третий способ работы, мы его будем обсуждать в следующий четверг. У проектировщика пятый способ работы, у программиста шестой, у организатора седьмой и т.д. Все они схематизируются. На то место, где должен быть организатор, учёный не должен попадать, поскольку когда он попадёт туда, он там всё разрушит, как такой червь, или вирус, всё парализующий.

Из зала – Он не сможет?

ЮБ – Он сам не сможет адекватно работать, и он всё вокруг будет разрушать. Вот как только попадут на место преподавателя люди, которые не владеют этим способом, они будут нести бедствия.

Из зала – Значит, их допускать нельзя?

ЮБ – Да-да, нельзя.

Из зала – Получается и «предприниматель» – это тоже способ?

ЮБ – Конечно, и есть схема работы предпринимателя. Есть схема работы бизнесмена. Это – разные вещи. Совершенно, разные.

Из зала – Крамольная мысль у меня возникла, такая. Если мы узнаем схему работы вуза и реализуем её, необязательно посещать пять лет вот это заведение?

ЮБ – Ну, так некоторые и говорят. Георгий Петрович, например, говорил: «Если взять первоклассника и обучить его категориальному анализу, я гарантированно обещаю, что могу его за 3 года провести по всей школьной 10-летней программе». Не нужно этого ничего, если ты владеешь техникой.

Из зала – «Маленький» моментик!...

ЮБ – Да, «маленький» момент. И здесь тоже, 90% того, что в этом университете даётся (пусть меня не слушают те, которые отвечают за это всё), это – не нужно. Это нужно для одного – чтобы кормить гигантскую армию профессоров и доцентов, которых, между прочим, 3 миллиона в стране...

Из зала – И никого нельзя уволить...

ЮБ – ...и их девать некуда. Они больше ничего не умеют делать. Но, на самом деле, это не нужно. И то, что Министерство образования давит со страшной силой, говорит, что нужно сократить количество студентов с семи миллионов до трех, а количество преподавателей с трех миллионов до одного миллиона – в ближайшее время, до 2015 года – это понятная политика. Но куда этих людей девать? – неизвестно. И они, эти люди, и университеты, и наш университет, в том числе, как общественные

образования, будут всячески проявлять рефлексивную реакцию, и тормозить этот процесс. Что наше начальство и делает. Ректор всё время ездит в Москву, и доказывает, что это «всё – неправильно», что «всё не так», что «разрушают систему образования».

Да, разрушают её. И – это уже *в-пятых* – **«критическая рефлексия»** как раз такая, разрушающая. Она, с одной стороны, разрушающая, а, с другой стороны, она созидаящая. То есть без критики никакого развития (слово «творчество» я не хочу употреблять), никакого нового состояния в развитии не может быть.

И Аристотель, и Кант, и Декарт, и Гегель, и Маркс, и Гуссерль, и Попов, и ГП – они все занимались одним и тем же. Они находили некую конструкцию, самую принципиальную и очень глубинную, как такую «первоклеточку», из которой может вырасти всё остальное определённого (другого) типа.

Есть «биологическая клетка» – у биологов. У Маркса была «клетка-товар», из которой он всю свою экономическую теорию построил. Как только находит мыслитель такую «перво-клеточку» (первооснование), которая отлична от других оснований, дальше всё остальное, что ему попадает, он, просто, как «мясорубка» перерабатывает по этому принципу, как «вирус». Всё остальное – на свой лад, как такая «раковая опухоль». «Раковая опухоль» имеется в виду не в негативном смысле, а вот именно в том, что она начинает все «клетки» по-другому переделывать. И тот же Кант всю жизнь писал эти свои критики: «Критика способности суждения», «Критика чистого разума», «Критика практического разума» и так далее. Последнюю так и не дописал. В «Критике практического разума» он остановился на середине. Ещё там у него был замах!

У Маркса в «Критике политэкономии» был замах на 8 книг. Но он сам опубликовал лишь одну, а три остальные – уже Энгельс после него (уже без него) скомпоновал, из набросков. Маркс тоже всё «перелопачивал» в соответствии с этим своим «вирусом деятельности». Это – такое высвобождение из пут. Он, как личинка, выдирался из той культуры с тем, чтобы построить свою, другую.

Из зала – Потом из неё кто-то снова будет выдираться?...

ЮБ – Да-да-да. И всё развитие – оно всегда так. Как наука – «вылупилась» из схоластики и всё заполонила, а теперь из неё – то же самое, пытаются выдраться, её всячески топчут, и из неё стараются вылезти.

И следующее поколение будет заниматься тем же самым.

Из зала – Из методологии?

ЮБ – Да-да-да.

Ну, и, наконец, последнее, *шестое* – **«закрывающая рефлексия»**. «Закрывающая рефлексия» – это рефлексивное замыкание мышления. Так методологическое мышление замкнуто. Все концы «спрятаны», всё друг на друга замкнуто, и всё друг через друга интерпретируется. Всё, что из другого мира, сюда не попадёт.

Точно так же, как и социальные миры, как и религиозные миры замкнуты. Специальная рефлексия, самооправдывающая, самоконтролирующая от распада и всего остального. Защитная такая функция. У науки тоже такое есть, про это очень много

написано. Самая известная работа – такой толстенный том «Структура научных революций», Томас Кун написал. Почитайте, очень занятно. Он говорит: Всякая нормальная наука вырабатывает «защитный пояс». И если начинают эту науку клевать и говорить, что здесь у неё концы с концами не сходятся... – существуют специальные техники, специальные институты защитные (в смысле – «социальные институты»), которые не позволяют это разрушить. Ответ один: «Этого не существует». И всё! И аргументов больше нет.

Из зала – Всё остальное лженаука.

ЮБ – Да-да-да.

Теперь другое: **по «временной направленности» различают, во-первых, «ситуативную рефлексию».** Это – типа «попал в ситуацию»: «поскользнулся, упал, потерял сознание, очнулся – гипс» – ситуация. Эта рефлексия направлена на сегодня, так скажем, на текущий момент.

Во-вторых, есть ещё **«ретроспективная рефлексия»** – это либо выделение того, что было, либо расслоение того, что было, либо критика того, что было. По временной направленности – это направленность в прошлое.

И, в-третьих, **«проспективная рефлексия»** – это развивающая и высвобождающая рефлексия.

По «типу организации» можно различить следующие. Во-первых, «топическую рефлексию», или «рамочную». Это было в притче про Кёльнский собор, про Солженицына, который вот эти топы раскладывал.

Во-вторых, **«разноуровневая рефлексия»** – это весь спектр от «рефлексивной возгонки» до культурной, технически поставленной «рефлексии оснований».

Ну, и, *в третьих,* **«объектная, теоретическая рефлексия»** – она бывает далеко не у всех, кто занимается наукой и строит теории. Очень часто люди, которые строят теории, рефлексией вообще не обладают. Они находятся внутри этой схемы построения, допустим, предмета какого-то. А «теоретической рефлексией», обычно, обладает мыслитель – либо философ, либо методолог, который может выделять те или иные объекты исследования. Увидит нового человека, парой слов с ним перекинется – и сразу понял, в чём тот живёт. Не «чем» живёт, а «в чём» живёт. Как в норке.

Это «объектная или теоретическая рефлексия». Она, как правило, позволяет понять, чем замкнут человек, к какому объекту «прилеплен». И он без него вообще жить не может.

Ну, всё! Остальное на следующей лекции. Может быть, вопросы какие-то есть или какие-то пожелания? Может быть, надоели эти картинки (показывает на слайды), может быть, на доске лучше рисовать?

Из зала – А вам не надоело их делать?

Из зала – Картинки лучше, их потом скачать можно.

ЮБ – Да, скачать можно. Потому что я по прошлым семинарам помню – если слайдов нет, то потом просто руки не доходят уже оцифровывать «наскальную живопись». А через некоторое время просто забываешь, что там, на доске, рисовалось.

Из зала – Мы фотографировали.

ЮБ – Когда я готовил к изданию «Семь прикосновений...», я попытался посмотреть то, что вы там фотографировали. Ничего разобрать невозможно. Там, на доске такие «ковры с узорами», разноцветные...

Из зала – А вот слово «рефлексия» другим словом можно заменить, или нет? Или оно самое удачное?

ЮБ – Нет, Ира, я как раз говорил, что для современных трактовок оно не очень удачно, поскольку это уже трактуется не как отражение. В современной трактовке...

Из зала – А как?

ЮБ – ...как правило, это – механизм переделки того, что было, а вовсе не отражение существующего. То есть после немцев вся рефлексия активная, а «активность» – это не отражение. «Рефлектор» пассивен, луч пришёл – луч ушёл. Точно так же, как этот самый Локк предполагал, что в сознании сидит «маленький человечек», который наблюдает за тем, что делает «большой человек», и отражает. Вот такая у него была фантазия на этот счёт

Из зала – Получается, если это слово неудачное для того, что оно характеризует на данный момент, то зря они все дрались. Получается, что немцы просто претендовали на этот термин, потому что более удачного не нашли?

ЮБ – Ну, ведь слов-то неудачных очень много. Знаете, что означает слово «деятельность»? У древних греков «деятельность» означала «энергия». Вот, когда физики используют энергию, они что, деятельность используют? Я могу привести миллион подобных примеров, например, «атом». Чрезвычайно неудачное слово для современной физики. «Атом» в переводе с греческого – «неделимый». Вот такими терминами все науки в изобилии напичканы.

Из зала – Просто, один человек назвал «рефлексией» то, что он понимал...

ЮБ – Да. Это закрепилось в культуре, а дальше спорят уже не над словом, а над содержанием. А слово остаётся как «этикетка», не более того

Из зала – Назови это другим словом и спора не будет

ЮБ – Нет-нет.

Из зала – Как же?

ЮБ – За этим же шлейф содержания идёт, к примеру, за атомом. Как можно делимый атом назвать другим словом, там же вся остальная конструкция рассыплется и не будет преимущества культуры.

И здесь точно так же. Например, Пётр Георгиевич пытался ввести новое различие, я на нескольких его лекциях это слышал. Он различал «ре-флексия» – это когда оборачивание назад и «флексия» – когда оборачивание вперед. То есть не от слова «reflexus», как по латыни, а от слова «flex» – «изгиб». То есть в зависимости «изгиб назад» или «изгиб вперед». Но что-то не очень сильно приживается... Может, со временем, приживётся. «Флексия» была бы, наверное, лучше...

Из зала – Просто, «флексия»?

ЮБ – Но с ньютоновскими «флексиями» очень это перекликается...

Из зала – А вот как в настоящий момент правильно сказать про рефлексию – это «понятие» или «термин»?

ЮБ – Это – техника, но и термин. Смотрите, у латинян было «слово», Локк его сделал «термином». То есть, когда слово превращается в философии или в какой-то науке в такое, однозначно понимаемое. «Термин» и «слово» – это однопорядковые вещи. То есть это, попросту, дребезжание звука. В отличие от «смысла», «содержания» и «понятия». «Понятие» – это же не слово. «Слово» – это этикетка, либо звуковая, либо можно написать. «Термин» – это слово, которое попадает в какую-нибудь теорию и становится общезначимым и общепонимаемым. Ну, вот, например, в физике – «масса», «работа», «сила». Когда-то это были просто слова, а затем (у физиков) стали терминами.

И Локк сделал из «рефлексии» термин. А дальше спорили не над термином, а спорили только над содержанием.

Из зала – А теперь это, что? До понятия не дошло?

ЮБ – Нет, тут же как? «Слово», за словом стоит «понятие», за понятием стоит «сущность», ну, а там стоит какая-то «метафизика» или «онтология» (рис. 4.6).

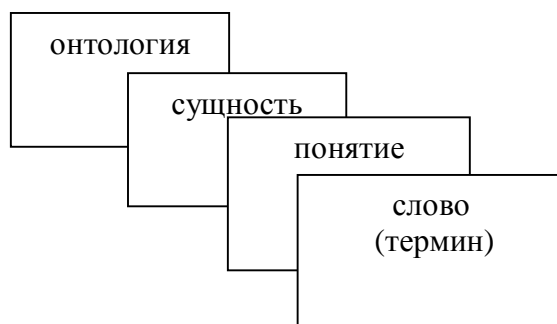

Рис. 4.6. Мыслительные слои, стоящие за словом (термином)

Из зала – А термин? Что он делает?

ЮБ – Тут возникает вот такая связка: мы говорим «сила», и сразу срабатывает... Мы даже можем не понимать этого. Но, вообще, если у физика мышление есть, оно раз, и сразу замыкается в определённой метафизике: «сила» бывает там-то, связана с другими терминами так-то, пишется формула и т.д. И все физики это воспринимают однозначно. А, например, в биологии сил не бывает, или в какой-нибудь экономике. Там – другие термины. Поэтому «слово» всегда обозначает «понятие», а «понятие» указывает на «сущность» (или на «функцию», в зависимости от того, какое понятие). Ну, а это всё в каком-то онтологическом существовании берётся.

Из зала – А бывают понятия без слов и слова без понятий?

ЮБ – Вот это – хороший вопрос.

Из зала – Как у Льюиса Кэрролла, допустим.

ЮБ – Наверное, не у каждого слова есть понятие.

Из зала – Хрюндики...

ЮБ – Да, хрюндики, мумзики...

Из зала – Получается, несколько рефлексивных техник есть, да?

ЮБ – Да. Вот, у Левефра была одна техника, у Попова – другая, у деятельностной рефлексии – третья, а у философов – четвертая.

Из зала – Юрий Михайлович, так всё-таки, «термин» – это понятно, что слово, которое обладает единым для всех смыслом...

ЮБ – Не для всех, а для определённого профессионального сообщества.

Из зала – Только для профессионального?

ЮБ – Да, только для профессионального сообщества. Поскольку «термин» – это именно профессиональное слово. Есть масса других слов, бытовых, которые терминами не являются.

Из зала – А «термин» – он может быть как часть определения или понятия?

ЮБ – Нет. Это – слово, это – «этикетка». Но профессиональная «этикетка». Точно так же, как в известном анекдоте... Есть такой анекдот по поводу анекдотов. Говорят: «49-й анекдот». Все: «Ха-ха-ха». Этикетка – «49», а смысл и всё остальное, что за этим, сразу всплывает. «Термин» – это такое слово, когда сразу всплывает вся вот эта «гармошка» (рис. 4.6).

Из зала – А «слово» это просто слово?

ЮБ – А «слово» – это просто слово, оно может вообще ничего не означать.

Из зала – А за «понятием» же тоже что-то всплывает.

ЮБ – А понятие всегда на сущность (или функцию) указывает. Помните, я такую большую картинку рисовал (рис. 2.14), где действие на объект выделяет свойство, которое обозначается знаковой формой... Получается знание. Это действие, с одной стороны, указывает на сущность, а, с другой стороны, на понятие. Это такая, многомерная конструкция.

Из зала – Ещё раз можно?

ЮБ – Можно, пройдемся ещё раз, начиная с рис. 2.8: действие на какой-то объект выделяет свойство, которое обозначается. Соответственно, здесь знаковая форма, здесь – оперирование со знаковой формой, затем возвращение к реальности уже измененного объекта. Это действие указывает, с одной стороны, на сущность, а, с другой стороны, – на понятие. Это в одной плоскости, это в другой плоскости. А здесь ещё категория, это в третьей плоскости. И мышление всё должно удерживать. И ещё метод есть. Это четвёртая плоскость...

Из зала – Юрий Михайлович, мне немножко не понятно. Вот, когда про это всё речь шла, потом это всё вы зачеркнули и сказали, что это всё разрушается...

ЮБ – Это научно-практическое мышление было так устроено.

Из зала – А сейчас оно работает только в определённом месте? Или оно вообще не работает? Тогда зачем это знать? В том смысле, что зачем эти работы?

ЮБ – Если этого не знать...

Из зала – Но ведь разрушается...

ЮБ – Нет, остатки-то эти живут. Остатки живут, и если не знать, от чего нужно отказываться, по отношению к чему критическую рефлексию осуществлять, то новое и не появится. Вас туда, в старое, будет, как в воронку, затягивать.

Из зала – Ну, да.

ЮБ – По идее, мы должны выработать у себя способность по любому поводу относительно этого наводить критику и тем самым высвободиться из него. На самом деле, «трясина» очень жуткая.

Из зала – А в чём там тогда проблема?

ЮБ – А проблема в том, что такие предположения были в своё время сделаны, что, на самом деле, сейчас это уже не живёт. Ну, например, предположение такое, что если я в знаковых формах описываю какие-то объекты, то объекты на это никак не реагируют.

Из зала – Да? Предположение, что они не меняются?

ЮБ – Не меняются. А по отношению к общественной реальности это меняется, даже уже по отношению к физике это меняется. Физики дошли до того, что в зависимости от того, что они делают, у них то – волна появляется, то – частица. А уж в обществе, если ты обозначил – назвал «капитализмом», этот капитализм сразу начнёт меняться.

Из зала – От одного знания меняется?

ЮБ – Конечно, мы же действие осуществили. Чтобы выработать знания, обязательно действия нужно осуществить.

Из зала – Да.

ЮБ – Чтобы узнать, что уголь горюч, его нужно в костёр бросить. Сам по себе уголь, если будешь рассматривать, никогда не узнаешь, что он горюч.

Из зала – Мы здесь сказать ничего не можем. Рефлексия всё разрушает.

ЮБ – Как это?

Из зала – Всё же меняется.

ЮБ – Нет, то, что неизменно, нужно рефлексировать как неизменное. А то, что «изменное», то нужно соответственно рефлексировать как изменяемое...

Из зала – Но есть же слова, которые употребляются всеми.

ЮБ – Смотрите – «атом». Трудно предположить, что он во времена Аристотеля был другим. Ну, например, атом водорода. По отношению к этому атому можно такое предположить. Но это же очень узкий класс вещей. А гигантская область жизни, особенно общественной жизни, и даже биологической жизни – по-другому устроены. На биологию всё время биологи влияют по-разному: кто с помощью лекарств, кто с помощью тренингов. Вы думаете, биологический организм остаётся тем же самым? Он меняется. А в биологическую теорию не заложено такое предположение, что от наших действий мы должны меняться. Вы думаете, что там, в мозгу – сидит «маленький человечек», и он там наши реакции осуществляет? То подтянет глаз, то не подтянет. Нет там этого человечка, там другие, рефлексивные механизмы работают. Именно рефлексивные.

Из зала – Но не от слова «рефлекс».

ЮБ – Но не от слова «рефлекс». А от слова «рефлексия». Всё, давайте, пойдём. Все уже устали. Всем спасибо.

5. МЕХАНИЗМЫ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

ЮБ – У нас сегодня 18 ноября, пятая лекция – и вторая часть темы «Рефлексия». В этой второй части у нас остался подпункт, который называется «Механизмы методологической рефлексии». Сначала я несколько слов скажу в общем.

То, что мы сегодня должны с вами обсуждать, должно носить, что называется, механизмический характер. То есть не просто словами описывать некоторые вещи, которые до сих пор я делал, а попытаться построить такие конструкции, которые можно было бы использовать технически. Грубо говоря, «делай раз, делай два...»

Львиная доля того, что я сегодня буду обсуждать – это разного рода схемы, касающиеся рефлексии. И, соответственно, я сначала пройду по тем пунктам, которые я в прошлый раз обсуждал, и по тем авторам, которые в прошлый раз назывались, начиная с Аристотеля.

Я здесь попытался нарисовать (и сейчас вы это увидите), что собой представляли эти механизмы. Это всё в моей реконструкции.

Как думал Аристотель, я, конечно, знать не могу. Но, судя по тому, что у него в текстах написано (хотя он слово «рефлексия» не употреблял), то, что можно сейчас, с нашей «колокольни», интерпретировать как рефлексию, это можно таким образом изобразить (рис. 5.1). Здесь три пространства, которые, как бы, друг за другом находятся. Его главная задача состояла в том, чтобы описать физику. «Фюзис» по-гречески – «природа», то есть тот природный мир, в котором, как считал Аристотель, живут люди. Тому, как этот фюзис устроен, посвящена у него известная книга, которая называется «Физика». За физикой стоит то, что здесь написано – «метафизика». «Мета» означает «за» или «под», чаще всего, «за физикой». То есть это те основания, те правила и те исходные посылки, на которых строилась физика Аристотеля. И там стрелочка пунктирная, то есть метафизика фактически задавала всё то, что Аристотель прописал в своей знаменитой книге «Физика».

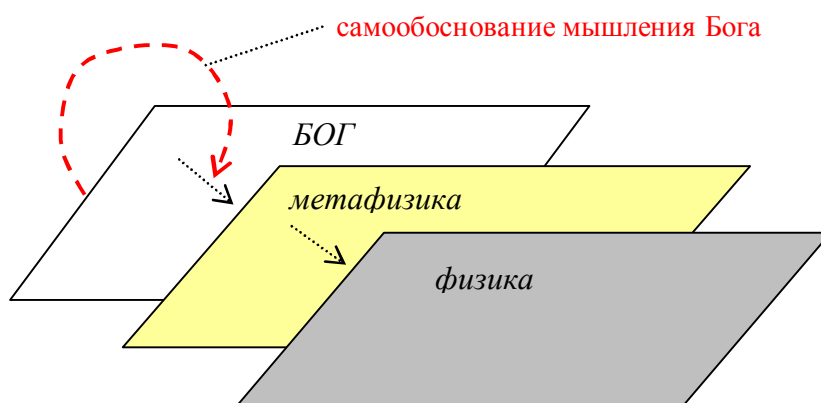

Рис. 5.1. Механизм рефлексии по Аристотелю

Ну, а для того, чтобы свести концы с концами, он ввёл достаточно своеобразный оборот. Он ввёл представление о Боге. Причём, не о тех греческих богах, которые тогда на Олимпе жили, а о некоем едином Боге. Причём, он понятие Бога сформу-

лировал как «самообоснование самого себя». Вот эта пунктирная изогнутая стрелочка (и дальше так же красным цветом будут изображаться рефлексивные траектории движения мысли).

Здесь как раз показано, что, по Аристотелю, рефлексия – это самообоснование мышления Бога, которое ему нужно было для того, чтобы не вставал вопрос (а он, видимо, в то время вставал) – если физика обосновывается метафизикой, спрашивается, чем обосновывается метафизика? И кто эти исходные основания ввёл?

Судя по всему, Аристотелю нельзя было говорить, что он сам это всё придумал, поскольку ему бы никто не поверил. Мало ли, кто, что может придумать. Тем более, в такой «продвинутой» стране, как Древняя Греция, где каждый второй, в той или иной степени, философ или софист. Поэтому ему понадобилось ввести представление о Боге, который обосновал метафизику и сам рефлексивно контролировал это обоснование. То есть замкнул всё, в общем, на такую субстанцию, которую проверить нельзя. Тем самым он обрубил все концы, все придирки, поскольку дальше Бога ничего нет.

Потом, как я говорил в прошлый раз, были некие рефлексивные рассуждения у схоластов. Но я здесь не буду про них говорить. Там это всё обрывочно. Тем более, они саму такую терминологию не использовали. Поэтому я сразу перейду в XVII век к Джону Локку.

Я вам прошлый раз говорил, что Локк ввёл в философию само это слово и исходное представление о рефлексии (рис. 5.2).

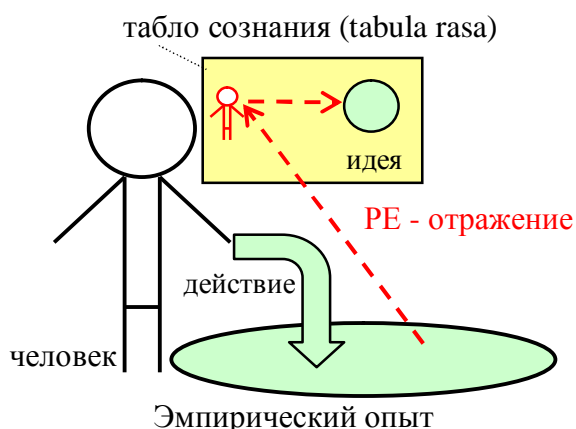

Рис. 5.2. Механизм рефлексии по Локку

Он ввёл представление о так называемом «табло сознания», на латыни «tabula rasa» – «чистая доска». На «табло сознания» отражается эмпирический опыт человека. Человек действовал, в результате у него появлялся какой-то опыт, и дальше вот такая была мистическая вещь. Локк представлял, что в сознании человека сидит ещё один «маленький человечек» (вот он прямо там и нарисован), который следит за тем, что делает большой человек и фиксирует в сознании его опыт. На основании отражения в сознании вырабатываются идеи (на рисунке «PE-отражение» – рефлексивное отражение в сознании опыта человека).

Ну, и сам Локк это всё квалифицировал таким образом, что рефлексия нужна была «для обеспечения веры и познания». На счёт «познания» я здесь могу как-то по-

нимать. А что касается веры, я, честно говоря, не очень понимаю, что он здесь имел в виду. Но, видимо, для чего-то это ему надо было, поскольку Локк был верующим человеком. В XVII веке ещё не отказались от веры в Бога. И, скорее всего, это надо было для того, чтобы, говоря современным языком, найти «консенсус с церковью». Потому что то, что он таким образом описывал, я так понимаю, достаточно сильно входило в противоречие с религиозными канонами.

Что касается познания, то тут всё достаточно очевидно. Локк всегда считал, что познание может быть только эмпирическим. **«В уме нет ничего, кроме того, что есть в чувствах»** – классический тезис Локка. С его точки зрения, ничего, кроме эмпирического познания, не бывает, в принципе. Всё остальное – фантазии и выдумки.

Ну, а механизм, который изображен на рис. 5.2 – это чистое отражение. Отражение того, что человек эмпирически делает и получает. Как этот «маленький человек» преобразовывал отражённый эмпирический опыт в идеи? – об этом Локк не рассуждал (в его работах я, во всяком случае, не видел). Но об этом говорил его непримиримый оппонент Готфрид фон Лейбниц. На приведённый выше тезис Локка, его ответ был: **«Кроме самого ума»**. Собственно говоря, на оппозиции и очень жёстком противоборстве между Локком и Лейбницем и возникло это представление о рефлексии. Так, во всяком случае, описывают методологи и культурологи: и Георгий Петрович про это говорил, и у Розина Вадима Марковича это можно прочитать, Он даже больше, чем ГП этими вещами занимался.

Здесь один маленький момент, но он очень важный – в таком механизме рефлексии, который зафиксировал Локк, познание человека и сама рефлексия – вещи пассивные. Рефлексия у Локка ничего не производит. Она, грубо говоря, как зеркало, отражает, не более того. Вот относительно этой пассивности и был основной спор между Локком и Лейбницем.

Лейбниц совершенно по-другому представил механизм рефлексии (рис. 5.3).

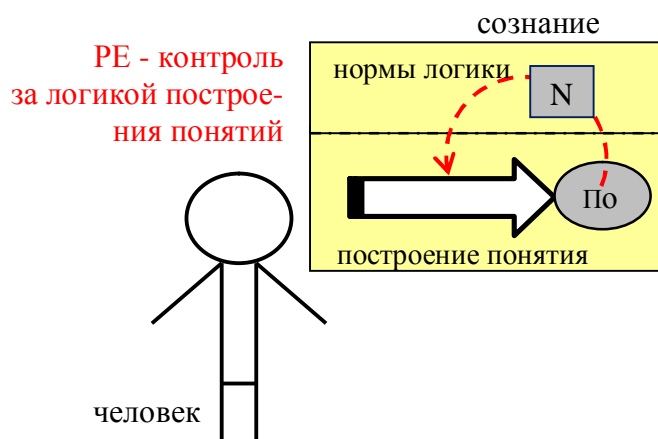

Рис. 5.3. Механизм рефлексии по Лейбницу

Лейбниц и Локк, были, так скажем, «психологи́сты». Тогда этого термина не было, но, если их рассматривать с современной точки зрения, то они – чистые «психологи́сты», потому что всё, что человек знает, умеет, делает – всё это у него через сознание и только благодаря сознанию осуществляется. «Сознание» и «психика»,

фактически, не отделялись друг от друга, хотя графика (на рис. 5.2 и 5.3) такая, что квадратик, который Локк называл «*tabula rasa*», хоть он и вынесен из головы, но тогда фактически предполагалось, что это всё в голове существует. Просто, рисовать в голове сложно, поэтому так изображают... Это уже гораздо позже, когда появились методологи, они уже совершенно осмысленно стали сознание («табло сознания») выносить за пределы головы. Более того, ещё и специально много-много раз толковали о том, что сознание бессмысленно искать где-то, в каком-то месте. Оно – не «где», оно – «как». То есть **сознание – это механизм, а не какое-томестилище.**

Механизм рефлексии, по Лейбницу, отвечал за логический контроль при построении понятий. При этом Лейбниц жёстко настаивал на том, что механизм рефлексии у человека – это активный механизм, активные действия человека. И главное назначение рефлексии – это рефлексивный контроль за построением понятий. Понятия, по Лейбницу, строились в мысли. Никакого отношения понятия к эмпирическому опыту не имели. И основное, что приносила рефлексия в построение понятий, которые человек вырабатывал в своем сознании, – это нормы, которые отдельно в сознании лежали (на рис. 5.3 отделено пунктирной линией), которые человек накапливал в процессе своего образования и жизни.

Фактически, с Лейбница началась вся очень длительная немецкая линия развития представлений о рефлексии. Немецкая линия, в отличие от английского эмпиризма, вся построена на представлении об активной рефлексии – не просто отражение чего-то, а именно действия мысли в разных направлениях, о которых ещё будет идти речь. Лейбниц представлял это как построение понятий. Очень мало в этом отношении литературы о Лейбнице, где он высказывал своё отношение к рефлексии. Но у Лейбница известна одна такая важная вещь, это про него написал Вольф. Сам Лейбниц про такие вещи вообще не писал. Христиан Вольф был его учеником, который остался в истории главным образом благодаря тому, что он, фактически, всё то, что делал Лейбниц, за ним, как писарь, записывал и потом всё публиковал. Даже когда Лейбниц умер, ещё длительное время Вольф всё обрабатывал и всё выдавал. И «Монадологию», и интегрально-дифференциальное исчисление, и много-много чего Лейбниц при жизни не публиковал и считал, что это, вообще, второстепенные вещи. А у самого Лейбница всю жизнь была фикс-идея – он пытался построить логическую машину по построению понятий обо всём на свете. И придумывал разные конструкции, которые могли бы эту задачу жизни реализовать. Лейбницу принадлежит проект Академии наук, в том числе, Лейбниц лично своим участием организовал Академию наук в России. Наша Российская Академия наук – это его детище. Он, вообще, предполагал, что Академия наук будет такой организационной «машиной», которая будет заниматься только тем, что будет следить за строем понятий, их постоянно прочищать и выстраивать в понятийные ряды. Но он ошибся, и Академия наук начала заниматься совсем другими вещами.

Поэтому и рефлексия у него, как глубинный, внутренний механизм, была тоже на это направлена. Мало кто, я думаю, слышал и знает о том, что у Лейбница была такая глобальная идея жизни – построение автоматов по построению понятий, так

скажем. А вот много разных других вещей, которые Лейбницу теперь приписываются, описал после его смерти Вольф, заодно сам вошёл в историю.

Так же, как Платон. всю жизнь был учеником Сократа, а потом воспроизвёл те диалоги, которые бесконечно вёл Сократ на площадях... Или написал в своей собственной интерпретации (об этом теперь уже никто не узнает). Но, тем не менее, все работы Платона – это диалоги Сократа. Сократ ни одной строчки сам не написал.

Таких примеров в истории было много. В физике тоже была такая же пара – Ландау и Лифшиц. Есть такая толстенная книга, учебник по квантовой механике. Во всех крупных физических университетах Советского Союза, в том числе, в Новосибирском, где я учился, квантовую механику учили по этому учебнику. Про этот учебник мои знакомые физики шутили, что в нём «нет ни одной строчки Ландау и ни одной мысли Лифшица». Но факт есть факт – когда это всё было опубликовано, Лифшиц тоже стал академиком.

После Лейбница рефлексиию «поднял на щит» Кант. «Кантоведы» даже считают, что если бы не было полемики, причём, острой полемики, между Локком и Лейбницем, то, скорее всего, Кант бы и не «проснулся от спячки». Известно, что Кант был совершенно рядовым профессором – сначала астрономии, потом физики, потом философии, причём такой, рядовой философии, ничем не выделяющейся. Главным образом он читал в Кенигсбергском университете лекции по истории философии. Никаких собственных продвижений в философии у него не было до 60 лет. Первые философские книги он опубликовал на 61-м году жизни. И считается, что эта полемика Лейбница с Локком его к этому и сподвигла. Причём, самое существенное – это именно рассуждения про рефлексиию и механизмы действия рефлексии. И легенды говорят о том, что познакомившись с этой полемикой, Кант надолго задумался, в результате получился тот Кант, которого теперь все знают.

По Канту, рефлексия принадлежит не телесному человеку (рис. 5.4), а «гносеологическому субъекту». Это не телесный человек, это не учёный, который имеет конкретную фамилию. Это «научный ум человечества», такой, «собираТЕЛЬНЫЙ учёный», так скажем, «абсолютный исследователь». Он ввёл для этого термин «субъект», или «гносеологический субъект». Слово «субъект», конечно, и до Канта существовало. По латыни «субъект» («суб-иект») – это «положенный под что-то». «Суб» – «под», «субподряд» и так далее – теперешние словечки отсюда же. Но Кант ему придал новый смысл.

«Субъект», ещё раз повторяю, во времена Канта и, тем более, у самого Канта, ни в коем случае не трактовался как конкретный человек, которого мы теперь называем «субъектом». Это была совершенно объективная мыслительная конструкция, которой приписывались абсолютные способности к исследовательской работе. У него главная задача, которую он перед собой поставил после этого толчка со стороны Локка и Лейбница, – это найти условия возможности научного знания. То есть, при каких условиях абсолютное научное знание в принципе возможно. И он, начиная с 60 лет (а дожил он до 80 с чем-то лет), 20 лет ещё только на эту тему и рассуждал. Написал ку-

чу критик – «Критика способности суждения», «Критика чистого разума», «Критика практического разума», и ещё что-то. Я уже говорил об этом.

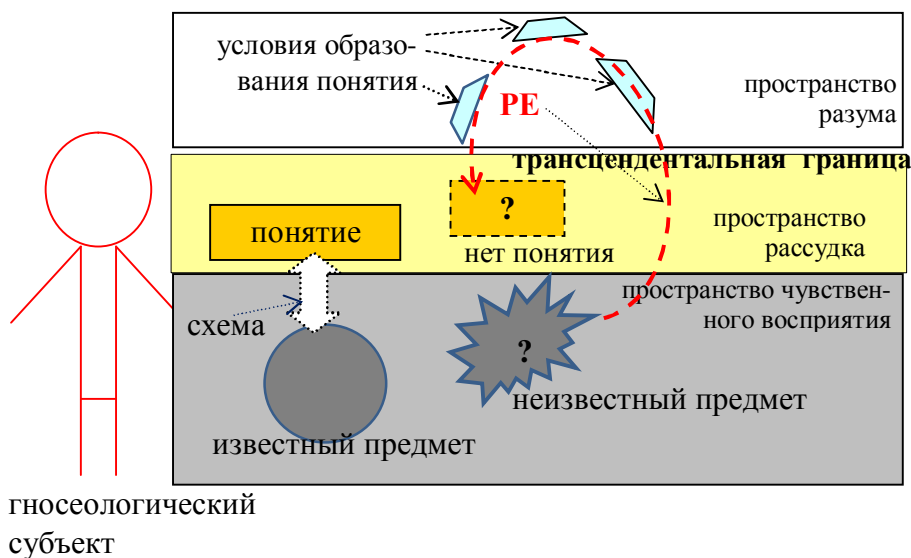

Рис. 5.4. Механизм рефлексии по Канту

Так вот, рефлексия по Канту нужна для нахождения трансцендентальных условий образования понятий. Вот здесь очень важное словечко, которое тоже «заумное», может быть, для некоторых, – «трансцендентальное». «Трансценденция» – это то, что находится по ту сторону реального мира. Кант исходил из того, что человек одновременно живёт как в реальном мире (в мире чувственных предметов, которые воспринимаются органами чувств), имея при этом рассудок, так и способен выходить по ту сторону этого реального мира и рассудка, туда, где существует такая субстанция, как «разум».

И все его рассуждения, если вы прочитаете «Критику чистого разума», построены на том, что он пытался найти условия, при которых пространство разума связывается через рассудок с пространством чувственного восприятия (вот это, нижнее пространство рис. 5.4, где вещные предметы, чувственные предметы, которыми человек оперирует за счёт того, что у него в пространстве рассудка есть соответствующие понятия).

Предполагалось, что человек был создан господом Богом (Кант в этом был твёрдо уверен) и что пространство разума – это, фактически, божественный разум. Не индивидуальный, а божественный, абсолютный разум. Для ответа на вопрос: каким образом абсолютный разум через рассудок доходит до чувственности отдельного человека? – он придумал такую конструкцию, которую назвал «схематизм сознания» (на рис. 5.4 – вертикальная двухсторонняя стрелочка, которая связывает понятия рассудка с чувственными ощущениями). Если человека научают каким-то понятиям, и он за счёт органов чувств видит какие-то предметы, ощущает их и так далее, то у него формируется автоматизм «склейки» рассудочного понятия и вещественного предмета, который осуществляется за счёт «схематизма сознания». Взглянул и сразу определил, что это корова, а не собака, и не человек, и не слон.

А вот, когда исследователь, или абсолютный гносеологический субъект сталкивается с таким предметом, который не известен науке, тут и возникает необходимость в рефлексии. И **рефлексию он трактует именно как трансцендентальный механизм нахождения условий складывания нового понятия.** То есть механизм, который прорывает границу между пространствами рассудка и разума. И в разуме за счёт того, чем оперирует разум (а по Канту разум оперирует только этическими и эстетическими категориями и понятиями), находятся условия построения нового понятия. Как только новое понятие за счёт рефлексии соответствующих условий построено, устанавливается автоматизм в стыковке понятия с соответствующим предметом, или схема. И предмет перемещается в разряд известных, которому есть соответствующее понятие, и с которым известно как действовать.

Для известных предметов и известных понятий рефлексия не нужна, по Канту. То есть здесь, опять же, продолжена лейбницева линия на активное действие рефлексии по построению понятий. Иначе говоря, если бы не было рефлексии, которая может осуществлять то, что он называл «трансцендентальной апперцепцией», то есть прорыва трансцендентальной границы и апперцепции – соединения разнородных условий, и формирования за счёт этого соответствующего понятия, то научное познание было бы невозможно.

Я не знаю, я, вообще, сильно заумно говорю или не очень?

Из зала – Мне понятно.

ЮБ – Если будет что-то непонятно, вы, пожалуйста, спрашивайте, потому что, когда такая молчаливая аудитория, страшно становится. То ли совсем... Ладно, не будем продолжать.

Из зала – А у методологов, что выделяет рефлексия?

ЮБ – Давайте об этом чуть позже. До методологов мы дойдем, и будет всё ясно, что они там выделяют, чего не выделяют. Потому что без этого говорить про методологов, я думаю, просто невозможно. *Во-первых*, преждевременно, *во-вторых*, там потом выяснится, что методологи, вообще, всё это в одно собрали и переделали на свой лад. Причём, у всех взяли помаленечку.

Из зала – Юрий Михайлович, «условия образования понятия» – это некие культурные нормы, которые должны...

ЮБ – Нет, не было у него там никаких «культурных норм».

Из зала – В смысле...

ЮБ – Нет-нет.

Из зала – Все понятия должны строиться однотипно с определёнными условиями или как? Или рефлексия – это понятие и формирует?

ЮБ – Нет, должны быть задействованы способности субъективного рассудка по построению понятий.

Из зала – Они как рамки нарисованы?

ЮБ – Именно как рамки.

Из зала – Рамки логические?

ЮБ – Именно логические, конечно.

Из зала – Категории?

ЮБ – У Канта вообще «понятия» и «категории» практически не разделялись. Он, правда, там говорит, что помимо так называемых «чистых понятий, или категорий» (прямо так вот и пишет), существуют ещё «эмпирические понятия». Эмпирическим понятиям соответствуют эмпирические вещи. У коровы, соответственно, есть эмпирическое понятие коровы. А, допустим, у какого-нибудь понятия «право» нет эмпирического аналога.

Из зала – По Канту, «право» можно назвать категорией.

ЮБ – Да.

Из зала – Вот ваши студенты и диссертанты могут говорить: «А я по Канту понятия и категории объединяю».

ЮБ – Если бы они по Канту работали! Словечки-то обычно берутся, а там дальше...

После Канта свой определенный вклад внёс Иоганн Фихте. Фихте был, по моему, профессором Гейдельбергского университета.

На самом деле, Фихте почти ничего не сделал в философии. Вот если бы не эти рассуждения про рефлексию, то про него точно бы никто не знал. Потому что у него основные работы по так называемому «наукоучению» носят полуполитический характер, и, в значительной мере, – характер политических памфлетов. Некоторые из методологов, вообще, говорили даже более жёстко, что Фихте занимался исключительно самовосхвалением. «Что такое Я?», «Как моё Я может жить в истории?», «Как моё Я может относиться к этой политической ситуации?», которая тогда была, ну, и так далее.

Но помимо этого самовосхваления и бесконечного «яканья», у Фихте есть то, что он называл «филиацией идей» или «филиацией знания». И это – некоторое продвижение, по сравнению с Кантом.

По Канту, понятия и категории – врожденные, и рефлексия гносеологического субъекта может только найти в пространстве разума соответствующие условия для тех понятий, которые ещё неизвестны, и их проявить. Они всё равно там присутствуют, в разуме, только их нужно найти и соответствующим образом применить для формирования нового понятия.

По Канту, никакого развития ни идей, ни мыслей не предполагалось. Понятия носили врожденный характер, они от Бога. ГП по этому поводу говорил, что если бы сейчас Кант вдруг ожил и услышал, что понятия можно не только строить, но и развивать, он бы сразу от инфаркта снова и помер, потому что это вынести совершенно невозможно, с точки зрения мышления Канта.

Из зала – Канта или Фихте?

ЮБ – Канта. А вот Фихте как раз привнёс идею о том, что и понятия, и знания развиваются в истории. Более того, он самый первый стал утверждать то, что знание – это не статическая конструкция, от Бога данная, или ещё кем-то придуманная, без разницы, а непрерывное развитие, непрерывное изменение. То есть знание есть про-

цесс. И вот этот процесс изменения знаний он назвал «филиацией мысли» или «филиацией идей».

Этот процесс изменения знаний (идей, мысли), по Фихте, осуществляется в сознании человека – здесь опять возвращение назад. Это шаг назад по сравнению с Кантом, поскольку Фихте опять вернулся к психологизму конкретного, отдельного человека. Ну, видимо, по-другому и не могло быть, поскольку его личное Я было выше всего.

По сравнению с Кантом, это точно был шаг назад, откат, потому что Кант всё-таки догадался до того, что мышление конкретным индивидам не принадлежит и должно рассматриваться как такое, объективное явление, куда отдельные маленькие телесные человечки могут только так или иначе, в большей или меньшей степени, присоединяться.

Ещё один момент, который особенно методологи московской школы оценили и задействовали у себя, я об этом ещё буду говорить. Фихте обсуждал вопрос о том, как сознание можно освободить от того, что в нем накапливается, складывается, меняется? Этот вопрос для него был принципиальным, поскольку он считал, что одной из фундаментальных ценностей человека, человеческого «Я», является свобода, в том числе от связывающих сознание мыслей. Фихте (по мнению Никиты Глебовича Алексеева, про которого я в прошлый раз говорил), фактически, поставил перед собой вопрос барона Мюнхгаузена: как можно вытащить себя из «трясины» тех знаний, которые накапливаются в сознании человека за всю жизнь, и его поработают? Человек, обременённый знанием, он и есть обременённый. Сам же Фихте ответил на этот вопрос примерно в том же духе, что и Мюнхгаузен. Мюнхгаузен только за волосы себя из трясины вытаскивал, а этот ответил немного по-другому. Он сказал, что освободиться от накапливающихся знаний и мыслей человеческое сознание может, выложив свои знания и процесс мышления внутри сознания на внешние носители, на доску (рис. 5.5).

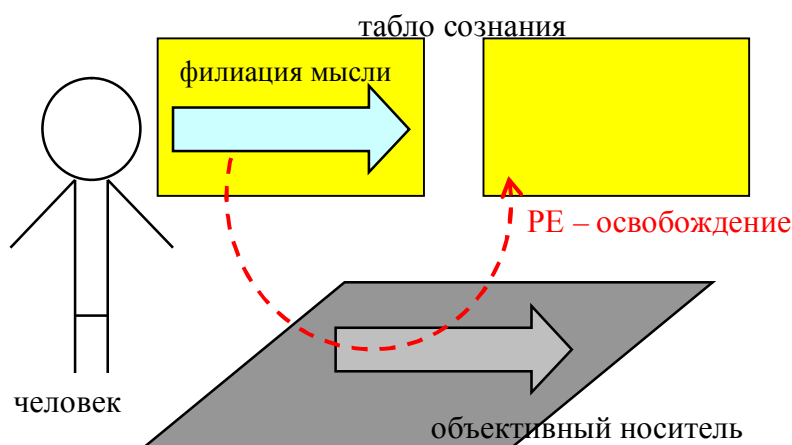

Рис. 5.5. Механизм рефлексии по Фихте

Это всё равно, что (как у нас теперь говорят психологи) «выговориться»: если у тебя там что-то накопилось внутри, то обязательно нужно найти какого-нибудь собеседника или собеседницу и «поплакаться в подушку», и у тебя наступит облегчение.

Только вместо «слёз в подушку» он совершенно чётко сформулировал другой «рецепт»: нужно вынести свои мысли на доску, и тем самым ты будешь парить над этим мыслительным построением. Твое сознание «будет парить, как ясный сокол, над холмами мышления».

Вот это, собственно говоря, то продвижение, которое Фихте сделал, благодаря которому он остался в истории философии и истории человеческого мышления.

И действительно, с тех пор вот этот способ освобождения сознания работает просто железно. На играх это сотнями раз воспроизводилось на протяжении тех десятилетий, когда игры шли почти непрерывно. Я имею в виду оргдеятельностные игры, проводимые методологами. Как только человека вынуждали положить на доску то, что он думает, с таким человеком дальше можно было работать. Это его уже не держало, и можно было обсуждать: а как вот это, положенное на доску, можно видоизменить? Трансформировать? И так далее.

И, несмотря на то, что Фихте сделал шаг назад и вернулся к психологизму, эта немецкая линия на активность рефлексии осталась, но только немного трансформировалась. Если у Канта рефлексия уходила в трансценденцию, то есть в «потусторонний» мир, в мир божественного разума, то у Фихте – зеркально противоположная рефлексия. Она связывала сознание с внешними объективными носителями, которые, фактически, это сознание и освобождали. Вот это то, что касается Фихте.

Из зала – Можно один вопрос?

ЮБ – Да.

Из зала – «Освобождение сознания от накопленных знаний», это имеется в виду – от знаний, которые человек в опыте приобрёл? Или это то, что он сам?...

ЮБ – От всех, без разницы. Он, вообще, не различал этого.

Из зала – А что значит, «от чужих», типа «привнесённых знаний», что ли?

ЮБ – Это значит такую вещь. Когда Вы мне в прошлый раз говорили: «Наша теория работает хорошо, но оказывается, что и теория наших оппонентов тоже работает». Пока Вы вот так будете жить в своей теории и таким образом рассуждать, Ваша теория Вас связывает. Вы от неё не свободны, это Ваши оковы, которые Вас по рукам и ногам связывают. И всё, что не соответствует Вашей теории, Вы, в лучшем случае, усомневаете, а, в худшем случае, вообще...

Из зала – Игнорирую.

ЮБ – ...игнорируете, или считаете, что там полный идиотизм и шарлатанство. А дальше возникает вопрос: если бы Вы попали на оргдеятельностную игру лет 20 назад, и вот так бы начали рассуждать, Вас бы разными способами вынудили показать на доске, что это за Ваша теория такая?

Из зала – Написать?

ЮБ – Нет. Смотрите, с одной стороны, написать основные положения теории. А дальше Вас бы спросили: а вот эти Ваши основные положения, на каких предположениях основываются? Или, на каких основаниях?

Понимаете, что называется «основаниями»? То есть вот так же, как у Аристотеля физика основывалась на тех посылах и предположениях, которые он сформулировал в метафизике.

Соответственно, каждая теория имеет такие же «корни», которые, чаще всего, научные учёные стараются не обсуждать. Иногда это считается «само собой разумеющимся».

Но на самом деле, если в такой, игровой манере начинать разбираться, когда человек как бы «снимает с себя мундир» академика и прочего другого крупного учёного и начинает быть свободным от связывающих мундиров и всяких иерархий, начинает задумываться, в каких же предположениях он работает?... А если ему ещё и помогают в этом деле, то очень быстро выясняется, что там есть совершенно определённые посылки и предположения. Они очень часто неконтролируемые. И с физиками были случаи, когда академикам от физики показывали, на каких посылах строится их научная теория, – их зашкаливало. Потому что выяснялось, что на таких «глупостях», оказывается, может быть построена физика!

А эти «глупости», между прочим, тоже формулировали в своё время классики. Например, мало кто из физиков знает, что физическое пространство, по Ньютону, знаете, что это такое? Когда он свою «натурфилософию» или «натуральные основания физики» прописывал... Физическое пространство, по Ньютону – это «чувствилице Бога». Вдумайтесь, что это такое – «чувствилице Бога»! То есть Бог растворён в этом пространстве. Отсюда вот то предположение в физике о так называемом «мгновенном действии» – ты посветил фонариком, а луч света – сразу за 300 тысяч километров в секунду, почти мгновенно улетел... Это – потому, что Бог это всё выложил и, как бы, растворился в пространстве.

Современные физики всю эту божественную природу, все эти божественные основания выкинули на помойку и теперь бултыхаются в своих формулах всё дальше-дальше-дальше от этих оснований. И, вообще, потеряли эти концы.

Из зала – А изначально это было заложено?

ЮБ – А изначально было заложено совершенно определённое, о чём Ньютон и полемизировал с Декартом? У Декарта пространство понималось как «вместилице Бога». И оба были глубоко верующими. Отсюда вся декартовская физика просто диаметрально противоположна физике Ньютона.

Из зала – Там получается, Бога нет, а там, наоборот?

ЮБ – Нет, и здесь (у Ньютона) тоже Бог в пространстве, только «Бог со своими рецепторами», которые мгновенно передают реакции.

Из зала – А кто из них был правее?

ЮБ – Вот! А никто не правее. Это предположения. Смотрите, предположения, как правило, это – неконтролируемые основания. И в биологии есть аналогичное, только свои предположения. И ваша теория, наверняка, построена на конкретных предположениях. Если начать разбираться, то она (биология) уходит совершенно к конкретным основаниям.

Их, исходных предположений, в научных теориях, на самом деле, немного. И, при определённой технике, до них можно доходить (5.6).

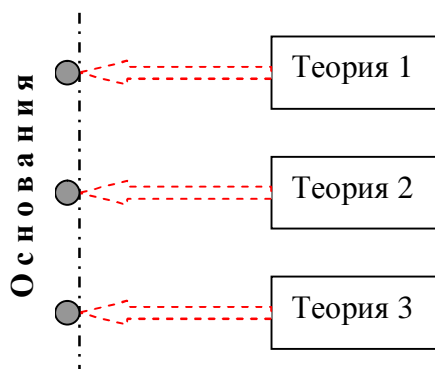

Рис. 5.6. Теории и стоящие за ними основания

Вот, теория 1 – и, соответственно, одни основания, теория 2 – тут другие основания, и теория 3 – третьи основания. Их там 5-6-10, максимум, во всей этой науке. Иногда какие-то теории идут к одним и тем же основаниям.

Знающими людьми утверждается, что если бы победила идеология Декарта и его предположения, сейчас была бы совсем другая физика, совсем другие технические приборы, и мы бы летали на гравитопланах... Об этом у Копылова можно почитать. Был такой методолог. К сожалению, безвременно умер. Он занимался историей науки именно с методологической точки зрения. Есть тексты, которые после него остались. Сам он был физиком, закончил МФТИ, так же, как Попов. То есть, закончил самый крутой в советское время физический институт. И до сих пор он самый крутой – два Нобелевских лауреата нынешнего года по физике – тоже из Физтеха.

Так вот, Копылов утверждает, что летали бы мы сейчас не на самолетах, поскольку они построены на предположениях о силе, о разложении сил и т.п. (т.е. на предположениях Ньютона). Гегель ещё через 100 лет после Ньютона смеялся над этими послылками Ньютона. Он говорил: «Смотрите, что делает «великий ученый» в кавычках». Ньютона он так называл. – «Якобы, какие-то есть силы в реальном природном мире, которые можно по правилам параллелограмма складывать... Полная чушь и мистика, привнесённая из большой головы Ньютона» (цитата по памяти).

Из зала – Его предположения только это допускают?

ЮБ – Да, только эти. А летали бы мы сейчас на гравитолётах, или гравитопланах. И ещё много-много чего было бы совершенно другого. Скорее всего, физика бы дошла до телепатии, до чего ньютоновская физика никогда не дойдёт. Она, просто, в другую сторону движется.

Из зала – А как удалось Ньютону победить?

ЮБ – А это, опять же, Копылов очень красочно описывает: благодаря небезызвестному Франсуа Вольтеру (Почитайте его «Хронику загубленного мира», она есть на сайте).

Вольтера, как известно, из Франции вытурили, и сказали, что, как только появишься во Франции, мы тебя сразу четвертуем. Он чем-то сильно провинился перед французами. Вольтер убежал в Лондон и там стал выпускать специальный журнал,

где сопоставлял и сравнивал, что делается во Франции и что делается в Англии, всячески дискредитируя всё французское и восхваляя английское. Всё, что делалось во Франции, всё было «жутко плохо». Ну, как наши диссиденты сравнивали, допустим, Америку и Советский Союз. Всё, что в Советском Союзе – это из рук вон плохо, а всё, что в Америке – блестяще. И он точно так же. В том числе, дойдя до полемики между Ньютоном и Декартом, декартовскую концепцию физики всячески осмеял. При этом он был очень острый и жёсткий на язык, со всякими такими подковырками, издёвками писал. И, в общем, сформировал общественное мнение. После него все стали считать, что Ньютон – самый настоящий англичанин, у него, вообще, всё замечательно и правильно, не то, что во Франции. А у Декарта – просто, бред сумасшедшего.

Из зала – Пиар.

ЮБ – Да, это был один из таких пиарщиков, который подрубил картезианскую физику в корне. А поскольку Декарт был слаб здоровьем и, вообще, очень быстро помер, за него вступить было некому. Победила ньютоновская линия. К тому же он первую скрипку играл в королевской Академии наук, которая, фактически, всё заполонила. Вот такая история.

Из зала – Превратности истории.

ЮБ – Да, превратности истории.

Из зала – Получается, что, если заново включат те предпосылки, то можно заново создавать всю физику, которая будет построена не как нынешняя?

ЮБ – Ну, может быть, и не всю. Я думаю, что не всю, потому что не всё, что создала за эти 400 лет физика, достойно внимания. Можно перескакивать, я думаю, через многие этапы.

Но Георгий Петрович неоднократно говорил, что лет через 50-70 нынешняя физика захлебнётся в своих противоречиях. И ей всё равно придётся заниматься рефлексией своих собственных оснований. И Поповым, который изначально – физик по образованию, Физтех закончил, и ГП, который вначале учился в МГУ на физическом факультете и готовился быть ядерщиком (им, в этом смысле, можно доверять, поскольку они, *во-первых*, имеют методологические техники, а, *во-вторых*, имеют ещё и соответствующие физические знания) утверждается такая вещь: **современная физика – это «лоскутное одеяло», сотканное из очень-очень многих разных кусочков, которые друг с другом не стыкуются.**

Вот, Руслан Равильевич перед семинаром спрашивал: как понимать, что в физике существует «коэффициент полезного действия»? Это чьего действия коэффициент? Ведь в физике людей нет, а «коэффициент полезного действия» они почему-то считают. Или, например, что такое «работа» в физике? Это чья работа? Работать может только человек, а физика использует эти вещи. Или, например, «флогистон», (мифический или, может быть, не мифический газ, у нас его называли «теплород»), который якобы передавал тепло. Или «эфир», который существовал до того, как ньютоновская физика всё заполонила. Но на предположениях о том, что «теплород» и «эфир» существует, построена, например, вся максвелловская теория в электродина-

мике. До сих пор! Это никак не соответствует ньютоновским предположениям. И таких вещей очень много.

Из зала – У Теслы, вообще, другие основания были.

ЮБ – Да. Никола Тесла – особая песня. Правда, он остался инкогнито в науке, поскольку он ничего, в общем, не оставил, никаких своих записей или трудов.

Из зала – А может, его засекретили просто?

ЮБ – Нет, он сам. У меня есть много текстов про Теслу. Опять же, они доступны (на сайте) и их можно прочитать. Занятные такие вещи про него пишут люди, серьёзно занимавшиеся феноменом Теслы. Тесла говорил, что он ничего сам не выдумал. Говорил: «У меня канал есть. С кем? – я не знаю, но мне надиктовывают. Я беру и без всякой теории начинаю собирать, изобретать разные вещи». У него более 1000 изобретений, и говорят, что, примерно, половину того, чем мы сейчас пользуемся, изобрёл именно Тесла. Начиная с переменного тока, и кончая мобильным телефоном.

Из зала – Переменный ток – не главное у него. Он вошёл в историю, как раз, другим...

ЮБ – Да, не только. Говорят, он ещё и Тунгусский «метеорит» сделал. Поскольку он такие эксперименты делал, есть такая версия, что этот «метеорит» – результат его экспериментов по передаче энергии без проводов...

Но у него нет того, как обычный учёный работает: сначала пишет теорию или какой-то проект конструирует по определённым правилам на внешнем носителе, как, в общем, мышление и должно осуществляться, после Фихте, того же...

Из зала – А у него по-другому?

ЮБ – А у него, да, по-другому. Он говорит: «Я сажусь, и я уже знаю, что делать». И всё!

Из зала – Собирает, и оно работает?

ЮБ – Да, и оно работает.

Из зала – Ну, а как это у него получалось?

ЮБ – Никто не знает. Он был замкнутым человеком, и никаких бумаг после себя не оставил.

Из зала – Ну, я же говорю, американцы всё засекретили.

ЮБ – Ну, кто их знает. Судя по тем текстам, которые есть у меня, там про это не написано. Наоборот, он старался от всех властей подальше держаться, и был очень замкнутым. Сначала он на Моргана работал, телефон для него конструировал. Морган – это тот самый, знаменитый банкир начала XX века.

Из зала – Он финансировал его работы?

ЮБ – Да. Он работы Теслы финансировал, а потом какую-то работу Тесла не выполнил в срок, и тот перестал финансировать. А Тесла сказал: «Ах, так! Значит, вообще, никому ничего больше не достанется». Продал сколько-то своих патентов, собрал большую сумму денег и, вообще, замкнулся, и ни от кого больше не зависел. Одна из таких конструкций, которая описывается у Теслы, была совершенно фантастической. Он взял стандартный автомобиль Форда, выкинул из него двигатель, вста-

вил вместо двигателя вот такую маленькую коробочку, и этот автомобиль начал ездить. Без бензина, получая энергию из воздуха. Ему сказали: «Что ты здесь нам фокусы показываешь? Ты, вообще, неприличный человек». Он говорит: «Ах, так?!» И на глазах у публики раздолбил эту коробочку. И вообще никому не сказал, как там всё было устроено. Но этому случаю реально было очень много свидетелей. Это зафиксировано, описано, что это, нечто, получало энергию извне, без подзарядок, безо всего, что мы знаем. Такой – вечный двигатель.

Ну, это такой аппендикс, в сторону. Возвращаемся к механизмам рефлексии.

А дальше идёт Георг Гегель. Гегель – это, вообще, крутой случай. Гегель опять возвращается к «абсолютному субъекту», даже уже не к гносеологическому субъекту, а вообще, к абсолютному. Фактически, это – «абсолютный Бог», по Гегелю. Или «абсолютная Идея», что – то же самое. У Гегеля то Бог, то Идея, в общем, вперемешку. Или «Абсолютный субъект». По Гегелю, рефлексией осуществляет этот Абсолютный субъект, развивая идеи, которые ориентированы на реальный мир (рис. 5.7).

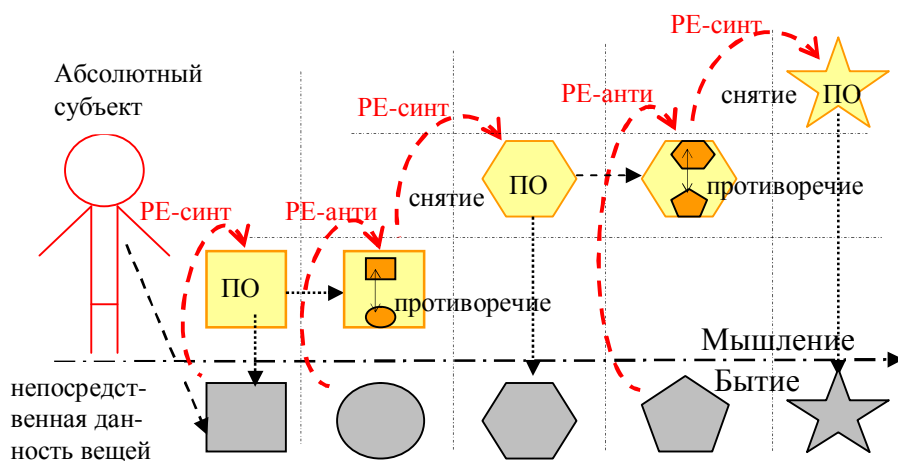

Рис. 5.7. Механизм рефлексии по Гегелю

Гегель – абсолютный идеалист, объективный идеалист. По Гегелю, вещный мир и все люди – это бледные тени, бледные копии этих идей, которые сами развиваются за счёт рефлексивных механизмов абсолютного субъекта развития (широко известна его фраза: «люди – не субъекты, люди – навоз Истории»).

У него два типа рефлексии, одна обозначена (на рисунке) буквами «РЕ-синт» – это рефлексия синтетическая или синтезирующая, или конструктивная рефлексия, а другая «РЕ-анти» – выявляющая антиномии или негативная рефлексия, проблематизирующая рефлексия. Он придумал довольно простой механизм развития, когда абсолютному субъекту давалась непосредственная данность какой-то вещи, он в соответствии с этой непосредственной данностью вещи в рефлексии синтезировал и конструировал соответствующее понятие (первый сектор рисунка). А дальше включался второй механизм, механизм негативной рефлексии, и этот механизм выявлял противоречия в этом построенном понятии (второй сектор).

Это я полночи придумывал: как, вообще, всё то, что у Гегеля словами описано, можно изобразить на схеме? Во всяком случае, я это так понял у Гегеля.

За счёт негативной рефлексии (а именно Гегелю принадлежит первое представление о проблематизирующей рефлексии) находится в понятии нечто противоположное относительно исходного представления и понятия (на рис. 5.7, маленький кружочек нарисован). То есть, найдя вот это противоречие, третьим ходом строилось новое синтетическое понятие (как Гегель говорил, и это тоже вошло в философию и методологию), за счёт третьего понятия «снималось» выявленное противоречие. Эта новая синтетическая рефлексия конструировала совершенно другое понятие, которое было более широким, объемлющим, имеющим характеристики как первого, так и прямо противоположного.

Потом снова находилось противоречие уже в новом понятии, снова выделялась противоречивая сущность, и третьим шагом противоречие опять снималось за счёт синтеза, или конструирования, нового (того, что звездочкой нарисовано).

Вот, фактически, за счёт такого трёхшажного движения и попеременного применения позитивной и негативной рефлексии (то есть конструктивной и, наоборот, разрушающей рефлексии), по Гегелю, мир испокон века и развивался. Он так и писал: «Современные люди входят в мир, в котором уже давно, фактически, всё абсолютная Идея построила, за исключением каких-то мелочей, которые ещё, может быть, остались».

Соответственно, бытийствующий мир – живёт не сам по себе. Предметы, вещи и другие материальные конструкции, включая людей, относятся к тем или иным понятиям. Причём, именно таким образом, что из понятий, как бы, «вываливается» эта материальная субстанция. По Гегелю, понятия творят вещи (на рисунке обозначено вертикальными стрелками, направленными от понятий к их вещным аналогам).

Вот так и осуществляется развитие. Когда Гегель ввёл представление о развитии, с тех пор все оказались «ушибленными» этим развитием. И сейчас никто даже особенно не задумывается, откуда это всё взялось. Экономика у нас всегда развивается, даже во время кризиса. Образование развивается. Всё развивается. Наука развивается, сама по себе. Но все об этих механизмах рефлексии, которые Гегель описывал, и которые нужны для развития, тоже забыли. А это – исходные механизмы и основания развития. Без них развития не бывает. А их никто не осуществляет. Только слово осталось и вера в «естественное» развитие. Меня больше всего удивляет, когда Путин, или ещё какой-нибудь большой начальник, говорит: «Даже во время кризиса у нас было развитие, хоть и медленное». На мой взгляд, полный маразм.

Из зала – Развитие всегда разовое. Оно происходит скачком. Не может быть его медленного или быстрого.

ЮБ – Ну, у нас оно вообще «непрерывное». Ещё бывает, оказывается, «устойчивое развитие», само по себе осуществляемое...

Из зала – Юрий Михайлович, как получается, что из этих понятий, которые снимают противоречия, вываливается?...

ЮБ – Да.

Из зала – Или под него подводится это?...

ЮБ – Да, вываливается оттуда. По Гегелю, Идея – творит мир, а не наоборот.

Из зала – Получается, что сначала возникло само понятие космонавта, а потом он появился.

ЮБ – А потом он появился в натуре. Да, совершенно точно.

Из зала – Это как?

ЮБ – Сначала идея «космонавта» формируется. «Космонавт» отпочковался от какого-нибудь «машиниста», в противоположность «машинисту». Сформировалось понятие, а потом из него вывалилось...

Из зала – До этого никто не делал то, что должен делать космонавт?

ЮБ – Не делал, да. И не только космонавт. Компьютер тоже вывалился из соответствующей идеи. И, вообще, мир творим мыслью, а вовсе не наоборот. Но он-то там ещё дальше пошёл. Он говорил, что, вообще, вещество, весь материал тоже из идеи вываливается.

Из зала – А правда, что Гегель писал о том, что скачки происходят за счёт перехода количественных изменений в качественные?

ЮБ – Так вот же (показывает на рис. 5.7): накапливаются количественные изменения, они выделяются, и затем появляется новое качество.

Из зала – А-а-а! Вот как.

ЮБ – Ну, конечно.

Из зала – А единство и борьба противоположностей?

ЮБ – «Единство и борьба противоположностей» – то же самое. «Отрицание отрицания»... В прямом виде, этого у Гегеля нет. Я, во всяком случае, таких формулировок не видел. Это Маркс переинтерпретировал. Потому что Маркс был гегельянцем-наоборот. Он же ведь, что сделал? Если у Гегеля Идея сама развивается, по определённой восходящей линии, то он всё перевернул. У него материальные производительные силы развиваются сами по себе: от телеги к автомобилю, от автомобиля к ракете, ну, и так далее. А всё остальное привязывается уже к этому. Когда были телеги в качестве производительной силы, человек был там конюхом. Когда автомобили появились – его стали готовить на шофера, и так далее.

Из зала – То есть там, где развивается, там мышление должно быть?...

ЮБ – Наоборот всё.

Из зала – У Маркса наоборот?

ЮБ – Да, у Маркса наоборот. Поскольку ему же тоже надо было это всё как-то обосновать и замкнуть. Он сказал, что производительные силы развиваются в истории, а история закономерна. И всё! И отрубил. То есть человек не может вмешаться в закономерный ход истории, он только может ей немножко помочь. Вот, когда производительные силы разовьются до определённой стадии, там человек может немного подсуетиться в виде революции, и форму сменить. Форму общественных отношений. А вообще-то, «нарыв» этот развивается в истории, который прорывается в результате тех или иных революций.

Ну, там ещё с Марксом всякие занятные вещи были. Они тоже малоизвестны, поскольку в Советском Союзе про них никогда не писали. Маркс, ни сном, ни духом, ни к каким коммунистам себя не относил. Долго-долго-долго писал свой «Капитал»,

без всяких этих социалистических революций. И он надеялся, что мыслью выкрутится из всех возникавших по ходу противоречий. У него главное, что одно за другое цеплялось, и из этой маленькой клеточки всё развитие он пытался рефлексивно вывести.

А тут, вдруг, был создан Социалистический интернационал, лидеры которого друг с другом всё время грызлись, главным образом, за то, кто из них главнее. А «главнее» можно было стать и, соответственно, подмять всех других под себя, если появится подходящая теория, теоретическое обоснование, поскольку просто так говорить, что «я главнее» – это детский сад.

Была бесконечная грызня, поскольку ни у тех, ни у других лидеров тогдашнего Социалистического интернационала не было никакой теоретической подоплёки.

А у Маркса возникла другая проблема. Ему, когда он уже, фактически, написал первый том «Капитала» нужно было...

Из зала – Спонсорство?

ЮБ – Нет, у него Энгельс был спонсором. У него этой проблемы не стояло. Энгельс кормил и его, и всю его многочисленную семью, поскольку Маркс-то, вообще, не зарабатывал, живя в Лондоне.

Из зала – А что с этого Энгельсу было? Такой был доброй души человек?

ЮБ – Ну, они, видимо, беседовали, и за счёт этого Энгельс сам развивался. Он же тоже много чего накарябал в результате этих обсуждений с Марксом.

Проблема Маркса состояла в том, что ему нужна была своеобразная «торпеда», в которую можно было бы вложить его «Капитал», и которая бы была способна «въехать» в самую «гущу народа», чтобы мысли Маркса получили распространение. И однажды, говорят, произошла чистая случайность: кто-то из лидеров этого социинтернационала прочитал, что есть какой-то Маркс, который «капитализм по косточкам разобрал». Он взял, и пригласил Маркса к себе на собрание интернационала. Маркс там посмотрел на ситуацию и понял, что, вроде, есть подходящий случай, и тут же придумал Коммунистический манифест, сделал приписку в конце «Капитала», что, в конце концов, грядёт крах капитализма из-за неизбежной социалистической революции. В результате, эти взяли его теорию на вооружение, а Маркс за счёт них реализовал свою идею и, фактически, её в общество вставил. В общем, вот такая странная история, но...

Из зала – У меня вопрос: тогда откуда, по Гегелю, появляется первое понятие?

ЮБ – Из рефлексии «непосредственной данности». Нельзя сказать, что я полностью понимаю, как это у Гегеля. Очень многие методологи, в том числе, и Н.Г. Алексеев, а ещё больше – такие философы, как Ильенков (он, вообще, был гегельянцем, в чистом виде), бесконечно спорили, в т.ч. по этому поводу. И теперь считается, что, в отличие от других, предыдущих философов, у Гегеля не просто Идея сама по себе развивается. Она у него ориентирована на решение практических задач. Мало того, что это – активная Идея, которая развивается и порождает этот мир, она ориентирована на практические задачи. Я в прошлый раз говорил и ещё раз хочу подчеркнуть: по Гегелю, Идея воспринимает непосредственную данность. За счёт этого рефлексия творит понятия и тем самым, смотрите, **рефлексия есть опосредование**. То

есть выделение чего-то нового из этой непосредственности за счёт введения посредников, называемых понятиями и категориями.

Ну, у Гегеля тоже не различались «понятия» и «категории». Отсюда и у Маркса не различаются. То есть у Гегеля-то это были категории мышления, а Маркс всё это материализовал и стал товар называть «категорией», и всё остальное. То есть чистая калька с Гегеля, но перевёрнутая. Из-за чего марксисты, или точнее псевдомарксисты, наши, советские, фактически, Гегеля запретили. То есть Гегеля нельзя было найти в библиотеках, он продавался чрезвычайно редко и был обязательен гриф «для служебного пользования». Именно из-за того, что там была калька перевёрнутая. И весь этот марксизм, фактически, плагиатом был. Только наоборот.

Из зала – То есть получается, никто этого не понимал?

ЮБ – Нет. Люди-то грамотные, хоть и немного, но они же были.

Из зала – То есть получается, Европа более или менее в XX веке вот такую идею мыслительного развития пропагандировала, а мы на 90 лет упёрлись назад?...

ЮБ – А мы перевернуты. Гегель, «поставленный на уши».

Из зала – Получается, Европа ставила цели и выполняла их, а мы...

ЮБ – Да. В Европе Гегель до сих пор популярен, и в XIX, и в XX веке был чрезвычайно популярен. И всё это европейское развитие – чистейшее гегельянство.

Из зала – Получается, теории разные, но и в Союзе работало, от чего-то же, тогда работало у нас?

Из зала – У них первостепенной является Идея: «делай то, что тебе надо». А здесь, наоборот: всё под производительные мощности...

ЮБ – Ну, да. То, что было в Советском Союзе, даже марксизмом назвать нельзя. Это был какой-то, на самом деле, псевдомарксизм. Так же, как эти социалисты первого интернационала взяли на вооружение теоретический флаг, особенно не понимая, что это такое. А уж советские большевики – точно, ничего не понимали! Особенно после того, как в 1937-м году их хорошо почистили, а другая половина «слиняла» из страны. Остались «рабоче-крестьянские массы», которые вообще ничего не понимали. Оно шло, как шло, как очередной волонтерист-начальник говорил на очередном съезде. И был Институт марксизма-ленинизма, где академики тут же подводили «базу марксизма» под любой бред сидящего на троне генсека.

Из зала – Нет, Юрий Михайлович, у Гегеля абсолютная Идея уже есть, то есть вы можете тоже ничего не делать, а Идея всё равно есть и она развивается. А у Маркса, получается, вы тоже можете ничего не делать, поскольку есть машина истории.

ЮБ – Нет, смотрите. Идея – вещь объективная. И мышление – вещь объективная. Гегель на этом жёстко настаивал, и на этом до сих пор все грамотные мыслители настаивают. Не человек мыслит, а мышление использует человека: и вас использует, и меня, и всех остальных. Вот когда нас здесь «выстреливают» в университетах и школах, то фактически вдавливают то, что, в общем, где-то там, когда-то было получено и существует само по себе. Когда вы умножаете два на два и получаете четыре, это же не вы сами делаете. Это вас вынуждают делать по определённому трафарету, который существует сам по себе. И Гегель так и утверждал: вот эта вот идея – она

сама развивается. Всё от Бога и люди тоже от Бога, а вовсе не от природы. Поскольку Гегель же прекрасно понимал, что та «природа», которая в науке изучается, она же выдумана самой наукой, на 100%... Почему он и смеялся над Ньютоном-то. Он же говорил, что сами были стопроцентно божественными людьми, потом взяли всё переиначили, перевернули, сами изготовили в своих конструкциях эту самую «вторую природу», а теперь говорят, что они природный мир, якобы, изучают. Полная чушь! Учёных специально готовят под те идеи, которые уже стали результатом филиации абсолютной Идеи. И в истории давно уже всё это само по себе существует. Человек не порождает идеи.

А то, что у Маркса калька перевернутая, это да. Я про это и говорю.

Из зала – А если никто не порождает идеи, откуда они берутся?

ЮБ – Они есть. И всегда были. Понаблюдайте за собой: идея к вам приходит. Если вы долго-долго над чем-то бьётесь, у вас не получается – потом хлоп, а оно откуда-то приходит. Вот смотрите, это не в голове рождается.

Из зала – А если не бьёшься, то она и не приходит?

ЮБ – Да. Она и не приходит. Совершенно точно.

Из зала – А когда нет тех, кто бьётся?

ЮБ – То они и остаются без всяких идей. Эти вот, которые, там хвосты, коровам крутят. Или в чиновничьих кабинетах сидят с важным видом... Да-да-да, зря смеетесь.

Из зала – Идея чаще всего приходит, когда перестаёшь биться.

ЮБ – Но когда ты сильно долго над чем-то бился... Оно раз и пришло. И примеров – миллион.

Из зала – Бывают же ситуации, когда одна идея приходит к двум совершенно не связанным друг с другом людям...

ЮБ – Ну, это легко можно объяснить: одни и те же мыслительные средства использовали – получили одни и те же результаты. Но сами вот исходные, первоначальные идеи – как замыкание какое-то: раз, и пришло откуда-то – оно случается. А такие, как Тесла, прямо об этом говорили. Или как, например, ГП говорил: «На меня мышление село, я кнехт (т.е. раб) мышления, оно мной движет, и я ничего не могу с этим поделать».

Вот, он так буквально и говорил «на каждом углу». Он говорил, что до 40 лет (пока не надоело) у него было такое хобби. Когда появлялось свободное время, он проникал разными способами на какие-нибудь симпозиумы, большие конференции (международные и советские), садился на первый ряд и начинал задавать вопросы, на которые ни один академик ответить не мог. Потом он выходил и всё по полочкам расставлял. А они спрашивали с открытыми ртами: «А откуда ты это знаешь?»

На сайте fondgr.ru есть такая знаменитая фотография: он сидит в белом костюме на первом ряду, какая-то конференция идёт. Сидит с закрытыми глазами. Вот так (показывает). Это, вообще, была его типичная поза. Когда кто-нибудь что-нибудь говорил, вот так, серьёзно выступал или доклад какой-то делал, он закрывал глаза и начинал просчитывать мыслительные ходы докладчика. Параллельно слушал и считал

мыслительные ходы и основания, откуда он (докладчик) это всё вывел? И где у него какие противоречия есть? «Это – говорит ГП – не я сделал, это мной кто-то делает».

И Тесла говорил это же, и вообще, многие. Аристотель, к слову сказать, был поначалу «дубовым» учеником Платона, который ничего, в принципе, не понимал в платоновских рассуждениях, и которого Платон выгнал из своей Академии «за неуспеваемость», если нынешними терминами говорить. А потом он вдруг сел, и написал столько, что самому Платону даже не снилось. Причём, всё написал с точностью до наоборот, по сравнению с Платоном.

Из зала – Таланта не бывает?

ЮБ – Я думаю, что все эти словечки – «талант», «творчество» и прочие – это, в общем, такая туфта!

Из зала – Предрасположенность какая-то всё равно должна быть.

ЮБ – Но она не биологическая.

Из зала – А какая?

Из зала – Приобретённая.

ЮБ – Вот и ГП тоже говорил так.

Из зала – ГП Маркса в семь лет прочитал.

ЮБ – С одной стороны, в семь лет Маркса прочитал. А, с другой стороны, он часто обращался к залу (к разным залам) и говорил: «Поднимите руки, кто-нибудь в зале, у кого есть две тысячи томов в личной библиотеке». И очень редко находился человек, у которого хоть чуть-чуть близко было.

Из зала – А у него было?

ЮБ – А у него была библиотека в две тысячи томов, которая ещё аж с XVIII века шла. Поскольку он был сыном привилегированных родителей, а те, соответственно, были детьми дворян, а те – ещё... И прочитал Маркса в семь лет, а когда уже в университете учился, он его уже знал почти наизусть: точно знал, на какой странице что у Маркса написано.

Из зала – Получается, эта библиотека характеризует то, что конкретный человек к этим идеям прикрепляется. Если ты не знаешь их, то и не сможешь их развить?

ЮБ – Конечно, даже видеть не будешь.

Из зала – А если это всё, как бы, с молоком матери впитывать, то и...

Из зала – Сейчас перерыв?

ЮБ – Нет, ещё немножко. Давайте я ещё чуть-чуть продвинусь. Уже сколько? Уже полтора часа?

Из зала – Два часа.

ЮБ – Ну, давайте, давайте. Перерыв 15 минут.

Продолжение.

ЮБ – Так, продолжение лекции про механизмы рефлексии. Я сейчас буду двигаться быстрее. Если у кого-то будут вопросы по содержанию слайдов и того текста, который я буду произносить, пожалуйста, задавайте. Но лучше не задавать те вопросы, которые нас уведут в сторону от темы. Я до перерыва прошёл всего 7 слайдов из 30. Я просто не успею даже проговорить всё. А мне бы хотелось на следующем заня-

тии устроить какие-то практические занятия по поводу рефлексии. Потому что, если дальше переходить к теме «Понимание», там это всё может стереться, забыться. Мы на следующем занятии немного попрактикуемся по этим делам, а потом опять в лекционном режиме дальше двинемся.

Так, вот, следующим из известных людей, которые привнесли в рефлексию и в механизмы рефлексивной работы какую-то новую линию, был Владимир Александрович Лефевр (рис. 5.8). Я про него уже говорил – это был, с одной стороны, ученик, а, с другой стороны – непримиримый оппонент Георгия Петровича.

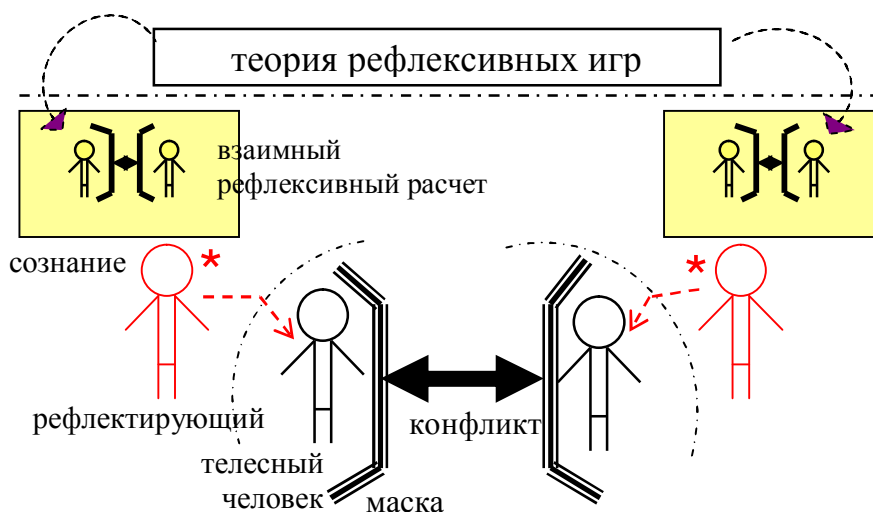

Рис. 5.8. Механизм рефлексии по Лефевру

Шаг назад, по сравнению с Гегелем, у Лефевра состоял в том, что он опять ударился в психологизм, и эта «досочка» сознания у него очень важная. Но, в общем, он был такой, половинчатый психологист, потому что, всё равно, теория рефлексивных игр, которая им была развита, – это стопроцентно мыслительная штука. Если вы посмотрите на его книгу, самую первую и самую знаменитую, «Конфликтующие структуры» – там одна сплошная алгебра. Алгебра, многочлены, рефлексивные многочлены... Фактически, это у него рефлексивные вычисления. То есть стопроцентная, *во-первых*, теория, а, *во-вторых*, чисто мыслительная конструкция. Он считал, что есть очень большой кластер ситуаций, в которых люди попадают либо в конфликтные ситуации, либо в игровые, что практически одно и то же. Начиная от обыкновенной игры (это всегда, в той или иной степени, конфликт и противоборство) и кончая войнами, которые являются, с одной стороны, стопроцентными, развернутыми конфликтами, а, с другой – там и игровые моменты очень сильны.

Так вот, **конфликт (или игра) всегда осуществляется не между людьми, а между масками**, которые скрывают этих людей. Начиная от «игрока» любой игры, которая разворачивается на театральной сцене (это понятно – лицедейство), и кончая «генералом» – это тоже маска, а, вовсе, не телесный человек с разными слабостями и прочими человеческими недостатками. Какой-нибудь «баскетболист» – это тоже маска, поскольку это не биологический, не телесный человек. Последний – всегда за маской стоит. Этого телесного человека, который стоит за маской, направляет рефлекти-

рующий человек. И я вам в прошлый раз говорил, что если в игре рефлексивная позиция не надстраивается над самим игроком в маске, то проигрыш будет почти гарантирован.

Ну, и рефлектирующий человек должен уметь осуществлять в сознании взаимный рефлексивный расчёт, разворачиваемый на базе теории рефлексивных игр (которую Лефевр достаточно сильно продвинул). И, фактически, у него рефлексия нужна для осмысленного участия в конфликтах (играх) любого качества.

Георгий Петрович считал, что это всё неправильно. Он считал, что игры, любые игры – это всего лишь преддеятельностные ситуации. «Преддеятельностные» в том смысле, что не доведённые до состояния деятельности. Дети играют по той простой причине, что им наше общество культурно, с самого рождения, вменяет эту способность, чтобы у них в играх оттачивался для будущей взрослой жизни деятельностный опыт.

Из зала – Адаптированность под определённые деятельности?...

ЮБ – Да. Своеобразное общение с реальностью, поскольку настоящей деятельностью они заниматься не могут – ещё не доросли. А вот в играх можно попробовать и так и эдак... Игра есть преддеятельность, то есть то, что ещё деятельностью не стало. Для детей это очень важное обстоятельство, позволяющее детям развиваться.

Из зала – А когда животные играют?

ЮБ – Ну, у животных... Я не знаю, что, там, животные делают. Мы-то склонны на свой, человеческий манер всё переинтерпретировать, антропоизировать. Нам, вообще, неизвестно, что животные делают. Они же вам не говорили про это. Если два щенка друг друга за уши таскают, мы говорим: играют. А вдруг они что-то другое делают?

Из зала – Голодные...

ЮБ – И ГП по поводу этих дискуссий с Лефевром, говорил таким образом: «Да, играют. И даже я играю в оргдеятельностные игры с народом, который не владеет деятельностью. Но это – пока. Через некоторое время я и другие методологи станем сильнее и научимся, в том числе, игры в деятельностную оболочку оформлять. И там, где игра сейчас вынужденно существует, поскольку деятельность там не поставлена, можно будет обойтись без этих игр, без всех остальных конфликтов, то есть переводить их в деятельностный план».

Лефевр с этим был категорически не согласен. Он считал, что то, что сейчас существует в виде игр и конфликтных ситуаций, никогда деятельностью не станет, просто, по принципу, не станет.

Из зала – Это Георгий Петрович?

ЮБ – Лефевр так считал. А Георгий Петрович считал, что это – «пока». Ну, точно так же, как он с Поповым дискутировал. Попов говорил, что нужно сопротивление общественного материала учитывать. А ГП говорил: «Пока. Пока я не стал сильнее. Да, пока у меня нет соответствующих техник, приёмов и средств, нужно учитывать. Но – пока».

К сожалению, ГП умер, и это «пока» тоже кончилось. Так же, как Гегель, когда умирал, говорят, последние его слова были: «Вот, и кончился абсолютный субъект» – и испустил дух.

Так, я про Лefевра больше не буду говорить. Я-то считаю, что это – самостоятельная ветвь, и она должна оформляться методологически, то есть оспособляться. Для этого класса ситуаций тоже должны быть соответствующие средства – не только вот такого, теоретического характера, как у Лefевра в его Теории рефлексивных игр, но и чисто методологические средства.

Я чуть позже скажу, что то, что сейчас делает Попов – близко к лefевровской позиции. Он оттолкнулся от линии Лefевра и её продвинул в том направлении, что должны быть самостоятельные методологические средства, не СМД-методологии, которая на мыследеятельность ориентирована. И он кое-что сделал в этом смысле.

Ну, а теперь про рефлексю в СМД-методологии. Она сняла (в смысле Гегеля, то есть заимствовала существенное и привнесла кое-что новое), фактически, всю линию развития рефлексии от Локка до Лefевра (всё то, что я сейчас вам показывал). Я сейчас вам попытаюсь показать, у кого и что было заимствовано? И в каком виде?

От Локка было заимствовано **отражение в сознании процессов мышления**. Вот (рис. 5.9) – знаменитая схема. Она называется схема «квадрата».

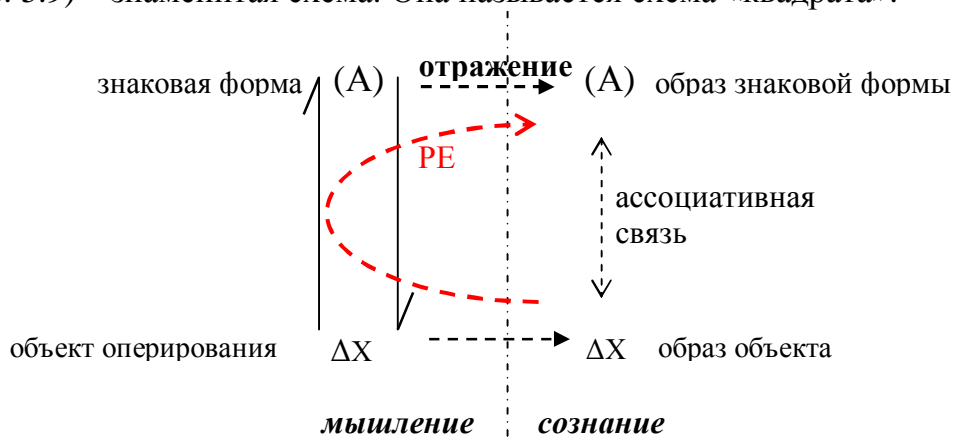

Рис. 5.9. Схема «квадрата»

«Квадрат» в том смысле, что здесь 4 перпендикулярных друг другу, плоскости. Вертикальная штрихпунктирная линия – линия трансценденции – это то, что отделяет мышление (которое объективно) от индивидуального сознания (которое находится у индивида). Или, как иногда говорят, «субъективно» (хотя это неправильно, с точки зрения Гегеля, он бы возмутился). «Индивидуально», это – точнее. У каждого человека есть собственное индивидуальное сознание, а мышление осуществляется на объективных носителях. Вот это, слева на рис. 5.9, известная схема знания, нарисованная чуть в более компактном виде. То есть то, что мы в самом начале, помните, обсуждали (рис. 2.1): когда действие выделяет в объекте некое свойство, которое оформляется в виде знаковой формы, а потом возвращается, опять относится уже к изменённому объекту.

Так вот, эта знаковая структура (структура знания) отражается в сознании. Есть соответствующие механизмы в сознании, которые это всё фиксируют, и мы в сознании это дело удерживаем.

Психологи, правда, говорят, что ничего другого, кроме вот этого, что в сознании, нет. Но, на самом деле, это неправильно, потому что формулы, любые знания есть в учебниках – открывай и смотри. Всё написано. А учебник – вне сознания. Но в сознании это тоже отражается. И вот это отражение (на рис. 5.9 обозначена как пунктирная дуга) – отражающая рефлексия. В сознании возникает образ знаковой формы и образ объекта, с которым осуществлено действие. И если в объективном мышлении работают мыслительные механизмы отнесения к знаковой форме и замещения знаковой формы, то в сознании – ассоциативная связь, работающая за счёт психологических механизмов, памяти (вертикальная двухсторонняя пунктирная стрелка).

То есть СМД-методология сознания не отрицает, равно как и отражение сознанием, но утверждает простую вещь: **сознание – вещь вторичная**. И сознание всегда отражает то, что сначала вне сознания осуществляется, а потом там, в сознании, каким-то образом задерживается. Кстати, задерживается, чаще всего, ненадолго. И вы, если рефлексивно посмотрите на своё собственное сознание, и начнёте перебирать – выяснится, что очень многое из того, что в детстве вы отражали и фиксировали в сознании, сейчас уже давно куда-то делось. И даже не только в детстве, а иногда и то, что было два года назад, тоже куда-то подевалось.

Из зала – Прошло всего несколько месяцев после моей защиты, а я уже толком объяснить готовящимся к защите друзьям-аспирантам не могу, что и за чем нужно делать...

ЮБ – Во-во-во. А на объективных носителях это всё будет долго-долго существовать. Даже, может быть, дольше, чем проживёт Денис Анатольевич.

Дальше рис. 5.10. **От Лейбница СМД-методология заимствовала нормативный рефлексивный контроль за логикой разворачивания мысли.**

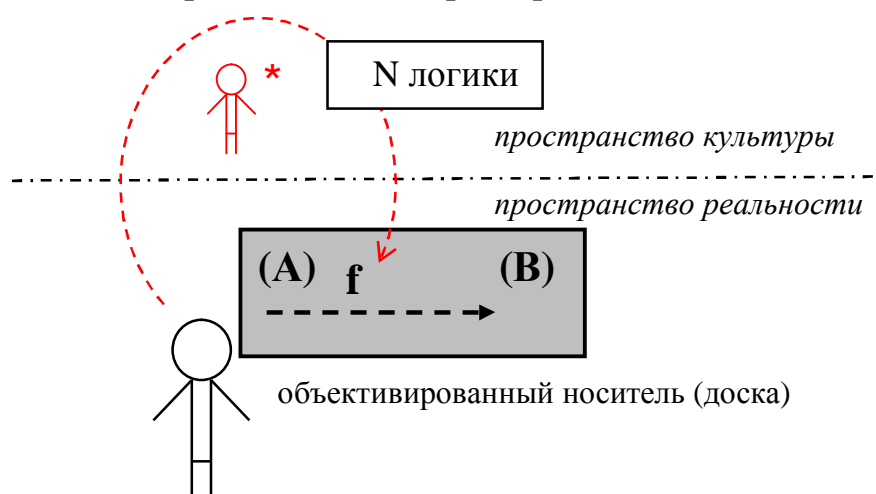

Рис. 5.10. Рефлексивный контроль за операциями со знаковыми формами

Но, в отличие от Лейбница, мышление в СМД-методологии осуществляется на объективированном носителе (на доске). Вот это серенькое здесь (на рис. 5.10) – раз-

ворачивание знаковых форм, а нормы логики – в пространстве культуры. И рефлексивный механизм постоянно их удерживает и руководствуется этими нормами, когда мы разворачиваем те или иные формулы, другие конструкции. Эта схема культурного нормирования – одна из основных, которая в СМД-методологии считается наиболее существенной и значимой.

От Канта три вещи заимствованы (я здесь не стал рисовать картинки, можно вернуться к соответствующим рисункам). *Первое* – это **трансцендентальный характер рефлексии**. То есть СМД-методология предполагает, что рефлексия, в том числе, должна уходить за трансцендентальную границу, то есть из реальности в область мышления, и оттуда приносить те или иные знаковые, мыслительные формы, которые потом в деятельности используются.

Во-вторых, от Канта был заимствован **сам методологический принцип работы**. А «методологический» – это значит, работа с условиями чего бы то ни было. Кант первый заявил о том, что рефлексия работает с разумными условиями построения понятий. А методология тот же самый принцип рефлексивной работы с условиями сделала главным в своей работе. Причём, не только с условиями построения понятий, а – с любыми условиями осуществления мышления и деятельности, так скажем. Но принцип – тот же самый.

И третье, что у Канта было – **рефлексивный характер схем мышления и деятельности**. По Канту, за счёт рефлексии формируется схематизм сознания. А после того, как этот схематизм сформирован, рефлексия уже не нужна. В СМД-методологии – один в один. Я чуть позже покажу, что сначала разворачивается процесс мышления и деятельности, а потом во вторичной рефлексии это оформляется в схему. То есть вот это основание или посылка – она кантовская.

От Фихте был заимствован принцип инструментальной работы с мыслью на объективном носителе. Это я уже много раз сказал. И второе – принцип свободы сознания от построений мышления. Мышление должно разворачиваться в тетрадошке или на доске, что мы и делаем автоматически, всегда. Даже, когда вы здесь сейчас – многие сидят и пишут, не надеясь на свои субъективные способности запоминания или фиксации сознанием чего-то.

От Гегеля многое, что было заимствовано. Первое – идея и принцип развития через проблематизирующую рефлексию (рис. 5.11).

Вот здесь нарисована так называемая «схема шага развития», или «методологического велосипеда» (это жаргонное выражение, напоминает немного велосипед). Ну, как говорят: «анекдот № 49» и все смеются, да? Здесь похожее: говорят «методологический велосипед» – и каждый знает, о чём идёт речь: о схеме «шага развития».

Здесь, на схеме три топа, символизирующих три разных времени. Время в СМД-методологии не линейно разворачивается. Оно состоит из таких трёх топов. Есть «прошлое время» и прошлая деятельностная ситуация (это то, что слева внизу). Есть «будущее время» – это будущая ситуация, к которой можно перейти, и к которой переходят (справа внизу). И есть «длящееся настоящее», которое в верхнем топе.

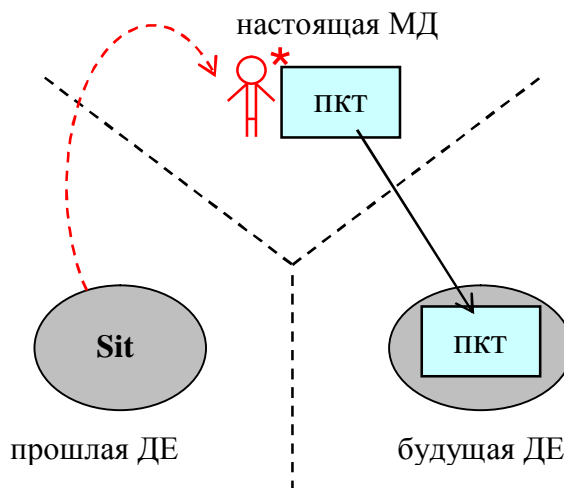

Рис. 5.11. Схема «шага развития»

Если вы помните, физическое время построено по-другому. В физическом времени есть длинное прошлое, есть предположительно длинное будущее и фактически не существующее настоящее, некое мгновение. Как это даже в песне поётся: «Есть только миг между прошлым и будущим, именно он называется жизнь».

А, с точки зрения методологии, в настоящем можно находиться сколь угодно долго. Если твоя рефлексия вытащит тебя туда «за волосы» из прошлой ситуации, когда ты понимаешь, причём, осмысленно понимаешь, что прошлая ситуация уже безнадежна (в том смысле, что либо ты в ней не хочешь находиться, либо сама деятельность не может дальше продолжаться, либо ещё что-то подобное), тогда ты выходишь в эту рефлексивную позицию и оказываешься в постоянно текущем настоящем, где пытаешься построить то, что тебя сможет продвинуть в будущее.

В будущее люди попадают исключительно за счёт мышления. Если мышления у людей нет (так, во всяком случае, трактует СМД-шная методология), никакого будущего у людей тоже нет. Они без конца переходят в настоящую ситуацию и эта настоящая ситуация неизменна. Либо, вообще, остаются всё время в прошлом. Очень многие люди – якобы наши с вами «современники». Но при этом одни всё ещё живут во временах Аристотеля (застряли там, особенно некоторые физики). Другие – в XV веке, третьи в XVII веке, некоторые в XVIII веке живут до сих пор. То, что нам внушили, что мы все одновременно, вот по этому, механическому времени живём, на самом деле, стопроцентная туфта. Просто, стопроцентная, не выдерживающая никакой критики.

Если вы вспомните, я когда-то говорил, что «вообще человека» не существует, просто, «вообще человека». Все «человеки» разные, и они все в разных эпохах находятся. Некоторые из них могут сами переходить в будущее, ещё и за собой потом перетаскивать ту или иную толпу. Но в будущее проникают только за счёт мышления. СМД-методология исходила из того, что в будущее попадают за счёт реализации проектов. Хотя потом эта точка зрения была заменена на то, что должно использоваться программирование – это более гибкая форма организации будущего. А Попов и то, и

другое проблематизировал, и показал, что и у проектирования, и у программирования есть очень большие ограничения. И в будущее попадают, особенно в таких странах, как наша, вообще, за счёт другого.

Второе, что было заимствовано от Гегеля – **принцип тотальной рефлексии в мыследеятельности** (рис. 5.12).

Вот, то, что у Гегеля всё развитие – за счёт рефлексивных петель, отталкивания и перехода в новое качество, в этой, так называемой «схеме мыследеятельности», немного по-другому, конечно. Переиначено всё. Но принцип тотального рефлексивного механизма развития мышления и деятельности здесь в явном виде присутствует.

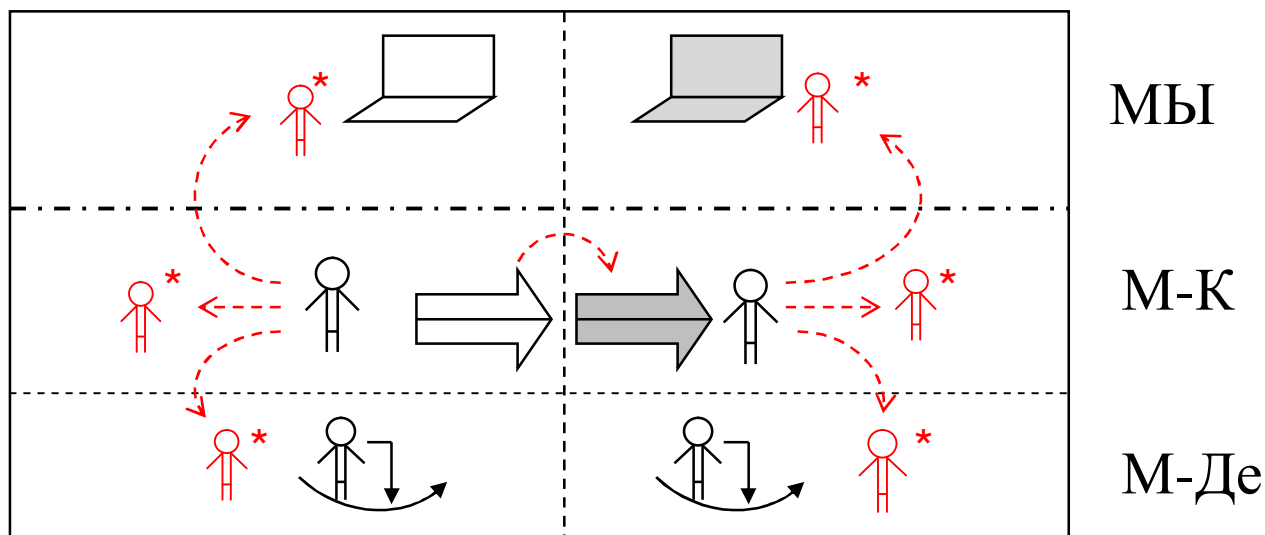

Рис. 5.12. Схема мыследеятельности

Нижний слой – это слой деятельности или, как они (методологи) говорят, «мыследействования». Вот, на рисунке, «М-Де» – это мыследействование, там, где люди в социальных ситуациях осуществляют какие-то действия. Средний слой – это «мыслекоммуникация» (М-К). Это срединный слой, на который, как на шампур, «шашлык» мыследеятельности насажен. А верхний слой – это слой «чистого мышления» (МЫ).

И в каждом слое должна быть, в обязательном порядке, своя рефлексивная позиция, которая устанавливает связи (фигурки со звездочками). В мыследействовании – через понимание того, что в коммуникации делается – это пунктирная стрелка вниз. Позиции со звездочкой в среднем слое – «рефлексуны», которые стоят за говорящим и понимающим. В правой части схемы – «сероватый» текст – это тот текст, который воспринимается (обозначено как стрелка, направленная к человеку). Вот, тот, который за ним стоит – «рефлексун» – он, фактически, и отвечает за рефлексивное восстановление того текста, который произносится тем деятелем, который находится слева и произносит свой текст (он другим цветом обозначен).

Тот текст, который произносится, и тот, который понимается (непосредственно воспринимается) – это разные тексты. Точно так же, как то, что я сейчас говорю, и то, как вы воспринимаете (я просто стопроцентно уверен), это довольно сильно отличается друг от друга. Каждый из вас воспринимает по-своему, не то, что я говорю. Но,

если у вас надстроена над вами ваша собственная рефлексия, то, при определённых навыках, вы должны уметь восстановить, воспроизвести, на каких основаниях я что-то произношу. Чтобы не себя понимать, а именно меня понимать.

Вот тут, на рис. 5.12 две рефлексивных дуги, идущие в слой чистого мышления. То есть текст произносится на основе каких-то мыслительных построений, а с помощью понимающей рефлексии переводится всё в деятельностный план, в нижний слой.

Разные деятели «изолированы друг от друга», непосредственно не связаны между собой (обозначено вертикальной линией), один строит за счёт своих мыслительных конструкций, другой – за счёт своих («доски» мышления разного цвета). У одного одним способом деятельность построена, у другого – другим. Если не будет рефлексивно обеспеченной коммуникации, то мыследеятельность развалится.

Вот, в нашей стране её (мыследеятельности) и не существует, потому что рефлексия между деятелями в принципе отсутствует, как факт. Я вам много примеров приводил по этому поводу. Время не хочется больше тратить. Но в принципе, вы должны понимать, что вся деятельность является кооперативной исключительно за счёт того, что такие вот рефлексивные механизмы должны выстраиваться.

Третий пункт – принцип содержательной рефлексии. Это у Гегеля было очень важной вещью. У Гегеля идея разворачивается не на пустом месте, а над той непосредственной данностью, которая составляет бытие. И в СМД-методологии принцип содержательной рефлексии – это направленность СМД-методологии на решение практических задач.

В отличие от учёного, которому якобы нужна какая-то «абстрактная истина», СМД-методология на 100% практическая вещь. Если методолог отрывается от практических задач, он перестает быть методологом. Методолог теоретизировать не должен. У него должна быть задача, в соответствии с этой задачей поставлена цель, найдены средства для достижения этой цели, и на этой основе получено решение соответствующей задачи.

Ну, а в целом, СМД-методология воспроизвела, и я думаю, что существенно продвинула, именно активно-деятельностный характер рефлексии, который был задан философами-немцами.

От Лефевра СМД-методология заимствовала самую малость. **Заимствовала, во-первых, графику.** То есть эти изображения «человечков», которым в СМД-методологии придаётся просто принципиально другой смысл, нежели у Лефевра. «Человечек» у Лефевра и «человечек» вот здесь (на схеме мыследеятельности) – это совершенно разные вещи. Здесь – «деятельностные позиции» и «рефлексивные позиции», а у Лефевра так обозначались либо «телесный человек», либо «рефлектирующее сознание» телесного человека. **Во-вторых, идею содержательного конфликта** (на ОД-играх).

Теперь остановимся на некоторых принципиальных моментах деятельностной рефлексии. Я их тоже кратко перечислю, поскольку вся СМД-методология просто пронизана разными такими рефлексивными штучками и механизмами.

Деятельность кооперативна за счёт рефлексии. Вся деятельность людей соткана из отдельных «актов деятельности», и эти акты связаны друг с другом за счёт рефлексивных механизмов (рис. 5.13).

Эти акты могут взаимодействовать друг с другом, *во-первых*, путём передачи продукта из одного акта в другой. Но передать продукт без соответствующей рефлексивной увязки (для одного – «что производить», для другого – «что, на самом деле, требуется для употребления»), без рефлексивного согласования сделать нельзя.

Второй способ взаимодействия – разные акты деятельности могут друг с другом коммуницировать. И предыдущая схема (схема мыследеятельности) как раз показывает: два разных деятеля коммуницируют из двух разных актов, и могут понимать друг друга только исключительно за счет рефлексивных механизмов.

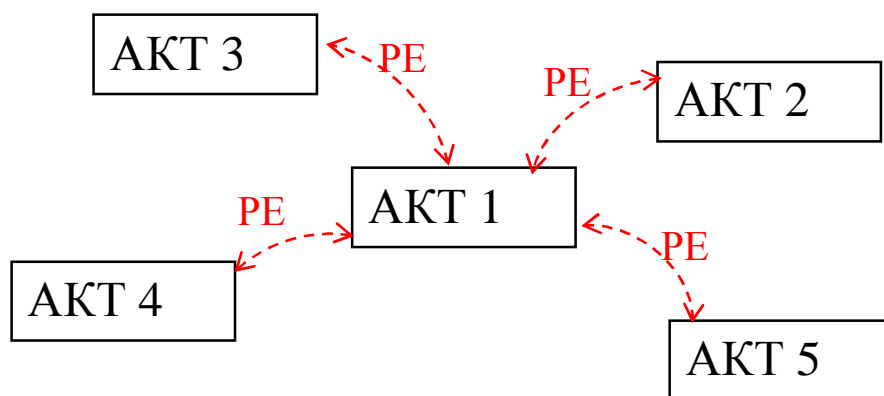

Рис. 5.13. Рефлексивные связи кооперативной деятельности

И наконец, (*третий* способ взаимодействия), разные акты деятельности могут надстраиваться друг над другом – это так называемая «ситуация управления», когда одна деятельность начинает управлять другой деятельностью. Опять же, без соответствующей рефлексии между этими двумя позициями управление также невозможно.

Центральное место в «акте деятельности» (рис. 5.14) занимает «деятельностная позиция», изображаемая в виде условного «человечка».

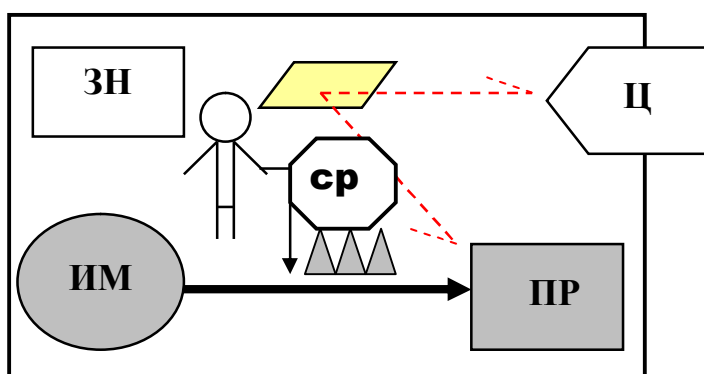

Рис. 5.14. Акт деятельности

Это – немножко усечённая картинка акта деятельности (многие это уже видели несколько раз, а кто не видел, я здесь в двух словах поясню). Серым цветом здесь помечены так называемые «материальные элементы» акта деятельности, белым цветом

– «идеальные элементы» акта деятельности. Акт кооперативной деятельности всегда направлен на преобразование исходного материала (обозначение ИМ – исходный материал) в какой-то «продукт» деятельности (ПР). Это преобразование осуществляется за счёт действий деятельностной позиции (стрелочка, которая вертикально направлена), и которая использует соответствующие «средства» деятельности (СР).

«Средства» – вещь мыслительная, а не материальная. Когда говорят про материализованные средства, это – частный случай средств – «орудия». А, в принципе, «средства» – это то, что опосредует. В том числе, когда ты станки в виде орудий используешь, ты всё равно какие-то мыслительные схемы, понятия используешь, то есть то, что опосредует твою работу.

Ну, а вот эти вот «дельточки» – это соответствующие материальные операции и процедуры по преобразованию исходного материала в продукт (результат).

А поверх материального слоя акта деятельности надстраиваются идеальные структуры. Справа буквой «Ц» обозначена «цель», посередине – это «табло сознания» (жёлтым цветом), которое удерживает разные рефлексивные «интенции» (пунктирными полустрелочками показано), и, соответственно, «знания» (ЗН).

В акте деятельности ещё есть целый ряд других элементов, я не буду вам излишне голову забивать. Важно, чтобы вы понимали такую вещь: вот эти вещи (идеальные и материальные) удерживаются друг с другом и приводятся в соответствие за счёт рефлексии и вот этих рефлексивных интенций (полустрелочки).

«Деятель» – это, как правило, не «токарь дядя Вася», поскольку любой «дядя Вася» – это, на самом деле, просто, живой инструмент, который используют деятели, ставящие соответствующие цели, имеющие средства, знания и всё остальное. Вся заводская начинка – это такая вот социально-орудийная часть, она в нижней части схемы акта деятельности находится. «Деятель», который здесь изображен – не телесный человек, в принципе. Это – «место», куда может войти, в буквальном смысле, поместить себя тот или те (но не телесного человека, а свою активность, мыслительную и деятельностную) с тем, чтобы соответствующим образом вот это всё удерживать, стягивать и преобразовывать.

У «деятельностной позиции» может быть два смысла. В нормативных схемах «деятельностная позиция» – это образцовый (культурный) способ работы, «свёрнутый», как говорят, внутрь. Я чуть позже покажу, что значит, «свернутый» внутрь. То есть рисуют фигурку человечка и пишут «пкт» (проектировщик) (рис. 5.15). А это означает, что внутрь этой позиции свернута вся принципиальная часть и весь инструментарий работы проектировщика – соответствующая схема работы, всё то, чем он пользуется в мыслительном плане и так далее.

Если фигурке приписывают «упр» (управленец) – у него своя инструментальная и принципиальная часть, она опять же туда внутрь упакована с тем, чтобы в мыслительных схемах не было излишней «загрязнённости» и перегруженности. Каждый методолог, если видит позицию, и если он понимает, что это нормативная схема (типа схемы мыследеятельности, где там, минимум, шесть таких «человечков»), то он обязан понимать: если ты туда себя помещаешь – будь добр, себя «выстругай», как Бура-

тино, чтобы твоя активность действовала в соответствии с культурными нормами соответствующей позиции.

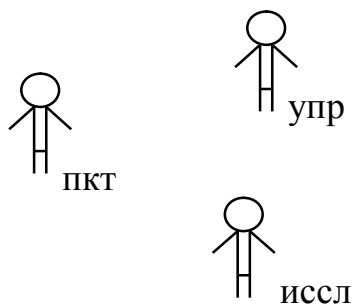

Рис. 5.15. Пространство деятельности задается позициями

Ну, а в **ситуативных схемах**, которые тоже очень важны, фигурка «человечка» означает другое. Если осуществляется какая-то схематизация конкретной ситуации, то там **выделяется место, куда может войти позиция**. Но, смотрите, не нормативная, не с нормативным набором культурных средств, а, как бы, всё – с точностью до наоборот. Вроде, «человечек» тот же самый, но это мы туда помещаем, как раз, такую активность, которая собирается определённым образом действовать (иногда – для нас неизвестным способом) (рис. 5.16).

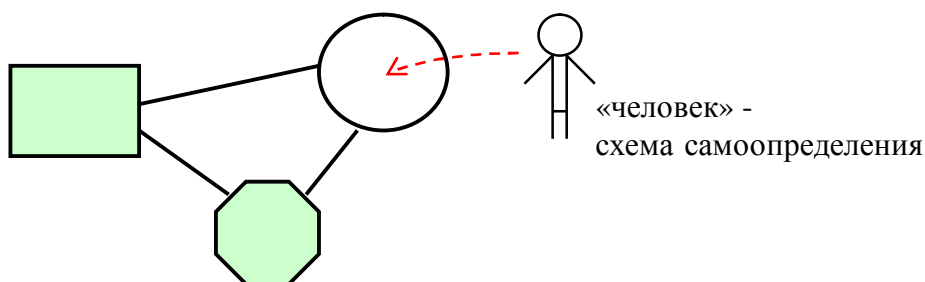

Рис. 5.16. Место для позиции в ситуативной схеме

Ну, например, если я занимаюсь бизнесом и мне приходится иметь дело с нашими алкашами на каком-нибудь севере, я именно так должен зарисовывать...

Вот, сидит Наталья Сергеевна, она хорошо знает, как с такими работать, когда абсолютно неизвестно, чего ждать от таких «работничков». И тогда мы рисуем кружочек и туда помещаем этого «человечка», и к нему соответствующим образом относимся. То есть когда, допустим, мы строим схему своего действия, мы должны предусмотреть там либо соответствующую защиту, либо ещё в какое-то функциональное отношение его поставить так, чтобы он либо не мешал, либо не вредил, либо ещё что-то не делал такого, чего нам не нужно. Ну, во всяком случае, вот это очень жёстко различается: в ситуативных схемах «человечек» – это одно, в нормативных схемах – это просто прямо противоположное. Хотя рисуется одинаково

Из зала – Это в «поповской» интерпретации или у ГП?

ЮБ – Нет, нет. Везде.

Из зала – Это и у ГП такое?

ЮБ – Да. Схематизируя ситуацию, везде, всегда на всех играх, прежде чем что-то разворачивать (какую-то деятельность), сначала нужно понять, вообще, с чем ты имеешь дело. Вот, если на схеме «квадратик» нарисован, понятно, что это «стол», и известно, как с ним обращаться. Даже, если это человек, но я знаю, чего от него ждать, вот, к примеру, от Вас, Денис Анатольевич, я Вас нарисую не человечком, а нарисую квадратиком и напишу «функция – денщик». Или ещё что-нибудь. Как у генерала. Вроде, человек о двух ногах, а на самом деле это, в общем, такая «машинка» на побегушках.

Из зала – Просто, я не встречал раньше в текстах ГП...

ЮБ – Нет, ну, конечно, когда в текстах пишут, там же уже рафинированные схемы, там это уже всё схематизировано и доведено до образца. И если там позицию какую-то рисуют, то соответствующим образом её помечают.

Двинемся дальше.

Рефлексивная позиция возникает как внешняя (к деятельности) позиция.

Соответственно, нарисовали несколько таких нормативных позиций профессионалов, которые в кооперативной деятельности каким-то образом между собой должны взаимодействовать. Вот это взаимодействие, опять же, за счёт внешней рефлексии осуществляется. И то, что я в прошлый раз говорил, рефлексия в СМД-методологии – это «прыгание» между позициями, такой, своеобразный «молевой сплав». И рефлексия здесь трактуется как переходы («перепрыгивание») между разными позициями (рис. 5.17).

Рефлексия в СМД-методологии имеет 3 функции. Во-первых, связывает, или организует (что то же самое), разные позиции в деятельности. Это показывала предыдущая картинка – «перескоки» между пустыми местами, которые обозначаются как нормативные позиции.

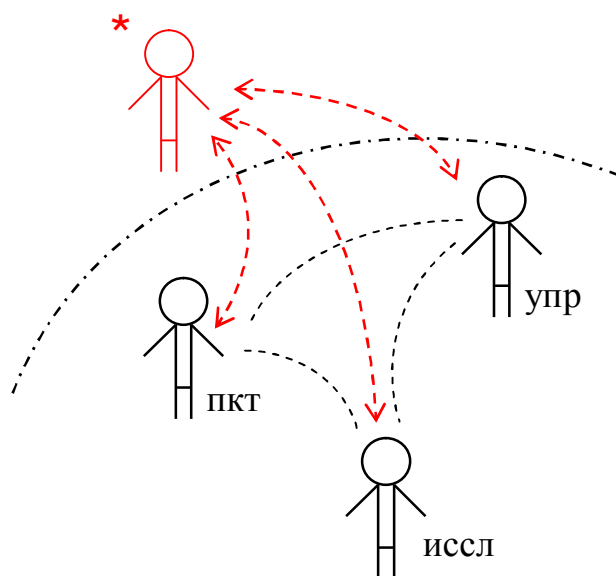

Рис. 5.17. Рефлексивное «стягивание» деятельностных позиций

Во-вторых, выявляет затруднения в деятельности – это классическая схема «рефлексивного выхода» (рис. 5.18). То есть, когда средства дают сбой – всё работало-работало, раз! – и что-то перестало работать.

Ну, как с финансовым кризисом – работала-работала гигантская финансовая машина на весь земной шар, потом раз! – и сломалась. Соответственно, если думать о том, что должно быть дальше в финансовой деятельности, должна быть построена рефлексивная позиция, то есть надстройка над теми средствами, в которых осуществлялась финансовая деятельность. И здесь должна работать именно негативная (критическая) рефлексия, позволяющая разложить всё по полочкам и посмотреть, почему средства перестали работать.

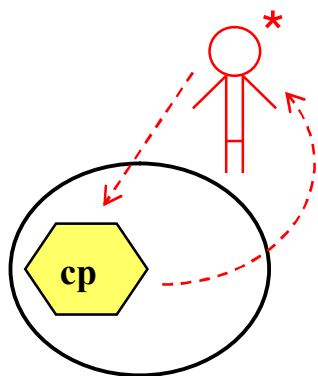

Рис. 5.18. Схема рефлексивного выхода

Ну, и *третье*, после того, как эта негативная рефлексия будет осуществлена – будут найдены неработающие средства, сделан их анализ и выявлено, из-за чего произошла остановка – дальше должен делаться следующий шаг, обеспечивающий третью функцию – дальнейшее развертывание деятельности.

Если предыдущая схема называется «рефлексивный выход» (прямо так вот он буквально и нарисован, как бы выходишь за пределы той ситуации, в которой оказался), то здесь уже прямо обратная ситуация – рефлексия противоположного толка, это так называемое рефлексивное погружение в деятельность. Это вот то, что я здесь показывал раньше в схеме «шага развития»: рефлексивное погружение в будущую ситуацию с проектом, с программой или ещё с чем-то (рис. 5.11).

А «творчество», которое так любят наши люди, в методологии это ни что иное, как выявление тех мест, в которых не хватает в настоящее время тех или иных, недостающих профессиональных деятельностных позиций, их конструирование и встраивание в пространство кооперативной деятельности, одной или нескольких. Это будет называться «развитием деятельности». И это же будет и «творчеством» называться.

Но в полном смысле «творчеством» это назвать сложно, поскольку это такая, конструктивная работа – из мыслительных «кубиков» требуется складывать новые комбинации.

Из зала – Новые для этой деятельности или новые вообще, которых не было раньше?

ЮБ – Смотрите, сломалась мировая финансовая «машинка», остановилась. Эти дурачки (в мыслительном смысле «дурачки») ездят друг к другу в гости (называется «двадцаткой»), обнимаются, фотографируются и больше ничего не делают. Ещё спрашивают друг у друга: «Как у вас там с погодой?» И всё!

Вместо всего этого политического ритуала, вообще-то, надо было бы собрать группу квалифицированных методологов, которые бы отрефлектировали средства, в которых всё работало до сих пор. Ну, и выяснилось бы, что в некоторых местах происходят перебои только потому, что нет какой-то промежуточной, срединной или ещё какой-то позиции. Вот её сейчас физически нет, из-за этого тот или иной сбой. Соответственно, её нужно сконструировать, её нужно встроить, найти ей функциональные отношения с предыдущими позициями. Или, наоборот, выявить те позиции, которые сейчас просто лишние, и их упразднить.

Но поскольку это всё завязано на политику, и в основном американцы здесь дирижируют, этого не делается. Никто и не собирается это дело анализировать.

Из зала – Они, наверное, анализируют.

ЮБ – Может быть, они и анализируют, но они анализируют не в рамке исторической реконструкции, а в рамке удержания своего господства в мире. Я, опять же, чуть позже покажу, как осуществляется эта историческая реконструкция. Мы-то думаем и привыкли думать, что история такая, какая она «сама по себе случается» и складывается. А, с точки зрения СМД-методологии, история – такая, какая тебе нужна для того, чтобы сделать следующий шаг. Точно так же, как сейчас историю переписывают. Или до этого большевики «стирали в порошок» всю царскую историю России, всё переинтерпретировали заново, что там «класс пролетариата развивался» и так далее (хотя там до пролетариата, как до Луны было в то время)... И сейчас та же самая ситуация повторяется. Всё, что было при Советском Союзе, всё раздалбливается, чтобы сделать следующий шаг развертывания капитализма.

Из зала – Прошное тоже непредсказуемо?

ЮБ – Непредсказуемо? Нет, оно предсказуемо относительно того шага, который собираешься делать. Если не собираешься ничего делать, то, точно, непредсказуемо.

Теперь дальше. Вот, пространство работы «позиции методологической рефлексии» (рис. 5.19) – одна из канонических схем.

Здесь изображена известная в методологии схема. Это – не моё изобретение. Есть такой Александр Прокопьевич Зинченко – стопроцентный адепт СМД-подхода, бывший ординарец Георгия Петровича. Он за ним, в буквальном смысле, портфель носил, когда тот живой был, и поклялся после его смерти, что до конца будет следовать Духу и Букве Учителя. Он сейчас является одним из руководителей Тольяттинской Академии управления (ТАУ), вместе с ещё одним его другом Андрейченко Николаем Фёдоровичем развивает методологию. Нет, не развивает. Не развивает! Это точно. Но, так скажем, культивирует то, что уже было наработано раньше.

Вот эта **позиция методологической рефлексии (МЕ-РЕ)** – это **брат-близнец позиции методологического мышления (МЕ-МЫ)**. Она вот такая, сдвоенная. Ме-

тодологическая рефлексия всегда надстраивается над практиками. Вот, внизу – организатор этих практик. Практики, при этом, могут быть самыми разными. Рефлексия надстраивается всегда над практиками. Над пустотой рефлексии не бывает.

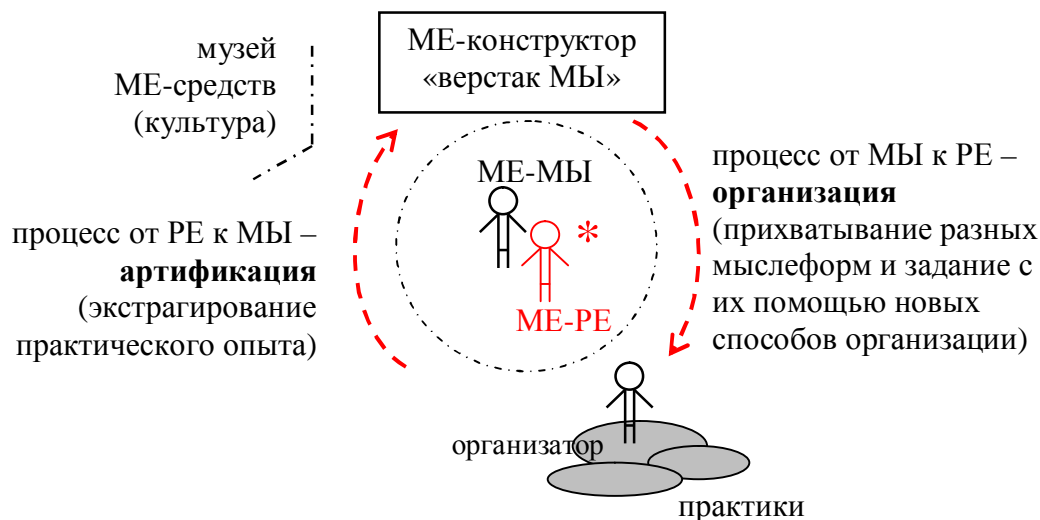

Рис. 5.19. Парная методологическая позиция

А мыслительная позиция (позиция методологического мыслителя) привязана к так называемому «методологическому конструктору». Есть техники знакового конструирования – схем и всего остального, и позиция методологического мышления этим и занимается.

Смотрите, по кругу нарисованы две стрелки: одна стрелка – наверх, к «методологическому конструктору», другая – от методологического конструктора к «организатору». Процесс от рефлексии к мышлению называется «артификация», то есть экстрагирование практического опыта, схематизация практической ситуации (про что Денис спрашивал только что). Это, вообще, неотъемлемый шаг: без схематизации ситуации никуда не продвинешься.

Но как только ты «вытащил» эту начинку практического опыта, из-за которого произошла остановка деятельности, появляется возможность сделать соответствующее продвижение в той рамочке, которая называется «методологическим конструктором». Или ещё иногда его называют «верстаком мышления». То есть там, буквально, как на верстаке: из заготовок конструируется та или иная структура деятельности.

А потом обратный процесс – от мышления к рефлексии: «прихватывание» соответствующих мыслеформ и задание с их помощью новых способов организации практики.

А слева нарисована рамочка и написано – «музей методологических средств», или культура, попросту говоря. Прежде чем что-то конструировать, сначала нужно в «амбар» сходить и посмотреть, есть ли в культуре соответствующие заготовки для этой конкретной практической ситуации, которая была отрефлектирована. Вполне возможно, что есть. Если есть, тогда всё просто – из «музея» берём и используем. А если нет – тогда уже речь будет идти о методологической работе.

Но рефлексия всегда привязана к практике. Это, просто, железно. Все те, кто не понимает, и никогда не понимали, чем занимаются методологи, все кричали хором, что это, «вообще, непрактично», это, «вообще, абстрактно», это, «вообще, непонятно». Вот, все те, кто кричал так, они просто не понимают, что такое «практика». Поскольку те судороги, которые у нас где бы то ни было на работе осуществляются, вот эта социальная суета, к практике отношения не имеет... К примеру, практикой мне приходится заниматься после работы, в т.ч. ночью. Поскольку вот здесь днём практикой заниматься невозможно. Одна сплошная суета: то одно, то другое, то пятое, то десятое...

Из зала – А что такое «практика» тогда? Поясните.

ЮБ – Это чуть попозже, ладно? А то я сейчас опять в «аппендикс» уйду и на долго.

Следующий момент – «рефлектирующая» и «рефлектируемая» позиции не равноправны. «Рефлектирующая» позиция всегда надстраивается над чем-то. А то, над чем она надстраивается – это «рефлектируемая позиция». После рефлексивной остановки, осуществления рефлексивного выхода и рассматривания собственных средств, дальше продвижение может быть либо на основе той позиции, которая рефлектируется, либо, наоборот, на основе средств рефлектирующей позиции. В первом случае – это будет «заимствование позиции»; во втором – это называется «рефлексивным подъемом» (как бы «за уши» поднимаешь на более высокий уровень рефлектируемую деятельность позицию).

В нашей стране заимствовать позиции негде, а в других странах – не часто, но встречается. Например, в каком-нибудь автомобилестроении у немецких деятельностных позиций кое-что можно позаимствовать.

Далее: **рефлексия связывает не предметы**. У нас ещё будут практические занятия. И вы почувствуете, что рефлексия связывает не вещи и не людей, **а способы работы**. Причем, обратите внимание – не «способы изготовления вещей», а способы «употребления этих вещей».

Вот, если кого-нибудь спросить, как эти столы связаны с этими стульями, которые здесь стоят? Чаще всего, люди будут пялиться на сами эти столы. А если начнут отвечать, то – всякую абракадабру: «Рядом стоят»... Или ещё что-то подобное. Или: «Никак не связаны». Или, вообще, этот рефлексивный вопрос может поставить человека в тупик: он задумается, а потом в монастырь уйдёт.

А, в принципе, за вещами нужно видеть (и у себя тренировать эти рефлексивные способности) способы употребления этих вещей. Вполне возможно, что некоторые стулья, поставленные рядом со столами, не должны здесь стоять, потому что их употреблять в этой аудитории нельзя по каким-то причинам. Например, по причине того, что они дерматиновые, то есть, грубо говоря, «из дерьма» сделанные.

Из зала – А про способ связи можно сказать, что у нас в сознании это как-то связано и мы, соответственно, это всё представляем?...

ЮБ – Нет, вот, вы опять за «своё, девичье»...

Из зала – Что нужно для того, чтобы стулом пользоваться?

ЮБ – Нужно восстановить деятельностьную ситуацию, в которой то и другое будет какой-то позицией определённым образом использоваться.

Из зала – Ситуацию обучения, да?

ЮБ – Да. Смотрите, когда изготавливают вот такую вещь, редко задумываются (особенно в нашей стране), куда она попадёт? И где она будет использоваться? Или, например, китайцы делают детские игрушки, а потом наши врачи спохватываются и начинают кричать: «Игрушки нельзя детям давать, потому что они токсичны».

Из зала – Радиоактивны.

ЮБ – Или от радиации светятся, или ещё что-то такое же. У нас подобное, вообще, сплошь и рядом. Мы чаще всего производим вещи только потому, что «мы умеем эти вещи производить». И всё! А нужны они и можно ли их где-то в другом месте использовать, или нельзя? – одному Богу известно.

Вот, в нашем университете закупили китайскую мебель, очень красивую (с виду – красивую) и дешёвую. Но сидеть на ней нельзя. Просто, нельзя и всё! У китайцев соответствующая рефлексия относительно того, где это будет использовано и для чего? – отсутствует напрочь... То есть они за вещами способа употребления не видят.

Из зала – Тем не менее, у них, в Китае, это всё сделано с умом. У них в Китае есть мебель, на которой сидеть можно.

ЮБ – Я не знаю, не был в Китае, поэтому ничего не могу сказать.

Из зала – Они для себя всё делают очень хорошо.

ЮБ – Китай – очень разный. Вот, Наташа была в таком районе Китая, где рабство существует до сих пор. Просто, X век!

Из зала – А в чём это проявляется?

ЮБ – У них там – натуральное рабство. Начальник приходит и говорит: «Вот эту, вот эту и вот эту девочку я забираю в наложницы» – и родители счастливы. Типично, X век. Поэтому Китай разный.

Из зала – Ну, это там, на юге.

Из зала – А как население на это реагирует? Бунтуют?

ЮБ – Нет, они там счастливы, потому что те, которых забирают – лишние рты. И таких ртов много.

Возвращаемся к «нашим баранам».

Рефлексия осуществляется на основе инструментов мышления (рис. 5.20).

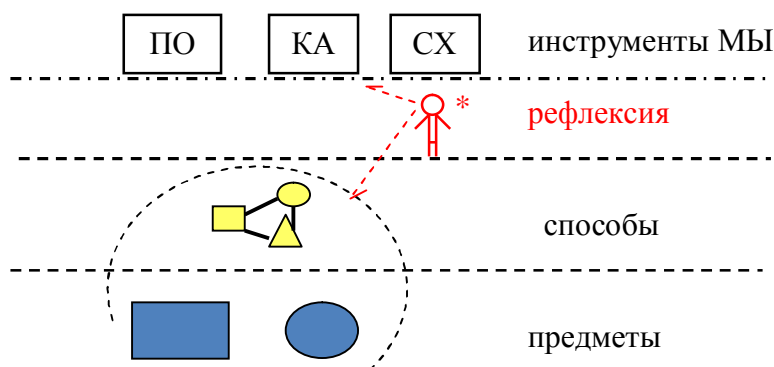

Рис. 5.20. Место рефлексии

Смотрите, **рефлексия не над предметами «скачет»**. И если обрабатывать на себе рефлексию, нужно всячески блокировать попытки сознания ухватиться за то, что мы видим и чувствуем. **Нужно пытаться увидеть за вещами их «способ употребления»**. А сами «способы употребления» должны не произвольным способом конструироваться, а на основе мыслительных инструментов. Есть соответствующие понятия, есть категории, схемы, и рефлексивная позиция – это не фантазёр какой-то, который выдумывает, как ещё можно эту вещь употребить. Если осуществляется конструирование какой-то позиции, то на основе соответствующих мыслительных вещей.

Вот это – чрезвычайно важно! Мы ещё будем говорить и про понятия, и про категории, и про схемы. Без этого тоже дальше двигаться нельзя.

Теперь, смотрите. **Рефлексия является основой методологической схематизации**. То есть, когда мы начнём что-то обсуждать с вами, какие-нибудь упражнения делать, я буду вас просить выходить к доске, чтобы что-то изобразить – например, то, как у вас мысль двигалась в том или ином случае. Я думаю, что чаще всего, в 99%, а может, и в 100% случаев будет так называемая «наскальная живопись». Или то, что называется «методологическим орнаментом» на доске. Будете рисовать, что в голову взбредёт... Ну, мы уже упражнялись в этом, да? Год-полтора назад это было сплошь и рядом. Когда уборщица заглядывала и видела, что у нас на доске нарисовано – я не знаю, что у неё в голове при этом мелькало, но думаю, нехорошие слова: «Совсем с ума спятили». Или ещё что-то подобное.

Поэтому, смотрите, сначала первичная рефлексия осуществляется, в результате происходит выделение способов... Здесь (на рис. 5.21) обозначено рамочками (с пометками «СП 1», «СП 2») то, что там, на предыдущем рисунке, было во втором слое. А потом, во вторичной рефлексии (она с двумя звездочками) этот путь, этот переход в развертывании деятельности от позиции к позиции, рефлектируется как схема (обозначено большой горизонтальной стрелкой). То есть **схема не рисуется сразу**. Это – принципиально важно!

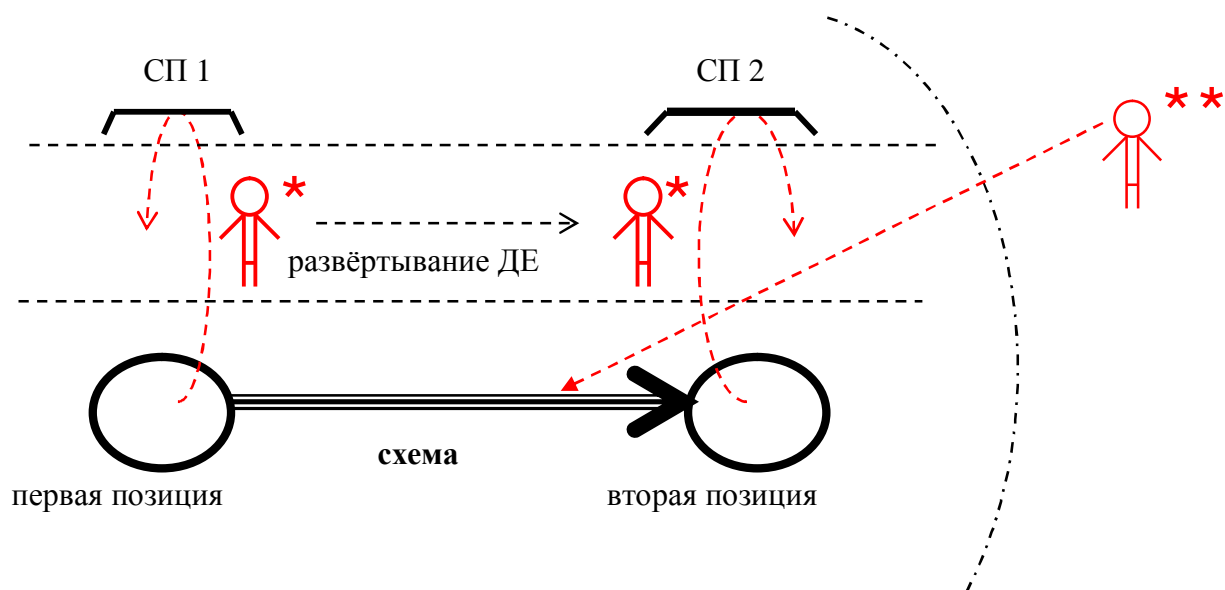

Рис. 5.21. Место рефлексии в процессе схематизации

Из зала – То есть это такая, первоначальная, как бы, задумка, потом она развивается?...

ЮБ – Нет. Сначала вы должны отрефлексировать способ, который здесь работает. И понять, чего в нём ещё не хватает? Потом отрефлексировать второй способ, который здесь будет работать. А потом выйти во вторичную рефлекссию и посмотреть на этот переход как на «мостик». Один переход, другой, третий, пятый, десятый – возникает такая **конструкция из переходов по этим пустым местам. И это рефлексится как схема.**

Из зала – А потом рисуем квадратики, треугольники?

ЮБ – Ну, а потом рисуем, например, схему мыследеятельности.

Или сначала делаем одно, потом перешли в другое место, потом перешли в третье, потом в четвёртое, а потом отстранились, бах! – да здесь структура. У нас, вроде, путь мысли был при получении научного знания, а потом раз! – посмотрели, а это – структурная схема знания.

Из зала – Это сложно.

ЮБ – А никто и не говорил, что это всё для дураков доступно.

Следующий момент. **Рефлексивный механизм выделения деятельностных позиций** (рис. 5.22).

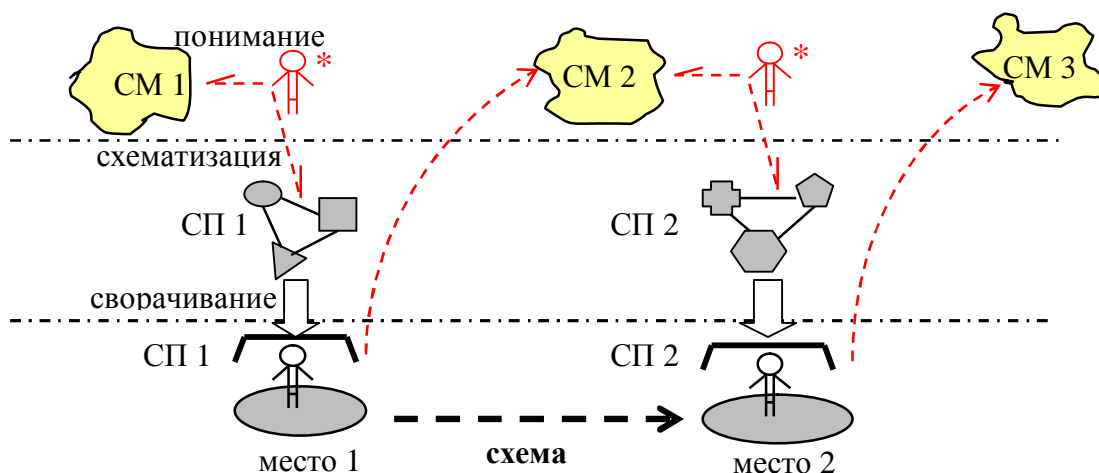

Рис. 5.22. Рефлексивный механизм выделения деятельностных позиций

Вот эти «облачка» вверху – это так называемые «облака смыслов» (на жаргоне методологов), которые человек в процессе понимания ухватывает. А для методолога «облака смысла» – это материал для последующего оформления содержания в процессе схематизации, то есть перевода в соответствующий мыслительный конструкт.

То, что вы вверху видите, две таких полу-стрелочки: одна на смысл указывает, другая на способ его упаковки. Ухватываешь смысл (СМ 1), т.е. понимаешь. «Пониманием» мы всегда только смыслы ухватываем. Смыслы возникли и тут же улетучились, если мы их не зафиксировали в виде каких-то знаковых форм или других конструктов, положенных на бумагу в виде содержания. Не смысл мы на бумагу кладём, а какое-то совершенно определённое содержание. Мы схематизируем его, получается какой-то способ работы. А потом этот «способ работы» для компактности записи

сворачивается и обозначается вот такой рамочкой – это то же самое (только графика иная).

Вот, как Руслан Равильевич говорит: «Сижу, смотрю, а у меня рамка другая». Имеется в виду эта рамка, которая удерживает сознание, и которая позволяет ему определённым образом работать. Либо эту рамку вообще на схеме не показывают, а рисуют человечка и пишут, например, «проектировщик», «исследователь», «учитель», «бизнесмен», ещё что-то.

А дальше то, что из этого смысла сюда (в рамку СП 1) не поместилось, рефлексивно перемещают опять в верхний план. Затем опять включается понимающая рефлексия (вот эта, ухватывающая СМ 2), из него выделяют новый способ работы для новой позиции (СП 2). Эту позицию опять сворачивают в рамку и находят ему другое место.

В результате возникает вот такой путь, который вторичным образом будет от-рефлектирован как схема.

Из зала – Повторите, вот про эту первую позицию... Это понимание, да?

ЮБ – Да.

Из зала – Схема одна. То есть мы подгоняем под некие, уже существующие формы, стандартный шаблон?

ЮБ – Дима, нет. Через неделю я буду специально об этом говорить. Я понял, что Вы хотите. Но здесь не так.

Из зала – А потом её, как бы...

ЮБ – Нет, смотрите: если не ставится конкретная задача, делать нечего. Всё будет стоять, и сознание, просто, будет «подвешено».

Вот, к примеру, я не знаю, будет ли такое задание у нас через неделю, но, к примеру: Диме вместе с Ирой поручается разработать «Программу реформ страны». Программу на 15 лет. Вы сначала посидите, подумаете, может быть, начнёте сопротивляться, а я вас всё равно буду заставлять: «Подумайте, и хоть что-то скажите». Да? Как нужно, в принципе, осуществлять реформы в стране, предположим? Вы выйдете, и будете произносить какие-то смыслы. Скажете что-то про реформу, какой-то частичный смысл выделите, скажете ещё про что-то. Мы в эту рефлексивную позицию (которая на рисунке сверху) встраиваемся и начинаем пытаться понять, что Вы нам говорите? Какие смыслы доносите? Потом садимся, например, с Денисом, с Юлей, ещё с кем-то, и из того набора смыслов, который Вы на нас вываливаете, как «ушат помоев», мы вытаскиваем некие рациональные зёрна. Эти рациональные вещи оформляем в способ работы какой-то позиции, и говорим: «Да, если мы проводим реформы, должен быть, допустим, «главный реформатор», поскольку все реформы всегда проводятся сверху, снизу реформ не бывает». И мы обустроиваем вот эту позицию «реформатора». Обустроиваем его определённым набором средств, которые здесь обозначены как «способ 1» (СП 1), подвешиваем над ним рамочку и в дальнейшем помним, что он и как должен делать по принципу.

Но, кроме того, что мы выделили как СП 1, вытащив из ваших смыслов про реформы, там у Вас ещё многое чего осталось. Да? Вот, весь этот остаток смыслов мы

вываливаем опять сюда (наверх, перед понимающей позицией) и опять начинаем думать, а что же там у Вас есть ещё рационального? Опять что-то понимаем, что-то выделяем, рационализируем, опять сворачиваем, и говорим: «Да, рядом с реформатором ещё кто-то (и говорим, кто, какая позиция) должен быть. Эта позиция должна вот этим заниматься, в противном случае реформ не будет».

И так это всё может длиться целый год. Глядишь, через год мы построим схему реформирования страны. Но принцип вот здесь (на рис. 5.22) нарисован.

Из зала – Можно вопрос? Получается, что это два разных функциональных места.

ЮБ – Да.

Из зала – А вот эта стрелочка (внизу, пунктиром)?

ЮБ – А это – переход. Это потом в схеме реформ будет функциональным взаимодействием между этими реформаторами.

Из зала – Вот этот рисунок показывает, как что-то схематизируется?...

ЮБ – Да-да-да.

Следующий момент: как в СМД-методологии строится **реконструкция истории** (рис. 5.23).

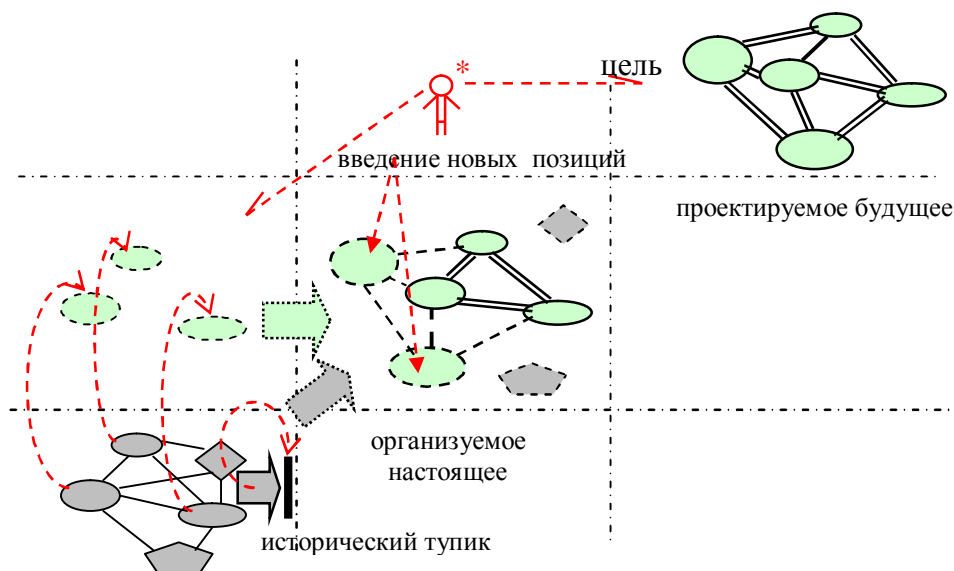

Рис. 5.23. Принцип реконструкции истории

Смотрите, и здесь рефлексивная позиция, в общем, самая главная. Пока не построишь проектируемую для будущего конструкцию, что ты там собираешься увидеть? – ничего не произойдёт. Смотрите, не «цель» в виде «хочу светлое будущее», а некий проект того, как это в будущем должно быть устроено. Начиная с простейшего: допустим, новый проект какого-нибудь мобильного телефона, который Nokia в очередной раз собирается выбросить на рынок, и кончая, например, той же самой реформой страны. Вот, как должна выглядеть «реформированная страна»? Хотя, на мой взгляд, это, конечно, бессмысленное словосочетание, но, тем не менее, про это же говорят.

Пока не выделена вот эта структура, которая в будущем должна быть и которая ставится как цель... То есть не цель, в которую можно попасть (чаще всего под «це-

лью» мы понимаем «мишень», куда нужно прицелиться и попасть), а цель как та структура, в которой ты хочешь как в деятельности, соответствующим образом устроенной, находиться и работать.

После того, как выделена вот такая целевая проектируемая конструкция, твоя интенция должна быть обращена в прошлое. И из исторического прошлого, которое, фактически, сейчас существует, ты должен отрефлексировать такие вещи (и вот сюда, вверх, вытащить; обозначено тремя кружочками), такие элементы прошлого, которые вот здесь в будущем проекте присутствуют или которые тебе нужны для построения вот этого «светлого будущего».

Дальнейшее движение той структуры, которая в прошлом находится, должно рефлексироваться как тупиковое (обозначено: «исторический тупик»), с соответствующим обоснованием и со всем остальным.

Ну, как говорили ещё недавно: «Всё! Советская система хозяйствования недееспособна, она должна быть изменена». Соответственно, берём из этой советской системы (и «перетаскиваем» в будущее) только то, что по нашему проекту предполагается, что там понадобится. Всё остальное бросается на произвол судьбы.

Смотрите, я здесь (на рисунке) условно нарисовал: вот эти три элемента присутствуют. А вот эти два (этот квадратный и этот пятиугольный) бросается на произвол судьбы. И из них люди, по идее, должны перетаскиваться туда, в новые структуры, переделаться, переобразоваться, переподготовиться...

Из зала – Или умереть.

ЮБ – ...или умереть. Лучше умереть. Это – если нашу реформу брать. Значит, после того, как отрефлексировано, что понадобится в будущем, дальше вводятся новые позиции, которых ещё не достаёт – вот этой и вот этой (оконтурены пунктиром и указаны пунктирными стрелками). Ну, а эти вот (брошенные на произвол судьбы) «повисают».

Ну, точно так же, как у нас сейчас много чего, что было значимым при социализме, выброшено на помойку. Предполагается, что те люди, которые в этих местах находятся, должны быть переобучены, переподготовлены и встроены в новую ситуацию.

Смотрите, если мы здесь будем делать какой-то другой проект будущего, то и прошлое будет рефлексироваться по-другому. Поэтому мы как раз, только что перед этим, говорили о том, что в прошлом рефлексивно выделяется только то, что нужно будет в будущем. Про всё остальное будет говориться, что это «неправильно», «плохо» и всё остальное подобное.

Ну, а теперь несколько слов **про рефлексивные механизмы в методологии общественных изменений**. Это – «поповщина». Или, что то же самое, – общественная инженерия.

Я вам говорил уже несколько раз, что Попов сначала освоил всю СМД-шную методологию, потом пободался-пободался с ГП в рамках СМД-методологии. Выяснилось, что там, куда он ни ткнётся, у Георгия Петровича уже всё развернуто, он его

чик-чик-чик: «Всё, Сережа, сиди и помалкивай». Он подёргался-подёргался и понял одно: если он дальше будет так же жить и работать, то так и останется никем.

Он довольно много времени, насколько я понимаю, и большие усилия затратил на то, чтобы выделить ту область, где СМД-методология не работает, и её оснастить другим логическим инструментарием. И он нашёл (прежде всего, с помощью игр) ту общественную область, где СМД-методология не срабатывала. На оргдеятельностных играх дело доходило, в лучшем случае, до проблематизации и распредмечивания существующих структур деятельности (или псевдодеятельности). А вот, обратная процедура – опредмечивание в новых деятельностных структурах, как правило, не успевала пройти. ГП на эти аргументы говорил: «Было бы у нас ещё 15 дней игры, мы бы дошли и до этого». Попов с Петром (тогда они вместе ещё работали) попробовали и 15-дневные игры, и 19-дневные – ни фиги! Есть определённый слой людей, которые, просто, в принципе не могут существовать в деятельности. Они сами – не деятельностные, они в принципе закрыты для деятельности, их нельзя разоформить. Ничего нельзя. Замыкаются, и всё! А дальше, в лучшем случае, поддакивают, а потом выходят и продолжают то же самое. Ещё потом вдогонку матерными словами, что «только время зря потеряли».

В результате долгих игровых экспериментов Попов нашёл область так называемых «общественных изменений». Смотрите, не «деятельностных», не «развития деятельности», как было у ГП.

У ГП же, как? Вот, я вычленяю деятельностные структуры. Всё то, что не попадает в новую деятельность (вот эти квадратные и пятиугольные на рисунке 5.23), ну, «туда им и дорога». Значит, не нужны для новой деятельности.

А у Попова, как раз, вся его методологическая ориентация направлена на то, как вот с этими «ненужными» (для деятельности) можно рационально работать? С теми, которые не встраиваемы в деятельность.

Ну, и я несколько вещей из этой «оперы» вам здесь покажу. Вот первое (рис. 5.24) – это исходная ситуация взаимодействия вот этого, так называемого «преобразователя» (или общественного инженера) и общества.

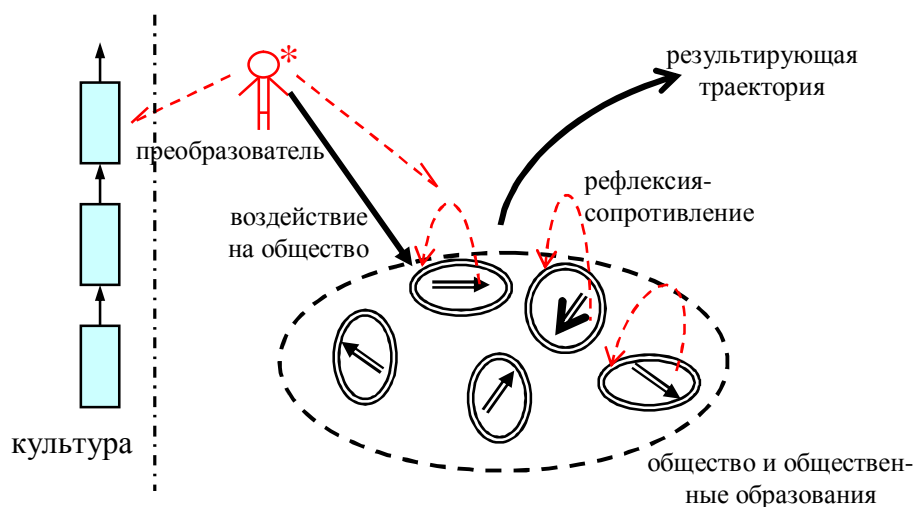

Рис. 5.24. Ситуация общественного преобразователя

Смотрите, рефлексия этого преобразователя, эта рефлексивная позиция, должна, как бы, одним глазом смотреть на культурные нормы, транслируемые в культуре (вот здесь, за трансцендентальной границей слева на рисунке). А другим глазом – вот на эти «петли» рефлексивного сопротивления, которые в «общественных организованных» возникают: начиная от отдельных людей, и кончая разного рода коллективами – профессиональными, религиозными, клановыми сообществами. Которые, просто, как «пуленепробиваемый жилет» на себя напяливают, сами ничего не хотят делать, и с ними тоже ничего сделать невозможно. У них есть совершенно специфическая рефлексия, вот эта, защитная – от любых воздействий со стороны, от любых посягательств.

Из зала – Кокон.

ЮБ – Кокон, да. В прямом смысле.

Из зала – Как дети говорят: «Броню включил».

ЮБ – Да, броню включил и всё: родителей не вижу, не слышу, наушники вот так, музыку на полную катушку, и гори оно всё огнём!...

Ну, и вот здесь (на рисунке) условно изображено такое «общество» (оконтурено пунктиром). Если кто-то оказывает воздействие на эту общественную организованность, то включается вот эта «броня», и результирующая траектория изменения общества (стрелка справа вверху) совершенно непредсказуема. Куда это всё повернёт?...

Например, то, что в нашей стране делается и называется «реформами» – абсолютно нецеленаправленно, абсолютно неизвестно, куда это всё выедет? И куда всё едет, если, вообще, едет? Или падает, Бог его знает. Никто этим делом не занимается. Не изучает.

Это – исходная ситуация для общественного инженера. Для этой исходной ситуации нужен какой-то совершенно другой инструментарий, не такой, какой разработан в рамках СМД-методологии. И не такая рефлексия должна быть, как та, про которую я только что по пунктам разбирал, когда основные моменты рефлексии в СМД-методологии вам пытался здесь проговаривать.

На рис. 5.25 изображено **три типа схем у общественного инженера**, которые должны рефлексироваться, удерживаться и соответствующим образом ещё и применяться.

Первое – это так называемый «плацдарм», на котором разворачивается та или иная ситуация общественных изменений (изображено как условная «планшетка», типа шахматной доски). «Плацдармом» называются «естественные» условия, т.е. те, с которыми общественный инженер должен считаться, и которые от него не зависят. Ну, например, банки работают, как работают, по определённым правилам; налоговая инспекция по определённым правилам работает; правительство по определённым правилам работает; воруют чиновники тоже по определённым правилам. Известно, как это делается, но изменить общественный инженер этого не может.

Второе, «общественный инженер» (его фигурка в левом верхнем углу). Чтобы его позиция могла действовать на этом плацдарме, он должен иметь сложно устроен-

ную «досочку» сознания, или «планшет» из двух частей. С одной стороны, жёлтенькая часть – это как у всех. А, с другой стороны, у него здесь должна удерживаться (как отдельная) схема организации плацдарма. То есть не всё в этой естественной реальности для него значимо, а только то, что будет касаться тех общественных изменений, которые он собирается осуществить.

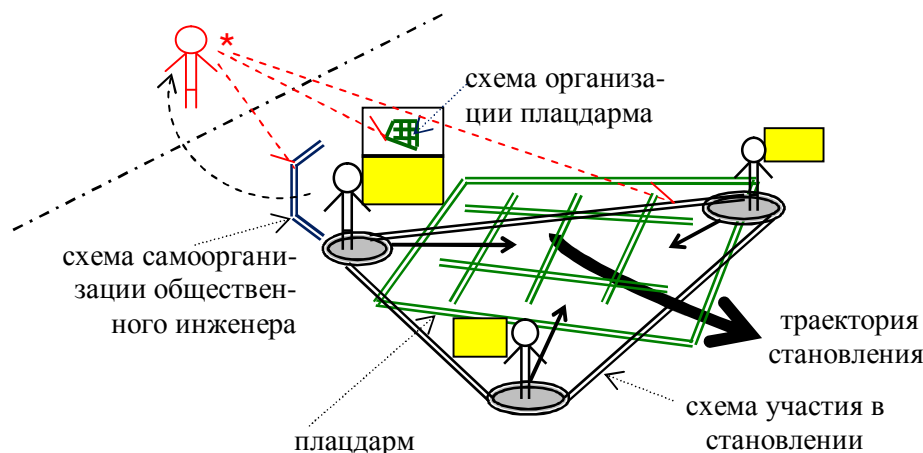

Рис. 5.25. Три типа схем общественного инженера

Например, задача – построить коттеджный поселок. Что произойдёт в этом городе, если будет построен большой коттеджный поселок? На самом деле, много чего изменится. Может измениться...

Из зала – Схема движения.

ЮБ – ...схема движения. Школы могут как-то поменяться, многое что может измениться. Ну, это самая простая вещь – коттеджный поселок. А если делается что-то гораздо серьезней, те же самые реформы, или ещё что-то...

А при создании коттеджного поселка, что должно быть в его схеме плацдарма?

Из зала – Понятно, что всё на свете он туда не вместит.

ЮБ – Нет, он будет учитывать только то, что будет иметь значение для его действий, но, при этом, то, что от него не зависит.

Из зала – Предпочтения по поводу жилья какого-то, да?

ЮБ – Нет, с одной стороны, территория. Территория может быть далеко/близко от чего-то важного. С другой стороны, какое-то законодательство, которое сейчас в этой сфере существует, и это, с его точки зрения, он не может изменить. Оно может быть таким, что он ни играть/действовать не может, ни изменить его в нужную сторону не может. С третьей стороны, например, чиновничество, которое сидит на тёпленьких местах: начиная от кадастровой службы, БТИ, которые по определённым правилам работают, ну, и всего остального, вплоть до губернатора, который может принимать или не принимать какие-то решения. Это тоже от него не зависит. Выделяются все такие элементы, которые важны, но от него не зависят. Они соответствующим образом функционализируются, ставятся в соответствие друг другу, схематизируются. И это будет тот «плацдарм», на котором ему предстоит осуществлять свои действия.

Из зала – Прежде чем иметь «плацдарм», нужно иметь некую идеальную конструкцию, чтобы...

ЮБ – Нет, про идеальную конструкцию я сейчас ещё буду говорить. Но в любом случае, сначала должен быть выделен существенный (для будущих изменений) набор тех вещей... Опять же, не вещей в прямом смысле, а способов работы. За вещами – за землей, соответственно, тоже способ работы (далеко ехать, например, или что-то ещё). За губернатором – способ его работы – например, он одно пропускает, другое не пропускает; если зайти «сверху» – он пропустит, а если «снизу» – не пропустит... Вот эти вот моменты должны составлять его «плацдарм». Понимаете?

Из зала – То есть позиции конкретных людей.

ЮБ – Чаще всего, это – институты. На плацдарме работают институты, а конкретные люди могут рассматриваться как «действующие силы», которые будут либо мешать, либо, наоборот, участвовать.

Из зала – Это две другие фигурки на рисунке?

ЮБ – Да, вот они (показывает). Но в структуре «плацдарма» этих действующих сил нет, в плацдарме – это вот то, что естественно. Я не хочу сказать «от Бога»...

Из зала – В плацдарме активности нет?

ЮБ – Нет.

Из зала – Там ничего не мешает, там всё нормально?...

Из зала – Нет, там всё движется по определённым правилам. Я не хочу говорить «по законам», но по определённым правилам работает. И это либо используется, либо находится способ защиты, как отстраниться, защититься от этого.

Второе, что должно быть в распоряжении общественного инженера – это «схема участия» (условно обозначено как такая, треугольная «стяжка» позиций участников) в том становлении, которое потом будет осуществляться.

«Схема участия» – это не проект. Смотрите, проект забрасывается в будущее, а потом всё «отстригается» лишнее, чтобы это вот, проектируемое будущее, случилось в том виде, в каком оно должно (по проекту) случиться. Как дом строится: всё остальное, что мешает, должно быть нивелировано. Если бугор мешает, его нужно скрыть, если люди мешают, которые на этом месте живут – их нужно отселить. Проектирование всегда предполагает, что можно найти способ преодолеть сопротивление среды.

А становление не предполагает подобного вышибания. Становление предполагает соучастие многих разных активных сил и нахождение способов организации этих сил. И что при этом станет – неизвестно.

Из зала – Кому тогда такое надо?

ЮБ – Как, кому? Сейчас дальше чуть-чуть покажу. Так оно всегда и бывает. Смотрите, треугольная конструкция с тремя позициями – это условное изображение «схемы участия» в процессе становления. С одной стороны, сам этот деятель, общественный инженер, который собирается что-то сделать. А, с другой стороны, всегда найдутся либо те, кто будет реально мешать, поскольку это будет кому-то невыгодно, либо, наоборот, те, кто-то будет из этого выгоду пытаться извлечь...

Из зала – А кому-то это будет выгодно?

Из зала – Да, кому будет выгодно?

Из зала – Это позиции или функциональные места?

Из зала – Нет, это не функциональные места, это люди.

ЮБ – Нет, это, как раз, «люди-активности», от которых неизвестно, чего ждать. Когда «позиции» – тут пишешь рядом с «человечком» ещё и обозначение профессионального способа работы...

Из зала – А пример можно?

ЮБ – Вот, у нас в строительстве объездной дороги вокруг Иркутска...

Из зала – А как они должны действовать?

ЮБ – Ну, они могут себя по-разному вести. В качестве примера можно привести строительство объездной дороги вокруг Иркутска. Вроде, для города это хорошо. То есть город, в принципе, «за». Но там (прямо вдоль строящейся трассы) есть садоводство, которое как раз, не заинтересовано ни в каком строительстве... Они категорически против, и будут делать всё, чтобы дороги не было.

Или другой пример. Вот, сидит Наталья Сергеевна. Она строила дом, который называется «маршал Жуков», на проспекте Жукова. Знаете, напротив памятника Жукову? Вот этот гигантский дом. Она тогда в одной строительной конторе работала. Так вот, они маялись-маялись. Когда закладывали этот дом, рыли котлован, там жители, в основном, бабки, «ложились трупами» под их бульдозеры, просто, каждое утро. Они выходят на работу, а там – бац! И уже лежат поперёк, чтобы бульдозер не заехал. «Оправдание»: этот небоскрёб будет загораживать окна их рядом стоящего дома. Маялись-маялись, пока не продали этот бизнес «Иркутскжилстрою». Да, Наташа?

Из зала – Да.

ЮБ – И всё сразу прекратилось. Уже ничего не мешает, как видите, вся эта «дура» выросла, что примечательно. Вот, это – одни из вот этих «участников»...

Из зала – Может, что-то для них сделали?

ЮБ – Так, что? Дали по 100 долларов.

Из зала – Одни отказываются от этих условий, им предоставляется другое...

ЮБ – Нет, «участники» – это конечно, не бабки... Бабки – это средство, которое используют активные силы.

Из зала – Какие бабки?

ЮБ – Ну, дедки.

Из зала – «Бабки», которые в банке можно получить?

ЮБ – А это, практически, одно и то же.

И, наконец, смотрите, *третье*. Третья схема – это вот та рамочка, или способ работы самого общественного инженера. Или это по-другому называется «схема самоорганизации».

То есть в это место этой схемы не человек входит, а входит схематизированный способ работы общественного инженера. Точно так же, как тот, кто на автомобиле ездит. Я уже, может быть, приводил подобный пример: когда человек садится за руль автомобиля, несмотря на то, что там его тело со всей требухой, костями и всем ос-

тальным сидит на этом сиденье, но его тело – пассажир, не более того. Просто, определённый вес человеческого материала. А за руль садится определённая «схема деятеля», который определённым образом способен действовать.

И, если Вы можете себя схематизировать в качестве «водителя автомобиля», а Вас, например, посадят за штурвал самолета – не факт, что с тем же самым телом Вы благополучно хоть куда-нибудь долетите, потому что схемы работы этого, более сложного, деятеля («пилота») у вас нет. На вас не «сидит». Вас не научили. Вот эта рамочка обязательно должна быть. Она и будет задавать всю интригу на этом «плацдарме». Смотрите: когда она входит в «схему участия в становлении», в которой участвуют ещё другие участники, всё начинает куда-то сдвигаться.

Здесь логика просто совершенно иная, по сравнению с тем, что в СМД-методологии. Там делаешь проект, забрасываешь, переделываешь всю историю, выбрасываешь из нее то, что тебе не нужно будет в твоём будущем проекте и запускаешь новую «машину» деятельности.

Смотрите, в деятельности людей нет...

Что так загрузили? Вам людей жалко, которых выбрасывают? На самом деле в деятельности людей нет. Там же главное – переделка, трансформация или развитие систем деятельности. А люди, которые в деятельности используются, – всегда страдающие. Но они используются всегда. И здесь нас используют. И вас, и, вообще, всех используют все системы деятельности. Это называлось раньше «отчуждением труда» и разными другими нехорошими словами. Маркс про это много писал. И платят не человеку, а платят, как известно, «рабочей силе», платят за способность трудиться, и так далее.

Ну, наконец, последняя картинка – как осуществляется то, что называется «общественным изменением» (рис. 5.26).

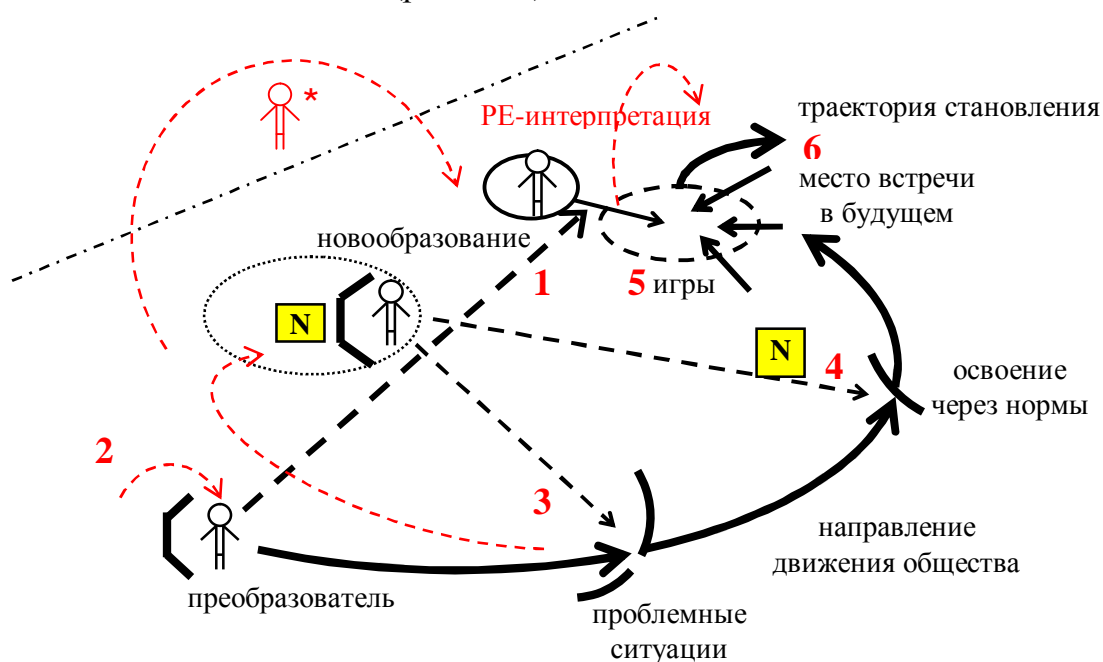

Рис. 5.26. Процесс общественного изменения

Смотрите, вот, в это место (на схеме – в начале большой дугообразной стрелки), с одной стороны, попадает «общество» на пороге этих изменений. «Общество» про это может не знать, у него такая инерционная и эволюционная траектория движения. Двигается и движется куда-то, неизвестно, куда.

В этом же месте вместе с «обществом» находится и тот, кто берёт на себя смелость, наглость, волю и всё остальное, произвести какие-то изменения в этом «обществе» (фигурка человечка с пометкой «преобразователь»). Первое, что он должен сделать, он должен представить себе в мысли ту новую структуру, или «новообразование», как здесь написано, которое будет получено только через сколько-то лет, когда-то в будущем (помечено цифрой 1). Это чисто мыслительная вещь. То есть мысленно «забрасывает» в будущее то, что он, вообще, хотел бы там видеть.

Для этого у него есть вот этот способ работы (обозначен рамочкой). И обратите внимание, на одной из предыдущих лекций я вам говорил, что принципиальное отличие от научного подхода состоит в том, что человек сам на себе это всё должен протащить. Ира тогда ещё сказала: «Это же ответственность какая!», в отличие от учёного. Учёный придумал и передал другим: «Делайте, пожалуйста, практики». А здесь, смотрите, вот этот пункт 2 («авторизация») – принципиально важный. И он рефлексивный. Все красные пунктирные стрелки на схеме – это рефлексивные траектории.

Он должен этот способ на себя «одеть» и на себе доказать, что мыслимое «новообразование» – принципиально иного типа, как трансплантат, в это общественное «болото» можно встроить. Ты на себе этот трансплантат должен забросить в будущее. Но сначала в мысли забрасывается сюда, что если там, допустим...

Из зала – Как пословица: «Хочешь изменить мир – начни с себя».

ЮБ – С себя, исключительно с себя. Да. Сначала забрасываешь в мысли, имея этот принципиально другой способ работы, например, какой-то принципиально новый бизнес. Например, тот же Интернет, который когда-то делался. Он забрасывался в будущее, сначала в мысли. А потом было показано всему честному миру, что он даёт такие-то принципиально новые возможности. И, смотрите: весь мир сюда и «въехал». Вот эта изогнутая траектория.

Но «въехал»-то он не сам по себе. «Преобразователь» должен эту траекторию определённым образом сопровождать. Для этого момент 3 – очень важный. По мере того, как «общество» совсем в другую сторону идёт, он должен на себе вот это «новообразование» разворачивать и двигаться по тому направлению, куда никто не собирается двигаться. При этом, он должен находить моменты для того, чтобы либо провоцировать проблемные ситуации в «обществе», либо находить соответствующие проблемные ситуации, в которые это общественное безобразие само вляпывается (помечено «проблемные ситуации»). И в этих проблемных ситуациях (которые либо он сам создал, либо оно само собой случилось) он показывает, что его способ работает лучше традиционных и даёт лучшие результаты. Как только, действительно, будет показано, что это даёт лучшие результаты, в обществе начнутся изменения.

А дальше – принципиально важно: новый способ работы должен быть либо построен на основе культурных норм (N), либо отработан до состояния культурного образца. То есть это не просто так: взял и, что попало, придумал.

Допустим, когда сделали первые мобильники (они же были сделаны в соответствии с определённой деятельностной культурой, а не просто так). Было показано, что эти мобильники (даже если они такие, огромные были поначалу), они дают существенно больше возможностей, чем проводная телефонная связь, которая, когда дождь пройдёт – исчезает и ещё много, чего разного, с ней случается.

Либо, когда специально подобные проблемные ситуации создаются, демонстрируется новый способ работы, при этом выделяется (рефлектируется), как общество будет «клевать» на это дело. Если будет «клевать», то способ работы описывается в виде образцов и норм. На схеме – эта важная рефлексивная петля помечена цифрой 3. И потом уже находятся способы эти нормы, так или иначе, внедрять в уже немножко изменившееся траекторию общественное образование (4).

Точно так же, как двое американцев, которые изобрели персональный компьютер и создали компанию Apple, Стив Джобс и Стив Возняк. Они потом продемонстрировали, нашли способ, как «нахлобучить» это дело в Юго-Восточной Азии, сначала – для папуасов, почти что. И это получило огромный резонанс. Очень многие захотели в этом направлении двигаться. А поначалу компания IBM (тогдашний монополист) была категорически против персональных компьютеров.

Этот пункт 4 называется «освоение через нормы». То есть они уже не просто демонстрируют, что в проблемной ситуации новый способ работает лучше, а уже есть выделенные образцы и нормы, которые соответствующим образом «насаживаются» на сознание людей. Появляются последователи. Эти последователи начинают сюда (к «месту встречи» с «новообразованием») сдвигаться.

Но, смотрите, чем больше таких последователей появляется (сторонников нового способа работы), тем больше находится и противников (вот эти три стрелочки дополнительные). Появляются разные силы, которым либо невыгодно это становится, либо которые, вообще, не хотят этого нововведения, поскольку поняли, что им придётся, допустим, переучиваться или менять работу из-за этого, или ещё что-то неприятное переживать. Короче говоря, они обязательно начнут мешать внедрению новинки.

И здесь возникает ситуация политической игры между разными силами (5). Возникает ситуация игры, в результате которой складывается траектория «становления» нового (на схеме – большая стрелочка с цифрой 6), которое оказывается не совсем таким, каким «преобразователь» вначале предполагал. То есть не бывает стопроцентного попадания, поскольку, чем успешнее будет эта вещь, тем больше сил будут мешать и сопротивляться...

Из зала – Тем меньше вероятность, что ты туда попадешь?

ЮБ – Да. Поэтому смотрите. Всё сдвигается в сторону и возникает некая компромиссная конструкция. И траектория, в общем, частично туда, частично сюда. Она уже и не такая, и не такая. Стопроцентного попадания никогда не будет.

А вот эта последняя рефлексивная петля («ре-интерпретации») – это, вообще, едва ли не самое главное в таких общественных изменениях. Когда вот здесь уже будет найден компромисс... И, например, если это какая-то новая политическая штучка придумана, то уже должна быть (вырасти) политическая сила, которая должна стать неистребимой другими силами. Если это – экономическая структура какая-то придумывается, то ресурсы этого экономического «новообразования» должны быть не менее мощные, чем у других экономических игроков (которые её поглотить не могут). Если это какая-то мыслительная вещь и культурная, то она должна быть оформлена не менее мощным культурным образом, чем прежние.

И смотрите, этот последний рефлексивный механизм – так называемая «рефлексивная интерпретация». Тот, кто пытается сделать такое новшество, имплантировать в общество некое «новообразование», по-другому работающее, он должен обязательно успеть сделать так называемую «рефлексивную интерпретацию». Т.е. всем объявить: «А мы этого и хотели, так оно и замыслилось», несмотря на то, что получилось немного другое, чем замысливалось.

Вот, между прочим, первый «Народный автомобиль» сделан был немцами. Он даже так и назван был: «Volks-Wagen» («народный автомобиль»). А рефлексивную интерпретацию сделал Форд раньше немцев. Он всем заявил: «А я сделал народный автомобиль». И создал условия для того, чтобы каждый рабочий его завода мог купить его автомобиль. А у немцев осталось только одно название «Volkswagen».

Из зала – А он по датам-то разве раньше Форда?

ЮБ – Нет. Там этот, как же его...

Из зала – «Фольксваген»-то начался, когда?...

ЮБ – Там, у немцев, два известных конструктора было, Бенц и Порше...

Из зала – Бенц раньше Форда?

ЮБ – Ну, да, конечно. Всё это – в 1910-30-е годы происходило.

Из зала – Ну, ладно.

ЮБ – И это (РЕ-интерпретация) делается сплошь и рядом. В т.ч. то же, что сейчас делается в нашей стране – всякий бред сделали и сказали: «А это и есть рыночная экономика». И всё! Этому общественному «болоту» уже деваться некуда, они живут теперь в «рыночной экономике». Сколько угодно можно доказывать, что это не так. Бесполезно! Общество изменилось и новый порядок внедрён.

Из зала – А вот та рефлексивная позиция, которая со звёздочкой?...

ЮБ – Вот это, поверх всего? Я должен был с этого начать – прежде чем всё это затевать, должна быть построена вот эта рефлексивная позиция, которая, вообще, всё и должна удерживать.

Из зала – Она же зачем-то делается?

ЮБ – Ну, да.

Из зала – Ну, а что она должна делать?

ЮБ – Как это, что?

Из зала – Зачем она?

ЮБ – Нет. Вот, все эти принципы работы общественного преобразователя вместе удерживать... Я долго не знал, как это дело нарисовать. Я сначала из этого места вот сюда провёл стрелку, потом сюда, потом сюда... А потом я понял, что всё должна держать одна рефлексивная позиция, и провёл эту сплошную красную траекторию... Я всё стёр, и вот так нарисовал.

Но без вот этой общей рефлексивной надстройки, просто, потеряешься.

Из зала – «Позиция» – это и есть способ работы, да?

ЮБ – Вот эта позиция «преобразователя» – это не деятельностная позиция. Точнее, не СМД-шная, не системомыследеятельностная. Хотя здесь тоже действие осуществляется, но по-другому. Она удерживает это всё за счёт удерживания этих семи или восьми принципов.

Из зала – Ну, а можно сказать, что человек работает в позиции «общественного преобразователя»?

ЮБ – Да.

Из зала – И тогда у него есть «позиция»?

ЮБ – Да.

Из зала – В частности, позиция политика?

ЮБ – Позиция политика там – частная. А если вот это всё вместе взять, последовательность всех этих шагов – это и есть способ работы общественного инженера.

Смотрите, он не проект реализует, который выдумал. Он на себе новый имплантат «вживляет» в общество.

Грубо говоря, смотрите: это – «тело» нашего университета, а я вот такой «выродок» – на себе имплантирую в вас как в некое «общественное тело» этого университета некий другой способ работы. И, смотрите: я не знаю, что с вами произойдёт в среду или через год. Но я точно знаю, что, если я 10 лет буду этим заниматься, данный университет точно изменится. Но как изменится? Насколько изменится? – заранее сказать нельзя, поскольку это не проект.

Из зала – Но у Вас же есть представление о том, как он должен измениться?

ЮБ – Ну, в общем, да. Но я точно знаю, что я туда не попаду.

Из зала – Это понятно.

ЮБ – Да.

Из зала – Ну, мы так чудесно ушли вперёд...

ЮБ – Так, ну, всё! Мы, наконец-то, дошли до конца этой темы. Я не знаю, что при этом у вас в головах случилось, и того ли вы ждали или другого?

Из зала – Хочется скорее попробовать на практике.

Из зала – Да.

ЮБ – Ну, вот давайте, к следующему четвергу мы сядем втроем, Денис, Юля и я, что-нибудь придумаем для практического занятия на тему «Рефлексия». И попробуем, чтобы вы пощупали свои собственные рефлексивные способности.

Из зала – Юрий Михайлович, а про «практику», пожалуйста, пару слов поясните. Что это такое? Почему «практикой» нужно заниматься по ночам?

ЮБ – Денис, давай потом. Я сегодня встал в 4 утра, и весь день, как белка в колесе. И вчера тоже лёг поздно, и тоже весь день суетился. Поэтому мне сегодня – точно, не до «практики».

Из зала – Сегодня ночью «практики» не будет?

ЮБ – Точно, не будет. Спасибо, до свидания.

6. ПОНИМАНИЕ КАК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА

ЮБ – Так, сегодня у нас 16 декабря и шестая лекция на тему «Понимание».

(10 страниц текста, где обсуждается домашнее задание: «придумать рекламу с несколькими рефлексивными уровнями» – опущено).

Проблема понимания существует очень давно. Она возникла ещё в античные времена, когда в Грецию попали библейские тексты. Они были на древнееврейском языке, причём с гигантским количеством ошибок, с повторами, с пропусками. Но при этом это всё выдавалось за оригинальные тексты, которые исходили от самого Бога. И нужно было понять или, во всяком случае, истолковать эти тексты правильно. Найти, где там божественное зерно, а где, в общем, привнесённые людьми ошибки.

Затем эта проблема толкования и понимания прошла через все Средние века. И много чего схоласты на этот счёт тоже и говорили, и делали. Более того, вы, наверное, знаете, и я об этом тоже много раз говорил: философская техника, которая сформировалась, начиная с древней Греции, вся строилась на прочистке, «просеивании», так скажем, понятийных рядов. И, вообще, работе с понятиями, начиная от Аристотеля и дальше, все философы уделяли очень много внимания.

Но, тем не менее, в прямой **постановке проблема понимания** возникла лишь в начале XIX века. И **связывается она с человеком по имени Фридрих Шлейермахер**. Это немецкий философ и теолог. Он первым прямо поставил этот вопрос, и попытался проблему понимания выделить внутри философии как самостоятельную работу. Шлейермахер, я об этом ещё чуть позже буду говорить, знаменит, прежде всего, тем, что формально ему приписывается (хотя некоторые исследователи считают, что это возникло гораздо раньше, но, тем не менее) изобретение так называемого «герменевтического круга», или «круга герменевтики». «Герменевтика» – это наука о понимании.

А в XX веке эту философскую проблему продвинули два других человека Мартин Хайдеггер и Ганс Гадамер...

Мартин Хайдеггер – это особая фигура. Он считается философом №1 XX века. Читать его, мягко говоря, трудно. Не каждый сможет. У него есть знаменитая книга «Бытие и время», и там он обсуждает проблему понимания как такую, онтологическую, то есть укорененную для людей проблему. И **проблема эта, с его точки зрения, состоит в том, чтобы человек понимал то, в чём он находится и в чём он живет.**

Ну, а его ученик, Ганс Гадамер – это более популярный автор, чем Хайдеггер. У него есть тоже знаменитая книга «Истина и метод» – толстенный том, где он обсуждает многие тонкости и самих понятий, и построения понятий, и понимания как такового. Эта книга довольно доступна. Я её покупал относительно недавно, то есть она, может быть, даже до сих пор продаётся. Относительно новое издание в России.

Если говорить об этимологии, то есть о слове «понимать» и его происхождении, то здесь можно выделить несколько моментов.

Во-первых, в русском языке слово «понимать» имеет в качестве корня слово «имать», что в переводе со старорусского означает «хватать, схватывать». Отсюда же слова – «поймать», «занимать», «принимать», т.е. «прихватывать», «схватывать» и так далее. Поэтому **«понимание» в старорусском смысле – это «схватывание целиком смысла»,** который человек воспринимает от произносящего текст.

В немецком – абсолютная калька. Я, правда, не знаю, в русском языке это раньше появилось или в немецком? (Скорее – второе). В немецком языке – то же самое: **«Begreifen» – это «хватать, схватывать», а «понятие» по-немецки – «Begriff».**

В греческом аналогичный смысл несёт слово **«καταλίπισις» (каталипсис)** – это тоже «понимать», в смысле **«ухватывать отвлеченный образ»,** стоящий за текстом.

Ну, и наука о понимании, о которой я уже упоминал, «герменевтика», от слова «ἕρμης» (Гермес) – бог торговли и толкования. В древнегреческой мифологии он был покровителем торговцев. Он путешествовал по разным странам, и у него был божественный дар толкования разных иностранных слов, в том числе божественных текстов. Отсюда и «герменевтика», которая родилась уже в конце XIX – в начале XX века, имеет название, происходящее от имени бога Гермеса.

В английском языке немного иначе. **«Understand»,** как известно, – «понимать». Если вы вдумаетесь в смысл этого слова, то это «ставить под» («under» – «под», «stand» – «ставить»). То есть имеется в виду – **ставить слова под соответствующие понятия.**

Вот этими различиями, фактически, задается всё то, что я дальше буду более подробно обсуждать. Принципиальные моменты уже заключены здесь, в самой этимологии слова.

«Понимание» – весьма проблемный процесс. Несмотря на то, что большинство людей это слово употребляют много раз на дню, иногда даже десятками и сотнями раз, не замечая и походя. Считается, что понимать – само собой разумеется. Если люди разговаривают друг с другом, то без понимания, вроде бы, никуда не деться.

И, тем не менее, понимание – весьма и весьма проблематичная вещь, проблематичная функция. **Можно выделить, по крайней мере, семь (а, на самом деле, их больше) проблемных моментов.**

Во-первых, понимание – это индивидуальная функция человека. В отличие от знания и мышления... Знание и мышление – не индивидуальные вещи. Знания, в принципе, не принадлежат конкретным людям. Они – над людьми, вне людей, и люди могут только к знаниям либо приспособляться, либо людей приспособляют, когда их обучают, «выстрагивают» и приставляют к тем или иным знаниям, как ключик в замочную скважину. И мышление – то же самое, про это я уже много раз говорил. Человек несоразмерен мышлению.

А что касается понимания – это сугубо индивидуальная вещь. И, в то же время, проблема здесь заключается в том, что, несмотря на индивидуальность (а людей очень много на земном шаре – миллиарды и миллиарды), **тем не менее, общекультурные понятия едины для всех.** Не бывает такого, что для одного человека одно понятие, для другого – другое понятие, если оно касается одной и той же сущности.

Второй момент – для многих оно мгновенно. Что-то говоришь, человек сразу либо понимает, либо не понимает. ГП говорил так про свою жену, Галину Алексеевну: «Моя жена говорит, что понимание круглое. Только женщина может так говорить, что понимание – это такая вещь, которая либо сразу схватывается, либо не схватывается...» То есть она – не протяженная. А, в то же время, для других, прежде всего, для тех же самых **философов, методологов, понимание – стопроцентно процессуальная вещь**. То есть это может длиться как процесс. И, соответственно, понимание, как бы, «выкручивается» из чего-то. Как совместить «мгновенность» и «процессуальность»? – это типично проблемный момент.

Третье, что можно здесь в качестве проблемного пункта выделить: **понимание может быть поверхностным**, или быть, наоборот, непонимание. Но, в то же время, **понимание может углубляться бесконечно долго**. Некоторые вещи можно понимать всю жизнь. И тот же самый Гадамер написал толстенный том «Истина и метод», где он, фактически, описывает свой жизненный опыт того, как он развивал понимание тех или иных вещей и развивал понятия.

Четвёртый проблемный момент – это, на самом деле, очень сложная вещь, и я думаю, что вам тоже будет относительно трудно ухватить, хотя бы в первом приближении. **Понимают благодаря языку** (а язык состоит из слов, предложений и так далее), **но понимают не слова, понимают то, что стоит за словами**. И парадокс состоит в том, что очень часто в некоторых областях это, вообще, профессиональная обязанность, например, у дипломатов или политиков – говорят одно, а подразумевают и пониматься должно совершенно другое.

Ну, в пресловутые советские времена этот пример был, как притча во языцех. Приходит сантехник по вызову в квартиру, там что-то начало течь на кухне, чешет затылок и говорит: «Нет, хозяйка, нет у меня таких запчастей». Она говорит: «Подожди-подожди», хватается за рукав, «Я заплачу». «Ну, если заплатишь, тогда...». То есть, говорится одно, а понимать нужно совершенно другое.

То же самое, когда, например, бизнесмен приходит к какому-нибудь чиновнику и говорит, что есть такое предложение, но нужно то-то и то-то. А тот говорит: «Нет, ничего не получится». И опять же вымогательство за этим проглядывает совершенно определённно. То есть, говорится одно, а нужно понимать и уметь понимать другое.

Таких примеров можно привести очень много. И как за языковой средой ухватывать то, что должно пониматься – это стопроцентная проблема, и она должна серьёзно обсуждаться.

Пятый момент, это тоже очень важно для себя как-то отметить, усечь: **понимают то, чего не знал раньше**. Если знал, то понимание здесь не нужно, и оно не включается. И **в то же время понимание без определённого типа знаний тоже невозможно**. С одной стороны, понимают то, что люди раньше принципиально не знали. А, с другой стороны, как Хайдеггер говорил, у всякого понимания есть так называемое «предсхватывание» или «предпонимание», то есть те основания, на которых строится само понимание. Это основание, или основания, чаще всего, не рефлектируемы людьми, но если их не знаешь, то выстроить правильное понимание нельзя. И

это тоже вещь достаточно сложная и очень принципиальная. То есть в нашей жизни чаще всего то, что мы называем «пониманием» – это замещение понимания знанием или информацией. Особенно в последнее время, когда информация всё чаще и чаще даже знаниевые структуры вытесняет, а понимание – в первую очередь.

Шестой момент – **различия между памятью и пониманием**. Иногда то, что человек помнит, он это и называет пониманием. Но **помнят то, что было, а понимают (или можно понимать) то, чего раньше не было**. То есть память и понимание тоже достаточно сильно должны разводиться. И, во всяком случае, человек должен чувствовать это и фиксировать, где у тебя работает память, а где включается эта интеллектуальная функция, которая называется «пониманием». **Понимание, вообще, ситуативно и контекстуально**. То есть, если убрать сиюминутную, текущую ситуацию – то к пониманию это просто не будет иметь никакого отношения. Это может быть знанием, может быть информацией, тем, что ты помнил раньше, и так далее.

Ну и, наконец, *седьмой* момент, тоже очень важный. Я его сразу обозначу, потом я ещё буду про это говорить. То, что мы обсуждали в прошлый раз на лекции, и то, что называлось «рефлексией» как особой интеллектуальной человеческой функцией. **«Понимание» и «рефлексия» – ортогональны друг другу**.

Что значит, «ортогональны»? Когда говорят про параллельные процессы, это означает, что ты можешь одновременно делать и то, и другое. Например, можешь что-то делать и при этом говорить – это параллельные процессы. А вот тогда, когда ты нечто не можешь одновременно делать с чем-то другим – это то, что называется «ортогональным». Известно из физики: есть «принцип дополнительности», когда ты либо определённым образом действуешь, либо измеряешь. То есть одновременно это невозможно. И то же самое здесь.

Понимание ортогонально рефлексии, то есть **когда ты что-то рефлектируешь – ты при этом понимать не можешь. И наоборот, когда ты понимаешь – ты не можешь рефлектировать**. Кстати, если вы задумаетесь с этой точки зрения над тем, что мы делали на прошлом семинаре с разбором газетных текстов – я вам показывал свои рефлексивные тексты, при этом вы рефлектировать не могли. Вы могли их только понимать. То есть вы не включались в процесс рефлексии именно по той простой причине, что вы смотрели на то, как рефлектируется мной, но смотрели из позиции понимающего.

Вот это тоже очень важно. С одной стороны, **понимание и рефлексия ортогональны, с другой – они друг без друга, вообще, не могут обходиться**. То есть это такая «парочка». Опять же, я чуть позже буду про это более подробно говорить, они неотделимы друг от друга. И если у человека рефлексия не поставлена, понимание ему тоже не грозит. Равно, как и наоборот.

Есть люди, у которых «понималка» принципиально отсутствует. Есть нечто подобное даже среди методологов, даже достаточно известных. Такая «слава» идёт, к примеру, про Славу Марачу. Есть такой методолог – Вячеслав Геннадьевич Марача, ученик Попова. У него мыслительная функция весьма хорошо поставлена благодаря методологической школе, в которую он попал с молодости, а «понималка», как неко-

которые говорят, относительно более слабая. Ну, а у обычных людей – это, вообще, сплошь и рядом. Абсолютное большинство людей – если и рефлексивные, то непонимающие. Бывает и наоборот.

Парадокс понимания: зачатки понимания, как это ни парадоксально, есть уже у животных. Я имею в виду более или менее высокоорганизованных животных, например, собак или кошек. У меня кошка, которая живёт у нас уже 16 лет, и просто физически видно, как она понимает то следующее действие, которое домашние (я или жена) будут делать. Если я иду спать, она идёт за мной. Если я поворачиваюсь – что-то забыл в другой комнате и иду назад, чтобы взять, например, стакан воды на ночь – она не пойдёт за мной. Она остановится и будет ждать, поскольку точно понимает, что я схожу туда и тут же вернусь.

И это сплошь и рядом. Если вы понаблюдаете за животными – любое животное хорошо чувствует, какое будет ваше следующее действие. И это есть понимание. Причём, смотрите, – без всяких слов.

В то же время, у человека понимание очень часто (я не хочу сказать, что стопроцентно, конечно, не стопроцентно, но, наверное, в 90% случаев не ошибусь, если скажу) **замещено узнаванием.** Я про это уже говорил, примеров – сколько угодно.

Можно привести ещё один показательный пример, который очень часто методологами приводится, когда речь заходит о понимании. Он даже в некоторых книгах описывается. Был такой Эвальд Васильевич Ильенков, очень известный в советское время философ. Он был самым крупным в СССР специалистом по работам Гегеля (гегельянцем). Про него такая байка ходит. Якобы, однажды он проходил по коридору в Институте философии, а в это время Георгий Петрович в зале читал лекцию. Ильенкова, для балдежа, спросили, может ли он определить, что делает ГП. Он: «Запросто!» Зашёл в зал, минутку послушал, что говорит и делает ГП, выходит и говорит: «Я всё понял, он излагает Гегеля с помощью радиосхем».

Вот, это к пониманию, ровным счётом, никакого отношения не имеет. Ильенков хорошо знал Гегеля, а там у ГП, видимо, шла речь о развитии. В то же время ГП использовал сложные графические символы, которые методологи «схемами» называют. Ильенков их назвал «радиосхемами», поскольку, видимо, других схем ни разу в жизни не видел и не знал.

К пониманию это, ровным счётом, не имеет никакого отношения. Этот человек в действиях другого узнал то, что сам знал раньше... Смотрите, он понял себя, а не другого. Он у себя как бы вытащил то, что знал раньше, и предъявил, говоря про другого. На самом деле, это он себе диагноз поставил.

Таких примеров, опять же, можно море привести. Если уборщица заглянет сейчас сюда в класс, посмотрит и закроет дверь, а её спросить, что они там делают, она скажет: «Сидят, разговаривают». К сути дела, которое у нас здесь, её ответ не имел бы никакого отношения. Но, в то же время, ведь сидят, разговаривают. Ведь, на самом деле, так. Но к пониманию это точно не будет иметь никакого отношения. Да.

Из зала – Давайте вернёмся к предыдущему примеру с лекцией ГП и ответом Ильенкова. Есть ли пример именно понимания человека, который пришёл туда и понимает? Это как-то можно описать, обрисовать?

ЮБ – Ну, конечно. Если человек послушает, и на самом деле будет стараться понять не себя, а докладчика, он задаст себе вопрос: «А что всё-таки делает ГП?» Не вытаскивать из себя то, что он до этого, раньше, знал, а пытаться понять другого. Вот, я буду чуть дальше говорить, что значит, «пытаться понять». Сейчас это пока такая, предварительная подготовка для этого дела.

Из зала – Узнавание – не есть понимание?

ЮБ – **Узнавание к пониманию не имеет отношения.** Смотрите, кошка или собака точно ничего не узнаёт. Она смотрит на ситуацию действия, а наши люди (поскольку они испорчены цивилизацией, знаковой культурой, у нас же всё означено, всё обозначено), в лучшем случае, знают те или иные значения слов, предметов. А значения – это указания на...

Из зала – Смыслы?

ЮБ – Нет, нет, ну, что вы? В чём значение слова «знак»? Знак всегда что-то обозначает. «Значение» – это связка между «обозначаемым» и «обозначающим». **«Значение» – это указание знака на обозначаемое.** Если я говорю слово «стол» и показываю на этот предмет, вот это указание и есть «значение».

В значениях люди очень хорошо ориентируются. Но к пониманию это не имеет никакого отношения. «Значение» – это, так скажем, словарная культура, не более того. Причём, тенденция такая, что чем цивилизованнее люди становятся, тем у них меньше остаётся способностей к пониманию. Древние дикари были более оспособлены в понимании, на мой взгляд. Во всяком случае, в соответствии с той трактовкой «понимания», которую я сегодня попытаюсь до вас донести. Более приспособлены к пониманию так же, как и в животном мире, поскольку **понимали структуру действий, а не слова.**

Ещё пример: два пьяных собутыльника обнялись и один другому говорит: «Ты меня понимаешь!» Это чтобы тоже было понятно, что не всегда, когда человек говорит: «Ты понял меня?» или «Ты меня понимаешь», что это имеет какое-то отношение к пониманию. Это – языковые ошибки. Таких языковых ошибок, на самом деле, в любом живом языке очень много. Но это – типично, когда в обнимку сидят за бутылкой и говорят: «Ты меня понимаешь», к пониманию это отношения не имеет. Или когда мы своих студентов спрашиваем: «Ты понял?», после того, как написал формулу, или вежливо: «Вы поняли?», он говорит: «Ну, понял». На, самом деле, просто, чтобы ты отвязался.

Из зала – А если он реально понял?

ЮБ – Реально он не может понять. Формула к пониманию отношения не имеет. Её нужно знать.

Из зала – Не только написанная формула, а пояснение... А у него могла появиться своя трактовка, личное понимание...

ЮБ – Человек здесь, в лучшем случае, ухватит значение, то есть то, к чему это относится.

Из зала – Что-то, похоже, доходит.

ЮБ – А что доходит-то? Вы же ещё пока не знаете, что должно доходить.

Из зала – Если спрашивают, то значит, пытаются понять. Если нет вопросов, то значит, они её не понимают. А если есть вопросы, то значит, начинают разбираться...

ЮБ – Но, всё равно, это к пониманию не имеет отношения. Сами говорите: «...это значит...» Вы поймите, кроме понимания, есть ещё много чего хорошего. Нельзя тоже всё сводить к пониманию. Я сейчас пока вот так вот расчищаю этот путь. Много чего, что мы называем «пониманием», пониманием не является. И даже я сейчас, когда сказал «вы поймите...» – это просто языковой трюк такой, штамп, не более того.

Понимание начинается с так называемого «акта коммуникации» (рис. 6.1).

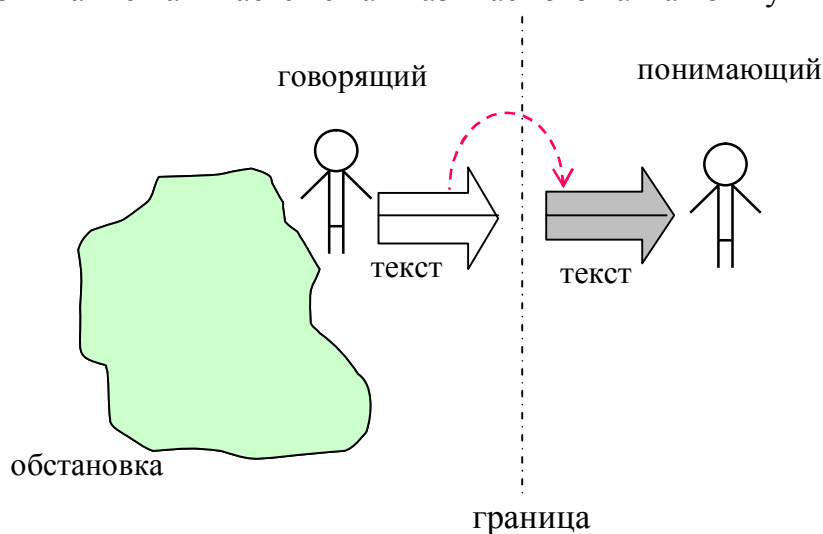

Рис. 6.1. Акт коммуникации

«Акт коммуникации» – это не просто, когда люди говорят друг с другом. «Акт коммуникации» я имею в виду с точки зрения методологии.

Дальше я буду говорить уже относительно методологии, и то, что в методологии подразумевается под «пониманием».

«Акт коммуникации» нужен тогда, когда две деятельностные позиции обойтись друг без друга не могут, поскольку участвуют в кооперативной деятельности. То есть, напоминаю, «кооперативная деятельность» связана либо отношениями управления (когда одна деятельностная позиция управляет процессами, которые текут в другой деятельностной позиции), либо связывает акты деятельности за счёт передачи продукта. В одном акте деятельности что-то производится, это должно переваливаться в другой акт деятельности, и в другую деятельностную позицию и там определённым образом использоваться. Вот, для того, чтобы там, в другом акте деятельности, можно было использовать то, что в первом акте деятельности будет произведено – там, где производится, должна быть поставлена цель, соответствующая способу употребления в другом акте деятельности. Производиться должно то, что там может быть употреб-

лено. И, соответственно, здесь, в первом, цель должна быть поставлена в соответствии с тем, как будет употребляться в другом.

Вот, ради этого возникает так называемый «исходный акт коммуникации». На рис. 6.1 изображена позиция «говорящего», который произносит текст из определённой «обстановки». Обратите внимание, не из деятельностной ситуации, а из некоторой деятельностной обстановки. То есть из того, что «обставлено» вокруг этой деятельностной позиции. Я специально нарисовал такую бесформенную вещь, называемую «обстановкой», поскольку она и есть бесформенная. То есть из неё ещё нужно нечто вычленивать, чтобы что-то понять.

Между этими двумя деятельностными позициями всегда существует «стена», то есть некая непроходимая граница, которая впрямую просто так не преодолевается. Эта дугообразная пунктирная стрелочка символизирует такую вещь – говорится одно, а воспринимается понимающей позицией совершенно другое.

Это тоже я уже несколько раз здесь говорил: то, что я говорю, и то, что вы воспринимаете, я думаю, что это достаточно сильно отличается друг от друга. Ну, так скажем, у одних в большей мере, у других в меньшей мере, но всё равно отличается. И здесь так и нарисовано – два текста, две широкие стрелочки (символы текстов) – они разного цвета для того, чтобы показать, что говорится одно, а воспринимается другое. Смотрите, не «понимается», а «воспринимается», или «принимается», так скажем. Уши слышат, значит, человек это дело определённым образом воспринимает. А дальше, «воспринятое» нужно понять. И понять правильно. Смотрите, понять не себя, как делал Ильенков (т.е. из себя вытащил свои глупости), а понять того, кому ты потом должен дать ТЗ в виде целевой установки, чтобы он, допустим, произвёл крыло самолета, которое я потом использую для сборки самолета. Или ещё что-то другое.

Вот, в деятельности (любой), если такого акта коммуникации, именно в таком контексте, не возникает, то вообще понимание не участвует и не используется. То есть это – достаточно специфическая вещь, с точки зрения методологии деятельности.

Понимающий должен уметь восстанавливать ситуацию говорящего: в чём проблема говорящего? Проблема, которая зависит, в т.ч. от понимающего. И здесь, на рис. 6.2, нарисована совершенно определённая вещь: понимают не текст, как некоторые думают. А понимают, или нужно уметь понимать, то, «что стоит за текстом».

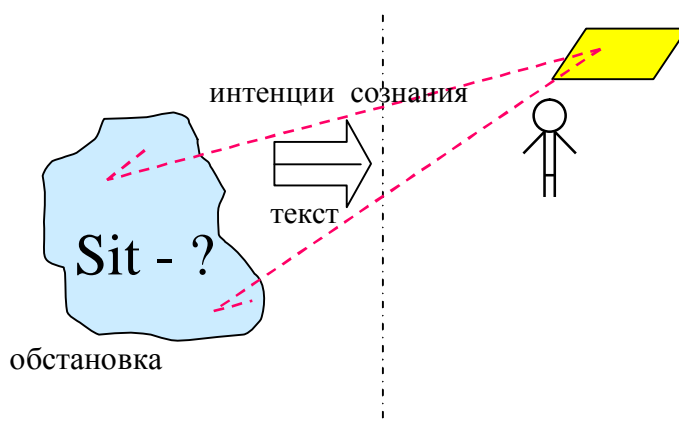

Рис. 6.2. Проблема понимающего

Произносится определённый текст, и как я раньше говорил (когда выделял проблемные точки понимания) – понимать нужно не сам текст и не слова, которые произносятся, а то, что этот текст, фактически, скрывает. Это скрытое нужно вскрыть.

Вот здесь, на рис. 6.2, нарисованы пунктирные полустрелки, это – так называемые «интенции сознания». Сознание в принципе интенционально. Это означает, что сознание любого человека всегда «вывернуто» вовне. Не вовнутрь, а вовне. Каждый может у себя, если чуть-чуть напряжётся и посмотрит сам на себя – он должен обязательно увидеть, что его сознание всегда блуждает по внешним предметам. То на одном сосредоточится, то на другом, то на третьем. Это и есть то, что феноменологи называют «интенциями сознания», то есть «направленностью сознания» на окружающий мир.

Так вот, когда человек пытается понимать, направленность сознания должна быть не на текст, а на ту ситуацию, которая должна быть вычленена из той обстановки, из которой говорил «говорящий». И задача понимающего – интенциональный прорыв к ситуации говорящего: в чём состоит ситуация?

Из зала – «Обстановка» и «ситуация», чем они отличаются?

ЮБ – «Обстановка» – это то, что существует объективно, «ситуация» – немножко другое. Характеристики «ситуации» – это то, что должно быть из обстановки вычленено, и то, что должно быть понято. «Ситуации» как натурального объекта не бывает. Просто, не бывает как факта. Хотя мы очень часто используем слово «ситуация», сплошь и рядом. Вы обратите внимание, понаблюдайте за тем, что другие говорят, в самых разных местах, по самым разным поводам, употребляя это слово. «Ситуация» – одно из самых распространенных слов в нашем обиходе. Особенно, когда возникает какая-нибудь трудность – «ситуация была такая» или «ситуация в том-то состоит», и так далее.

Но очень часто люди под «ситуацией» понимают некую «объективную реальность». На самом деле, ситуации как объективной вещи не бывает. В принципе, не бывает. Более того, для одних ситуация может быть, для других, даже рядом находящихся и то же самое делающих, она может не существовать.

Назову несколько принципиальных характеристик понятия «ситуация».

Первое. «Ситуация» – это то, во что «вляпываются». Как в лепёшку от коровы, вляпался – ситуация. Она всегда негативна. А если нет средств для выхода из неё, то она приобретает проблемный характер. То есть тогда начинают говорить о том, что «ситуация проблемная».

Второй принципиальный момент понятия «ситуация». «Ситуация» – всегда **чья-то**. «Вообще ситуации» не бывает. Она либо у человека, либо у какой-то группы, либо у страны, либо ещё у кого-то, но она всегда чья-то. И если возникает у тебя ситуация, то у меня её может не быть, у другого, рядом стоящего, тоже может не быть. Это – для любой ситуации. Въехал на машине в другого своего собрата по дорожному движению – попал в ситуацию. Но у рядом стоящих зевак никакой ситуации нет, у них просто любопытство. А человек при этом может реально попасть в ситуацию, в

прямом и полном смысле слова. Студенты, когда наступает сессия, очень часто попадают в ситуацию.

Из зала – А некоторые из этой ситуации, вообще, не выходят.

ЮБ – Да. А для некоторых она проблемная, поскольку средств выхода из ситуации нет. Но она всегда чья-то. Если у студента проблемная ситуация, то у преподавателя никакой ситуации может не быть. А может быть, наоборот – у студента никакой ситуации, а у преподавателя может быть 20 проблемных ситуаций одновременно.

Третье. **«Ситуация» всегда связана с невозможностью продолжения нормальной деятельности.** Я сказал – «продолжения деятельности», это не совсем точно. Необязательно «деятельности» – продолжения жизни, продолжения разговора, продолжения общения, продолжения дружбы, семейной жизни, продолжения чего бы то ни было – много чего бывает на свете. Но если невозможно продолжать то, что раньше нормально длилось – это и есть характеристика того, что возникла ситуация. И ситуация всегда противостоит нормальному течению деятельности, жизни, дружбы, общения, чего угодно.

Четвёртое. **«Ситуация» всегда вычленяется из обстановки** (у тех, кто может это делать). Имеется в виду то, что я обсуждал на рис. 6.2 – этот «понимающий» должен из обстановки «говорящего» вытянуть, экстрагировать, вытащить то, что называется «ситуацией». А поскольку речь идёт о деятельностной методологии, в данном случае речь идёт о деятельностной ситуации, то есть о невозможности (по какой-то причине) продолжения деятельности, действия.

Ну, и последний, *пятый* момент – **интенции двух разных сознаний могут вычленять разные ситуации из одной и той же обстановки.** Многие же убеждены: посмотрел и увидел «реальную ситуацию». Но это не так. Даже если интенции сознания укоренены, и человек сразу, мгновенно, видит ситуацию: «Ну, вляпался». Машина въехала одна в другую. Любого проходящего спроси: «Что случилось?» Он ответит: «Ну, попали люди». Один на миллион попал, другой ещё, может быть, на сколько-то.

Так вот, эти интенции могут быть ошибочными. И далеко не все ситуации столь очевидны как, например, столкновение двух автомобилей на перекрестке. Причём у разных понимающих людей, даже если они рядом стоят и одновременно смотрят на одно и то же, «вытаскивание» этой ситуации может быть разным. В разной степени детальным. Может, вообще, другое вытаскиваться и называться «ситуацией». То, что вытаскивается из этой обстановки разными людьми, может очень сильно отличаться.

Вот (рис. 6.3) **основания отличий** того, что экстрагируется из обстановки. **Они лежат в разных формах организации сознания разных людей.**

Эти жёлтые досочки около головок двух человечков – это символы сознания людей, а то, что на них сверху «надето» в виде решёток разной формы – это такое условное изображение того, что и методологи, и философы называют «схемами», или «формами». Допустим, Попов это называет «схемами организации сознания». Кто-то

говорит: «разные формы сознания». Но, в любом случае, если сознание у разных людей организовано по-разному (за счёт разных схематизмов или за счёт разных фрагментов одного и того же понятия), они будут видеть в обстановке разное, даже если будут смотреть на одно и то же.

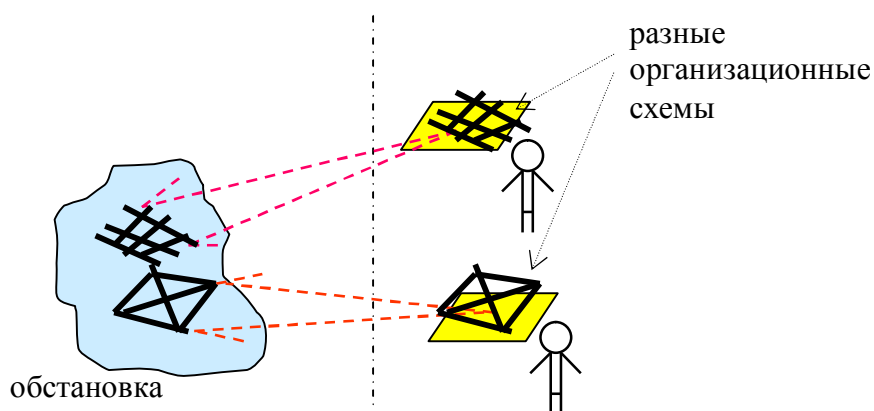

Рис. 6.3. Основания отличий выделяемых ситуаций

Это сплошь и рядом случается. Вот, наши студенты, когда, допустим, 100 человек на вас смотрит, во время чтения лекции, уверяю вас – вы говорите одно, а 100 человек видят 100 разных *видений* того, что вы излагаете. И нужно очень сильно потрудиться, чтобы тебя стали понимать правильно. Причём, чаще всего, это возможно сделать только во внеурочное время, поскольку в процессе лекционных или урочных практических занятий этого добиться часто в принципе невозможно. Но в редких случаях бывает, когда с человеком долго-долго работаешь, разговариваешь, после этого он начинает более или менее адекватно воспринимать. Про такого говорят: «ученик». В прямом смысле слова.

Многие твёрдо уверены, что «понимание» – вещь естественная. Никто нас этому не учит, ни в школах, нигде. В лучшем случае, иногда спрашивают: «Понял, не понял?» Между тем, те, кто считается классиками в этой проблематике, в частности, тот же самый Фридрих Шлейермахер, который жил в конце XVIII – в начале XIX века, умер, по-моему, в первой трети XIX века. Вот он на этот счёт жёстко говорил, это цитата из его работы «Диалектика»: **«Естественным может быть лишь непонимание, понимание всегда связано с искусственными усилиями людей».**

У нас к «искусственности», обычно, негативное отношение. Я не знаю, откуда это всё идёт, но у нас (я имею в виду, у нас – в российском обществе; у европейцев по-другому, кстати) какой-то пиетет перед «естественным» существует. Естественная природа – это хорошо. Естественная шуба, а не искусственная – хорошо. Естественное понимание – хорошо.

На самом деле, всё – с точностью до наоборот. Всё естественное, что нас окружает, может только разрушаться. Ничего хорошего естественно не делается. Как говорит Пётр Щедровицкий: «только производство дерьма – естественный процесс»

И Шлейермахер – о том же: «Естественным может быть лишь непонимание». Понимание к естественности, почти что, не имеет отношения. Во всяком случае, если

и имеет, то частичное. А прорыв к пониманию ситуации, когда ты должен за текстом, который произносит говорящий из своей позиции, а ты, «понимающий» – в другой позиции, но кооперативно связанной с первой, и ты должен за этим текстом понять ситуацию «говорящего» – это «само собой», «естественно», не случается. Этот **прорыв может быть осуществлён только за счёт так называемого «расщепления позиции» понимающего.**

Сам термин «расщепление» очень широко распространён в СМД- и поповской методологии, вообще, в деятельностной методологии. Если кто из вас был на лекции Петра Щедровицкого, по-моему, 8 сентября прошлого года в «Художественном», там, помните, может быть, кто-то, по-моему, А.Е. Колодина, задавала вопрос по поводу недостаточности полномочий органов городского управления. А Пётр говорит: «Какие полномочия? Просто позиция управляющего города, мэра, должна быть расщеплена, отсоединена от позиции регионального управленца – губернатора». Чего – нет.

Если такого расщепления не происходит, если люди не умеют этого делать – расслаивать разные понятия и разные вещи, то, в общем, ничего и не происходит. Вот, **вся методология построена именно на расщеплении**, а потом соединении определённым образом.

Помните, я в прошлый раз ещё говорил, что даже Библия (точнее, Евангелие от Иоанна) с этого начинается – «Сначала было слово. И слово было дело. И создал Бог свет и тьму». То есть расщепил. «Твердь и хлябь». Опять расщепил. Да? Ну, и так далее.

Так вот, **техника расщепления позиции понимающего**, с точки зрения тех, кто, на самом деле, сделал серьёзное продвижение в решении этих проблем, начиная от Шлейермахера, и кончая российскими методологами деятельностного направления, **имеет принципиальное значение.** Они все об этом, фактически, хором говорят. Причём, **расщепление на две – «полупонятийных», «полурефлексивных», позиции.** Позиция «понимающего» (это то, что я в предыдущем случае на картинке показывал) должна быть расщеплена на две. Первая называется **«понимающая рефлексия»**, это так называемая **естественная составляющая понимания.** И вторая позиция, наоборот, где предикат и субъект, если пользоваться терминами философов (то есть, то, «о чём сказывается», и то, «что сказывается» о сказываемом, как говорил тот же Аристотель), они меняются местами. **«Рефлексивное понимание» – это искусственная составляющая.**

И дальше на рис. 6.4 я попытался изобразить то, что в философии называется (начиная со Шлейермахера) «герменевтическим кругом». Ну, а методологи это повторяют, просто, как «Отче наш», так скажем. То есть без подобного представления, вообще, ни о каком понимании, с точки зрения деятельностной методологии вообще говорить не приходится (во всяком случае, понимания деятельностных вещей, того, что люди делают и как делают).

Смотрите, что здесь нарисовано. В левой части там, где была позиция говорящего, изображена фигурка «говорящего», которая говорит из вот этой обстановки, из вот этого, такого аморфного, чего-то, того, что было названо «обстановкой».

Здесь (на рисунке) написано, с одной стороны, «привнесение рабочего понятия» (это нижняя рефлексивная дуга из тех двух, которые в верхней части герменевтического круга), а, с другой стороны – «привнесение контекста», то есть способа употребления этого понятия (верхняя рефлексивная дуга). Контекст задаёт то, что называется «действительностью».

«Действительность» и «реальность» – это совершенно разные вещи. Чаще всего, люди думают, что живут только в реальности, а к действительности не имеют никакого отношения. Или полагают, что это – одно и то же.

«Действительность» задаёт контекст действий, или, как говорят, «кинетику» самого понятия, его деятельностного движения, как оно употребляется. «Действительность» (в отличие от «реальности») всегда рациональна. Или, как говорил Гегель, «всё действительное – разумно, и всё разумное – действительно».

Как я употребляю, например, вот этот предмет (показывает на диктофон)? Совершенно в определённой действительности: вот, мы здесь нечто делаем, и задействовали этот предмет. Этот предмет и разные другие предметы. У каждого из здесь, на столе лежащих предметов есть соответствующее понятие. И я каждое из этих понятий употребляю здесь совершенно определённым образом. В другом месте и в другой деятельностной ситуации они могут употребляться совсем по-другому.

Так вот, «герменевтический круг», или «круг понимания», который сформулировал Шлейермахер...

Из зала – Про реальность сначала скажите...

ЮБ – Вот, смотрите, «действительность», с одной стороны, связана с мышлением (это привнесение из культуры и, соответственно, из мышления). А, с другой стороны, «действительность» – это то, что задаёт кинетику действий.

Вот, чем плохи знания? «Знания» – всегда мёртвая, фиксированная форма. Или, как может быть, в зелёной книжке кто-то читал, Денис как-то сказал (ну, опять же, с моих или с чьих-то слов методологов) – «гробик мысли». Такой, маленький гробик для мысли, который называется «знанием». То есть раз! – и «упаковка» такая.

А «понятие» – это вещь активная. И понятие упаковать нельзя, как конфетку, как знание. Поэтому всякое понятие всегда в живой мысли и в живом действии. И то, что здесь (на рис. 6.4) чёрным квадратиком нарисовано поверх обстановки – это вот, как раз, символическое обозначение деятельностного контекста, а «квадратность» подчеркивает искусственность, в отличие от аморфной естественности обстановки.

Из зала – А реальность?

ЮБ – А «реальность» – это другое. Действительность, чем примечательна? Мы сейчас закончим, разойдёмся, и эта наша действительность схлопнется и испарится. А реальность, останется... Атомную бомбу сейчас сбросят... Ну, не атомную (атомная плоха тем, что здесь будет большой взрыв и всё сметёт), а, например, какую-нибудь нейтронную бомбу. Мы все помрём, а вот то, что нас окружает – останется. Останется реальность. «Реальность» – от слова «геа», «вещь». Но ни нас, ни действительности уже не будет.

Из зала – Она естественна, да?

ЮБ – «Реальность» – это то, что остаётся после действий (или шире – после деятельности). Она как бы вываливается из действительности и омертвляется, овеществляется. Всё, что нас окружает – это когда-то из какой-то действительности вывалилось.

Из зала – То есть реальность существует всегда? Это объективно?

ЮБ – Да, это то, что люди **считают** (!) «объективным». Но смотрите, с одной стороны, стол – это, вроде, объективная вещь. Однако, если сюда папуаса привести, он для него не будет реальным. Для него это будет какая-то непонятная вещь.

Я в зелёной книжке («Семь прикосновений...») пример приводил – случай, который произошёл с моим давним приятелем (с которым я когда-то вместе работал) Володей Ершом. Он однажды поехал в Японию в составе делегации из областной администрации, и там их делегацию возили в так называемый «Магазин XXI века», японцы его так называли. Это было ещё в начале 90-х годов прошлого века. Не читали, не смотрели, да?

Из зала – Я читал.

ЮБ – Но смысл дела там такой. Он говорил мне: «Нас завели в помещение, на полках стоят какие-то вещи, но они какие-то такие – не из нашей реальности. Вроде, вещи как вещи, они должны быть реальными. Но понять, для чего они? – невозможно. Представить себе, для чего это существует? – было невозможно».

Вот более простой пример: я сегодня ходил в столовую нашего университета. На переходе построили новый обеденный зал для профессуры, называется «Олимп». Видели, наверное, да? Я сегодня туда захожу – стоят деревянные конструкции, примерно, вот такие (рис. 6.5). То есть это всё красиво: две ножки большие, две ножки маленькие, здесь вот – стяжки. Как вы думаете, что это такое?

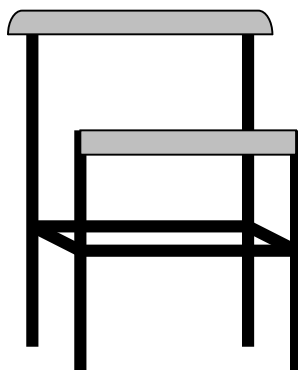

Рис. 6.5. Конструкция из обеденного зала

Из зала – Для пиджака?

ЮБ – Я долго думал. «Для пиджака» – верхняя плашечка. Это ещё можно догадаться. А эта, нижняя перекладина, для чего?

Из зала – Для штанов.

ЮБ – Для штанов! Вот, так я и подумал. Надо приходить в столовую, снимать штаны и вешать. Да? Анекдот!

Из зала – А для чего, тогда?

ЮБ – Нет, я не знаю. На ней не написано, наверное, да. Наверное, для пиджака и брюк. То есть эта вещь не из той деятельностной ситуации, которая в столовой существует. Вообще-то, она – из спальни, в лучшем случае. Но представить, что в столовой кто-то брюки снимает и сюда вешает, мне, например, трудно. Не знаю, как вам. Это – сюрреализм для столовой, а вовсе не реальная вещь.

Из зала – Нет, но она всё-таки к действительности имеет отношения.

ЮБ – Нет, действительность была – это когда её делали. Потом она попадает в другую действительность, где люди едят. Попадает сюда, видимо, в предположении, что здесь снимают брюки. Да?

Из зала – Нет, но почему?

Из зала – Контекст не тот.

ЮБ – Деятельностный контекст не тот, и не работает. Да.

Из зала – Но почему? В принципе-то, что там такого?...

ЮБ – Вы можете себе представить, что я прихожу в столовую, снимаю брюки, и, чтобы они не помялись, я их туда вешаю?

Из зала – Например, в Корее, когда заходишь в ресторан, у них так устроено, это нормально – нужно снять обувь. Может быть, в какой-то культуре и так принято – снимать брюки. Китайцы, например, приехали... Может быть, у них это принято... Для них специально организовали...

Из зала – Ерунда...

ЮБ – Ну, конечно, ерунда. Вопрос-то был о реальности. Это к реальности не имеет отношения, так же, как и к действительности. Это то, про что все сюрреалисты (Сальвадор Дали́ и прочие) рисовали.

Давайте вернёмся к «нашим баранам».

«Герменевтический круг» – это то, что вот здесь (на рис. 6.4) изображено. То есть без естественной составляющей, которая вычленяет (или как здесь написано, «эксплицирует»), вытягивает из ситуации смыслы и фиксирует их в сознании, с одной стороны, а, с другой стороны, без привнесения в эти смыслы, вытягиваемые из ситуации, целостной понятийной структуры с соответствующим контекстом, понимание практически невозможно.

Ну, а саму идею герменевтического круга Шлейермахер вот таким образом сформулировал: **«нельзя понять целое, не понимая каждого фрагмента целого, а, с другой стороны, нельзя понять ни одного фрагмента, если ты не понимаешь целого».**

Из зала – Вот это и есть «круглое» понимание?

ЮБ – Нет, «круглое» понимание – оно вот, как раз, здесь, в нижней части. Ты увидел и схватил смысл. И думаешь, что ты понял чего-то. А твоё сознание при этом может быть организовано таким образом, что ты выхватил совсем не то, что, на самом деле, существенно в этой ситуации. Оно, может быть, существенно для тебя, потому что у тебя почему-то (может быть, случайным образом) на сознании сидит именно такая понятийная «решётка», которая задаёт это целостное понимание. А эта «решетка» взялась или прилетела откуда-то, совершенно, неизвестно, откуда...

Явно, у тех, кто эту вещь поставил в столовую, у них с пониманием что-то не в порядке было.

Принцип, похожий на тезис Шлейермахера, когда-то сформулировал и Георгий Петрович. Правда, фраза ГП впрямую к герменевтическому кругу не имеет отношения, но устройство этой фразы, фактически, то же самое: **«Функция есть свойство какой-либо части целого, возникающее за счёт его связей с другими частями целого».**

Деятельность всегда функциональна. В деятельности всегда есть функциональная структура, и понимание той или иной деятельности – это понимание того, как деятельностные функции устроены. А каждая из них зависит от деятельностного целого. Деятельностная функция у магнитофона, у компьютера, у стола, у всех остальных вещей, которые мы здесь задействуем, зависит от понимания того, что мы сейчас здесь делаем.

Тезис ГП я привёл, главным образом, для тех аспирантов, которые очень широко пользуются таким словом, как «функция» (функция такая, сякая, пятая, десятая), без какого бы то ни было смысла. Прочитал в учебнике, что «у финансов есть три функции: распределительная, контрольная и...» ещё какая-то. И всё! Потом повторяют эти три названия функций везде, без исключений. Надо, не надо, куда попало, по любому поводу.

Между тем, **функции берутся из целостного понимания структуры той деятельности, о которой идёт речь.** Без понимания целого ни одну функцию не вытащишь. «Функция» – это есть некий фрагмент целого. И «функция» – это, как раз, функция от этого целого. **«Функция» – это «бытие в другом».** Сущее – в контексте.

То есть функция этой вещи (показывает на диктофон) вытекает из вот этой обстановки и способа работы, который мы осуществляем. А вовсе не наоборот. Разные функции из разных мест не надёргиваются.

Точно так же, как и вот эти понятийные вещи. Ты должен всё понятие целиком удерживать для того, чтобы ухватить отдельные фрагменты той или иной ситуации. Если не удерживаешь всю понятийную конструкцию в целом, у тебя может каких-то фрагментов не оказаться. И эта **смысловая структура** не сформируется, поскольку смысловая структура, помимо всего прочего, **зависит от целостности понимания...**

Вот, за что, в частности, отвечает наше сознание, в отличие от мышления? Наше сознание такую функцию выполняет. В него своеобразный «критерий» вставлен: **сознание всегда чувствует, целостное восприятие или не целостное?** Сознание воспринимает только целостные вещи, фиксируя их как смыслы. Если смысла нет, если мы говорим про какую-нибудь бессмыслицу, то это значит, что там чего-то нет, чего-то не хватает. Целостность отсутствует.

Например, если тебе скажут, высадив с корабля посреди Атлантического океана: «Выплыви до берега». Это, вообще, осмысленное предложение или не осмысленное? Любой скажет, что это бессмыслица, поскольку не доплывешь. То есть сознание сразу чувствует разорванность и нецелостность способа выплывания.

Везде, где мы говорим «бессмысленно», это означает, что там что-то разорвано и целостность не формируется. Поэтому, если у вас какой-то фрагмент понятия привносится в ситуацию и он не целиком ухватывает всю ситуацию, а только частично – ваше сознание сразу почувствует, что чего-то не хватает. Вы скажете: «Это бессмысленно».

Бессмысленно идти в банк с газовым пистолетом и требовать миллион долларов. Ну, бессмыслица! Тебя сразу повяжут, и всё. Это понятно сразу, любому. Бессмысленно студенту идти к преподавателю и говорить: «Поставьте мне, пожалуйста, оценку, я ничего не учил, но поставьте». Бессмысленно!

Из зала – Но они же ходят. Ко мне на письменный экзамен заходит один, и говорит: «Задавайте только устные вопросы».

ЮБ – Но Вы же ему сказали, что это бессмысленно.

Из зала – Ну, я сказала, а он обиделся.

ЮБ – Он обиделся? Значит, у него явная проблема с пониманием.

Это вот, что касается герменевтического круга. Мы будем перерыв делать?

Из зала – Обязательно.

ЮБ – Полтора часа уже прошло, сделаем.

Из зала – Маленький вопрос можно?

ЮБ – Да.

Из зала – Получается, если на основании вот этого круга строить разумное обучение, это же очень эффективно тогда получится?

ЮБ – Те специалисты, которые это придумали, считают, что это очень эффективно.

Из зала – Вы же выпускаете предпринимателей?

ЮБ – Да.

Из зала – Если с точки зрения именно предпринимательства всё это рассматривать и инструкцию предложить, будут спецы-то хорошие.

ЮБ – Да, конечно! Я всегда так и говорю: «Если понятие человеку даёшь, и он это понятие начинает осмысленно использовать в той или иной ситуации, и у него формируются определённые смысловые структуры, он будет эффективен».

Из зала – И это правильно.

ЮБ – Да, конечно. Перерывчик сделаем.

Продолжение.

ЮБ – Может быть, вопросы какие-то есть? Мы здесь на перерыве сидели, обсуждали – оказывается, масса вопросов по этой схеме (схеме герменевтического круга). У других есть какие-то вопросы?

Из зала – У меня вопрос к комментарию схемы, рис. 6.4. Вот, там (где квадратик «действительности») вопросик стоит, а вот там (где «смысловая структура сознания») уже круглешочек стоит... Это что значит?

ЮБ – Во-во-во. Хороший вопрос. В самую точку.

Из зала – То есть это то, что ты додумал и воспринял?

ЮБ – Да, вот, смотрите. «Вопросик» – это означает, что здесь чего-то не хватает, из-за чего ситуация и возникла? Из-за того, что чего-то, какого-то средства для движения не оказалось в нужном месте в нужное время. Все эти функциональные вещи (разные фигурки в разных функциональных местах) – это всё разные средства для осуществления какого-то действия. Если ты наткнулся на какой-то тупик и у тебя какого-то средства не хватает (в данном месте стоит вопросик – пустота) – возникла ситуация, т.е. невозможность движения дальше. Если это ты с помощью текста передал целостное понятие этому, понимающему, и у него сформировался целостный смысл...

Из зала – То, чего мне надо?

ЮБ – Да-да-да, конечно.

Из зала – То есть вот это всё...

ЮБ – Это же, смотрите, этот, правый, он этого, левого, понимает, и эту ситуацию он должен вытащить оттуда, и понять...

Из зала – А потом передаёт через средства употребления и через понятийный аппарат, как с этим бороться?

ЮБ – Нет, если у него есть рефлексивная надстройка, рефлексивное понимание, и когда ему текст произносят, у него тут же сразу: «Ага, а в культуре есть такое понятие. И оно по поводу этой ситуации».

Из зала – Давайте на примере. Можно или нет?

ЮБ – Сейчас, попробую объяснить на примере. У меня был случай. Таких случаев – миллион. И вы сами для себя сможете подобных, сколько угодно навспоминать.

Это было зимой, не в этом году, а то ли в прошлом, то ли в позапрошлом. У меня гараж в Лисихе, это шесть автобусных остановок от дома, а живу я около Центрального рынка. Что-то там, в гараже, провозился допоздна, это было уже часов 11 вечера. Достаточно холодно было. Прихожу на остановку – ни копейки денег и телефон сел. Ситуация! Смотрите, типичная ситуация. Пешком идти – замёрзнешь. Автобусы, на которых можно «зайцем» проехать, уже не ходят. Микроавтобусы без денег не повезут. Типичная ситуация.

С одной стороны, если бы я вам это объяснял: вот, я произношу этот текст из той ситуации. А у вас есть понятие того, как по городу люди передвигаются: что там должен быть транспорт, должны быть деньги, одно средство, другое средство, третье средство... Да? Ты это всё дело замыкаешь у себя в сознании, и, соответственно, переезжаешь. Всё это элементарно, на автомате всеми делается. Но если я, попросту, забыл бумажник дома. Ни копейки. Вообще, ни копейки! И автобусы не ходят. Типичная ситуация.

Если бы был телефон заряжен, я бы позвонил кому-нибудь (жене или, например, Денису, который там рядом живёт), меня бы они поняли и ситуацию сняли (деньги либо жена привезла, либо Денис из дома вышел и занял бы мне необходимую сумму). Но телефон сел. Как снять ситуацию? Понятно, что нужно, просто, замкнуть её какой-то вещью, что-то такое придумать. Я, в конце концов, просто попросил част-

ника доехать до дома: «Я выйду, схожу домой, вернусь и рассчитаюсь, без проблем», он мне поверил. Видимо, не забулдыжного вида был. При другом виде не поверил бы, наверное. Вот – типичная ситуация.

Из зала – Вы говорили, вот эти средства находятся в культуре?

ЮБ – Нет, вверху (на рис. 6.4) – это понятия. Это под «средствами» понималось.

Из зала – Вверху понятия?

ЮБ – У любого человека, живущего в городе, есть соответствующие понятия. И смотрите, понятия – это не знаниевая форма. Это не то, что на доске можно написать: «C₂H₅OH» и сказать, что это – «формула спирта».

«Понятие» – это устойчивая структура смыслов, культурно фиксированная. Я ещё буду об этом говорить. Если вы расщепили свою понимающую позицию на вот эти две рефлексивные позиции: с одной стороны, вы удерживаете понятийные структуры, а, с другой – схватили суть моей ситуации (чего не хватает?). Вы накладываете соответствующее понятие на ситуацию – и сразу становится понятным, что делать. И вы можете мне посоветовать, что нужно сделать, как замкнуть, как снять этот вопрос.

Вы фиксируете смысл ситуации на своём сознании. Своём, собственном. Не в той понятийной конструкции, которая для всех одна. При этом, смотрите, это можно сделать не сразу, если речь о сложной ситуации. Это можно с первого раза не понять. Этот круг может помногу раз прокручиваться для того, чтобы полностью все детали ситуации вычленишь...

Из зала – А вот здесь я фиксирую сама, то, что чего-то вам не хватает, да?

ЮБ – Ну, конечно. В данном случае, понятно, что не хватает денег. И дальше, смотрите – всё внимание на поиск: как снять этот вопрос?

Так и двигаются. Как только ты нашёл, что тебе мешает двигаться, дальше ты ищешь способ, как эту «дырку» заткнуть.

Из зала – Можно ещё один вопрос?

ЮБ – Да.

Из зала – Вопрос по «понимающей рефлексии» (нижней): чем она отличается от «рефлексии» и «понимания»? Как я понял, она находится в культуре. Она, как бы...

ЮБ – Нет, смотрите. «Понимающая рефлексия» – это естественная составляющая понимания. Её у вас с детства воспитывали. И у вас она у каждого присутствует. Это вот то, что я называл «круглое понимание»: раз! – и сразу смысл схватил. Неважно, понял ты или не понял, но у тебя какой-то смысл схватился. Он может быть неправильным.

Из зала – А сознание только смыслы ухватывает?

ЮБ – Да, наше сознание единственное, что может удерживать – только смыслы.

Из зала – Но это может быть названо, например, «знание»?

ЮБ – Нет.

Из зала – А что такое «смысл»?

ЮБ – Может быть, я ещё не дошёл до того, что такое «смысл». Может быть, у вас по-разному это слово воспринимается. Потому что, если вы возьмёте какую-нибудь литературу, того же самого ГП, допустим, статью «Смысл и значение» – он начинает с того, что в разных культурах «смысл» по-разному называют. По-английски «смысл» – «sin», по-немецки – «Bedeutung», хотя это «значение», вообще, в переводе, в любом словаре. Третьи ещё как-то называют.

А вот, в методологии «смысл» – это то, что удерживается сознанием. На доску положил – это уже ты либо какое-то значение зафиксировал, либо какую-то знаковую форму. Но в сознании никаких знаний нет. Оно так и называется: «сознание», то есть это то, что, как бы, параллельно «с знанием», «вместе с знанием». А «смысл» – даже русское слово об этом говорит – «с мыслью». Вот мысль где-то, там, а смысл рядом. **Смысл – это то, что вместе «с мыслью» движется.**

Ну, давайте, чуть-чуть на шагочек продвинемся дальше. «Понимающая рефлексия» – это чувственная составляющая понимания. Это то, что обычно заканчивается так называемым «ага-эффектом»: «Ага, я понял». Вот тут кто-то говорил-говорил – было непонятно, а потом раз! – всё схватил, понял. Это значит, сработала вот эта составляющая понимания, так называемая «понимающая рефлексия».

И как только «ага-эффект» сверкнул в голове, человек ухватил смысл дела. Дальше уже можно переключаться куда угодно – смысл дела ухвачен.

А «рефлексивное понимание» – это рациональная сторона понимания. Это то, что само по себе никогда у человека не случается. Это то, что требует определённых искусственных усилий для выработки. Это то, чему учат специально (там, где этому учат). В большинстве случаев, к сожалению, не учат.

Когда учительница математики спрашивает ученика: «Ну, ты понял, как считается площадь треугольника?» – на самом деле, в лучшем случае, она интересуется этим «ага-эффектом», поскольку она его не учила, как понимать. И, скорее всего, она сама не понимает, о чём спрашивает. Если начать с ней разбирать, откуда, вообще, берётся эта площадь и эта формула, то конфуза не оберёшься. Мы, как-то, три года назад, разбирали на семинаре эту структуру. Там многоэтажную конструкцию нужно выстроить, пока до формулы дойдёшь. То есть пока вот эту понятийную структуру не выстроишь из действий – измерение основания, замещение знаком, измерение высоты, замещение знаком, оперирование знаками и т.д. – формулу ($S = \frac{B \times h}{2}$) понять нельзя. Понять можно только структуру действий, которая приводит к формуле.

«Рефлексивное понимание» – это то, что называется рациональной стороной понимания. Эта сторона отвечает за категориальное и понятийное различие и разделение смыслов, материала. Мыслью разделяют разный смысловой материал. Вернее, **в мысли «различается»** (мы про различие очень долго говорили в самом начале), **а в действии это «разделяется», «разводится».** Как разводится мужской и женский туалеты. Раз, стенку поставил, две двери и две литеры («М» и «Ж») – всё, развёл в действии.

А «понимающая рефлексия» – это «мгновенное» или, так называемое, «круглое» понимание. Я про это уже не буду здесь повторяться. **«Рефлексивное понимание» – это процессуальное, а то, что названо «понимающая рефлексия», или «чувственная» составляющая понимания – это, как раз, мгновенное понимание.**

«Действительность» можно только понимать. Очень много, опять же, языковых ошибок существует, когда «изучают какую-то действительность». Наука (особенно наши «науки») этим делом любит грешить. «Исследуют действительность» – это всё не о действительности, это всё про другое.

Как кошка! Она понимает действия и, соответственно, действительность (правда, её, кошачью, «действительность»). Без всяких слов, без всяких знаний. Никто её этому не учил, и, тем не менее... Животные, на мой взгляд, ближе к действительности, чем очень многие люди.

А среди людей – восточные люди более понимающие, чем европейцы. Европейцы совсем «затурканы» знаковыми вещами, знаниевыми и информационными. А восточный человек физически видит действия. Например, Попов утверждает (видимо, в этом смысле, ему верить можно; он специально этим очень долго занимался) что у арабов, в арабской культуре, категории – действительные. Смотрите: не на объект указывают, а на действие. И араб никогда европейца не поймёт. Европейец араба тоже никогда не поймёт. Ну, и всё это в результате выливается в войну, как известно.

Теперь несколько слов про понятия. **Инструментами понимания являются две вещи. Во-первых, понятия**, точнее сказать, их «рабочие слепки». Когда я говорю «рабочие слепки», я имею в виду то, что любое понятие всегда достаточно сложно устроено (даже относительно недавно сформировавшееся в культуре), поскольку многие люди к этому приложились, внесли свою лепту в формирование того или иного понятия. Не говоря уже про какие-нибудь древние понятия, типа «справедливости» или «демократии». Понятие может включать очень много всего разного – разные контексты употребления, иметь разные стороны (аспекты). Как тот же Попов говорит, есть философы, которые способны 100 разных различий выделить в одном понятии, а потом как начнут их друг через друга перемножать – у любого, даже прилично развитого в мыслительном отношении человека, хлоп! – и «понималка» отключается.

Из зала – Не выдерживает?

ЮБ – Да. А они выдерживают тысячи этих различий и всего остального. Поэтому когда люди обычной деятельностью занимаются, то в абсолютном большинстве случаев (в 99, 99%) они используют какие-то частичные «слепки», частные фрагменты понятия. То есть не всё понятие «корова», а только то, что тебе нужно в данном случае, допустим, молоко получать или ещё что-то. «Корова» – это далеко не самое сложное.

Ну, и *вторым инструментом понимания является «способ взятия» понятия*. Некоторые к понятиям относятся как к таким, естественным вещам. Даже если у него есть (удерживается сознанием) достаточно развитая структура понимания (соответствующее понятие), очень часто люди к понятию относятся как к некой данности.

Между тем, «понятие» – инструмент. В буквальном смысле, как молоток. *Во-первых*, как и молоток, оно вне человека; *во-вторых*, человек его берёт тогда, когда нужно его для чего-то использовать. И использует всегда в каком-то контексте, в какой-то деятельностной рамке. Или – в деятельностном способе, что то же самое.

Поэтому понятия **всегда** задействуются в каком-то контексте, в какой-то рамке. И к этой рамке нужно относиться осмысленно. Иногда даже говорят: **суть** (чего бы то ни было) **всегда в контексте**. Это чрезвычайно важно. Точно так же, как и в отношении молотка. Потому что, если хочешь в носу поковырять, молоток бессмыслен. В прямом смысле – бессмыслен. Молоток употребляется совсем в другом контексте, в другой действительности. Это средство не для ковыряния в носу. Ну, и с понятиями точно так же.

Их употребление в той или иной рамке и задаёт кинетику (мысли или действия). Чем плохи эти наши знаниевые вещи, когда мы их фиксируем на доске или ещё где-то? С одной стороны, мы говорим, что мышление может быть только на доске. А, с другой стороны, мышление нельзя остановить. Но мы рисуем какую-то остановленную структуру, а подразумеваем, что по этой структуре какой-то процесс должен идти (пальчиком водим или ещё каким-то образом, например, стрелочками указываем на процесс).

И вообще, когда рисуется то или иное пространство, та или иная рамка для употребления чего-то – это означает, что мы здесь должны себя заставить либо рассуждать, либо определённым образом действовать (это не фиксированная вещь).

Вообще, «пространство» было изобретено, как выясняется, ещё Евклидом. Прежде чем изобрести геометрию со всеми её операциями с треугольниками, квадратами, линиями и так далее, оказывается, ему пришлось сначала изобрести понятие «пространство», поскольку приходилось вычерчивать определённые вещи. И эти чертежи должны быть в пространстве (оно так и называется – «евклидово пространство»).

Любая кинетика, любое движение – всегда пространственное, поскольку **пространство, в отличие от времени, это когда предмет остаётся тем же самым, а обстановка вокруг него меняется**. Вот это изменение и обозначается через какую-то рамочку или через какое-то пространство.

Декарт ввёл декартовы координаты («декартово пространство» с заданными метриками) для того, чтобы физик мог исследовать движение материальной точки или ещё что-то, что делает физик (вычислять и так далее).

И в методологии всегда: если говоришь про какое-то понятие, но при этом не говоришь, в каком контексте (пространстве) – получается бессмыслица. То есть это есть очень важное средство употребления. Иначе говоря, **понятие остаётся положенным на доску и омертвленным как знание, если не задаётся контекст его употребления**.

Не знаю, до вас доходит или не доходит? Пилю дрова пилой. Пила сломалась – ситуация. Деятельностная рамка исчезает. Но когда пилю, я должен осознать, что обязательно пространство присутствует (таким образом, или каким-то другим, вот та-

кую рамку должны иметь в виду или ещё какую-то). Но как только возникает ситуация, всё останавливается, деятельностный контекст исчезает. Исчезает действие – вот эта протяженность и длительность.

Ну, а **результатом понимания является структура смыслов**. Как говорил ГП – это «сетка» из мыслительных средств, наложенная на разнородный материал ситуации и задающая её целостность.

Насчёт «смысла», как мне кажется, есть совершенно классный пассаж. Он **принадлежит Олегу Игоревичу Генисаретскому**. Кто не знает – это ученик ГП, один из крупнейших из ныне живущих методологов. К тому же он культуролог, антрополог, и ещё много чего у него за душой. Тезис звучит так: **«смысл – это то, структурой чего является сознание. А сознание – это то, материалом чего является смысл»** (см. на сайте его доклад «О материале проектирования»).

Вдумайтесь! Обратите внимание, он специально не даёт определений «смыслу» или «сознанию», не даёт определений тем вещам, которые не определяемы. Он задаёт то и другое через их взаимные функции.

Стол и то трудно определить, поскольку это вещь функциональная. Определить можно букашку, определить можно воду, определить можно ещё что-то, атом, к примеру... Т.е. то, что от нас не зависит. А вот все **деятельностные вещи, которые функциональны, могут задаваться только через функциональное представление**.

«Сознание», как бы мы его ни рисовали, как бы мы его ни представляли, неважно, если я нарисую такую пространственную картинку, это означает, что я уже задаю кинетику. Но смотрите: «сознание» – это то, материалом чего является смысл. А «смысл» – то, структурой чего является сознание.

«Материал» и «форма» – это категориальная пара, которая позволяет дать соответствующее понимание. **«Сознание» – это форма для смысла, а «смысл» – это материал для этой формы**.

Физически, или натурально, «сознания» не существует. «Смысл» натурально не существует. «Смысл» бессмысленно искать в голове.

Характеристики «смысла» следующие. Представьте любую ситуацию (свою, чужую – неважно), или вспомните, в какие вы попадали ситуации, где вы говорили: «Вот, это имеет смысл, а вот это – бессмысленно».

Характеристики смысла, которые я сейчас назову, всегда присутствуют, вольно или невольно. Если «вольно» – это значит, ты их рефлектируешь, если «невольно» – это значит, помимо твоей рефлексии, но они всё равно существуют.

«Смысл» всегда предметен, то есть он – физический, химический, экономический, геометрический, или какой угодно ещё. Абстрактного смысла не бывает.

«Смысл» – результат понимания действий. То есть, если действий нет, никаких смыслов тоже нет. Вот (показывает на фломастер) предмет, он, сам по себе, этот или любой другой, бессмыслен, пока его не задействуешь. Выброси на помойку, это уже не будет фломастером, поскольку там он может только долго лежать, разлагаться, и свой смысл потеряет. Даже если компьютер на помойку выбросишь, он потеряет

смысл, который сейчас он имеет благодаря тому, что мы все его коллективно используем в данном нашем действии.

«Понимать смысл» – бессмысленное выражение, это ещё одна языковая ошибка, которая очень распространена. Ну, и очень часто мы друг друга сами спрашиваем или нас спрашивают: «Ну, ты смысл-то понял?» Вот это вещь совершенно бессмысленная, поскольку **«смысл» – это результат процесса понимания**. То есть ты сначала что-то понимаешь, а в результате образуется смысл. Или не образуется.

Из зала – Тогда я могу сказать: «У тебя смысл образовался?»

ЮБ – Да, так можно.

Из зала – А что такое тогда «сознание»?

ЮБ – А вот то, что удерживает смысл – это и есть «сознание». **Если смыслов нет, сознания тоже нет.**

Попов в нескольких текстах приводит показательный пример. Этот пример очень широко известным стал. Он говорит, что реальные эксперименты делались с людьми. Человека помещают в тёплый соляной раствор (чтобы тело не тонуло), в тёмную комнату, изолированную от звуков, везде обкладывают поплавками, чтобы он случайно не утонул. То есть он в таком, подвешенном состоянии, захлебнуться не может, его привязывают, сам ничего делать не может, свет вырубают, звук изолируют, кормят через трубочку.

Через неделю человек превращается в растение – сознание исчезает, перестаёт что бы то ни было различать, в принципе. Всё забывает, ничего не различает – чистое растение. И дальше из этого человека можно вылепить всё, что угодно – можно волка, можно «идеального солдата», можно ещё кого-то. Кого хочешь!

Поэтому **«смысл» – вещь функциональная**. Если понятий нет, смыслы не возникают. У нас смыслы мелькают, благодаря тому, что у нас хотя бы частичные обрывки понятий всегда присутствуют, удерживаются.

Из зала – А для чего такой эксперимент делали?

ЮБ – Этот эксперимент делали для того, чтобы доказать, что натурального сознания не бывает. Тебя изолируют от деятельности, от какого бы то ни было контакта с окружением. У тебя всё это исчезает, просто, испаряется.

Из зала – Он не может потом ничего вспомнить?

ЮБ – Очень быстро забывает всё, естественно. Просто, забывает.

Из зала – Ну, что-то остаётся?

ЮБ – Всё исчезает. Включают свет – никакой различалки! Как у младенца.

Из зала – Так быстро, за неделю?

ЮБ – Может, не за неделю, но через неделю уже начинаются эти процессы.

Из зала – Это всё равно ничего не доказывает...

ЮБ – Не факт. Но двинемся дальше.

То, что мы называем «смыслом», и то, что удерживается сознанием – это некая «семантическая единица», некая «понимательная единица». Эту семантическую единицу можно нарисовать вот таким образом (рис. 6.6).

Обязательно должно быть какое-то действие, элементарное или сложное, неважно. Вот, эта рамка – это «цель». То есть «цель» – не в смысле «мишень» (как очень часто мы про это говорим). Это не «мишень». «Цель» – это способ работы, который хочешь освоить. Слова «цель» и «целостность» – одного корня.

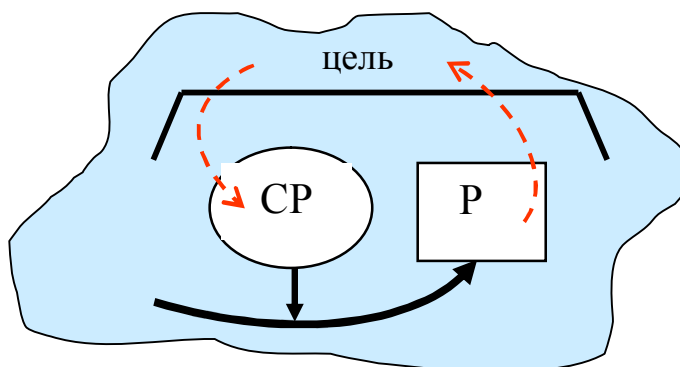

Рис. 6.6. «Смысл» – семантическая единица

То есть, если у тебя деятельность не получается или ты хочешь какую-то деятельность наладить, у тебя в качестве «цели» должна быть та структура, к которой ты стремишься, которой хочешь овладеть. Вот эта рамка.

И есть «средства» (CP), которое позволяет тебе добиться некоего «результата» (P), соответствующего цели. Если вот эта структура (пунктирными стрелками показано) замыкается – ты хочешь чего-то добиться и у тебя есть средства, чтобы этого добиться – у тебя в сознании возникает «смысл».

А если у тебя на месте средств пустота (вопрос на рис. 6.7), и ты не можешь этот процесс осуществить, реализовать вот эту цель (тупик здесь нарисован и вопрос вместо результата), у тебя возникает «ситуация бессмысленности». Все люди, знают они про это или не знают, заведомо говорят: «Это бессмысленно».

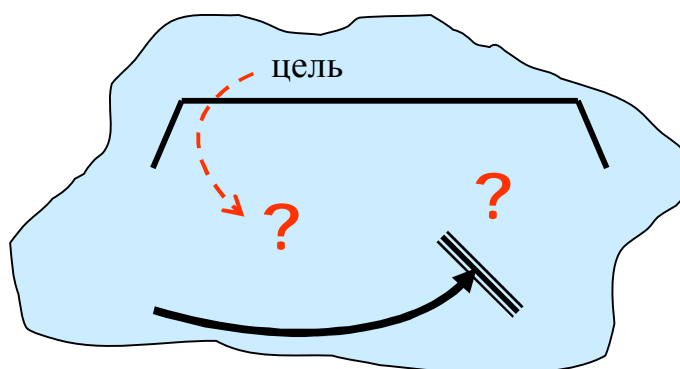

Рис. 6.7. Отсутствие смысла

Из зала – Но они могут ошибаться же, да?

ЮБ – Ошибаться могут. Но если человек не видит адекватных средств, для него это будет бессмыслица. То есть бессмыслица – это, просто, нецелостная семантическая единица. Если ты человеку покажешь соответствующее средство (физическое средство, или мыслительное средство, или экономическое средство в виде денег, или ещё что-то), которое позволит реализовать желание, цель или ещё что-то, у него воз-

никнет смысл, осмысленность. Возникнет то, что называется «единицей понимания». «Единица» – это то, что заполняет эту смысловую решетку и делает её целостной.

В разных методологических ориентациях «смыслом» называются разные вещи. **То, что я до сих пор говорил, это – в СМД-методологии.** Ну, или в системодетельностной методологии.

А вот **то, что Попов развивает**, уже достаточно давно, может, лет 25 (всё это у него началось где-то с 1985 года) – это то, что теперь **называется «методологией общественных изменений».** Мы об этом тоже уже говорили, чем одно от другого отличается. Здесь действие есть, но говорить напрямую про «систему деятельности» (как её понимает СМД-методология) нельзя. И в то же время есть «общественные организованности», которые определённым образом действуют. И они действуют тоже совершенно осмысленно. То есть у них присутствует некий «смысл». Попов его называет «внутренний смысл». Он в одном из текстов (текст называется «Методология организации общественных изменений», если кому интересно, он есть на сайте) такую модель общественного образования (ОО) рисует (рис. 6.8).

«Общественные образования», опять же, бывают разные. Мы тоже уже с вами об этом говорили. Это могут быть типично «социальные организмы». Это могут быть «национальные организованности». Это могут быть какие-то закрытые «профессиональные сообщества». Это могут быть какие-то «религиозные структуры», совершенно замкнутые (кланы, секты), которые не носят деятельностного характера. Они замкнуты сами на себя. Они стараются от всех отделиться. Особенно сильно это заметно у разного рода полурелигиозных, сектантских организованностей. Вплоть до того, как пермские сектанты, под землю ушли и два года ждали там конца света. И так далее.

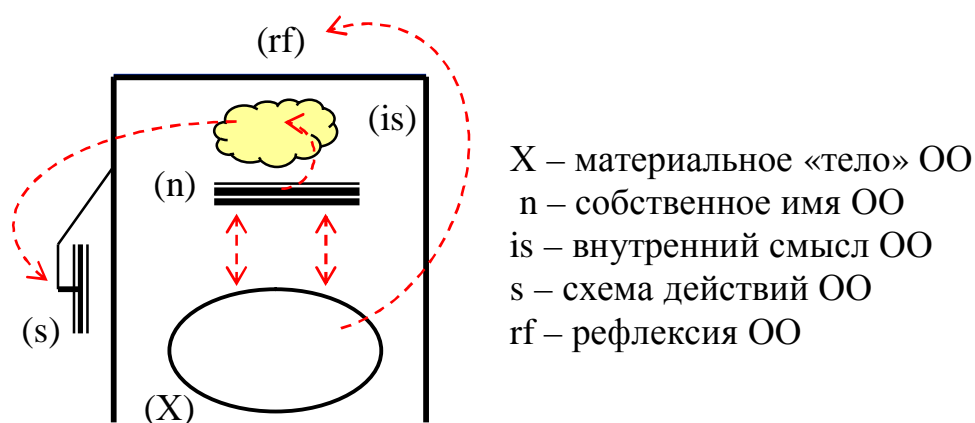

Рис. 6.8. Модель общественного образования (ОО)

Кстати, «научные организмы» – точно такие же, замкнутые организованности. Что в мире происходит, их, вообще, мало интересует. Человек может 20 лет в какой-то одной проблеме ковыряться.

Так вот, то, что здесь (на рис. 6.8) изображено, так называемый «внутренний смысл» («облако внутреннего смысла») – это такая внутренняя структура, неизменная

и независимая ни от каких внешних обстоятельств. В отличие от предыдущего случая, где «цели» и «средства» могут быть привнесены из какой-то другой деятельностной ячейки. Или за счёт коммуникации они могут быть взяты, или переданы, или ещё каким-то образом получены.

В «общественных образованиях» (с которыми имеет дело «поповщина») смысл не передаётся, смысл существует сам по себе. Наоборот, вокруг этого, так называемого, «внутреннего смысла» всё и формируется.

Допустим, замкнутая коммунистическая партия. Они там что-то про своё обсуждают, всех ругают, ни с кем не смешиваются, что бы ни делало правительство или другие люди, «всё это неправильно» и так далее. Примеров можно много приводить.

Попов рисует такие основные элементы этой модельной конструкции (рис. 6.8). *Во-первых*, эта замкнутая рамка, внутри которой (X) – условное обозначение материального «тела», состоящего из людей, организованностей, групп и так далее. *Во-вторых*, обязательно должно присутствовать «имя собственное», обозначенное как (n) – это «религиозная община», это «клан» какой-то, это «коммунистическая партия», это «научное сообщество» или ещё что-то. Сейчас «интернетовские сообщества» возникают. И, скорее всего, пройдёт не очень много времени, когда они окуклятся и остальной мир, вообще, для них перестанет существовать. Они будут жить какой-то своей жизнью, а некоторые, может быть, уже и сейчас так живут. «Имя собственное», фактически формирует вот этот смысл, это, *в-третьих*. Этот «внутренний смысл» (is) зависит от «имени собственного», которое является сложной семиотической структурой, то есть знаковой и символической. «Смысл» определяет «схему действий» (s). А эта рамка удерживается за счёт вот этой большой рефлексивной петли (rf), опять же, для того, чтобы «внутренний смысл» не был разрушен. То есть здесь «внутренний смысл» – это такая, неразрушаемая, постоянно существующая единица, которая удерживает общественное образование от распада, так скажем.

Из зала – Но он не рефлектируется, да?

ЮБ – Он извне может рефлексироваться, но на него повлиять практически невозможно. Его можно только использовать. То есть, если ты знаешь, на что «клюёт» конкретное общественное образование, ты можешь «подсунуть» соответствующую идею и потом это использовать.

Теперь – немножко про «понятия». **«Понятия» в СМД-методологии и в методологии общественных изменений имеют разные и структуру, и устройство, и способы построения.**

Если взять СМД-методологию, то «понятия» там являются средством координации действий кооперативно связанных деятельностных позиций. То есть **в СМД за счёт понятия разные деятельностные позиции имеют возможность увязывать и соотносить свои действия.** Рефлексивно удерживаться в одной позиции и удерживать эту кооперативную связь. Если деятели действуют без понятий, такая деятельность разрушается.

Вот, в нашей стране в редких случаях присутствует деятельность. Примеров очень немного можно привести. Сам Попов, например, утверждает, что одним из не-

многих примеров, где деятельность присутствует, причём, явно присутствует – это Всероссийское объединение «Микрохирургия глаза», бывшая фёдоровская структура. Она теперь имеет много разных филиалов, в том числе, и в Иркутске есть.

Вот, там деятельность поставлена. И рефлексия поставлена по удержанию кооперативных позиций и много чего другого. И понятийные структуры были построены достаточно квалифицированно.

Но даже в атомной промышленности – с этим большой напряг. И поэтому даже человек, который из первых рук это знает, тот же Пётр Щедровицкий, в нескольких текстах своих выступлений об этом впрямую говорит. Когда он был директором института госкорпорации «Росатом», т.е. отвечал за всю науку и проектную составляющую всего этого «монстра», он говорил, что это было очень наглядно видно...

Из зала – Семья – это «общественное образование»?

ЮБ – Наверное, нет. Но она и не деятельностная структура. Во-первых, это, прежде всего, «социальная единица». Хотя «семья» тоже бывает разных типов.

Из зала – Там же тоже есть внутренний смысл?

ЮБ – Ну, с «общественным образованием» у «семьи» мало общего...

Из зала – А у семьи какой может быть этот «внутренний смысл»?

ЮБ – Нет, семьи же разные бывают.

Из зала – Семья в смысле «клан» какой-то... Дон Карлеоне. «Семья Карлеоне»...

ЮБ – Да-да. Вот это – общественное образование.

Из зала – Они, просто, отделяются в каком-то своём мировоззрении, что ли, в какой-то такой рамке, и всё, что выходит за рамки их представлений о себе и своей семье, отсекается полностью.

ЮБ – «Семья» – это ведь культурная единица человека. «Человек» – это не индивидуум. «Семья» – это больше человек, чем отдельный индивидуум. Поскольку мы-то все – половинки, а когда соединяемся, тогда получается «целостный человек».

Из зала – То есть, если семья с другой семьёй кооперирует, то можно говорить про деятельность, да?

ЮБ – Нет, если одна семья фермерская, а другая семья поставляет им семена, инструменты или ещё что-то другое (при этом всё оформлено в какие-то малые предприятия), и это всё поставлено правильно, как у американцев, например, там возникают деятельностные кооперативные отношения.

Из зала – А внутри семьи?

ЮБ – Внутри семьи нет.

Из зала – Даже по смыслу они...

Из зала – Ну, а как? Разделение обязанностей, функции разные – у мужчины одни, у женщины другие. Разделяют же функции?

ЮБ – Ну, это вы как сами разделёте, так оно и будет.

Из зала – А в культуре?

ЮБ – В некоторых семьях не разделяется. Одна (или один) «тащит», а другая половина другими вещами занимается. Но это – точно не деятельностная, это социокультурная единица человечности.

Из зала – И не «общественное образование»?

ЮБ – Не общественное образование. Потому что не все характеристики присутствуют.

Продолжим дальше. **«Понятие» в СМД-методологии всегда построено иерархически.** Чуть позже я буду говорить про «поповскую» методологию, и там понятия, которые он задействует, точно не иерархизированы. А в СМД-методологии, поскольку в ней понятие строится за счёт мыслительных средств, прежде всего, это вот такая иерархизированная конструкция. **Надстройка рамок друг над другом – это и есть структура понятия.**

«Понятие» всегда организовано какой-либо категориальной схемой. Про «категориальные схемы» я сейчас пока говорить не могу (это специальный и долгий должен быть разговор), но такая категория или какая-то другая в основе «понятия», в обязательном порядке, должна быть заложена как принцип, на который всё потом накладывается.

То есть не может быть понятия из произвольных смыслов, состыкованных друг с другом. **«Категориальная схема», лежащая в основе какого бы то ни было «понятия» – это логический каркас, который в любом понятии присутствует.**

Кроме того, **«категориальная схема» задаёт онтологическую определённость понятия, благодаря чему обеспечивается объективированность понятия.**

Смыслы, ведь, только в сознании могут присутствовать. Сегодня они есть, а завтра их уже нет. А если в понятие вставлена категориальная схема, то оно приобретает объективный статус. **«Категория» – это то, благодаря чему мысль человека объективируется, выносится вовне и существует без людей.** Это называется «онтологической заданностью». То есть это то, что существует само по себе, без нас.

Кроме категорий, **понятие ещё организуется «рамками-способами его употребления».** Это – деятельностный контекст любого понятия. Независимо от того, какая категориальная схема лежит в основе, его можно так употребить, а можно этак. Есть культурные способы употребления, есть некультурные. Это мы тоже ещё будем с вами, я надеюсь, не просто обсуждать, а как-то ещё и на тренировках пытаться делать.

Смотрите, вот один пример – маленький фрагментик того, как обычно в СМД-методологии строились понятия (рис. 6.9). Здесь понятие одного и того же – понятие производства, производственной единицы, так скажем. Она (производственная единица) задаётся вот этими вещами: здесь ИМ – это «исходный материал», за счёт «орудий» (ОР) и «операций» (обозначено маленькими треугольничками) обеспечивается процесс преобразования исходного материала в продукт (ПР), который куда-то потом вываливается, в другой акт деятельности.

То, что существует на Западе, в тех странах, которые мы называем «развитыми» странами (в технологическом отношении развитыми) – это левая часть. А в правой части – то, что было в СССР.

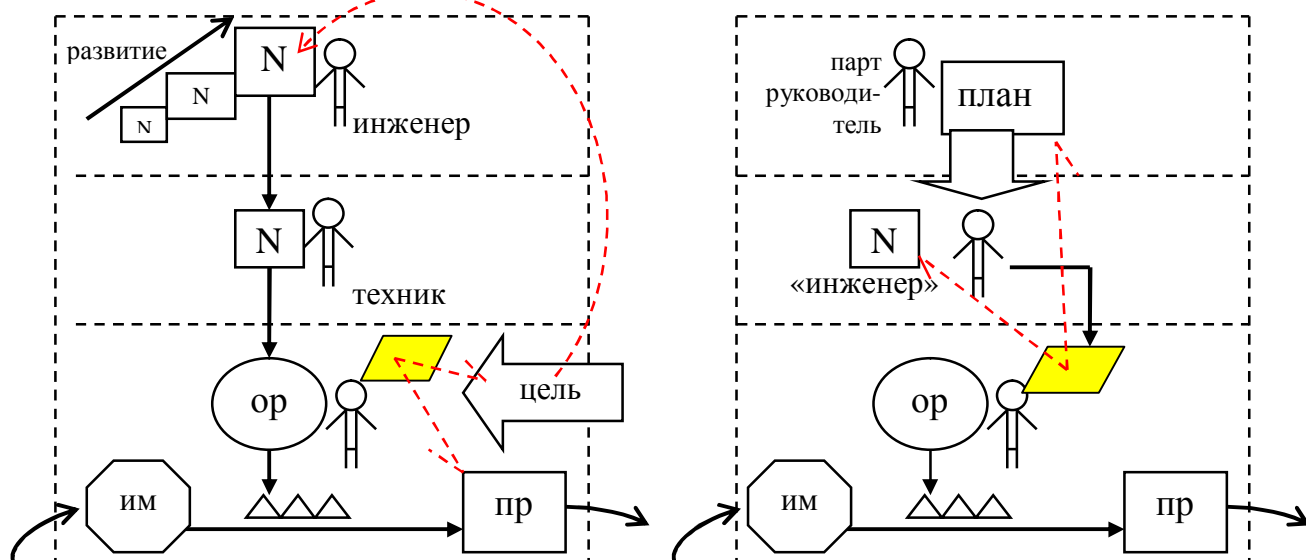

Рис. 6.9. Два типа организации производства: слева – на Западе, справа – в СССР

Нижняя часть, вроде бы, та же самая, почти та же самая. Во всяком случае, на уровне такого, укрупнённого типа различий, фактически, не различается. И там «исходный материал» преобразуют за счёт использования «орудий» и «операций», и у нас – то же самое делали. Но вот то, как надстройка над этим делом была устроена у них, и в Советском Союзе – очень сильно различалось. Если брать западную часть, у деятеля вот эти интенции сознания всегда удерживают две вещи: «продукт» должен соответствовать «цели», а «цель» – это идеальное выражение того, что должно получаться, и в другом месте должно быть употреблено.

Из зала – Почему именно у деятеля, а не у инженера?

ЮБ – Подождите, инженер занимается другими вещами. У инженера – инженерная деятельность, а не производящая. Сейчас я про инженера ещё скажу. Вот здесь (на рисунке) очень важная вещь, обратите внимание. «Цель», как бы, извне входит. **«Цель» не может быть сформирована внутри производственной единицы.** Там, где деятельность, действительно, налажена, «цель» задаётся кооперативной структурой.

Из зала – Извне?

ЮБ – Извне. То есть я произвожу для кого-то, и то, с чем я должен сопоставлять вот это ТЗ, или прописанную целевую установку, должен мне доставлять мой кооперант.

Для образовательной структуры всё то же самое – мы должны выпускать тех, кто потом куда-то сможет встроиться, в какие-то места. Мы должны учить тому, что понадобится там, а вовсе не тому, что мы сами умеем.

Из зала – А у нас получается, что и в образовании надо менять цели?

ЮБ – Конечно, и до сих пор, кстати. У нас сегодняшняя ситуация в образовании ещё хуже, чем была в СССР. Я ещё скажу об этом.

Из зала – А что у нас сейчас вместо «плана»?

ЮБ – Вместо «плана» – босс с большой мошной, который деньги все выкачивает из производства, а это всё деградирует.

Смотрите, низовой надстройкой на Западе обязательно являлась «техническая позиция», которая отвечала за нормы употребления орудий и средств. «Техник» – это тот, кто может поддерживать в нормальном состоянии рабочее оборудование. Это – не производящая единица, это обеспечивающая единица. И она обеспечивает, чтобы оборудование работало нормально.

Смотришь ТВ (как-то показывали): двухкилометровый конвейер Тойоты, и несколько человек ходят вдоль него, остальное манипуляторы делают. Ходят и смотрят, где чего подкрутить, чтобы всё функционировало бесперебойно и нормально.

А инженер занимается совершенно другими вещами. Если техник работает с конкретной машиной, и эта машина должна функционировать по норме, то инженер работает с разными типами машин. И инженер должен (это его профессиональная обязанность в системах деятельности) заниматься развитием технологических норм и технологическим развитием. Благодаря деятельности инженера эти нормы регулярно меняются. И эти технологические смены – постоянны.

Если возьмем Советский Союз, то там тоже был «инженер» (в кавычках), но он был сведён, как говорил Райкин, до состояния «простого инженера» с зарплатой тоже простой – 120 рублей. Он занимался отнюдь не инженерной работой. Он иногда был в позиции техника, то есть отвечал за правильность работы конкретного оборудования, но чаще всего инженерные кадры, которые в инженерных ВУЗах Советского Союза готовились, становились просто обычными руководителями мелкого и среднего звена: это – бригадир, это – начальник цеха. Он, фактически, отвечал за организацию людей, а вовсе не за работу техники.

А у того, кто около станка стоял, интенция сознания совсем не туда была направлена, куда направлена на Западе у любого производителя. *С одной стороны*, он смотрит на эти нормы. Причём, нормы социальной жизни, а вовсе не вот этой техники, поскольку начальник («инженер») действует на сознание конкретного человека и занимается социальной организацией – чтобы коллектив был, чтобы коллектив был дружный, чтобы не пил, чтобы пропусков работы не было, чтобы пятое, десятое. И советские «инженеры» отвечали именно за это.

А, с другой стороны, его интенция сознания смотрит на «план», который стоит **над** «инженерной позицией». Обратите внимание, несмотря на то, что в Советском Союзе планы всегда содержали объёмы производства чего бы то ни было, но план – не был инструментом, который обеспечивал бы достижение того или иного объёма производства.

Если разбирать понятие «план», то очень быстро выяснится, что **планирование возможно там, где можно разделить участки работ на отдельные операции, где есть люди, которых можно расставить при помощи распределительных указа-**

тельных действий по этим участкам, и где есть соответствующие ресурсы, обеспечивающие работу этих участков. И советский «инженер» обеспечивал работу по плану.

«Учебные планы», которые мы сейчас (в университете) составляем точно так же устроены. Обратите внимание. Вот, Дима, наверное, задействован в составлении новых учебных планов у себя на кафедре. Ну, а кто не задействован, можете взять его на своей кафедре и посмотреть: это всегда расчасовка по неделям, распределение по людям и по предметам. И смотрите: результат – не важен. **В плане результат – не важен!**

Из зала – Там его нет?

ЮБ – Там его нет. План ни на какую «цель» не ориентирован. И в Советском Союзе никакие «цели» не преследовались. Там, в лучшем случае, обеспечивалось функционирование, а в худшем – социальная суета. Из-за этого он и развалился.

И у нас сейчас это всё по инерции и продолжается. При этом, сейчас всё громче и громче говорят: «Нужно восстанавливать планирование, без планирования никуда не денешься». И так далее. А технологического развития как не было, так и нет. И Сколково ничему не поможет. Хоть застрелись!

Если вот такой (как слева на рис. 6.9) организации не построено, и если инженерная позиция не занимается своим делом, то ничего и не будет... А она (инженерная позиция), чтобы появиться, должна иметь развитие в поколениях. Если этой, как говорит Руслан Равильевич, «эволюционной траектории» нет, – хоть застрелись! И возникает замкнутый круг. Хоть наш президент наизнанку вывернется – ничего не будет. Просто, не будет, и всё!

А у нас же сейчас эта верхняя партруководящая надстройка убрана. Вместо неё босс, и точно такая же социальная структура, как была... Даже ещё хуже устроенная. Хотя, «социальная», вряд ли, скорее – коммунальная. Там (в советской) хоть не ругались из-за собственности. А здесь ещё и это примешивается.

Это я, просто, смысловую часть пояснил. А здесь, что самое важное? Обратите внимание: в левой части – вот эти три уровня – «процесс», «норма» и «развитие норм». Они обязательно иерархически настроены друг над другом.

Из зала – Ещё небольшой вопрос. Вот, меня смущает «инженер» и «цель». То есть развитие направлено на совершенствование того, что задают нормы? Или как?

ЮБ – Нет. Я вам такой пример приведу. Есть компания Sony. Я не помню, приводил его?...

Из зала – Приводили.

ЮБ – Да. Как они, вообще, развивают свою «Сонию»? Руководитель, нынешний президент компании Sony... Я, по-моему, в кулуарах говорил, когда у нас был перерыв...

Из зала – В перерыве.

ЮБ – Да. Не все слышали. Он – детский педагог. Но так случилось, что он стал президентом «Sony». Это было в начале 1990-х годов. И первое, что он сделал, он реорганизовал механизм развития компании. Что он сделал? Он создал отдел проекти-

рования новинок, чтобы всё время на гребне держаться. Отдел из 30 человек. Как вы думаете, сколько человек из 30 занимаются непосредственно проектированием?

Из зала – Один, два, три?

ЮБ – Три! А 27 занимаются тем, что ходят по детским садам, по школам, по ВУзам. Теперь у них более широкий охват: там, и всякие молодежные тусовки, и ещё что-то, и в Интернете копаются. А поначалу так – они ходили по школам и смотрели, как работает продукция компании «Sony»? – либо что-то где-то жмёт детям, либо наушники не так сделаны (давят), либо какая ещё возникала идея, как можно употребить. Тут же сигнал этим проектировщикам. Они мгновенно проектируют новое изделие под то, что нужно потребителям.

И эти инженеры переконструируют всю эту производственную начинку, формируют новые нормы деятельности.

Из зала – Но, просто, по схеме получается, что цель замыкается на производстве, а вовсе не на развитии...

ЮБ – Ещё раз повторяю: это маленький «слепок» понятия, это далеко не целостное понятие.

Из зала – Ну, понятно.

ЮБ – Оно, на самом деле, было бы не трёхэтажное. Там гораздо больше этажей. Есть ответвления боковые, и всякие разные... Сложно устроено.

Но в СМД-методологии это – всегда вот такая многоэтажная схема. И эти «этажи» – ничто иное, как «матрешки». Вот, у ГП всё, вообще, в конце концов, вся деятельность – во вложенных «матрешках». Это у него называется «полисистемами деятельности».

Из зала – Получается, если ты доходишь до одного уровня... Ты должен пройти и все остальные.

ЮБ – Да, то есть инженер удерживает вот эту внутреннюю структуру целиком. И если у позиции производителя новые цели появляются, то этот инженер должен рефлексивно понимать ситуацию производителя и перестраивать технологические нормы (пунктирная рефлексивная дуга).

А здесь (на правой картинке) всё – как такая, мертвая социальная организованность, тоже иерархическая, как известно. Но административно-иерархическая.

Этот пример, я ещё раз повторяю, я привёл только ради этой иерархии, потому что **в методологии общественных изменений понятие немножко другую функцию выполняет и устроено, просто, по-другому.**

В методологии общественных изменений **«понятие» – это средство организации понимания общественного инженера.** Смотрите, не средство координации действий деятельностных позиций, а средство организации понимания таких, аморфных, плавающих, действующих активностей. Не для их соорганизации. Для соорганизации самих деятелей, как говорит Попов, придумано много разных других инструментов – «проект», «программа», «сценарий», «стратегии». И много разного чего другого. А понятие – именно единица соорганизации понимания, чтобы разные активности, более или менее, адекватно понимали друг друга.

«Понятие» – всегда целостная монада, то есть некая единица, причем, не иерархированная (в отличие от СМД), которая удерживает культурно детерминированные смыслы. То есть определённые европейской культурой. Не произвольные, не случайные смыслы, а те, которые устоялись в культуре.

По Попову, **«понятие»** – это смысловая структура, которая удерживается вместе. Причем, смыслы уже закреплены в культуре, на культурных носителях – в энциклопедиях, в учебниках, во всяких разных других культурных текстах и на других носителях.

Обратите внимание, в СМД-методологии **«смысл»** играет второстепенную роль. Когда ГП говорили, что человеческий материал будет сопротивляться твоей деятельности, которую ты собираешься организовывать, он говорил: «Да, пока будет сопротивляться. Пока! Пока я не стал сильнее. Потом сопротивление будет преодолено». Потому что в деятельности нет людей, там должна быть правильно устроена «позиция деятельности». А человеческая активность туда втягивается и используется деятельностью. **Людей с их безобразными желаниями, требованиями и капризами не должно быть в деятельности.**

Деятельность и социальная жизнь людей в СМД-подходе всегда разведены. И в развитых странах – тоже. Например, в Англии есть Гайдпарк: там выпендривайся, как хочешь. Есть пабы – пожалуйста, выпендривайся, есть публичные дома – там выпендривайся. Но пришёл на работу – забудь про свою личность: ты – не личность, ты рабочая сила. И деятельность должна вот эти «рабочие силы» правильным образом организовывать. Если она сопротивляется... он говорил: «Пока. Пока я ещё не придумал способа, но в некоторых местах уже придумал».

А у Попова, просто, прямо обратная ориентация. Попов ориентирован на то, чтобы разные активности, которые что-то действительно делают, и общественный хаос, который существует вокруг, не мешали друг другу... Если ты хочешь повлиять, ты должен влиять за счёт понимания, чтобы тебя понимали, что ты делаешь.

И это заслуживает внимания и понимания тоже. Если у ГП **«понятие»** – это правильно построенная цепочка, причём – **иерархированная цепочка процедур и операций** (мыслительных и действительных), то у Попова – это такая **«смысловая единица»**, которая может быть более сложно или менее сложно устроена, но это всегда – «структура смыслов». А эти смыслы насажены на «каркас». И этот «каркас» задаётся какой-нибудь категориальной схемой, за счёт которой эти смыслы не улетучиваются, а удерживаются.

Вот, как новогоднюю ёлку наряжаешь игрушками: ёлка – это такой «категориальный каркас», а «игрушки» – это те смыслы, которые удерживаются на этом каркасе. Это, конечно, метафора и образ, но чтобы понимать отличия: у ГП это разные операции (мыслительные или деятельностьные), а у Попова это другое: «понятие» должно различать смысловой материал и натуральный – в действии.

Про один из примеров устройства понятия вы можете более подробно прочитать в зелёной книжке (рис. 6.10). Там мы это подробно обсуждали – устройство понятия «государство» в так называемой «демократической рамке». Государства разные

бывают – и в демократической рамке существующие, и в других рамках. Там (на рисунке) – схематизировано понятие «демократическое государство».

Вот, обратите внимание: никакой иерархии здесь нет в принципе. В т.ч. и того, что у нас считается само собой разумеющимся, когда наш президент, всем подряд указы раздаёт и снимает с должности. Этого в демократическом государстве не должно быть... Если начинать разбираться, как к такому устройству государства пришли... Здесь, просто, нет времени. Это нужно специально смотреть, как оно выводилось в истории, эволюционировало, и почему к этому всё пришло? А на рисунке зафиксирована даже уже не самая последняя стадия этой эволюции. На Западе уже следующий шаг развёрнут, когда работают уже не три этих ветви власти, как в своё время Макиавелли прописал, а пять или даже шесть.

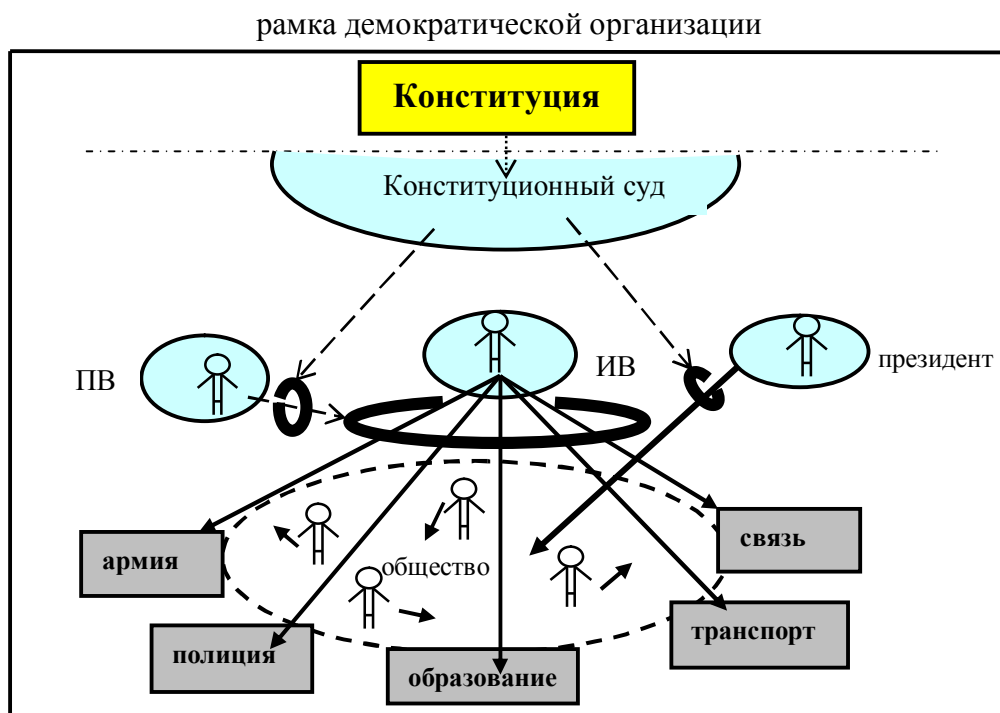

Рис. 6.10. Структура понятия «государство»

Почитайте книжку, которая выпущена под фамилией Рифата Шайхутдинова (на самом деле, её писала целая компания, в том числе, Попов и Копылов), я имею в виду «Охоту на власть», где говорится о том, что уже реально действуют и другие инстанции власти. Например, «медицинская власть» и так называемая «четвёртая власть» (СМИ) – давно являются самостоятельными властными инстанциями.

У нас СМИ – сборище холуёв, в чистом виде – только зады умеют подлизывать у начальников. А есть страны, где это – типично властная структура, которая выполняет совершенно определённую властную функцию.

Ну, и здесь (на рис. 6.10) хорошо видно, что здесь нет никакой иерархии. Здесь просто функциональные места с соответствующими функциями, жёстко определёнными. И исполнительная власть не «наезжает» ни на представительскую, ни на пре-

зидентскую. Конституционный суд тоже не всё подряд разбирает, а занимается тоже своими, совершенно определёнными функциями.

Теперь – **особенности понятий** (независимо от того, будем ли рассматривать СМД-методологию или «поповскую» методологическую ориентацию).

Во-первых, понятие всегда ориентировано на будущее. То есть нельзя представлять себе так, что нарисовал картинку – это и есть понятие. Поскольку любое понятие указывает на какой-то идеал и всегда в определённой рамке берётся, задающей кинетику, то задав понятие, мы определяем, к чему нужно стремиться. Идеальность никогда не бывает нашей реальностью, а реальность, в свою очередь, не идеальна. И если ты построил идеал, то всегда есть к чему двигаться.

Второй очень важный момент и особенность понятий – **понятия всегда задают феноменологичность действий.** Здесь нужно различать – «феноменологичность» и «феноменальность». «Феноменальность» – это «что́ видит человек». Увидел башни-близнецы в Малайзии – феномен! Да? И это – феноменальность видения: ты видишь нечто такое, чего нигде в других местах не видел.

А «феноменологичность» – это «как ты видишь»? Не «что», а «как», «за счёт чего»? Когда человек что-то понимает или не понимает, всегда перед ним что-то стоит, он что-то видит. Начни обсуждать с любым человеком «государство», «демократию», «справедливость» – более или менее сложные понятия. Даже «жильё». Почитайте эти тексты (обсуждение понятия «жильё» в зелёной книжке). Они очень показательны, в этом смысле. Мы довольно долго обсуждали, чем отличается «жильё» от «жилища», и просто, в явном виде было заметно, что у разных участников обсуждения разное видение. То есть все они по-разному говорят про то, что стоит перед глазами, и что у них называется «жильём» или «жилищем».

Понимание всегда связано с феноменологичностью. То есть сознание так устроено, что оно всегда перед собой что-то интендирует, выбрасывает, **предметизирует** («**пред** собой метит»). И мы это называем какими-то словами, это стоит перед глазами у человека. Он берёт и описывает то, что ты у него начинаешь спрашивать – он нам описывает (или вам будет описывать) то, что *стоит* у него перед глазами.

И, смотрите, если такая феноменологичность отсутствует, это значит, что понятия у человека нет. То есть, если его спрашиваешь, что такое «суржик» – раз, и нет феноменальности. Всё! Следовательно, понятия нет.

Из зала – Оно, что, не существующее, вообще?

ЮБ – Оно, может быть, и существующее в каком-нибудь языке, но если у вас нет соответствующей феноменальности за этим словом, то есть вы не видите, о чём идёт речь – у вас и понятия нет. То есть понятие задаёт вот это видение, тем самым, говоря о том, что у вас понятие укоренено, или оно реалистично. «Реалистичным» у человека является то понятие, которое задаёт ему видение.

К примеру, сколько ни объясняй, что финансы на Западе – это не то же самое, что финансы у нас – бесполезно! Это понятие сформировано. Человек видит: «министр финансов распределяет деньги, вот это и есть финансовая работа» – всё! Больше никакой феноменальности нет. В лучшем случае, какие-то знания есть: «А-а-а!

Есть там какие-то акции, облигации, ещё чем-то торгуют где-то...» Но это всё – не на уровне феноменальности. Это – не стоит перед глазами.

А на Западе всё наоборот, всё – с точностью до наоборот. Начинаешь спрашивать «что такое финансы?» – он тебе будет толковать про биржу, про ценные бумаги, про фондовый рынок... И ни про какие «распределения денег». Там это относится к «денежному администрированию», а не к финансовой деятельности.

Вот, если понятие построено, считай, что наполовину проект будущих изменений уже есть. То есть понятие, мало того, что задаёт идеальность будущего, к чему имеет смысл стремиться, но и указывает, **как** к нему двигаться...

Вот, классный пример. Что такое «свободное время»? Кто мне может сказать?

Из зала – Время, когда нечем заняться.

Из зала – Нет, это не то время.

ЮБ – Это пустое время.

Из зала – Время, свободное от работы.

ЮБ – Вот, это – одно из возможных пониманий «свободного времени», когда перед вами стоит представление, что человек предназначен для работы. Если он работает, тем самым проявляет своё «человеческое». А «свободное время» – это когда он этого не проявляет, например, лежит на пляже, пузо греет. Это так «свободное время» понималось у нас при социализме. Даже песня такая, «воспитательная» была: «Человек – это тот, кто трудится, на работу с рассветом встаёт...»

А вот, Маркс (если вы почитаете его ранние рукописи 1844 года) задолго до выпуска «Капитала», написал: «Производство потребляет сущностные силы человека и уничтожает человеческое. А свободное время – это когда человек занимается искусством, политикой, наукой, и когда он развивается как человек» (цитата по памяти). И всё переворачивается! Он говорит, что чем больше свободного времени у общества и у людей, тем общество богаче.

А в Советском Союзе было всё наоборот. Просто, с точностью до наоборот. То есть, если вот так на свободное время посмотреть, когда человек свободен?... Вот вы сейчас заняты или вы свободны? У вас сейчас свободное время или у вас занятое время?

Из зала – Свободное.

Из зала – Время развития.

ЮБ – Тот, кто сюда пришёл за развитием, для такого человека время наших занятий – время свободное. Он занимается саморазвитием и это не уничтожает человечность, а наоборот, её поднимает на новый уровень.

Но как только ты задаёшь такой принцип свободного времени, тем самым возникает проблема... Ведь в реальности этого нет. Возникает растяжка, и есть к чему стремиться, есть то, что следует менять в реальности, чтобы к этому хотя бы приблизиться. Хотя в идеале никогда не достигнешь этого.

Поэтому, как только задал идеальный принцип и на этом построил определённое понятие – у тебя возникает растяжка. И уже наполовину готов проект будущих

изменений. Дальше только нужно это дело определённым образом оформить, посчитать шаги и условия, которые позволят к этому приблизиться.

Из зала – Так и в научной работе можно?

ЮБ – И в научной – точно так же, да.

Из зала – Задаёшь понятие?...

ЮБ – Да, задаёшь некий принцип, который сейчас не работает, и ищешь путь к нему...

Вот, если сейчас нечто существует, понятие не нужно. Не нужно, и всё! Понятие нужно для того, чтобы нечто изменять. Это же деятельностная ориентация. Нужно изменить то, что сейчас не устраивает. А есть многое, что не устраивает. Ты задаёшь идеальный принцип, и у тебя возникает вот эта растяжка в будущее. А поскольку понятие задает кинетику движения к этому, благодаря понятию появляется возможность двигаться...

Построение понятий в СМД-методологии предполагает умение, *во-первых*, двигаться в логике категориальной схематизации. Я ещё раз повторяю, это мы будем специально рассматривать. Я думаю, что будем долго обсуждать и как-то тренироваться. **Если не понимаешь, что такое категория, не понимаешь, как категория одна на другую указывает и как по этим шагам двигаться, СМД-ные понятия построить нельзя.** Невозможно! Если построишь, то случайное какое-нибудь.

И *второе*: **в СМД-методологии понятия строятся из конструкторов**, как детская игра Лего. Есть набор конструкторов, он достаточно ограничен. А там дальше возникает вопрос: из этого конструктора можно, конечно, сконструировать что-то такое, невероятное. Но как говорит Зинченко: «Иногда даже очень красиво получается, но где бы найти рефлексию, которая позволила бы «подмять» реальность под эту мыслительную конструкцию».

В СМД-методологии понятие строится в мышлении и привносится в сознание. В сознании (если человек оперирует только сознанием, неважно, насколько хорошо владеет своим сознанием) понятие построить нельзя... Допустим, квалифицированные философы своим сознанием очень хорошо могут владеть. Но понятия они, как правило, не строят. В лучшем случае, они их изъясняют, прочищают, выстраивают в ряды, трактуют. Но философ не занимается конструктивной работой.

Понятие строится в мышлении, а это – не сознание. Сознание является материалом для мышления, не более того.

А методологическая ориентация Попова предполагает совершенно другую технику построения понятий. Он выделяет **три очень важных момента.** Их, наверное, больше, но эти три он считает важными, в первую очередь.

Во-первых, **нужно уметь работать с материей языка.** Чего совсем не требует СМД-методология. Что имеется в виду? Нужно чувствовать, как слова говорят. Нужно чувствовать, какие тонкости и смыслы, нюансы несут те или иные слова, вообще, вся эта языковая материя. Тот, кто язык тонко не чувствует, так скажем, не сможет строить понятия в том смысле, в котором Попов имеет в виду.

Второе. Так же, как и в СМД-методологии, **категориальная схематизация и здесь является каркасом.** Это у них общее.

И *третий* очень важный момент. Если ГП говорил, что «если кто-то не согласен с какой-то мыследеятельностной трактовкой, то это только «пока»; я через некоторое время стану сильнее и найду способ, как это несогласие устранить», то для Попова **чрезвычайно важно организовывать понимание участвующих людей.** То есть не просто взял, нарисовал картинку, сказал, что сначала действуешь так, потом так, потом так, получишь вот такой результат. За счёт таких действий понятия (в том смысле, в котором их трактует Попов) не передаются и не схватываются недеятельными людьми. Он считает, что, если ты вводишь какие-то понятия или хочешь ввести их людям, то нужно чувствовать, какая феноменальность есть у твоего собеседника. Для этого обязательно нужно начать разговаривать с людьми. И, если он тебе начинает возражать, ты должен отрефлексировать его феноменальность и либо примерами, либо какими-то шоковыми средствами (есть всякие техники на этот счёт) нужно «расчистить» старую феноменальность. Как, например, делал я, когда мы жильё обсуждали (некоторые, наверное, помнят, да?). Почитайте зелёную книжку с этой точки зрения: может быть, по-другому взглянете на это дело. Я старался старое очистить – старую феноменологию и *видение* людей. Например, у Алексея Гриднева настолько кондовая была позиция, что донести до него что-то иное было совершенно невозможно...

А потом на расчищенное место вставлять в сознание уже новое *видение*, чтобы он начал по-новому видеть нечто. Только тогда понятие человеком схватывается. В противном случае, слова можно заучить, но толку будет мало. Если старая феноменология у человека не расчищена, особенно если она бредовая, то возникают такие методологические уроды, в прямом смысле слова. То есть тараторят слова правильные, а за ними ничего нет.

Из зала – Таких много?

ЮБ – Да. Очень.

Из зала – Интересный случай был у меня. Студент слово «овеществленное» постоянно заменяют на «общественное». И объяснить ему, что этого ни в каких правилах нет, было никак невозможно.

ЮБ – А потому что феноменальность не была расчищена. Но на уроках времени на это обычно нет. Для этого нужно медленно и последовательно обсуждать. И, как говорит Попов, не менторским голосом внушать: «Это – так, а это – так». Нужно просто начать по-человечески разговаривать. Причём, так, чтобы не монолог был. Чтобы самому понимать, что он видит, чего он не видит, что воспринимает, чего не воспринимает.

Из зала – А где Попов это говорил?

ЮБ – Это были игры 1989 года. Там была целая серия игр, которые он здесь проводил: на турбазе «Голубые ели» под Шелеховым на тему «Концепция развития города Иркутска», в Байкальске на перепрофилирование БЦБК, в Еланцах (Ольхон-

ский район) на регионализацию. В общем, в одном из этих текстов можно посмотреть, по-моему, в стенограммах игры в Байкальске (на сайте эти тексты есть).

Если СМД-ное понятие строится в мышлении, то «поповские» понятия строятся на стыке трёх пространств (рис. 6.11).

На этом они и разошлись с ГП. Из-за чего некоторые считают, что Попов «убил» Георгия Петровича. Попов ему показал, что ГП-шные «понятия» не являются понятиями в собственном смысле слова. Они являются мыслительными конструкциями. И как любые мыслительные конструкции, они не доходят до сознания большинства людей. Они ни к понятиям, ни к пониманию вообще отношения не имеют. И показал это не просто на словах, а с подведением логических оснований.

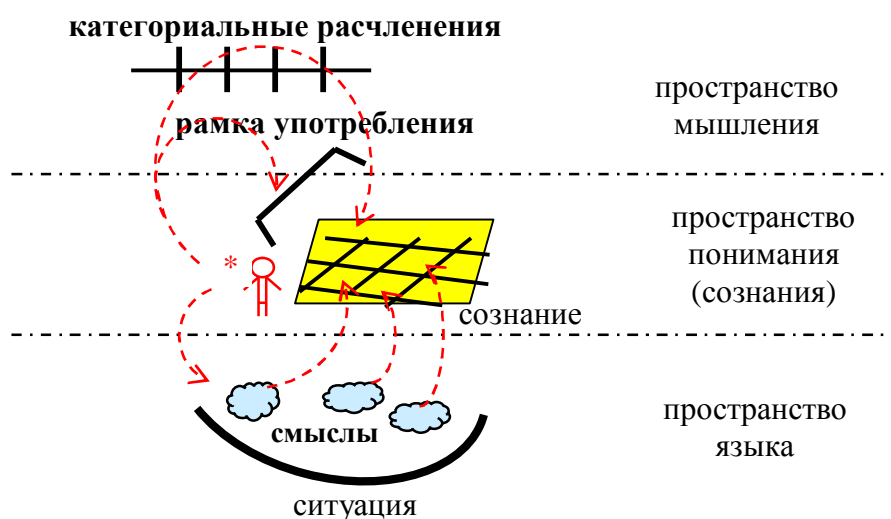

Рис. 6.11. Пространства построения понятий (по Попову)

По Попову, понятия строятся на стыке трёх пространств: мышления, сознания и языка. На рис. 6.11 показан принцип построения понятий по Попову. Здесь три разных пространства: среднее – пространство человеческого сознания (на всех моих картинках – жёлтенькая «дощечка»); внизу – пространство ситуаций, которые порождают смыслы, и за счёт языка через коммуникацию, через обсуждение нужно уметь эти смыслы втянуть в сознание; а вверху – пространство мышления, и нужно за счёт рефлексивного понимания из мышления вытащить соответствующие мыслительные конструкции – категориальные расчленения и рамки употребления.

Категории мы ещё будем обсуждать на следующей лекции, поэтому пока коротко. Я уже несколько раз говорил – в переводе с греческого «категория» это «приговор». Как судебный приговор. То есть это то, что отделяет одни объекты от других, и действия с одними объектами и с другими. Так же, как с преступником обращаются одним образом, с оправданным – другим образом обращаются. Так и всякие категории – они разделяют объекты и способы обращения с ними.

Вот, эти вот «категориальные расчленения», как такие «строительные леса», задают «сетки», в которые смыслы и попадают. И за счёт этого мы одни смыслы от-

личаем от других смыслов. Они не слипаются, как капли: когда сливаешь капли воды – они раз, и в одну сливаются. А здесь они расчленены по разным ячейкам.

А, с другой стороны, «рамки употребления», это я тоже много раз говорил. Это то, что задаёт деятельностный контекст, который, опять же, привносится из мышления и задаёт «леса» и «подпорки» для смыслов.

И когда это всё на сознании схлопывается – человек начинает видеть, осмысленно говорить и понимать. Если это не схлопнуто, или хотя бы чего-то нет, то возникают понятийные уроды. Это то, что Юля говорит – слова триндычат, а толку и смысла никакого нет.

Ну, и в заключение – **про способы передачи понятий.**

Очень важная и даже принципиальная вещь: **собственных объективированных или предметных форм существования у понятий нет.** И быть не может. Просто, вообще! То есть, как только мы чего-то рисуем, неважно что – схему, формулу, букву, текст или ещё что-то – вся понятийность уничтожается. Мы из своего сознания что-то выносим вовне, омертвляем, но зато объективируем. То есть, выносим вовне нашей субъективности. А причина в том, что **все понятийные вещи в сознании человека находятся.** Там, где смыслы. Смыслы, разделённые разными структурами расчленения и употребления. Поэтому **понятия передаются суррогатными способами** («суррогатными», значит, несобственными, заимствованными). Их несколько.

Во-первых, за счёт пространного рассуждения (это типичный приём философов). Ну, и не только философов. Например, Попов в этом отношении тоже просто классически работает. Если ему нужно ввести понятие, он затевает длинный-длинный, долгий-долгий разговор и дискурсивное рассуждение. Это делается для того, чтобы в сознании у слушающих и понимающих сформировались именно структуры смыслов. Хотя бы немного задержались в сознании. Хотя бы временно.

Так можно понятия передать, но они имеют свойство быстро улетучиваться, если только за счёт этого приёма их пытаться передавать. Например, у нас сейчас семинар закончится, и если вас через месяц спросить: «что мы обсуждали тогда, месяц назад?» – вы вспомните, в лучшем случае, отдельные обрывки, какие-нибудь «реперы», которые у вас там, в сознании, зацепились. А, вообще, вся эта смысловая, контекстуальная подоплёка – раз, и испаряется.

Второй способ позволяет на более долговременный срок удерживать понятия. **Понятия можно передавать за счёт схематизации смысловой структуры.** Например, взять и нарисовать картинку, как на рис. 6.10, где – про понятие «государство»... И начать долго обсуждать, как должно быть демократическое государство устроено. *С одной стороны*, сформируются смыслы. А, *с другой стороны*, это будет, как ёлочный каркас, на который, если вы потом, даже через какое-то время, посмотрите, то могут восстановиться смыслы и вся эта понятийная подоплёка.

Но вы должны понимать, что когда рисуется **подобная схема – это не понятие.** Это то, что я здесь чуть раньше называл «строительными лесами» понятия. То, что здесь (на рис. 6.11) нарисовано в виде решётки – это как раз то, что схематизирует, задаёт каркас и разного рода расчленения.

Третий способ: понятие может быть передано за счёт **построения типологических таблиц**, когда строят такую пустографку, и существенные понятийные моменты на ней фиксируют. Вот, Юлия Федоровна, когда писала свою диссертацию про инвестиционные системы, она такие типологические матрицы строила. Здесь одни параметры, здесь другие, а здесь, соответственно, **типы**: «развивающие инвестиции», «не развивающие...», разные. **«Условные обобщения»**, как называет типы Пётр.

Таким способом тоже можно частично передать понятия. Но здесь задаётся не столько сам понятийный организм, сколько – разложение понятия на разные его типы. Например, как Макс Вебер выделял три типа государства: «демократическое государство», «деспотическое государство», «харизматическое государство» – это просто разные типы одного понятия «государство». Они по-разному устроены, хотя, вроде, понятие одно и то же, но раскладывается на разные типы.

И, наконец, *четвертый* – это, так называемая, **«эnumерация существенных моментов»**. «Энумерация» – это такой, красивый, термин, который ввёл Декарт, а попросту – «перечисление». Перечисление в виде условных точек-реперов. Говоришь, что у понятия и такой момент важен, и такой момент важен, и такой...

Вот, как я чуть раньше задавал существенные моменты понятия «ситуация». Это я, фактически, пытался передать понятие ситуации за счёт перечисления существенных моментов. Их может быть 5, может быть 10. Если вы посмотрите в зелёной книжке, как мы строили понятие «жильё», там целый «кристалл» таких существенных моментов мы сформировали... Их можно нарисовать и будет своеобразный «кристалл» понятия. То есть это – не просто формулировка. Этот способ говорит, что на жильё можно и с этой стороны посмотреть, и с этой, и с той, и так далее.

«Кристалл» – это, конечно, метафора. Никакого «кристалла понятия», конечно, нет. Но зафиксировать и удерживать понятийную конструкцию можно, в том числе, и за счёт этого.

Но, в любом случае, все эти способы, все четыре, которые я здесь назвал – они частичны. Частичны, потому что это – несобственные способы фиксации понятия, поскольку у понятия собственной формы, попросту, нет. **Если форму понятию придашь – оно превратится в какое-то знание**, в знаниевую конструкцию. Или в какую-нибудь символическую конструкцию или ещё во что-то. **А понятие, при этом, «испарится»**.

В любом случае, совершенно принципиальным, особенно для тех, кто пишет диссертации, является тезис: **формулировкой определения (какой угодно!) понятие не передаётся и понимание не организуется**. Когда вы любую формулировку делаете, это вы уходите в сторону от понятия и попадаете в совершенно другое место, где понятия не живут.

Вот всё, что я хотел сказать по данной теме. Во, всяком случае, то, что мне удалось за это время наметить, поскольку времени было мало. Но это всего лишь лекция. И я вам уже тысячу раз говорил – это всё у вас в одно ухо влетело, а из другого вылетело. Для того, чтобы это начать осваивать, а тем более – с этим работать, нужны тренировки. Нужны тренировки на понимание, нужны тренировки на построение поня-

тий, нужны другие тренировки. Но я вам не могу сейчас давать задания на построение понятий, поскольку самое принципиальное в понятии, этот «категориальный каркас» или то, что называется «категориальной схематизацией». А это мы с вами ещё не обсуждали. Без этого никаких понятий быть не может. То есть, если «каркаса» нет, вы какие-то смыслы будете обсуждать, но они будут аморфными, удерживать и объективировать их будет нечем. А поэтому, наверное, мы сначала ещё один заход сделаем на лекцию – именно по категориальному анализу.

Из зала – Может, мы сами что-то попробуем?...

ЮБ – Нет, никто же вам этого не запрещает. Пожалуйста...

Из зала – В следующий четверг встречаемся?

ЮБ – Да, конечно. Всё! Всем спасибо.

7. КАТЕГОРИИ – ИСХОДНЫЕ ФОРМЫ МЫСЛИ

ЮБ – Сегодня 27 января. Седьмая лекция, и тема сегодняшней лекции «Категории – исходные формы мысли». Мы сегодня должны поговорить про категории, без которых говорить про мышление вообще бессмысленно.

Мы, скорее всего, после этой лекции какое-нибудь практическое занятие устроим на эту тему. А сегодня я должен сделать довольно обстоятельный обзор того, что в истории понималось под «категориями»? Какие они бывают? Как с ними работали разные мыслители? Вообще, я надеюсь, что тема будет тяжёлая. И если у вас после этого голова заболит, то это хорошо. Если не заболит, значит, я зря время тратил, и вы тоже. По идее, это вам должно быть поперёк ваших извилин. Это у меня есть такой тест: если что-то новое читаешь или слушаешь, и голова не заболела, значит, либо сам не слушал, либо докладчик проскочил мимо.

Вообще-то, говорить про категории для нормальных людей (я имею в виду обычных людей) – это редкое явление. Обычно про них не говорят, их просто используют там, где нужно и, соответственно, по существу. Я начну, как всегда, издали, с этимологии слова. То есть, откуда произошло? И что изначально под этим словом подразумевалось?

«Категория» – это слово, как известно, греческое. Оно происходит от греческого **κατηγορέω** («категорее»). Это у них означало **«обвинение», или «приговор»**. Причём, «приговор», если говорить на современном языке, не в том смысле, что «приговаривать какие-то словечки», а в том, как это юристы воспринимают, то есть «приговор суда».

Само слово распадается на две части. «Kata» – это «вплоть до». То есть это термин, который говорит о доведении чего-то до предела. А «agora» – это название известной площади в Афинах, ну, и потом – во всех других греческих городах, где собиралось народное собрание, где обсуждали разные вещи и где выносили приговоры. А **κατηγορέω** – это, соответственно, «выступить с обвинительной речью».

По смыслу подразумевалось, что **«категория» – это то, на основании чего с разным обращаются по-разному**: изначально, с преступником – одним образом, а с невинным или оправданным – совершенно другим. Приставка «kata» означает доведение до предельной, самой последней, черты этого различия.

В философию этот термин ввёл Аристотель. До Аристотеля тоже много философов было, но они самим словом «категория» не пользовались. Не пользовался этим термином ни Сократ, ни Платон, хотя более поздние исследователи потом отрефлектировали, что и у них мышление было категориальным и определённым образом устроенным. А **Аристотель под этим словом стал понимать самые высшие или наиболее общие понятия**. Он не говорил слово «логические», это тоже более позднее приписывание ему этого дела. Высшие, наиболее общие понятия, под которые подводится всё остальное.

И, опять же, Аристотелю принадлежит: **он «категориями»** называл то, что впоследствии в логику вошло, и до сих пор это используется, он их назвал **«предика-**

тами. «Предикат», если кто не знает, это антипод «субъекта». Это то, что говорится («сказывается») про субъект, про вещи. Опять же, «субъект» надо понимать не в современном смысле, это – не люди, а в том смысле, как это в древности понимали. Соответственно, «суб-иект» – «под-лежащее», то есть «лежащее под чем-то». И «предикат» – это нечто говоримое об этом «под-лежащем».

Или мы в первых классах изучали русский язык, и там выделялись «подлежащее» и «сказуемое». Так вот, «предикат» – это сказуемое, то, что говорится об этом подлежащем, или о субъекте.

В современных словарях «категории» трактуются трояким образом. В разных изданиях, в разных энциклопедиях можно найти три разных захода на определение того, что следует понимать под «категориями».

Во-первых, вслед за Аристотелем, это наиболее – общие понятия. При этом вы должны вникнуть в первые два слова «наиболее общие» – это означает довольно серьёзную вещь. Это означает, что если понятие – наиболее общее, то оно ни через что другое изъясняться не может. Оно изъясняется только через самое себя.

К примеру, в учебниках пишут: «финансы – экономическая категория». Но если начинаешь про финансы спрашивать, что это такое, то про финансы начинают говорить, используя какие-то другие понятия и другие вещи. То же самое про цены, про деньги и про всё остальное.

Так вот, **если можно что-то изъяснить через другое, это категориями быть не может.** То есть категории вводятся либо тавтологическим удвоением, либо через использование соответствующих антиподов. Например, что такое «деятельность»? «Деятельность» – это деятельность. И никак по-другому это сказать нельзя. Что такое «качество»? «Качество» – это качество. И тоже никак по-другому сказать нельзя. «Сущность» – это сущность.

Про вещи можно говорить разное. А категории – это самый последний упор, с помощью которого можно о чём-то говорить. «Качество», «количество», «сущность» и так далее. Помимо тавтологического удвоения для изъяснения категорий очень широко используются категориальные оппозиции, или антиподы. «Качество» – это не «количество». Вот всё, что не «количество» – это «качество». «Деятельность» – это не «мышление». И так далее. То есть категории могут изъясняться через антиподы, через противоположное.

Но ещё раз повторяю, «наиболее общие понятия» – это означает, что эти понятия уже ни под что другое подвести нельзя.

Второе определение, которое тоже можно встретить в словарях: **«категории» – это условия возможности мышления.** То есть «категории» – это не инструменты. Разные инструменты можно использовать: понятия можно применять как инструменты, разные другие вещи. А вот **категории – это не инструменты. Это некие условия.** Исходные условия, с которых начинается (может начаться) мышление. То есть некая такая предельная вещь, от которой мысль «отталкивается», так скажем.

Если, опять же, метафорами говорить, то это «упор», от которого, допустим, прыгун в длину отталкивается и дальше летит.

И *третье*: «**категории**» – это **предельные типы предикатов**. Разное сказываемое можно сказывать про разные вещи. Это я уже чуть-чуть выше упоминал. А Аристотель искал самые последние сказуемые о разных вещах. И это он назвал, соответственно, «предикатами».

Если так условно нарисовать вещь, то про нее можно сказывать разное – первое сказуемое, второе, третье. Относительно сказуемых тоже можно что-то сказывать, это сказуемые другого уровня. Относительно этих тоже можно сказывать что-то разное. А «**категории**» – это когда находишься в последних, предельных сказуемых. Тогда – это «**категории**».

Из зала – Сильно абстрактно.

ЮБ – Ну, это, вообще, абстрактно. Тут, в принципе, конкретики очень мало. И слово «тип» здесь тоже очень важно, потому что «**типы**» **никогда не пересекаются друг с другом**. И «**категории**» трактуются как типы предикатов в этом же самом смысле. То есть они рядом положены, и они самостоятельны, друг от друга не зависят и не пересекаются. «Количество» с «качеством» никогда не пересекаются. «Сущность» с «явлением» тоже никогда не пересекается. И так далее. Все те категории, про которые я ещё буду говорить ниже, они, в общем, вот такого сорта – самостоятельны по отношению друг к другу.

Из зала – Можно вопрос?

ЮБ – Да.

Из зала – А разве такое возможно, чтобы одна вещь изъяснялась различными типами?

ЮБ – Конечно, конечно. Про это я тоже буду ещё говорить.

Есть **много распространённых заблуждений по поводу категорий**. В наших диссертациях это, вообще, общее место. Если не на каждой странице, то в каждом первом параграфе первой главы это можно встретить, в обязательном порядке.

Первое заблуждение – это то, что **категории подразумевают как синоним понятий**. Во всех наших убогих учебниках это – сплошь и рядом. Это и категория «финансы», и категория «цена», и категория «деньги»... Хотя все эти понятия, в принципе, не могут относиться к предельным вещам, поскольку их всегда можно подвести под что-то другое. И, следовательно, это – не предельные вещи и категориями быть не могут. А «**категории**» – это самые общие, самые абстрактные и самые тощие понятия, в которых объём содержания самый маленький, предельно маленький.

Второе заблуждение – когда называют «**категориями**» **разного рода рубрики и классификации**. Подобные примеры очень широко присутствуют в нашей бытовой жизни. И «яйцо первой категории», и «врач высшей категории», и «водительские права категории “В”», и таких примеров можно привести миллион с хвостиком.

Из зала – Просто, они настолько долго и настолько давно применяются, что может быть какое-то другое значение одинаково звучащего слова.

ЮБ – То есть, просто, языковая ошибка.

Из зала – Нет, знаете, вот, к примеру, «ключ». Под словом «ключ» подразумеваются совершенно разные вещи. От того, что их называют одинаковым словом, они не перестают быть разными, по сути.

ЮБ – Ключ – это да... Но здесь другое.

Из зала – То же самое.

ЮБ – Нет. Вот, смотрите, «яйца первой категории» при Аристотеле не было. Аристотель ввёл определённые вещи. Всё, что делается после – это уже неграмотное употребление. Просто, неграмотное, и всё. Чаще всего это делают чиновники, которые не слишком обременены какими-то знаниями и мышлением. А потом это входит в быт, и дальше мы тиражируем, не задумываясь...

Из зала – Язык же не стоит на месте, язык развивается.

ЮБ – Да, язык развивается, но язык к мышлению не имеет отношения, я про это тоже буду говорить.

Из зала – То есть это, как бы, ошибка?...

ЮБ – Ещё раз повторяю: языковые ошибки. За ними не стоит ничего... Если бы тут были приличные логики, они бы сказали, что за этими языковыми ошибками не стоит денотата. То есть, нет объекта, который бы вот так назывался: «яйцо первой категории». Это языковая ошибка.

Таких языковых ошибок очень много в нашей жизни. Именно по этой причине длительное время языками науки были совершенно определённые языки: не все подряд живые языки, а только **латынь и греческий**. И они были выбраны по одной простой причине – они **были категориальными языками**. Там каждое слово соответствовало определённой категории или определённому объекту, определённой сущности. Именно по этой причине (я очень часто это на лекциях говорю, когда заходит речь о категориях) до сих пор, например, в фармацевтике, где нужно изготавливать лекарства, до сих пор рецепты пишут на латыни. Именно по той причине, чтобы, не дай Бог, под каким-то недавно введённым словом вдруг не стали понимать нечто такое, что потом навредит больному. А в латыни слово жёстко соответствует объекту, или категории. Поэтому латынь называлась «категориальным языком».

Из зала – То есть, чтобы различить разные вещи, возможно, случайно назвали что-то «категориями»?

Из зала – Ну, вот, «яйцо первого сорта», чем хуже? По смыслу – то же самое.

ЮБ – Об этой ситуации дальше будет идти речь.

Из зала – И там тоже языковые ошибки?

ЮБ – Ну, язык, в этом смысле, вещь жуткая. Она, конечно, иногда увлекательная, и люди иногда не могут остановиться в языковых упражнениях – язык так и болтается. Но, я не помню, кто из великих говорил (кажется, **Маркс**), что «**над мышлением всё время, всегда висит проклятие языка**». Всегда! То есть язык, *с одной стороны*, друг мой, а, *с другой стороны*, жуткий враг. И язык не столько выражает суть мысли, сколько, наоборот, её скрывает. Поэтому это – точно языковые ошибки. Это к «категориям» не имеет никакого отношения. Поэтому, когда вот такие вещи

будете видеть где-нибудь, вы, пожалуйста, на это обращайтесь внимание, и пытайтесь различать.

И *третье заблуждение* – когда говорят «категория», а подразумевают «способ организации информации». Вот эта организационная эпоха, которая недавно началась, она тоже здесь привнесла своё безобразие, и появились «категории спорта» в газетах или на информационных мониторах, появились какие-то «подкатегории»... Студенты начинают писать: «категория такая, подкатегория такая». Это, вообще, полная жуть! Никаких «подкатегорий» быть в принципе не может, поскольку это не рубрикация информации.

Чтобы приблизиться к пониманию того, что же всё-таки под «категориями» понимают грамотные в этом отношении люди, можно привести целый **ряд содержательных метафор.**

Метафора – вещь очень хорошая в том смысле, что правильная метафора хорошо смысл передаёт. **Олег Игоревич Генисаретский**, ссылаясь на Пастернака, называл **метафоры скорописью духа, мышлением на больших скоростях.** Ну, а само слово «мета-фора» означает, что «за (словом) просвечивает» нечто. «Фора», «фарос», мета-фара (русское слово «фара» от греческого «Фарос – название острова, где был установлен первый маяк»). Нечто высвечивающееся, как бы, из-за этого слова.

Так вот, несколько метафор, которые с разных сторон высвечивают разные смыслы, облегчающие понимание того, что такое «категория».

Во-первых, классическое, **кантовское**: это – «**априорная форма рассудка**».

Рассудок определённым образом оформлен у всех людей, без исключения. И то, с помощью чего оформляется рассудок, есть категории. То есть рассудок – это не бесформенная какая-то такая «масса» или какой-то «поток сознания». Рассудок всегда как-то структурирован у любого нормального человека. Начиная с детского возраста, он всё больше и больше структурируется. Вот, то, что структурирует рассудок человека, это и есть категории. То есть **категория – это не вещь, на которую можно пальцем указать.** Наоборот, это то, с помощью чего она (вещь) оформляется в рассудке.

Второе – это знаменитое **высказывание Гегеля.** В его «Феноменологии духа» можно это прочесть: **категория – это некая сила, действующая по инерции «из-за спины» сознания человека.**

То есть, вот, представьте себе такую вещь: у вас есть сознание, а «из-за спины» вашего сознания нечто начинает действовать на это сознание. И вот то, что действует – это есть категория.

Из зала – То есть, например, категория «качество», да?

ЮБ – Да-да. Например, когда я вам говорю: «Сколько килограммов в этом красном?»... Вот, сколько килограммов?...

(Пауза).

ЮБ – Молчите... А что вам мешает сказать, что здесь три килограмма?

Из зала – Красный.

ЮБ – Потому что «красный» килограммами не измеряется. И запрещает вам это говорить, вашему языку, вашему сознанию, категория «качество». А категория «количество» не стоит за...

Из зала – Никто не учил, но тем не менее...

ЮБ – Да. Потому что язык оформлен категориально, в любом случае. И мы это чувствуем, когда на этих стыках оказываемся.

Из зала – Категория «количество». Сколько килограммов в километре? – тоже же не скажешь.

ЮБ – Ну, да.

Из зала – Потому что там возникает мера, когда качество...

Из зала – Качество / количество.

ЮБ – ...да, «количество / качество», и возникает определённая «мера». Про это я ещё буду говорить. Меры бывают разные: одни для длины, другие для веса и т.д.

Из зала – Юрий Михайлович, получается, например, понятие качества мы сформировать не можем?

ЮБ – Оно давно сформировано. «Качество» – это понятие, но оно – предельное понятие. Потому что смотрите: качество «красивый», качество «толстый», качество «синий»... Там много разных качеств. А вот, что стоит за «синим», «толстым», «чёрствым»?...

Из зала – Деревянным...

ЮБ – ... «деревянным»... Стоит «качество» как некая предельная вещь. Ну, не вещь, а предельное сказуемое. И вот это предельное – это и есть категория.

Из зала – То есть получается, что сформировать понятие качества, к примеру, мы не можем?

ЮБ – Они давно сформированы, и они доведены до предела, до категориального уровня.

Из зала – Объясните ещё раз.

ЮБ – Я говорил, что категории не объясняются. Это предельное объяснение для другого. Поэтому, что такое «качество»? «Качество» – это качество. Вот, всё, что можно сказать. Или можно сказать: «качество» – это не количество, и «качество» – это не сущность.

Из зала – Ну, вот, есть «система управления качеством»...

ЮБ – Это тоже языковая ошибка. Никакой «системы управления качеством» быть не может.

Из зала – «Качественная вещь» – тоже ошибка?...

Из зала – Там какое-то конкретное качество...

ЮБ – Там, да, на самом деле, управление или собственностью, или движением продукции.

Из зала – Ну, всё-таки: «качественная вещь». И оно в такой форме не только в русском, но и в английском, и во многих языках имеет смысл...

ЮБ – Ну, да, конечно.

Из зала – ...И именно от слова «качество» образовано прилагательное «качественный».

ЮБ – Да. Но смотрите, и по-английски quality – оно и есть quality.

Из зала – Да. Но просто получается, что это – тоже ошибка? Ошибка, которая не в одном языке из-за какого-то непонимания, а просто, во всех...

ЮБ – Нет, Ира, тут дело в другом. Язык без костей. Любой язык меняется очень быстро. Более того, даже мы здесь ошибку допускаем, поскольку мы говорим сейчас не про язык. Мы говорим про живую речь. А «речь» и «язык» – это разные вещи. «Речь» – это вот эта живая деятельность, а «язык» – это правила оформления этой живой речи. «Язык» консервативен, «язык» в культуре оформляется. Есть специальные институты, которые жёстко удерживают вот эту русскую речь в нормах языка.

Из зала – В английской и русской речи эти слова реформировались, и язык реформировался одинаково.

ЮБ – А речь, она – без костей, т.е. без жёстких ограничителей. Её можно и так, и эдак, и на сленге. Вот, когда я был молодой, у нас, у молодых, были одни сленги. Сейчас, если идёшь по коридору, слышишь совершенно другие сленги.

Из зала – За словом «качество» может стоять категория, если правильно... А может стоять другое?...

ЮБ – Да, может. Может стоять, невесть, что. Слово, ещё раз повторяю, это – проклятие мышления.

Из зала – То есть слово может не обращать внимания на то, что стоит за ним?

ЮБ – Да. Вот, я про это всё время вам и напоминаю, что нужно стараться за словами видеть некие серьёзные вещи. Смысл, как раз, видеть не надо, он сам «прилетает».

Из зала – Никто не думает, что это говорится про...

ЮБ – Говорится про то, что это, в общем, хорошая речь. Вот, и всё.

Из зала – ...считается, что есть такой шаблон, по которому все понимают, о чём речь.

ЮБ – Да, все понимают. Но к мышлению это не имеет отношения.

Третье – это ещё сложнее, может быть, для понимания. Это то, что придумал тоже ученик ГП **Юрий Вячеславович Громыко**. Он говорил, что **категория** – это «дырка» в мышлении.

Представьте себе некую субстанцию, которую мы называем «мышлением», а в этой субстанции вот такое – «каналы», или «дырки». Как в сыре. Это и есть категории, по которым мысль может двигаться через эту субстанцию. «Дырки» или «каналы». Разные наборы категорий – это, соответственно, разные наборы «каналов». Как крот пророев в земле... И, соответственно, мысль только по этим каналам и может двигаться.

Мышление существует в разных формациях категорий (я про это позже буду ещё говорить). Мышление живёт исторически разными формациями. В разных формациях оно устроено по-разному, и позволяет разное, и предназначено для разного. Хотя все эти формы называется «категориями».

А теперь метафора, которая принадлежит **Сергею Валентиновичу Попову**. Он это говорил тоже в нескольких местах, чтобы донести, что «**категория**» – это не обозначение какой-то вещи. Представьте себе: мыслитель одевает «мыслительный скафандр» и хочет про что-то помыслить. У него в этом «скафандре» обязательно должны быть определённые «прорези», через которые он (т.е. его мысль) что-то может видеть, а что-то не может видеть. И он специально своё мышление настраивает так, чтобы оно только через эти прорези видело совершенно определённое. Если прорезь называется «качество», то он в вещи будет видеть только качественную сторону. Если «количество», то только количественную сторону, и ничего другого. И эти «прорези» направлены в разные стороны, они не пересекаются. Вот эти «прорези» в скафандре мышления и есть категории.

Пётр Щедровицкий это называет, опять же, по-другому, но тоже, в общем, про то же: «**калитка в мышление**». То есть «вход в мышление». Если ты через эту «калитку» зашёл, то дальше у тебя появляется возможность двигаться в мышлении. Если ты даже не знаешь, в какой стороне эта «калитка» находится в твоём сознании, то туда тебе и не попасть.

А у **Георгия Петровича**, поскольку он был озабочен отработкой целой системы категорий, он это дело представлял как «**систему зеркал**». Ну, все, наверное, бывали в комнате смеха. Вот одно, второе, третье, четвертое, пятое – это «зеркала-категории». И, соответственно, мысль, как лучик света, вот так отражается и зацикливается между «зеркалами-категориями» (рис. 7.1).

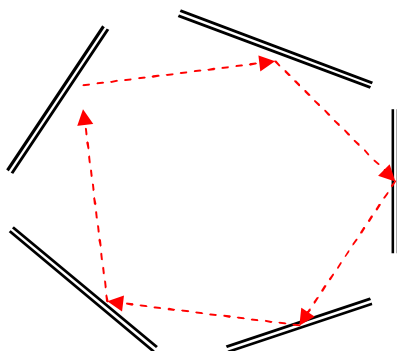

Рис. 7.1. Категории как «система зеркал»

Из зала – То есть мышление закончено, получается?

ЮБ – Да. Всякая система категорий всегда замкнута сама на себя, и она не позволяет мысли выскочить. Чтобы мысль могла выскочить, обязательно нужно проблематизировать какие-то категории. И, соответственно, тогда система, как бы, «раздвигается», и мысль может вырваться за категориальные пределы... Но тогда нужно строить систему других категорий, новых. Я про это тоже буду говорить чуть позже.

И последнее – то, что **Ростислав Борисович Бабич** (это ученик уже Попова; когда-то, лет 20 назад, мы вместе в разных играх участвовали в качестве экспертов). Он недавно на одних, чуть ли не последних, чтениях памяти Георгия Петровича, сказал такую вещь: Обычные люди **категории, как правило, не выбирают. Так случа-**

ется, что на одних нечто «садится» и они могут определённую систему мышления осуществлять. А на других не «садится». И тогда эти люди, так скажем, убогие. Они могут сколько угодно жить, но ничего приличного в жизни сделать не смогут, поскольку всё приличное, что делается в жизни, всё делается за счёт мышления. Даже в музыке, даже в спорте, без разницы, это всё равно. Но «садится» это не на всех. И даже не на большинство.

Категории – чувственно неосязаемы. Чтобы отличать «категории» от «некатегорий», очень важно это понимать. Их можно только подразумевать, или умозрением фиксировать. Именно – умозрением. Есть «физическое зрение», а есть «зрение ума» («умозрение»), оно, в общем, в другую сторону (от физического зрения) направлено.

Например, можно видеть или ощущать вещь, но не стоящую за ней сущность, хотя за каждой вещью всегда есть определённая сущность. Но сущность можно только подразумевать. Допустим, можно видеть корову, а «коровость» как сущностную характеристику увидеть нельзя.

Или можно видеть лист зелёного цвета, но не сам цвет. Цвет мы не видим, мы видим нечто «зелёное», «красное», «фиолетовое». А, вот, сам цвет, то есть качественную характеристику, качество, мы видеть не можем.

Или, например, можно видеть «предметы мебели». Вот, они здесь, в том числе, присутствуют, но саму «мебель» увидеть нельзя, поскольку это «род» для целой совокупности видовых предметов – шкафов, столов, стульев, тумбочек... Но ни «род», ни «вид» увидеть нельзя.

С «количеством» то же самое: можно пересчитать, сколько здесь стоит столов и стульев, но само «количество» увидеть нельзя, невозможно. Оно всегда стоит за тем, что мы будем считать, за теми предметами. И эта категория «количество» позволяет нам осуществлять процедуру счёта. А вот, если мы начнём смотреть в «прорезь», которая называется «качество», то ничего посчитать нельзя. Можно только различить разные качества: «цвет», допустим, от «красоты» или ещё от чего-то, качественно отличного.

Из зала – Детей с первых классов учат делать упражнения про категорию «качество», там есть специальные методики...

ЮБ – Ну, да, их же учат. Это закрепится в их речи, и они потом будут свободно ориентироваться. А изначально дети это не различают.

Теперь про **функции категорий.** Причём, любых категорий.

Во-первых, **категории позволяют осуществлять мышление – это самое главное, самая главная их функция.** Если не умеешь работать с категориями, тем более, путаешь их с какими-то языковыми ошибками, то можешь сколько угодно чего-то думать про себя, но никакого мышления не будет.

Вторая функция, очень важная для понимания того, что такое «категории», и для чего они используются: **с помощью категорий мысль объективируется.** Что значит, «объективируется»? Вот, смотрите, наши мысли (наши и, вообще, каких бы то ни было людей) везде и всегда возникают в сознании. Сознание к бытию, то есть к

тому, что существует, само по себе бытийствует, отношения не имеет. То есть сознание отделено, как бы, некой «мембраной». Это вот то, что субъективно у человека. А «категория» – это такое приспособление, такой механизм, который позволяет то, что у нас сформировалось субъективно, вынести вовне и приписать вне нас существующему. Если бы не было категорий, мы бы про внешний мир ничего не знали, поскольку чувства нас обманывают. Это многие великие говорили – и схоласты, и особенно Декарт говорил, что чувства нас постоянно обманывают. И Кант тоже про это говорил.

«Категории» – это, как раз, вот такие «проводники», с помощью которых мы то, что формируется субъективно, выносим в мир и объявляем «объективно существующим».

Отсюда известный трюк в науке: сначала мы объявляем нечто выдуманное нами «объективно существующим» (например, «природу»), а потом это же и исследуем. Только наивные натуралисты думают, что то, что мы видим – это само по себе и существует. Оно существует только благодаря тому, что у нас есть и в языке, и в сознании, вот та сама категориальная структура (т.е. сознание всегда какими-то категориями оформлено), что она позволяет то, что в сознании сформировано, вынести вовне и объявить существующим без нас.

Третья функция тоже очень важная. У нас будет специальная тема, которая будет называться «Проблематизация». **«Категории» – это такие места в мышлении, которые являются потенциальными проблемами.** С одной стороны, категории всегда – некие узловые моменты в нашей жизни: в том, в чём мы живём, работаем, действуем и так далее. Они фиксируют некие краеугольные моменты. А, с другой стороны, если удаётся «расщепить» ту или иную категорию, то появляется возможность выйти на другой уровень мышления.

Я вам простой пример приведу. Я не буду в это сильно углубляться, об этом будет ещё идти речь, когда будет тема «Проблематизация».

Например, схоласты отработали пару категорий «субъект-объект». Это – такие антиподы, парная категория, тоже предельная. Что такое «субъект»? «Субъект» – это субъект, а «объект» – это объект. Они никогда друг через друга и через что-то другое не выражаются. И всегда считалось, что то, что не «объект», является «субъектом»; и то, что не «субъект», является «объектом». «Об-иект» – это «вне-лежащее», а «суб-иект» – это «под-лежащее». И, соответственно, это никогда не путалось. А потом, в один прекрасный момент, целый ряд мыслителей дошли до того, чтобы понять такую, в общем, странную вещь. *С одной стороны*, мы, вроде бы, «объекты» объявляем существующими сами по себе, вне «субъекта». *А с другой стороны*, выясняется (и я про это тоже много раз уже говорил), что без субъекта никаких объектов тоже не было бы, и объекты появляются благодаря деятельности (мышления) субъекта.

Это – с одной стороны. То есть во всяком объекте есть некая субъективная составляющая. Гора, она, вроде бы, вне нас. Но без нас не было бы никакой горы. Если бы были на земле только мухи, и, кроме мух, никого бы не было, то для них никаких гор не существовало бы.

И наоборот, смотрите, субъект – это не объект. А, с другой стороны, если посмотреть из рефлексивной позиции, то «субъективное» тоже объективно существует. И, следовательно, в субъекте тоже заложено нечто объективное.

И возникает противоречие, или, как говорили греки, апория, когда, вроде бы, с одной стороны, всем было понятно, и всё это было очень жёстко отработано, **«субъективное» и «объективное», парная категория**, так же, как «род» и «вид». **Но оказывается, они, в общем, «запачканы» друг другом.** И, следовательно, с определённой точки зрения, это – не категории.

И это, как раз, место для проблематизации. Оказывается, если ввести категорию «деятельность», то всё встанет на свои места: «объекты» объективно существуют благодаря субъективной деятельности, а «субъект» тоже объективен, потому что он в объективной деятельности живёт и существует. Там эти категории «отодвигаются», и вводится целая система новых, совершенно других категорий...

Из зала – Они перестают быть категориями.

ЮБ – Да, в деятельности они перестают быть категориями. Поэтому Георгий Петрович не уставал говорить, что там, где деятельность, там никаких «субъектов» нет. Там, просто, другое: там «функциональные места», там «позиции» и многое другое. Это не «субъекты», ни в греческом смысле, ни в психологическом смысле.

Я больше про это пока не буду говорить. У нас будет специально большая тема с проблематизацией, с выделением проблем. Но категории как раз являются такими пунктиками, или моментиками, или точками, в которых можно, при определённых усилиях, найти возможность что-то проблематизировать и, соответственно, выйти на другой уровень.

А то, что мы обычно называем «проблемами», это, чаще всего, тоже языковые ошибки. К проблемам они чаще всего никакого отношения не имеют. У нас «проблемы» – любые трудности. Подлинные же проблемы – это когда удаётся нащупать, а потом расщепить некие нерасщепляемые до того категории, которые, к тому же, ещё и не принадлежат отдельным людям, а живут сами по себе в культуре.

Ещё одна, *четвёртая* функция: **категории позволяют «распредмечивать смыслы».** Смыслы в нашем сознании всегда предметны. И если мы хотим что-то менять в жизни, что-то развивать, что-то трансформировать, смыслы нужно уметь распредмечивать, то есть, как бы, «раскладывать на составляющие». Это называется «категориальным анализом». Без категорий, без умения работать с категориями, вообще, здесь ничего не сделаешь. Другими словами, тот, кто не может нечто распредмечивать, тот ничего ни в науке, ни в технике нового не сделает. Он может, там, диссертацию защитить... Это сплошь и рядом происходит, но к делу это не имеет отношения. Это имеет отношение, я уже говорил, к чему: к получению социального статуса.

И обратная процедура – «опредмечивание». Если что-то нащупал и что-то хочешь приличное сделать, например, новую науку. Как, например, сделал в своё время Курнаков. Был такой известный человек в химии, он физическую химию придумал. Прочитал Кассирера, его, там, «заклинило», и он смог целый ряд смыслов, которые в химии витали, но их к науке никак нельзя было прицепить, он смог эти смыслы оп-

редметить, и получилась новая наука. Он теперь классик, он занесён во все энциклопедии и так далее. Он жил в начале XX века.

Ну, и последняя, *пятая* функция, она тоже чрезвычайно важная. Если бы не было категорий, то наше сознание было бы, так скажем...

Из зала – Бесформенным?

ЮБ – ...бесформенным-то ладно. Оно бы болталось из стороны в сторону, как говорил Георгий Петрович, «как орхидея в проруби». И туда-сюда постоянно менялось бы. Удержать этот поток сознания и его изменчивость было бы просто невозможно. То, что мы способны на протяжении всей жизни удерживать совершенно определённую структуру смыслов, совершенно определённым образом смотреть на жизнь, заниматься каким-то делом, почти что неизменным, или если меняющимся, то очень медленно, всё это – благодаря тому, что существуют категории, которые, если опять же метафору использовать, как тискамы, с разных сторон удерживают от этой «разболтанки» наше сознание. И, тем самым, **задают его инерционность, то есть устойчивость, относительную неизменность.** Оно, конечно, меняется в течение жизни. Но, если бы этого не было, всё менялось бы каждый день. То есть вы бы вставали утром, и уже не помнили бы, что было вчера, и не представляли, что будет завтра.

Из зала – Якорь сознания?

ЮБ – В общем, да, это «якорь» в том смысле, что он не даёт сознанию болтаться из стороны в сторону, задаёт инерционность. Это, *с одной стороны*, очень хорошее качество нашего сознания. А, *с другой стороны*, эти «якоря», на самом деле, держат так крепко «за ноги», что если хочешь что-то новое сделать, то нужно очень сильно постараться, чтобы с этих «якорей» сорвать своё сознание. Держат очень основательно! Только из-за того, что «из-за спины» вашего сознания вот это всё у вас зафиксировано и закреплено.

Из зала – Культурой?

ЮБ – Культурой, да. Это называется культурой, правильно, Ира. Уже продвижение есть!

Теперь поговорим про **исторические формации категорий.** В истории хоть и немного было выработано категорий, но они всё равно у разных мыслителей были разные, они разное позволяли делать. Я сейчас попытаюсь изложить, что происходило с категориями в истории. Но не все изгибы. Некоторые я буду вынужден пропустить. Например, я про Декарта ничего не буду говорить, про схоластов, которые тоже много, чего сделали когда-то. Только, как бы, основные вехи.

Всё начинается с Платона, как известно. У Платона выделяют пять категорий: «род-вид», «идея-вещь», «отличие», «постоянство», «изменчивость». Причём, нужно иметь в виду: сам Платон ни про какие категории не говорил. Он так мыслил. По этим «коридорчикам» ходил, так скажем. А эти мыслительные «коридорчики» были из его текстов, из его диалогов потом отрефлексированы учениками – теми, кого называют «платониками». Их довольно много, они до сих пор существуют. Был и неоплатонизм, и постплатонизм. То есть это направление, в общем, так или иначе, до сих пор живёт.

А категорий в его мышлении было очень немного, как вы видите. «Род-вид», «идея-вещь», «отличие» и два основания для этих различий – «постоянство» и «изменчивость». Структура мышления Платона (рис. 7.2), несмотря на то, что он великий, была такая, достаточно примитивная (с современной точки зрения). Возьмите любой том Собрания сочинений Платона, с его диалогами. Если не все, то две трети диалогов построены по следующему принципу. Он отличает род от вида, при этом виды и роды могут быть разные. Он всегда заходит так, что от «родов» и «видов» отличаются «идеи» и «вещи». А сами «идеи» и «вещи» тоже отличаются друг от друга, так же, как «род» от «вида». И, соответственно, эти различия пунктирными стрелками обозначены: «род» от «вида» отличается, и сама эта парная категория различается с другой парой «идея - вещь». Но и внутри этой парной категории (вещь – идея) – тоже отличия. Все эти отличия – на этих двух основаниях построены: «постоянство» либо «изменчивость». «Вещь» всегда изменчива, а «идея» – это нечто неизменное. То же самое с «родом» и «видом».

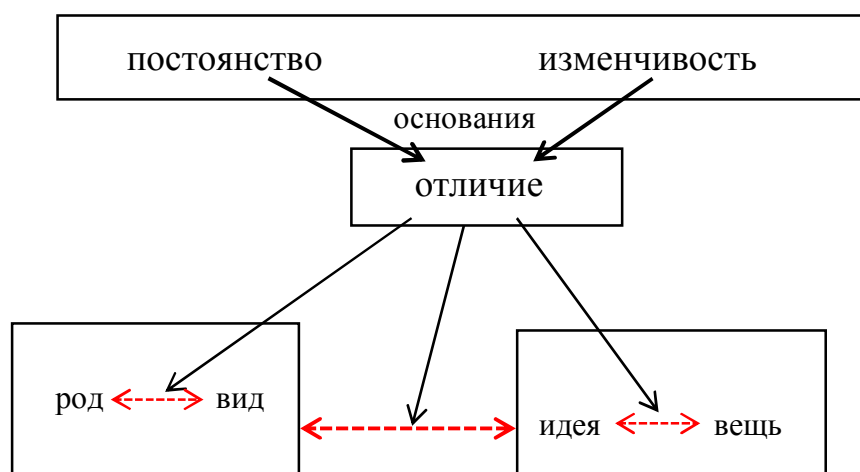

Рис. 7.2. Категориальная структура мышления Платона

Вот такая, простая конструкция, но она в его диалогах рефлексивно просвечивает в достаточно явном виде.

Следующая эпоха – эпоха Аристотеля.

Аристотель, как известно, был учеником Платона. Там у нас в переходе к четвёртому корпусу большую картину повесили, где, якобы, под ручку идут Аристотель с Платоном. Это – явная фантазия. Во-первых, Аристотель был, примерно, в половину моложе Платона, и так, как они там нарисованы, они, вообще, не могли бы...

Из зала – Ну, это Рафаэль написал.

ЮБ – Ну, и что, Рафаэль?

Из зала – Великий.

ЮБ – Красивую картинку нарисовал, но исторически – мало правдоподобную.

Но вернёмся к Аристотелю. Он был учеником Платона, причём, говорят, очень тупым учеником, ничего не понимающим. Он не мог очень многих рассуждений Платона понимать, и всё это привело к тому, что Платон выгнал Аристотеля из своей Академии. Выгнал как самого тупого и бестолкового, который «держит всех за ноги»

и не позволяет двигаться дальше. После этого Аристотель заперся в своём Ликее (теперь говорят «лицее»), и придумал, как правильно нужно разговаривать для того, чтобы отличать истину от не-истины.

Из зала – Логику?

ЮБ – Да. Он построил критику платоновского мышления за счёт нескольких вещей, в том числе, за счёт введения категорий, совершенно других категорий, не таких, как были у Платона, а именно логических категорий. А ввёл он четыре принципиальных момента, которых не было у Платона, не было у Сократа и не было у тех, кто жил до того.

Во-первых, он ввёл представление о речи («логосе» по-гречески) **как о посреднике мысли.** Что это дало мышлению? Это дало то, что он попытался сделать акцент на языковых вещах: как правильно изъяснить? Как логически правильно говорить для того, чтобы можно было за словами увидеть, где истина, а где ложь? При этом он «истину» понимал достаточно просто: если «идея вещи» и «вещь» правильно соединяются в разговоре, то это – истинный разговор. Если они неправильно соединяются (то есть либо идея указывает не на ту вещь, либо вещь подводится не под ту идею), это – не истинный разговор. И для того, чтобы вот это различать, он ввёл в качестве предмета своего рассмотрения саму «речь» (или «логос»).

Во-вторых, «логос» отделил от «метафизики», поскольку нечто в языке, в разговоре, это – одно, а в мышлении это – другое. Речь строится одним способом, а мышление строится другим способом. И мышление всегда в метафизике, по Аристотелю. А изъясняется оно через язык, и это совсем другая плоскость (он тогда ещё не различал «речь» и «язык», то и другое называлось «логос»).

В-третьих, он ввёл категориальную оппозицию «форма-материал». При этом «форма» у Аристотеля – это правила для движения мысли (это метафизическая вещь), а «материал» – это слова языка. То есть мышление движется на материале речи, но речь всегда заполняет какую-то форму, то есть правильно построенную мысль, для того, чтобы было истинно.

И, наконец, *в-четвёртых,* для различения разных вещей он **ввёл целую систему категорий.** У него десять категорий. Правда, некоторые утверждают, что восемь, потому что там несколько категорий такие, что можно заподозрить, что они, на самом деле, не отделены друг от друга как разные типы, а пересекаются, хотя бы частично. Сейчас вы это увидите.

Из зала – Можно вопрос?

ЮБ – Да.

Из зала – Если категории в культуре, то, как он мог, вообще, взять и начать оперировать ими?

ЮБ – Ира, культура – «вещь» искусственная и она делается людьми.

Из зала – Так они жили вместе с Платоном и разговаривали даже.

ЮБ – Он не понимал Платона. И поставил перед собой задачу: построить такой инструментарий, который бы правильно оформлял речь, и который бы позволял в говорении достигать истины. Поскольку, с его точки зрения, эти платоновские болту-

ны не могли даже определения правильно построить, о чём они рассуждали. Поэтому у них, может быть, мышление и было, но говорили они про это неправильно, с точки зрения Аристотеля. Поэтому он их и не понимал. А в культуру это попало после. После того, как Аристотеля уже не стало.

Из зала – То есть Платон пытался донести в этих диалогах, во всяком случае, показывал определённую мысль, но Аристотель считал, что не тем текстом надо мыслить?...

ЮБ – Неправильно строил языковые структуры, поэтому где-то у него получалось, а где-то не получалось. И, соответственно, было много людей, не один же Аристотель, которые не понимали того, что говорили Платон или Сократ. За что, собственно, Сократа и заставили выпить цикуту.

Так, вот, последнее: **он ввёл специальные категории для различения того, что в метафизике существует.** Не в языке, а в метафизике. Этим категориям он поставил в соответствие слова в форме вопросов, так называемые «предикабилии». То есть словесные выражения для категориальных различений.

Чтобы вам за всем этим моим «словоблудием», которое я сейчас произнёс, было, может быть, чуть более понятно, я вот такую картинку нарисовал (рис. 7.3).

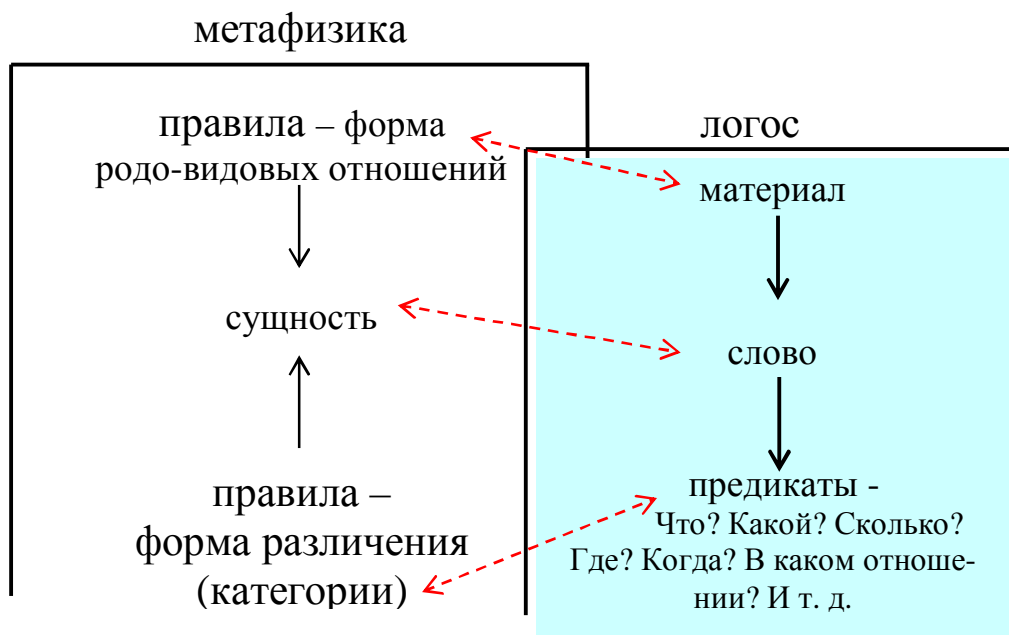

Рис. 7.3. Структура мышления Аристотеля

Это моё «изобретение». Я не знаю, насколько это правильно. Но я себе, во всяком случае, вот так это дело представляю. То есть он отдельно выделил «метафизику», где живут сущностные вещи и разного рода правила и формы, *с одной стороны*, и «логос», или языковые структуры, *с другой*. «Логос» – это материал для мысли. А в «метафизике» – правила или формы этой мысли. И, соответственно, правила двух сортов. *С одной стороны*, правила построения «родо-видовых отношений», где он говорит, что есть «первая сущность», есть «вторая сущность», «третья сущность»; что «первая сущность» – это всегда «вид», а «вторая сущность» может быть «родом», а

тот, в свою очередь, может быть «видом рода», более вышестоящего. В общем, некие правила строит для родовидовых отношений. Это – с одной стороны.

А, с другой стороны, для тех же самых сущностей он строит правила для различения сущностей – то, что он называл «категориями». То есть то, что можно сказать про эти сущности. И он выделил десять таких сказуемых, которые могут говорить про одну и ту же вещь с разных сторон разное.

Из зала – Вот это?

ЮБ – Да-да-да. Предикаты. Вот они, эти аристотелевские категории и соответствующие им предикаты:

- 1) субстанция (предикат природы вещи) или – сущность;
- 2) количество (сколько? Пространственно-числовые характеристики вещи);
- 3) качество (какой? Совпадает с природой или сущностью вещи);
- 4) отношение (то, по отношению к чему? Например, Платон мне друг);
- 5) пространство (где? Расположение вещей друг относительно друга);
- 6) время (когда? Положение вещей относительно последовательности событий);
- 7) состояние (положение частей вещи друг относительно друга);
- 8) действие (произведение изменений в вещи);
- 9) обладание (наличие внешнего обстоятельства, например, одежды);
- 10) претерпевание (принятие изменений от других).

Итак, первая – это «субстанция» или, что то же самое, «сущность». «Субстанция» («сущность») – это то, что существует само по себе, ничем не опосредовано, и ни из чего не вытекает. Это то, что сущее в самом себе.

Из зала – У Платона «сущности» не было?

ЮБ – У Платона не было никакой «сущности». У Платона, если вы помните его категории: «род-вид», «идея-вещь» и т.д... А Аристотель впервые сказал, что за всякой «вещью» стоит «сущность», и её нужно отличать от чего-то другого. Вот, по отношению к этой сущности можно задавать разные вопросы. И эти разные вопросы, фактически, сформировали разные категории. Или, как он называл, «предикабилии». Если спрашиваешь «сколько?», то, соответственно, за этим вопросом стоит категория «количество». Если спрашиваешь «какой?», то это попадает в природу, или сущность вещи, это «качество». Разные сущности обладают разным качеством. Если по отношению к чему-то, например, «Платон мне друг». Или «Такая-то женщина моя жена», или там ещё что-то – это относительные вещи. За ними стоит категория «отношение». Если спрашиваешь «где?» – то попадаешь в расположение вещей друг относительно друга. Здесь, соответственно, работает категория «пространство». Если спрашиваешь «когда?», то есть задаешь вопрос относительно последовательности каких-то событий, то за этим стоит категория «время». Дальше: «состояние» – эта категория указывает на положение частей вещи друг относительно друга. И, наконец, ещё три: «действие», «обладание» и «претерпевание». Последнее – когда принятие изменений от других, он это имел в виду.

Здесь 10 категорий. Некоторые исследователи, правда, утверждают, что, например, седьмая и пятая категории пересекаются. Они не могут быть независимыми типами предикатов, или сказуемых. Там и там – друг относительно друга.

Из зала – То есть современным языком говоря, структуры?...

ЮБ – Сейчас уже не спросишь, что он имел в виду? Но думаю, что категория «структура» уже из другой категориальной формации, не аристотелевской.

Или, например, «качество» и «сущность» здесь тоже частично отождествляется. Если «качество» совпадает с «природой» или «сущностью», то зачем его выделять отдельно?

Я опять вернусь к рис. 7.3, к структуре мышления Аристотеля. Он выделил эти предикабилии (Что? Где? Когда? И так далее), соответственно, ввёл метафизические правила, как оперировать с предикатами. И они все относились к этой сущности. А сама «сущность» ещё жила в родовидовых отношениях. Первая сущность была, вторая сущность, третья – каждый второй, третий и так далее оформлялся как новый род для нижележащего вида.

И вот, собственно говоря, так была устроена структура мышления, в которой мыслил Аристотель, и которую впоследствии поздние схоласты называли «логикой».

Теперь – о категориях Канта.

Это уже большой перескок через много-много веков. Но вы должны понимать, что сам Аристотель не сразу же ведь стал Великим Аристотелем. Когда он жил, никто его, вообще, в упор не видел – ни платоники, ни всякие разные другие. Там, в Греции, много всяких разных философов было. Когда он помер, через несколько лет про него вообще все забыли. Почти навсегда забыли. Никто его не чтит ни за какого такого, великого.

Вспомнили про него, примерно, через тысячу с чем-то лет, благодаря арабам, которые принесли в Европу свитки с текстами Аристотеля. Их перевели и, соответственно, Аристотеля «подняли на щит». Стали его работы изучать где-то уже в тысячных годах, то есть, примерно, через 1700 лет после его смерти. Долго-долго «мусолили», «обмусоливали», и где-нибудь, там, к XV-XVI веку Аристотель стал великим. А потом, уже в XVIII веке, появился Кант. То есть совсем немного времени прошло после того, как открыли Аристотеля.

В «Критике чистого разума» Кант заявил, что он преследует те же цели, что и Аристотель. И это даже могло показаться правдоподобным, потому что три из четырех классов системы категорий Канта названы так же, как и категории Аристотеля. Это «количество», «качество» и «отношение».

Но самое удивительное в том, что Кант, в общем, публично наврал на весь честной мир, что он преследует те же самые цели, что и Аристотель. На самом деле, он преследовал совершенно другие цели. И это тоже очень скоро было понято.

Категории Канта разбиты на четыре класса. Первый класс – это категории количества, второй – качества, третий – отношений и четвертый – модальности. И, соответственно, в каждом классе ещё по три – собственно, категории.

Из зала – Подкатегорий?

ЮБ – Это не «подкатегории». Это как раз и есть категории.

Из зала – А если о них можно сказать, что всё это – «количество», то как это может быть категориями?

ЮБ – Это категориальный класс у Канта. Вот как они выглядят:

1) Категории количества:

- Единство
- Множество
- Цельность

2) Категории качества:

- Реальность
- Отрицание
- Ограничение

3) Категории отношения:

- Субстанциональность (присущность) и акциденция (самостоятельность)
- Причина и следствие
- Взаимодействие

4) Категории модальности:

- Возможность и невозможность
- Существование и несуществование
- Предопределённость и случайность.

Есть интересная работа, автор Гилберт Райл, англичанин, представитель оксфордской школы аналитической философии. Работа называется «Категории». Это относительно небольшая статья, страниц 15, где он подробно это обсуждает... Кстати, в любом поисковике наберите: «Райл Категории», и эта статья вывалится. То есть она, на самом деле, известная. Вывалится в первых же строчках. Она и у меня есть на сайте. Он там, на мой взгляд, достаточно убедительно пытается разделить этих двух мыслителей и, соответственно, разделить две совершенно разных категориальных формации – аристотелевскую и кантовскую (см. таблицу 7.1).

Таблица 7.1

Различие формаций категорий Аристотеля и Канта (по Райлу)

категории	качество	количество	отношение
Аристотель	красная деревянная тяжёлая вещь	величина или размер вещи	родной брат, выше тебя, больше денег, внешний угол
Кант	утвердительная, отрицательная или бес- конечная формы выска- зывания	объем субъекта выска- зывания: «этот», «неко- торые», «все»	связки типа: «или – или», «если – то», «и – и»

Из зала – То есть мы живём в соответствии с этими категориями?

ЮБ – Да, если мы это используем так, как использовал Аристотель, значит, мы живём в эпохе Аристотеля.

«Качество» у Аристотеля – это качество вещи, обязательно. И здесь несколько примеров: красная, деревянная, тяжелая вещь. Ему нужно было правильное говорение про разделение разных вещей, и отнесение к определённым идеям, поскольку у Аристотеля это всё было направлено на критику Платона.

А у Канта под тем же самым словом «качество» в этом классе качественных категорий совершенно другое рассматривается – «формы высказывания». Если вы посмотрите на класс вот этих категорий «качества», у него здесь – «реальность», «отрицание» и «ограничение». Это есть «качества», а вовсе не «красное», «деревянное», «тяжёлое»...

Из зала – А «красное», «деревянное», «тяжёлое» – это куда?

ЮБ – А это только у Аристотеля осталось.

А у Канта другая задача была. У него задачей была не критика Платона и не построение такого словоговора о каких-то правильных различиях между «идеями» и «вещью». Основная **задача Канта** была, и я про это ещё немножко буду говорить чуть позже, это **нахождение условий возможности для построения научного знания**. Вообще, научного знания. И, соответственно, у него вот эти категории оформляли способы суждений об условиях построения знаний.

Вот, смотрите, не различие вещей, а правильное оформление суждений, относительно которых мы выделяем знание или незнание. Просто, цель совершенно другая, но названо одним и тем же словом.

Если мы возьмем «количество», у Аристотеля категория «количество» стоит за вопросом «сколько?» Это указывает на величину или размер вещи. А у Канта «количество» – это «объем субъекта высказывания». «Субъект», опять же, вы понимайте правильно, это не человек, не психологический субъект. Это – «подлежащее». Соответственно, у всякого понятия (подлежащего), на которое направлена мысль, может быть разный объём. И кантовские категории «количество» говорили про объём суждения или понятия. Если понятие расплывается, то чем больше объём, тем меньше там сущностного. И, наоборот, чем уже понятие, тем точнее мысль на сущность указывает. Это логические различия. Это не про различие вещей.

Смотрите, у Канта, категории количества – это «единство», «множество» и «цельность». Не размер вещи, как у Аристотеля, а суждение может быть единым, суждение о чем-то может быть множественным, и суждение может задавать цельность... То есть про единство, как здесь, «единый» – это вот эта парта. Если это «некоторые», то это некоторые из этих парт. А если «цельность», то все эти парты вместе. В этом смысле у него понималось «количество».

Из зала – А если мы хотим поговорить про размер вещи, то мы должны пользоваться категориями Аристотеля?...

ЮБ – Да, должны пользоваться категориями Аристотеля.

Из зала – Можно уточнить?

ЮБ – Да.

Из зала – Получается, что у Аристотеля было мышление по поводу...

ЮБ – ...вещей и их различия.

Из зала – ...вещей, а у Канта мышление по поводу мышления.

ЮБ – Да-да-да! Как правильно должно быть устроено мышление? Как правильно строить суждения в мышлении, чтобы можно было получить знания о чем-то? Научные знания.

Из зала – Тогда получается, говоря о категориях, мы должны конкретизировать, говорим мы по Канту или по Аристотелю.

ЮБ – Сейчас до этого дойдём. Это пока ещё «цветочки».

Из зала – Правильно же?

ЮБ – Да-да-да, правильно, правильно.

Из зала – Каша будет.

ЮБ – Каша будет, кое у кого, да. Вспомните, с чего мы начинали наши семинары? Всё время нужно уметь различать разное. Различай, различай, различай. Чем больше будешь расслаивать, тем точнее будешь мыслить.

Вот, с «отношением» то же самое. Смотрите, что Аристотель понимал под «отношением»? «Родной брат», или «выше тебя», или «больше денег», или «внешний угол»...

Из зала – То есть сравнение?

ЮБ – Нет. Именно отношение вещей друг к другу. А у Канта совершенно другие представления о категориальных отношениях: это связки типа «или-или». Или «ложно», или «истинно». Или «есть ли то-то». За эту логическую связку отвечает кантовская категория «отношение».

Из зала – Программисты пользуются.

ЮБ – Да, программисты пользуются.

Из зала – Не только программисты...

ЮБ – Математика и так далее. Или «и-и». И «то», и «это». То есть логическая связка. Смотрите, в чём принципиальное отличие от Аристотеля: **у Аристотеля категории организуют правильную речь о сущностях и их различиях. А у Канта – организуют мысль.**

Райл аристотелевы категории называет «алфавитом высказываний». Опять же, это метафора. «Алфавит» в том смысле, что это нечто отличное, например, от «синтаксиса» в языке. «Синтаксис» правила задаёт, а «алфавит» задаёт некий набор конструктивных элементов для построения комбинаций. «А» отличается от «Б». Соответственно, мы пишем букву и звук «а» отличается от звука «б». И аристотелевы категории вот это удерживали и различали разное, как мы различаем буквы в языке, используя алфавит.

А у Канта категории организуют логически правильные формы суждений. И, соответственно, Райл это сравнил с «синтаксисом» (по сравнению «с алфавитом»). «Синтаксис» всегда отвечает за правила построения, например, предложений и всего остального.

Общее между ними – метафизичность категорий. И у Райла даже написана такая вещь: «тот и другой верил, что можно выделить жёстко определённый набор категорий». Раз и навсегда! Соответственно, у Аристотеля их было 10, а у Канта – 12 (четыре раза по три). И Кант считал, что никаких других категорий быть не может.

Более того, он считал, что это априорные формы суждений, от Бога заданные, раз и навсегда. То есть чистая метафизика, которая их, в этом смысле, объединяла.

Тот, кто первый подверг критике Канта, был **Иоганн Фихте**. Мы про него тоже немножко говорили в одной из лекций. Острие его критики было в двух таких моментах. *Во-первых, он критиковал Канта за «априорность» (доопытность) его категорий.* То есть независимо от того, что люди делают, какой опыт у них или отсутствие опыта. Эти категории, по Канту, якобы, всегда существуют. И никаких других быть не может.

И, *второе. Он критиковал Канта за оппозицию «субъект-объект».* Фихте был тот первый человек, который усомнил эту средневековую категориальную связку «субъект-объект». Я уже, по сути дела, это немножко даже проговорил: что во всяком субъекте есть налёт «объективности», во всяком объекте есть очень большая примесь «субъективности». И в этом смысле, он первый, кто сказал, что **причина состоит в том, что Кант не видел деятельности.** А деятельность является причиной всего на свете – и всех «субъектов», и всех «объектов», и так далее.

Методологи, начиная с Георгия Петровича, за это Фихте, в общем, и ценят. А некоторые из них, вообще, возвеличивают. Например, Юрий Вячеславович Громько считает, что это, вообще, величайший философ, который больше всего для методологии сделал. Это за то, что он внёс в философию первые серьёзные представления о деятельности. Правда, они у него были достаточно специфичные, но тем не менее. Будем перерыв делать или как?

Из зала – Да, обязательно.

ЮБ – Давайте сделаем перерыв.

Продолжение.

ЮБ – Я напомню, что я остановился на Фихте. После Фихте был **Георг Гегель**. Гегель – это, вообще, особая песня, когда речь заходит о категориях, теории категорий, категориальном анализе и так далее.

Гегель, в отличие от всех предыдущих мыслителей, «категории» представлял в качестве механизма развития Абсолютной идеи. То есть это у него были не просто какие-то «засечки» в мышлении, всегда фиксированные и неизменные, как это было, допустим, у того же Аристотеля или даже у Канта. По Гегелю, категории всегда должны быть логически взаимосвязаны (как бы, указывать друг на друга). А, кроме того, сам процесс развития Абсолютной идеи, который описывает Гегель в своих многочисленных работах, в книге «Наука логики» представлен таким образом, что категории переходят друг в друга вследствие деятельности развития Абсолютного духа. В «Науке логики» (где речь идет о категориях развития) три учения. У Гегеля, вообще, всё представлено в качестве таких триад – несколько кластеров категорий, переходящих друг в друга в виде тройных конструкций.

Первое учение – это «учение о бытии». Это учение у него представлено в виде двух больших разделов. В первом разделе речь идёт о «становлении бытия», а во второй части – о «развитии нового качества» этого бытия. В первой части у него три момента: всё начинается с бытия, как он говорит, с «бессодержательной непосредственности». То есть никак не оформленной, в общем, бессодержательной, то есть того, с чем непосредственно сталкивается чистая мысль, или, по Гегелю, – «ничто». Когда «ничто» сталкивается с «бытием», возникает процесс, который называется «становлением», или «синтезом бытия и ничто». В результате становления возникает то, что он называет «наличным бытием». То есть бытием, обладающим уже определённой или качеством.

Соответственно, когда в этом «наличном бытии» начинают накапливаться какие-то количественные изменения, и они переходят сверх определённого предела, то возникает некое «иное бытие», по сравнению с тем, «наличным». И там Гегель обсуждает, что такое «предел». Так вот, накопление этих количественных изменений приводит к тому, что от «наличного бытия» отслаивается «иное бытие».

А третьим шагом возникает то, что он называют «бытие-для-себя». То есть «качество», накапливающее «количество», приводит к тому, что возникает то, что он называет «мерой». Всякое «бытие для себя» обладает тем, что называется «мерой». Представить это можно следующим образом (рис. 7.4):

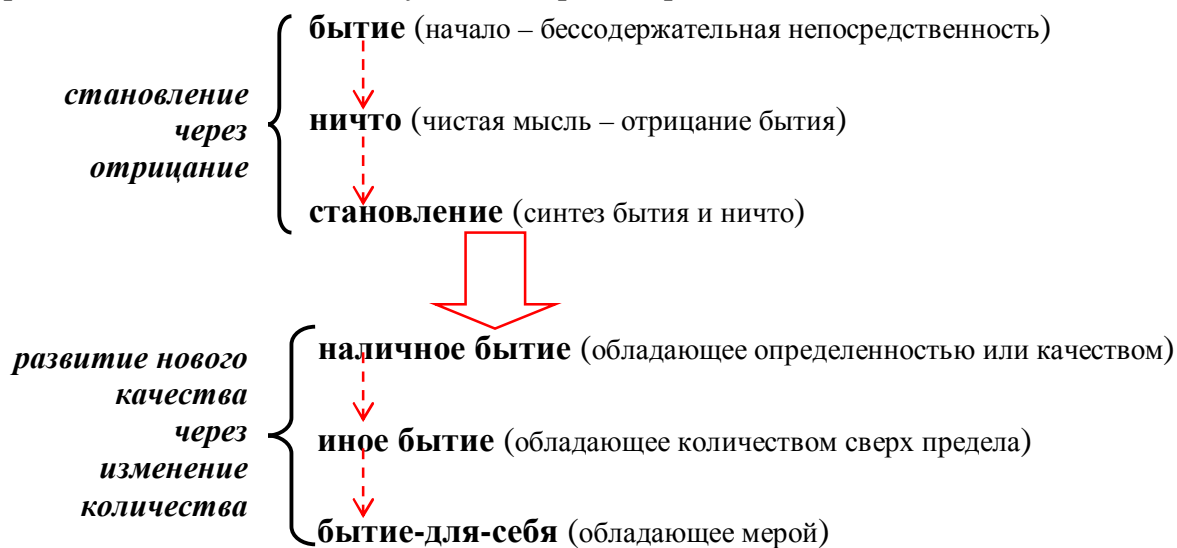

Рис. 7.4. Структура учения о бытии

Соответственно, на этом рисунке можно увидеть то, что в советской «марксистско-ленинской философии», когда речь заходила о Гегеле, говорилось о том, что после него осталось несколько «законов». Первое – это «отрицание отрицания» (это первая часть), а второе – это «переход количества в качество». «Бытие для себя» – это, как раз, результат такого перехода, накапливающиеся количественные изменения приводят к новому качеству.

Следующее учение у Гегеля – «учение о сущности». Здесь у него так же две части. В первой части он рассматривает, как происходит развитие самой сущности, а во второй части речь идёт о становлении так называемой «действительности», или

«рефлексии идеи самой себя» как «истинной первоначальности». Так он говорит (рис. 7.5).

Здесь я не буду слишком детально всё проговаривать. Это лучше читать у самого Гегеля. Но смысл дела (с точки зрения нашей темы) такой, что «вещь», обладающая сущностью, в своей непосредственности рано или поздно «проявляется». Возникает то, что называется «явлением». То есть это тоже нечто существующее, но основанное на ином. Это то, что называется «проявлением сущности». Соответственно, в результате того, что в вещи проявляется нечто иное, возникает то, что он называет «отношением», или взаимосвязанностью сторон вещи – «сущности» и её «проявления». И на этой базе он обсуждает то, что **он называет «законом»**. «Законом» в таком, научном смысле слова. Это – **«существенная связь сторон, имеющих разные основания»**. «Сущность» имеет одно основание, а «явление» – другое.

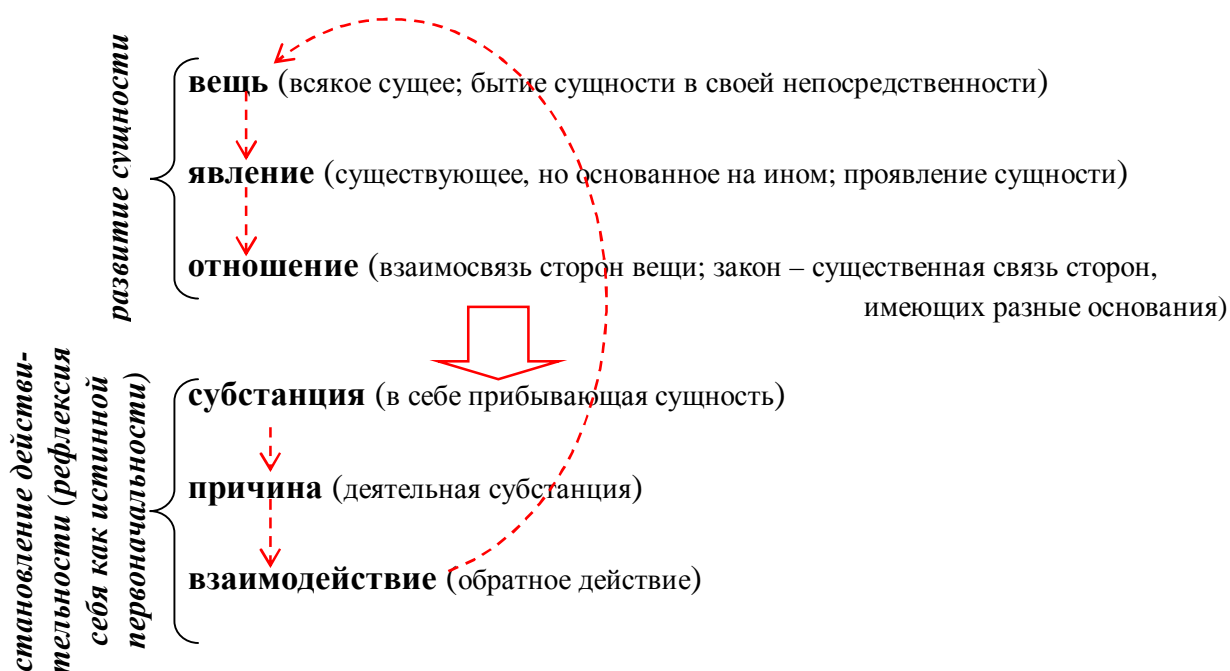

Рис. 7.5. Структура учения о сущности

Из зала – А пример можно?

ЮБ – Ну, так в вашей физике, Женя, примеров – сколько угодно. Вы смóтрите на явление, а за этим пытаетесь рассмотреть какие-то сущностные вещи. И всякие законы, типа закона Ньютона – это, как раз, связь внешних проявлений с внутренними, сущностными характеристиками вещей.

И дальше – эта широкая стрелка указывает на то, что вторым шагом возникает «становление действительности». Или то, что он называет «рефлексией», в результате которой «субстанция», или «в себе пребывающая сущность» сталкивается с «причиной», то есть деятельностной субстанцией, в результате чего возникает «взаимодействие», или «обратное действие».

И вот эта обратная дуга наверх – это такое рефлексивное отношение к той вещи, с которой всё и началось. Повторение этих циклов он и называет «развитием», или «учением о сущности и её развитии».

Из зала – То есть здесь можно сказать, что у каждого предметника своя действительность? У медика одна, у физика другая, у химика третья, потому что каждый раз в одной и той же вещи все видят свою действительность, рефлексивно оборачиваясь на эту вещь.

ЮБ – Я думаю, что с предметниками здесь сложно, потому что у предметников вообще не развито рефлексивное отношение. Я думаю, что всякий научный учёный движется в этой первой части, пока не откроет тот или иной закон, или ту или иную существенную связь. На этом всё у него останавливается.

А по Гегелю, нужно выйти в рефлексивное отношение и, соответственно, это позволит, если говорить современным языком, проблематизировать то, что сделано, и пойти на новый заход, но уже на других основаниях.

Третьим учением Гегеля является «учение о понятии» (рис. 7.6).

Рис. 7.6. Структура учения о понятии

Здесь развитие самого понятия (любого понятия) на схеме выглядит таким образом: развитие понятия осуществляется в три шага, опять же, с рефлексивным возвратом к исходной составляющей. При этом в понятии Гегель видит три таких момента: *во-первых*, всякое понятие указывает на некую «единичность»; *во-вторых*, всякое понятие указывает на «всеобщность»; и когда единичность сталкивается с всеобщностью, то в понятии формируется то, что называют «особенностью» любого, данного, конкретного понятия.

Вот таким образом сформированное понятие приводит к тому, что оно сталкивается с «суждением». Или по отношению к нему осуществляется «суждение». То

есть это понятие начинает трактоваться как некий «субъект», или «сторона единичности». Соответственно, по отношению к нему возникает «предикат», или «сторона всеобщности».

Если вспомнить то, что говорилось в первой части, когда речь шла о категориях Аристотеля, – там «предикатами» объявлялись «сказуемые» относительно тех или иных «субъектов». И всякое сказуемое сказывает об этом субъекте со стороны «всеобщности». И это всё приводит к связке «предиката» и «субъекта», или соотношению того и другого.

В результате вот этих трёх шагов, по Гегелю, возникает то, что называется «суждением» о чем-либо. Соответственно, «суждение» приводит к «умозаключению» в том случае, если по отношению к суждению выявляется некое основание. В результате чего возникает то, что он называет «полной положенностью понятия». Вот, это «суждение», его «основание», и на этой основе «развитие исходного понятия» – это возникает в результате того, что он называет «умозаключением».

Затем эта «полная положенность понятия» рефлексивно относится к исходному, и возникает новый «цикл развития понятия».

Это, конечно, «галопом по европам» относительно Гегеля. Но у меня сегодня нет задачи излагать Гегеля подробно. Вообще-то говоря, нужно читать оригинал, если хочешь разобраться. Я только хотел показать одну простую вещь – Гегель в этом отношении очень сильно отличается от других мыслителей. Они тоже вводили какие-то категории, рассуждали о категориях, строили свое мышление в соответствии с теми или иными категориями. Но Гегель отличается, прежде всего, тем, как я вначале сказал, что **категории у него – это в буквальном смысле то, что современным языком называется «механизмом»**. Это такая конструкция, которая приводит в действие нечто, а именно то, что Гегель называет «процессом развития Абсолютной идеи» и разных её проявлений, в том числе понятий.

Что, с моей точки зрения, **осталось существенного после Гегеля** в отношении категорий?

Во-первых, Гегель показал, что категории живут в истории замкнутыми формациями. То есть это означает такую простую вещь. Мысль, движущаяся, например, в категориях Аристотеля, зациклена. И тот, кто мыслит в категориях Аристотеля, тот продолжает находиться в той эпохе, в которой жил Аристотель. Мысль, которая движется в системе категорий Канта, тоже образует особую формацию. И те, кто таким образом пытаются мыслить, тоже остаются в той исторической эпохе. И т.д.

Во-вторых, эти категориальные формации наслаиваются друг на друга, слой за слоем (рис. 7.7).

Исследователи говорят, что эти идеи относительно формаций мышления, относительно их наслаивания друг за другом обусловили то, что потом у Маркса было сформулировано как «общественно-экономические формации»: за эпохой рабства следовала формация феодализма, за эпохой феодализма – капитализм, а, соответственно, за капитализмом – с неизбежностью должен был следовать социализм, потом – коммунизм...

Из зала – То есть он использовал вот эти категории...

ЮБ – Да, это у него такая калька с Гегеля, только перевёрнутая...

Из зала – ...на общество?

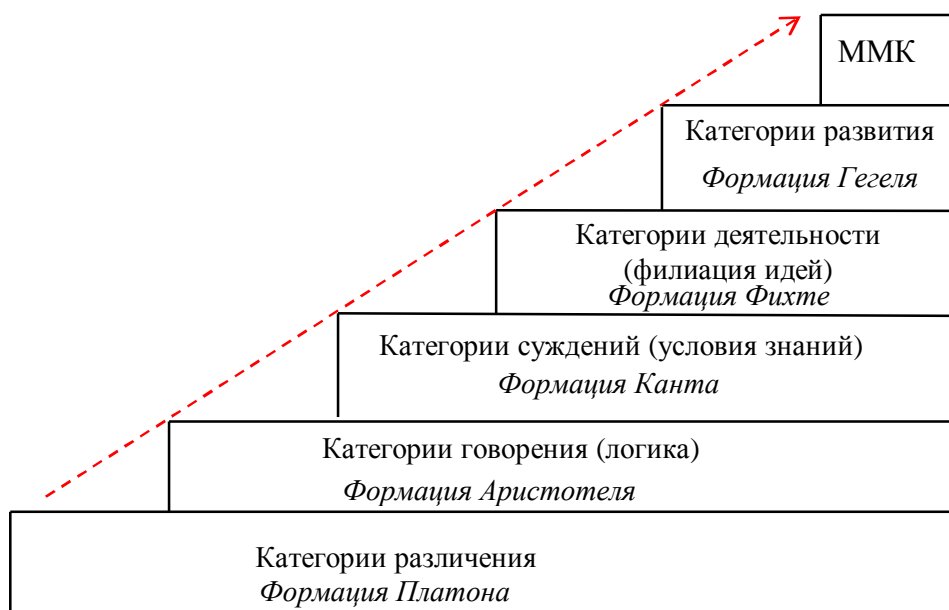

Рис. 7.7. Нарращивание «пирамиды» категориальных формаций

ЮБ – Нет, перевёрнутая с идеальной на материальную основу. У Маркса развитие материальных производительных сил прямо по этой гегелевской схеме строится: как надстраивание разных исторических формаций производительных сил друг над другом. И историческое развитие общества – с самых примитивных рабских форм существования до коммунизма.

У Гегеля в предисловии к его «Феноменологии духа» можно прочитать, что таким образом осуществляющееся развитие Абсолютной идеи должно способствовать тому, что люди тоже себя должны соответствующим образом организовывать. Люди, если они хотят считать себя людьми, должны соответствовать развивающемуся миру. У него там такие немецкие словечки: «Mitwelt» – это «со-мир», то есть люди должны быть «со-размерными» этому развивающемуся миру. А в противном случае, как он говорил, – «навоз истории». То есть в этом случае люди будут соответствовать тому, что он называет «Nachwelt», то есть «миру прошлого», давно минувшим дням, не соответствующим современности.

А здесь (рис. 7.7) я пытался нарисовать то, что Гегель словами проговорил: разные «категориальные формации» надстраиваются друг над другом. И здесь я ещё, кроме того, попытался показать различие этих категориальных формаций, которые создавались разными философами.

Первая категориальная формация, которая является фундаментом всей этой «пирамиды» – это «формация Платона». И здесь категории предназначены для совершенно определённого, а именно – для различения вещей, идей, их соответствия и так далее.

Вторая формация – «формация Аристотеля». У него совершенно другой тип категорий, а именно категории говорения (языковые). Через язык: как правильно говорить, чтобы говорить по истине? Эти категории говорения, в конце концов (правда, это уже было в средние века), привели к появлению формальной логики. Средневековые схоласты выделили из текстов Аристотеля то, что стало называться «логическими силлогизмами».

Третья формация – это «формация Канта». И категории Канта – уже совершенно для другого. Если у Аристотеля категории позволяли правильно строить речь о вещах, идеях и их соответствии, то у Канта система категорий предназначена для того, чтобы правильно формировать условия построения научных знаний. Здесь, на рисунке для краткости – «условия знаний». Просто, места не хватило, чтобы записать длинную фразу: «условия возможности построения научных знаний». И, соответственно, у него категории предназначены для того, чтобы делать правильные суждения относительно того «нечто», является оно знанием или нет?

Дальше «формация Фихте». И в конце первой части лекции говорилось о том, что именно Иоганн Фихте первый привнёс представление о том, что категории живут в истории, и что категории изменяются в результате деятельности. Это называлось «филиацией идей» (понятий, знаний).

А над этой «формацией Фихте» – то, что сейчас обговаривалось по поводу Гегеля. Соответственно, здесь категории выделены и построены триадами таким образом, чтобы они служили в качестве механизма развития Абсолютной идей.

Из зала – Но у Фихте и у Канта не было этого рефлексивного выхода, такого...

ЮБ – Нет, было... Там рефлексия была, только специфическая. В тех лекциях, когда речь шла о рефлексии, я это обсуждал. Но там это не было рефлексией развития самих категорий. Там просто другой тип рефлексии. И у Фихте, и у Канта – они по-разному строили рефлексии. Можно посмотреть предыдущие лекции. А у Гегеля же рефлексия – это механизм развития Абсолютной идеи, или мышления внутри самих категорий и изменение самих категорий.

Ну, а на вершине всей этой пирамиды то, что здесь обозначено – ММК.

Из зала – А до ММК наша философия это всё использовала? Или застряла где-то там, в аристотелевских временах?

ЮБ – До ММК наша философия была «марксистско-ленинской». Допустим, если говорить об Эвальде Васильевиче Ильенкове или о Мерабе Константиновиче Мамардашвили, которые были крупными философами, они всё равно были такими, частичными философами. Ильенков, вообще, занимался только Гегелем. Крупнейшим в Союзе гегельянцем был. А Мамардашвили всю жизнь, или почти всю жизнь, посвятил изучению сознания как феномена. Формаций категорий, в которых мыслили предыдущие философы, в советской философии не было и в помине.

Из зала – Не трогали?

ЮБ – Официальная «марксистско-ленинская философия» – это вообще не философия. Там просто перепевы марксизма, ни больше, ни меньше. Причём – такие...

Мягко говоря, не совсем правильные. Поэтому о категориях, разработанных до и после Гегеля, на мой взгляд, заговорили только методологи, которые работали в ММК.

Дальше я попытаюсь показать некоторые **основные моменты, которые**, на мой взгляд, **привнёс в учение о категориях Московский Методологический Кружок**.

В моём представлении (может быть, я и не совсем прав; может быть, ещё что-то можно было бы выделить) на сегодняшний день **ММК сделал два крупных шага в развитии учения о категориях**.

Во-первых, была **разработана** схема, или можно по-другому сказать – **структура «категории вообще»**. То есть любой категории. Было отработано техническое отношение к тому, что из себя должна представлять любая категория. Тем самым был сделан выход на технику, с одной стороны, распремечивания любых смыслов... А смыслы всегда предметны («рас-предметить» – это «разобрать» эти смыслы на категориальные составляющие). С другой стороны, осуществить обратную процедуру – «опредмечивание» новых идей (онтологических представлений). Если возникают какие-то идеи, то для того, чтобы их опредметить и построить какую-то новую науку, теперь (после ММК) известно, какие технические процедуры нужно выполнить. А раньше это встречалось, но лишь на уровне индивидуального искусства. Как, например, Курнаков построил физическую химию. На основании каких-то философских идей, вычитанных у Кассирера, относительно различения «субстанции» и «функции» он осуществил эту процедуру, которая здесь называется «процедурой опредмечивания» совершенно нового объекта, который теперь изучается такой наукой, как физическая химия.

Из зала – Я так понимаю, что такие вещи, как выход на технику распремечивания смыслов, это всё делается, опять-таки, в рамках европейской культуры, чтобы можно было... Нужно опредметить, чтобы что-то потом о чём-то говорить.

ЮБ – Нет, ну, конечно, поскольку ММК никогда не считал себя продолжателем каких-то восточных культур. Конечно, это продолжение европейской культуры, культурной мысли, культурного развития в европейском смысле.

Из зала – Чтобы о чём-то сказать, нужно опредметить?

ЮБ – Обязательно. В европейской культуре основной акцент всегда делался на онтологическую плоскость, или на объектное представление.

И *второе*, что, на мой взгляд, тоже является очень существенным достижением Московского Методологического Кружка и тех людей, которые в нём много десятилетий работали, – они очень существенно (во всяком случае, по отношению к тому, что сделал Фихте, и к тому, что сделал Гегель) **продвинули деятельностное отношение к категориям**.

В результате разработок ММК теперь уже понятно, что **категории творимы**. То есть их при определённых навыках можно конструировать. При определённом умении, при определённом терпении, конечно, и времени, которое для этого требуется, можно создавать новые категории. И Георгий Петрович, и люди, которые в ММК работали, это просто продемонстрировали: в результате 40-летней работы кружка был

построен, в буквальном смысле слова, построен и доведён до предельного состояния целый спектр категорий деятельности.

Из зала – Каких?

ЮБ – Ну, об этом чуть позже будет идти речь.

Кроме того, было показано, что **категоризация объектов действия зависит от самого предстоящего действия**. То есть, в отличие даже от Гегеля, у которого категории зависели и менялись в зависимости от уровня развития Абсолютной идеи, и по мере развития Абсолютной идеи категории переходили друг в друга, всё равно этот путь и траектория развития Гегелем выстраивалась как раз и навсегда данная и неизменная.

Из зала – Это историческое или как?

ЮБ – Да. Он историю представил как логику, и у него историческое движение логизировано. А логика же не допускает многозначности, неопределенности и тому подобного. То есть у него история логически развивается вслед за развитием Абсолютной идеи. И это развитие однозначно и неизменно. Поэтому и категории у него тоже совершенно определённые, и на разных шагах – неизменные, хотя и переходящие друг в друга.

А в рамках ММК в ходе развития деятельностного подхода было показано, что, вообще, **в зависимости от того, как строится деятельность и действие конкретных деятельностных позиций, разные объекты могут быть категоризованы совершенно по-разному**. Во-первых, снимается эта однозначность категоризации разных объектов. А, во-вторых, возникает своего рода «воронка развития», где впредь появляется возможность осуществлять и другие категоризации, про которые, например, с сегодняшней точки зрения ещё ничего неизвестно.

Теперь немного подробнее относительно упомянутого **первого достижения ММК – структуры категории**. В соответствии с тем методологическим подходом, который был развит в ММК, **любая категория имеет четыре фокуса**. Эти фокусы должны быть очень жёстко взаимоувязаны друг с другом. И есть базовый фокус. В рамках европейской культуры базовым фокусом структуры категории (любой) является «объект», или «объектно-онтологический фокус», так скажем.

И вот здесь, на рис. 7.8, как раз это и показано: некая такая ромбовидная структура, а в левом нижнем углу – «фокус объекта».

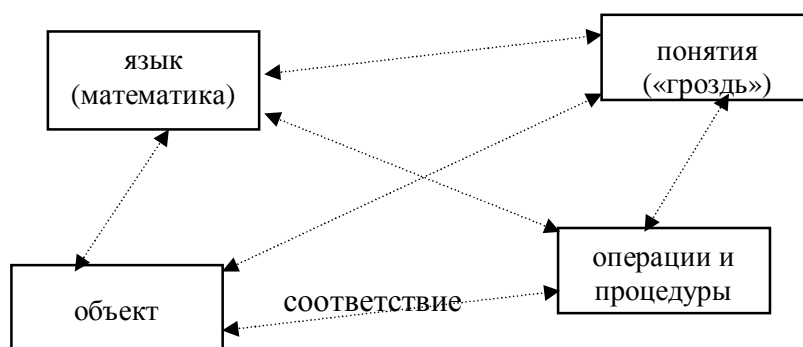

Рис. 7.8. Структура категории

Кроме этого, есть «фокус языка». Если речь идёт о формальных языках, это называется разного рода «математиками». Кроме того, есть «фокус понятий». Причём каждой категории соответствует, как говорил Гегель, «гроздь понятий» – целая совокупность понятий, которая обслуживает, или придаёт смысл, наполняет смыслами ту или иную категорию. Наконец, четвёртый фокус – это «фокус операций и процедур», то есть действий, определённым образом организованных.

И, соответственно, любой предметный смысл (на рис. 7.9 – в центре – «смысловое облако»), который возникает в той или иной ситуации, если возникает необходимость его категоризации или категориального анализа, то нужно проделать специальные процедуры, как бы, «растаскивания» его по этим четырём фокусам.

То есть любое смысловое представление всегда внутри себя потенциально содержит и представление об объекте, и представление о языках (как можно говорить про эти объекты), и о понятиях (как понимать можно). И, соответственно, внутри любого смысла всегда подспудно содержится представление о каких-то действиях, операциях, процедурах, которые в данной ситуации имеют смысл и значение.

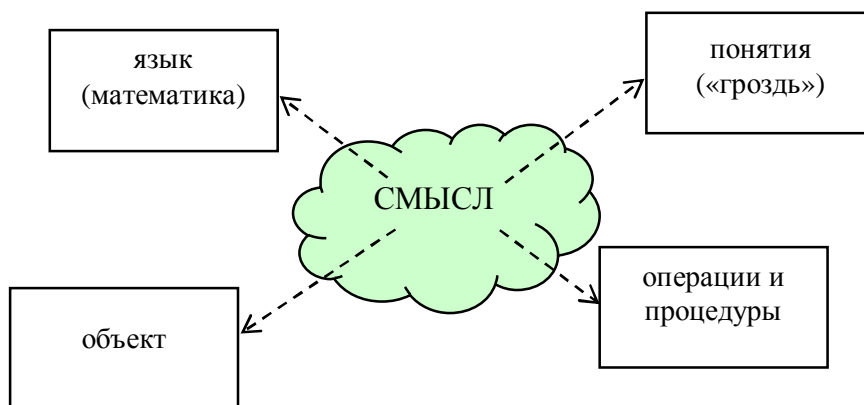

Рис. 7.9. Распредмечивание смысла

Сам категориальный анализ – это ни что иное, как **распредмечивание, или «растягивание» смыслового материала по этим четырём фокусам**. Очень важно, чтобы, когда из этого смыслового облака выделяют те или иные представления (объектные, понятийные, операционные или языковые), чтобы между ними существовала очень жёсткая взаимосвязь.

Обо всём этом более подробно можно почитать в лекциях, которые Георгий Петрович читал в 1984 году в «Союзморниипроекте». Вернее, это цикл лекций, там, по-моему, 16 лекций. Он есть на сайте. Открываешь в «Ме-библиотеке» тексты Георгия Петровича, там есть этот цикл лекций. И, начиная с самых первых лекций, Георгий Петрович достаточно подробно говорит о категориальном анализе, или о том, что называется «распредмечиванием смыслов».

Прикладное значение этого дела – тоже очень важная вещь. Хотел бы и это чуть-чуть пометить. Дело в том, что если речь заходит о каких бы то ни было действительностных изменениях, чего бы то ни было, напрямую взять и целенаправленно изменить нашу предметную реальность, которая существует, нельзя. Прямую её изменить невозможно, во всяком случае, целенаправленно... Нецеленаправленно, то есть

разрушить или что-то сделать, в результате чего возникнет что-то такое, чего не предполагалось изначально – это сплошь и рядом делается (как, например, наши реформы). А если **целенаправленно** и осмысленно осуществлять какие-то изменения, преобразования или попытаться сделать какой-то шаг в развитии чего-то – **предметную реальность напрямую изменить нельзя**.

Принцип, который методологи ММК сформулировали и тщательно отработывали в течение многих лет, состоит в том, что **сначала должна быть произведена процедура распредемечивания**. А потом, когда эти, уже распредемеченные, категориальные фокусы будут в явном виде представлены, тогда появляется возможность осуществления каких-то новых действий: допустим, замена языков, трансформация объекта, понятно будет, какие процедуры, операции и действия можно осуществлять и т.д.

А после этого – обратная процедура, которая называется «опредмечивание объекта». Опредмечивание тоже в ММК очень долго и тщательно обсуждалось. Есть тексты этих обсуждений, которые можно прочитать. Это достаточно ранние работы участников ММК, где-то начало 1970-х годов.

Категоризация объекта, или его **опредмечивание** осуществляется, или должно осуществляться, или может осуществляться, **с помощью метода**, который, с легкой руки Олега Игоревича Генисаретского, был **назван «методом молевого сплава»**.

Это – такая метафора. Она взята из юношеских воспоминаний Генисаретского, когда он, будучи студентом, ездил на заработки, и они подрабатывали, работая сплавщиками на сибирских реках. Тогда, в отличие от сегодняшних времен, молевой сплав не был запрещён. Лес в горах рубили, сбрасывали в горные реки, и он таким навалом, не будучи никак скреплённым – ни в плоты, и ни во что другое, просто совокупностью брёвен плыл по течению. Но, если их так пустить, то их течение начинает растаскивать, и они устраивают заторы, упираясь в берега. Соответственно, существовала особая профессия молевого сплавщика. Он делал следующее: прыгал на бревно, основной инструмент – багор, и этим багром к себе подтягивал рядом плывущие брёвна. А поскольку на одном бревне долго стоять было невозможно (бревно начинало тонуть), он должен был уметь перескочить на другое бревно, и с другого бревна подтягивать к себе те брёвна, до которых дотягивался багром, тем самым не давая бревнам разваливаться и растекаться в разные стороны.

И вот этот принцип категоризации объекта здесь очень сильно (по смыслу) напоминает те операции, которые должен был осуществлять молевой сплавщик. Допустим, этот человек, который здесь (рис. 7.10) условно «стоит на объекте». И он должен к себе, как бы, подтянуть определённые языки, которые соответствуют категоризации именно этого объекта, совершенно определённым образом... Я чуть позже ещё скажу об этом. Разные объекты можно по-разному категоризовать. Но если ты придал этому объекту определённую категоризацию, то должен и соответствующий язык подтянуть, и соответствующую «гроздь понятий», и соответствующие операции с процедурами.

Но поскольку это сразу, как правило, не удаётся, поскольку не всегда можно проделать так, чтобы выбрать (построить) именно тот язык, который нужен для данной категоризации объекта...

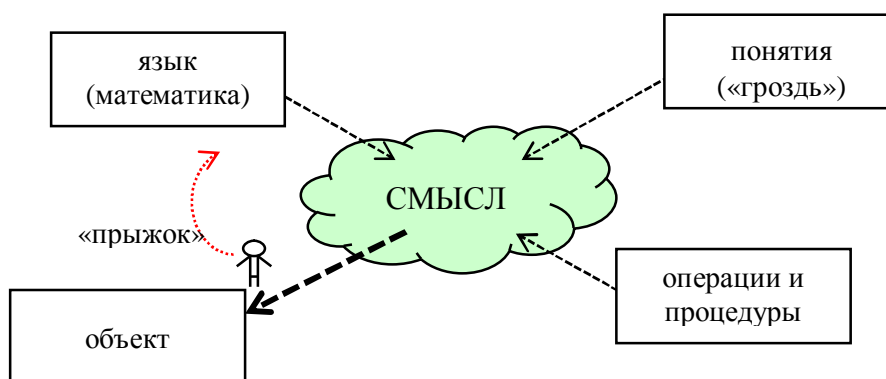

Рис. 7.10. Категоризация объекта

Из зала – Просто тяжело?

ЮБ – Да-да-да. Поэтому делают это поэтапно. Вот здесь (на рис. 7.10) показан такой, метафорический, «прыжок» на другой фокус – языковой. И уже относительно этого фокуса «подтягиваешь» категоризованный смысл, который ты до этого придал объекту. То же самое делаешь с понятиями и процедурами. То есть определённым образом (под выбранную категорию объекта) «оязыковываешь» это всё. Не объективируешь, как на предыдущем шаге, а оязыковываешь (рис. 7.11).

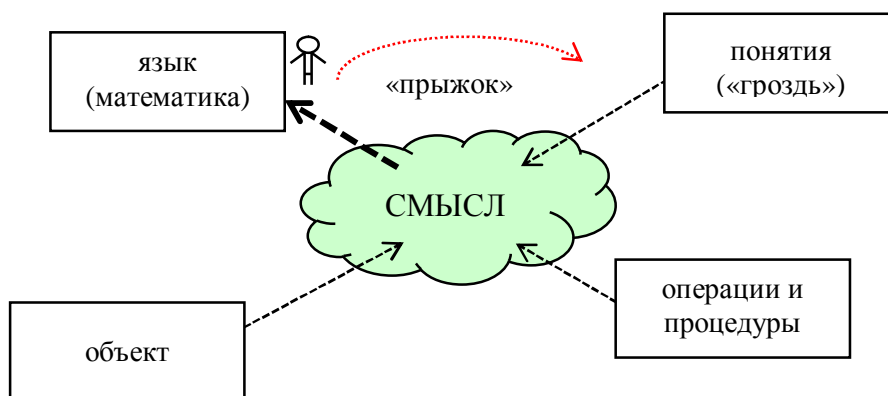

Рис. 7.11. Категоризация языка

А когда и здесь возникают какие-то трудности, нужно сделать ещё один «скачок», перескочить на понятийный фокус. И с этой позиции всё, наоборот, начать «опонячивать» – язык опонячивать, объект опонячивать (рис. 7.12).

Затем «прыгаешь» на процедурно-операционный фокус и осуществляешь всё то же самое – предыдущие фокусы начинаешь «подтягивать» к себе – «опроцедуриваешь» их (рис. 7.13).

И если несколько таких циклов сделать, то может появиться нечто новенькое... Конечно, при определённых навыках, мыслительной квалификации и чувствительности, потому что здесь всё – на тонких нюансах.

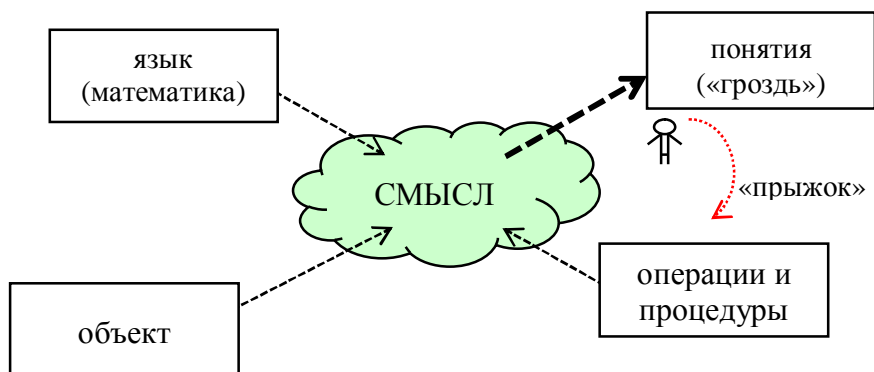

Рис. 7.12. Категоризация понятий

Но если начинаешь чувствовать соответствие между этими категориальными фокусами, может возникнуть то, что называется новым «предметным смыслом». И можешь, например, построить совершенно новую науку, где будет своя объектная область, свой соответствующий язык, своя совокупность понятий, операций и процедур...

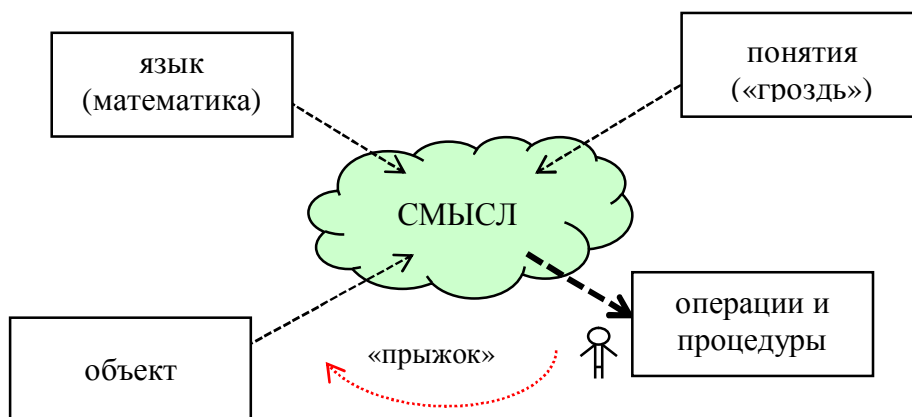

Рис. 7.13. Категоризация операций и процедур

Из зала – Как сейчас говорят: синергизм, синергизм. Но ведь ничего нового так и не построили...

ЮБ – Ну, да. Вот, это, как раз, не тот случай...

Из зала – ...там, ведь, смысл отдельно, операций нет совсем, понятий нет...

ЮБ – Да, конечно, поскольку вот эти процедуры опредмечивания не осуществлены. Пока то, что называется «синергизм», это просто относительно новое смысловое облако, и не более того.

Вот этот рис. 7.14 является классическим **примером разной категоризации одного и того же объекта**. Его, вообще, во многих работах методологов можно увидеть.

Он хорошо показывает, что один и тот же объект можно категоризовать совершенно по-разному, со стороны разных категорий. То есть, как бы, из разных «дырочек» на один и тот же объект можно смотреть. И тогда будет всё совсем по-разному.

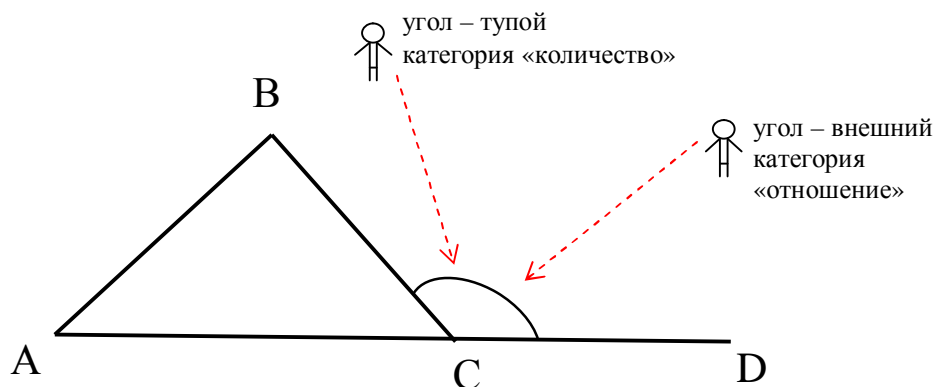

Рис. 7.14. Разная категоризация одного объекта

На рисунке два человечка – один смотрит с одной точки зрения, второй – с другой. Один говорит, что этот объект (угол BCD) является «тупым», а другой говорит, что этот угол – «внешний» (по отношению к этому треугольнику). Соответственно, первый своё утверждение делает, исходя из категории «количество», и он на этот угол смотрит и категоризирует его совершенно определённым образом. А второй смотрит через другую категориальную «дырочку», через категорию «отношение», поэтому видит другое.

И эти две позиции просто разошлись. Они никогда не договорятся друг с другом. Один будет говорить про количественные характеристики: соответственно, и язык будет количественным, и понятия, исходя из этой категории, операции, и всё, что можно сделать (операции и процедуры) с количественно характеризуемыми объектами. А второй смотрит совсем через другую категорию. И там остальные три фокуса тоже будут другим образом представляться.

Этот пример указывает на то, что нельзя думать, что если смотришь или изучаешь какой-то объект, то для этого объекта, в обязательном порядке, должна быть подобрана только одна категория, (т.е. выделяющая, отделяющая его от других) этот объект. В зависимости от того, что нужно? Какую задачу решаешь? – можно смотреть через одну категорию, а можно – через многие другие... **В этом, как раз, и состоит принцип деятельностного отношения к употреблению разных категорий.**

Например, если какой-то объект категоризовать как «множество», тогда языком будет «язык чисел», операциями будут операции «счёта», «объединения», «пересечения» и другие операции, которые можно осуществлять с множествами. А понятиями будут «величина», «мощность» и так далее – тоже целый веер понятий, которые соответствуют объекту, если его категоризовать как «множество».

Если объект категоризовать как «процесс», тогда всё поменяется – тогда язык будет «процессуальный», например, векторная математика или дифференциальное исчисление, которое применяется для того, чтобы описывать разного рода процессы...

Из зала – Интегральное исчисление.

ЮБ – Конечно. Соответственно, операциями будут «измерение скорости», «изменение направленности» этих процессов и так далее. Ну, а понятиями – «состояние», «изменение», «направленность», опять же, целая «гроздь», целый их спектр.

Из зала – Всё-таки... Допустим, это в физике употребляется: операции там есть. Но ведь понятия там не используются. Там – определения.

ЮБ – Физика же уже «схлопнута».

Из зала – Она «схлопнулась»? Как это?

ЮБ – Вот эти четыре фокуса (рис. 7.9) – уже схлопнуты и предметизованы. И физик никогда не будет распредмечивать, растягивать это в разные стороны для того, чтобы изменить свою науку. Для него это – раз и навсегда заданный объект исследования. Он предметным образом ещё и оформленный, закреплённый с этих четырех сторон, зажат, как будто.

Из зала – То есть для него это настолько естественно, что он даже не думает...

ЮБ – Да.

Из зала – ...что это искусственно когда-то было сделано.

ЮБ – Конечно. Да, именно так.

Соответственно, если будешь смотреть на «структуру», то нельзя задавать вопрос «сколько?», то есть через количественное. «Структура» – это некая целостность. И тогда – язык «структурного анализа», операции, например, «формирования», «изменения связей», «замещения элементов»...

Из зала – «Присоединения», «замещения», как в органической химии.

ЮБ – Конечно. Пример классической структуры – оконная рама.

Из зала – Нет, ещё химия – самая классическая.

ЮБ – Химия – само собой. Но «структуры» же, они ведь не только в химии существуют. Ну, а химия – это да, если это органическая химия.

Важно понимать, что эти три упомянутых здесь, разных способа категоризации объекта могут относиться к одному и тому же объекту. То есть с разных сторон можно на объект смотреть. Можно, например, смотреть на стулья как на «множество»: вот здесь стулья стоят, к ним можно относиться как к множеству. И всё, что приписывает категоризация объекта как множества, к ним будет применимо. Их можно считать, переставлять, раскладывать на разные подмножества и опять их соединять...

Из зала – Группировать.

ЮБ – ...группировать и так далее. А можно, например, если эти стулья перевезти на каком-нибудь сухогрузе по морю, и выставить на палубу, если этот сухогруз попадёт в шторм и они начнут болтаться, то возникнет необходимость с ними что-то делать, например, их закреплять. Тогда на них придётся смотреть через категорию «процесс»: какая направленность этих процессов будет? И что с этими процессами можно будет делать, чтобы их погасить? Или ещё что-то.

Опять же, всё это – простые, даже банальные примеры, но необходимость в таких вещах возникает очень часто. Просто нужно понимать, что это всё – не дано раз и навсегда. А это можно по-разному представлять и получать совершенно разные ре-

зультаты в зависимости от того, что собираешься делать, какую деятельность разворачивать.

Из зала – Я, например, сейчас постоянно использую то же самое. Беру какой-нибудь спектр и рассматриваю одно и то же, но по-разному: один раз как «множество», потом как «структуру», и потом как «процесс». Говорю об этом же объекте, который я изучаю с помощью одного метода, но по-разному. Я постоянно перехожу от одного к другому, к третьему, и заканчиваю тем, какой, допустим, был процесс? Какие операции там были? Что произошло: состояние, изменение? Постоянно через это...

ЮБ – Да, конечно.

Ещё один шаг, или ещё одно достижение, которое можно приписать Московскому Методологическому Кружку – это **разработка совершенно новой парной категории, которая называется «искусственное – естественное»**. До ММК такой категории не было.

Из зала – Совсем, что ли?

ЮБ – Совсем не было. Наука не оперирует категорией «искусственное», наука всё представляет как нечто «естественное». А с позиции этой парной категории одни и те же объекты можно представлять по-разному... Смотрите, они – не раз и навсегда какие-то определённые, например, естественные или искусственные. А в зависимости от того, что собираешься делать, они могут представляться либо через «дырочку» искусственного, и тогда это будут «объекты оперирования», либо через категорию естественного, и тогда это будут «объекты созерцания», или «исследования». И к ним будет совершенно разное отношение. Если это – объект оперирования, то, соответственно: что с объектом можно делать? Какие операции к нему допустимо применять? Рассмотреть, к чему это может привести? И так далее. То есть именно от твоих действий будет зависеть изменение этого объекта.

А если ты встанешь на позицию естественного представления того же самого объекта, то, как говорил Георгий Петрович, это означает, что «ты должен залезть на высокую скалу и с неё смотреть на тот объект, который под этой скалой находится далеко внизу, не имея возможности никак на него повлиять. И это в данном случае будет принципиальная позиция. В лучшем случае его можно будет рассмотреть, описать, представить каким-то образом, не имея возможности влияния на него» (цитирую по памяти).

Из зала – И сделать заключение, как это делается в ваших общественных науках?

ЮБ – И не только в наших, но и в ваших, естественных.

Из зала – В географических, в биологических?...

ЮБ – Во всех естественных науках. Или так, жёстче скажем: **во всех науках именно так и должно делаться**. То, что сейчас называется «науками», в значительной мере, уже перемешано с инженерией, перестало быть наукой в точном смысле слова.

Это разделение на «искусственное» и «естественное» не надо представлять так, что это относится только к каким-то натуральным предметам, с которыми либо ты что-то можешь сделать в действии, либо ты его можешь описать из позиции созерцателя («теоретика», в греческом смысле). Это относится даже, например, к «деятельностным позициям». Можно на деятельностную позицию посмотреть с естественной точки зрения, и тогда, например, «позиция проектировщика» будет представляться как такой способ работы, который культурно нормирован, который ни от чего (ни от кого) не зависит. Он так и должен – естественным образом – реализовывать те или иные культурные нормы.

Из зала – Или работа педагога.

ЮБ – «Проектировщика», «педагога», «исследователя», кого угодно, «управленца» и так далее.

А если ты будешь смотреть через категорию «искусственное», то ты обязательно должен «надеть на себя» эту позицию, и смотреть: «Ага, я должен в соответствии с культурной нормой делать вот таким образом. А что, если я буду делать по-другому, не буду соблюдать требований этой культурной нормы? К чему это приведёт?»

Это может привести, с одной стороны, к безобразиям разного рода. А, с другой стороны, это может привести, вообще говоря, к развитию той или иной профессиональной деятельности. Потому что **всякое «развитие» – это нарушение сложившихся ранее культурных норм.** А из «естественной позиции» ничего развить нельзя. Только надевая на себя «скафандр» вот этого искусственного, деятельностного отношения, можно что-то приличное сделать.

Из зала – А тогда, каким образом всё-таки развивались науки? Значит, кто-то становился на эту позицию, не рефлексивно?

ЮБ – Конечно! Именно не рефлексивно. Георгий Петрович очень часто так и говорил, что все великие достижения (или почти все, или многие) сделаны за счёт того, что эти люди, которые впоследствии становились великими, изначально делали определённые логические ошибки. То же самое сделал Лейбниц. То же самое сделал Эйнштейн, не соблюдая тех или иных требований соответствующей культурной научной деятельности. То же самое сделали многие другие. «Выламывались», и в результате появлялось «дифференциальное исчисление», «теория относительности», та же самая «структурная химия» и всё остальное.

Ещё одно достижение деятельностной методологии: **разработка идеи, что категории «живут» не сами по себе, по одиночке; они образуют так называемые «взаимосвязанные поля»** (рис. 7.15).

Здесь это немножко переключается с тем, что было у Гегеля. Но Гегель немножко по-другому это трактовал. Взаимосвязь разных категорий он выстраивал через траекторию движения или развития самой Абсолютной идеи. То есть от «количества» к «качеству», например, а затем к «мере» изменения, раз и навсегда данного.

Из зала – То есть это «естественное» у него было?

ЮБ – Нет, это сейчас зная, что есть парная категория «искусственное – естественное», можно сказать про это. А у Гегеля ещё этого не было. Поэтому говорить про него, что он с «естественной» или с другой позиции писал – просто бессмысленно.

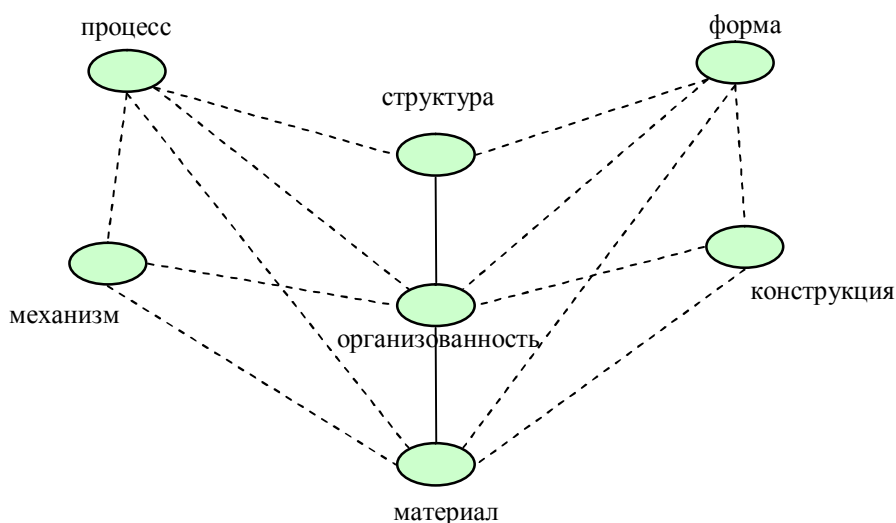

Рис. 7.15. Категориальное поле

На рис. 7.15 показано семь кружешков – это символы семи категорий онтологии деятельности и, соответственно, эти категории завязаны вот в такую сеть связей. Вот эти «связи» – это и есть то, что здесь названо «категориальным полем».

То есть, что это означает? Например, категория «процесс» в обязательном порядке «смотрит» на категорию «механизм», и здесь существует связь: процессов без соответствующих механизмов их осуществления не бывает. Категория «процесс» связана с «материалом», потому что процесс всегда на каком-то материале осуществляется. Но, например, категория «процесс» с «формой» никак не связана. А если и связана, то только опосредованно, через другие категории. Например, «форма» и «механизм» тоже никак не связаны. То есть нельзя сказать «формирование механизма». Хотя, когда я вот это...

Из зала – Всё время так и говорим. Сколько раз ещё!

ЮБ – Да-да-да. Когда я это стал говорить, Денис сидит и говорит: «Странно, а у меня диссертация называлась «Формирование механизма капитализации...». Я говорю: «Ну, это же мы специально подбирали слова названия темы диссертации, чтобы это проходило через...»

Из зала – ...ВАК?

ЮБ – ...через совет, через ВАК, и не вызывало никаких лишних вопросов». Поскольку слово «формирование» в нашей науке – почти сакральное. Об этом сам председатель нашего диссертационного совета всё время говорит: «Это **наш** термин». Но, с точки зрения категориального анализа и грамотного употребления категорий, это – бессмыслица.

Из зала – Можно так сказать: «Формирование механизма через организованность». Нет?

ЮБ – Через организованность ВАКа, да?

Из зала – Да-да.

ЮБ – Ну, наверное.

Обо всём об этом можно подробно почитать. Есть статья Георгия Петровича в так называемом «Кирпиче». «Кирпич», если, кто не знает, это сленговое название одной из самых первых книг, где были собраны тексты методологов (есть на сайте). В 1960-х годах это напрямую нельзя было публиковать, существовала цензура (ЛИТО, так называемое), через которую пройти было чрезвычайно сложно. Поэтому там название – очень такое, закамouflированное, что-то, там, «Автоматизированное управление чего-то», и это всё прошло через ЛИТО, было опубликовано. Но там тексты совсем ни про какое «автоматизированное...». И вот, там первая статья, довольно большая, страниц на 70 или на 80, – это как раз о категориях деятельности. Там Георгий Петрович это всё довольно подробно обсуждает.

Конечно, лучше читать, чем довольствоваться тем, что я сейчас говорю, поскольку я говорю очень бегло, очень кратко и только чуть-чуть помечая некоторые моменты.

Ещё одно достижение: в ММК разработано два совершенно разных типа представления «системы». Это так называемая «система I» и «система II».

«Система I» изображена на рис. 7.16. Это представление неких «натуральных объектов» как системных.

Вообще говоря, это, фактически, некое продвижение и некоторое развитие того системного подхода, который сформировался на Западе, и идёт от Людвиг фон Берта-ланфи. В отличие от методологов Московского Методологического Кружка, Берта-ланфи обсуждал по-простому: что такое система? Из чего она состоит? Что такое элементы? Что такое связи в системе?

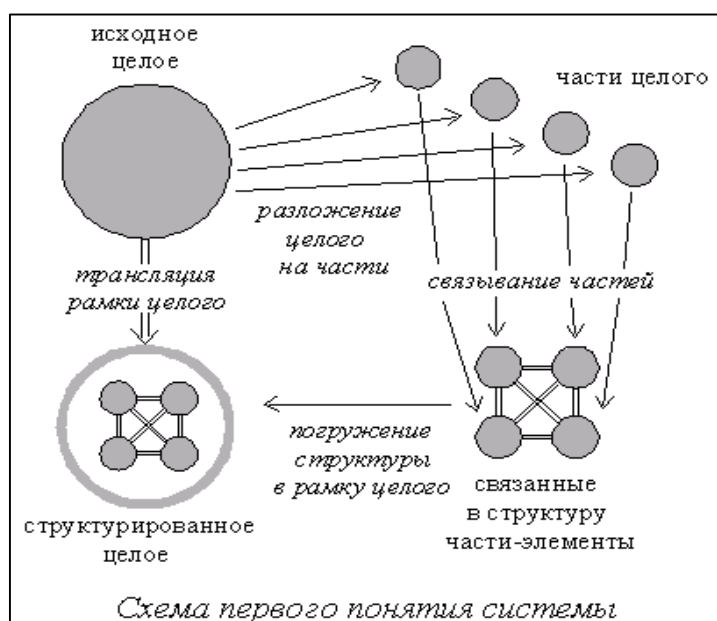

Рис. 7.16. Принцип «системы I»

А вот, как какой-нибудь натуральный объект можно превратить в систему? Какие операции необходимо проделать для того, чтобы появилась логическая возможность его трактовать как объект? – у Берталанфи этого нет. Нет ни у каких других системщиков: ни у Эшби, ни у всех остальных, которые жили на Западе, а потом и в Советском Союзе появились в 1960-70-х годах.

Из зала – Он же там какие-то тоже выделяет противоречия в самом этом понятии?

ЮБ – Это не он (не Берталанфи), это Дубровский выделял.

Из зала – Нет, там и у Берталанфи тоже есть эти вопросы.

ЮБ – Нет у Берталанфи. Он просто догматически трактует, что «все объекты есть системы». А с чего это, вдруг, они являются «системами»? – он про это не говорит. Такой, типично натуральный взгляд, или натуралистическое представление о системах. А Георгий Петрович и его сотоварищи показали, что любой «натуральный объект» можно трактовать как систему, если будут проделаны три типа операций. *Во-первых*, разложение целого на некие составляющие. *Во-вторых*, связывание этих составляющих в некую структуру. И, *в-третьих*, логическая операция погружения этой структуры в некую целостность.

Ну, и, вообще говоря, несмотря на то, что это называется «системным объектом» или просто «системой I» (цифра «I» – это для того, чтобы отличать от другого типа систем, который в ММК был разработан – «система II»), название здесь не совсем верное. Вообще-то говоря, правильно называть это не «системным», а «структурным представлением», поскольку здесь представлен всего лишь один из аспектов «системы». А вот другие аспекты, кроме «структурности», были, как раз, развиты в ММК. И это – прямое и только их достижение. Запад здесь не внёс ничего.

Второе представление «системы» предполагает расслоение любого объекта на пять логических планов (рис. 7.17). На любой объект можно смотреть как на «процесс»...

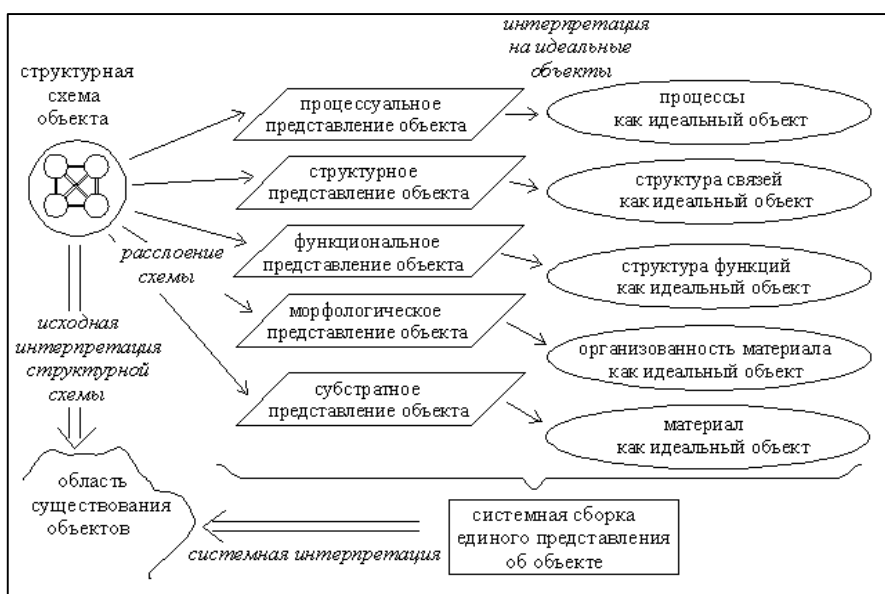

Рис. 7.17. Принцип «системы II»

Из зала – Это главное, да?

ЮБ – В деятельности – да. Но здесь не показано, что главное, а что – не главное. Но в принципе, поскольку это системное представление применительно к «системе деятельности», всякая деятельность формируется вокруг какого-то деятельностного процесса. А целостность процесса удерживается за счёт цели, которая ставится перед той или иной деятельностью. То есть с цели начинается какой-то деятельностный процесс, целью и заканчивается, когда в результате этой деятельности появляется продукт этой деятельности, который должен соответствовать поставленной цели. И, соответственно, процесс удерживает целостность этой системы деятельности, как потом стали говорить. Таким образом, выделяют первый срез (слой) – «процессуальный».

Второй срез системы – «структурный»... Фактически, это то, что здесь (в «системе I») в качестве единственного (в западной трактовке системности) выделяется.

Потом идёт третий слой – «функциональных отношений», или «функциональных мест». Это – представление того же самого объекта как некой «функциональной структуры», состоящей из «функциональных мест». А эти «функциональные места» выделяются, опять же, относительно того, чтобы деятельностная цель была достигнута. Эти «функциональные места», поскольку они пустые, задаются только связями между собой, и определяются в целом целью деятельности. Любая система деятельности функционирует для того, чтобы цель была достигнута.

Но эти места должны быть наполнены «материалом», соответственно, появляется четвёртый срез – это срез так называемой «морфологии материала». То есть материал должен быть определённого качества и определённым образом организован для того, чтобы его можно было поместить в соответствующее «функциональное место», и чтобы эта «функциональная структура» и, вообще, вся система деятельности заработала.

Ну, и, наконец, пятый срез – это срез «собственно, материала». Если предыдущий слой – это представление «материала» уже определённым образом организованного (или как говорят, «организованность материала»), то здесь – просто указание на то, что в разных системах деятельности принципиально разный материал используется, разной качественной определённости.

Ну, и выделение таких пяти слоев. Правда, по Дубровскому...

Из зала – Он говорил ещё что-то такое про «структуру связей»...

ЮБ – Да, я хотел именно про это сказать.

Виталий Яковлевич Дубровский – это ученик Георгия Петровича, который до сих пор эти вещи пытается осмысливать и продвигать. Недавно он приезжал из США, где постоянно живёт, и читал лекции в Москве, как раз, на эту тему (они есть на сайте). Он там (в лекциях) пытается показать, что вот этого слоя («структура связей»), на самом деле, в системном представлении деятельности не может быть. Это некая такая ошибка, или флуктуация, так скажем. И он обосновывает это тем, что в ММК (в частности, у ГП) не было показано, какие операции должны быть в обязательном порядке проделаны, чтобы в системе деятельности выделить «связи». Он утверждает, что

«связь» – это не первичная характеристика системы, а вторичная. «Связь» возникает всегда после того, как уже образована «структура». То есть сначала «структура», а внутри структуры – «связи». И любая структура не складывается из отдельных связей. Наоборот, связи вытекают из структуры. «Структурирование» осуществляется мгновенно, а не процессуально, не по частям. То есть нельзя из отдельных связей сложить структуру.

Из зала – Нельзя строить структуру?...

ЮБ – По шагам, да, нельзя. Можно строить, если уже заранее знаешь, что строишь. Как детские «Лего»: из отдельных элементиков какую-то известную структуру выстраиваешь. Но она...

Из зала – Она уже должна быть?

ЮБ – Да, она уже заранее существует, и сами эти элементики сделаны уже под определённую структуру. Можно раму сделать, заранее складывая из отдельных элементиков, но эти элементики уже заранее предполагали именно эту, конкретную структуру рамы.

Из зала – Ту или другую?

ЮБ – Ту или другую, да. Но, в любом случае, **такое системное представление, которое получило название «системный подход II», или просто «система II» – это явное и довольно серьёзное достижение ММК.** И при этом «система» проработана именно как «системная категория», причём – логическая категория.

Словосочетание «логическая категория» здесь совершенно не случайно, потому что среди очень многих крупных учёных и даже философов существует представление о том, что система – онтологична. То есть системы, якобы, существуют сами по себе как объекты.

С точки зрения методологов ММК, «система» – категория логическая. Это означает, что «система» задаёт метод движения и метод работы, метод рассуждения, метод деятельности. **Онтология здесь деятельностьная, а метод – системный,** и тогда возникает «система деятельности». То есть нужно работать системным образом, выделяя эти разные пласты, а потом их связывать определённым образом. И тогда может «вывалиться» система. А вовсе не наоборот.

Из зала – А у биологов какие системы? Они предполагают так же, как фон Бергаланфи?

ЮБ – Именно, как фон Бергаланфи. Они считают, что эти системы существуют естественно, а учёный их должен только описать. Т.е. онтологическое представление о системах.

Ещё одна разработка ММК – это так называемая категория «развитие» (рис. 7.18).

На самом деле, не «развития в целом», а так называемого «шага развития». То есть некий шаг, элементарная единица процесса развития, был разработан как категория.

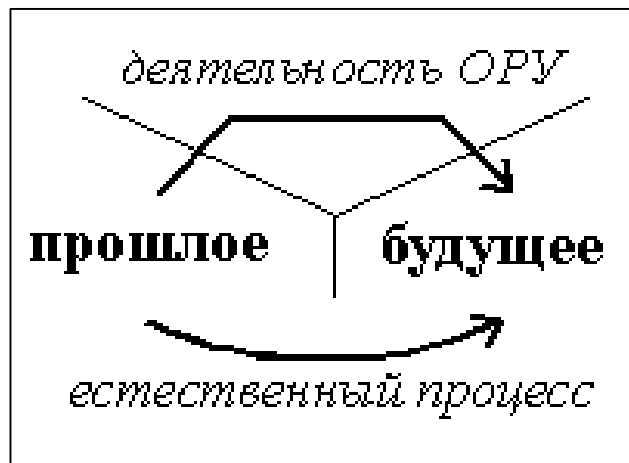

Рис. 7.18. «Шаг развития»

Здесь очень важно понимать следующее: «время» в методологии деятельности представляется не так, как оно закреплено, начиная со времен Ньютона, например, в физике. И в остальных науках это тоже заимствовано: есть некое «линейное время», которое разворачивается из «прошлого» в «будущее», и время членится на три неравных составляющих: длинное-длинное «прошлое», неопределённо длинное «будущее» и почти не существующее, только в виде мгновения, «настоящее». Эта «точка настоящего» по этой линии условного линейного разворачивания времени, якобы, перемещается независимо ни от чего с определённым темпом.

В методологии совершенно другое представление о времени. «Время» представляется состоящим из трёх таких топов: левый нижний топ (или место) – «прошлое»; правый нижний топ – это «будущее»; и вверху (третий топ) – это «настоящее». Если ничего не делать, то «прошлое» будет естественным образом перетекать в «будущее», становясь опять «прошлым». То есть вот эта линия (на схеме обозначено как «естественный процесс») будет перетекать сюда. Это – естественное течение времени: и люди, и всякие общественные организации будут просто оставаться в прошлом.

К слову, в физике даже этот, естественный процесс течения времени представляется прямо наоборот: там «будущее» на мгновение становится «настоящим», а затем необратимо превращается в «прошлое». Т.е. время течёт не из прошлого в будущее, а из будущего в прошлое. Иначе говоря, **наука подспудно предполагает нелепое: будущее законосообразно предопределено.**

А в методологии не так. В будущее, просто так, естественным образом, (тем более – по закону) попасть невозможно. Вот, Россия в настоящее время точно находится в безвременье. Она уже довольно длительное время пребывает в прошлом.

А для того, чтобы прорваться в будущее, нужно, *во-первых*, выйти в рефлексию относительно этого прошлого. То есть то, что здесь существует в этом левом нижнем секторе, должно по каким-то причинам (соображениям) не устраивать человека, группу лиц или целую страну. Люди должны сознательно отказаться от того, что в прошлом им не нравится, перейти в этот верхний сектор, который трактуется как «на-

стоящее» (причём, в этом «настоящем», в принципе, можно бесконечно долго находиться), пока не выработаешь представление о том, какое будущее представляется ценным (с какой-то точки зрения), и к чему нужно стремиться.

Вот эта верхняя ломаная линия-стрелочка, в отличие от нижней, символизирующей естественный процесс, – это «искусственно-техническое действие». То есть из прошлого попасть в будущее можно только через «настоящее», и только при реализации определённой деятельности, которая осуществляется под контролем особого типа деятельности, которая здесь символизируется как ОРУ (организация, руководство и управление). То есть **деятельность по организации некоего «будущего» может быть только управляемой деятельностью**. Соответственно, если удаётся здесь (в «настоящем») выработать какие-то проекты и найти условия их реализации, которые бы задавали жизнь, деятельность, организацию, всё остальное, отличное от того, что было в прошлом – только в этом случае появляется возможность оказаться в будущем.

Многие классики, в том числе даже Лев Толстой, говорили: «Будущего не существует, поскольку мы его делаем. И оно будет таким, каким мы его сделаем». А если мы его делать не будем, его и не будет.

Наконец, последнее достижение и последний рис. 7.19.

На самом деле, конечно, это далеко не последнее достижение, которое можно было бы выделить в работах Московского Методологического кружка, где методологи под руководством Георгия Петровича Щедровицкого внесли какой-то свой вклад в развитие учения о категориях...

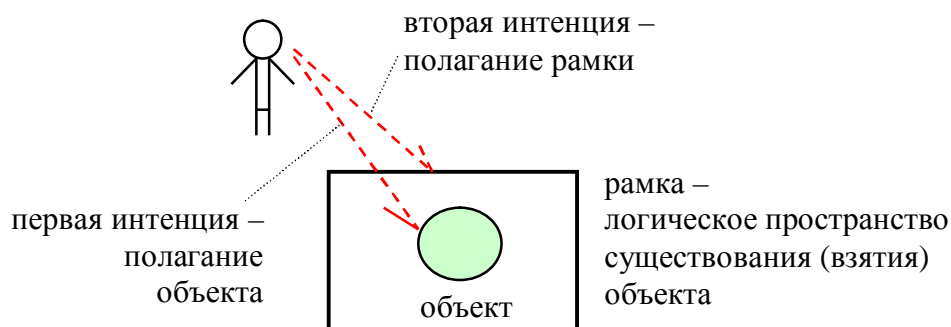

Рис. 7.19. Двойное полагание объекта

Например, я пропустил очень важный момент (это надо было ещё вначале сказать), что на самом первом этапе работы ММК, когда была выдвинута программа исследования называемого «языкового мышления», одним из важных результатов этого этапа, этой программы их работы было...

Из зала – Это когда они тексты анализировали?

ЮБ – В том числе, тексты анализировали. Когда была получена схема знания и так далее. Там одним из очень важных результатов была **проработка парной категории «форма и содержание»**. В отличие от предыдущих, например, аристотелевской «форма-материал», здесь «форма-содержание». Эта парная категория задавала так

называемый «антипараллелизм» движения мысли в «форме» и движения мысли в «содержании».

Вот, чего, например, наука не делает никогда. Если наука оформляет какое-то знание, то так, как она формально представляет знание, таким же образом, через эту же «призму», она смотрит и на объект изучения. Научные учёные думают, что объект изучения – точно такой же, как его формальное описание.

А методологам удалось оторвать «форму» от «содержания», и посмотреть на то и другое по-разному.

Из зала – То есть, если формально электрический ток – это «направленное движение заряженных частиц», то так оно и есть и в реальности? Частицы движутся по проводам?

ЮБ – Да, так оно и есть, с точки зрения науки физики. Хотя это – полный бред.

А в методологии отдельно анализируется «содержание», отдельно анализируется «форма», и они – разные. И этот, так называемый антипараллелизм «формы» и «содержания», позволил работать с деятельностными объектами, позволил анализировать меняющееся содержание и для него вырабатывать другую форму. И тем самым менять содержание. И многие разные другие вещи ещё делать.

А здесь, на **рис. 7.19**, представлен принцип так называемой «двойной интенциональности» в методологическом мышлении.

На картинке здесь – деятельностная позиция, и она всегда должна иметь две интенции. Так называемая «первая интенция» – это полагание объекта и его категоризация, а вторая интенция... Вот чего, опять же, не делает ни один научный учёный: в обязательном порядке, за полаганием объектов должна следовать вторая интенция, или полагание той деятельностной рамки, где этот объект либо может существовать (если это естественное представление объекта), либо рамки, в которую он может быть взят определённым деятельностным отношением.

При этом вот эта рамка и её сплошной светлый фон не должны вас вводить в заблуждение своей такой аморфностью и неопределённостью – один ровненький сплошной фон. На самом деле, **любая рамка – это «структура действия», это – «способ работы».**

Например, объект может быть взят в рамке проектирования, и тогда фон будет символизировать культурно нормированный способ работы проектировщика, который позволяет совершенно определённым образом действовать с объектом.

Объект может быть взят в рамке исследования, и тогда, соответственно, будет другой культурный способ работы.

Даже с этими бытовыми объектами (показывает на вещи вокруг) – то же самое: любой объект может быть взят в рамке торговой деятельности, и тогда он будет представляться как «товар». И способ работы с ним – как его можно продать подороже и повыгодней.

Тот же самый объект, перемещаясь в другое пространство, например, в помещение жилья или в какое-то другое, он, соответственно, может дальше использовать-

ся в рамке, например, эксплуатации. Его уже совсем другим способом используют. И так – по любому поводу.

Всякое деятельностное отношение, выстраивание деятельностного процесса всегда предполагает наслаивание одних рамок на другие. То, что до этого бралось в одной рамке, потом перетекает в другую и начинает использоваться по-другому, потом перетекает в третью... И так далее.

Принцип такой двойной интенциональности совершенно необходим, и как только теряешь эту вторую интенцию, а начинаешь пялиться только на объект...

Из зала – Рамку даже не видишь?

ЮБ – Да. Учёные, поскольку у них не развита рефлексия, особенно такая, методологическая рефлексия относительно средств своей работы, могут сколько угодно заниматься со своим объектом, не видя, в какой рамке они это делают. А тот, кто способен отрефлексировать способ своей работы, может (при желании, при определённом напряжении и умении) эту рамку заменить и получить совершенно другой, новый результат.

Из зала – С этим же объектом?

ЮБ – С этим же объектом.

Соответственно, и «объект», и «рамка» его употребления должны совершенно определённым образом категоризоваться. То есть не просто, как я сейчас сказал, для бытовых вещей, а использоваться в тех или иных категориальных представлениях.

Вот, собственно говоря, это всё то, что я должен был проговорить по теме «Категории». Может быть, вопросы какие-то есть?

Из зала – Все вопросы уже прозвучали.

ЮБ – Тогда на этом закончим. Спасибо за внимание.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев Д. А. Механизмы капитализации компаний [Электронный ресурс] / Д. А. Алексеев. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2011. – 150 с. – Электрон. версия печат. публ. – Режим доступа: <http://berezkin.info/wp-content/uploads/2011/02/Alekseev-Mehanizmy-kapitalizacii.pdf> (дата обращения: 30.01.2012).
2. Алексеев Н. Г. Рефлексия [Электронный ресурс] / Н. Г. Алексеев. – Режим доступа: <http://berezkin.info/wp-content/uploads/2011/02/Alekseev-NG-Refleksiya.doc> (дата обращения: 30.01.2012).
3. Аристотель. Категории [Электронный ресурс] // Сочинения : в 4 т. / Аристотель. – М., 1978. – Т. 2. – С. 51–90. – Электрон. версия печат. публ. – Режим доступа: http://berezkin.info/?page_id=672 (дата обращения: 30.01.2012).
4. Аристотель. Метафизика / Аристотель ; пер. с греч. А. В. Кубицкого. – М. : Эксмо, 2006. – 608 с.
5. Аристотель. Физика [Электронный ресурс] / Аристотель // Философы Греции. Основы основ : Логика. Физика. Этика. – Харьков : ЭКСМО-Пресс, 1999. – 1056. – Электрон. версия печат. публ. – Режим доступа: http://berezkin.info/?page_id=672 (дата обращения: 30.01.2012).
6. Бергсон А. Творческая эволюция [Электронный ресурс] / А. Бергсон ; пер. с фр. В. А. Флеровой. – М. : КАНОН-Пресс : Кучково поле, 1998. – 384 с. – Электрон. версия печат. публ. – Режим доступа: <http://berezkin.info/wp-content/uploads/2011/02/Bergson.doc> (дата обращения: 30.01.2012).
7. Берёзкин Ю. М. Занимательные финансы : пособие для старших школьников [Электронный ресурс] / Ю. М. Берёзкин. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2010. – 50 с. – Электрон. версия печат. публ. – Режим доступа: <http://berezkin.info/wp-content/uploads/2010/12/zanimatelnye-finansy.pdf> (дата обращения: 30.01.2012).
8. Berezkin.info [Электронный ресурс] : персон. сайт Ю. М. Берёзкина. – Режим доступа: <http://www.berezkin.info> (дата обращения: 30.01.2012).
9. Берёзкин Ю. М. Проблемы и способы организации финансов [Электронный ресурс] / Ю. М. Берёзкин. – 2-е изд. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2006. – 248 с. – Электрон. версия печат. публ. – Режим доступа: http://berezkin.info/?page_id=2 (дата обращения: 30.01.2012).
10. Берёзкин Ю. М. Семь прикосновений к методологии [Электронный ресурс] / Ю. М. Берёзкин. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2010. – 257 с. – Электрон. версия печат. публ. – Режим доступа <http://berezkin.info/wp-content/uploads/2010/12/Sem-prikosnovenii-k-metodologii.doc> (дата обращения: 30.01.2012).

11. Берталанфи Л. Общая теория систем – критический анализ / Л. Берталанфи // Исследование по общей теории систем : сб. переводов / общ. ред. В. Н. Садовского, Э. Г. Юдина. – М. : Прогресс, 1969. – С. 23–82.
12. Бор Н. Атомная физика и человеческое познание / Н. Бор. – М. : Иностранная литература, 1961. – 152 с.
13. Бэкон Ф. Сочинения : в 2 т. [Электронный ресурс] / Ф. Бэкон. – М. : Мысль, 1978. – Т. 2 : Новый органон. – 575 с. – Электрон. версия печат. публ. // Цифровая библиотека по философии. – Режим доступа: <http://www.filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000451/index.shtml> (дата обращения: 30.01.2012).
14. Вебер М. Избранные труды / М. Вебер. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.
15. Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине [Электронный ресурс] / Н. Винер. – М. : Наука, 1983. – 344 с. – Электрон. версия печат. публ. // Библиотека Михаила Грачева. – Режим доступа: <http://www.grachev62.narod.ru/cybern/contents.htm> (дата обращения: 30.01.2012).
16. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн ; пер. с нем. И. Добронравова, Д. Лахути ; общ. ред. и предисл. В. Ф. Асмуса. – М. : Наука, 2009. – 133 с.
17. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер ; пер. с нем., вступ. ст. Б. Н. Бессонова. – М. : Прогресс, 1988. – 704 с.
18. Галилей Г. Диалоги о двух главнейших системах мира – птолемеевой и коперниковой [Электронный ресурс] / Г. Галилей. – М. : ГИТТЛ, 1948. – 380 с. – Электрон. версия печат. публ. // Астрономия и телескопы. – Режим доступа: <http://www.telescop.ucoz.ru/index/0-122> (дата обращения: 30.01.2012).
19. Гегель Г. Наука логики [Электронный ресурс] / Г. Ф. В. Гегель. – СПб. : Наука, 1997. – 443 с. – Электрон. версия печат. публ. // Philosophy.ru : философский портал. – Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/hegel/logic.html> (дата обращения: 30.01.2012).
20. Гегель Г. Феноменология духа [Электронный ресурс] / Г. Ф. В. Гегель. – СПб. : Наука, 1992. – XLVII, 444 с. – Электрон. версия печат. публ. – Режим доступа: <http://www.psylib.org.ua/books/gegel02/index.htm>.
21. Генисаретский О. И. Методология и институциональная организация исследовательских проектов [Электронный ресурс] / О. И. Генисаретский. – Режим доступа: http://berezkin.info/?page_id=235 berezkin.info/ (дата обращения: 30.01.2012).
22. Генисаретский О. И. О материале проектирования [Электронный ресурс] : [докл. на методол. шк., 15 июля 2001 г.] / О. И. Генисаретский. – Режим доступа: http://berezkin.info/?page_id=235 (дата обращения: 30.01.2012).

23. PROMETA [Электронный ресурс] / Ин-т гуманитар. партнерства «Путь» ; под рук. О. И. Генисаретского. – Режим доступа: <http://www.prometa.ru> (дата обращения: 30.01.2012).
24. Генисаретский О. И. Пространства рефлексивных состояний [Электронный ресурс] / О. И. Генисаретский // Навигатор: методологические расширения и продолжения. – М. : Путь, 2003. – С. 73–92. – Электрон. версия печат. публ. – Режим доступа: http://berezkin.info/?page_id=235 (дата обращения: 30.01.2012).
25. Громыко Ю. В. Мыследеятельность : курс лекций : в 3 кн. / Ю. В. Громыко. – М. : Пушкинский ин-т, 2005. – Кн. 2 : Введение в методологию. – 480 с. : ил.
26. Гуссерль Э. Феноменология [Электронный ресурс] / Э. Гуссерль. – Режим доступа: <http://berezkin.info/wp-content/uploads/2011/02/Husserl.doc> (дата обращения: 30.01.2012).
27. Декарт Р. Первоначала философии (1644 г.) [Электронный ресурс] / Р. Декарт. – Режим доступа: <http://www.istina.rin.ru>.
28. Декарт Р. Рассуждение о методе [Электронный ресурс] / Р. Декарт. – Режим доступа: <http://berezkin.info/wp-content/uploads/2011/02/Dekart.doc> (дата обращения: 30.01.2012).
29. Дубровский В. Я. Введение в СМД-методологию. Пять публичных лекций (Москва, 6 окт.–1 нояб. 2008 г.) [Электронный ресурс] / В. Я. Дубровский. – Электрон. версия печат. публ. – Режим доступа: http://berezkin.info/?page_id=238 (дата обращения: 30.01.2012).
30. Зинченко А. П. Ремесло методолога [Электронный ресурс] : [доклад] / А. П. Зинченко. – Режим доступа: http://berezkin.info/?page_id=325 (дата обращения: 30.01.2012).
31. Кант И. Критика чистого разума [Электронный ресурс] / И. Кант ; пер. с нем. Н. Лосского. – М. : Эксмо, 2006. – 760 с. – (Антология мысли). – Электрон. версия печат. публ. – Режим доступа: http://berezkin.info/?page_id=672 (дата обращения: 30.01.2012).
32. Кассирер Э. Познание и действительность. Понятие о субстанции и понятие о функции [Электронный ресурс] / Э. Кассирер. – Режим доступа: http://berezkin.info/?page_id=672 (дата обращения: 30.01.2012).
33. Кондильяк Э. Б. Сочинения : в 3 т. : пер. с фр. / Э. Б. Кондильяк ; общ. ред. и прим. В. М. Богуславского. – М. : Мысль, 1980–1983. – (Философское наследие).
34. Конт О. Курс позитивной философии [Электронный ресурс] / О. Конт // Антология мировой философии. – М., 1971. – Т. 3. – С. 584–586. – Электрон. версия печат. публ. // Кафедра социологии и гуманитар. культуры Моск. инженер.-физ. ин-та

(МИФИ). – Режим доступа: http://www.sociology.mephi.ru/docs/sociologia/html/kont_positive_philosophy.html (дата обращения: 30.01.2012).

35. Копылов Г. Г. Хроника загубленного мира : (о том, как злокозненный Вольтер целый мир погубил) [Электронный ресурс] / Г. Г. Копылов // Кентавр. – 1997. – № 17. – С. 10–19. – Электрон. версия печат. публ. – Режим доступа: http://berezkin.info/?page_id=227 (дата обращения: 30.01.2012).

36. Кун Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М. : АСТ, 2001. – 608 с.

37. Курнаков Н. С. Введение в физико-химический анализ / Н.С. Курнаков. – М. : Изд-во АН СССР, 1940. – 562 с.

38. Лакатос И. История науки и её рациональные реконструкции [Электронный ресурс] / И. Лакатос. – Режим доступа: <http://www.circleplus.ru/biblio/>.

39. Левинтов А. Е. Рефлексия [Электронный ресурс] / А. Е. Левинтов : персон. сайт А. Е. Левинтова. – Режим доступа: <http://www.redshift.com/~alevintov/> (дата обращения: 30.01.2012).

40. Левин К. Избранные труды. Динамическая психология [Электронный ресурс] / К. Левин ; под общ. ред. Д. А. Леонтьева, Е. Ю. Патяевой. – М. : Смысл, 2001. – 570 с. – Электрон. версия печат. публ. // Книжный архив. – Режим доступа: <http://www.klex.ru/7hl> (дата обращения: 30.01.2012).

41. Лега В. П. Философия нового времени [Электронный ресурс] / В. П. Лега. Картезианство / Р. Декарт. – Режим доступа: <http://www.sedmiza.ru>text/431772.html> (дата обращения: 30.01.2012).

42. Лейбниц Г. В. Новые опыты о человеческом разуме [Электронный ресурс] / Г. В. Лейбниц. – Режим доступа: http://www.nibiyukov.narod/nbr/teaching_library/book.

43. Лефевр В. А. Конфликтующие структуры [Электронный ресурс] / В. А. Лефевр. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Советское радио, 1973. – 158 с. – Электрон. версия печат. публ. – Режим доступа: http://berezkin.info/?page_id=278 (дата обращения: 30.01.2012).

44. Локк Дж. Сочинения : в 3 т. Т. 1 : Опыт о человеческом разумении [Электронный ресурс] / Дж. Локк. – М. : Мысль, 1985. – 621 с. – Электрон. версия печат. публ. // Цифровая библиотека по философии. – Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000468/index.shtml> (дата обращения: 30.01.2012).

45. Луман Н. Власть / Н. Луман ; пер. с нем. А. Ю. Антоновского. – М. : Праксис, 2001. – 256 с. – Электрон. версия печат. публ. [Электронный ресурс] //

Berezkin.info : персон. сайт Ю. М. Березкина. – Режим доступа: <http://berezkin.info/wp-content/uploads/2011/02/Luman.doc> (дата обращения: 30.01.2012).

46. Макконел К. Экономикс / К. Макконел, С. Брю. – М. : Инфра-М, 2003. – 983 с.

47. Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеалы рациональности / М. К. Мамардашвили. – 2-е изд. – М. : Лабиринт, 1994. – 90 с. – Электрон. версия печат. публ. [Электронный ресурс] // Berezkin.info : персон. сайт Ю. М. Березкина. – Режим доступа: http://berezkin.info/?page_id=280 (дата обращения: 30.01.2012).

48. Мангейм К. Идеология и утопия: Диагноз нашего времени / К. Мангейм. – М. : Юрист, 1994. – 700 с. – Электрон. версия печат. публ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://krotov.info/libr_min/m/mercury/manheim0.html.

49. Маркс К. Капитал : в 3 т. [Электронный ресурс] / К. Маркс // Berezkin.info : персон. сайт Ю. М. Березкина. – Режим доступа: http://berezkin.info/?page_id=672 (дата обращения: 30.01.2012).

50. Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 г. [Электронный ресурс] / К. Маркс, Ф. Энгельс // Berezkin.info : персон. сайт Ю. М. Березкина. – Режим доступа: http://berezkin.info/?page_id=672 (дата обращения: 30.01.2012).

51. Менделеев Д. И. Сочинения [Электронный ресурс] / Д. И. Менделеев. – М. ; Л., 1950–1952. – Т. 18–21 : Экономические работы. – Электрон. версия печат. публ. // Наблюдизмы и размыслизмы : liveJornal Nilsky Nikolay. – Режим доступа: <http://nilsky-nikolay.livejournal.com/243143.html> (дата обращения: 30.01.2012).

52. Методология в России [Электронный ресурс] // Кентавр : сетевой журнал. – Режим доступа: <http://www.circleplus.ru> (дата обращения: 01.02.2012).

53. Мизес Л. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории [Электронный ресурс] / Л. Мизес. – Режим доступа: http://berezkin.info/?page_id=672 (дата обращения: 01.02.2012).

54. Некоммерческий институт развития [Электронный ресурс] / Научный фонд имени Г. П. Щедровицкого : сайт. – Режим доступа: <http://www.fondgp.ru>.

55. Ньютон И. Математические начала натуральной философии / И. Ньютон ; пер. с лат. и прим. А. Н. Крылова. – М. : Наука, 1989. – 688 с.

56. Парибок А. Методологические аспекты буддизма (доклад 29 сентября 2005 г.) [Электронный ресурс] / А. Парибок. – Режим доступа: <http://berezkin.info/wp-content/uploads/2011/02/Paribok.doc.berezkin.info> (дата обращения: 01.02.2012).

57. Петров М. К. Пентеконтера: в первом классе европейской школы мысли [Электронный ресурс] / М. К. Петров // История естествознания. – 1987. – № 3. – Электрон. версия печат. публ. // Альманах «Восток». – 2005. – № 1–2. – Режим доступа: http://www.situation.ru/app/j_art_739.htm (дата обращения: 01.02.2012).

58. Платон. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 1 / Платон ; общ. ред А. Ф. Лосева. – М. : Мысль, 1990. – 860 с.
59. Попов С. В. Организация хозяйства в России / С. В. Попов. – Омск : Курьер, 1999. – 288 с.
60. Попов С. В. Лекции в ГУ-ВШЭ [Электронный ресурс] / С. В. Попов // Berezkin.info : персон. сайт Ю. М. Березкина. – Режим доступа: http://berezkin.info/?page_id=146 (дата обращения: 01.02.2012).
61. Попов С. В. Методология организации общественных изменений [Электронный ресурс] / С. В. Попов // Кентавр. – 2001. – № 26. – Электрон. версия печат. публ. // Berezkin.info : персон. сайт Ю. М. Березкина. – Режим доступа: http://berezkin.info/?page_id=146 (дата обращения: 01.02.2012).
62. Попов С. В. О построении понятий [Электронный ресурс] / С. В. Попов. – Режим доступа: // Berezkin.info : персон. сайт Ю. М. Березкина. – Режим доступа: http://berezkin.info/?page_id=146 (дата обращения: 01.02.2012).
63. Попов С. В. Построение методологии общественных дисциплин [Электронный ресурс] : материалы рабочего семинара ММАСС // Berezkin.info : персон. сайт Ю. М. Березкина. – Режим доступа: http://berezkin.info/?page_id=146 (дата обращения: 01.02.2012).
64. Попов С. В. Тренинг Попова в Иркутске [Электронный ресурс] / С. В. Попов // Berezkin.info : персон. сайт Ю. М. Березкина. – Режим доступа: http://berezkin.info/?page_id=146 (дата обращения: 01.02.2012).
65. Попов С. В. Дело о Байкале [Электронный ресурс] : первая Международная социально-экологическая экспертиза «Байкал», 15–31 октября 1988 г. : публ. материалов / С. В. Попов, П. Г. Щедровицкий ; под ред. М. Г. Мееровича, Ю. М. Березкина, В. С. Сбитнева. – Иркутск, 1999. – 258 с. – Электрон. версия печат. публ. – Режим доступа: <http://berezkin.info/wp-content/uploads/2011/01/Popov-Delo-o-Baikale-Stenogramma.pdf> (дата обращения: 01.02.2012).
66. Попов С. В. Лекции в Иркутске 1999 г. [Электронный ресурс] / С. В. Попов // Berezkin.info : персон. сайт Ю. М. Березкина. – Режим доступа: http://berezkin.info/?page_id=146 (дата обращения: 01.02.2012).
67. Поппер К. Логика и рост научного знания [Электронный ресурс] : избранные работы / К. Поппер ; общ. ред В. Н. Садовского. – М. : Прогресс, 1983. – Электрон. версия печат. публ. – Режим доступа: <http://berezkin.info/wp-content/uploads/2011/02/Pop.pdf> (дата обращения: 01.02.2012).
68. Поппер К. Открытое общество и его враги [Электронный ресурс] / К. Поппер // Berezkin.info : персон. сайт Ю. М. Березкина. – Режим доступа: http://berezkin.info/?page_id=672 (дата обращения: 01.02.2012).

69. Портал: 1-й Социально-инженерный парк «Будущая Россия» [Электронный ресурс] / админ. Е. П. Смирнов. – Режим доступа: <http://www.park.futurerussia.ru> (дата обращения: 01.02.2012).
70. Райл Г. Категории [Электронный ресурс] / Г. Райл // Berezkin.info : персон. сайт Ю. М. Березкина. – Режим доступа: http://berezkin.info/?page_id=672 (дата обращения: 01.02.2012).
71. Раппапорт А. Г. Блог «Башня и лабиринт» [Электронный ресурс] / А. Г. Раппапорт. – Режим доступа: <http://www.papardes.blogspot.com> (дата обращения: 01.02.2012).
72. Рассел Б. Человеческое познание: его сферы и границы [Электронный ресурс] / Б. Рассел. – Режим доступа: http://www.royallib.ru/book/rassel_bertran/chelovecheskoe_poznanie_ego_sferi_i_granitsi.html (дата обращения: 01.02.2012).
73. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре [Электронный ресурс] / Г. Риккерт // Культурология XX века. Антология. – М., 1995. – С. 69–101. – Электрон. версия печат. публ. – Режим доступа: http://berezkin.info/?page_id=672 (дата обращения: 01.02.2012).
74. Розин В. М. Культурология / В. М. Розин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Гардемарин, 2003. – 462 с.
75. Система Линнея [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.e-drofa/materials/bio9/0124-sistema-linneya.html> (дата обращения: 02.02.2012).
76. Сорос Дж. Алхимия финансов [Электронный ресурс] / Дж. Сорос // Berezkin.info : персон. сайт Ю. М. Березкина]. – Режим доступа: http://berezkin.info/?page_id=672 (дата обращения: 01.02.2012).
77. Субетто А. И. Разум и Анти-Разум (Что день грядущий нам готовит? Начало, очерки 1–3) [Электронный ресурс] / А. И. Субетто. – Режим доступа: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0012/001a/00120103.htm> (дата обращения: 02.02.2012).
76. Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку [Электронный ресурс] / Б. Л. Уорф ; пер. Л. Н. Натан, Е. С. Турковой. – Режим доступа: http://www.philosophy.ru/library/*whorf/01.html (дата обращения: 01.02.2012).
77. Фейрабенд П. Избранные труды по методологии науки / П. Фейрабенд. – М., 1986.
78. Фихте И. Факты сознания. Назначение человека. Наукоучение [Электронная версия] : пер. с нем / И. Фихте. – Минск : Харвест ; М. : АСТ, 2000. – 784 с. – Электрон. версия печат. публ. – Режим доступа: http://www.knigonosha.com.ua/lib/Nauka/Fihte_Iogann/Fakty_soznaniya._Naznachenie_cheloveka._Naukouchenie/?page=1 (дата обращения: 01.02.2012).

80. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – М. : Прогресс, 1977. – 407 с.
81. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности : работы разных лет / М. Фуко. – М. : Изд-во Касталь, 1996. – 448 с.
82. Хайдеггер М. Бытие и время [Электронный ресурс] / М. Хайдеггер. – Режим доступа: http://www.heidegger.ru/heidegger/bytie_i_vremya_screen.pdf.
83. Хайдеггер М. Что значит мыслить [Электронный ресурс] / М. Хайдеггер // Berezkin.info : персон. сайт Ю. М. Березкина. – Режим доступа: http://berezkin.info/?page_id=672 (дата обращения: 01.02.2012).
84. Хайек Ф. Пагубная самонадеянность: ошибки социализма / Ф. Хайек ; под ред. У. У. Бартли. – М. : Новости, 1992. – 304 с.
85. Хейзинга Й. Осень Средневековья [Электронный ресурс] / Й. Хейзинга. – М. : Прогресс, 1995. – Электрон. версия печат. публ. – Режим доступа: <http://www.lib.rus.ec/b/159057> (дата обращения: 01.02.2012).
86. Шайхутдинов Р. Охота на власть / Р. Шайхутдинов. – М. : Миди Принт, 2005. – 328 с. – (Политическое ориентирование).
87. Щедровицкий Г. П. Избранные труды [Электронный ресурс] / Г. П. Щедровицкий. – М. : Школа культурой политики, 1995. — 800 с. – Электрон. версия печат. публ. // Berezkin.info : персон. сайт Ю. М. Березкина. – Режим доступа: http://berezkin.info/?page_id=171 (дата обращения: 02.02.2012).
88. Щедровицкий Г. П. Исходные представления и категориальные средства теории деятельности [Электронный ресурс] / Г.П. Щедровицкий // Разработка и внедрение автоматизированных средств в проектировании (теория и методология. – М., 1975. – Электрон. версия печат. публ. – Режим доступа: http://berezkin.info/?page_id=171 (дата обращения: 02.02.2012).
89. Щедровицкий Г. П. Лекции в Союзморниипроекте, 1984 г. [Электронный ресурс] / Г. П. Щедровицкий. – Режим доступа: http://berezkin.info/?page_id (дата обращения: 02.02.2012).
90. Щедровицкий Г. П. Философия. Наука. Методология [Электронный ресурс] / Г. П. Щедровицкий ; ред.-сост. А. А. Пископель, В. Р. Рокитянский, Л. П. Щедровицкий. – М. : Школа культурной политики, 1995. – 656 с. – Электрон. версия печат. публ. – Режим доступа: <http://www.psymoet.com/clubmoet/metakm/metakmlib/metakmlib07.html> (дата обращения: 02.02.2012).
91. Щедровицкий Г. П. Схема мыследеятельности – системно-структурное строение, смысл и содержание [Электронный ресурс] // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. 1986. – М., 1987. – С. 124–146. – Электрон.

версия печат. публ. – Режим доступа: <http://berezkin.info/?page id=171> ГП Избранные труды Черная серия. – С. 281–298 (дата обращения: 02.02.2012).

92. Щедровицкий П. Г. Метаметодология проектирования [Электронный ресурс] : (доклад на методологической школе, 2001 г.) / П. Г. Щедровицкий. – Режим доступа: <http://berezkin.info/?page id=171> (дата обращения: 02.02.2012).

93. Щедровицкий П. Г. Курс лекций по философии управления [Электронный ресурс] / П. Г. Щедровицкий ; ГУ ВШЭ. – Режим доступа: <http://berezkin.info/?page id=171> (дата обращения: 02.02.2012).

94. Щедровицкий П. Г. Изменения в мышлении на рубеже XXI столетия [Электронный ресурс] : социо-культурные вызовы и последствия использования рамочных техник / П. Г. Щедровицкий.– Режим доступа: <http://berezkin.info/?page id=171> (дата обращения: 02.02.2012).

95. Шлейермахер Ф. Академические речи 1829 г. [Электронный ресурс] / Ф. Шлейермахер ; пер. Е. М. Ананьева. – М. : Науч. издание, 1987. – 218 с. – Электрон. версия печат. публ. – Режим доступа: <http://www.lib.izmailonline.com/textbooks/philosophy/1241-akademicheskie-rechi-1829-goda-shleyermaher-fde.html> (дата обращения: 01.02.2012).

96. Шумпетер Й. Теория экономического развития [Электронный ресурс] / Й. Шумпетер. – М. : Прогресс, 1982. – 401 с. – Электрон. версия печат. публ. – Режим доступа: <http://www.institutiones.com/download/books/713-teoriya-economiceskogo-razvitiya.html> (дата обращения: 01.02.2012).

Научное издание

Берёзкин Юрий Михайлович

ОСНОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТНОЙ МЕТОДОЛОГИИ

Издаётся в авторской редакции

Технический редактор Н.А. Князева

ИД № 06318 от 26.11.01.

Подписано в печать 07.02.12. Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная.

Печать трафаретная. Усл. печ. л. 22,2. Тираж 100 экз.

Заказ .

Издательство Байкальского государственного университета
экономики и права.

664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

Отпечатано в ИПО БГУЭП.